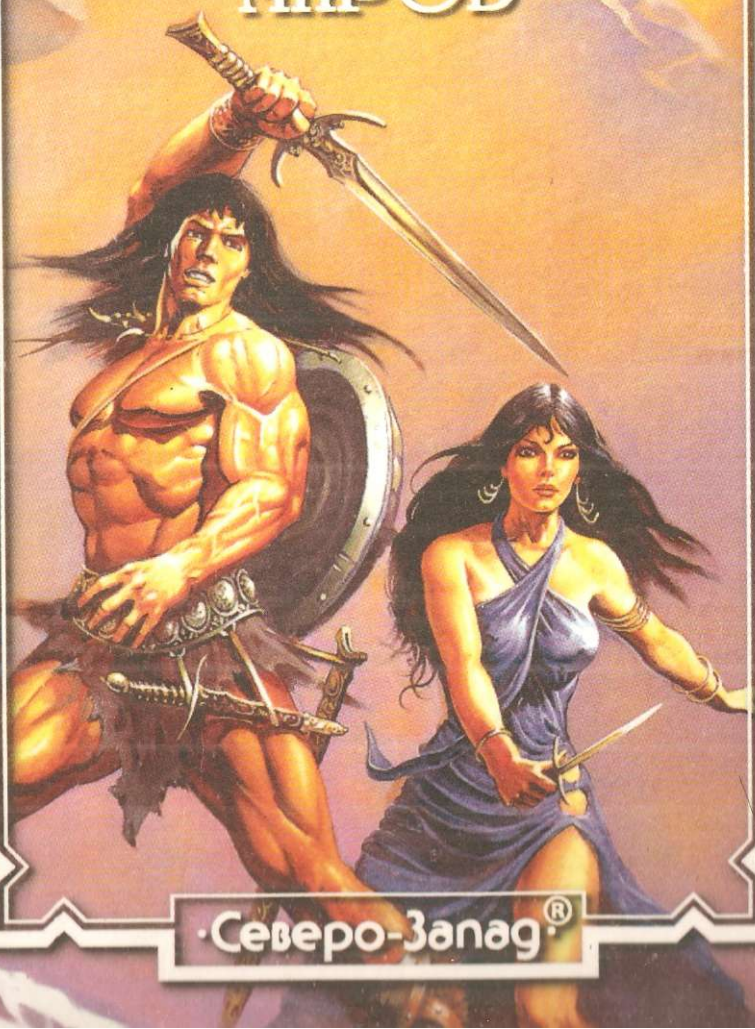

КОНАН™

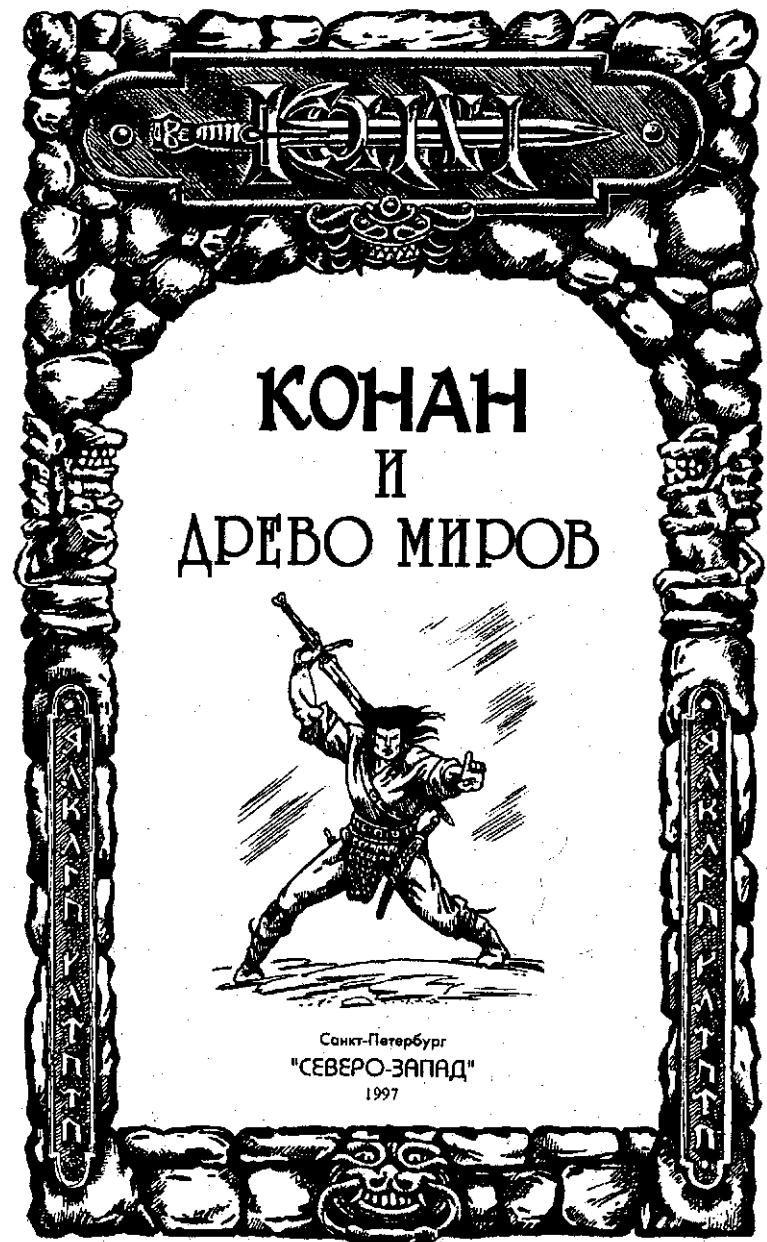
КОНАН И ДРЕВО МИРОВ

Северо-Занэг®

КОНАН И ДРЕВО МИРОВ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820 (73)
ББК 84(7США)
К 64

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 64 **Конан и Древо Миров: Роман.** — СПб.: «Северо-Запад», 1997. — 576 с.

ISBN 5-7906-0043-3.

«Сагу о Конане» продолжает роман «Древо Миров», где читатель вместе с героями окупается в мир головокружительных приключений, где клинки и отважные сердца противостоят черному колдовству.

К 8200000000

ББК 84 (7США)

© Обложка. К. Kelly, 1986

© Составление и подготовка текста, серийное оформление обложки и форзаца.

«Северо-Запад», 1997

ISBN 5-7906-0043-3

Часть первая
НАВАЖДЕНИЕ

Глава первая
ЧЕРНОКНИЖНИК

Беглец, отвергнутый богами,
Твой путь во мрачную юдоль
Лежит под сбитыми ногами
Вперед и вниз... Земную боль
Ты оставляешь за плечами.

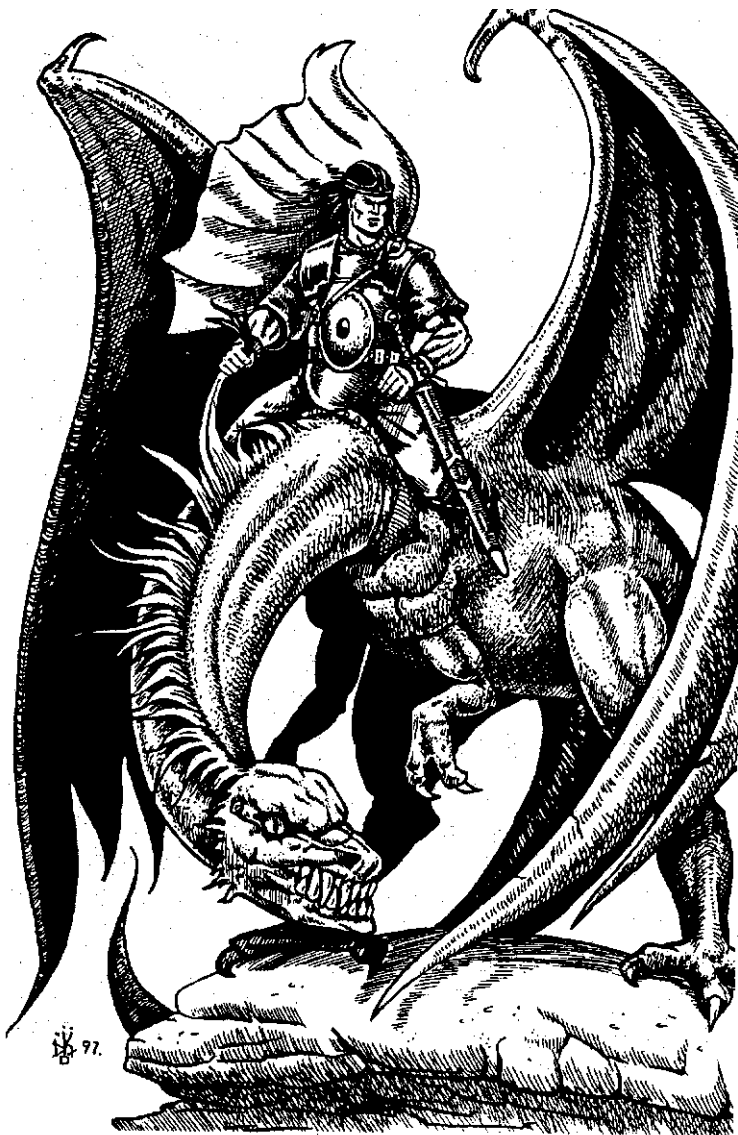
Кофир Иантский.
«Беглец», II, IV

Нергал бы задрал эту кошку!
Под ногами чавкает, брызги зловонной жидкости
летят на подол кафтана, и шитье, скромное, но со
вкусом исполненное, давно скрылось под налипшей гря-
зью. Не говоря уже о сапогах. Добрая кордавская кожа
задубела от нечистот, подошвы сожрала едкая дрянь. И
вонь... Она забирается в ноздри, подобно клубку мел-
ких червей, и разъедает нутро, язвит и разъедает...

Эм сибро тена бардег! Нет ему дела до воню. Нет
ему дела до грязи, хлюпающей под ногами, нет дела до
сапог и платья. *Эм тена бардег сина!*

Но кошка, эта проклятушая кошка, достойна веч-
ных мук, Нергал ее задери!

Не он ли приготовил для нее покрытый лаком ларец,
не он ли положил внутрь подстилку из сухой травы, не
он ли снабдил неблагодарное животное пищей на три
дня: хлебом, напитанным водой из чаши Митры, и

кашей вперемесь с жареными потрохами? Ларец был заказан у Жакоба Коротконого, лучшего мастера Плотницкого Конца, а лак он сам купил у аргосского купца, заплатив втридорога. И одиннадцать отверстий были просверлены по всем правилам, и трубки надежно соединили их с поверхностью земли, так что кошка могла свободно дышать. Три дня, а вернее, всего лишь три ночи надлежало просидеть животине там, где ее зарыли: на перекрестке трех дорог в двух лигах от Тарантии, и тогда...

Богуз невольно выругался и тут же вновь произнес заклинание, отрешающее от мирской суеты. Душившее его негодование старался подавить, страхась утратить остатки сил.

Писк и скрежет за ближайшим поворотом заставили его ускорить шаг. Серый комок теплой, дурно пахнущей плоти таился за пазухой, и Богуз невольно поглаживал узкие головки, забыв о том, что твари могут в любой миг прокусить ладонь маленькими острыми зубами даже сквозь перчатки.

О Нергуз, истинный бог всех магов! Слуга твой покорен, но, право, слишком длинны пути, ведущие к тебе!

Случилось так, что пастухи, гнавшие своих овец на пастбище, проходили, по своему обыкновению, через этот перекресток. Собаки их приняхались и учуяли запах кошки; они быстро нашли место, где она была зарыта, и принялись скрести и рыть землю своими когтями, как если бы нашли крота, — да с таким рвением, что, как рассказывают, пастухи не могли согнать их с места. Увидев сие, их хозяева приблизились и услышали кошачье мяуканье, доносившееся из-под земли. Это повергло их в крайнее изумление. И, видя, что собаки продолжают скрести землю, один из пастухов, бывший расторопнее других, пошел и рассказал об этом судейщику в ближайшей деревне, а тот послал мальчишку в город, за *дознателями*.

И, прибыв, *дознатели* велели копать и вскоре докопались до ларца с одиннадцатью отверстиями и до

кошки, сидевшей внутри. Люди, пришедшие из любопытства, были весьма озадачены, но только не *дознатели*, ибо они всегда знают, до чего докопались и что в таких случаях следует предпринять...

Они отнесли ларец в город, к месьору Шатоладу, и он, кривя свои тонкие губы в зловещей гримасе, тут же приказал собрать к себе плотников и грозно их вопрошал: кто сделал ларец? И кто был заказчик? Плотники молчали. Только Жакоб Коротконогий сознался, что сколотил ларец он, но, видит Митра, лаком его не покрывал и отверстий не сверлил, а совершил сие не иначе как заказчик — чернокнижник Богуз с улицы Вздохов.

Он так и сказал — чернокнижник — этот ничтожный Жакоб, за что душе его вечно скитаться по Серым Равнинам и не видать Садов Иштар.

Богуз сплонул под ноги в зловонную жижу и не стал произносить волшебных формул, ибо против *дознателей*, как известно, чародейство бессильно. Разве что стигийская магия, но стигийской магией он не владел.

Хотя его умения хватило на то, чтобы, взболтав воду в медном тазу и кинув туда пару пригоршней ведун-травы, увидеть потное лицо плотника Жакоба, который клялся и божился, что не знал, для каких целей мастерил он ларец. Зря старался Жакоб, ибо Шатолад, как всем известно, на слово не верит. И, подвергнутый пытке огнем, сознался Коротконогий, что не иначе как для темного колдовства мастерил он лаковый ларец, ибо ведал, кто был заказчик. Кроме того, он выдал еще шестнадцать человек, занимавшихся колдовством, но Богуз не стал смотреть в своем волшебном тазу — правда ли то были чародеи: в конце концов чернокнижников сжигали возле Железной Башни дюжинами, и не в том заключалась суть.

А суть заключалась в том, что кошка была безвозвратно потеряна и надеяться на повторение обряда с закапыванием не приходилось.

Серым весенним утром сидел он, маленький и сгорбленный, в своей холодной высокостенной комнате без окон и размышлял. Времени у него было мало. Вернее, его не оставалось совсем. Стражники уже натягивали сапоги, чтобы, протопав по мостовым столицы, ударить железными перчатками в створки его дверей. Ударить с ленцой и скукой: слишком часто брали они колдунов, слишком уверились в своей силе, даруемой Братией, и неинтересно им было, что там, за дверью...

О Нергуз!

Он не считал себя достойным лицезреть даже носки Его сандалий! Старый Бартальдо имел наглость утверждать, что наколенники Господина пылают, подобно огню в горне — где тот Бартальдо? А Власию, мерзкий лишай, болтавший, что постиг Его Дыхание, а на проверку прельстивший приворотным зельем не одну дюжину женщин и девиц, — где тот Власию? Прах и пепел, вздымаемый ветром у подножия Железной Башни...

Нет, он не собирался становиться прахом. Во всяком случае — пока.

Он искал замену проклятой кошке, ворошил страницы древних книг и метался по комнате, разматывая ветхие свитки. Он плевал в реторты, бросал порошки на огонь и деревянными ложечками, зажатыми в поддрагивающих узловатых пальцах, подмешивал булькающие, извергающие бледные искры отвары.

Сгорела не одна свеча, но он нашел решение.

И, пока стражники, завернув по дороге в трактир, допивали брагу из кожаных кружек и сыто рыгали, готовясь отправиться исполнять скучную службу, чернокнижник, облачившись в парадное платье, давал наставления ученикам.

Наставления были просты: дверь никому не открывать, сидеть тихо и вещи в доме не портить.

Потом он спустился в подвал, отвалил в сторону бочку, в которой никогда не было вина, открыл маленькую дверцу и, шаркая подошвами, спустился в подземелье.

И окунулся в клоаку Тарантии, столицы великой и славной Аквилонии, — окунулся в буквальный смысле, провалившись сразу же по пояс, ибо дверца вела в сточную систему, вырубленную в недрах горы во времена оны и забытую нынче столь же основательно, как Столпы Ахерона или Сердце Аримана.

Богуз долго бродил в зловонном полумраке, освещая путь факелом, который, однако, вскоре угас, оставив чернокнижника один на один с темнотой и писком, доносившимся отовсюду: из-под ног, спереди, сзади и, казалось, даже сверху. Тогда Богуз пробормотал заклинание и обратился к внутреннему зрению. Он умел это делать или почти умел. Он все умел делать «почти», ибо был магом-самоучкой, постигнувшим премудрость колдовской науки по древним манускриптам — подобный способ обучения давал неоспоримое преимущество: самоучка не мог попасть в зависимость от учителя, но, с другой стороны, Богуз никогда не знал, подействует ли его заклинание в полную силу, а если подействует, то как именно.

Заклинание сработало: своды подземелья озарились зеленоватым светом, и в двух шагах от себя чернокнижник увидел огромную, величиной с собаку, крысу, ощерившую розовую пасть.

Богуз повернулся и бросился бежать со всех ног. Зловонная жижа с плеском расступалась под сапогами, обдавая его фонтанами мерзких брызг, сзади пищала огромная тварь, пустившаяся в погоню.

Он свернул в боковой проход и почти сразу же убедился, что это тупик. Прижавшись потной спиной к холодному камню, он с ужасом наблюдал, как огромная крыса, оскалив зубы, неторопливо приближается к своей добыче.

Добычей был он, Богуз.

О Нергуз!

Он вспомнил о Покровителе, а Покровитель вспомнил о нем. Рука Богуса сама собой поднялась, пальцы сложились в щепоть, на ногтях затлела красная искра,

оторвалась, с шипением полетела прямо в острую морду серой твари и ударила, опалив шерсть... Крыса взвизгнула, отпрянула и исчезла в темноте.

Тогда ноги чернокнижника подкосились, и он плюхнулся задом в зловонную лужу, погрузившись в нее до самых плеч.

И всплыл под опущенными веками образ, заставивший содрогнуться: над вздернутым тупым рылом, над желтыми клыками вопреки блестящим красным глазам, и взгляд их проникал в самую душу...

«Встань! — вошел под череп беззвучный голос. — Встань, Ученик, иди и рази! Я с тобой!»

И Богуз встал и пошел разить. Он шел на ватных ногах, почти невесомый, словно плыл в озарившемся яркими сполохами подземелье. Огромные крысы кидались к нему, и тогда чернокнижник поднимал руку — с его обкусанных ногтей срывались красные искры, разившие чудовищ. Он плыл, словно кусок пищи в кишках исполина, и повергал страшилищ мановением пальца. Он ликовал, пораженный неожиданной милостью Покровителя, он смеялся, гордо закидывая голову, и — разил, разил...

Гнездо чернокнижник нашел в огромной яме, зиявшей в нише неровной стены. Здесь было посуше, а пол сплошь усеян костями мелких животных — собак, кошек и... да, несомненно, среди костей попадались и человеческие: чисто обглоданные, маленькие, детские. Останки детишек, коих навряд ли кто-то хватился там, наверху.

Крысиные же детеныши толклись внизу, в яме. Их было не менее дюжины; они пронзительно пищали, карабкаясь по спинам друг друга; серая масса на дне шевелилась, как трава над болотиной, и, словно прутья с ободранной корой, торчали из нее розовые хвосты.

Две взрослые крысы, самец и самка, сидели рядом. Хотя язык не поворачивался назвать эти создания крысами: огромные, обросшие космами буро-желтой

шерсти, с густыми воротниками на коротких шеях, они словно явились из ночных кошмаров или мастерской колдуна — сбежали, не закончив превращения. Плоские, вытянутые носы, безгубые рты, занимавшие всю нижнюю часть — морды? лица? — выпуклые глаза, в которых светилась злоба и почти человеческий ум... Сие неоконченное превращение долженствовало не то крыс обратить в людей, не то наоборот.

Богузу некогда было размышлять, хотя предмет был интересным, и в другое время он с удовольствием занялся бы его изучением.

В другое время и в другом месте — подальше от Тарантии. Стражники, наверное, уже постучали в двери, ученики, нарушив приказ, отворили, и теперь по его дому топают кованые железом сапоги, и руки в грубых перчатках скидывают на пол пергаменты и чернильные приборы... Его не найдут там, в холодном доме, как не найдут и потайной двери, ведущей в высокостенную комнату без окон — тайное убежище его одиноких дум. Тогда стражники прибьют для порядка кого-нибудь из его мальчишек и отправятся к градоначальнику за нагоняем и подмогой. Месьор Шатолад пришлет *дознателей*, а уж *дознатели* найдут все, что угодно.

Посему — надо спешить.

Он поднял руку, с наслаждением наблюдая, как играют на грязных ногтях красные искры его могущества — дар Господина. Крысы подняли свои морды-лица и издали жалобный звук, похожий на плач ребенка: чуяли смерть. Он не стал медлить — искры ударили в густую шерсть воротников, запахло паленым. Оттолкнув ногой трупы, он шагнул к яме.

Богуз достал из-за пояса припасенные перчатки, тонкие, но прочные, защищенными руками выхватил из ямы двух крысенышей и сунул за пазуху. Под кафтаном была крепкая кожаная рубаха, и все же он слегка придушил детенышей, чтобы не рыпались — так надежней.

И тут Покровитель оставил его. В груди возник тошнотворный ком, словно проглотил падаль, ноги подкосились, но он устоял, опершись о камень стены.

Эм сибро тена бардег!

Чернокнижник брел наугад по сырым коридорам, голова кружилась, остатки внутреннего зрения то выхватывали из крошечного мрака бурые лужи и каменную кладку, то вновь пропадали, заставляя Богуза лязгать зубами от страха. Он бормотал заклинания, но они почти не действовали: темнота, вонь и писк за спиной рождали в душе панические волны ужаса, с которыми он боролся из последних сил.

Он боялся признаться себе, что заблудился в лабиринтах клоаки. Боялся и не понимал, недавно еще уверившись в промысле своего Господина: разве даруется сила тому, кого хотят погубить? Разве можно доверять словам жрецов Митры, твердящих в своих храмах: «Вкусивший зло — от него и погибнет»? Лукавые, облитые благовониями, холеные, почитаемые толпой — он презирал жрецов, как они презирали его, отвергнувшего Путь Света. У него был свой путь, ведущий вниз и прочь — прочь от власти, законов, людей, навстречу тому, кому он служил. Он считал себя выше жрецов Солнцеликого, ибо те были двоедушны в своих делах и помыслах: проповедуя в храмах смирение, сами поклонялись одному лишь кумиру, имя коему — власть.

И вот, когда он почти вырвался из цепких рук жрецов, Господин оставил его. Богуз готов был упасть в зловонную грязь под ногами и не поднимать лица, пока не захлебнется нечистотами. О Нергуз, слуга твой умрет, если ты желаешь, но к чему тебе смерть ничтожного? Или прав был старый Бартальдо, утверждавший, что сумел прочесть девиз на пылающем щите Господина: «Принимая — гублю»? Старик пустился в бега, убоявшись огненных рун, да угодил в пламя возле Железной Башни. Но он, Богуз, служил верой и правдой, не сходил с избранного пути, уверился, что Юдоль Мрака уже открыта пред ним... И на тебе — так ошибиться!

Он брел и брел во мраке, ощупывая рукой стену. За спиной неумолчный писк надвигался волной ужаса. Крысы, помня о страшных искрах, убивших их сородичей, пока не нападали, но, кто знает, долго ли будет удерживать их былой страх?

И тут впереди он увидел квадрат тусклого света. Свет падал откуда-то сверху, едва различимый, но Богузу он показался ярче вспышки молнии. Чернокнижник бросился бежать со всех ног, оскальзываясь, то и дело утирая лицо от пота и зловонных брызг, — и услышал, как крысы за спиной заверещали злобно и яростно.

Отблески падали из колодца, прорубленного в толще камня: там, далеко вверх, виднелись очертания железной решетки. Увы, летать чернокнижник не умел. Даже будь у него веревка и умудрись он закинуть ее на высоту двадцати локтей, закрепить и взобраться к отверстию, отодвинуть решетку все равно было бы невозможно. Богуз узнал это место: такие решетки имелись только на одной улице, ведущей к Железной Башне. Их прутья глубоко утонули под камнями мостовой, которую не раз перекладывали. По этой брусчатке когда-то гремели колеса повозок, свозивших припасы в мрачный замок, построенный из огромных камней, скрепленных железными скобами. Эта цитадель должна была служить последним прибежищем на тот случай, если враг прорвется за городские стены. Потом замок превратили в тюрьму, а Железная Башня стала зловещим символом монаршей власти. Во времена короля Кона-на-киммерийца здесь орудовал известный на всю Аквилонию мастер Хрис, а ныне — месьор Шатолад со своими *дознателями*.

Когда-то сливные отверстия имелись и на других улицах, но еще при короле Нумедидесе их заложили, опасаясь нашествия крыс, разносивших Черную Смерть: болезнь, от которой не помогали никакие лекарства и заклинания. Теперь потоки нечистот текли в прорытых вдоль домов канавах, находя себе стоки естествен-

ным образом. В богатых районах канавы были накрыты досками и чистились, в трущобах, окружавших Железную Башню, распространяли зловоние и были забиты трупами собак и кошек. И только улица Розы по какой-то нелепой прихоти или недогляду городских властей блистала чистотой: дожди смывали всю грязь сквозь старые решетки.

Богуз не стал здесь задерживаться — визг, похожий на звук, издаваемый, когда ведут по стеклу железом, погнался за ним.

Он миновал еще два отверстия и понял, что подземный канал повышается: колодцы стали мельче. И все же они были по-прежнему бесполезны, не менее пяти локтей в высоту, прикрытые сверху железными, заделанными в камни прутьями. Стало суше, под ногами в рассеянном свете струились лишь мутные ручейки. Богуз прибавил шагу... и увидел впереди глухую стену.

Вернее, это была не стена, а огромный валун, вывалившийся когда-то из стены, нарушив кладку. Он загораживал проход и, как ни старался чернокнижник найти лаз, все было тщетно.

Богуз прислонился спиной к шершавому камню. Прямо над ним, всего в каких-нибудь двух локтях, виднелись прутья очередной решетки. Если подпрыгнуть, можно попытаться ухватиться за них руками. Он мотнул головой, отгоняя ненужную мысль, и постарался сосредоточиться. Закрыв глаза, бормоча формулу отрешения, стремясь нырнуть в темные глубины, из коих мог возникнуть новый прилив силы. Он беззвучно зывал к Господину, но Нергуз его не слышал. Когда чернокнижник поднял веки — увидел в пяти шагах неясные мохнатые тени и десятки холодных злых глаз...

Что ж, видно дни его сочтены. Богуз вытащил из-за голенища длинный узкий нож и сжал его в руке. Крысята под кафтаном завозились и запищали, словно видели сквозь сукно своих сородичей. И сразу же несколько крыс бросились на чернокнижника.

Одну он сумел отшвырнуть сапогом, другую ударил ножом в шею. Тварь завизжала и поползла назад, оставляя на земле кровавый темный след. Остальные застыли, поворачивая друг к другу морды и злобно пища, словно что-то обсуждали.

И тут сверху раздался грохот копыт. Потом залаяла собака. Что-то прокричал властный голос, защелкала плеть, собака завизжала и смолкла. Тот же голос сказал отчетливо: «Какая вонь!» Снова загрохотали копыта, удаляясь.

Крысы отпрянули в темноту и затаились, ожидая, не придет ли кто-нибудь на помощь человеку, укравшему детенышей. Их глаза сверкали из мрака, но Богуз на них уже не смотрел. Он заметил нечто на каменной плите возле левого плеча, и надежда снова вспыхнула в душе чернокнижника.

Это были три углубления, похожие на очертания кустов с торчащими ветками — по пять на каждом. А чуть пониже виднелось покрытое ржавчиной кольцо — в двух пядях от щели, забитой землей и мусором. Богуз понял, что это дверь.

Он приложил ладонь к углублению — пальцы легли туда, где темнели «ветки», и... ничего не произошло. Это была дверь, старая, которой не пользовались не одну сотню лет, но как ее открыть, он не знал.

Снова писк и скрежет множества когтей. Ближе, ближе... Он отмахнулся ножом, чувствуя, как остро отточенное лезвие рассекает шкуру подобравшейся твари, но даже не взглянул в ту сторону. Все внимание было приковано к углублениям, влекущим его ладони. Он был уверен, что сможет пустить в ход древний механизм, если поймет, в какой последовательности следует нажать скрытые пружины. Даже если они изъедены ржой, дверь откроется, ибо (он *видел*) створка скована охранным заклятием. Довольно простым, он понимал это — и еще понимал, что времени на раздумья у него нет.

Острые зубы вцепились в сапог, разрывая задубевшую кожу, шерстяной чулок, добираясь до плоти. Го-

лень обожгло, и нога сразу же стала неметь. Проклятие! Значит, еще и яд...

Он снова полоснул лезвием, крыса с визгом отскочила. Но кровь была пролита, и теперь все они кинутся в атаку... И тут его осенило.

Ну конечно! Простое Число Три! Разлагаемое на два плюс один по закону Паргора. Первым идет «два», значит: второе, третье, потом только первое углубление.

Руки дрожали, но Богуз заставил себя крепко приложить правую ладонь в нужном порядке. Тонкий свист возник сразу, подтверждая его догадку. Кольцо налилось красным, ржавчина хлопьями упала на землю, в углублениях появилось голубое свечение.

Крысы визжащим клубком покатались прочь, давая друг дружку. Из щели посыпался мусор, заскрежетали вделанные в стену петли, и дверь стала медленно поворачиваться. Она открылась едва на треть и замерла, но этого было достаточно, чтобы чернокнижник смог змеей скользнуть в темный проход.

Здесь было тепло и сухо. Волоча ногу, он стал пробираться вперед, замирая от радостного предчувствия. Где-то там впереди был выход, он знал это и был уверен, что теперь сможет открыть любые двери.

И они нашлись — деревянные, запертые на простую задвижку. Едва он коснулся дерева, как оно рассыпалось прахом. Проем был забран пыльным холстом, сквозь мельчайшие отверстия пробивались лучики света, в которых играли пылинки.

Забыв об осторожности, Богуз хотел сорвать холст, как вдруг замер, услышав грубый, скрипучий голос, проникший в его убежище: «Ну и вонь на улице Роз! Следует немедленно засыпать клоаку, из нее разит, как из кишек Нергала».

Теперь, когда голос, похожий на скрип несмазанного тележного колеса, не был искажен каменными сводами, Богуз узнал его и едва сдержал смех. О Нергуз! Кто бы мог подумать, что человек, натравливающий гончих,

сам дважды спасет предполагаемую дичь! Ибо обладатель скрипучего голоса, спугнувший крыс возле рокового валуна и сейчас невольно заставивший чернокнижника замереть в своем убежище, был не кто иной, как месьор Шатолад, грозный градоначальник Тарантии!

Осторожно прильнув к небольшому отверстию в холсте, Богуз увидел залитую ярким светом ламп комнату со сводчатым потолком, круглый стол и возлежащего на шелковых подушках лысого толстяка в шафранном хитоне.

— Не следует столь часто поминать врага рода человеческого, — произнес толстяк расслабленным голосом. — Вам, любезный месьор, следует чаще обращать помыслы к Ликсу Всеблагого. Когда вы последний раз были в Храме?

Шатолад проворчал что-то неразборчивое.

— Ибо, — его собеседник наставительно поднял холеный палец, — сказано в «Заветах Митры»: «Взор Мой пылающий обращаю на недругов Моих, благодать же почитающим дарую». Понимаю, вы всецело заняты радениями о представлении огненному взору Всеблагого различных еретиков и отщепенцев, но и вы, мой друг, нуждаетесь в очищении, ибо речено: «В купели огненной да сгинет нечестивец, достойный же да укрепится по милости Моей».

— Хм, — пробурчал Шатолад, — сие для нас, простых воинов, слишком мудрено. Ну, я понимаю, колдунов жечь положено, но чтобы самому в костер лезть...

— Заветы следует понимать иносказательно, — снисходительно объяснил толстяк, — мы же, слуги Подателя Жизни, для того и поставлены Им над паствой, дабы просвещать заблудших и не разумеющих Слова Его. Впрочем, мы собрались здесь не для беседы о возвышенном, а дабы поговорить о делах земных и насущных. Графа Рабрагора, ландграфа Эртрана и маркграфа Дулевана вы, месьор, знаете хорошо. Я счел возможным также пригласить светлейшего Хадрата, Верховного Жреца храма Асуры. Хотя мы и не во всем схо-

димся в вопросах религии, в данном случае его присутствие будет весьма полезным.

— Это как же понимать...— заскрипел было Шатолад, но толстяк издал горлом странный булькающий звук, и градоначальник, поперхнувшись, смолк.

— Итак,— негромко продолжал человек в шафранной тоге,— речь пойдет о сыне всеми нами глубоко почитаемого владыки, Великого монарха Аквилонии, Зингары, Аргоса, Офира и Кофа, Держателя Скипетра Льва и Знака Солнца — Конана Киммерийского...— Толстяк выдержал многозначительную паузу и закончил: — Я говорю о нынешнем молодом короле Конане...

За пыльным холстом чернокнижник Богуз весь обратился в слух.

Глава вторая

ЗАГОВОР

Я многое услышал и узнал,
Ушам не веря и глазам не веря...
О, лучше бы я сразу мертвым пал
У этой двери!

Кофир Иантский. «Беглец», II, V

Сквозь маленькое отверстие он хорошо видел говорившего и презрительно кривил губы, узнавая. Свет ламп играл на розовой лысине, веки маленьких глаз были полуприкрыты, пухлые пальцы небрежно держали серебряный кубок. Речь толстяка текла плавно, голос был вкрадчивым, слова — лукавы. Каждое несло двойной смысл, и в этом его нынешняя речь была сходна с проповедями, кои читались им в Храме Тысячи Лучей, когда Светлейший Обиус являлся прихожанам, облаченный в голубые одежды, расшитые звездами, в высокий тиаре, увенчанной золотым солнечным ликом, под пение мистов, тонкими голосами выводивших гимны Подателю Жизни. Толпа внимала, замороженная тягучими словесами, суть коих мало кто понимал.

Чернокнижник давно не ходил в Храм и не слушал тех речей. Не пристало слуге Нергуза, божества, противостоящего Митре, являться в святилище того, кто в начале времен был столь несправедлив к его Господи-

ну. Но Богуз видел Верховного Жреца в дни торжественных процессий, когда Обиус величественно плыл над головами в золоченых носилках, украшенных гирляндами живых цветов и вазами, полными фруктов. От Храма Митры через весь город под звуки громкой торжественной музыки и приветственные крики — к величественным ступеням Храма Тысячи Лучей, на которых стояли жрецы и сидели нищие.

Говорили, что Светлейшему никак не меньше шестидесяти зим от роду, но его пухлое лицо играло молодым румянцем, плавные движения говорили о силе и бодрости тела, а взгляд маленьких глаз, редко являемый из-под полуопущенных век, был живым и пристальным. Говорили еще, что Обиус некогда попал в немилость к старому королю Конану и удалился в изгнание, где посвятил себя изучению «Заветов Митры» и заботам о собственной плоти — посредством тайных упражнений и волшебных мазей.

Когда четыре года назад Конан Киммерийский, вручив скипетр и корону своему сыну Конну, удалился с неведомыми целями в неведомые края, Обиус появился в стольной Тарантии и был приближен ко двору молодого монарха. Почему — оставалось тайной за семью печатями. Правда, Власио болтал, что жрец владел тайной гипнотического воздействия и смог подчинить себе душу Конна — но чего только не плел ничтожный прыщ, дабы казаться значительным среди собратьев-чернокнижников... Впрочем, Богуз полагал, что в словах этих могла быть доля правды: слишком изменился молодой король с тех пор, как Обиус был назначен Верховным Жрецом.

— ...И Огненный Дух Его снизошел на меня, ничтожного, во время полуденных бдений у алтаря и отверз вежды мои, — плел словесные кружева жрец, изредка прикладываясь к кубку. — И в сердце моем поселилась тревога и печаль великая: понял я, что молодому королю грозит некая опасность. Однако, видно, не заслужил я большего: Податель Жизни не

дал мне заглянуть в будущее, а лишь послал смутное предупреждение. Из чего вывел я, что следует больше внимания уделять постам и молитвам и не забывать о тягчайшем из грехов, коему, в той или иной мере, подвержены все мы, пребывающие в земной юдоли, — о грехе гордыни. И еще я стал размышлять о грядущей опасности и решил отправиться к Офирскому оракулу...

— К Офирскому оракулу? — заскрипел Шатолад. — Но ведь...

Шатолад не был виден чернокнижнику, и Богуз осторожно наклонился влево, где было еще одно маленькое отверстие.

Теперь он увидел самого страшного человека Тарантии. Одно имя его наводило ужас на всех чернокнижников с тех пор, как вышел указ, объявлявший их всех вне закона. Шатолад сидел на низком табурете, вытянув длинные ноги в черных высоких сапогах. Его одежда тоже была черной, даже кружева на отложном воротнике. На груди сверкал золотом Орден Солнца, высшая награда Империи, — единственное его украшение, если не считать дорогих перстней на сухих тонких пальцах. Градоначальник был худ и тоже лыс, но, в отличие от чистой розовой плеши жреца, была она окружена кустиками ломких волос, покрыта желтоватой кожей и вид имела нездоровый.

— Я понимаю, о чем вы говорите, месьор Шатолад, — досадливо отвечал ему жрец, — решение о закрытии оракула было несколько преждевременным. К счастью, пифия была лишь отлучена от дел и проживала в соседнем селении, занимаясь разведением цветов. Узнав, что нашему повелителю грозит беда, эта достойная женщина презрела былые обиды и отправилась в святилище, где и совершила необходимые действия.

Зоркие глаза Богуза углядели на сухом личике Шатолада ехидную улыбку. Он вспомнил, что два месяца назад Обиус действительно покидал город — в сопровождении троих младших жрецов и сотни отбор-

ных воинов во главе с графом Рабрагором. Чернокнижник понял усмешку Шатолада: уж скорее копья солдат, чем речи жреца заставили пифию вновь взяться за пророчества.

Офирский оракул, расположенный близ местечка, именуемого Дафнией, был некогда местом известным и почитаемым. Сам Конан Киммерийский совершил туда паломничество незадолго до своего последнего исчезновения из Аквилонии. Старый король не жаловал колдунов, но и не пытался извести их под корень, как нынешние власти. Рассказывали, что некоторые чародеи оказали монарху в свое время неоценимые услуги, посему особых гонений на магов и чернокнижников в покоренных Конаном землях — от Аргоса до Пограничных Королевств — не было, разве что наместники вершили преследования по своему почину, либо сам король сердчал на кого-либо и тогда творил суд и расправу.

Когда властелин Хайбории, почти долг перед Аквилонией исполненным и оставив сыну огромную Империю, удалился в странствия, времена изменились. И раньше лилось много крови, но теперь она потекла реками: в Аргосе, Зингаре и Офире то и дело зрели заговоры, безжалостно подавляемые соратниками Конана. Пограничные Королевства первыми отделились от метрополии и перестали платить дань. Впрочем, места то были скудные и дикие, так что этому событию никто особого значения не придавал — дел хватало и в более цивилизованных землях.

Богуз едва сдерживал презрительный смехок: что ему, слуге Нергуза, до земных дел! Пусть ничтожные людишки барахтаются в грязи, умерщвляя друг друга в борьбе за призрачную земную власть, его это мало интересует. Все эти короли, графы и бароны пожнут плоды дел своих на Серых Равнинах. Он, слуга Мрака, знать не желает кичливых властителей призрачного мира — *эм сибро тена бардег!*

Иное дело духовники. За всю историю Аквилонии жрецы никогда не имели такого влияния на земные

дела. Прежде маги и чародеи жаждали власти, объединяясь в ордена, дабы идти к своим целям. Но Конан Киммерийский разгромил орден Белой Руки, уничтожил чародеев Черного Круга, а главу их, Тот-Амона, долго преследовал, пока не настиг в дебрях Черных Королевств и не убил.

Теперь же на смену колдунам невесть откуда явилась Братия, невидимая и всемогущая организация жрецов, почитающих себя служителями Света. И железные перчатки *дознателей* застучали во множество дверей, и запылали костры возле Железной Башни...

Надо признаться, многих сожгли вполне заслуженно. Все эти шарлатаны и ничтожные выскочки, подобные плюгавому Власию, Богуз сам с удовольствием бросил бы их в огонь. Но служители Митры в своем слепом рвении принялись закрывать хранилища древних рукописей, разогнали тарантийскую Академию, закрыли школы, оставив лишь одну: при Храме Тысячи Лучей. Светлейший Обиус каждый день проповедовал покаяние, утверждая, что все знание сосредоточено исключительно в лоне Подателя Жизни и дело избранных — нести Свет Его людям. К избранным он причислял себя и еще троих высших духовников, иным же оставалось лишь внимать их речам с трепетом и почтением.

Он, Богуз, не причислял себя к тем, кто внимает. Он, как и многие, шел своим путем.

«О Нергуз! Те, кто был отринут подобно тебе, обратились к долам твоим!...»

Не только чернокнижники и ученые испытали притеснения. Были закрыты храмы Вакканы и Мардука, Иштар и Адониса, а святилище Бела в Шамаре просто подверглось разграблению. Кумирни из закрытых храмов снесли к алтарям Митры: отныне лишь Податель Жизни и его жрецы должны были главенствовать повсюду в завоеванных землях. Сие, конечно, не могло не вызвать сопротивления: к политическим интригам добавились заговоры прежних духовных лидеров.

Не избежал общей участи и Офирский оракул: три зимы назад воины графа Рабрагора осквернили его, а пифию предали поруганию.

— Как я уже говорил, сия достойная женщина откликнулась на мою просьбу, и мы отправились в святилище, — вновь зажурчал голос Обиуса. — Три дня пифия купалась в источнике, воздерживалась от всяческой пищи и лишь жевала листья лавра. На четвертый она облачилась в священное одеяние и воссела на трипод, окруженная испарениями, исходившими из расселины в теле скалы. Не стану подробно описывать вам все, что увидел: зрелище, надо сказать, не слишком приятное глазу.

Светлейший помолчал, наслаждаясь вниманием слушателей, и, вопреки своим заверениям, принялся описывать действо.

— Поначалу тело пифии стало корчиться, словно в него вселились демоны, женщина срывала с себя одежды и выкрикивала нечто нечленораздельное. Через некоторое время она застыла, обратившись в недвижимую статую, только глаза ее горели безумным блеском. Зеленый дым восходил из расселины, окутывая ее фигуру и бронзовых змей, обвивавших опоры трипода...

Жрец снова умолк и отхлебнул из кубка.

Паузу на сей раз нарушил молодой, чуть картавый голос:

— Позвольте осведомиться, Светлейший... Этот дым и символические изображения змей... Не от вас ли слыхали мы, что оракул — суть капище Сета, и дыхание Змея Вечной Ночи проникает там на поверхность из недр земных?

Обиус отвечал с охотой, словно заранее был готов к этому вопросу:

— Видите ли, любезный маркграф, слова, реченные в храме для ушей толпы, ей только и предназначены. Народ глуп, и дело пастырей его не допускать брожения в умах. Вспомните, месьюры, историю Офирского оракула, она весьма поучительна.

Некогда пастухи, перегонявшие свои стада на склоны горы Рапнас, с изумлением смотрели на странное игривое поведение козлов, бродивших возле расселины на юго-западном склоне. Животные совершали прыжки так, как будто хотели танцевать, и выпускали громкие звуки, непохожие ни на что и никем не слыханные.

Наконец один из пастухов, решив узнать, в чем дело, приблизился к расселине, из которой шел дым. Немедленно он впал в транс, стал танцевать с дикими прыжками, петь, издавать невнятные восклицания, нести тарбарщину и предсказывать будущие события. Его товарищи, думая, что тот хлебнул лишку, унесли его прочь, но и сами, наглотавшись испарений, сделались подобны безумцам. И все, кто приближался к расселине, подвергались такому же воздействию.

Слава о сем месте быстро распространилась, и многие приходили сюда узнать будущее, вдохнуть миазмы, которые большей частью попросту сводили их с ума. Некоторые, не в силах совладать с собой и приобретая в безумии ужасную силу, разбрасывали удерживающих их, кидались в расселину и погибали. Другие же, неверно истолковав смутные видения, сеяли в народе страх и непочтение к властям.

Для того чтобы предотвратить подобные случаи, вокруг расселины была построена стена, а девственные жрицы оракула стали действовать как посредницы между тонким миром и людьми. Согласно летописцам, еще во времена Ахерона над расселиной был поставлен золотой трипод, украшенный изображениями змей, символизирующими Мудрость. Сиденье было устроено таким образом, чтобы предотвратить падение пифий под действием испарений. Их смутные речи записывались и растолковывались мудрецами.

Но вот беда, пророчества сии часто были слишком непонятны даже самым просвещенным умам, а девственницы теряли разум всего через год своей службы. Иной раз никто и не догадывался, что пифия лишилась рас-

судка, и тогда ее бредовые речи брались на веру и служили основанием ко многим опрометчивым действиям. Более того, стали за деньги допускать желающих посидеть на трипode, и несчастные с помутненным рассудком бродили потом по дорогам, смущая многих.

Требовалось навести порядок, и Братия его навела. Мы понимали, что никакие увещания не закроют пути несчастным, идущим в Дафнию навстречу собственной гибели, и потому объявили оракул святилищем Сета, погубителя рода человеческого. Страх держит лучше всяких запоров, а Змей Вечной Ночи, как известно, — воплощение страха.

— Конан-киммериец побывал в Дафнии и сидел на трипode, — задумчиво произнес маркграф. — А потом сложил бремя власти на неокрепшие плечи сына и исчез.

— Да уж, — раздался густой бас, — птенец слишком рано вылетел из гнезда.

— Не нам судить поступки великого короля, граф Рабрагор, — строго заметил Обиус, — видимо, у Конана Великого были веские на то основания. Что же касается вашего замечания о сыне его Конне, здесь я согласен. Молодой государь нуждается в нашей опеке и поддержке. Для того мы здесь и собрались.

— И что же сказала вам пифия? — нетерпеливо спросил третий вельможа, которого Богуз из своего убежища видеть не мог.

— Пифия не говорит, месьор Эртран, она вещает. Предсказания обычно преподносятся в форме стихов, но слова часто двусмысленны и труднопостижимы. В прежние времена каждый ее звук, каждое движение тела тщательно записывались пятью жрецами, а затем лучшие мудрецы приступали к толкованиям. Со мною были трое помощников, и все мы записывали речь пророчицы независимо друг от друга, так что ошибки быть не может. Ну а толковать сказанное придется нам всем вместе.

— Никто не может подслушать? — деловито осведомился градоначальник.

— Это самое надежное убежище во всей Тарантии, — отвечал жрец, — о его существовании известно только высшим иерархам Братии. Так вот, когда зеленый дым окутал пифию плотным облаком, она преисполнилась божественной благодати, и небожители вещали устами ее. Я спросил, какая опасность угрожает королю Конну, и получил ответ, который прочту.

Светлейший отставил серебряный кубок, достал из-под подушек небольшой ларец, открыл и извлек пергаментный свиток. В комнате со сводчатым потолком воцарилась тишина, и Богуз в своем укрытии невольно задержал дыхание, стараясь не пропустить ни слова. Если бы он мог, то заставил бы свое сердце на время остановиться.

Обиус развернул свиток, поднес к глазам и прочел:

Сердце, сила и слава
Королевства переменяется,
Воины сражаются в небе долгое время.
Из-за ответа дамы король встревожен.
Посланники рискуют своей жизнью.
Прямостоящий ягуар на черни
С каплей истинной крови
В звоне ристалища убьет повелителя,
Вонзив копьё в золотую клеть.
Поединок нельзя отменить.

Раздался звон и плеск — кто-то, видно, опрокинул кубок с вином.

Затем Шатолад высказал общее мнение.

— Мудрено, — сказал он. — Что за дама?

— И золотая клеть? — пробасил граф Рабрагор.

— Значит, королю суждено погибнуть в битве? — задумчиво молвил маркграф Дулеван. — Хм, хм... Знать бы, кто этот прямостоящий ягуар.

— Это как раз самая понятная часть предсказания, — сказал Обиус. — Мы не знаем, кто та дама и какие послы рискуют жизнями, но ягуар с каплей истинной крови — граф Рабрагор.

— Я?!

Возглас графа потряс светильники, пламя заколебалось, отбрасывая по стенам уродливые тени.

— Тише,— поднял руку жрец,— ради Митры праведного! Иначе вас могут услышать на улице.

— Но позвольте,— не унимался вельможа,— на моем гербе действительно изображен ягуар, но сидящий, и не на черни, а на синем фоне! И потом, что это за истинная кровь обнаружилась в моих жилах?

— Кровь короля Нумедидеса.

— О! О!

Чувствовалось, что дыхание Рабрагора перехватило, и он не в силах произнести больше ни слова.

— Мы располагаем признанием вашей матушки, что она имела связь с покойным монархом, когда он останавливался в замке Шарто. Ваш отец впоследствии погиб при невыясненных обстоятельствах, а герб был изменен: графиня не желала наследовать геральдические знаки мужа, который не был отцом ее ребенка.

— О!

— Вижу, вы мне не верите. Тогда ознакомьтесь.

Обиус бросил на стол еще один свиток. Теперь Богуз увидел графа Рабрагора, склонившегося к столу. Был он плечист, обладал мужественным подбородком и тонкими губами, которые покусывал до крови, читая документ. дочитав, сказал:

— Пусть так. Но я никогда не злоумышлял против короля, в этом вы не смеете меня обвинять.

— Никто вас не обвиняет, месьор граф,— откликнулся Светлейший вкрадчиво.— Все в руках Митры, лишь Ему ведомы хитросплетения причин и следствий. Вы не желаете гибели государя, и все же боги избрали вас своим орудием.

— Это ложь! — крикнул граф.

В его руках сверкнул кинжал, крепкий кулак припечатал к столешнице пергамент.

— Э, так не пойдет,— проскрежетал месьор Шатолад. Видно было, как его лысина наливается красным.— Что-то тут не так, Светлейший, граф — наш человек...

— А я разве говорю что-то против? — Толстые губы Обиуса разъехались в приторной улыбке.— Все мы здесь

единомышленники, и помыслы наши направлены лишь на благо государства. Вложите клинок в ножны, месьор, и выслушайте мои соображения.

Рабрагор, тяжело дыша, повиновался.

— Золотая клеть, о коей говорится в пророчестве, означает забрало рыцарского шлема. Но почему золотая? Следует ли понимать сие иносказательно, как знак королевского отличия, или же буквально? Я склоняюсь к последнему. Трудно представить, что граф Рабрагор, преданнейший слуга нашего молодого повелителя, скрестит с ним оружие на поле битвы. Однако ристалище — понятие широкое. С тем же успехом можно обозначить сим словом и рыцарский турнир. Сын Конана Великого статью вышел в отца и не раз выезжал на арену, дабы померяться силой с лучшими бойцами. А выезжая, по обычаю предков, надевал золотой шлем. Так он поступит и на сей раз, на празднике Осенних Плодов, который состоится через три дня. И хотя турнирные копыя имеют затупленные наконечники, попав в цель забрала всадника, летящего во весь опор, такой наконечник легко может поразить насмерть. Вот как я понимаю слова пророчества, и думаю, вы со мной согласитесь.

Некоторое время все молчали, обдумывая слова Верховного Жреца, потом Рабрагор сказал мрачно:

— Ну так я не стану участвовать в турнире.

— Отчего же, отчего же,— задумчиво протянул маркграф Дулеван,— это, друг мой, дело чести...

— «Поединок нельзя отменить», — напомнил Обиус,— так сказала пифия, вестница судьбы. Вам, граф, придется драться.

— От судьбы не уйдешь, это точно,— проскрипел Шатолад,— чему быть, того не миновать. Я так понимаю: боги неспроста обратили свои взоры на Аквилонию. Нет порядка в державе. Старый король умел приструнить людишек, надо отдать ему должное, хотя все мы не слишком жаловали этого варвара... Хм. Я в том смысле, что он окружал себя разными выскоч-

ками типа гирканца Паллантида... Да. Голубую кровь не жаловал. Но трепет наводить умел, от северных до южных границ. Нынче же всякие там зингарцы и аргосцы спят и видят, как бы отделиться и восстановить кумирни своих богов...

— Которые суть лишь часть Бога Единого и в лоне Его пребывают, — наставительно добавил Обиус.

— Я и говорю, — покивал Шатолад, — нет порядка. Сильная рука нужна, месьюры. Король Конн, хоть и мощен телом, духом не в киммерийца вышел. Да. Мать его, покойная королева Зенобия...

— Довольно, довольно, — махнул Обиус пухлой ручкой, — я пригласил вас не для того, чтобы обсуждать царственные персоны. Всякая власть от Митры и Ему угодна. Следует подумать, как отвратить беду от государя.

— Ах вот как, — многозначительно вставил маркграф.

— Что же мы можем предпринять, если судьбу нельзя изменить? — спросил Эртран. — Если в жилах Рабрагора течет кровь подлинных властителей Аквилонии, он по праву достоин короны.

— Не сомневаюсь, что предсказание пифии истинно, — решительно молвил жрец, — и все же, являясь духовником короля Конна, я обязан попытаться спасти его жизнь. Судьбу изменить нельзя, но ее можно... э-э... обмануть, ибо ложь во спасение угодна и самому Митре. Поединок отменить нельзя, значит, графу придется скрестить копья с королем. Но что сказано в пророчестве? «Прямостоящий ягуар на черни с каплей истинной крови в звоне ристалища убьет повелителя...» Повелителя, прошу заметить!

— И что же? — спросил Рабрагор напряженным голосом.

— Значит, если Конн к моменту поединка не будет повелителем графа, смертоубийства можно будет избежать.

Граф снова воскликнул «О!», градоначальник почесал плешь, маркграф тонко рассмеялся.

— Никогда, — сказал он, — никогда Конн не отдаст добровольно корону. Даже под страхом смерти.

— Это как посмотреть, — сказал Эртран, — одно дело — являть храбрость в бою, презирая безносую, другое дело — лезть к ней в пасть, когда исход известен заранее.

— Заверяю вас, месьюры, что молодой король не столь прямолинеен, как его достойный отец, — веско проговорил жрец. — Я много с ним беседовал и на многое открыл глаза. Особенно тронула его душу история Сердца Аримана, и государь ныне пребывает в глубоких раздумьях...

— Кстати, — воспользовавшись паузой, спросил Эртран, — куда девался этот талисман, коим столь дорожил киммериец? Помнится, сей красный, как кровь, камень воодушевлял наши войска в северных и южных походах. Жрецы тогда утверждали, что в нем скрыто подлинное могущество Аквилонии.

— Жрецы не боги, они тоже могут ошибаться. — Обиус снова пригубил вино, и Богузу показалось, что глаза Светлейшего хитро блеснули над тусклым серебром кубка. — Считалось, что Ариман — светлый бог из свиты самого Митры. Однако во дни моего уединения попала мне в руки древняя скрижаль, подлинность коей сомнений не вызывает. Это не мое мнение, так заключили высшие иерархи Братии. Если желаете, могу ознакомить с ее содержанием.

— Желаем, — хрипло сказал граф Рабрагор.

— Только попроще, — сказал Шатолад.

— попроще не получится, но я постараюсь изложить суть покороче, — молвил Светлейший таким тоном, словно собрался говорить до рассвета. — Итак, открыли мне древние письма, что Ариман вовсе не дух света, как считают многие и по сей день. Митра, Податель Жизни, сотворил два великих принципа, властвующих над миром. Первый из них — Ормузд, суть Дух Добра, Зиждитель Вселенной. Второй из этих вечных принципов — Ариман. Он также был прекрасным и

чистым духом, но позднее восстал против Ормузда, завидуя его власти. Это случилось, однако, только тогда, когда Ормузд создал свет, поскольку Ариман не подзревал до этого о существовании Ормузда и почитал себя единственным порождением Митры... Я понятно излагаю?

— Вполне, — сказал ландграф, — обычная история: у короля было два сына, один внебрачный. Второй предъявил свои права и убил первого.

— Не совсем так, любезный Эртран, — усмехнулся жрец, — ибо небожители бессмертны, и Ариман никак не мог убить Ормузда. Но, когда Дух Добра создал Землю, Ариман воплотился в ее тяжелые элементы. Что бы ни делал доброго Ормузд, Ариман помещал туда принцип зла. Наконец, когда Ормузд создал человеческую расу, Ариман воплотился в низшую природу человека, так что в каждом из нас борются светлое и темное начала, и каждое стремится к полной победе. Три тысячи лет правил Ормузд небесным миром света и добра, еще три тысячи он правил человеческим миром мудро и безраздельно. Затем началась власть Аримана, и продлится она еще три тысячи лет...

— Я думал, что все мы — творения Митры, — заметил маркграф. — Не знал, что нас создал какой-то Ормузд, а господин наш — коварный дух Ариман.

— Чего только не узнаешь, — печально проскрипел Шатолад. — И то сказать, стал бы Митра терпеть всякие безобразия? Теперь понятно, почему нет порядка в державе. Да.

— Выкиньте все это из головы, месьоры, — сказал Обиус, подливая вино из серебряного кувшина, — вам следует помнить лишь то, что Митра — Бог Единый и всё в нем пребывает. Ормузд и Ариман — суть принципы Великого Равновесия и не более того.

— Это вам виднее, Светлейший, — закивал градоначальник. — На то вы и поставлены, чтобы мудрености разные ведать. Наше дело — бороться с врагами Митры. Если сие для равновесия — так можно и мать

родную на костер отправить. Ради высших принципов, так сказать...

Он зашелся скрипучим смехом и тоже налил себе вина.

— Значит, Сердце Аримана, которым так дорожил Киммериец, — талисман зла? — спросил маркграф.

Жрец устало покачал головой.

— Не совсем так, месьор Дулеван, ибо нет в этом мире чистого Зла и чистого Добра. В руках Конана Киммерийского талисман служил поддержанию Великого Равновесия, но, когда король удалился, камень сей стал опасен. Я объяснил это молодому государю, и Конн меня понял. Или — я думаю, что понял. Помните пророчество? «Сердце, сила и слава королевства переменятся, войны сражаются в небе долгое время...» Небожители решили изменить судьбу Аквилонии и всего Хайборийского мира, теперь это ясно. Ради сохранения государства и собственной жизни сын Конана должен передать корону носителю истинной крови. Вам, граф Рабрагор.

— И кто сообщит королю эту новость? — спросил маркграф. — Претендент на престол?

— Нет! — воскликнул граф. — Только не я!

— Вы что, отказываетесь от короны?

— Да! То есть нет... Не знаю... Все так неожиданно...

— Ваши сомнения понятны, — снова заговорил жрец, — тяжесть монаршей власти не каждому по плечу. Однако, друг мой, не забывайте, что Братия — на вашей стороне. Мы поможем нести этот груз, поможем и советом, и делом. И вам не придется идти к королю. Это сделает светлейший Хадрат, жрец Асуры.

И снова Богуз презрительно скривил губы. Ах вот как, значит, ради достижения своих целей Светлейший не прочь прибегнуть к услугам жреца-людоеда! Во всяком случае, в проповедях он именно так именова представителей этого тайного ордена, умевших на удив-

ление ловко скрывать свои святыни. В последнее время служители Митры всячески поддерживали и ранее гулявшие в народе слухи о тайных храмах, где густой дым день и ночь окутывает зловещие алтари, а похищенных детей приносят в жертву огромному змею, и то, что остается от трапезы священного гада, с удовольствием доедают сами жрецы Асуры...

Чернокнижник отлично знал, что все это — суеверия, предрассудки и намеренная ложь. Предки тех, кто чтил Асуру, пришли из Вендии, лежащей далеко за морем Вилайет, Гирканскими степями и снежными вершинами Гимелианских гор. Познания жрецов Асуры были загадочны и обширны, а сам вендийский бог являлся правой рукой Индры, Индрой же в тех землях именовали самого Митру. Так что Асура вполне мог быть Ормуздом или Ариманом — кому что больше нравится. Во всяком случае, змеем он не был и детей не ел, как и его последователи.

И все же официально было объявлено, что мерзкий культ пришел из Стигии и что Асура — не что иное, как воплощение Сета, явившегося, дабы соблазнить и сгубить солнцепоклонников-хайборийцев. В этом случае Братия действовала точно так же, как и с Офирским оракулом. Правда, месьору Шатоладу так и не удалось отправить ни одного приверженца вендийского божества на костер: открыто в Тарантии ему и раньше никто не поклонялся, а те, кто ведал дорогу к тайным храмам, умело скрывали свою религию.

Возможно, как отметил про себя Богуз, были и другие причины...

Хадрат сидел поодаль от остальных, в тени, и чернокнижник видел лишь смутные очертания его худой фигуры. Но ему и не нужно было видеть жреца, он знал Хадрата. Лицо у старого мага было чистое, с правильными чертами, всегда бесстрастное, а глаза под длинными ресницами никогда не мигали.

— Почему он? — услышал Богуз растерянный бас Рабрагора. — Я не доверяю этому колдуну!

— Никто ему не доверяет, — добавил маркграф.

— Он — поклонник Сета и достоин костра! — решительно заключил Шатолад.

Жрец Асуры безмолвствовал.

Заговорил Обиус, и в голосе его, всегда спокойном, на сей раз прозвучало плохо скрытое раздражение:

— Я посоветовал бы вам, месьор Шатолад, равно как и всем остальным, держать при себе свое мнение. Разве вы забыли, что решения в таких делах принимает Братия? Моими устами говорят высшие ее иерархи, прошу сие учесть и не предаваться излишнему празднословию. Светлейший Хадрат — представитель древнего и весьма уважаемого культа, хотя и не предназначенного для всеобщего употребления. Если бы он заслуживал гнева Митры, то не был бы среди нас. Некогда он оказал весьма важные услуги королю Конану, и ныне мы сочли возможным просить его помочь сыну великого киммерийца. Конн, несомненно, прислушается к словам друга своего отца...

Жрец Асуры промолчал и на сей раз.

— Может быть, прислушается, — задумчиво произнес маркграф, — а может быть, и нет. В таком деле надобны более веские, чем слова, аргументы.

— Они есть, — сказал Обиус.

И снова на столе появился ларец, гораздо больший, чем первый. Светлейший осторожно приподнял крышку, словно внутри ларца таилась неведомая опасность, потом медленно и торжественно извлек багровый, темного оттенка граненый шар с тлеющей внутри неясной искрой. Самоцвет едва уместился в ладони Верховного Жреца, тусклый свет, исходивший из его глубин, окрасил пальцы Обиуса в кровавый оттенок.

— Сердце Аримана! — воскликнул ландграф Эртран.

— О! — вскричал граф Рабрагор.

— Так вот оно где, — пробормотал маркграф Дулеван.

А Шатолад, испуганно заслонив глаза, выдавил:

— Осторожней, Светлейший, эта штука горячее костра у Железной Башни!

— Хотите прикоснуться к рубину, месьоры? — насмешливо молвил Обиус, поблескивая хитрыми глазками. — Не бойтесь, он совсем холодный. И не страшный. Лишь три человека в этом мире обладали возможностью вызывать скрытые силы талисмана. Первая, королева Зенобия, давно умерла. Король Конан ныне далеко от нас...

— Остается еще его сын, — сказал Рабрагор мрачно. — Он жив и совсем близко. В его руках талисман пробудится ото сна.

— Нет, — сказал Обиус, — не пробудится. И это станет лучшим подтверждением того, что времена изменились. Конн помнит, как пылал в его руках камень, подобно небесной звезде, когда старый король позволял сыну к нему прикасаться. О, сколько было шума, когда Конан, Зенобия и их юный наследник в дни великих праздников представляли перед народом, являя темному люду чудо, в которое все верили! Сколько храбрецов исполнялись отвагой, сколько стихоплетов посвятили Сердцу Аримана свои бездарные вирши! Воистину Дух Зла коварен и умеет завоевывать души... Отныне и навсегда этому будет положен конец. Уважаемый Хадрат вручит Конну рубин, и молодой король сам сможет убедиться, что силы талисмана исчерпаны. Но вначале, дабы не было кривотолков, многомудрый Хадрат и его коллеги подвергнут камень испытанию на подлинность на алтаре Асуры.

Все заключили, что замысел Верховного поистине грандиозен. Вокруг Конна оставалось немало преданных соратников его великого отца, Конана Киммерийского, достойных и храбрых воителей, покрывших себя славой в прежних кампаниях, и они горой готовы были стоять за молодого короля. В случае открытого переворота Империя несомненно была бы ввергнута в хаос междоусобных войн. Если же Конн добровольно сложит корону... Что ж, быть может, кто-нибудь с этим и не согласится, но то уже будет мятеж, а на мятежников всегда найдется управа!

Хадрат молча принял из рук Светлейшего рубин и спрятал его под одеждой.

— Позволь мне удалиться, — молвил жрец Асуры, и то были его единственные слова, сказанные за все время.

— Накануне праздника ты отправишься к королю, — властно произнес Обиус, — и да сбудется воля Митры!

Слышно было, как скрипнули створки, — Хадрат вышел.

— Вы уверены, что колдун в точности исполнит намеченное? — спросил Эртран.

— А куда он денется! — небрежно бросил Светлейший и потянулся к кубку. — Никто не смеет идти против воли Братии. Тем паче — жрецы-людоеды...

И он засмеялся, надувая розовые щеки.

Заговорщики ответили общим хохотом: все чувствовали облегчение и возблагодарили Митру немедленным и обильным возлиянием.

— Время откланяться, — сказал месьор Шатолад, разделившись со своим кубком, — дела.

— Кого на сей раз ждет палач у Железной Башни? — весело спросил маркграф.

— Да так, одного ничтожного колдунишку. Некий Богуз с улицы Вздохов, повинный в чародействе посредством зарывания кошки в землю. Бедное животное почти задохнулось, да...

Богуз сжал зубы так, что почувствовал во рту привкус крови. О Нергуз! Это он, верный слуга Мрака — «ничтожный колдунишка»? Стоило бы насладиться на Шатолада черную язву! Если бы он не дал обета Недения... Пальцы чернокнижника помимо воли сжались в кулак — и тут же раздался отчаянный писк: забывшись, он придавил за пазухой одного из крысенышей.

— Что это? — вскинулся Шатолад, приподнимаясь со своего стула. — Там, за шпалерой...

— Кажется, крыса пицала, — неуверенно сказал ландграф.

— Там дверь, — сказал Обиус, не сумев скрыть тревогу, — но она наглухо закрыта...

Богуз отпрянул от холста и едва не упал: покусанную ногу свело судорогой.

— Это не крыса,— услышал он голос градоначальника.

В тот же миг что-то свистнуло, холст разошелся: тяжелое лезвие метательного хассака поползло вниз, с треском разрывая старую ткань. Из комнаты в пыльное убежище хлынул яркий свет.

Все дальнейшее слилось для чернокнижника в один мутный, стремительный вихрь. С нечеловеческим проворством он насадил на острие хассака извлеченный из-за пазухи пищащий теплый комочек. Потом бросился прочь, упал, не чувствуя раненой ноги, и пополз, громко стелая и выкрикивая все известные ему заклинания. Они рождались из самых затаенных тайников души: как ни вспоминал он впоследствии, ни одно так и не смог припомнить.

Когда заговорщики сорвали шпалеру, чернокнижник уже барахтался в сточной канаве, каким-то чудом проскользнув в сливное отверстие между погнутыми прутьями железной решетки, и не мог видеть растерянные лица вельмож, разглядывавших окровавленную тушку на лезвии хассака и глухие деревянные створки, покрытые пылью и паутиной...

Нергуз, демон Тьмы, в последний раз пришел на помощь своему верному слуге.

Глава третья МИЛОСТЬ НЕРГУЗА

Молю Тебя Великими Именами, запечатали Себя во мне, чтобы я мог принять Тебя всякий раз, когда Ты появишься передо мною!

«Скрижаль магов»

Черная повозка с грохотом катила обитые железными обручами колеса по брусчатке улицы Роз, покрытой белесым инеем. Было раннее утро, лучшее время для перевозки осужденных, и под траурным пологом томились несколько узников, закованных в кандалы и ошейники.

Один из стражников, сидевших на козлах, толкнул в бок своего товарища и, указывая кнутом куда-то в сторону, сказал с ленцой:

— Смотри, там мертвец.

Второй, вислоусый, сплюнул на мостовую травяную жвачку и отвечал:

— Точно. Пусть лежит себе, мало ли трупов валяется на улицах.

И повозка загрохотала дальше — в сторону Железной Башни. Стражники не оглядывались, иначе их взору предстало бы зрелище удивительное: «мертвец» поднялся из придорожной канавы и побрел прочь, привлекая левую ногу.

До улицы Вздохов, где стоял его дом, было рукой подать, и все же Богуз сомневался, что доберется благополучно. Тело окоченело, одежда стояла колом, холод пробирал до костей. Он пошарил за пазухой, опасаясь, что крысеныш сдох, но комок плоти все еще подавал признаки жизни: слегка шевелился и попискивал. Хвала Нергузу, тварь оказалась живучей.

Улица Роз была пустынна. Она тянулась от старой крепости вниз, к центру города, рассекая хитросплетение переулков, окружавших Железную Башню. Окна домов, стоявших на почтительном расстоянии от брусчатой мостовой, были закрыты глухими ставнями, многие двери заколочены. Обитатели предпочитали ходить дворами, лишь бы не появляться там, где гремели ободьями черные повозки. Дурное место, не ровен час — и сам окажешься в железном ошейнике.

Чернокнижнику сие обстоятельство было сейчас на руку. Странен был его вид, странен даже для обитателей подозрительных кварталов древней части города, хотя здесь встречалось множество бродяг и нищих, щеголявших в рубищах весьма причудливых. Но какой наираспоследнейший бродяга позволит себе разгуливать ранним осенним утром в мокрых, заледеневших одеждах? Богуз старался шагать быстрее, на ходу растирал ногу, размахивал руками и вертел занемевшей шеей. Понемногу тепло возвращалось в его члены, от одежды пошел пар. А вместе с ним и запах — едкий, удушливый, отвратительный, словно он и впрямь был ожившим мертвецом.

Богузу предстояло идти переулками, чтобы добрать-ся до улицы Вздохов, названной так по обычаю местных жителей тяжело вздыхать, поминая злую судьбу. В старом городе обитал простой люд — горшечники, суконщики, кожевенники, кузнецы, носильщики, бродячие торговцы... Ближе к городским воротам селились погонщики и караванщики, а к северу, возле речной гавани, — рыбаки, наемные гребцы и плотники, трудившиеся на верфях.

И стоял в переулках тяжелый дух, и витали там запахи пригоревшего масла и нечистот, чеснока и кислой браги, кожи и железа, и угли в жаровнях, стоявших возле убогих покосившихся домишек, тлели даже ночью.

Здесь текла незатухающая до утренней звезды жизнь, подчиненная собственным законам. Днем кипела и бурлила мелочная торговля, вспыхивали и тут же угасали мелкие драчки, хозяйки ругались через заборы, а их мужья трудились в поте лица своего и напивались вечером, в час первой свечи. А когда первая свеча отгорала и ремесленники удалялись ласкать своих сварливых женушек, в лабиринте переулков появлялись ночные обитатели: воры, гуляющие девки и их сводники, мелкие бандиты и скупщики краденного. Из дверей кабаков неслись песни и стоны, под заборами совершались сделки и с помощью ножей выяснялись отношения, а временами разгорались настоящие побоища, когда из речной гавани забредали в местные таверны пьяные вдрызг корабельщики. Городские стражники появлялись здесь редко и не иначе как отрядами человек в десять.

Не признаваясь себе, Богуз любил места, в которых обитал. Чернокнижник чувствовал себя здесь в относительной безопасности: местные его знали и не трогали, более того, уважали за снадобья, коими залечивались раны, свищи и зудящие места на теле, а отсутствие стражников и вовсе было трудно переоценить.

Если бы не кошка, Нергал ее задержал!

Одежда почти высохла, когда он свернул в переулок. Кое-кто из торговцев уже сидел на своих местах, помешивая угли в жаровнях, из двери прямо под ноги Богузу выплеснули ведро помоев, двое похоронщиков в черном проволокли мимо какого-то бедолагу с перерезанным горлом. Богуз поглубже натянул войлочную шляпу и, прихрамывая, запагал среди связок чеснока, лука и сушеных фруктов, свисавших по стенам домов, как флаги.

Никто его не окликнул, и это был плохой признак. Он миновал улицу Горшечников, свернул на Кожевенную и уже собирался пройти между заборов на улицу Вздохов, когда из ближайшей подворотни вынырнула стайка босоногих грязных мальчишек.

— Эй, дядюшка Богуз, кто тебе сапог порвал? — крикнул их вожак, конопатый и курносый оборванец.

— Пошел прочь, — буркнул чернокнижник, стараясь не сбавлять шаг.

Но мальчишки загородили дорогу и принялись подпрыгивать и кривляться.

— Богуз колдовал, нам орехов не давал! — заорал конопатый, корча страшные гримасы. — И за то его сведут на костер и там сожгут!

Богуз застыл на месте.

— Что ты мелешь, гаденыш?

— А вот и не превратишь меня в лягушку, — упер оборванец в бока грязные кулачки. — Тебе стражники всю посуду побили и зелья расплескали, теперь не сможешь колдовать!

Чернокнижник скрипнул зубами.

— Послушай, мальчик, — он попытался говорить добрым голосом, — я дам тебе леденец. У меня дома много всяких сладостей. Когда приходили стражники?

Конопатый осклабился.

— Врешь, нет у тебя ничего, кроме жаб да ящериц. У тебя ночью были, весь дом перевернули и прихвостней твоих отколошматили. А Лаврио с собой увели. Теперь пытать станут и кое-что отрежут!

Вся свора обидно захохотала.

Лаврио был его лучшим учеником. Ведал Таблицу Десяти Чисел, Терактис, умел пускать кровь и готовить касторовую мазь. Бедный Лаврио.

Богуз полез в карман, достал коробочку, из нее — белый комочек и бросил в лужу, под ноги мальчишек. Лужа зашипела и пошла пузырями. Это был всего лишь карбид, никакого волшебства, но шипение подействова-

ло на оборванцев почище Сетовых мистерий: их словно ветром сдуло.

Чернокнижник не стал выходить на улицу Вздохов: перелез через забор, прошел огородами, отодвинул доску и оказался на заднем дворе своего дома.

Хотя его трудно было назвать домом. Приземистое строение из грубо отесанных камней в правой части имело два этажа — словно широкая башня выступала над крышей, а сбоку от нее на каменной кровле лепились разномастные постройки, сбегавшие вдоль левой стены причудливой лестницей. Больше всего они походили на голубятни и принадлежали двум сестрам-старухам, сдававшим эти клетки кому ни попадя: шлюхам, возникшим, наемникам, торговцам тканями, воришкам... Так было во времена его молодости, так оставалось и сейчас. И это его устраивало: среди шума и гама он был незаметен, а вся каменная часть дома принадлежала ему с тех пор, как он прибыл в Тарантию и откупил древнее строение у прежнего владельца, державшего здесь кожевенную мастерскую.

Богуз усмехнулся. «Прибыл в Тарантию!» Не следует лукавить хотя бы с самим собой. Не прибыл он, а бежал из родных мест, бежал с глаз селянок, смотревших на него равнодушно... В лучшем случае с жалостью — на его горб. Да, Нергал вас всех задери, это был горб, хотя и едва заметный, если надеть кафтан поплотнее. Но там, откуда он был родом, теплые кафтаны надевали редко.

Он пересек двор, заваленный старыми бочками, прожжавевшими чанами и прочим хламом, и толкнул заднюю дверь.

Дверь оказалась запертой, он ударил кулаком в створку.

— Кто? — раздался испуганный молодой голос.

— Отворяй.

Заскрипел засов — хозяина узнали.

На пороге, прижимая к лицу мокрый плат, топтался ученик Горус в разорванной до пупа рубашке.

— Били? — спросил Богуз, проходя внутрь.

— Ой, мастер, еще как били, — заголосил отрок, семеня следом. — И нас били, и реторты, и мебель ломали. Все разгромили свиньи Шатоладовы, всю мастерскую разнесли! А Лаврио...

— Уймись, — приказал черно книжник зло, — я знаю. Наказывал — дверь не открывать. Убежище мое не нашли?

— Нет.

Он поднялся по скрипучим ступеням из полутемной прихожей в обширную залу, занимавшую две трети дома.

Здесь царил полный разгром. Трое его учеников поднялись с лавок: Гулио, Настор, Плевек... Выглядели они жалко.

Ничего не говоря, Богуз подошел к большому круглому столу. Шкафчик в его середине был разбит, из-за косо висящих дверок, словно внутренности из распоротого живота, вывалились свитки, измерительные палочки, коробки с иглами. Повсюду валялись манускрипты с вырванными страницами и расколотыми досками переплетов. Листы папируса лежали на полу, похожие на опавшие лепестки огромных цветов, на одном — четкий след сапога. Его библиотека больше не существовала.

На стеллажах, стоявших вдоль стен, — обломки инструментов, битое стекло, подсохшие лужицы отваров. Полки висели криво, все их содержимое рухнуло вниз: древние фолианты, деревянные пластины и кусочки коры с начертанными знаками, его записные книжки из слоновой кости и красного дерева, покрытые воском, дабы царапать на них стилем мимолетные заметки... Нетронутыми остались лишь пучки тонких веревок со множеством узелков да таблицы с магическими знаками.

Богуз скривил рот: что теперь ему до тех знаков? До собственных записей на воощенных дощечках? Растворение, испарение, очистка — пустые слова! Восстановле-

ние из пепла: он почти добился удачи. Огненная ртутная сущность, сущность паровая или туманная, Духовная Земля... Слова, слова!

Он повернулся к ученикам. Горус, Гулио, Настор, Плевек стояли рядышком, ежась, словно в комнате царил невесть какой холод. Затекишие от пощечин лица, разорванная одежда, в глазах — страх... Он сам колачивал их нередко тяжелой палкой или линейкой, подвернувшейся под руку, он почти не замечал их присутствия и путал имена, исключая Лаврио, и все же сейчас, когда предстояло расстаться с ними навсегда, в душе черно книжника шевельнулось что-то маленькое, острое и щемящее.

Богуз отогнал ненужное, нащупал за пазухой крысенка (тот дышал часто и дрожал всем телом), потом сказал сухим голосом:

— Вот что. Я решил покинуть этот мир. Скроюсь в убежище, что там произойдет — вам знать не нужно. А вы идите куда хотите. Скоро явятся *дознаватели*, вам лучше с ними не встречаться. Двери запрете и выберетесь через дымоход на крышу. Пока будут ломать створки, я успею...

— Мастер... — едва слышно шепнул Горус и вскрикнул. Остальные молчали.

Черно книжник повернулся к ним спиной и направился к огромному резному шкафу, занимавшему половину внутренней стены. Он больше не думал об учениках.

Дверцы были разбиты в щепы: очевидно, стражники поупражнялись здесь мечами. Все инструменты, хранившиеся в шкафу, скинуты на пол и растоптаны. Но Богуз на них даже не взглянул: его интересовала лишь резная горгулья, одна из четырех, украшавшая верхний створ исполина. Горгулья была цела, он нажал — раз, еще, чуть выждал, снова нажал, потом потянул вправо и вверх. Скрипнуло, за средней полкой открылось углубление. Там стояла клепсидра, старая, покрытая зеленью, с тремя фигурами: Иштар, ее воз-

любленный Адонис, справа — Ашторех, верная наперсница.

Чернокнижник дотронулся до головы богини — из глаз ее закапала вода. Она сбегала по бронзовым щекам, словно слезы, и струилась вниз, в широкое углубление, подобное озеру у ног Иштар, — все быстрее и быстрее. Богуз ждал, покусывая губу, слыша, как за спиной тихо переговариваются ученики.

Когда чаша наполнилась водой, Адонис и Ашторех вдруг провалились внутрь пьедестальчика, раздался тихий перезвон, и задняя стенка шкафа отъехала в сторону, открывая темный проход. Богуз шагнул внутрь, притворил потайную дверь, но заперать не стал.

Теперь это было все равно.

* * *

Великая Пустота... Ни солнца, ни звезд, ни луны; из тьмы первозданного Хаоса, покоившегося без движения, словно в глубоком сне, прежде иных творений возникли воды. Воды породили огонь. Великой силой тепла в них рождено было Золотое Яйцо. Тогда еще не было Времени, и никто не мог сказать, сколько плавало Золотое Яйцо в водах, в безбрежном и бездонном океане. Потом из Золотого Зародыша возник Прародитель. Он разбил яйцо, и оно расколослось надвое. Верхняя половина стала Небом, нижняя — Твердью, а между ними, чтобы разделить их, Прародитель поместил воздушное пространство. И Он утвердил землю среди вод, и создал страны света, и положил начало Времени...

Так учили Древние, так говорилось в их скрижалях, и за знание того ныне сжигали на кострах. Ибо худшая ересь и грех непростительный — утверждать, что прежде Творца была Великая Пустота, из которой все происходит и куда все возвращается.

Но пуще всего ликовали толпы на площадях, когда горели тела тех, кто пытался с помощью определенных заклинаний проникать за тонкую преграду, отделявшую мир привычных человеческих чувств от Неведо-

мого. Ибо тот, кто поклоняется Пустоте или Мраку, — в лучшем случае сумасшедший, тот же, кто хочет общиться с невидимым обитателям стихий, — худший враг рода человеческого.

Богуз знал, на что шел, когда, запершись в каменных стенах бывшей кожевенной мастерской, портил глаза над древними манускриптами. Удивительный мир открывался ему: мир, подобный стремительному танцу без конца и начала, где в хороводе богов, духов и элементов слиты и разделены все видимые и невидимые предметы, где время не течет, подобно реке, а вращается вечным кругом, и разрушение предвещает новое возрождение — до тех пор, пока не наступит Великое Уничтожение... Теперь он был готов присоединиться к этому танцу, стать искрой, несущейся по ветру, обтекающему Вселенную.

Оказавшись в комнате без окон, занимавшей башню-надстройку его дома, чернокнижник запер крысенок в приготовленную клетку, скинул грязную одежду и, обнаженный, прошел за ширму, обтянутую черной материей. Здесь стояла медная купель, в которой пузырилась вода, всегда теплая, способная смыть любую грязь. Омывшись, Богуз надел черный халат с широкими рукавами, расшитый магическими знаками, высокий колпак и, подойдя к окованному медью сундуку из дерева офирского кедра, извлек магический посох и меч.

Стальной клинок меча был закален в Час Красной Звезды новыми инструментами, которые после совершения обряда полагалось уничтожить. Эфес был сделан из серебра с примесью ртути, и на нем виднелись выгравированные символы Маркуса и Луны, а также сакральные имена двух Посланников. Рукоять была отделана оловом. От рукоятки по лезвию отходил небольшой медный треугольник, на котором располагались символы Грома и Молнии. На самом лезвии начертано было имя Аримана с одной стороны и Митры — с другой.

Посох был небольшим, не более локтя, из черного дерева. На его конце поблескивал тусклый граненый шарик.

Четыре медных светильника стояли по углам комнаты, Богуз зажег их. Пламя было неярким, желто-голубым, по стенам запрыгали тени, запахло чуть сладковато, дурманяще. На стене, противоположной тайному входу, смутно проступили очертания странного существа с козлиной головой, женской грудью и темными крыльями за горбатой спиной. Во лбу вырезанного из дерева кумира темнела пентаграмма — Звезда Истинного Знания, столь ненавистного иерархам Братии.

Положив меч и посох на каменные плиты пола напротив кумира, черно книжник достал из сундука моток красных ниток, двенадцать крестов, сделанных из лавровых палочек, небольшие чистые листы пергамента, новое гусиное перо, чернильницу и коробочку с песком.

Согнувшись над низким столиком из сандалового дерева, он принялся наносить на пергамент надписи древними угловатыми рунами. Посыпал песком, стряхнул, проколол костяной иглой листы, нанизал их на красную нить, закрученную вправо, и скрепил нитью лавровые кресты. Положил на пол, так что связка образовала двенадцатигранник, внутри которого оказались посох и меч. Потом отнес туда же клетку с крысенком и, бормоча заклинания, принялся очерчивать внутри двенадцатигранника два круга, внешний — красным мелком, внутренний — белым. Внутри маленького круга начертил белый крест, поверх — красную пентаграмму.

Взял меч в правую, посох в левую руку, выпрямился и уставился на звезду, темнеющую между козлиных рогов. В отличие от фигуры демона, вырезанной из пальмового дерева, рога были настоящими.

Он стоял в центре начертанной пентаграммы, недвижимый, словно сам обратился в идола. Где-то капала вода, отсчитывая Время. Черно книжник ждал.

Для прочих сутки делились на утреннюю, дневную и вечернюю стражи, потом шли часы первой, второй и третьей свечи, именуемые также стражей ночной. Для посвященных каждый миг Времени означал целый букет сакральных имен и символов — цвета и музыкальные звуки, рыбы, насекомые, животные, рептилии и птицы, цветы, растения, фрукты и деревья, камни, металлы и драгоценности, элементы и их обитатели, звезды и тела небесные — все, что составляет миры видимые и невидимые, несло в потоке времен и было их составной частью. Богуз не постиг и тысячной доли сей премудрости, но Имена Звезд он ведал, и этого было вполне достаточно для достижения его цели.

Там, высоко в небе, за голубым его куполом и облаками, всходила сейчас Утренняя Звезда, и это был первый час последнего дня четвертой седмицы первого осеннего месяца. Он заранее рассчитал нужный декан, когда Луна была в небесном дворце, именуемом Альгелба, когда благоприятно делать пентакли для любви, для победы над врагами, для укрепления создаваемого, просить о помощи и благорасположении. Помощь и благорасположение Господина — вот чего он жаждал.

И, обретя нужное склонение, тела небесные открыли Врата. Последний раз ударила со звоном капля, пентаграмма во лбу козлоголового демона вспыхнула ослепительно-красным, камень на конце магического посоха побелел и стал похож на каплю молока.

Тогда черно книжник, подняв над головой меч и жезл, заговорил глухим, но явственным голосом: «Всемогущий и Вечный, кто предписал всем созданиям молиться Тебе, молю послать мне духов, кто помогает править Небесным Сводом и удерживать Твердь Земную, дабы помогли они мне открыть Вход и узреть Лик Твой! *Эм сибро тена бардег!*»

Звезда Знания пылала кроваво-красным светом, затмевая земные огни, горевшие в лампах, багровые отблески плясали на козлиных рогах идола, указывавшего пальцами левой руки вниз, а правой — вверх, туда,

где за каменными сводами бывшей кожевенной мастерской разгоралось над крышами Тарантии утреннее небо.

«Духи, чьей помощи я прошу, зрите Знаки и Священные имена,— чернокнижник повел посохом, указывая на куски пергамента на скрепленных красной нитью лавровых крестах,— повинуйтесь силе заклинаний, выходите из пещер и темных дыр, прекратите мучить несчастных смертных тоской и жаждой несбыточного, выходите на место, где Истинная Власть соединит вас! Внемлите моим приказам и не мыслите, что ваше сопротивление заставит меня прекратить действие! *Эм тена бардег сина!*»

Вокруг пентаграммы во лбу идола возник белый туманный круг. Он стремительно вращался, клубясь неясными очертаниями, расширяясь и поглощая рогатую фигуру. Еще миг — и кумир исчез, словно провалился в черную бездну, зиявшую теперь в центре туманного кольца. Эта дыра, из которой несло ледяным холодом, быстро увеличивалась и вскоре заняла почти всю стену, на которой раньше висел рогатый кумир.

Теперь среди белых клубов стали видны лики и смутные силуэты, несущиеся хороводом и все замедляющие свой бег. Чернокнижник узнавал их, хотя раньше никогда не видел,— узнавал по описаниям «Скрижали магов».

Вот Асиель: самый могучий из всех духов, которые поступают на службу колдунам. Он является в облике карлика трех ладоней ростом, и нужно заклинать его три раза перед тем, как он появится в заранее очерченном для него круге. Он достает богатства и любую вещь из любого края, по желанию волшебника. Он быстр, как человеческая мысль.

Вот Анигуэль: услужлив и наиболее полезен, появляется в образе десятилетнего мальчика. Его специальность — поиск скрытых в земле сокровищ и минералов.

Вот Марабуэль, истинный повелитель гор, быстрый, как птица на крыльях. Беспокойный дух, весьма трудный в управлении. Облачен в броню, а голова, как у дятла, с красным хохолком. Может переносить на большие расстояния и повелевает Весенним Корнем...

И еще — Асиевель, могучий повелитель моря, который находит вещи, оброненные в воду; Махиель, прекрасная дева, дарующая богатство и спокойствие, Баруэль, мастер всех ремесел в кожаном рабочем фартуке...

А между этими ликами всплывают и тонут среди белесых струй множество других: холодно-прекрасных и уродливых, злобных и исполненных равнодушия, хохочущих, скалящих желтые клыки, подобные звериным мордам, маскам, камням, деревьям, почти невысказанные, вселяющие ужас, тоску и зависть...

Любой из самых ничтожных духов, вызови его чернокнижник в нужное время нужными заклинаниями, мог бы стать достойным венцом его ночных бдений и научных изысканий. Но сейчас ему не нужны были даже духи высшие, такие как Асиель, ибо они явились лишь для того, чтобы открыть Врата, снять печать, скрывающую Лик Господина. Там, в черной дыре, таилось то, что притягивало и жгло душу, к чему были устремлены его тайные помыслы и подспудные чаяния.

Эм тена бардег сина!

Богуз произнес еще несколько заклинаний, чувствуя, как тело его словно начинает таять, увлекаемое неслышным зовом, готовое распасться на составные элементы и стать частью Мирового Вихря. Тогда он ударил мечом, разбив прутья клетки, и вонзил острие в серый подрагивающий комок у себя под ногами. Брызнула темная кровь, и Богуза поглотила Пустота.

И сразу же он увидел... Нет, не увидел, а стал частью того, к кому так стремился. Он был исполинским вепрем, он сражался с демоном Хараньякшей тысячу лет, чтобы спасти землю, которую демон утопил в оке-

ане, он одолел Хараньякшу и поднял землю на своих клыках — к свету. И воссел по правую руку Бога, и называли его Красный Вепрь Неба. Именовали его также мужеубийцей, ибо ярость, kloкотавшая в груди его, способна была разрушать миры. И молили его ничтожные не убивать ни большого, ни малого, ни выросшего, ни отца, ни матери, не наносить вреда телу, семени, жизни, коровам и лошадям. Он жил в северных пределах, был юн, быстр, силен, неуязвим, имел твердые члены, спутанные волосы, прекрасные губы; он улыбался, как солнце, и насылал смерть через стрелу, через яд и лихорадку.

Он был вепрем и прекрасным человекоподобным существом, убийцей и лучшим из врачей. Его молили о лекарствах, дарующих долгую жизнь, о плодородии и мужской силе. К нему обращались с просьбой: «Да размножимся мы через детей». О нем говорили: «Да создаст он благо нашему скауну, здоровье барану и овце, мужчинам и женщинам, и быкам». Его называли Варх-ран, бог войны и победы, его называли Трьямбака, что значит «имеющий трех матерей», на востоке он был Рудрой или Асурой, на западе — Ариманом, темным богом.

Не одна Великая Катастрофа сотрясла землю, прежде чем он утратил небесный престол. Он восстал и был низвергнут, и Сердце его упало на Твердь огненной звездой. Он мчался среди облаков, уходя от Дикой Охоты, и Небесные Всадники скакали по пятам, называя его вепрем Турх Труйт. Плоть его варил в котле повар Андхримнер, и павшие в бою храбрые воины-эйнхерии поедали его неиссякаемое мясо, запивая медовым молоком козы Хейдрун. Он стоял на пороге Серых Равнин, считая на костяных счетах добро и зло, он писал на свитках приговоры, он готов был обезлюдет весь мир и сойтись с богами в последней схватке на закате Второй Эпохи Солнца...

Для ничтожного, открывшего Врата, имя его было — Нергуз.

Потом появился остров, лежащий посреди безбрежного моря. Его покрывали густые леса, среди которых

темнели квадраты полей и сияли лазурные ленты полноводных рек. Небольшие деревушки и города цветными пятнами во множестве были разбросаны среди садов, а между ними вились мощенные желтым кирпичом дороги, перекинутые через реки арками легких мостов.

Посреди долины сиял всеми цветами радуги, словно огромная перламутровая раковина, извлеченная неким гигантом из глубин Мирового Океана, прекрасный город, обнесенный семью круглыми стенами, возвышающимися одна над другой. Каждая стена была окрашена в один из цветов радуги, а сделаны они были из материала, подобного полупрозрачному стеклу. Виднелись купола дворцов и башни, яркие, как самоцветные камни.

А на севере, отделенный от острова узким проливом, темнел мрачный железный замок без врат и окон.

Чернокнижник словно парил над островом — огромный золотистый дворец в центре главного города надвигался, сияя куполом и кровлями башен. Но, странно, столь же стремительно надвигался и железный замок, словно Богuz неся в двух разных направлениях одновременно...

Он проник сквозь стены замка и дворца, и две картины явились его внутреннему зору, ясные и призрачные, несовместимые и единые в своей непохожести.

На троне из черного полированного металла восседал некто, раскинувший за спиной огромные перепончатые крылья. Его лик приблизился, мелькнули и тут же пропали желтые клыки, и лицо стало человеческим, не страшным. Чернокнижнику показалось, что лицо принадлежит немедийцу: светлые брови, голубые, чуть припухшие глаза, прямой нос и жесткие губы... Губы дрогнули, и потекли слова, суть коих он уловить не мог.

И в то же время он был в круглом зале с желтоватыми стенами и видел в центре двух людей, мужчину и женщину. Женщина была в простом черном платье, единственным украшением ей служила серебряная ди-

адема с золотыми изображениями солнца и луны. Мужчина, коротко стриженный, в коричневой куртке, узких штанах и туфлях с тупыми носками, прикрыв глаза, спокойно лежал навзничь на черном камне, поперек красной трещины, рассекавшей этот странный алтарь. Каким-то непостижимым образом Богуз понимал, что эта пара и существо в железном замке связаны между собой, но сейчас эта связь нарушена, и причиной тому — он, незримый пришелец в их странном мире.

Человек в берете приподнял веки. Взгляд его был пронзителен и вместе с тем спокоен. Теперь чернокнижник смотрел глазами этого человека, смотрел на туманное кольцо с черным провалом посередине, вращающееся под потолком зала...

Потом остались только голоса. Один, грохочущий, накатывал, как волна на галечный берег, он приказывал, отторгал, но сулил возвращение.

Второй, принадлежавший мужчине в берете, произнес: «Пора, королева».

Женский голос, чистый и ясный, молвил с некоторым сожалением: «Неужели нельзя без этих условностей? Бедное животное!»

«Это крыса, — отвечал мужчина, — они не любят крыс».

«Хорошо, что не кошка, — сказала та, кто именовалась королевой. — Ты готов, друг мой?»

«Да. Поторопись, иначе стражники доберутся до него раньше, чем я».

И сейчас же Богуз увидел стражников. Они уже выломали парадную дверь, впуская внутрь двух *дознателей* в белых плащах с капюшонами. Один, высокий и тощий, обнюхивал шкаф, осторожно тыкая пальцем в бронзовую фигурку Весенней Богини.

Потом он почувствовал, что снова стоит в центре пентаграммы, на каменных плитах своей тайной комнаты без окон.

«Нет! — хотел закричать Богуз. — Не оставляй меня, Господин мой!»

«Ты вернешься, — накатил рокошующий глас, — и принесешь то, что я велел!»

Богуз увидел, как стремительно смыкается туманное кольцо, затворяя Врата, боль обожгла сердце, он зашатался и, уронив посох и меч, рухнул в центре магического круга, еще успев воспринять чьи-то сердитые слова: «Эй, смотрите, чтобы *эти* не вырвались!» Потом облачные вихри сомкнулись, мелькнуло смеющееся женское лицо, раздался нечеловеческий хохот, сноп ярких искр брызнул из таящего клуба тумана, ударил, срывая, потайные створки, сбил с ног *дознателей* и вылетел через дымоход в утреннее осеннее небо.

Ничего этого Богуз уже не видел. Когда оправившиеся посланцы Братии, творя охранные молитвы, ворвались в тайное убежище, они обнаружили на полу, среди магических знаков и перепутанных клубков красных нитей, скорчившееся тело колдуна, которого поначалу сочли мертвым.

Но Богуз, горбун-чернокнижник с улицы Вздохов, был еще жив. Ему дали понюхать флакон с солью, потом стражники выволокли его на улицу и бросили в черную повозку.

Глава четвертая РЫЦАРЬ И ДАМА

Песнь эта о вассале удалом,
Он прозвище имел Короткий Нос,
Но те, кто с ним ломали копья,
Его Рукой Железной нарекли...

Саавард Тарантийский.
«Подвиги Дагеклана»

«Вино было паршивым,— сказал себе рыцарь. Потом оглядел низкие каменные своды, покрытые пятнами плесени, и добавил: Так-то, Дак, попали мы с тобой в передрагу».

— Вы что-то сказали, месьор? — слышался молодой голос.

Рыцарь приподнялся, опершись на локоть. Он лежал на куче прелой соломы в каком-то подвале. Через круглую дыру в потолке падал солнечный столп с крутящейся внутри мелкой пылью. Все остальное тонуло в полумраке.

— Где я?

— В узилище барона Эзры Рыжего. Разве вы не помните?

Рыцарь подумал.

— Нет,— сказал мрачно,— никакого барона я не помню. Помню даму Абегальду с ее соколом.

— Это его дочь. Значит, вы не дрались с баронетом?

— Еще и баронет,— проворчал рыцарь, морщась: под черепом словно гудел пчелиный улей.— А с кем я говорю, хотелось бы знать?

— О, простите,— застеснялся молодой человек.— Разрешите представиться: виконт Алджерон. Я, как и вы, пленник коварного Рапральфа. Хотелось бы узнать и ваше имя.

— Меня зовут Дагеклан,— сказал рыцарь.— Но кто, Нергал меня задери, все эти бароны и баронеты?!

— Дагеклан! — воскликнул невидимый виконт.— Не тот ли вы знаменитый Дагеклан по прозвищу Железная Рука, легенды о котором ходят по всей Хайбории?

— Тот самый. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Железная Рука! Воистину я готов благословить Рапральфа за то, что его низкое коварство стало причиной моей встречи со знаменитейшим рыцарем!

И, спохватившись, виконт поспешно объяснил:

— Рапральф — сын барона Эзры. Сам барон сейчас в Бельверусе и, говорят, человек он достойный. Наследник же не в отца вышел. Он, хоть и посвящен в рыцарское звание, но настоящий мужлан.

— Он вас пленил?

— Увы! И самым коварным образом. Рапральф не дал моему оруженосцу подать боевой меч, и я вынужден был биться дорожным. Меч баронета был на две ладони длинней моего и тяжелей в полтора раза. Кроме того, его слуги так орали, что испугали мою лошадь...

— Но почему вы здесь, в темнице? Настолько бедны, что не смогли пообещать баронету достойного выкупа?

— Увы! — снова воскликнул виконт.— То есть я хочу сказать — отнюдь. Мои родичи достаточно состоятельные люди. Но Рапральф не ведает законов рыцарской чести! Он даже... он...

— Что же?

— Он высек меня!

— О,— только и сказал Дагеклан.

Следовало бы проучить этого Рапральфа. Вызвать на три удара меча, сбить в грязь и — мордой... Так и будет,

если он отсюда выйдет, что сомнительно. Если баронет счеет плененных рыцарей, он их вряд ли отпускает живыми, дабы лишних вестей не разносили. Надо же было угодить в лапы такого дикаря. Ай да дама Абегальда!

Даму Абегальду он увидел — вчера? — на закатном луче. Дама красиво скакала на чалой кобылке с гривой, заплетенной цветными лентами. За плечами наездницы развевалась белая накидка, а волосы были убраны в аккуратную сеточку. Вид у дамы был испуганный.

Он пустил свою лошадь галопом и быстро приблизился.

Дама вертела головой, оглядывая небо.

— Митра, о Митра, — бормотала она, словно искала в просветах облаков самого Подателя Жизни.

— Могу ли я помочь? — осведомился рыцарь.

— Нет! — воскликнула дама. — Все пропало. Он улетел, улетел...

— Кто?

— Сокол моего брата. Теперь брат меня убьет.

— Если позволите, я этого не допущу.

Она в первый раз глянула на рыцаря внимательно.

— Вижу, вы бывалый воин. Меня зовут Абегальда. Это ваш оруженосец там, у дерева?

— Мой.

Он обернулся, чтобы взглянуть на юного Фабио, своего оруженосца, и увидел сокола. Птица летела к верхушке старого вяза, за ней тянулся шнур с привязанными колокольцами, которые едва слышно позванивали.

— Прочь, прочь! — закричала дама.

Но сокол ее не слышал. Он уселся на ветку и принялся что-то клевать. Свежий вечерний ветер закинул шнур, птица расправила крылья и перелетела повыше. Поводок трижды обмотался вокруг сука, сокол дернулся, вновь попытался взлететь, но шнур потянул вниз, птица ударила крыльями и повисла вниз головой, медленно вращаясь и по-змеиному выгибая шею.

— Все, — сказала Абегальда, — теперь точно убьет.

— Зачем же вы брали птицу?

— Я не хотела ее спускать! Шнурок оборвался, видно, подгнил, она и улетела. Я только хотела поучить ее возвращаться на зов...

Дагеклан уже не слушал. От мысли, что птица может поломать крылья, сердце забилося у него в горле. Любой хозяин ловчего сокола это легко поймет, а Дагеклан когда-то любил соколиную охоту. Он пришпори коня и поскакал к вязу.

Абегальда подъехала, когда рыцарь уже снял доспехи, камзол и сапоги и остался в нижних штанах и рубахе.

— Что вы собираетесь делать?

— Я собираюсь влезть на дерево, — ответил Дагеклан и полез.

Поводок уже совсем обмотал соколу крылья и горло: время от времени птица начинала биться — Дагеклан подставил соколу руку и сморщился от боли. Пока он разматывал шнур, когти птицы разодрали ему руку до мяса. Потом он привязал к опуткам тяжелый сук и бросил птицу: она слетела вниз, и дама Абегальда подставила ей перчатку.

— Ах, — сказала она, когда рыцарь спустился, — вы спасли мне жизнь. Вон едет моя служанка, у нее есть короб с провизией, мы собирались перекусить на свежем воздухе. Не желаете ли присоединиться?

— А ваш брат? — спросил Дагеклан. — Если он появится, то не одобрит такого поведения.

— Не появится, — сказала Абегальда, — он в замке, пьянствует с друзьями.

Рыцарь хотел спросить, как называется замок и кто его хозяин, но не успел. Только он пригубил вино — все поплыло перед глазами, он сел в траву под деревом и больше ничего не помнил. Только сейчас до него дошло, что вино не было плохим, просто в него подмешали сонное зелье. А следовало бы задуматься раньше: что там клевал на ветках сокол и не слишком ли вовремя возникла служанка с коробом, полным кубков?

Он коротко пересказал историю виконту: откровенность за откровенность. Виконт гневно назвал Рапральфа

бесчестным человеком. Дагеклан отметил, что это самое сильное ругательство Алджерона.

Потом они услышали, как где-то за стенами тюрьмы протрубил рог. Какие-то тени заслонили отверстие в потолке, послышалось ржание коней, крики. И снова солнечный свет упал вниз полупрозрачной колонной.

— Похоже, кто-то приехал, — заметил рыцарь.

— Должно быть, баронет вернулся с охоты...

Голос виконта предательски дрогнул.

Тут загремела дверь, и в солнечном круге возникла дама Абегальда.

— Вы?! — воскликнул Дагеклан. — Уходите, не желаю вас видеть.

— Ну не надо, — сказала дама. — Это брат меня заставил. Я раскаиваюсь. И привела вашего оруженосца: вот, его даже не били.

Из-за спины Абегальды показался юный Фабио в одной нижней тунике. Он мрачно направился в угол и сел, опустив голову на поднятые колени.

— Так вы скажете ему, что я не виновата? Все придумал Рапральф. Вы знаете, достойный рыцарь, что женщины должны подчиняться мужчинам.

— Кому это я должен сказать?

— Обещаю вернуть вам коня и вооружение, — быстро проговорила дама, оглядываясь.

На лестнице, ведущей в подвал, послышались тяжелые шаги, и молодой, но хриплый и низкий голос проговорил: «Да откуда я мог знать, если у него щит был в чехле?» Другой, раскатыстый, отвечал сердито: «На то есть оруженосцы, Рап, я что, тебя учить должен?»

Снова залязгали створки, и среди крутящейся пыли запылала рыжая борода.

— Кто из вас на лазурном поле кот лесной червильный стоящий?

— Месьор, — склонил голову Дагеклан, не поднимаясь на ноги, ибо был в нижней одежде.

Барон Эзра (а это был он) уставился зеленоватыми водянистыми глазами в полумрак, силясь разглядеть

пленника. Потом догадался выйти из солнечного круга и, присмотревшись, спросил недоверчиво:

— А щитодержатели?

Он имел в виду символические изображения по сторонам рыцарского герба.

— Справа — орел, поднявший лапы обернутые, слева — дерево бук с желтой лентой, перевитый. Могу еще добавить пику, повязку, ограду и две червлёные полосы, сходящиеся под углом, означающие взятые и разрушенные преграды. Вверху — шлем с забралом открытым и бурелет сине-красный, цвета же сии принадлежат, как известно, Ордену кампанариев.

— А девиз?

— «Не останавливайся!»

— Значит, ты и есть Дагеклан Железная Рука, — пробормотал барон. — Признаться, я представлял тебя по-другому...

И, заметив, как напряглось лицо рыцаря, поспешно добавил:

— Я, барон Эзра Рыжий, приветствую рыцаря Дагеклана в замке Иш и прошу извинить моего сына, захватившего тебя спящим. Он не ведал твоих знаков, ибо щит был в чехле, а оруженосец твой сбежал, завидев всадников.

— Сбежал он или нет, это против правил.

— Я знаю! — вскричал барон гневно. — Рапральф не должен был так поступать. Ты, хоть и уснул на нашей земле, достоин преломить копья с любым из нас. Если позволишь, я хотел бы исправить это недоразумение.

Дагеклан не стал говорить, что явилось причиной его слишком раннего сна на свежем воздухе. Барон, по всему было видно, нрав имел крутой, и даму Абегальду было жалко. Кроме того, дама обещала вернуть коня и оружие.

— Позволю, — сказал рыцарь.

— Тогда отправимся наверх и подготовимся к схватке.

— У меня есть одно условие, — сказал Дагеклан. — Я вправе его поставить, ибо ты — сторона вызывающая.

— Да?

— Я выйду отсюда только в сопровождении оруженосца и этого юного виконта.

Лицо Эзры побагровело.

— С какой это стати? — рявкнул он. — Ладно, на оруженосца я согласен, но виконта мой сын одолел в честном поединке. Он сбросил его на землю, и тот молил о пощаде.

— Рапральф не дал ему воспользоваться боевым мечом.

Эзра Рыжий крутнулся на пятках. За его широкой спиной маячил высокий сутулый малый — его узкий подбородок тонул в широком воротнике щегольского камзола, острый нос был уставлен в пол.

— Это правда? — гаркнул барон.

— Отец, — сказал Рапральф, — кому ты веришь — мне или этому рыцарю?

— Конечно рыцарю, — сказал Эзра. — Ты лжив, как монах. Ладно, сделаем так. Если месьор Дагеклан тебя одолеет, ты отпустишь его и виконта. Ступай вверх и приготовься.

— Но я нездоров... — загнул баронет.

Владелец замка Иш ухватил его за грудки и легко поднял, так что ноги Рапральфа в длинноносых туфлях с изумрудными пряжками повисли в трех ладонях над полом.

— Ах, ты нездоров, — прогудел Эзра Рыжий словно из пивной бочки, — занемог, бедняга... Пил бы меньше! Только отца позоришь?! Чтобы, значит, бельверусские сплетники судачили, что мы спящих рыцарей пленяем?! Убью!

— Не надо, — сказал Рапральф покорно, — я, в конце концов, твой единственный наследник. Если так уж хочешь, я скрещу копье с этим рыцарем.

— На три удара!

— На три так на три.

Оковы с пленников были сняты, и все отправились в комнаты, дабы не торопясь приготовиться к выясне-

нию отношений по всем правилам. Первым делом Дагеклан потребовал ванну.

Он с удовольствием смыл с себя пот и грязь, распекая при этом помогавшего мыться оруженосца. Юный Фабио со слезами на глазах заверил, что никуда он не бежал, а, напротив, приветствовал, как должно, незнакомого месьора и его людей, объяснив, что господин спит, но, когда проснется, с удовольствием обменяется с ними ударами, если на то есть необходимость. Незнакомый же месьор до объяснений не снизошел, а просто врезал оруженосцу по голове древком копья, отчего Фабио лишился чувств, а когда пришел в себя, его сразу же увели в пыточную, и там он пролежал, обливаясь слезами, в ожидании порки всю ночь, связанный, что твой каплун на столе повара. Потом его одолела тревожная дрема, из которой его извлекла дама Абегальда.

— Прощаю тебя, — сказал Дагеклан, — и не распускай сопли, мой мальчик, хуже бывало. Давай-ка одеваться.

Короб с одеждой Дагеклана уже стоял возле купели, и Фабио приступил к привычной процедуре. Он подал хозяину нижние штаны и рубаху, чистые, присыпанные ароматическим порошком — больше от моли, нежели для услаждения обоняния. За ними последовала суконая куртка без рукавов и гобиссон — нечто вроде простеганной фуфайки из тафты, набитой шерстью; она служила для ослабления удара и защиты от железных колец брони, которые могли бы войти в тело даже и тогда, когда броня оставалась непроколотовой.

Затем с величайшим тщанием Фабио помог своему господину облачиться в кольчугу, прикрывавшую рыцаря от шеи до бедер; на груди броня была усилена стальными бляхами; капюшон, состоявший также из стальных колечек, висел на спине — этим капюшоном можно было прикрыть голову, когда снимался шлем. Поверх кольчуги Дагеклан надел медную, до блеска начищенную кирасу с выгравированным изображением лесного кота на лазурном поле — упрощенный вариант его герба.

Опустившись на колени, Фабио пристегнул набедренник, состоявший из железных блях: он защищал рыцаря от пояса до середины бедер. Потом оруженосец приладил поножи и наколенники, обул ноги господина в сапоги, укрепленные железными пластинами, и отправился к другому коробу, где покоились на подстилке, набитой конским волосом, шлем и расшитый золотом долматик.

Шлем был довольно глубок, из легкой и прочной стали, набородник украшен замысловатой чеканкой, а наверху — маленьким султанчиком желтых перьев. Позолоченное забрало, сейчас поднятое, остро выдавалось вперед и было похоже на орлиный клюв.

Рыцари высоко выбривали виски и затылок, дабы волосы не попадали в прорези шлема и под задний полукруглый выступ, прикрывавший шею, а иногда и плечи. Верхняя часть прически, напротив, обычно была пышной — густые волосы служили дополнительной защитой от ударов сверху.

Дагеклан не был исключением. Он водрузил поверх густой, чуть вьющейся шевелюры набитую паклей шапочку, а Фабио приладил каску. Лицо рыцаря с неправильными, несколько мелковатыми чертами и коротким носом, кончик которого был некогда отрублен в одном из сражений, стало грозным и величественным. Фабио очень любил видеть своего господина в полном боевом облачении и очень сожалел, что рыцарь не может носить его постоянно.

Железная Рука несколько раз присел, проверяя крепость кожаных застежек, и велел подать меч.

Оруженосец повиновался. Меч в предстоящей схватке был не нужен, ибо противник вызвал рыцаря «на три удара копыя», и все же, согласно обычаю, дозволялось выезжать на бой в полном вооружении. Меч Дагеклана был одноручным, но достаточно тяжелым, и крепился к левому бедру сине-красным шарфом. На правом бедре, на кожаном поясе с вызолоченными гвоздями, висел длинный, почти в два локтя кинжал

с узким хищным лезвием. Он служил для добывания противника, в случае если тот не захочет просить пощады.

Наконец Фабио помог рыцарю продеть руки в прорези долматика из золотой и серебряной парчи, отороченной мехом куницы. На спине был вышит герб Дагеклана со всеми знаками, держателями и девизом.

Солнце перевалило за полдень, когда во дворе замка Иш рог возвестил о начале поединка.

Вокруг двора цела высокая толстая стена, сложенная из неровных камней, по внутренней ее стороне лепились многочисленные амбары, склады и глиняные домики челяди. Внутренняя цитадель представляла довольно высокую и мрачную башню, сужавшуюся к вершине. Это, собственно, и был замок Иш. Вокруг башни размещался просторный скотный двор — сюда во время осады загоняли стада коз, коров, овец и свиней. Сейчас в загоне разгуливали только утки и куры, поклеывая что-то в густой грязи.

Между скотным двором и конюшней на полтора десятка лошадей располагалась утоптанная площадка, достаточно просторная, чтобы два всадника смогли разъехаться и пустить коней вскачь навстречу друг другу. На площадке стояли растрепанные чучела: из распоротых холстин, словно вывалившиеся кишки, торчала прелая солома. Судя по их виду, этих соломенных воинов давненько никто не колол копьем и не лупил деревянными мечами.

Дагеклану подвели его коня, и двое слуг подали ясеневое копье, раскрашенное синими и красными кольцами.

— Щит! — приказал рыцарь, протягивая левую руку и не глядя на слугу.

Тут он услышал смех.

Рапральф, в черных доспехах, восседая на гнедой лошади, покрытой цветастым чепраком, смотрел на него с противоположной стороны площадки и смеялся. Смех его был глупый и нервный. Баронет указывал копьем куда-то за спину Железной Руки.

Дагеклан обернулся и увидел свой щит, висевший на притолоке конюшни. Он висел крайним справа, и среди других был самым новым — солнце играло в нем, как в зеркале.

Белый щит виконта с косой красной полосой примостился рядом. На нем не было никаких знаков, Алджерон еще не снискал себя славы в ратных подвигах. Остальные были старые, вылинявшие, числом около двух дюжин. На них еще можно было разобрать изображения перевязей и хоругвей, цветов и чудных животных, продольные и поперечные полосы, но вот буквы стерлись напрочь, и Дагеклан, обладавший весьма зорким зрением, не смог прочесть ни одного девиза. Что случилось с владельцами щитов, было неизвестно. Хотя, возможно, многие из них, заплатив выкуп, убрались из замка Иш восвояси — по обычаю, побежденный, даже откупившись, должен был оставить победителю щит, копьё и коня.

Не обращая внимания на дурацкие смешки баронета, Дагеклан подъехал к сараю, снял, приподнявшись в стремени, треугольный щит с изображением кота лесного (два, висевших рядом, упали — навыйники совсем прогнили и оборвались), потом неторопливо вернулся на исходную позицию и принялся прилаживать копьё в седельном упоре.

Рапральф перестал смеяться и опустил забрало. Лошадь его испуганно всхрапнула: настроение хозяина явно передалось животному. Плюмаж у баронета был пышный и высокий, совсем не подходящий для боевого шлема. Такие плюмажи очень нравятся дамам.

Дамы наблюдали за всадниками с каменных ступеней замка: Абегальда была в голубом платье с высокими буфами, перетянутыми витыми шнурками; рядом стояла пожилая женщина в темном уборе.

— Начинайте! — крикнул барон Эзра с крыльца.

— Но баронет должен поклясться, что его копьё не заговорено, — сказал рыцарь.

— Заговорено! — Голос Рапральфа под забралом был наглым и жалким. — Ты что, обвиняешь нас в колдовстве?

— Таковы правила.

— Клянусь Митрой, — прогудел барон, — оно не заговорено. Этого достаточно?

— В данных обстоятельствах — вполне.

— Тогда начинайте, во имя Мардука!

Дворня, разместившаяся на крышах амбаров и других построек, загалдела. Снова протрубил рог.

Дагеклан дал коню шпоры и сразу пустил его в галоп. Из-под копыт полетели комья земли, заставив слуг и гарольдов отпрянуть к конюшне. Рапральф тоже прищипорил лошадь, но неуверенно, забыв даже отпустить поводья. Гнедая припустила боком, потом выровнялась, но не успела набрать бег: копьё Дагеклана, летевшего во весь опор, ударило баронета под обод оплечья, точно в нужное место. Рапральфа развернуло, мелькнул радужный плюмаж и подковы, и всадник вместе с лошадью с лязгом грохнулись оземь.

Железная Рука круто осадил коня, спрыгнул с седла и в два прыжка очутился возле поверженного противника. Гнедая еще не успела подняться, когда Дагеклан придавил коленом грудь баронета и приставил лезвие кинжала к щели его забрала.

— Пощади! — услышал он сдавленный голос Рапральфа. — Ты убил меня...

— Нет еще, — сказал рыцарь, — хотя ты заслуживаешь смерти. Встань, будем биться на мечах.

— Нет! — взвизгнул Рапральф под шлемом. — Не было такого уговора! Пощады!

Дагеклан, почувствовав тошноту в горле, встал и убрал кинжал в ножны.

— Унесите этого труса, — услышал он рядом бас Эзры. Щеки барона пылали. — Я еще поговорю с тобой, щенок...

И, обращаясь к рыцарю, добавил:

— Славный удар, месьюр, и, главное, заслуженный.

— Так я свободен?

— Разумеется. Ты можешь уйти, когда пожелаешь. Если, конечно, сумеешь выбить из седла меня!

Глава пятая

ИСКРА

Располагаясь у пылающего очага, следует наказывать служителям ревностно наблюдать, дабы летящие уголья не повредили мебель и платье собравшихся.

«Домоводственные наставления»

Пол единственной залы в замке Иш был устлан тростником, стены увешаны потертыми гобеленами. В огромном камине, выбрасывая искры и распространяя приятный запах смолы, жарко пылал массивный комель. Над очагом висел огромный щит, украшенный баронским гербом: на красно-желтом поле голова кабанья оскаленная. Щит был так велик, что даже барон Эзра навряд ли мог его поднять. По сторонам камина стояли в специальных подставках копьё и алебарды, верхняя полка украшалась грубой лепниной, изображавшей не то зверей лесных, не то демонов преисподней.

Сам Эзра Рыжий восседал на стуле с высокой спинкой и резными подлокотниками. Такие же стулья, только поменьше, служили сиденьями двум дамам: Абегальде и ее матери Багильде, одетой во все черное. Баронесса мотала шелк, а юный паж, сидевший у ее ног на низенькой скамеечке, служил хозяйке замка мотвиллом.

В центре залы стоял массивный стол с остатками ужина. Рядом пылал костер, разведенный в небольшом углублении, возле него, щурясь на огонь, грелась пара промокших гончих. Еще с десятков собак бродили по зале или лениво грызлись из-за валявшихся на полу костей. Драпировка на стенах плохо пропускала воздух, и среди каменных стен плавал удушливый запах псины, дыма и жареного мяса.

— Красавец, а? — говорил барон, поднимая сокола, которого он только что пересадил с жердочки позади стула себе на запястье. Птица впилась острыми когтями в кожаную перчатку на руке, яростно тараща глаза, и барон самодовольно улыбался, поглядывая на своего любимца.

— Теперь, месьоры, вы верите, что он никогда не промахивается?

Дагеклан и Алджерон, сидевшие на табуретах напротив Эзры, вежливо покивали. Спорить не приходилось, и лучшим тому подтверждением были их собственные желудки, в которых покоился ныне заяц, взятый ловчей птицей и отлично протушенный главным поваром замка Иш.

— Отличная охота, — продолжал барон благодушно, — кабы не дождь, мы еще погоняли бы коней... Правда, птица от меня отвыкла, но быстро признала хозяина. Что и говорить, сокол должен садиться на мужскую рукавицу, а не на дамскую перчатку!

Эзра бросил грозный взгляд в сторону дочери. Дама Абегальда, уткнув розовый нос в пальцы, притворялась, что всецело поглощена вышиванием.

Впрочем, отцовский гнев уже утих. Прошла седмица с тех пор, как барон Эзра Рыжий вернулся из Бельверуса в свои владения и железной рукой навел порядок. После позорного поединка сына он приказал Рапральфу удалиться в комнату под крышей башни и не показывать оттуда носа, пока баронет не прочтет «Рыцарский кодекс», сочиненный достойнейшим Рупрехтом Нумалийским, — от корки до корки. Рапральф,

с трудом умевший читать по складам, был весьма опечален столь суровым наказанием, но подчинился, проклиная себя за то, что не удосужился припасти в верхней комнате бутылки с вином.

Сестра его отделалась обещанием расшить отцовский долматик, изобразив на нем кабаниху с пятнадцатью кабанятами, чем сейчас и занималась.

— Кстати, — вдруг спросил барон, разглядывая клюв птицы, — что значит орел на твоём гербе, любезный Дак?

Дагеклан, задумчиво потягивавший вино из медного кубка, поднял голову.

— В геральдике орел всегда означает высокую доблесть и отвагу. Думаю, я заслужил честь носить его на своём щите.

— Несомненно! Но почему у него обернуты лапы?

— Это значит: не нападай, а защищай.

Барон пальцем пригладил соколу перья.

— Чудно, — сказал он. — Я слышал о вашем ордене. Говорят, кампанарии имеют обычай отправляться в дальние странствия, дабы совершать подвиги...

— Мы называем это «кампаниями», отсюда имя нашего братства.

— Хм... Много я повидал гербов. У Тидия Неустранимого на щите изображен обнаженный человек с горящим факелом в руках и начертан девиз: «Сожгу город!» У старого Капаниа — воин, влетающий по лестнице на неприятельскую башню, девиз его гласит: «Сам Мардук не остановит!» Все хотят покорять и завоевывать, а вы, значит, защитнички...

Дагеклан нахмурился.

— Не вижу ничего смешного, барон. То, что вы смогли победить меня в единоборстве, еще не дает вам права насмехаться над традициями.

Эзра взмахнул рукой, отчего сокол распушил крылья и слегка ими помахал, удерживая равновесие.

— Полно, месьор, — пробасил барон, — я вовсе не насмехаюсь. Мы бились на славу, и если бы у тебя не лопнула подпруга, вряд ли бы я тебя свалил. Тем не

менее правила есть правила, и ты мой пленник. Признаюсь, когда Фабио привезет выкуп и мы расстанемся, мне будет тебя не хватать.

Рыцарь тяжело вздохнул. При всем желании он не мог ответить барону такой же любезностью. Да, Эзра Рыжий оказался человеком вполне благородным, поселил своих пленников в просторной комнате на втором этаже (правда, кровать там была одна, и Дагеклану приходилось делить ложе с виконтом) и, получив слово не пытаться бежать, ни в чем не стеснял их передвижения по замку. Сегодня он даже пригласил их с собой на охоту, которая удалась на славу. В другое время Дагеклан благословил бы судьбу, что попал в руки столь достойного нобилия, что, признаться, было редкостью не только в Немедии, но даже и в более просвещенной Аквилонии. Однако некоторые обстоятельства заставляли рыцаря считать каждый день в ожидании оруженосца, отправленного к друзьям-кампанариям за деньгами.

Проклятая подпруга!

А ведь поначалу он был уверен в победе.

Когда владелец замка Иш взобрался в седло и изготовился к бою, Дагеклан отметил про себя, что лошадь Эзры Рыжего тяжеловата, а всадник не очень крепко сидит в седле. Отъезжая к противоположному краю площадки, барон казался неловким и ехал, приподняв на стременах, обнаруживая просвет между собой и седлом. По своему богатому опыту рыцарь знал, что главное в поединке на копьях — суметь перейти перед столкновением на полный галоп. Кто отваживался не придерживать коня, тот и побеждал. Барон не казался способным на подобную удаль, и Железная Рука решил, что свобода уже плещет, подобно вымпелу, на кончике его копья.

Они понеслись навстречу друг другу. В последний момент Дагеклан понял, что ошибся относительно своего противника. Как, впрочем, и его лошади: она летела, подобно вихрю, вытянув шею и раздувая ноздри.

Еще он подумал, что Эзра Рыжий, пожалуй, лучший копейный боец из тех, с кем доводилось встречаться.

Копья их треснули одновременно, угодив в оковку щитов.

— На мечех! — рывкнул барон и, развернув коня, ринулся на противника.

Они принялись рубиться посреди площадки, уже взрыхленной копытами и ставшей похожей на вспаханное поле. Они делали выпады, нанося удары клинками, венцами щитов и рукоятками мечей. На стороне барона была сила, на стороне Дагеклана — ловкость.

Потом лопнула подпруга, и рыцарь, не удержавшись после очередного удара, упал на землю вместе с седлом...

— Что-то ты сегодня особенно мрачен, Дак, — услышал он бас Эзры и мотнул головой, отгоняя тяжелое воспоминание. — Беспокоишься о своем оруженосце? Надеюсь, ваши кампанарии дадут ему охрану?

— Охрану ему дадут, но не в этом дело. Даже если Фабио протрубит у ворот завтра поутру, я все равно не успею выполнить то, что наметал.

— Что же?

— Есть один старый должник в Тарантии, я хотел встретиться с ним на турнире, который устраивает аквилонский король на Праздник Плодов. Теперь мне не поспеть, разве что полечу по воздуху.

— Так что же ты раньше молчал! — воскликнул Эзра и треснул кулаком по подлокотнику. Сокол взмахнул крыльями — поводок натянулся, и птица снова села барону на руку. — Я отпустил бы тебя под честное слово!

Дагеклан не смог сдержать улыбку. Поистине, Эзра Рыжий был достоин хоть сейчас вступить в Орден кампанариев!

— Благодарю тебя, месьор, — сказал рыцарь прочувствованно, — но теперь уже поздно о сем говорить.

— Говорить никогда не поздно. Особенно под шум дождя. Кажется, буря разыгралась не на шутку — чем так сидеть, расскажи лучше об этом деле.

— Позволь мне помолчать.

В глазах Эзры мелькнули лукавые искры.

— Эй, дочка, — позвал он, — попроси-ка ты месьора рыцаря. Даме он не откажет.

— Расскажите, месьор Дагеклан, — сказала Абегальда, отрываясь от вышивки. — У нас тут так мало развлечений.

— Я слышал балладу, сочиненную трOVERом Саавардом Тарантийским, — вступил виконт. — Она называется «Подвиги Дагеклана». Но хотелось бы услышать о них из первых уст...

— Я тоже слышал эту балладу, — сказал Железная Рука. — Троверы любят приврать. Особенно мне понравилось, как Рыцарь Короткий Нос спасает из котла некую девицу, которая якобы просидела в кипящей воде три года и пять месяцев. Или эта история с безголовым фальшивомонетчиком... Впрочем, я не в обиде на Сааварда, он малый добрый, а сочиняет на потеху публике, за то ему деньги платят. Кроме того, в балладе есть и толика правды. Если вы так настаиваете, я расскажу о том, как дважды подарил жизнь одному рыцарю, хотя история эта еще и не окончена.

И Дагеклан, усевшись поудобней и знаком приказав слуге наполнить кубок, принялся рассказывать. Он знал толк в этом занятии, ибо часто бывал гостем в замках, раскиданных по всей Хайбории, а любимым занятием их обитателей, многие из коих годами не вылезали из своих владений, наряду с охотой, сбором податей и потешными боями, были как раз подобные слушания, когда возле огромных каминов собирались чада и домочадцы, челядь и приживальщики, гонцы и камердинеры, дамы и кавалеры — чтобы потом, когда заезжий рыцарь снова отправится в путь, еще долго судачить о его похождениях, посмеиваясь, восхищаясь и завидуя.

— Это было много лет назад, — начал Дагеклан, — я был молод, хотя и не скажу, что особо красив. Во всяком случае, кончик моего носа был тогда на месте. Замок наш стоял в верховьях реки Алиман, на границе с Пуантенном. Благословенный край: теплый, плодонос-

ный и весьма пригодный для охоты на всяческого зверя. Мой отец хорошо ладил с соседями, со всеми, кроме одного. К северу, гранича с нашей землей, лежали владения графа Гайрана. Сам граф погиб на охоте, и сын его по имени Рабрагор вступил во владения в весьма юном возрасте. Это не пошло ему на пользу. Был он заносчив и груб, и часто лошади его вассалов вытапывали наши поля.

Я, как младший сын в роду, весьма рано покинул отчий дом, дабы снискать славу на полях сражений. Когда старый король Конан Киммерийский двинул войска на Зингару, я со своими людьми встал под знамена графа Троцера, пуантенского леопарда, верного союзника нашего монарха. Случилось так, что, прежде чем перейти Алиман, наши части остановились в моих родных местах. Я, конечно, поспешил в замок, дабы проведать родных.

И вот, переехав мост, застаю мать в слезах, а отца в глубоком унынии. Оказывается, коварный Рабрагор пленил моего старшего брата, который прогуливался без провожатых и не имел при себе никакого иного оружия, кроме дорожного меча. Тем самым Рабрагор презрел законы военного времени, когда, согласно обычаям, все мы должны позабыть о распрях и сражаться бок о бок во славу Аквилонии.

«Он хочет тебя оскорбить», — сказали мне друзья, — и ищет повод».

«Повод уже есть», — ответил я, зная, что граф давно завидует моей славе, — но я заставлю его пожалеть, что он доискивался такого повода».

Немедля я отправился в ставку герцога Норкантона, бывшего тогда нашим союзником: под его началом состоял Рабрагор со своим отрядом. Явившись к герцогу, я потребовал выдачи брата, и Норкантон послал за графом, дабы спросить отчета за неслыханный проступок. Тот явился на зов, но вошел в шатер дерзко и высокомерно, не сняв шлема. Такая грубость оскорбила герцога, и он гневно заметил, что граф совершил дея-

ние, недостойное рыцаря, так как захватил в плен моего брата во время войны, когда по старинному обычаю прекращается всякая междоусобная вражда, и потребовал немедленно освободить пленника. Но высокомерный граф ответил, что выдаст пленника тогда, когда ему вздумается, и что он имел полное право взять моего брата в полон, так как тот якобы охотился в его лесу. Тогда я бросил ему перчатку, и Рабрагор ее поднял...

— Но, насколько мне известно, в Аквилонии запрещены поединки во время войны, — заметил барон.

— Да, — кивнул Дагеклан, — и король Конан был особо строг к ослушникам. Однако дело было исключительным, и герцог Норкантон дал позволение провести бой.

Рабрагор, явившись на поединок, уже не был так высокомерен. Он даже искал примирения, обещая отпустить брата без всякого выкупа, но и без извинений. Меня это, конечно, не устроило, и мы сошлись.

При первых же ударах меч графа отлетел и упал далеко в стороне. Тогда я соскочил с лошади и выбросил его оружие за барьер. Граф, видя, что я спешился, хотел было воспользоваться своим преимуществом, но я вовремя это заметил и ударом щита опрокинул его лошадь. Теперь мы были равны. Я отбросил свой меч, и мы стали биться на кинжалах. Рабрагор был на голову выше и шире в плечах, но опыта ему явно недоставало. Наконец мне удалось повалить графа и обезоружить его...

— И он запросил пощады? — воскликнул виконт.

— Надо отдать ему должное — нет. Пощадить Рабрагора просил герцог, он не хотел, чтобы слух о смертоубийстве в войске, стоявшем в одном переходе от неприятеля, достиг ушей короля. Норкантон получил, что хотел, и с позором выгнал Рабрагора из войска. В тот же день герцог отправил отряд в замок графа, и мой брат обрел свободу.

Дагеклан умолк и отпил вина. Вино у барона было неплохим, но на вкус рыцаря слишком крепким.

— Вы сказали, что дважды подарили жизнь этому человеку, — нарушил молчание Алджерон. — Значит, вам пришлось сражаться с графом еще раз?

Рыцарь кивнул.

— Это случилось через пять лет после нашей первой схватки. Рабрагор служил тогда у зингарцев, под стягами тысячника Гаскатена. Как всем известно, король Конан подчинил Зингару и присоединил ее к своей Империи, но гордые южане никак не хотели смириться со своим унижением и часто поднимали восстания. Поднял мятеж и Гаскатен. Я тогда находился в своем родовом замке, так как отец мой умер незадолго до этого. И вот, в один прекрасный день, в замок были доставлены несколько знатных пленников: трое зингарцев и один аквилонец. Каково же было мое удивление, когда я признал в последнем графа Рабрагора! Граф выглядел весьма жалко и оправдывался тем, что присягнул тысячнику в то время, когда тот был еще союзником Конана, а впоследствии не мог нарушить клятву.

Признаюсь, я принял его слова за чистую монету и даже проникся к нему уважением, ибо клятва сюзерену действительно должна быть свята для настоящего рыцаря. Взяв с пленников слово не пытаться бежать, я позволил им беспрепятственно разгуливать по замку. Однако Рабрагор употребил во зло данную свободу: подкупив одного из воинов, он бежал в город Андрию, занятый зингарскими войсками.

Зингарцы, надо отдать им должное, в большинстве своем — люди чести. Зная обычай обязывать высокородных пленников словом, они приступили к Рабрагору с расспросами, интересуясь, что заставило того бежать, не дожидаясь выкупа. И граф, дабы обелить себя в их глазах, стал жаловаться на дурное с ним обращение и заврался до того, что стал описывать пытки, которым якобы подвергался. Эти рассказы порочили мою честь, и я отправился к тысячнику Гаскатену, дабы покарать лгуна...

— К тысячнику Гаскатену?! — вскричал барон, не в силах поверить своим ушам. — В стан неприятеля?

— Формально зингарец не был моим врагом, — объяснил рыцарь, — ибо я в то время не состоял на службе в королевских войсках, хотя и понимал, что рискую дважды: зингарцы были преисполнены ненависти ко всем аквилонцам, а король Конан мог легко счесть меня предателем, ибо он, при всем моем уважении, во многом оставался варваром, плохо понимавшим рыцарские правила.

К счастью, в то время было объявлено перемирие, а король находился далеко, где-то в Гандерланде, заручаясь поддержкой тамошней знати.

Итак, я прибыл в Андрию, небольшой городок на границе Зингары и Аквилонии. Когда мой отряд приблизился к стану зингарцев, они принялись трубить во все трубы, которые только были в лагере. Я послал оруженосца сказать, что мы прибыли с миром. Нас провели к тысячнику, и я изложил суть дела.

«Что ж, — молвил Гаскатен, — ваше право, месьюр, вызвать на поединок того, кто вас, как вы утверждаете, оболгал. Только вы опоздали. Не далее как сегодня утром у меня был граф Рабрагор, испрашивая дозволения вызвать вас на бой. Он уже отправил письмо с нарочным, но вы, видимо, разминувшись».

Я был удивлен и обрадован, подумав, что граф все же не лишен остатков чести. Впоследствии мне стало известно, что Рабрагор прознал о моем намерении через того же воина, которого подкупил, и затеял историю с вызовом, чтобы получить право выбрать оружие и род поединка. Он уже уступил однажды в конном бою и теперь предпочел драться пешим и в полном вооружении.

Это было весьма мудро с его стороны, так как Рабрагор, как я уже говорил, был выше и крупнее меня. Он полагался на свою выносливость, но не учел того обстоятельства, что за моими плечами поединков гораздо больше, а противники мне попадались всякие.

Когда мы начали драться, граф принялся крутить мечом над головой, подбрасывать щит и выделывать другие недостойные войны фокусы. Зингарцы подбадривали его громкими криками. Я же быстро понял, что единственное достоинство этого бойца — недюжинная сила и, воспользовавшись своим опытом, смог нырнуть под руку противника и нанести ему удар в горло. Граф зашатался, но устоял и снова замахнулся двуручным мечом. Не дожидаясь, пока он обрушит клинок на мою голову, я ударил еще дважды и отскочил. Латный нагрудник Рабрагора раскололся, на кольчуге выступила кровь.

В толпе зингарцев послышались угрожающие крики, но мне было все равно, я уже знал, что одолел противника во второй раз. Рабрагор еще метался по площадке, вовсю размахивая огромным мечом, но постепенно слабел от потери крови. Потом он пошел на меня, как бык на стену, и на сей раз я не стал уклоняться. Отбив выпад, отбросил щит и меч и, обхватив его за пояс, повалил на землю.

Когда Рабрагор увидел в щелях своего забрала кинжальное лезвие, он взвыл, как раненый зверь, и разразился страшными ругательствами.

«Признай, что ты уступаешь мне во всем,— сказал я,— и получишь жизнь».

«Никогда!» — прохрипел граф.

Я напомнил ему, что мы бились дважды, конные и пешие, и оба раза он уступил, но Рабрагор только сипел и плевался, изрыгая проклятия, недостойные рыцаря.

«Сумей я сразиться с тобой в третий раз, обязательно победил бы», — сказал он наконец, думая, что это его последние слова. Даже перед лицом смерти его не оставляло тщеславие.

«Хорошо,— сказал я тогда,— предоставлю тебе такую возможность».

«Когда? Еще через пять лет?»

«За пять лет ты, пожалуй, ничему не успеешь научиться. Встретимся через десять, в Тарантии, на осеннем Празднике Плодов».

Он не хотел верить, что получил жизнь, но я отпустил его, и с тех пор мы не виделись.

Рыцарь слегка поклонился дамам, давая понять, что история его окончена.

— Значит, срок наступил? — спросил Эзра Рыжий.

— Да, но я не сдержал обещания.

— Если этот Рабрагор еще жив...

— Я слышал о нем,— подал голос виконт,— он теперь при дворе молодого аквилонского короля и, кажется, не на последних ролях.

Барон хмыкнул.

— А что, киммериец так и не отрубил ему голову? Говорят, Конан был крут с изменниками.

— Рабрагор хитер,— слегка поморщился Дагеклан,— хитер и готов на любое вероломство. Поняв, что перевес на стороне аквилонцев, он сумел пленить тысячника Гаскатена и доставить его королю. За что и получил прощение.

Рыцарь произнес эти слова бесстрастно, но раскат грома, прокатившийся в этот миг над крышами замка, как нельзя лучше выразил его настроение, ибо под маской невозмутимой вежливости, зачастую граничившей с надменностью, скрывалась натура пылкая и неукротимая.

— Думаю, месьор Дак, ты еще успеешь скрестить с ним копьё, скажем, в будущем году...— начал было барон, но речь его была заглушена новым, еще более мощным ударом, да таким, что пол задрожал, а со стен упало несколько щитов и голова оленя с оловянными глазами.

— Клянусь сапогами Мардука, никогда не видывал подобной грозы,— прошептал Эзра Рыжий, обращая взор к изображению Солнечного Лика, который бесстрастно взирает на сидевших в зале из простенка между высоких узких окон.— Надо бы пересечь подалеже от очага, не ровен час ветер выбьет из полена искры...

Словно в подтверждение его слов в дымоходе завывало и заухало, потом над обгоревшим на треть комлем

взметнулся огненный вихрь и ударил сквозь прутья каминной решетки. Никто не успел отпрянуть, только сокол взлетел и завис в воздухе, хлопая крыльями, от которых падала на своды залы огромная тень.

Рукав камзола Эзра затлел, тот пришиб огонек широкой ладонью и гулко расхохотался.

— Славно! — воскликнул он, утирая слезы. — Не иначе сам Небесный Воин сунул в дымоход свою палицу. Все целы? Эй, дочка, ты чего руками рот закрыла? Пожалуй, вопить уже поздновато.

Дама Абегальда, уронив пальцы, судорожно прижимала к губам побелевшие ладошки. Глаза у дамы были большие и круглые.

— Что с тобой, Аби? — подала голос хозяйка замка, не проронившая до сих пор ни слова.

Дочь отняла руки и стала их с ужасом рассматривать. Потом открыла рот, но вместо ответа смогла издать лишь невнятный звук, напоминающий бульканье закипающего чайника.

— Да говори же, во имя всего святого! — рявкнул барон.

— Я... ой, мамочка...

— Да что же?!

— Я... проглотила уголек!

Воцарилась пауза, во время которой виконт вежливо прикрывал атласным платком улыбку, рыцарь смотрел с пониманием, барон хмурил брови, а его супруга укоризненно качала головой.

— Вот, — сказал наконец Эзра, — говорили тебе — держи рот на замке, целее будешь. Не печет изнутри-то?

Абегальда прикрыла глаза, словно прислушиваясь к тому, что делается у нее в животе, покачала головой.

— Нет... Только мне... мне...

Она вдруг встала, взмахнула руками и запела фальшивым голосом:

Король в поход собрался,
Он славный был герой,

А шут его остался
Жены хранить покой..

— Что-о? — Брови Эзры поползли на красный лоб. — Петь надумала? С таким-то голосом?

Если съедают угрей,
То для голоса те вредоносны,
Это свидетельство тех,
Кто постиг исцеленья науку!

Выкрикнув эти странные слова, дама Абегальда умолкла и стала смотреть на свои ладошки, словно это они исторгли сии неожиданные речитативы. Потом вдруг уперла кулачки в бока, прищелкнула каблуками и, выбивая по каменным плитам пола умопомрачительную дробь, прошлась вокруг стула.

— Да ты пьяна! — гаркнул барон. — Кто налил девчонке неразбавленного хайреса?!

— Рута, а с нею шалфей опьянение винное гонят, — сообщила дочь нараспев, — розы добавишь цветок, и утихнут любовные боли...

Приподняв подол платья, она подплыла к застывшему на табурете рыцарю, одарила его многообещающим взглядом, подумала и послала Дагеклану воздушный поцелуй.

— Абегальда! — вскричала тут не на шутку рассерженная баронесса. — Да ты ума лишилась, дочь моя!

— Это не я... ой!.. Мамочка, спаси!

— Вот поучу тебя плеткой, быстро в себя придеши! — Хозяин замка Иш был не на шутку разгневан и тут же, позабыв о соколе, встал, чтобы немедленно исполнить угрозу.

Но баронесса опередила мужа. Явив неожиданную мощь голоса, она принялась пронзительно скликать служанок и кормилиц, которые накатили в залу шелестящей волной разноцветных юбок. Дама Абегальда была умело взята в плотное кольцо, подхвачена под руки и увлечена на женскую половину, куда самому

барону вход был заказан. Напоследок баронесса пообещала привести дочь в чувства своими, более гуманными, нежели плетка, методами.

Последнее, что слышали поднявшиеся со своих мест виконт и рыцарь, была разухабистая народная песенка, которую дама Абегальда выкрикивала ярмарочным высоким голосом.

Щеки Эзры Рыжего, и без того красные, пылали, как маков цвет.

— Не знаю, что и думать, — пробурчал барон, — прямо наваждение какое-то...

Он и не подозревал, сколь точно определил происходящее.

* * *

Лимонно-желтый глаз луны заглядывал в спальню. Со двора доносились запахи навоза, мокрого дерева и старой кожи. Дагеклан открыл глаза и сел на широкой постели, чувствуя, что сейчас что-то произойдет. Он пошарил в изголовье и вытащил из-под подушки предусмотрительно отломанную от стула тяжелую витую ножку.

За дверью тонко захихикали, потом что-то звякнуло, и томный голос пропел: «Мо-о-ожно?»

Рыцарь затаил дыхание. Дверь стала медленно открываться.

Железная Рука не успел перевести дух, а на пороге уже возникла дама Абегальда. Лунный свет окатил желтым ее слегка полноватое, но все же весьма соблазнительное тело. На даме не было ничего, если не считать конской уздечки, висевшей на шее. В руках дочери Эзра тускло поблескивало серебряной инкрустацией седло, вороненые стремяна волочились по полу. Рыцарь заметил притороченную к седлу свою дорожную сумку.

Абегальда бросила ношу в угол и хихикнула.

— Тяже-олое!

Она кокетливо попинала упряжь маленькой ступней и стала приближаться к постели.

Рука Дагеклана метнулась за ворот нижней рубахи, пальцы крепко сжали серебряный амулет, висевший на шее.

— Ну, это ты зря, — обиженно сказала ночная гостья, останавливаясь в двух шагах от полога. — Приходишь к нему с лучшими намерениями — а он сразу за серебро хвататься. Еще рыцарь называется...

Под пальцами стало мокро: оберег растаял и скользнул вниз горячей каплей.

— Что еще? — спросила Абегальда, покачивая полной грудью. — «Рута, чеснок, териак и орех, как и груши, и редька, противоядием служат от гибель сулящего яда»? Только не надо бормотать охранные заклинания, они не помогут. Я все же не просто какая-нибудь сельская ведьмочка.

— А кто? — спросил рыцарь едва слышно.

— Разве забыл? Кажется, мы уже представились друг другу, когда этот весельчак-баронет уговорил сестру опохмелить заезжего рыцаря сонным зельем.

— Но ты не Абегальда, — прошептал Дагеклан.

— Почему же? Я так изменилась? Разве что похорошела... Ладно, если хочешь, можешь называть меня госпожа Ишшу.

— Ты... дух?

— Фи! Дух! Вот еще.

— Богиня?

— Ну... может быть. Тебе этого знать не нужно. И я здесь не для того, чтобы наводить морок или щеко-тять тебя до смерти. Да брось ты в конце концов свою дубинку, смешной человечек!

Тут только рыцарь заметил, что до сих пор сжимает в руке тяжелую ножку. Еще он заметил, что виконта нет в комнате.

— Ему стало нехорошо в отхожем месте, — объяснила госпожа Ишшу. — Видно, переел за ужином. Ладно, нам пора.

— Куда это?

Дагеклан уже несколько привык разговаривать, не раскрывая рта.

— В Тарантию, конечно! Помнишь, Абегальда обещала тебе вернуть коня?

— Да.

— Ну, так вот он.

Рыцарь осмотрелся, но коня нигде не увидел.

— Да, глаз у тебя не зоркий, — сказала ночное видение. Потом добавило по-немедийски: — Конь — это ты, мой милый.

Тут Дагеклан метнул обломок баронской мебели. Гвоздь, которым ножка прежде крепилась к сиденью стула, торчал, словно наконечник копья, и рыцарь надеялся, что железо окажет на потустороннее существо нужное воздействие. Он ошибся: с несвойственной полной женщине ловкостью Абегальда (или госпожа Ишшу, кто их там разберет) схватила летящую ножку, перекусила пополам и выбросила в окно.

— Ого, — сказала она, сплевывая на пол щепки, — если ты и конь, то необъезженный. Иди-ка сюда, жеребчик...

«Это сон, — думал Дагеклан Железная Рука, откидывая одеяло и шлепая босыми ногами к упряже, — конечно, сон! Ни одна ведьма не устоит против серебряного амулета, не говоря уже о железном гвозде... Небожительница, правда, устоит, но что делать здесь небожительнице?»

— ...И ничего зазорного тут нет, — говорила тем временем Абегальда, прилаживая ему на спину потник и тяжелое седло, — рыцарь всегда должен служить даме, хотя бы и лошады. Потерпи, дружок, как только вернемся, я тебя отпущу, и немедийку отпущу, мне в ней скучно. Так, затянем подпругу... Я сменила подпружку, старую-то баронет коварный ножичком подрезал... Вот так.

Она уселась верхом, закутавшись в попоны.

— Надо же было этой дуре рот открыты! Ох, людишки, беда с вами, один колдует, толком не умея, другая рот не вовремя открывает. Теперь вот придется в телесной оболочке назад лететь, чтобы со своими встретить-

ся. Холодно, ветренно — бр-р! Сюда искрой прилетела, а отсюда — девой голой!

И госпожа Ишшу снова захихикала.

...Никто и никогда не узнал об этом приключении рыцаря Железной Руки, ни один трювер не сложил о нем складной баллады: Дагеклан до конца своих дней хранил тайну ночного полета. А зря: лишь поэт, одаренный талантами свыше, способен достойно описать осеннее звездное небо, серебряный челн луны и странную всадницу, летящую в сполохах золотого огня среди облаков — над темными полями, над снежными вершинами Немедийских гор, над огнями селений и сверкающими нитями рек...

Многие говорили потом, что видели в эту ночь над Аквилонией падающую звезду.

Глава шестая

КОРОЛЬ

Что видишь ты в зеркале, мой друг?
Он отвечал: вижу себя.
А что ты видишь в себе, мой друг?
Он отвечал: снова вижу зеркало.

Пандид Иоканта.
«Вопрошения», II, VIII

Королевский дворец был самым большим и величественным зданием Тарантии. Возможно, иной знаток архитектуры из Зингары или Аргоса и морщил нос, поглядывая на скопление разновысотных построек, составлявших дворец властителя самой мощной из хайборийских держав, но вслух высказывать свои сомнения никто не осмеливался. Раньше, когда тарантийские мудрецы устраивали шумные споры по всем вопросам бытия и духа, иные зодчие раздражались длинными речами, сравнивая дворец с палаццо и поместьями южных стран, намекая на излишнюю мрачность строения и несоответствие составляющих его частей.

«Как?! — восклицали тогда академики, взмахивая рукавами длинных черных мантий. — Вам не нравятся центральные залы? Но они были возведены еще во времена короля Хагена, отца Вилера и деда Нумедидеса, властителя сурового и верного обычаям того време-

ни. Да, своды их излишне мрачны, внешнее убранство аскетично, но взгляните теперь на главный портал нового фасада, украшенный колоннами в коринфском стиле, офирской лепниной и мессантийскими портиками. Верх изыска! А золотые львы по сторонам лестницы? Сии животные символизируют мощь Аквилонии и нашего великого монарха, Конана Киммерийского».

Несогласные многозначительно переглядывались: с их просвещенной точки зрения сочетание офирской лепнины и мессантийских портиков говорило об отсутствии тонкого вкуса, а пышные капители высоких колонн никак не вязались с триглифами и метопами кофийского фриза и слишком тяжелым, сделанным из красного мрамора антаблементом.

Относительно же золотых львов расхождений не возникало: статуи, выполненные аргосским ваятелем, знаменитым маэстро Пиццоли да Мессано, поражали мощью и служили достойным обрамлением величественных церемоний, когда, в окружении вельмож и рыцарей, облаченный в шелк и бархат, старый король являлся перед народом в дни праздников и торжеств. Тогда его сопровождали прекрасная королева Зенобия, юный принц Конн и верные соратники, среди которых блистали полководцы Троцерио и Просперо — их мечи принесли Конану Великому немало славных побед. И ударяла в щиты королевская гвардия — бесстрашные Черные Драконы в высоких гребнистых шлемах, и приветствовал государя их начальник, преданный Паллантид...

Те времена отошли в прошлое. Зенобия умерла, Конан-киммериец отправился в дальние странствия, а наследник, на чьи плечи легла вся тяжесть государственных забот, появлялся теперь на крыльце в окружении совсем других вельмож.

Конн статью и силой вышел в отца: те же черные волосы, синие, как небо, глаза, могучие мускулы, гордый поворот головы... И все же в облике его читалось нечто иное, унаследованное, должно быть, от матери: черты

лица более мягкие, взгляд не столь пронзителен — в нем редко загорался огонек безумного бешенства, приводивший в трепет тех, кто имел счастье (либо несчастье) лицезреть вблизи его отца, короля-варвара, завоевавшего трон Аквилонии многие годы назад...

Конн откинул со лба черную прядь и усмехнулся. Он разглядывал свое отражение в до блеска начищенной поверхности круглого щита, висевшего на стене залы. Во дворце, конечно, имелись зеркала — из благородных металлов, стали, горного хрусталя, в богатых золотых и серебряных рамах, а в спальнях висели попроще, из олова и меди — но он любил вглядываться в этот щит, в неясные глубины металла, несколько искажавшие отражение и делавшие его слегка размытым. Даже старый Эвкард, ведавший описями оружейной, не мог с уверенностью сказать, откуда взялся этот щит, из какой страны света он привезен и из какого материала сделан.

Молодой король слегка коснулся пальцами гладкой холодной поверхности. Пожалуй, отец не одобрил бы его прически. Длинные локоны разделял прямой пробор, их слегка завитые концы падали на отложной воротник камзола, расшитого бисерными узорами. Мода на камзолы и короткие широкие штаны с прорезями пришла из Зингары, подвластной ныне Аквилонии, — отец никогда не жаловал тамошних щеголей. «Ты стал похож на своих царедворцев, сын, — сказал бы, наверное, Конан. — Не забывай, что достоинство монарха не в пышных одеждах». Сам он носил тунику, украшенную золотыми изображениями аквилонских львов, а тяжелый плащ застегивал на левом плече брошь в форме оскаленной морды своего любимого зверя. Впрочем, Конан не любил парадных одежд, предпочитая им кожаные штаны, сапоги и безрукавку, в которых появлялся на охоте либо на заднем дворе, где учил сына владеть копьём, мечом и тяжелым боссонским луком.

Впрочем, прежде чем его допустили до настоящего оружия, Конн немало часов провел в этом зале, быв-

ших покоях Хагена, где повелитель Аквилонии устроил свою оружейную. Отец, облаченный в броню, восседал на стуле, а юный наследник насккивал на него с деревянным копьём и мечом в руках, нанося удары, долженствующие научить его выбирать наиболее уязвимые места в доспехах противника. Иногда Конан отмахивался от мальчика железной перчаткой, словно от докучливого комара, и тогда принц катился по полу, весьма больно при этом ударяясь лбом и коленками.

И сейчас все здесь оставалось почти как при старом короле. Старый Эвкард каждый день вытирал пыль с полки огромного камина и с круглого стола, на котором спокойно мог бы гарцевать вооруженный всадник, с резных шкафов с крепкими дверцами, сметал веником сор с лежавшего на полу туранского ковра песочного цвета и, конечно, чистил оружие, во множестве висевшее по стенам.

Когда-то от одного вида этой огромной коллекции у юного Конна кружилась голова и начинали чесаться руки. Смертоносная сталь клинков притягивала, словно пристальный взгляд удава. Каких только мечей не висело в простенках между высокими стрельчатыми окнами! Короткие гиперборейские, с обоюдоострыми языкообразными лезвиями, темные, как небо этой колдовской северной страны, холодной и неприветливой; более длинные немедийские, грубоватые, с простыми крестовинами и круглыми головками рукоятей — прямые и бесхитростные, как жители Немедии; тяжелые аквилонские клинки с изысканными рукоятями, украшенными инкрустацией из золота, серебра, меди и латуни; суживающиеся к острию кончары с длинными ручками; гибкие зингарские клинки с эфесами, похожими на металлическое кружево, — они сверкали в лучах солнца драгоценными камнями и позолоченными гардами... Блеском и дорогой отделкой соперничали с ними кривые туранские сабли и ятаганы, похожие, благодаря изысканной гравировке, более на украшения, нежели на орудия смерти...

Всю левую стену занимали кинжалы. Их клинки имели по большей части ромбическое сечение, но попадались также плоские и широкие. Иные длиной не уступали коротким мечам: аквилонские дуссаки имели однолезвийные прямые клинки в полтора локтя и годились для ближнего боя. Узкие, как иглы, кинжалы разнообразных форм именовались «Милость Митры», ибо, одолев противника, истинный рыцарь, приставив лезвие к горлу поверженного, обязан был спросить, желает ли тот сдаться. Ежели побежденный признавал себя таковым и мог пообещать достойный выкуп, ему даровалась жизнь. Иные же знатоки дел оружейных утверждали, что милость Митры заключается как раз в том, чтобы добить противника, избавив последнего от мук физических, вызванных ранами тела, и мук душевных, порожденных бесчестьем проигравшего схватку.

Стены по обе стороны от входной двери занимало метательное оружие. Здесь было большое собрание луков: легкие туранские, тяжелые боссонские, луки с костяными и металлическими вставками; заплечные и те, что приторачиваются к седлу. Рядом висели колчаны — деревянные, сафьяновые, медные, украшенные драгоценными камнями, и простые кожаные. Имелось и множество самострелов: от простых, представлявших грубое деревянное ложе с деревянной же дугой и тетивой из пеньки, до хитроумнейших арбалетов с целой системой коловоротов, способных выпускать сразу по несколько стрел. В углах залы стояли четыре метательные машины: аркбаллиста, катапульта, единокор и туранский лукрим.

Справа от камина в специальных подставках вздымались копья, алебарды, бердыши и секиры. Все они отличались крайним хитроумием наконечников, снабженных крюками и захватами, а также металлическими перьями наподобие рыбьих костей, призванных удерживать смертоносную сталь в человеческом теле и наносить ему наибольший ущерб. Напротив висели

палицы, шестоперы, цепи, дубины, кистени, боевые молоты и прочее оружие, призванное дробить, разбивать, раскалывать и плющить в лепешку.

Конн прекрасно разбирался в оружии. Он с одинаковым искусством владел тяжелым двуручным мечом и легкой зингарской шпагой, аргосской дагой для левой руки и рыцарским копьем для конного боя, умел крутить палицу так, что она превращалась в воронку смерча, умел метать хассак и всаживать арбалетный болт за полсотни шагов в яблоко на голове слуги. Он владел не только приемами поединка, но и стратегией и тактикой битвы, ибо был королем и полководцем, коему положено ведать искусство воинского построения, атаки и отступления, разведки боем и неожиданного маневра. Ответственность за исход сражений тяжким грузом лежала на его плечах, и залогом побед служила не только храбрость на бранном поле, но и знание всех мелочей, которые, подобно мозаике, складывают события в пользу достойнейшего. И Конн умел в нужное время выстроить «знамена» своих вассалов, объединявшие несколько десятков рыцарских «копий», в свою очередь состоявших из именитых всадников и их свиты, — «клином», «скорпионом» либо «вепрем», смотря по обстоятельствам; либо пустить вперед «односчитных рыцарей», не имевших ни слуг, ни оруженосцев, либо отдать преимущество гандерландской тяжелой пехоте под прикрытием боссонских лучников.

Он был сыном киммерийца, а в Киммерии уже на десятую весну мальчишка получал копье и коня и мог в одиночку одолеть волка. Конан, его отец, сократил этот срок для наследного принца — настоящее оружие он вручил сыну, когда ему было семь лет.

Конн хорошо помнил тот день, когда аквилонское войско нависло своей громадой над рубежами Офира. Отец, верхом на вороном жеребце, в броне и короне, сверкавшей ярким кольцом в его черных волосах, безмолвно возвышался лицом к войску, и печать тревоги не сходила с его сурового, покрытого многочислен-

ными шрамами лица. Слева от него, на караковой лошади под алой попоной, сидела королева Зенобия, в бархатном платье, стянутом золотым поясом, с рубиновой заколкой на груди, а справа, в сопровождении наставника Эвкада, гарцевал, счастливый и возбужденный, он, юный принц Конн.

Эта картина отчетливо стояла сейчас у него перед глазами — не в глубинах зеркального щита, а в памяти, запечатлевшей навсегда его первое сражение. Он снова видел глубокие темные глаза матери, ее белые руки и плечи, казавшиеся творением искуснейшего скульптора, ее тонкие пальцы, сжимавшие поводья, стрелы черных ресниц и волну светлых волос, сбегавших на плечи из-под обруча короны. Лицо ее было спокойным, но Конну казалось, что в ее агатовых зрачках бьются затаянные ликующие искры, словно королева предвкушала некое торжество и радостно его ожидала.

Внизу, у подножия холма, за цепью Черных Драконов, замерли, словно статуи, закованные в железо воины Аквилонии. Полководец Просперо, нахлестывая коня, приближался к своему владыке. Синий его плащ летел по ветру, и так же, подобно разноцветным крыльям неведомых птиц, развевались плащи мчавшихся за ним предводителей отрядов — сотни высших командиров, графов и баронов, сопровождаемых гонцами, трубачами и стражей. Пестрая кавалькада остановилась возле цепи гвардейцев, и дальше Просперо поехал один. Он был без шлема, он улыбался, склонив голову...

«Великий день, государь! Столь же великий, как тот, когда мы разгромили полчища Тараска!»

Низкий голос военачальника снова прозвучал в ушах Конна. Что же ответил отец? Кажется, он сказал, что великие дни еще впереди и наступят, когда падут стены Ианта и Хоршемиша, а флот Аргоса и Зингары выйдет в море под аквилонским флагом...

«Можно ли в том сомневаться, можно ли сомневаться в победе?» — спросил тогда Просперо. Сподвижник отца верил своему королю беспредельно. Ни на миг не

усомнился он, что Сердце Аримана, талисман Аквилонии, по-прежнему находится в сильных руках монарха и, явленный войску, воодушевит его на победу. И только Конан знал, что рубиновый камень исчез, а Зенобия, его преданная супруга, ведала, где он спрятан. Ибо исчезновение багрового камня и его чудесное обретение было задумано и осуществлено ею во имя спасения от тех, кто покушался на божественное Сердце!

И когда Просперо, приподнявшись на стремянах, спросил, в чьих руках сверкнет пламень, сулящий победу Аквилонии и поражение врагу, Зенобия медленно и торжественно повернулась к принцу и спокойно произнесла: «Отдай свой щит королю, Конн. Он слишком тяжел для тебя и слишком дорог, чтобы его изрубили офирские клинки. Наступит время, ты обрешь силу мужа, тогда этот щит будет твоим. И то, что в нем скрыто — тоже».

Принц отцепил от седла тяжелый сверкающий диск с большим рогом в центре и подал отцу. Он был удивлен и раздосадован: первый его боевой щит, и вправду слишком тяжелый для детской руки, оказался тайным хранилищем рубинового камня, спрятанного в углублении под рогом.

Держа щит перед собой как большое блюдо, на котором между двух аквилонских львов огромной багряной каплей сверкало Сердце Аримана, Конан поднял взгляд на свою королеву, и в его синих глазах мелькнуло удивление, смешанное с восхищением и любовью. Король коснулся талисмана, и в глубине его вспыхнул холодный огонь. Кровавый луч потянулся к югу и пал на офирский рубеж, суля разор и поругание врагам аквилонцев. Войско взревело тысячами луженых глоток, ударили мечи по щитам, взвились боевые стяги, и армия Конана Великого двинулась на Ианту.

В тот день произошло первое сражение, и семилетний Конн принял в нем участие: он метнул копье, которое, пролетев расстояние в пятнадцать локтей, вонзилось в землю. Потом Эвкад увел принца под при-

крытие сотни Черных Драконов. Сидя на коне рядом с матерью, Конн наблюдал с холма, как аквилонские войска ломят сопротивление офирцев. Он жаждал быть там, среди битвы, но Зенобия придерживала повод его коня, ласково улыбалась и говорила, склоняясь к плечу сына, что впереди у него много сражений, сулящих славу, — он слушал и сжимал слабой еще рукой эфес меча...

Ему было десять лет, когда маги Белой Руки похитили его на охоте и увезли в мрачную Халогу. Отец, презрев опасности, в одиночку пустился в погоню и вызволил сына. Потом он двинул на Гиперборею войска, уничтожил колдовской орден и подчинил северную державу. К тому времени Офир, Коф, Аргос и Зингара уже признали власть Аквилонии. Спустя еще пять лет Великий Киммериец обрушился на Стигию, разбил ее войска, рассеял и перебил жрецов Змея Вечной Ночи. Конн сражался бок о бок с отцом, выказывая немалое мужество и, что было для короля более важным, полководческий дар — во главе отборных отрядов он первым ворвался за стены Луксура и возложил щит и меч на Трон Слоновой Кости.

Все сбылось, как задумал Конан Великий. Огромная Империя охватила почти все хайборийские земли: иные страны признали свою полную зависимость от Аквилонии, другие исправно платили дань. Сын киммерийского кузнеца, родившийся на бранном поле и бежавший из родных мест пятнадцати зим от роду, прошел путь, предначертанный богами, и поднялся на высшую ступень земной иерархии. Имя его гремело от Пустошей Пиктов до моря Вилайет и далее — до самого Восточного океана.

И лишь немногие знали, что прежде, чем задушить Нумедидеса на ступенях его собственного трона и воссесть на престол сильнейшей хайборийской державы, Конан-киммериец оставил свой след во многих землях: был вором и грабителем в Заморе, наемником в Зингаре, Туране, Немедии и Офире, следопытом в Боссон-

ских топях, вождем запорожских мунган и свирепых афгулов, пиратом Амрой, чье имя наводило ужас на жителей побережья Западного океана, контрабандистом, возившим тайные грузы по морю Вилайет... Где и в качестве кого подвизался он еще, Конан, пожалуй, и сам затруднился бы вспомнить.

Скальды воспевали деяния Великого Киммерийца, но в их балладах он всегда был окружен романтическим ореолом чудесных подвигов, блистая броней и оружием под грохот битвы и приветственные крики сподвижников. Те же, кто дерзал распевать куплеты, порочившие королевское достоинство, лишались голов и иных частей тела под покровом ночи либо просто навсегда исчезали, не оставив о себе даже памяти среди родственников. Хотя сам король-варвар (и Конн знал сие доподлинно) не имел к подобным расправам ни малейшего отношения: в основном старались жрецы и судебные власти, блюдущие чистоту образа Великого Короля во славу и процветание государства Аквилонского.

Конн пригладил волосы и, последний раз бросив взгляд в глубины зеркального щита, отошел к огромному столу в центре залы. Стол был завален пергаментными свитками, книгами в сафьяновых, деревянных и медных обложках, воцеленными дощечками, покрытыми мелкими буквами.

Молодой король наугад раскрыл ближайшую книгу, полистал пожелтевшие страницы и прочел: «В сверкающей Ианте, столице древнего Офира, блистал Великий Киммериец в лучах славы по правую руку монарха Офирского Вальдрика, немогущего телом. И возлюбила Киммерийца принцесса Синэлла, жрица древнего божества Аль-Киира, коего Синэлла пыталась возвратить к жизни. И, возродив, пала сама жертвою сего чудовищного демона, исчадия Нижнего Мира. Киммериец же поразил чудовище насмерть, снискав себе славу, и отправился в Аргос, к Западному океану. И нарекся сей муж — Конан-разрушитель...»

Так описывал некий летописец Перристин Лумосский историю, слышанную Конном от отца в те печальные вечера, когда Конан, попивая аргосское вино из серебряного кубка и вытянув ноги возле жарко пылающего камина, делился с принцем воспоминаниями о минувшем.

Он не утаивал того, что не предназначалось для чужих ушей, и Конн знал, что, прежде чем отец встретился с матерью, у него было множество женщин, из коих любил он лишь двух: пиратку Белит, Королеву Черного Побережья, погибшую на берегах реки Зархебы, и предводительницу разбойничьей шайки Карелу, прозванную Рыжим Ястребом, с которой враждовал и даже скрещивал оружие, но был пленен ее чарами. И все же лишь Зенобия, бывшая рабыня немедийского короля Тараска, полученная Конаном в качестве выкупа после победы над Немедией, стала той единственной женщиной, которую киммериец ждал всю жизнь и с которой обрел истинное счастье. Она стала Королевой, достойной своего великого супруга — преданной женой и нежной матерью...

Конн захлопнул книгу, в которой не было и десятой доли правды. Там не было крови, пота, страданий, предательства, несбывшихся ожиданий — не было жизни. Никто из покрывавших пергаментные страницы мелким каллиграфическим почерком, не осмеливался упомянуть о презрении, витавшем за спиной киммерийца, о косых взглядах, бросаемых украдкой теми, кто считал, что в жилах его течет голубая кровь, отличная от крови северного варвара. Враги в книгах выглядели жалко, сподвижники всегда были преданы, а подвиги свершались если не без усилий, то уж с достаточно предсказуемым финалом.

Конн порылся среди рукописей, отыскивая свиток в изысканном футляре сандалового дерева. Найдя, развернул и пробежал глазами то место, которое не давало ему покоя. Здесь говорилось о некоем городе Турне, построенном Конаном Великим в Озерном Краю Ган-

дерланда лет тридцать тому назад. Город этот был создан искуснейшим мастером Афемидом и являл собою истинное совершенство архитектурного искусства. Некогда отец собирался перенести туда столицу Аквилонии, но по каким-то неясным причинам отказался от этого замысла. Ныне Турн пребывал в развалинах, считаясь местом заповедным, а многими — проклятым. Светлейший Обиус, Верховный Жрец Храма Митры, намекал в беседах, кои с недавних пор повадился вести с молодым королем, что знает многое, связанное с Северной Цитаделью, однако речи жреца были столь витиеваты и туманны, что Конн давно отчаялся извлечь из них что-либо ценное.

Не оправдал его надежды и аргосец Альфред, прибывший года три тому назад к тарантийскому двору, дабы собрать материалы, надобные для его труда, посвященного жизни и деяниям короля-варвара. Альфред, взявший себе прозвище Паж, некогда служил оруженосцем у короля Конана в Турне, а затем, удалившись на родину, задумал написать книгу, объемлющую все многочисленные подвиги его бывшего сюзерена.

Аргосец был радушно принят молодым королем и получил доступ во все тарантийские скриптории, еще не закрытые в то время по приказу Обиуса. Он уже собирался отбыть, когда Конн, пригласив пожилого летописца на ужин, пожелал узнать, что заставило отца покинуть прекрасный город в Озерном Краю и навсегда забыть о его существовании.

«Я не могу ответить на твой вопрос, государь, — сказал тогда Альфред Паж, — ибо сам не ведаю, в действительности ли произошли события, в коих участвовал старый король, или я слышал от него некую сказку. Все, что рассказал мне Конан Великий, я тщательно записал, и если ты желаешь, мы можем отправиться в мой замок в Горячем Ущелье, и я предоставлю тебе свои рукописи...»

И Конн отправился в Аргос, не ведая, что путешествие сие станет поворотным в его жизни.

Поглаживая пальцами сандаловый футляр, он погружился в воспоминания.

* * *

...Горячее Ущелье, лежавшее в тридцати лигах к северо-востоку от Мессантии, представляло собой распадок среди отрогов Рабирийских гор, широкий в начале и суживающийся по мере приближения к скалам. По склонам росли лимонные рощи, вдоль дороги темнели густые посадки авокадо. Чем выше поднимались всадники, тем более каменистой становилась дорога. Конн ехал рядом с аргосцем, чувствуя, как гнетущая тишина жаркого летнего дня начинает давить уши.

«И все же я не понимаю, месьор Альфред, — заговорил король, смахивая пот со лба, — почему эта страница из жизни моего отца окружена столь плотной завесой недомолвок? Признаюсь, сам Конан не очень любил говорить о Турне и обо всем, что связано с этим городом. Я побывал в Озерном Краю и проехал по разрушенным улицам города. Турн мог бы стать достойной столицей Аквилонии, если бы не его удаленность от центра державы. Но, мыслю, не в том была причина, заставившая отца навсегда покинуть мощную северную цитадель, им воздвигнутую».

«Я был слишком молод тогда, — отвечал пожилой летописец, — гораздо моложе, чем ты сейчас, государь. Однажды мы с твоим отцом отправились на охоту. Конан любил травить зверя в одиночку, вот и тогда он не взял никого, кроме своего юного оруженосца. Он загнал волка, но отпустил его, а потом, когда мы укрылись от дождя в заброшенной хижине, рассказал мне удивительную историю. Якобы на нас напали лесные разбойники, и в схватке с ними я погиб. Потом король отправился на некий остров, именуемый Фалль, и, совершив то, что было угодно богам, вернулся обратно. И вернулся раньше, чем отбыл...»¹

¹ См. «Источник Судеб» К. Леннард.

«Как это?» — не смог скрыть удивления Конн.

«Я этого тоже не понимаю, — горестно покачал головой Альфред Паж. — Старый король говорил о петле Времени, в которую попал, благодаря хитроумию жителей неведомого острова, об Источнике Судеб, в который ему удалось заглянуть. Он утверждал, что вернулся досрочно, чтобы спасти меня от смерти и Турн от разрушения, но Время оказалось сильнее: когда мы подъехали к воротам города, Турн оказался разграблен ванирами, магистр Афемид был убит, а Верховный Жрец Обиус исчез неведомо куда...»

«Обиус утверждает, что лишь благодаря его усилиям ваниры в конце концов были уничтожены, а многие жители Турна избежали смерти», — задумчиво молвил Конн.

«Так или иначе, но Конан навсегда предал это место забвению, — продолжил Альфред, — и я осмелюсь высказать предположение, что причиной тому была его неудача. А к неудачам король-киммериец питал истинное отвращение. Он их попросту презирал, потому и не любил впоследствии говорить о тех своих приключениях. Я же постарался собрать из разных источников все, что связано с Турном и таинственным островом Фалль, и готов, как уже говорил, представить тебе свои изыскания».

Дорога бежала все круче, склоны ущелья стали отвеснее, полоска неба над головой сужалась. Впереди показался замок: окруженный высокой зубчатой стеной, он возвышался посреди небольшой долины, похожей на чашу великана. Склоны ее густо поросли фруктовыми деревьями, кипарисами и кустарником. В воздухе плавал пряный аромат южных цветов. Конн, Альфред Паж и кавалькада сопровождавших аквилонского короля рыцарей въехали по широкому мосту в ворота замка.

Замки знати юга, к коей относился и Альфред, отличались от северных суровых цитаделей, как золотая клетка домашней птицы отличается от простого

гнезда ласточки-береговушки. Даже крепостная стена, служившая, несомненно, надежной преградой всякому, кто хотел бы покуситься на жилище Альфреда, была выстроена с долей изыска, не свойственного простым оборонительным сооружениям. Зубцы ее украшались ажурными отверстиями, напоминавшими кружево аргосских воротников, башни несли черты изысканной туранской архитектуры, кровли были выложены сверкающими под солнцем медными плитами. Замок был столь обширен, что внутри умещались несколько садов, виноградников и рощ, разделенных оградами и строениями, среди которых были конюшни, домики, где проживала целая армия слуг, и даже небольшой храм Иштар с фасадом, украшенным плетеными корзинами, из которых свисали красные фуксии.

Вместо мрачной высокой башни, зачастую служившей жилищем менее изысканным северным соседям, здесь высились три небольших, но весьма богато украшенных дворца, между которыми журчали фонтаны. Имелся даже зверинец с двумя львами, тремя леопардами, парой горных медведей и вольером, полным экзотических птиц.

Иной содержатель подобного великолепия не преминул бы обратить внимание аквилонского короля на праздничный и богатый вид своих покоев, но Альфред, казалось, был ко всему равнодушен и сразу же провел Конна в хранилище, где на многочисленных полках и стеллажах теснились манускрипты и футляры, содержавшие древние свитки. Выложив на стол изрядную груду манускриптов, он удалился, забыв предложить королю помыться с дороги.

По мере того как Конн углублялся в чтение, разочарование и досада на бесполезность его путешествия в Аргос поселялись в груди молодого короля. Записки Альфреда, хоть и проливали свет на историю строительства Турна, не открывали главного — причину падения Северной Цитадели.

Некий Эл Бритунский в своем обстоятельном труде, посвященном истории атлантов, упоминал остров Фалльхейм, который при желании можно было отождествить с Фаллем, однако бритунец упорно именовал остров летающим, а жителей его — крылатыми фалльхеймцами. Отсюда сам Альфред заключал, что эти сведения не заслуживают доверия, ибо Конан в своих рассказах не упоминал о крыльях жителей острова.

Брандол Устремский, неведомо из каких краев явившийся, оставил смутные и похожие более на бред безумца письменные излияния, в коих утверждал, что является полномочным представителем Гения Зла, господин же его обитает в жерле вулкана на клочке суши, лежащем к югу от Барахских островов, где якобы властвуют женщины. Брандол именовал культ островитянок «фаллическим», и только поэтому попал в список Альфреда.

Были среди рукописей записки некоего безымянного морехода, траченные морской водой, а потому смутно читаемые, — из них следовало, что означенный мореход, попав в страшную бурю в трех днях пути попутным ветром на север от Кордавы, видел в море некий железный корабль, размером превосходящий кита, но уступающий легендарному Карлуку, спруту темных глубин, и что судно сие прошло мимо в сполыхе ярких огней, под звуки весьма странной музыки, от которой у пяти матросов лопнули ушные перепонки, а еще трое бросились за борт и сгинули навсегда. Альфред весьма настаивал в своих заметках, что сей железный корабль мог быть тем самым, о котором поминал Конан.

Наконец, прилагалось чистосердечное, под пытками огнем сделанное признание кордавского бандита Раббака, заявившего в присутствии судьи и трех свидетелей из народа, что он был завербован неведомым человеком с неведомого острова, где сражался в рядах других наемников против войска — а какого именно, и кого то войско защищало, сказать не может. «Все мои дружки, значит, там и скопытились (далее непереводимая игра

зингарско-аргосско-барахских ругательных выражений), а я, значит, утек, и тут вот с вами ласы точу». К большому сожалению протокол допроса на сем обрывался, и внизу стояла размашистая резолюция судейщика: «Повинен смерти за кражу сапог и вольнодумство».

Некоторые надежды вызвала поэма безымянного автора, написанная на вульгарном народном диалекте и именуемая «О том, как король Конан судьбу свою вызнал». Чтобы дочитать ее до конца, Конну пришлось покрепче сжать зубы: поэма была насыщена скабрёзными шутками по поводу мужской силы и неутомимой похоти варвара-киммерийца, каковой варвар, если верить народному поэту, «и пять имел за раз, не убоясь зараз...» Судьбу же герою предсказывала некая ведьма-старуха, утверждавшая, что «Конан омолодится, дабы опять жениться». Очевидно, собиратель Альфред обратил внимание на эту чушь исключительно ради названия.

Конн пребывал в крайнем унынии, когда из-за открытого окна донеслись до него чудные звуки лютни. Отбросив, словно мерзкого паука, свиток «народной поэмы», он поднялся со скамьи и подошел к стрельчатому проему, за которым дрожал знойный воздух и пели птицы. Неведомый музыкант наигрывал «Желтые рукава» — чудную пуантенскую песенку. Король выглянул из окна, желая найти источник столь сладостных звуков, и увидел в доме напротив, за приоткрытой витражной створкой, темноволосую женскую головку, склонившуюся над инструментом. Музыкантша казалась настолько поглощенной игрой, что он не осмелился ее окликнуть.

Он стоял и смотрел на женский профиль в окне дворцового здания, и теплая, нежная волна ласкала и терзала его сердце. Он видел своими зоркими, унаследованными от отца глазами смуглую кожу, черный разлет бровей, маленькую родинку возле чуть припухших, капризных губ. Темная прядь лежала на щеке, губы что-то шептали, очевидно, слова песни; он видел

бисеринки пота на гордых крыльях прямого носа — видел и запоминал все. Он пил это зрелище, как пьяный усталый путник холодную воду из родника.

«Отобедать, отобедать, — донесся сзади голос хозяйки на замка, — не изволит ли мой король отобедать?»

«А? — Он резко обернулся. — Кто эта женщина, летописец?»

«Моя дочь. Тебе понравилось, как она играет?»

«Как звать ее?»

«Эльтира. Эль...»

«Как прекрасна... — Конн почувствовал краску на своем лице. — Как прекрасна бесхитростная пуантенская песенка, не правда ли?»

«Да, — сказал Альфред, улыбаясь. — Она прекрасна, как утро, как летний день, как жизнь, мой король».

Потом они обедали в зале, и теплое летнее небо смотрело сверху, через квадратное отверстие в потолке. Эльтира сидела рядом с отцом и улыбалась аквилонскому королю. А он, забыв о цели своего путешествия в южную провинцию Империи, смотрел на нее и тоже улыбался. «Гей! — пели менестрели под свист дудок и жалобу свирелей. — Гей, король молодой, веселись и ликуй молодой душой!» И он ликовал и веселился в душе, но на челе его лежала печать мрачной невозмутимости.

«Отчего вы так суровы, государь? — спросила Эльтира. Голос ее звенел в лад давно отложенной лютни. — Отец сказал мне, что вы желаете узнать судьбу своего родителя, Великого Конана?»

Он кивнул. Потом сказал: «Все это тщетно. Что скрыто, то скрыто, прекрасная дона».

Она взяла тонкими пальцами ягоду винограда, и та засверкала, пронизанная в мягкой зеленой глубине солнечными лучами.

«Отчего же, государь? Я читала: все тайны рано или поздно раскрываются».

Альфред Паж покивал головой и отпил из кубка.

«Всею свое время, — сказал он. — Если богам будет угодно, мы откроем тайну Конана».

«А есть ли тайна?» — слегка улыбнулся Конн.

«Что-то ведь заставило старого короля вновь пуститься в странствие...» — сказал летописец.

«И вы, государь, ничего более не слышали о своем отце?» — спросила Эльтира.

«Нет. Знаю лишь, что Конан отправился к Офирскому оракулу, а потом — за море. С тех пор о нем не слышали ничего».

Ничего, ничего... Это слово витало над ним, словно черный, затмевающий крыльями солнце ворон, — с тех пор, как отец, совершив церемонию передачи власти, удалился в неведомые земли. И бежал за спиной, словно бледный огонь по сухостою, шепоток, и доподлинно знал молодой король, что многие именуют его сыном рабыни... Сыном рабыни и варвара именуют его.

С тех пор как удалился Конан, сын его подавил огнем и мечом три восстания, пресек восемь заговоров с целью захвата власти, казнил пятьдесят два человека и сто пятьдесят отправил в изгнание. Он старался быть достойным отца, сурового владыки завоеванной державы, а ныне — всего хайборийского мира. Старался — и страшился признаться себе, что воля его на исходе: нет в нем силы, питаемой древними безжалостными обычаями, и висит в оружейной взявшийся неведомо откуда зеркальный щит, в глубинах которого маячат смутные, тревожащие тени...

Или щит в тот год, когда он встретил Эльтиру в замке Горячего Ущелья, еще не появился? Он не мог бы сказать с определенностью...

Ночью случился пожар. Он начался на склонах долины, уничтожая плодовые деревья своими черными дымными щупальцами, и безостановочно покатился к стенам замка. Крестьяне из близлежащих деревень стекались к воротам, и Альфред Паж, их сюзерен, пускал всех, уповая на то, что огонь не сможет перекинуться за стены. Кипарисы на склонах вспыхивали, словно храмовые свечи.

Когда искры, летящие по ветру, стали воспламенять деревья в садах замка, Конн велел всем уходить. Заросли вдоль дороги, ведущей из ущелья вниз, уже пылали, но пылали и дворцы внутри замковой ограды, и звери, вырвавшиеся из клеток, с диким ревом метались среди построек. Многие искали спасения в фонтанах и прудах, но королю столь недостойное поведение казалось извинительным лишь для крестьян.

Рыцари, взнуздав коней, были готовы. Конн поднялся в библиотеку.

«Они хотят сжечь манускрипты, — сказал Альфред. Он сидел в скриптории, где тлели столы, и отказывался уходить. — Темные силы ополчились против истины».

«Это просто пожар, — сказал Конн. — Кто-то развел костер на склоне и забыл потушить».

«Уходите, — сказал летописец, — я остаюсь».

Элтира уже сидела на коне, в платье, облитом водой, и слуги бегали вокруг с чанами, поливая больше себя, чем госпожу.

«Арракос, — сказала дочь Альфреда, когда Конн подъехал к ней. — Арракос, правитель Аргоса...»

«И что же?»

«Он сватался ко мне, но я его отвергла... Он рябой... рябой...»

Она заплакала.

«Ты думаешь, он поджег рощи?»

«Да!»

«Заставь своего отца покинуть замок, — сказал Конн. — С аргосского вассала я спрошу сам».

Они пробились через огонь и дым, унося с собой Альфреда, ставшего мумией на руках короля, безмолвной и безгласной мумией из стигийских пирамид, и бились мечами с людьми, затворившими выход из ущелья, и одолели. Аквилонские рыцари положили всех, прежде чем король спохватился, желая дознаться, кто были сии противники. Элтира рыдала над отцом, а потом явились его родственники и объявили, что заберут семью летописца в свои владения. С ними отпра-

вились и крестьяне, вырвавшиеся из пылающей мышеловки — замок же сгорел дотла вместе со зверями, дворцами и рукописями, так и не сумевшими открыть Конну тайну, коей он домогался.

Аргосский правитель, рябой и кривобокий Арракос, напрочь отвергнув свое причастие к пожару, выказал аквилонскому самодержцу подобающую преданность, устроив семидневный пир во дворце стольной Мессантии. Конн пировал мрачно, едва сдерживаемый советниками. Советники рекомендовали не возбуждать аргосское население по пустякам, и Конн тогда внял их словам, признавая интересы политики выше собственных...

Признал бы их таковыми отец?

Аргос желал отделиться от Аквилонии, используя любой предлог. Тогда предлогом могла стать Эльтира, и он забыл о прекрасной лютнистке, как постарался забыть и о тайне острова Фалль.

Спустя три лета все повторилось: Эльтира бежала в Тарантию, прося покровительства Конна. Он же готов был отдать аргосской доне руку, презрев на сей раз государственные интересы.

Глава седьмая ГОВОРЯЩИЙ ОСЕЛ

Я зад ее видал не на картинке —
Могучий, вольный, словно бы бизон, —
Я зрил его, мне не приснился он:
Мне праздник даровал его на рынке!

Неизвестный народный поэт

Утро едва занималось, и улица Роз была пустыня. Дома смотрели на брусчатую мостовую закрытыми ставнями окон, напоминая унылый ряд слепцов, покинутых поводырем. И все же кое-что здесь изменилось: серые стены были украшены редкими гирляндами блеклых цветов, возле некоторых дверей стояли корзины с подвявшими яблоками и грушами. Главный осенний праздник давал о себе знать даже в этом не слишком почитаемом горожанами месте.

Черная повозка со скрипом катилась вниз по улице, лязгая железными ободьями колес по камням: на сей раз она направлялась от Железной Башни в центр города. На козлах сидели двое стражников — те же, что проезжали здесь вчера: молодой, с острым любопытным носом, и постарше, с длинными седыми усами.

— Прибрали улицу к празднику-то, — говорил вислоусый, меланхолично пережевывая горькие листья трамокки, — вчера мы здесь мертвеца с тобой видели в

канаве. И то сказать, непорядок это. Мертвецам положено на погосте отдыхать, а не в городе.

— А может, то не мертвец был,— охотно откликнулся молодой, радуясь, что можно скоротать за необязательной беседой путь до королевского дворца,— может, просто пьяный.

— Пьяный — тоже непорядок. Пьяных еще Конан-король велел в ночлежные дома спроваживать и плату за то брать. В прежние времена так и было. А сейчас...— И стражник махнул рукой, изображая не то недоумение, не то осуждение по поводу нынешних порядков.

Молодой стрельнул на него маленькими глазками и поспешно отвернулся. Пусть болтает старик, да глаз напарника не видит. Не ровен час догадается, какие мысли бродят в голове юноши. Мысли же там бродили весьма верноподданные: остроносому желалось сообщить куда следует о словах и жестах своего непосредственного начальника. И то сказать, засиделся старик в десятских, на покой пора... Туда, где мертвецы отдыхают.

— Что ни говори, а при старом короле хорошо у нас было, строго,— продолжал вислоусый свои опрометчивые речи.— Конан сам суд и расправу творил, по справедливости. Ворам тогда руку отрубали, насильников удавливали, а прохвостов всяческих клеймом клеймили и голыми за ворота пускали. Теперь вот чернокожики и колдунов на кострах жгут, а вора и лиходеёв расплодилось — не счесть. Строже надо, строже.

— Шатолад старается,— заметил молодой,— да только от волшебства житья не стало. На прочих времени не хватает.

— А у Конана-киммерийца хватало,— упрямо отвечал вислоусый,— уж на что старый король чародеёв не жаловал, только и за иными присмотр был. Король старый сам до всего доходил, почитай каждую седмицу во дворец на суд к нему собирались. А нынче большого дня дожидаться надо, вот как сегодня...

И, указав заскорузлым пальцем себе за плечо, добавил:

— Повезло этому Богузу: как выкрикнул он, что требует высочайшего разбирательства,— сам месьор Шатолад (да продлит его дни Податель Жизни!) не стал перечить. В осенний праздник по старому обычаю каждый может за справедливостью к королю обратиться. Повезло! В другой раз, глядишь, моргнуть не успел, а уж жарятся твои косточки возле Железной Башни...

— Ему, может, и повезло,— пробурчал востроносый стражник недовольно,— а нам в праздник его вози. Я-то думаю, чего это арестанта приказали во дворец доставить... Эх, мои поди уже собрались: вчера еще в бане все помылись, сестры и мамаша юбки накрахмалили, корзины с фруктами приготовили...

— Не унывай,— ободрил десятский,— свезем горбуна во дворец, и свободны. И к Храму Тысячи Лучей поспеем, и кабак не пропустим. Наша-то семья, правда, в прежние годы в святилище Иштар Солнцеликой хаживала...

Спохватившись, он сказал строгим голосом:

— Нечего болтать попусту, служба есть служба!

Оба стражника замолчали, предвкушая радости скорого веселья.

Осенний Праздник Плодов справляли ежегодно в первый день второго осеннего месяца, а раз в пять лет он совпадал с Торжествами Матери-Земли, светлейшей богини Иштар. Нынче храм богини стоял закрытый: по решению Братии все кумиры и святыни из него были перенесены в Храм Митры. Сие обстоятельство, впрочем, мало кого расстраивало — празднества предстояли все равно пышные, и горожане готовились к ним не за одну седмицу.

Каждый квартал готов был выставить своих плясунов и плясуний, носильщиков огромных корзин, полных овощей и фруктов; перекупались за большие деньги жонглеры и акробаты, способные украсить любую процессию; женщины, согласно древнему обычаю, гото-

вили разноцветные хитоны (у каждого квартала был свой цвет), стирали и гладили юбки, которых полагалось надевать в день праздника не менее семи; мужское население стряхивало пыль с костюмов позаковыристей: каждый желал предстать на шествии в облике пирата, древнего героя или сборщика податей. И немало веселой путаницы предстояло, ибо вельможи в сей день рядились простолюдинами, дамы — кавалерами, а гильдия воров, которую на время праздника городские власти отпускали, выступала облаченная в черные мантии судейщиков. Правда, ходили слухи, что прево Шатолад намерен нарушить традицию и арестовать воровское шествие в полном составе, но этому мало кто верил.

Повозка почти миновала улицу Роз. Проехали обгоревший остов храма Вакканы, и молодой стражник сказал, презрительно сплюнув под колеса:

— Поделом кумирни чужих богов жгут. Нечего разным бритунцам в нашей Тарантии делать и народ с панталыку сбивать. Бог един, Митра Пресветлый. А горбун-то наш, слышал я, самому Нергалу поклонялся. Брато Толстый за ним ходил, так, сказывал, огнем бесовским их с ног посбивало и *дознавателей* тоже. Страху Брато натерпелся, аж штаны обмочил! А *дознаватели* знай себе молитвы охранительные читают, да и повязали колдуна. Ежели б не они, так Нергал сейчас по улицам разгуливал...

— Хлипкок чернокнижник для слуги нергального, — проворчал вислоусый.

— Да они все с виду хлипкие, колдуны-то, это уж так водится. Их силы тьмы изнутри сосут, Светлейший Обиус на проповедях сказывает. А слыхивал ли ты, как они божество свое величают? Не Повелителя Серых Равнин, а другого, кто якобы над всеми стоит?

— Как? — перестал жевать десятский.

— Тернером! Вот же выдумали. И якобы в божестве сем аж три других спрятано, а сила их скрыта в Пустоте Великой... Можно ли в подобное веровать?!

Молодой рассчитывал, что начальник опять сболтнет лишнее, но тот лишь пожал плечами и проворчал:

— Духи тьмы могущественны и норовят правочуждых одолеть. Так и жди ежечасно, что на голову тебе свалится...

Тонкий свист, раздавшийся над крышами домов, заставил стражников глянуть вверх. В утреннем небе творилось странное: желтые сполохи играли там, и среди них явственно различалось летящее существо. Существо напоминало мужчину в нижней одежде, на спине его было прилажено тяжелое рыцарское седло, а в седле, бесстыдно расставив голые ноги, располагалась всадница, закутанная в конскую попону.

— А! — тонко выкрикнул молодой стражник. — Демоны! Демонов ты, дядя, накликал!

Вислоусый ничего не успел сказать в свое оправдание: страшная парочка стрелой ринулась вниз, раздался треск разрываемой ткани, повозку тряхнуло так, что стражники кубарем покатались с козел. Две старые клячи, впряженные в арестантскую колесницу, присели на задние ноги, испуганно заржали, но, ввиду полной немогущества, остались стоять на месте.

— Вот те на! — раздался из-под обрывков матерчатого навеса веселый женский голос. — Стоит только отпустить поводья, и греха не оберешься. Вы живы ли, месьор рыцарь?

— Жив, — отвечал неведомый месьор. — Но, кажется, здесь имеется узник. И он в беспамятстве.

— Узник! Гонимый и униженный, беспомогущный и сирый... Теперь я понимаю, отчего вас понесло вниз. Долг рыцаря помогать страждущим. Я, признаться, намеревалась приземлиться поближе к центру.

— Вы намеревались также оставить в покое несчастную Абегадьду и меня по прибытии в Тарантию. Можно ли доверять вашему слову, госпожа Ишшу?

Ответ прозвучал обиженно:

— Значит, месьор Дагеклан, если я элементар, так мне уж и верить необязательно? Где, хвост нергалий, вапа галантность? Не забывайте, что я все же дама!

Стражники сидели на мостовой, вылупив глаза и не в силах ни закричать, ни пуститься наутек. Младший судорожно икал, десятский кусал ус, собирая остатки мужества.

— Я обещала оставить вас в покое, когда подыщу достойную замену, — сказал женский голос в повозке. — А в кого прикажете вселяться, в этих олухов?

Тут дверь ближайшего дома отворилась, и на улице показалась толстуха в шуршащих юбках, державшая за недоуздок маленького и весьма потертого серого ослика. Девица сия торопилась на праздник и опрометчиво решила скостить дорогу, пройдя через улицу Роз, на которую в иное время ее не заманили бы и горстью золотых. Порешив, что на время торжеств улица Роз, как водится, будет свободна от страшных черных повозок, она открыла всегда запертую парадную дверь своего жилища и оказалась посреди событий удивительных и весьма жутких.

— Ага! — вскричала госпожа Ишшу голосом Абегальды. — Вот эта мне нравится!

Месьор Железная Рука едва успел подхватить обмякшее тело дочери Эзра: огненная искра вылетала из ее полуоткрытого рта и устремилась к застывшей на месте тарантийке. Миг — и толстуха пустилась в пляс, высоко подкидывая юбки и обнажая розовый и весьма аппетитный зад.

— Измена! — прохрипел усатый десятский, поднимаясь на ноги. — Измена! К оружию!

Его подчиненный остался сидеть, пренебрегая воинским долгом и все еще икая. Розовые ягодицы неожиданной плясуньи мелькали у него перед глазами, вызывая тягостное головокружение.

Вислоусый, выставив вперед алебарду, побежал к владельце ослика, явно намереваясь зарубить ее на месте.

Он был уже в двух шагах от толстухи, когда вихрь ослепительных искр пронесся снизу по улице Роз. Стражник разинул рот, позабыв о своем оружии, и застыл на месте.

— О! — завопила толстуха тонким голосом. — О, други мои и подружки! Сюда, бестелесные! Вот осел, вот второй, с усами, вот юноша бледный с безумным взором! Располагайтесь, любезные!

Сноп искр распался: две влетели в разинутые рты стражников, одна исчезла в ослином ухе, остальные поднялись смерчем и исчезли в свете разгорающегося утра.

И начался танец, столь же невиданный, сколь и пугающий. Толстая тарантийка, одержимая госпожой Ишшу, закинула юбки на голову и выделяла умопомрачительные кренделя. Стражники отплясывали срамной народный танец нак-нак, за который сами же еще вчера хватали игроков на рыночной площади. Не отставал от общего веселья и длинноухий ослик: встав на задние ноги, он выбивал копытами дробь, которой позавидовали бы и королевские барабанщики.

— Ах, месьор, — прошептала освобожденная дама Абегальда, — наконец я в ваших объятиях!

Не разделяя ее восторгов, рыцарь поплотнее укутал немедийку в попону. Он мучительно размышлял, что же следует предпринять в сложившемся положении.

Сомнения его быстро разрешились: хохоча и тыча друг дружку под ребра, стражники полезли на козлы. Толстуха уместилась между ними, во все горло распевая какую-то бодрую песню без слов. Ослик, приняв положение, более подобающее четвероногому, засеменил вниз по улице, то и дело заговорщицки оглядываясь на сивых лошадок через плечо.

— Агей-агу, веселись, народ! — завопил десятский, нахлестывая упряжку. — Покажем плотникам, что такое стропила!

— Покажем кузнецам, как гуся подковать! — вто-рил ему востроносый.

— Что нам, красоткам, стоит сплясать тартанеллу с самым светлейшим да жирнейшим,— изрекла госпожа Ишшу устами одержимой тарантьйки.— А ну, дохлятины, несите нас на праздник!

Повозка полетела к центру города, выбивая из мостовой искры железными ободьями. Лошадки, то ли испугу, то ли за компанию, явили невиданную прежде резвость и мчали экипаж, распугивая густеющую толпу. Многие шарахались, прижимаясь к стенам домов, другие, принявшие с утра изрядную дозу горячительного по случаю праздника, кричали вслед: «Ряженные! Гляди-ко, в стражников обрядились!» Сие мнение быстро распространилось, и на площадь Красных Цветов черная повозка въехала под всеобщее рукоплескание.

Тут дорогу ей заступила процессия жрецов в шафранных хитонах, величественно шествовавших по направлению к Храму Митры. Впереди выступал бритый старик с витой высокой свечой в руках. Вздернув острый подбородок, он вышагивал с таким видом, словно вел своих сподвижников прямоком в Небесные Сады. Толпа преклоняла колени, вздымала над головами лес рук; тягучее песнопение сопровождало процессию.

Поравнявшись с повозкой, шествие остановилось. Старый жрец уставился на осла, словно это было не обычное вьючное животное, а некий весьма странный и непонятный предмет.

— Мой взор оскорблен,— вымолвил жрец и в знак доказательства своего оскорбления слегка помахал свечой.— Кто сей дерзкий хозяин, забывший об указе, запрещающем выводить домашних животных во время прохода священных процессий?

— Я это,— на сей раз басом молвила госпожа Ишшу, скрывшаяся в теле толстой тарантьйки,— ничтожная и недостойная дочь твоя.

— Ты заслуживаешь наказания,— строго сказал служитель Митры.— Стражники, отвезите ее в Железную Башню.

— Но я не виновата, и это не стражники.

— Все мы виновны пред взором Подателя Жизни. И как это — не стражники? Я вижу арестантскую повозку и двух слуг закона.

— Да ведь ты слеп, как же можешь что-либо видеть?

Челюсть жреца поехала вниз. Подобной дерзости он никак не ожидал.

— Ничтожная! — вскричал он дребезжащим старческим голосом.— Ты осмелилась оскорбить служителя Верховного Бога!

— Если позволишь, отче, мой защитник скажет несколько слов в оправдание.

— Защитник? Это еще кто?

— Месьор Длинноух Серый.

Осел, заслышав такие речи госпожи Ишшу, выступил вперед и, подняв трубой хвост, произвел громовой залп непотребных звуков, вызвавших в толпе хохот. Ситуация была столь комичной, что горожане ненадолго позабыли о всегдашнем страхе перед надменными служителями Митры.

Тем временем осел, опустив хвост и обнажив желтые зубы, молвил вполне отчетливым человеческим голосом:

— Старость — не радость. От геморроя хорошо помогает свинцовая вода и толченые тараканы. По столовой ложке три раза после еды.

— О Пресветлый, спаси меня! — вскричал жрец, роняя свечу.— Наваждение! Наваждение!

— Порошком Черного Лотоса не следует злоупотреблять,— нравоучительно произнес осел,— от этого случаются навязчивые галлюцинации.

Жрецы, все как один, рухнули на колени и принялись творить охранные, отгоняющие демонов и избавляющие от морока молитвы. Толпа безмолвствовала, ожидая, чем окончится сие нежданное противостояние светлых и темных сил.

Темные силы победили: пока старый жрец осенял осла круговыми движениями рук, стремительное облако желтых огней упало на площадь; искры, в коих

скрывались бестелесные сущности веселых духов, быстро нашли пристанище — те, кто не успел закрыть рта (и все жрецы оказались в их числе), стали легкой добычей беснующихся элементаров. После чего среди святых мужей случился следующий весьма примечательный разговор:

— Шалтазар-Балтазар сидел на стене? — спросил старый жрец, подбирая с мостовой свечу и с любопытством ее обнюхивая.

— Еще как сидел, — глубокомысленно отвечал один из его сподвижников, — так сидел, что досиделся.

— И как брякнулся, так костей и не сосчитал! — дополнил дискуссию кто-то из младших служителей.

— Что будем делать? — спросил главный.

— А что делать? Отправимся к государю и посоветуем задействовать конницу.

— И рать!

— Ну, и рать, конечно. Пускай кости собирают.

Порешив так, жрецы удалились, приплясывая и высоко подкидывая голенастые ноги в сандалиях из сыромятной кожи. Кто был сей Шалтазар-Балтазар (судя по имени, правитель востока) и откуда он столь неудачно сверзился, навсегда осталось загадкой.

Среди толпы, разодетой для праздника весьма причудливо, уже обаятой настроением веселого действа, заминка была недолгой. Многие порешили, что стали свидетелями новых затей, и жрецы были ряжеными. Другие попросту соглашались с первыми, как делали это всегда, ибо следовали народной мудрости, гласящей: «Свой ум клади на полку — проживешь долго». Третьи и вовсе стали вместилищами духов и, внешне оставаясь обычными людьми, своим поведением не вписывались даже в беспредельное разгулье Праздника Плодов.

Долго еще вспоминали тарантийцы те дни: двух стряпчих, кои, задрав черные мантии, неслись сломя голову по улице Святых Даров, в самом центре столицы, выкрикивая на бегу ужасающие речи (месьора

Шатолада обвиняли в мужском бессилии и многое другое); почтенную женушку раздатчика работ Пуркера, затеявшую обнажаться в присутствии мужа на людях («Какая гадость!» — восклицали многие, узревшие телеса почтенной матроны); карлицу Карлиту, проехавшую верхом на шее у месьора Эртрана (зря рядился ландграф в простого хлебопашца — узнали); трех гвардейцев из Черных Драконов, побросавших оружие и стиравших вместе с прачками белье в Светлых Прудах, тоже вспоминали. И шептались, и затыкали рты детям, и пороли даже, ибо — впоследствии вышел указ, подписанный Светлейшим Обиусом: считать все произошедшее недоразумением и происком демоническим.

Глупые люди не ведают божьего страха. А к такому в дни Праздника Плодов можно было причислить всех тарантийцев. И без происков элементарных народ дурел: дни свободы от установлений правительственных да жреческих кружили головы. Забывались на эти дни ссоры и междоусобицы, вталкивались в ножны кинжалы, убирались за голенища ножи, прятались кистени и свинцовые гирьки: враждующие, еще вчера готовые проломить голову соперника при первом удобном случае, восклицали хором «Эвохэ!», и откуда взялась сия здравница, и что она значила — не ведали даже жрецы Митры Пресветлого.

«Эвохэ! Эвохэ!» — вопила толпа по сторонам повозки, когда, направляемые смелой рукой вислоусого десятского, лошаденки влекли ее посреди праздничной круговерти. Рыцарь Дагеклан чутко поддерживал завернутую в попону даму Абегальду, похожую на куколку, готовую стать прекрасной бабочкой, и продолжал размышлять. Железная Рука бывал в Тарантии и хорошо знал столицу; сидя в повозке, которая давно уже стала частью пестрого шествия, он надеялся увидеть знакомую улицу, где помещалась тайная обитель Ордена кампанариев, замаскированная под скобяную лавку, — с тем чтобы туда направиться, вручив судьбу немедийки соратникам, а себе испросить одежду и оружие.

Он надеялся, что соратники войдут в положение и не станут лишним раз интересоваться, отчего рыцарь Железная Рука бродит по столице Аквилонии в нижнем белье и с голой дамой на руках.

Наблюдениям рыцаря мешала толпа, вздымавшая над головами шесты, увитые виноградными лозами и гирляндами цветов, огромные корзины с разномастными и разноцветными плодами осени, жестяные изображения Митры в образе солнца и куски холстины, раскрашенные в цвета гильдий.

Между толпой блеснули яркие искры: стеклянные безделушки простонародья смешивались с драгоценностями знати, странно смотревшимися на потертых крестьянских платьях и заплатанных куртках ремесленников, в которые те рядились. Переодетых вельмож узнать, впрочем, было весьма нетрудно и без драгоценностей: количество заплат и дырок на их одеждах явно превосходило все разумные пределы.

В воздухе висел неумолчный звон тамбалин, блеяли дудки, верещали свирели, гулко и веско били тампаны. Шествия представителей разных кварталов Тарантии сливались воедино на главной улице столицы, ведущей к Храму Тысячи Лучей. Теперь, когда все шло в затылок друг другу, впереди возник серебряный корабль: опережая процессию, он словно плыл по воздуху. На носу и корме возвышались сооружения, похожие на маленькие храмы. И такими же маленькими были матросы: дети, переодетые в морские одежды, — они ловко сновали по снастям, поднимая почти настоящий парус. На палубе корабля высились груды экзотических плодов: бананы, авокадо, струмолы, вилингры...

В двадцати шагах от Храма корабль остановился. Приподнялась пурпурная ткань, скрывавшая носильщиков, те опустили шесты, и серебряный ковчег плавно встал на землю. Мальчишки посыпались вниз по мачтам и принялись кидать в толпу южные фрукты.

Врата Храма растворились, величественная процессия явилась взорам народа. Впереди, облаченный в

роскошные голубые одежды, усыпанные золотыми звездами, шествовал Светлейший Обиус. Он воздел руки к ясному небу и возгласил, поглядывая сверху вниз на толпу: «Возлюбленные чада мои! Тарантийцы и тарантийки! В сей светлый день...»

И потекла речь, коей внимали все благоговейно и безмолвно.

И госпожа Ишшу сказала (так, что ее расслышали лишь те, кто сидел в повозке): «Жирнейший хорош. Я стану с ним танцевать».

Рыцарь отвечал мрачно: «Ты зря бросаешь вызов жрецу Митры, дух. Ибо у служителей Пресветлого меч крепок, и имя ему — правда».

«Хочу домой, к папочке», — пискнула тут дама Абегальда.

Стражники ослабились, а пленник, имеющий на шее и конечностях своих железные оковы, вдруг открыл глаза и твердо молвил: «Везите меня на королевский суд, вы должны...»

Он закрыл глаза и снова умолк, вызвав всеобщее недоумение: отчего это узник, свобода коего гуляет рядом, столь жаждет монаршего разбирательства?

Глава восьмая ВЫЗОВ

Так молвил чужеземный князь:
— К тебе, властитель, обратясь,
Я изложил все по порядку.
И вот тебе моя перчатка!

Тровер Элтан.
«Бесстрашие отцов».

Ты знаешь, государь, что твой отец был мне другом. Посему мне трудно молвить то, что собираюсь.
— Говори!

— Сердце Аримана, могучий талисман Аквилонии, не раз спасавший державу, залог ее величия и процветания...

— Что же? Хадрат, я не думал, что жрецы Асуры ведают сомнения, но — твой голос дрогнул.

— Потому, мой повелитель, что я должен возгласить тебе скорбную весть. Сердце Аримана, возложенное на алтарь нашего храма, засветилось, как прежде...

— Значит, сердце Бога живет? В чем твоя печаль, жрец?

— Талисман засветился, и это значит — он подлинный. Но боги открыли мне, что камень останется безответным в твоих руках, повелитель.

Хадрат достал из-под складок одежды большой ларец с резной крышкой и поставил на стол перед коро-

лем, склонил седую голову и умолк. Конн стоял перед жрецом, уже облаченный в парадные одежды, готовый отправиться в приемную залу, дабы принять участие в осеннем празднестве. Он откинул со лба непослушную прядь, подошел к столу, поднял крышку ларца, чувствуя, как дрожат пальцы.

Сердце Аримана! Талисман, завещанный отцом, залог могущества и непобедимости Аквилонской державы... Четыре года он хранился в Храме Митры, и Светлейший Обиус трактовал невнятно о смене эпох и надобности проверок — проверок и еще раз проверок. Не отсутствие ли волшебного кристалла стало причиной смуты, обуявшей Империю? Он не раз задавал себе этот вопрос, и всегда его мысли успокаивал зеркальный щит в оружейной — щит, взявшийся неведомо откуда...

Конн осторожно извлек камень из хранильницы. Кристалл тяжело лег в ладонь. Король ждал, но граненый шар оставался холодным и равнодушным. Лишь на миг почудилось, что в его глубинах мелькнул затененный отсвет, готовый превратиться в фонтан алого бесплотного пламени, но искра быстро исчезла: может быть, это был всего лишь отблеск солнечного луча, упавшего на талисман сквозь витражные створки окна.

— Что это значит, жрец?..

— Это значит, что боги решили изменить ход событий, повелитель. Тебе не стоит возлагать руки на камень прилюдно.

Конн опустил кристалл обратно в хранильницу и вымерил шагами комнату. Это была его опочивальня, где вдоль стен на полках стояли десятки моделей морских кораблей: галеры, с искусно выполненными экипажами на борту, крутобокие катафракты, маленькие и вездесущие фазелы, ванирские дракары с оскаленными мордами на высоких носах, неутомимые либурины с разноцветными парусами... Конн никогда не выходил в море, но лазурные волны снились ему часто, гораздо чаще, чем стены родной Тарантии. Он видел во сне корабли, идущие под аквилонскими флагами, и

полагал, что это воплощаются мечты отца, желавшего водрузить аквилонского льва над всеми странами. Теперь над величием Империи нависла угроза, и ее провозвестником явился старый жрец Асуры, Хадрат.

— Что ты мне посоветуешь? — спросил король, останавливаясь посреди опочивальни, заложив руки за спину и широко расставив ноги в мягких сапогах с отворотами.

— Забвение — лучшее лекарство, — осторожно молвил жрец. — О Сердце Аримана твои подданные почти забыли. Не поминай то, что воодушевляло толпу многие годы назад. Сотвори иного кумира, повелитель.

— Мыслю, Светлейший Обиус уже о сем позаботился: народ жадно ловит каждое слово Светлейшего... Но что, если ты все же ошибаешься, Хадрат, и это подделка?

— Я не ошибаюсь.

— И все же... Отец никогда не боялся идти на встречу судьбе. Пристало ли его сыну поступать иначе? Сегодня, в день Торжества Пресветлой Иштар, я должен взять в руки древний талисман. Я стану молиться Митре — и будь что будет. Если Сердце Аримана снова не ответит на мое прикосновение, я объявлю его подделкой, и, думаю, аквилонцы мне поверят. Пока идут поиски «истинной реликвии», мы подумаем, чем ее заменить. В конце концов — сила аквилонцев не в багровом камне, а в них самих!

Хадрат, жрец Асуры, молча поклонился. Он имел свое мнение, но, как истинный служитель древнего вендийского культа, привык отвечать только на поставленные вопросы. Про себя жрец отметил, что Конн, решив действовать, вопросов больше не задает, и в этом молодой король подобен старому — Конану.

— И еще, повелитель, — сказал жрец, — я должен передать тебе это.

Он положил на стол пергаментный свиток. Король взял его и пробежал глазами по строчкам.

— Что это, Хадрат?

— Предсказание Офирского оракула, государь. Светлейший Обиус возложил на мои плечи тяжелую миссию показать этот свиток тебе и высказать мое мнение по поводу того, что надлежит делать.

— И что же? Здесь говорится: «Сердце, сила и слава королевства переменятся, воины сражаются в небе долгое время». Очевидно, сие относится к переменам, о которых ты только что говорил. Но кто этот «прямо стоящий ягуар», и кого он должен сразить?

Жрец Асуры скорбно склонил голову.

— Увы — повелитель, которому грозит гибель, это ты, государь. А воин, носящий ягуара на своем щите, — граф Рабрагор.

И, заметив, как побледнело лицо короля, Хадрат поспешил передать коротко, как объяснял предсказание Светлейший Обиус.

Конн помедлил, разглядывая свои модели. В маленьких парусах чудился свист ветра, гребцы на галерах, казалось, готовы были взмахнуть веслами в такт протяжным командам гортатора. Невидимые волны летели навстречу корабельным форштевням, и боги пучин отдавали своим водяным армиям неслышные приказы. А может, иные боги приводили сейчас в действие неведомые силы, бросая кости, на которых светились знаки судьбы?

— Почему же Верховный Жрец Митры сам не пришел сообщить мне о пророчестве оракула?

— Из страха, мой повелитель. Светлейший опасался, что ты... можешь поставить под сомнение его слова.

— А ты, друг моего отца, значит, всецело доверяешь Обиусу?

— Я доверяю своим богам и своему алтарю в тайном храме Асуры. — Хадрат с достоинством поклонился. — Что же касается речей Светлейшего... Они излишне многословны, но в данном случае совпадают с тем, что удалось мне выяснить своими путями.

— И ты станешь вслед за Обиусом уговаривать меня передать власть ничтожному Рабрагору?

— Нет, повелитель.

Конн в полном недоумении взглянул на жреца. Лицо Хадрата, как всегда, было спокойно и непроницаемо.

— Но — «поединок нельзя отменить»?

— Это так.

— Значит, боги открыли тебе, что мое земное существование подошло к концу? Клянусь дубиной Крома, я готов к смерти, но пасть от руки какого-то самозванца...

И, топнув крепким каблуком по мраморным плитам, король добавил гневно:

— Даже если в жилах Рабрагора и правда течет кровь Нумедидеса, он все равно самозванец, ибо мой отец завоевал трон Аквилонии с благословения богов и передал его мне по праву!

Хадрат снова поклонился.

— Ты говоришь истину, повелитель, ибо Конан был величайшим из хайборийских властителей. Он правил мудро и сильной рукой сплотил народы, подарив им мир и процветание. Мы не ведаем, что заставило его отправиться в последнее путешествие, но ты, государь, сможешь продолжить дело отца. Если только...

— Что? Скажи мне, Хадрат!

— Если вновь обретишь силу, которая заключалась в Сердце Аримана и помогала твоему отцу свершать великие деяния.

— Для этого, по меньшей мере, нужно прожить еще хотя бы месяц, — невесело улыбнулся молодой король, — а если верить Офирской пифии, мне осталось гораздо меньше.

— Чтобы одолеть судьбу, надо уметь ей подчиняться, — задумчиво молвил жрец.

— Подчиняться? Мы опять вернулись к моему отречению.

— Да, но не в пользу Рабрагора.

Конн не смог сдержать смех. Потом осторожно взял двумя пальцами резную фигурку кормчего с палубы игрушечной галеры и, внимательно ее разглядывая, спросил:

— А что, имеется еще один претендент на корону?

— Нет, повелитель, — спокойно отвечал жрец. — Хотя многие спят и видят себя на троне Аквилонии. Совет хитроумного Обиуса тем не менее надо принять к сведению. Если к моменту поединка ты перестанешь быть повелителем графа, чаши судьбы могут склониться в другую сторону. Для этого ты должен перестать быть королем, но на время...

— Отдать власть в надежде, что кто-то вернет ее добровольно? Ты слишком наивен, жрец. Такое возможно только через большую кровь.

Губы Хадрата впервые тронуло бледное подобие улыбки.

— Польза древних законов в том, что их вовремя забывают, — сказал он. — Светлейший Обиус, быть может, затеял перехитрить судьбу и воспользоваться плодами своей хитрости, посадив на престол человека, которым он будет управлять. Но ты, государь, должен противопоставить лукавству лукавство, чтобы добиться своих целей.

— Хотел бы понять тебя...

— Это не столь уж сложно, повелитель. Еще при короле Хагене был принят закон, по которому государь, решивший взять в жены свою избранницу, с момента прилюдного предложения временно отстранялся от исполнения королевских обязанностей. Власть в таких случаях должна переходить к Совету Лордов — до момента торжественного бракосочетания в Храме Тысячи Лучей. За различными перипетиями закон этот прочно забылся, хотя он и существует.

Хадрат извлек из широкого рукава и положил на стол древний пожелтевший свиток, скрепленный выцветшей лентой и Большой Сургучной Печатью.

Конн не притронулся к свитку. Он задумчиво разглядывал резную фигурку морехода в широкополой шляпе размером с ноготь большого пальца.

— Если ты, повелитель, сделаешь предложение той, которую избрал, закон вступит в силу, — продолжал

жрец бесстрастно. — Совет Лордов никогда не посмеет встать у тебя на пути. Как только совершится бракосочетание, ты снова станешь королем.

— Значит, тебе известно о беглянке из Аргоса? — спросил Конн.

— О твоих чувствах к достойной Эльтире, повелитель, ведомо многим.

— Но многие из Совета Лордов считают, что наш брак станет поводом к войне с Аргосом. Сейчас, когда положение Аквилонии не столь устойчиво, как во времена отца, такая война повлечет восстания во всех подвластных нам землях. Что бы ты сделал на моем месте, Хадрат?

Жрец несколько помедлил с ответом.

— Не мне давать тебе советы в подобных делах, государь, — молвил он, слегка прикрыв веки. — Вендийские мудрецы говорят: «Чтобы принять решение, откажись от решений. Будь травой, склоняющейся туда, куда дует ветер, но будь и ветром, колеблющим траву».

Конн осторожно поставил фигурку кормчего обратно на палубу.

— Чтобы постичь подобное, надо быть вендийским мудрецом, — сказал он, — я же всего лишь король с огромной тяжестью на плечах. Сердце подсказывает одно, разум диктует иное. И вот что еще я подумал. В пророчестве сказано: «Из-за ответа дамы король встревожен». Эльтира бежала в Аквилонию от домогательств Арракоса и просит у нас убежища. И я вовсе не уверен... Что, если пифия подразумевала ее отказ?

— Решать тебе, повелитель.

Испросив дозволения, Хадрат удалился.

Как только он скрылся за дверью, прихрамывая на обе ноги, в комнату вошел старый Эвкад, имевший привилегию входить к королю без стука.

— Все собрались в парадной зале и изнывают от нетерпения узреть Ваше Величество, — сказал он, поклонившись.

Конн в последний раз бросил взгляд на готовые отплыть маленькие корабли и последовал за слугой.

Проходя через оружейную, король ненадолго задержался возле зеркального щита, словно стараясь отыскать в его смутных глубинах ответ на терзавший его вопрос. Но металлическая поверхность на сей раз была тусклой и непроницаемой...

И столь же непроницаемым казался взгляд человека с гладким холеным лицом, похожим на каменноголыш, долго пролежавший в воде: заслышав за спиной вкрадчивые шаги, Конн обернулся и увидел перед собой Светлейшего Обиуса.

— Прекрасная вещь, — сказал Верховный Жрец Митры, — какая тонкая, я бы осмелился сказать, филигранная работа! Воистину, лишь мастеру, вдохновленному самим Подателем Жизни, по силам сотворить подобное произведение искусства!

— В бою больше пользы от крепости щита, чем от его выделки, — отвечал король. — Ты ведь не за тем явился, жрец, чтобы восторгаться отцовской коллекцией?

Обиус бросил взгляд на застывшего возле дверей в почтительной позе слугу, и король жестом отпустил Эвкада.

— В словах ваших, государь, много мудрости, — заговорил жрец, когда старый наставник вышел. — О, как бы я желал стать самым надежным щитом для Вашего Величества! Увы, силы мои не беспредельны, и остается лишь молить Митру...

— О моем отречении?! — В голосе Конна отчетливо прозвучал гнев.

Обиус скорбно склонил лысую голову.

— Вижу, достойный Хадрат уже побывал здесь, — сказал он, разглядывая песочного цвета ковер. — Увы, увы, всемогущая Судьба властвует и над нищими, и над королями...

— Услышу я что-нибудь, кроме бесконечных «увы»? — нетерпеливо прервал жреца Конн.

Обиус пожевал губами и потер лоб.

— Я всего лишь пекусь о сохранении наследия Великого Конана, — молвил он смиренно. — И никогда не простил бы себе, случись что с вами, государь. Ничтожный, денно и ночью молил я Митру Пресветлого открыть мне хитросплетение причин и следствий, и вот Всеблагой внял моим просьбам... Увы (повторяю слово сие вновь и вновь), я не в силах заставить Сердце Аримана вновь пылать в королевской деснице, но жизнь сына Великого Киммерийца, моего близкого друга и господина, я спасу, даже если буду вынужден пойти наперекор Великому Равновесию! Ваше Величество! Рабрагор — лишь ничтожный из смертных, ему не по силам будет нести скипетр и державу великого государства. Он — лишь послушная игрушка в наших руках, призванный исполнять волю...

— Чью же? — снова прервал словоизлияния Светлейшего король.

— Вашу, государь, конечно же вашу волю! Поверьте, вынужденное правление бастарда продлится недолго. Как только опасность минует, Братия заставит Рабрагора возратить вам корону.

— Я тронут, — сказал Конн. — Но вот что я думаю, жрец. Думаю, что сегодня день Торжества Иштар, а на этот праздник отец всегда являлся народу и брал в руки Сердце Аримана. За последние пять лет не случилось ни одной серьезной войны либо иного бедствия, когда являлась бы нужда в талисмани. Народ успел подзабыть о багровом камне, но если сегодня Сердце не будет явлено тысячам глаз, о нем вспомнят, и это породит мрачные слухи и неуверенность. Я не могу нарушать древние обычаи и прикоснуться к талисману на площади.

— Безумие! — вскричал жрец. — Сердце Аримана останется безответным, и все поймут, что небожители отвернулись от Аквилонии!

— Пусть все боги отвернутся от меня, я не буду в обиде. Но есть среди них один, на помощь коего надеюсь всем сердцем. Ты знаешь, о ком я говорю.

Светлейший в отчаянии заломил пухлые ручки.

— Государь, — воскликнул он, готовый, кажется, вот зарыдать, — Ваше Величество! Кром — божество киммерийцев, но вы киммериец лишь наполовину...

— Именно это и дает мне надежду. Говорят, Владыка Могильных Курганов лишь дважды бросает взгляд на человека: в момент его рождения и в минуту смерти. Я родился вдали от его владений, и вряд ли он обратил на меня свой взор, когда я появился на свет. Так что у меня в запасе есть хотя бы один взгляд Крома. Говорят, что иногда бог киммерийцев приходит на помощь тем, к кому особо благоволит. Отец почитал Владыку Курганов, надеюсь, он не оставит сына своей милостью.

— Увы, — прошептал жрец, — я бессилен что-либо изменить...

* * *

— Суда и справедливости, повелитель, суда и справедливости!

Невзрачный человек с небольшим горбом за левым плечом застыл на коленях перед ступенями королевского трона.

— Да будет суд и справедливость именем Митры Пресветлого. Назови себя.

— Богуз с улицы Вздохов, мой король.

— В чем твоя вина?

— Повинен в зарывании кошки в землю на перекрестке трех дорог.

Конн удивленно глянул на месьора Шатолада, стоявшего по правую руку от возвышения.

— Это правда?

Шатолад поклонился и заговорил поспешно, желая объяснить:

— Ваше Величество, сей человек желает обелить себя перед королевским судом и потому всячески преуменьшает свои черные деяния. Кошка, зарытая в землю с целью страшного колдовства, — лишь малая часть его

преступлений. Сей чернокнижник повинен в сношениях с духами тьмы, коих призывал на гибель всех правоверных...

— Имеются доказательства?

— Мы схватили одного из так называемых учеников колдуна, и мальчишка, желая заслужить прощение, сознался, что его хозяин почти каждую ночь совершал бесовские обряды, жег травы и даже бесстыдно являлся ученикам голым, заставляя оных намазывать себя колдовскими мазями.

— Где свидетель?

— К несчастью, он внезапно умер, государь. Хлипкий оказался, да. Но у нас имеются другие свидетели: стражники и *дознатели*, ходившие за колдуном в его берлогу. Они готовы поклясться именем Митры, что собственными глазами видели действие страшного чародейства, чуть было не лишившего их жизней!

Конн досадливо поморщился. Он уважал традиции, но считал обычай королевского суда в дни больших праздников досадным пережитком. В самом деле, пристало ли государю разбирать мелкие тяжбы и вникать в подробности жизни простолюдинов? А ведь каждый из них имел право в дни торжеств потребовать высочайшего разбирательства. Желающих, правда, находилось немного: народ давно смекнул, что лучше не докучать высочайшим особам своими мелочными проблемами, а еще лучше вообще не попадаться им на глаза. Лишь те, у кого на кону стояла жизнь, рисковали обратить на себя высочайшее внимание монарха, да и то изредка.

— Слышал, в чем тебя обвиняют? — спросил король горбуна. — Что можешь сказать в свое оправдание?

Богуз, оставаясь стоять на коленях, поднял голову и прямо взглянул в глаза Конна. Сыну киммерийца на миг показалось, что глазами колдуна на него смотрит некто иной, но он тут же отогнал эту мысль: дело жалкого чернокнижника его мало тревожило. Слушая,

как Богуз с улицы Вздохов бормочет что-то невнятное, король оглядывал зал в поисках той, кто пленила его сердце.

Зал был столь огромен, что, вмещая не менее тысячи вельмож и дам, гостей, посланников, купцов, слуг, глашатаев и гвардейцев, хранивших покой и порядок, словно бы оставался полупустым. Высокие стены были увешаны великолепными туранскими коврами, на которых весьма искусно изображались двенадцать подвигов Митры. В простенках между высокими окнами висели головы диких зверей и стяги поверженных армий, стояли изысканные скульптуры, изображавшие богов и древних героев. Никто не обращал на это великолепие никакого внимания.

Взгляды присутствующих были прикованы к дарам, грудой сложенным посреди залы: золотые и парчовые ткани из Арэнджуна, драгоценные шкурки горностая и снежной лисицы из Асгарда и Ванахейма, беличьи и лисьи шубы из Бритунии, богатые зингарские седла и упряжь, офирский лазурит и коринфская яшма, слоновые бивни из Черных Королевств и сандаловое дерево из Кешана... Чудесно благоухали специи, ценившиеся на вес золота: гвоздика и корица из Кхитая, имбирь из Иранистана, черный перец и мускат с Южных островов, белый перец из Уттара, шафран с побережья моря Вилайет и фисташки из Пунта — все эти богатства были привезены в Тарантию купцами и сложены у трона аквилонского владыки в знак преданности и в надежде на снижение торговых пошлин.

Купцы только что проследовали чередой перед троном короля, поочередно прикладываясь к его сафьяновой туфле с аметистовой пряжкой. Они шли один за одним, разноплеменные негоцианты: узкоглазые плосколицые кхитайцы, смуглые горбоносые вендийцы, толстые туранцы и иранистанцы в цветных халатах и высоких тюрбанах, блистающие драгоценными кольцами и серьгами офирцы, затянутые в тесные черные одежды зингарские и аргосские представители воль-

ных торговых городов, аквилонские торговцы в роскошных аляповатых одеждах... Никто не представлял их королю: возможность приложиться к монаршей обуви и так была неслыханной честью для тех, кто, заплатив немалые взятки Шатоладу, удостоился попасть на праздничный прием.

Вслед за почтенными торговцами двинулись именитые гости и послы. На сей раз гарольды выкликали их имена и титулы. Преклонив одно колено, вельможи целовали перстень короля, а Светлейший Обиус, восседавший в голубой мантии по правую руку от монарха, осенял их милостивым круговым движением пухлой ладони.

Конн с нетерпением ожидал окончания церемонии. Он пребывал в глубоких раздумьях и почти не обращал внимания на блистательную череду знатнейших нобилей, спешивших засвидетельствовать свою преданность. Они подобострастно улыбались, они кланялись и отставляли ноги, отчего в прорезях пышных штанин мелькали золотистые, небесно-синие и изумрудно-зеленые подклады; казалось, прикажи король — и все они как один отдадут за него жизнь... И все же Конну не нужно было вглядываться в их холеные лица, чтобы уловить тайное, тщательное скрываемое желание видеть на троне человека, в жилах которого не было бы ни капли «варварской» крови...

«Арракос Мессантийский, правитель Аргоса!» — выкрикнул гарольд, и король невольно вздрогнул.

Никто не доложил ему о прибытии аргосского вассала. Конн вопросительно взглянул на градоначальника, и тот, склонившись к плечу короля, прошептал: «Прибыл только что, и гонца вперед не выслал. Я счел возможным пустить его на прием, не извольте гневаться...»

Арракос, невысокий человек лет сорока, был крив на один бок и коротконог, посреди его рябого лица сидел большой, хищно загнутый нос, глубоко запавшие черные глаза маслянисто поблескивали. Словно в награду за уродство, природа наделила аргосского правителя

мощным торсом и сильными руками: было известно, что он отличный боец, и на счету его множество побед в поединках. Правитель был одет в песочного цвета камзол с множеством золотых пуговиц и широким кругообразным воротником, отделанным множеством серебряных колокольчиков. Когда он принял ладонь короля, чтобы поцеловать перстень, Конн ощутил силу его длинных, похожих на когти птицы, пальцев.

— Дозволит ли повелитель своему преданному вассалу обратиться к нему с вопросом? — спросил Арракос негромко, глядя на короля снизу вверх так пристально, что Конн едва сдержался, чтобы не отвести взгляд.

— После, — сказал он, — я дам вам аудиенцию.

В черных зрачках мелькнул затаенный гнев, и правитель с достоинством отошел к своим вельможам, стоявшим возле стены особняком от прочих гостей.

Вслед за гостями и послами перед королем прошла процессия придворных. Месьоры в костюмах-блию, разукрашенных драгоценностями, осторожно ступали по натертому до блеска полу туфлями с высоко загнутыми носами. Мода сия пришла в Аквилонию из Зингары и Аргоса, но тарантийские щеголи умудрились переплюнуть жителей юга: носы туфель у многих были столь длинны, что вынужденно крепились к поясам золотыми и серебряными цепочками. Подклады в разрезах камзолов блистали всеми цветами радуги, длинные рукава волочились по полу, пышные шапки, украшенные перьями и цветами, напоминали корзины базарных торгов.

Вслед за кавалерами выступала пестрая толпа дам. Их островерхие головные уборы были столь высоки, что многим их обладательницам приходилось надевать на шею специальный матерчатый обруч, укрепленный изнутри китовым усом и украшенный ожерельями драгоценных камней, дабы нагрузка на шейные позвонки не была чрезмерной. Дамские колпаки с одинарными либо двойными валиками, обтянутыми пенящимися муслиновыми кружевами, волочили за собой

шлейфы из парчи, атласа, бархата или велюра, расшитые золотой и серебряной нитью. У многих модниц шлейфы были столь длинны, что их несли несколько пажей, следовавших за хозяйками.

Сидя на троне, покрытом накидкой с символами монаршей власти, Конн с нетерпением ожидал окончания этого казавшегося бесконечным прохода. Он старался удерживать на губах улыбку и не выглядеть слишком мрачно, сознавая, что это довольно трудно на фоне роскошного убранства тронного зала. В отличие от гостей и придворных, старавшихся явить миру пышность и дорогое убранство своих одеяний, король был облачен в темный камзол, и строгость его костюма смягчало лишь рубиновое ожерелье и золотой медальон с изображением оскаленной львиной морды.

— ...Я научился врачевать гнойные язвы, затягивать рваные и колотые раны, изгонять лихорадку и облегчать роды, — услышал король бубнящий голос чернокнушника. — Я постиг тайну изготовления цветного стекла, которое не бьется даже от удара арбалетной стрелы. Я...

Конн отыскал наконец взглядом дочь Альфреда-летописца. В окружении двух юных пажей и старой кормилицы, Эльтира стояла возле стены, противоположной той, где расположились аргосские вельможи во главе со своим сюзереном. Ее гладкое темно-синее платье было перехвачено в тонкой талии поясом того же цвета, золотая подкладка длинных рукавов, спускавшихся к полу, служила единственным украшением наряда.

Платье казалось бы излишне строгим, если бы не глубокое декольте, обнажавшее не только смуглые плечи, но и высокую крепкую грудь аргоски. У многих придворных дам вырезы были не менее смелые, но ни одна из них не могла похвастаться столь тонко подбренным цветом платья, оттенявшим гладкую свежую кожу плечей и груди, похожую на бархатистую кожу персика. Конн отметил, что многие придворные

модницы украдкой бросают завистливые взгляды в сторону аргосской беглянки.

Взгляд низкорослого мужчины, стоявшего, подбоченясь, у стены напротив, не был ни мимолетным, ни завистливым. Правитель Арракос неотрывно глядел на Эльтиру, и в его черных зрачках метались искры бешеной ярости...

— Все это не может служить оправданием черных дел, творимых под покровом ночи. — Грубый голос месьора Шатолада снова вернул Конна к судебному разбирательству. — В Тарантии достаточно лекарей и стеклодувов. Ты же, таясь от властей, предался гнусному колдовству и повинен смерти!

— И откуда ты только взялся? — пробормотал король с рассеянностью несколько большей, нежели подобало Верховному Судье.

— Я уже говорил...

Голос чернокнушника вдруг изменился: стал спокойным и сильным. Колдун поднялся с колен и дерзко глянул прямо в глаза короля.

— Разрешите, Ваше Величество, ответить стихами.

Он произнес это с изысканной небрежностью записного царедворца и даже слегка поклонился, отставив ногу.

— Что? — взревел Шатолад. — Да как ты смеешь... Стража!

Конн остановил градоначальника нетерпеливым жестом.

— Говори, колдун, но горе тебе, если твои вирши меня не интересуют.

— Уверен, что это не так, государь.

И чернокнушник, взгляд которого стал вдруг весел, продекламировал:

Спросили его: откуда пришел?

Ответил он так:

— Нетрудно сказать: через столпы времени,
через потоки Диона,
через плавающее железо,

через руку жены вяза,
через земли солнца,
через жилище луны,
через пуповину юноши...

Его слова слышали все в зале, но никто их не понял. Гневный гул пронесся над рядами гостей и придворных, потом все затаило дыхание, ожидая, что скажет король.

Конн восседал на троне безмолвно, крепко сжав пальцами подлокотники, украшенные резными львиными головами.

— Говори дальше, — потребовал он наконец.

— Вы спрашивали меня о тайных чарах, Ваше Величество, — с легким поклоном отвечал колдун. — Там, откуда я прибыл, многим подвластны силы, о которых на Гирканском материке ничего неизвестно.

— Например?

— Например — оживление камней. Скажем, имеется некий багровый кристалл... Но обо всем этом я расскажу, если вы, государь, удостоите меня чести приватной беседы.

— Этот человек безумен, — быстро и тихо заговорил Верховный Жрец, склоняясь к плечу короля со своего сиденья, — его следует немедленно отправить обратно в Железную Башню и подвергнуть пытке огнем, дабы колдун открыл все в присутствии *дознавателей*...

— Здесь решаю я, — вполголоса бросил Конн. И, уже громче, приказал Шатоладу: — Велите страже держать этого человека у меня на глазах до окончания церемонии. Позже я поговорю с ним.

Гарольды уже подносили трубы к губам, дабы возвестить окончание Королевского Суда, как вдруг вперед выступил Арракос. Преклонив колено и придерживая длинную шпагу, он прокричал голосом мощным, как боевой рог: «Суда и справедливости, требую справедливости!»

И снова недоуменный ропот прокатился над толпой собравшихся. Высочайшего разбирательства в дни Тор-

жества Иштар мог требовать и простолюдин, и вельможа, но никогда еще не случалось, чтобы высокородный нобиль воспользовался своим правом и вынес на всеобщее внимание свои дела.

— Чего ты хочешь? — мрачно спросил король.

— Я уже сказал — справедливости! — Правитель Аргоса поднялся с колена и застыл перед тронном, уперев в бока несоразмерно длинные руки. — Справедливости, которую обещал нам король Аквилонии.

— Ты забыл добавить: и король Аргоса! — выкрикнул кто-то из вельмож, стоявших рядом с тронном. — Не забывай, Арракос, что ты всего лишь наместник, посаженный нами в Мессантии!

Лицо Арракоса потемнело. Он сжал эфес шпаги и выкрикнул:

— Времена меняются! Я не потерплю, чтобы всякие пуантенцы чинили разор в моих землях! Аргос поклялся в верности старому королю Конану, но сейчас кто забыл об обязательствах Аквилонии хранить мир в подвластных землях.

Конн поднял руку.

— Если ваши претензии обоснованны, правитель, я готов выслушать их в Совете Лордов.

— Ваши лорды при вас, — осклабился Арракос, — а я не хочу откладывать. Пусть все знают, что аквилонский король не соблюдает договоренности...

Шум и гневные выкрики заглушили его слова. Многие обнажили оружие, гвардейцы переглядывались, ожидая приказа схватить дерзкого аргосца.

Король снова жестом водворил тишину.

— Твои обвинения дерзки, — сказал он, — но я готов их выслушать ради всеобщего мира. В чем ты меня упрекаешь?

— Существует договор, согласно которому женщина, бежавшая из Аргоса вопреки воле родителей, мужа либо жениха, должна быть возвращена без всяческих условий.

— И что же?

— Здесь присутствует дама по имени Эльтира, дочь Альфреда Паж, урожденная аргоска. Она — моя невеста, и я требую ее немедленной выдачи.

— Ты не можешь требовать, Арракос, — снова раздалось из толпы лордов, — только просить!

— Я в своем праве, это подтвердит всякий, кто чтит законы!

— Хорошо, — сказал Конн на удивление спокойно, — но признает ли тебя своим нареченным сама Эльтира?

— Это неважно. — Арракос снова обнажил в надменной улыбке крепкие, раскрашенные в три цвета зубы. — Согласно аргосским обычаям, человек, сделавший предложение, становится опекуном девушки. Кроме того, Альфред Паж тоже требует ее возвращения.

— Но есть еще один закон, — задумчиво молвил король, бросив взгляд на застывшую, испуганную Эльтиру. — Он гласит, что муж имеет право распоряжаться женой как своей собственностью.

— Когда мы сыграем свадьбу, я так и поступлю, — самодовольно заявил Арракос.

— Если ты станешь ее мужем.

— Почему же нет? Я уже заручился согласием ее отца.

— Нет, потому что я делаю этой даме предложение: здесь и сейчас!

С этими словами Конн легко поднялся и, пройдя мимо обомлевшего аргосского правителя, подошел к беглянке. Эльтира стояла, опустив голову, на ее длинных ресницах блестели слезы.

Король мягко сжал ее холодные длинные пальцы.

— Перед лицом свидетелей и Митры Пресветлого, согласны ли вы, высокородная Эльтира, дочь Альфреда, стать моей супругой и разделить все радости и тяготы совместной жизни?

Все в зале затаили дыхание, и все же ответа аргоски никто не услышал.

— Скажите громче, — шепнул король.

— Я согласна... Да!

Громкие крики вознеслись к сводам: ликующие и осуждающие, негодующие и восторженные... Подобное предложение руки и сердца было столь же необычным, как и поступок Арракоса, потребовавшего публичного разбирательства государственных дел.

Конн снял со своего мизинца золотое кольцо и надел на палец Эльтиры.

— Когда в Храме Тысячи Лучей нас нарекут мужем и женой, — сказал он, — я подарю вам другое, достойное королевы.

Арракос, казалось, превратился в каменную статую. Потом качнулся, словно собираясь рухнуть на каменные плиты, вытащил из-за пояса роскошные, украшенные золотыми заклепками перчатки, и решительно двинулся к королю. Черные Драконы преградили ему дорогу, но Конн приказал им отступить в сторону.

— Ах вот как, — прошипел аргосец, приблизившись. — Ты воспользовался правом сильного. Конечно, она предпочла сюзерена, а не вассала... Но так больше не будет! Отныне Аргос считает себя равным Аквилонии, и посему я бросаю тебе вызов, король!

С этими словами он швырнул под ноги Конна перчатку, которую мял в руке.

Это была дерзость, превосходящая все мыслимые пределы. Только аргосец, и аргосец, ослепленный страстью к женщине, был способен на подобный поступок. Сейчас Арракос ставил на кон и безопасность своей страны, которую аквилонские войска способны были предать огню и мечу, и самую свою жизнь. Один жест короля, и он вместе со своими людьми был бы немедленно схвачен и подвергнут жестоким пыткам в Железной Башне.

Но король медлил.

Если бы он поднял перчатку, он признал бы тем самым, что принял вызов равного. Тогда лишь безжалостная война помогла бы вновь поставить гордых аргосцев на колени. Да что там аргосцев! Вслед за ними, несомненно, поднялись бы зингарцы и офирцы, а

Немедия, воспользовавшись смутой, непременно двинула бы в сторону Шамары свои войска. Да и в самой Аквилонии было немало тех, кто мечтал расчлениить страну на удельные княжества...

Но, не подними Конн перчатку Арракоса, честь дамы, которой он только что предложил свою руку, оказалась бы запятнанной. Арракос ловко воспользовался ситуацией: он бросал королю вызов и как непокорный вассал, отвергший власть сюзерена, и как оскорбленный жених, требующий возможности отстоять копьем и мечом свои притязания.

Король медлил...

И тут он услышал шаги. Спустившись с возвышения, Светлейший Обиус приближался к ним, шаркая по полу подошвами кожаных сандалий. Придерживая живот, жрец с криканием наклонился и поднял перчатку правителя Аргоса.

— Не следует служителям Митры вмешиваться в дела мирские, — сказал он, выпрямившись и потирая лысину, — но раз на карту поставлено дело мира... Я не могу драться с тобой, почтенный Арракос, но, согласно нашим законам, имею честь представлять короля во всяческом деле. Как сторона вызываемая, мы имеем право выбора. Предлагаю решить спор бугуртом: аргосцы против аквилонцев. И, дабы не проливать лишней крови, заключим такое условие: если верх будет за аквилонцами, Аргос останется всего лишь удельным княжеством, если все случится наоборот... Что ж, видно на то будет воля богов!

Бугуртом называлось ристалище, когда отряды рыцарей бились друг против друга конными в полной боевой выкладке.

Глава девятая СЕРДЦЕ АРИМАНА

Кто с нами не спляшет,
тот костыми ляжет.

Аквилонская поговорка

Богам угодно смеяться над людьми, и часто небожители переплетают трагичное и потешное столь тесно, что лишь диву остается даваться.

Величественное зрелище явления народу Сердца Аримана вспоминалось потом многими с затаенным чувством злорадного удовлетворения: чернь охоча равно как до превознесения, так и до низвержения кумиров. А что случилось в тот вечер перед королевским дворцом, никто толком так и не понял — посему почва для слухов была самая благодатная.

Слухи, впрочем, пресекались городскими властями. И все же долго потом пересказывали друг другу удивительное действо, привирая, приукрашивая и дополняя оное самыми фантастическими деталями.

Случилось же следующее.

Солнечный лик Митры клонился к земному окоему, и силуэты городских башен четко прочертили вечернее осеннее небо, когда толпа, отбурилив по узким переулкам и широким центральным улицам столицы, оставив после себя горы мусора, объедков, выбитых в потасовке зубов и оборванных пуговиц, выплеснулась

на огромную площадь перед королевским дворцом. Отсюда к парадному входу взбегала полукруглая лестница, по сторонам которой застыли мраморные львы, вытесанные некогда маэстро да Мессино. На лестнице в три ряда стояли Черные Драконы, их начищенные гребнистые шлемы празднично блестели в лучах вечернего светила.

Народ толкался и шумел, занимая места поудобней. Подоконники окрестных домов, откуда более всего было удобно наблюдать за зрелищем, были раскуплены заранее за хорошие деньги. На крышах, словно воробьи, примостились мальчишки и те, кто не слишком дорожил собственной репутацией.

Все терпеливо ждали, пока окончится торжественный прием во дворце и властитель державы в сопровождении блестящих вельмож выйдет через огромные створки парадных ворот, дабы явить народу свое милостивое внимание и отеческое покровительство. Такое случалось дважды в году: в дни весенних и осенних праздников. Сегодня же праздник был особый, именуемый Торжествами Иштар, и хотя имя Богини-Матери было теперь под запретом духовной иерархии, о сем обстоятельстве всякий помнил. Помнил и надеялся, что сын Великого Конана совершит то, что всегда совершал отец в этот день: возьмет в руки Талисман, и тот загорится волшебным светом, сулящим аквилонцам благоденствие и процветание, а врагам — неминуемую гибель.

И вот — свершилось. Маленькие дверки в огромных створках ворот открылись, и оттуда вышли глашатаи в круглых шапках с трубами наперевес. Впереди шествовал старый герольд в камзоле, отороченном мехом, с огромным золотым посохом в руках. Толпа притихла, и над головами грянули протяжные торжественные звуки, возвещая о выходе монарха.

— Король Аквилонии, Зингары, Аргоса и Офира, великий герцог Пуантена и Гандерланда, повелитель Коринфии, Заморы и Кофа, милостью Митры Покровитель Хайборийских Пределов, король Конн!

Величественные створки ворот дрогнули, и под музыку сотен свирельщиков, литаврщиков, трубачей и прочих оркестрантов растворились. Блестящая процессия затопила ступени. Народ восторженно приветствовал гостей и царедворцев, кидая вверх шапки.

Дюжина крепких чернокожих кушитов вынесла золотые носилки, украшенные изображениями львов и цветочными гирляндами. Снова протрубили гарольды, король Конн сошел на ступени. Горностаевая мантия прикрывала его могучие плечи, в черных волосах золотом сверкал обруч короны. Он поднял скипетр, осеняя толпу своим благословением, и народ опустил на колени.

— Слава королю! — неслоь над площадью. — Да пребудет с нами сила и слава его!

Потом перед ступенями прошествовали городские старейшины, главы гильдий и именитые граждане. Они не были допущены ни к туфле, ни тем более к перстню короля и все же почитали себя самыми счастливыми людьми на празднестве.

Многие клялись потом, что король, приняв этот парад, уже собирался уходить, но тут над толпой, словно легкий шелест ветра в листве, возник едва уловимый шепоток: «Талисман, Талисман... Яви нам Сердце Бога, повелитель!» Нельзя с уверенностью утверждать, было ли так или иначе, только двое жрецов в шафранных хитонах вынесли на ступени ларец и установили его на высокой трехногой подставке.

И тогда король заговорил, и голос его звучал печально.

— Жители Тарантии! Давно вы не видели Талисман, хранящий покой нашей державы. Но он здесь, и мой долг явить его вам... Чего бы это ни стоило. Да пребудет с нами благоволение светлых богов и самого Подателя Жизни, Хранителя Горного Очага, великого Митры!

— Славься, славься! — разнеслось над площадью. — Яви, повелитель, Сердце Аримана!

Конн уже протянул руку к ларцу, когда в толпе произошло некоторое смятение, и люди расступились, пропуская процессию священнослужителей во главе с бритым старцем. Он грозно размахивал длинной витой свечой, прокладывая дорогу. Жрецы шествовали как-то странно: приплясывая и высоко подкидывая голенастые худые ноги. Среди слуг Митры шла, тоже приплясывая, довольно симпатичная толстуха в платье горожанки и лавровом венке на голове.

— Пропустите, пропустите! — выкрикивал предводитель процессии. — У нас важное сообщение для короля!

Черные Драконы преградили жрецам дорогу, их капитан потребовал говорить с почтительного расстояния.

— Король! — воскликнул бритый старец, почесывая затылок. — Я хочу сообщить, м-м-м... что...

Он озадаченно посмотрел по сторонам, словно ища поддержки.

— Говори немедленно, — грозно потребовал месьор Шатолад, стоявший рядом с королем.

— Ах, да! — Жрец с облегчением хлопнул себя по лбу. — Хочу сообщить, что кошка сдохла, хвост облез!

— Какая кошка? — растерянно спросил Шатолад.

— Серая! Они все серые в сумерках. А черные — это те, кого ловят в темных комнатах.

— Ты забыл о Балтазаре, отче, — напомнил кто-то из младших мистов.

— Ну, это успеется. Он все равно развалился на тысячу кусков, так что ни конница, ни рать уже не помогут.

— Ты сумасшедший? — спросил Шатолад, и вопрос его прозвучал довольно глупо. Опомнившись, градоначальник закричал: — Эй, стража, немедленно арестуйте этих людей, кто бы они ни были! В Железной Башне они быстро все расскажут и о кошке, и о Балтазаре...

— Я знаю этого человека, — тихо сказал королю молчавший до сего времени Светлейший Обиус. — Это жрец из храма Северного предместья. Весьма достой-

ный священнослужитель... Думаю, здесь не обошлось без колдовства, а такую порчу способен навести только настоящий маг, поклоняющийся Силам Зла. Вы зря приказали оставить здесь этого Богуза с улицы Вздохов, повелитель...

Повинуясь воплю градоначальника, стражники ринулись к жрецам, но тут вперед выступила толстая горожанка в лавровом венке.

— Пойдите, пойдите, — проворковала она ласково, — сегодня же праздник! Зачем портить друг другу настроение? Давайте лучше потанцуем.

Дюжие стражники мигом побросали алебарды и принялись отплясывать нак-нак, гремя доспехами и выкрикивая похабные куплеты.

— Вояки нанюхались Черного Лотоса! — раздалось в толпе. — И жрецы надышались! Позор! Ура!

Многие тоже пустились в пляс — по собственному почину.

— Вам лучше уйти, повелитель, — проговорил Обиус и принялся быстро перебирать четки из освященного янтаря, — я чувствую мощное магическое воздействие...

— Ты предлагаешь мне отступить перед каким-то чернокнижником? — насмешливо спросил Конн, отыскивая глазами арестанта.

Закованный в цепи Богуз обнаружился неподалеку от парадного крыльца в окружении четырех стражников. Он стоял, понутив голову, происходящее его, кажется, ничуть не занимало.

Король шагнул вперед и поднял руку.

— Повелеваю молчать! — Его глас перекрыл всеобщий шум и заставил многих снова встать на колени. — Властью, данной мне самим Митрой, приказываю всем существам, человеческим и иным, подчиниться моей воле! Со мной Сердце Аримана, великий Талисман, перед которым трепещут даже порождения Нижнего Мира!

— Смело, мой король... — успел шепнуть Обиус. Он полагал, что эту речь должен был бы произнести сам, и поступок Конна его несколько озадачил.

К удивлению Светлейшего, пляшущие стражники попадали наземь, жрецы во главе с бритоголовым старцем преклонили колени, а толстуха громко сказала:

— А я что? Я ничего... Поплясать маленько хотелось, что уж тут такого... Вон с тем лысенским лапотулечкой с четками. А если нельзя, так и не надо.

— Умолкни, ведьма! — рявкнул король.

— И умолкну, раз такой красавец мужчина просит. Для такого красавца не то что умолкнуть, рот зашить не жалко. Ежели чего надо будет — мы всегда помочь рады.

И, сделав испуганное лицо, толстуха отступила за спины жрецов.

— Ее надо немедленно схватить и сжечь, — шепнул Светлейший.

— Позже, — отрезал Конн. — Если Силы Зла ополчились против меня, осталось одно средство: Талисман. Сейчас или никогда. О Кром, помоги мне!

С этими словами он поднял крышку ларца и извлек камень.

Толпа затаила дыхание.

Камень в руках короля оставался безжизненным и тусклым.

«О Кром, — мысленно продолжал звать король, — о Владыка Могильных Курганов, брось на меня свой единственный взгляд!»

Он уже понимал, что грозный бог киммерийцев его не слышит.

«А если не Кром? — вдруг раздался где-то в глубинах сознания насмешливый женский голосок. — Понимаю, он велик и ужасен, небожитель как никак... Скажу, честно, никогда не понимала приверженность людей к мрачным культам. В будущем (а нам, элементам, будущее столь же открыто, как и прошлое) многие исправят эту ошибку и станут вовсю предаваться всевозможным вакханалиям... Так что, король, принимаешь помощь горожаночки с лавровой приправой в кудряшках? Цель того стоит...»

«Кто ты?» — прошептал Конн и заметил, как удивленно покосился на него стоявший рядом Обиус.

«Чтобы говорить со мной, не надо разжимать губ, король. Я — веселый дух, зовусь госпожой Ишшу, или как тебе будет угодно. Нас много здесь, мы временно обитаем в существах из плоти и крови и развлекаемся как можем. Зря ты не видел, что выделял ослик, в которого забрался малыш Бу...»

«Почему ты хочешь помочь мне?»

«Потому что ты красавец мужчина, доблестный рыцарь и вообще парень хоть куда».

«Мне странны подобные речи...»

«Есть много такого, что тебе и в кошмаре не привидится».

Весь этот мысленный разговор протекал столь стремительно, что никто не успел сделать и пары вдохов. Все ждали, что произойдет с багровым кристаллом в руках короля: иные с надеждой, другие с затаенным злорадством.

«Я принимаю твою помощь, дух, кем бы ты ни был, — беззвучно произнес Конн. — Вручаю собственное благо и благо державы в руки Судьбы, и да укажет она мне верный путь!»

«Отлично сказано, парень. А теперь — потанцуем!»

И все увидели, как рой золотых искр ринулся к лестнице, светящимся хороводом окутал поднятую руку короля, и багровый шар стал наливаясь изнутри ярким огнем.

Конн стоял, широко расставив ноги, и неотрывно смотрел, как оживает Сердце Аримана. В его ушах звучал неслышимый иным хохот, визги, и голос госпожи Ишшу вопил: «Ну и веселье! Запевай любимую, братцы!»

И вдруг снизу, от первых ступеней, раздался сильный и властный голос:

— *Эль-мент астор наторус!* Приказываю вам остановиться!

Искры замерли, повиснув вокруг Талисмана яркой цепочкой.

— Узнаешь меня, госпожа Ишшу?

Конн глянул на говорившего и понял, что это Богуз, чернокнижник с улицы Вздохов.

— Узнаю тебя, Кримтан Да Дерг,— услышал он вполне отчетливый голос той, которая называла себя именем Ишшу.

— А если так, приказываю тебе удалиться вместе с остальными.

— Но...

— Никаких препирательств. Иначе знаешь, что будет.

Искры снова пришли в движение, образовав сплошное золотое кольцо, и вдруг взмыли вверх. Живой огонь внутри кристалла мигнул и угас. Прежде чем он полностью исчез, Конну показалось, что вместе с золотыми точками к ясному небу стремительно несутся багровые сполохи.

Глава десятая КОНЕЦ РАВРАГОРА

И воин бьет стремительно и смело:
Расколот шлем, отброшено копьё.
И кружится, и вьется воронье
Над полем доблести,
Покуда не стемнело...

Боливар Хорот. «Деяния аргосцев»

Оставив даму Абегальду попечительству братьев-кампанариев, Дагеклан Железная Рука получил из кассы ордена тугой мешочек с монетами и отправился на рынок покупать лошадь.

Абегальду было жалко, но с этим он ничего поделать не мог: завтра предстоял турнир, и надо было успеть обзавестись оруженосцем, подать заявку и найти приличную гостиницу, чтобы хорошенько выспаться. Поэтому он лишь попросил соратников по ордену отправить несчастную, спасенную им от разбойников, домой в Немедию, Абегальде же строго-настрого наказал хранить полную тайну о давешних приключениях. Впрочем, предостережение было излишним: немедийка ровным счетом ничего не помнила с тех пор, как госпожа Ишшу огненной искрой влетела в ее неосторожно открытый рот.

Лошадь обошлась рыцарю в две обычные цены — по случаю праздника, но Дагеклан не жалел денег:

кобыла попалась на редкость статная и послушная. Оружием и упряжью снабдили его кампанарии, по обычаю братства, ибо каждый член ордена вносил в общую кассу десятую часть всех денег, полученных в качестве выкупа от побежденных противников.

После того как усталый писец внес его имя и описание герба в список участников завтрашнего турнира, Железная Рука счел, что с делами на сегодня покончено и отправился в гостиницу. Оруженосца он так и не нашел, но особо не огорчился: можно было воспользоваться услугами юношей, кои именовались «временными подручными» и зарабатывали тем, что помогали рыцарям облачаться, подавали копье и щит, а в случае поражения помогали унести с арены израненного либо бездыханного неудачника.

Держа лошадь под уздцы, Дагеклан пробирался сквозь бурлящую толпу, запрудившую улицы столицы: по случаю праздника гулянья продолжались далеко за полночь. Во многих окнах были выставлены рыцарские щиты: таким образом постояльцы демонстрировали свою готовность к участию в завтрашнем ристалище. Железная Рука узнавал многие гербы, но спешил дальше, торопясь завалиться спать, чтобы, поднявшись пораньше, успеть потренироваться где-нибудь за городом и приучить к себе лошадь.

К его досаде почти все гостиницы были переполнены. Наконец удалось отыскать заведение под броским названием «Бесстрашный копыеносец» — не ахти что, но для отдыха годилось. Поручив кобылу заботам прислуги, Дагеклан завернул в таверну при постоялом дворе, чтобы промочить горло и подкрепиться.

Он уселся в углу и заказал себе вина и жаркое. Шум в зале стоял невообразимый. Среди грубых лиц горожан мелькали усики и крапные зубы ряженых аристократов. Один, в платье поденщика и золотых кольцах на холеных пальцах, подсел к Дагеклану.

— Сдоблаговолит ли месьор рыцарь разделить с бедняком чашу зингарского хайреса?

Рыцарю очень не хотелось вступать в беседу, но долг вежливости победил усталость.

— Присаживайтесь, месьор. Я вижу, веселье в полном разгаре.

— Эй! — прищелкнул пальцами «поденщик», подзывая дебелую подавальщицу. — И славное веселье, доложу я вам. Такого не бывало даже при старом короле. Не поверите, но я чуть не умер со смеха, увидев, как какие-то люди, обрядившись в жрецов, лихо отплясывают джигареллу!

— Это нехорошо, — строго заметил Дагеклан. — Жрецы служат Митре, и те, кто смеется над ними, смеется над самим Верховным Богом.

— Вижу по цветам вашей перевязи, что вы принадлежите к Ордену кампанариев, — поскущел переодетый вельможа. — Ваши соратники осуждают подобные гулянья. Так что же вы, месьор, делаете среди веселой толпы?

— Я прибыл, дабы принять участие в завтрашнем турнире.

— Ах вот как! Так знайте же, месьор зануда, что турнира не будет.

Дагеклан удивленно уставился на своего собеседника, от столь неожиданного известия пропустив мимо ушей «зануду».

— Но я уже подал заявку...

— Может быть, я не совсем ясно выразился, — объяснил «поденщик». — Король отменил поединки, назначив взамен бугурт между аргосскими и аквилонскими рыцарями.

— По какому же случаю?

— Э, да я вижу, вы ничего не знаете, — обрадовался своей осведомленности ряженный вельможа. — Правитель Арракос, этот кривобокий мессантийский выскочка, бросил нашему повелителю перчатку, объявив, что отныне Аргос отделяется от Империи. Каков нахал! Ничего, завтра мы им покажем...

— Надеюсь сразаться с вами бок о бок, — задумчиво молвил рыцарь.

— Кхм...— Его собеседник поспешно отвел глаза.— Сам я не смогу принять участие в бугурте ввиду плохого здоровья... Однако же пожертвовал изрядную сумму в пользу тех, кто завтра будет ранен либо убит!

— Понятно,— сказал Железная Рука тоном, заставившим бы кого похрабрее тут же послать ему вызов. Однако «поденщик» счел за благо быстренько раствориться в толпе, прихватив с собой кубок с заказанным хайресом.

В другое время рыцарь сам не преминул бы вызвать ряженого труса на два удара меча, но сейчас он почти сразу забыл о вельможе. Известие удручило Дагеклана: его поединок с Рабрагором снова откладывался по независящим причинам. Более того, рыцарю, видимо, суждено было сражаться в одних рядах с графом против аргосцев, и сие обстоятельство мало способствовало хорошему настрою.

Ночью Дагеклану снилась огненная река, над которой он летел почему-то верхом на своем оруженосце Фабио. Праздные гуляки еще разбредались по домам, поддерживая друг друга и тщетно шаря по карманам в поисках завалившейся монетки, когда рыцарь Железная Рука уже выехал на гнедой кобыле под цветным чепраком из городских ворот. Все утро он провел в соседней роще, сбивая с веток подвешенные круглые щиты-тарчи, коими предусмотрительно запасся на том же рынке, где купил лошадь.

Он разнес в щепы очередной тарч, стряхнув с дерева целый ворох желтых и оранжевых листьев, когда внизу, на дороге, вьющейся по берегу Хорота, показалось облако пыли. Присмотревшись, Дагеклан разглядел пестрые рыцарские значки на копьях и блеск солнца на ярко начищенных шлемах.

Дагеклан тронул лошадь, она послушно пошла вниз по склону, и вскоре он выехал на дорогу. Мимо, гарцуя на прекрасных конях, проезжала группа всадников: слуги и оруженосцы рыцаря, который ехал впереди на кауrom хауранце с длинной мускулистой шеей.

Приблизившись, Дагеклан поднял руку, и рыцарь остановился.

— Приветствую почтенного месьора и прошу его назвать имя!

— Ландграф Эртран к вашим услугам. По бурелету на вашем щите я вижу, что вы относитесь к Ордену кампанариев, но герб ваш скрыт чехлом...

— Дагеклан Железная Рука.— Он поклонился.

— Я слышал о вас, месьор. Надеюсь, вы примете участие в бугурте?

— Непременно.

— Тогда можете присоединиться к моему отряду.

— Но разве ристалище состоится не в городе, на обычном месте?

Дагеклан имел в виду арену за королевским дворцом, где проходили турниры.

— Нет, слишком много бойцов должны принять участие в схватке. Две сотни наших и столько же аргосцев.

Разговаривая, они двинулись по дороге вдоль берега полноводного Хорота. Спереди и сзади шли другие отряды, их обгоняли посыльные и рыцари, не обремененные излишним количеством прислуги. А справа, по тропкам, вьющимся среди рощ и садов, двигалась пестрая толпа народа, спешившего собственными глазами увидеть зрелище сражения.

— Дело предстоит серьезное,— говорил тем временем ландграф.— Не сомневаюсь в нашей победе, но на месте короля я немедленно велел бы арестовать наглого вассала, осмелившегося бросить вызов Аквилонии, и сжечь его возле Железной Башни как последнего негодяя...

— Почему же король так не поступил?

— Дело в том, что половина нашего флота базируется в порте Мессантии. Арестуй король Арракоса, и наш гарнизон вряд ли смог бы защитить корабли.

— Полагаете, аргосец выполнит условие и вновь признает себя вассалом Аквилонии в случае нашей победы на бугурте?

— Почем мне знать! Ни на грош не доверяю южанам, но, если наша возьмет, закон и обычай будут на стороне Конна. Хотя, мыслю, король позволил Светлейшему поднять перчатку не из-за политики, а из-за дамы...

— И он вправе отстаивать ее честь как жених и рыцарь, — веско подытожил Дагеклан, уже знавший от графа все обстоятельства событий на вчерашнем дворцовом приеме.

Поле для бугурта было выбрано в двух лигах от города. Оно начиналось прямо от берега реки и тянулось в восточном направлении на восемь полетов копыа.

Всю ночь плотники сколачивали трибуны для именитых зрителей, и все же тем вряд ли суждено было что-либо увидеть, кроме клубов пыли из-под сотен копыт да блеска оружия. В отличие от обычных турниров, на которых рыцари бились попарно, вызывая друг друга на поединок, на бугурте дрались в конном строю и боевым оружием. Запрещалось лишь добивать упавшего с коня противника, в остальном же это было настоящее сражение с убитыми, ранеными и затоптанными. Победившей считалась та сторона, у которой по истечении назначенного времени оставалось больше воинов в седлах. Они и получали выкуп от всех рыцарей проигравшей стороны.

Плотникам удалось за одну ночь выстроить деревянные подмостки, огибавшие почти все поле, а в средней части с северной стороны даже высились две деревянные башни, украшенные коврами, лентами и стягами. Между башнями была устроена ложа для знатнейших дам и престарелых лордов. Сюда уже подкатывали золоченные карраки с вельможными седоками.

По сторонам поля стояли шатры: с одной стороны аквилонские, раскрашенные в красные и синие полосы, с другой — зингарские, красно-золотые.

— Кажется, при вас нет ни слуг, ни оруженосца, — заметил ландграф, когда их кавалькада приблизилась к

полю. — Не желаете ли воспользоваться для облачения моим шатром? Его сейчас поставят.

— Очень любезно с вашей стороны, — поклонился Дагеклан.

Когда он, надев с помощью прислужников ландграфа броню, вышел из шатра, солнце показалось из-за облаков, и лучи его косо пали на строящиеся ряды рыцарей. Пестрые перья на шлемах заиграли всеми цветами радуги, утренний ветерок развернул значки на копьях и флаги на деревянных башнях, заиграл легкими шарфами дам. Казалось, праздник подошел к своей высшей точке, и сейчас взорам публики откроется сказочное действо...

Вышли гарольды и трубами возвестили прибытие короля.

Конн выехал вперед на белом коне под длинной накидкой с вытканными золотом львиными мордами. Его доспехи сияли, позолоченный шлем был украшен коротким плюмажем черных перьев. Аквилонское воинство приветствовало короля восторженными криками.

В то же время на противоположном конце поля строились аргосцы. Султаны на их шлемах были более пышными, чем у аквилонцев, на щитах больше золота и разноцветных лент. В целом же одно воинство вполне стоило другого, и исход схватки был отнюдь не предопределен.

Показался Арракос в темных доспехах. Его шлем с тяжелым забралом, как и у аквилонского короля, блистал позолотой, а плюмаж был красно-золотистым, по цветам Аргоса.

Гарольды вновь поднесли к губам сверкающие трубы. Едва отзвучал их торжественный звук, на поле появился лорд-распорядитель. Он стал выкрикивать условия бугурта, которые все и так отлично знали. Отчаявшись перекричать ветер, лорд-распорядитель махнул рукой и прищпорил коня, спеша уйти от опущенных копий полетевших навстречу друг другу всадников.

Они спшиблись в центре поля, и сразу же облако пыли закрыло сражающихся от зрителей.

Дагеклан с ходу выбил из седла целящегося ему в грудь копьем аргосца и слегка придержал лошадь, выискивая нового противника. Огромный всадник с полем из треугольников серебра и черни на каплевидном щите, разделавшись с кем-то из аквилонцев, погнал гнедого коня навстречу кампанарию. Конь летел широким наметом, и по всему было видно, что аргосец настроен биться насмерть.

Их копыта ударились в оковку щитов, и копые Дагеклана сломалось. Успев помыслить, что не худо бы учредить разбирательство, кто там у тарантийских собратьев по ордену закупает столь негодные копыя, Железная Рука отстегнул палицу и приготовился к новой атаке аргосца, который уже развернул своего гнедого и вонзил ему в бока длинные шпоры. Когда он оказался рядом, Дагеклан ловким движением нырнул под острие копыя аргосца и нанес сильнейший обратный удар по затылку. Шлем противника треснул, и всадник тяжело свалился под копыта.

Тут Железная Рука увидел аквилонца, на щите которого красовался прямостоящий леопард на черном поле. Поставив длинное эбеновое копые в упор, аквилонец во весь опор летел навстречу аргосскому рыцарю в кирасе, украшенной изображениями виноградных гроздей. Дагеклан наметанным глазом сразу углядел, что аргосец целит выше щита противника, в левое оплечье. Аквилонский всадник этого не учел и был выброшен на десять локтей за хвост своего коня.

Случилось так, что никого из своих, кроме Дагеклана, рядом не оказалось, а более многочисленные противники окружили упавшего рыцаря кольцом с явным намерением растоптать поверженного копытами. Аргосец в доспехе с виноградными гроздьями, бранясь, отстегивал тяжелую секиру...

Дагеклан ринулся в эту толчею, яростно размахивая своей палицей и каждым ударом сбивая всадника.

— Не по правилам! — гудел он из-под шлема. — Остановитесь!

— К Нергалу твои правила! — рявкнул, оборачиваясь, рыцарь с виноградом. — Да здравствует свободный Аргос! Смерть аквилонцам!

— Это нехорошо, — отвечал Дагеклан, — здесь бугурт, а не бойня.

Секира свистнула, но кампанарий успел пригнуться, одновременно ударив палицей снизу по руке противника. Виноградный рыцарь разразился страшными проклятиями, и тут же его заслонил кто-то из подоспевших аквилонских бойцов.

Дагеклан соскочил с коня и склонился над поверженным. Подняв забрало, он узнал графа Рабрагора. Лицо его было блее мела, из левой ноздри густо текла кровь.

— Не убивай! — вскричал граф, открывая глаза. — Это ошибка! Твой правитель...

Тут он увидел красно-синие аквилонские цвета на ленте, повязанной на шлеме рыцаря, и осекся.

— Кто ты?

— Вставай, — сказал Железная Рука. — Сможешь держаться в седле?

— Приведи мне коня и увидишь... Но кому я должен поставить свечу на алтаре Митры?

— Тебе лучше не знать.

Щит Дагеклана был закинут за спину, и граф не мог видеть его знаков.

Постанывая, Рабрагор поднялся. Его конь не отходил далеко от хозяина, так что граф смог водрузиться в седле, крепко ухватившись за луку.

— Благодарю тебя, неизвестный спаситель, — сказал он, глядя на Дагеклана сверху вниз. — Погибнуть за Аквилонию, конечно, большая честь, только... э-э... мне еще рановато.

— Вот именно, — сказал Железная Рука, так и не поднявший забрала своего шлема, — всему свое время.

Схватка тем временем постепенно превращалась в настоящее сражение. Те, кто еще держался в седле,

обменивались ударами копий по краям площадки, но выбитые из седел аргосцы, вместо того чтобы, согласно правилам, покинуть поле, обнажали мечи и накидывались на аквилонских всадников, бросали под ноги коней обломки копий и, заставив таким образом какого-нибудь аквилонского рыцаря спешиться, тут же вступали с ним в смертельную сечу. Вооруженная алебардами стража пыталась было разнять дерущихся, но вскоре сама была втянута в битву.

Многие аквилонские рыцари были убиты, прежде чем поняли, что бугурт превратился в настоящее побоище. Аргосцам удалось получить временное преимущество, они разбили ряды аквилонцев на отдельные группы, окружили и атаковали со всей возможной яростью. Казалось, их действия были спланированы заранее, и каждый отряд отлично знал, что нужно делать.

Дагеклан вовсю орудовал булавой, прокладывая дорогу: невдалеке он заметил черный плюмаж и золотой шлем короля. Рядом было лишь двое аквилонских рыцарей в окружении дюжины аргосцев, и Железная Рука поспешал на помощь, уже осознав, что стал свидетелем грандиозного заговора, и бугурт затеян с единственной целью: убить Конна.

Он был в полете копья от короля, когда увидел двух всадников, летящих во весь опор к сражающейся группе с разных сторон. Слева приближался граф Рабрагор, его прямостоящий ягуар грозно скалил зубы с продолговатого щита. А справа, в сопровождении пяти-шести аргосских рыцарей, неся правитель Арракос: красно-золотые перья его плема развевались по ветру.

Завидев врага, король развернулся к нему лицом и опустил копье, готовясь дать шпоры коню.

— Да здравствует свободный Аргос! — ревели десятки глоток.

Дагеклан увидел, как за спиной короля расступаются аргосские всадники, чтобы пропустить графа Рабрагора. Это сильно озадачило кампанария, но когда граф

опустил копье, целя в спину короля, Железная Рука все понял и пустил своего коня в бешеный галоп.

Конн поскакал вперед, прикрывшись щитом и готовясь сразить копьем Арракоса, но спина короля была открыта, а лошадь Рабрагора набрала такой бег, что быстро настигала королевского скакуна.

Острые графского копья было всего лишь в пяти локтях от левой лопатки Конна, когда лошадь Рабрагора со всего хода врезалась в королевскую. Удар был столь силен, что обе упали в десяти локтях от места столкновения, запутавшись стремянами, и граф, словно вихрь, пронесся мимо.

Теперь он оказались лицом к лицу со стремительно приближавшимся Арракосом. Рабрагор пытался осадить лошадь, но та не слушала узды и летела вперед, словно стрела, выпущенная из тяжелого боссонского лука.

Правитель Аргоса увидел только, как упал король, и вместо ненавистного сюзерена невесть откуда возник рыцарь, на щите которого щерил зубы стоящий ягуар.

— Нергал тебя задери! — завопил Арракос, тщетно натягивая удила. — Ты не...

Это были последние слова в его жизни. Рабрагор силился поднять нацеленное копье, но порыв ветра пригнул его вниз, и острый наконечник ударил прямо в щель вызолоченного забрала, разлетевшись на сотни сверкающих осколков.

Когда сопровождавшие Арракоса рыцари соскочили на землю и с трудом подняли изогнутый наливчик, они в ужасе отшатнулись: лицо Арракоса превратилось в кровавую маску.

Конн, освободившись из-под упавшего коня, вскочил на ноги и гневно уставился на незнакомого рыцаря, только что сбившего его наземь своей лошадкой.

— Что это значит, месьор?! Кто вы?

Кампанарий назвался и, указывая на Рабрагора, сказал:

— Удар шел вам в спину, государь. Подлый удар, и нанести его готовился граф Рабрагор.

Услышав эти слова, граф поднял забрало и громко воскликнул:

— Клянусь Митрой, я спешил на помощь Его Величеству, чтобы заслонить его грудью...

— И для того целил копьем ему в спину?

— Ложь!

Дагеклан поклонился королю.

— Дозволит ли государь решить это дело Божьим Судом? Я вызываю графа на поединок и готов одолеть его в знак доказательства своих обвинений.

— Вначале нужно окончить бугурт. Хотя он и превратился в побоище по вине аргосцев, мы не должны...

— Все уже кончено, государь!

Железная Рука указал на белый вымпел, поднятый одним из приближенных Арракоса на конце копья. Это означало — Аргос пал.

Судьи на деревянных башнях тоже заметили белое пятно и поспешили спустить флаг Аргоса. Фанфары и трубы возвестили победу аквилонцев, и публика разразилась радостными криками: за тучами пыли никто так и не заметил, что все правила бугурта были сегодня нарушены.

В сопровождении Дагеклана и еще нескольких рыцарей Конн подъехал к неподвижному телу правителя Аргоса.

— Мы сдаемся, — мрачно молвил аргосец, державший копье с белым флажком на конце. — Наш сюзерен мертв.

— Это я сразил негодяя, Ваше Величество, — поспешно сообщил Рабрагор, — не слушайте наветов какого-то там...

— Пророчество все же сбылось, — произнес король задумчиво.

Граф протестующе замотал головой.

— Пифия предсказала, что вы можете погибнуть от моей руки, это так, но вы ведь сделали предложение блистательной Эльтире и формально власть на несколь-

ко дней перешла к Совету Лордов. Я не мог бы нанести даже... даже нечаянный вред своему королю...

Конн прямо взглянул в лицо графа, и тот невольно опустил глаза.

— Вспомни, что сказано в предсказании, — сурово произнес Конн. — «Прямостоящий ягуар на черни в звонеристалища убьет повелителя, вонзив копье в золотую клеть». Шлем Арракоса вызолочен, и ты его убил. Теперь мы знаем, кто был твой истинный господин.

Лицо Рабрагора мертвенно побледнело.

— Нет... — прошептал он.

— Ты принимаешь вызов месьора Дагеклана, дабы доказать свою невиновность?

— Дагеклана... — Граф шарил вокруг невидящим взглядом, словно опасаясь обнаружить за плечом лик самой смерти. — Но он имеет ко мне счеты... И мне надо подготовиться...

— Здесь и сейчас, — оборвал его Конн, — иначе я отправлю тебя в Железную Башню к палачам, и мы обойдемся без Божьего Суда.

Рабрагор молча тронул коня и отъехал на пару десятков шагов. Думая, что граф готовится к бою, Дагеклан опустил забрало и установил поданное одним из рыцарей копье в седельный упор.

Рабрагор неподвижно возвышался в седле, словно бронзовый памятник утраченным надеждам.

Вдруг он быстрым движением вытащил кинжал, поднял руку и вонзил острый клинок себе в горло.

Когда Конн, Железная Рука и другие аквилонцы подскочили к упавшему графу, он был уже мертв.

— Лучшее доказательство того, что он состоял в заговоре с аргосцами, — сказал король. И добавил задумчиво: — А может быть, не только с аргосцами...

— Жаль, — сказал Дагеклан, — граф не дал исполнить моего обещания.

И, заметив вопросительный взгляд Конна, объяснил:

— Десять лет назад я обещал, что убью его собственной рукой.

Глава одиннадцатая

БЕГСТВО

Открылся путь нерукотворный,
И хлад заснеженных полей
В лицо ударил...

Кофир Иантский.
«Беглец», VI, I

Большое полированное зеркало в золоченой раме, украшенной асгалунской эмалью (на эмалевых вставках изображены были пастухи с дудочками и кудрявые овечки), отражало очаровательный образ, достойный самого утонченного пера пиита.

Если бы живописец решил запечатлеть сию дивную картину, он взял бы краски розовую и золотистую. Розовой была полупрозрачная ткань роскошного пеньюара, а золотистой — тело его обладательницы. И тело это было прекрасно, более того — совершенно. Глаза молодой женщины, смотревшейся в зеркало, пылали от гордости.

Старая служанка Сарра, бывшая при Эльтире еще в кормилицах, только что обрызгала ее благовониями: волосы и брови — настоем фиалки, лицо и грудь — коринфским ирисом, ноги — горной сердцелаской, живот и бедра — розовым экстрактом с добавлением капельки мускуса. В довершение Сарра мазнула за ушами юной аргоски майораном и отступила в сторону, любуясь своей госпожой.

Эльтира была дочерью ученого затворника, но отец ее был достаточно богат, чтобы не стеснять дочь в ее желаниях. Эльтира же не обманывала его надежд: она умела читать, играть на музыкальных инструментах, неплохо пела и даже рисовала маслом. Она могла наизусть продекламировать «Прекрасного пажа» Земфира Аргосского или прочесть отрывок из «Повести о Дас-тане и Юлии» несравненного Нуния Каспара. Романтические истории возвышенной любви были ее излюбленным чтением. Герои сих произведений всегда блистали красотой, и дочь Альфреда-летописца старалась не отставать: она всячески лелеяла свою красоту, следила за великолепием тела и даже отправила Сарру обучаться к знаменитому на весь Аргос мессантийскому лекарю Лубию Спуту, у коего Сарра много чему научилась.

— Скажи, кормилица, способна я очаровать благородного мужчину? — спросила Эльтира, поворачиваясь к зеркалу боком и стараясь разглядеть свое милое личико в профиль.

— О, госпожа, — отвечала Сарра с пылом, который вовсе не слабел оттого, что подобные разговоры велись между ними каждый вечер и каждое утро, — поистине, боги были в прекрасном настроении, когда позволили вашей матушке появиться на свет. Я ее хорошо помню, красавица была знатная, многим головы кружила... Да и родитель ваш, признаю, тоже из себя видный. Ежели бы не укрылся он среди разных там книжек да рукописей, при дворе мог бы блистать. И как у таких прекрасных людей может быть дочь дурнушка? Также скажете...

— Ах ты, лукавая! — погрозила Эльтира кормилице тонким пальчиком. — Я тебя не о родителях спрашиваю. Я тебя спрашиваю, есть во мне... есть во мне что-то такое, что заставляет мужчин терять головы и набрасываться друг на друга с мечами и копьями?

— Да ведь вы и сами отлично знаете. Сегодня только не меньше сотни рыцарей лишились жизнью из-за ваших прекрасных глаз. Хвала Иштар Пресветлой, и

этот урод Арракос среди убитых. Ох, как вспомню его рябую морду да глаза безумные — мороз по коже...

— А что ты скажешь о короле Конне?

— О, это совсем другое дело! Я видела когда-то его отца, Конана-киммерийца, он приезжал в Мессантию, когда подписывали договор о присоединении Аргоса к Аквилонии. Шуму было!.. Так вот, Конан Великий видный был мужчина, даром что весь в шрамах, а кулачища такие, что быку, сказывает, мог голову проломить. И сынок в него статью пошел, да только он покрасивше будет, тут и спорить нечего. И манерами утонченный, а родитель-то ну чистый варвар был...

— Сарра! — Эльтира слегка топнула ножкой, обутой в мягкую вечернюю туфлю и притворно нахмурилась. — Ну как ты говоришь о моих будущих родственниках!

— Да ведь Конан-то киммериец сгинул, поговаривают, за морем...

— Все равно, я не хочу, чтобы ты непочтительно отзывалась об отце моего будущего мужа. А скажи, как ты думаешь... Конн правда меня любит?

— Ну какие глупости! — всплеснула руками кормилица. — Да всем известно, что он из-за вас сна лишился, еще когда в Аргос приезжал, чтобы рукописи у вашего отца читать. Он тогда еще предложение хотел сделать, да советники отговорили.

— А сейчас, значит, насоветовали?

— А вот и нет! Конн, говорят, наперекор всем пошел, и потому многих против себя возбудил. Теперь, не иначе, война с Аквилонией будет... Да только нам-то что за печаль? Через три дня вы станете королевой, королевой всей Хайбории!

И, не сдержав слезы, старая кормилица опустилась на колени и крепко обняла ноги своей прекрасной и удачливой госпожи.

Глядя на отражение своей гибкой стройной фигурки, озаренной мерцающим светом свечей, Эльтира улыбалась. С того момента, когда она впервые увидела в замке Альфреда молодого короля, она желала обладать

им со всей пылкостью своей цветущей молодости. Конн был воплощением ее девичьих грез: мужественный, сильный, способный подчинять, но не грубо, как делали это большинство мужчин, а красиво и романтично, как о том говорилось в сочинениях трюверов и менестрелей.

Бежав из Аргоса от домогательств рябого Арракоса, она искала лишь спасения и вовсе не надеялась, что ее мечта столь скоро осуществится. Но — словно фея махнула волшебной палочкой...

Из-за полуоткрытой двери на балкон вдруг донеслись негромкие звуки лютни. Это была мелодия «Желтых рукавов», нехитрой пуантенской песенки.

Миг — и Эльтира очутилась на балконе.

Среди строений дворца было множество проходов, улочек и небольших площадей: собственно, тарантийский дворец был настоящим городом в городе, его постройки возводили на протяжении нескольких веков, и расположение их было весьма причудливо. Балкон комнаты, в которой поселили Эльтиру и ее служанку, выходил в небольшой дворик, вымощенный булыжником. Посреди дворика журчал фонтан, а возле него стоял высокий человек в плаще и темной бархатной маске, и перебирал струны лютни.

Эльтира узнала его. Она узнала бы короля среди сотен мужчин и под любой одеждой.

— Ваше Величество! — воскликнула она, наклоняясь над перилами балкона. — Я не заслужила подобной чести!

— Вы ошибаетесь, прекрасная донна, — с легким поклоном отвечал Конн. — По закону я лишился короны до свадьбы. Так что под вашим балконом всего лишь влюбленный гранд, явившийся исполнить музыкальную пьесу своей невесте.

— Тогда мы исполним ее вместе! — пылко воскликнула девушка.

Она вернулась в комнату, сняла со стены свою лютню и снова вышла на балкон.

— Я впервые увидел вас, когда вы играли эту песенку, — сказал Конн.

Тонкие пальцы Эльтиры легли на струны, и к ночному небу взмыли прекрасные звуки. Конн подыгрывал ей, а старый Эвад, стоявший рядом со своим повелителем, улыбался и украдкой смахивал слезы...

Эта идиллия была прервана самым грубым и безжалостным образом.

— Берегись, государы! — раздался крик с одного из дворцовых балконов. Голос принадлежал мужчине.

Пуантенская песенка оборвалась, словно у лютнистов разом лопнули струны...

Конн резко обернулся.

Он увидел сталь, летящую ему в сердце, и в тот же миг Эвад с криком бросился наперерез убийце и упал, пронзенный кинжалом.

Конн выхватил шпагу и приготовился отбить нападение. Он пожалел, что не захватил меч, и обругал себя ослом за то, что решил во всем следовать установившейся моде. Жалеть было о чем: не менее дюжины фигур в серых накидках с капюшонами показались из бокового прохода и устремились на короля, размахивая тяжелыми палашами.

Двое тут же упали, чувствовалось, что фехтовальщики они никудышные. Третий налетел на Конна, замахиваясь палашом так, словно намеревался разрубить противника надвое. Конн парировал, стараясь, чтобы тяжелое лезвие не встретилось с его тонкой шпагой в прямом ударе. Серый снова попытался рубануть с плеча, Конн нырнул ему под руку и ударил в грудь, прежде чем нападавший смог опомниться. Тот упал, но на его месте выросли еще двое.

Конн отбил выпад первого, пытаясь завести его клинок кругом, и тут получил удар в левое плечо. Рукав камзола сразу же пропитался кровью, и рука повисла.

Он успел поразить в живот еще одного противника, когда шпага сломалась от удара подскочившего сбоку человека в сером. Конн схватился за рукоять кинжала

и тут же почувствовал холодное лезвие у своего горла. Из-под капюшона на него смотрели темные ненавидящие глаза.

— Кто ты? — прохрипел король, прижатый к стене. Слева и справа топтались серые тени.

— Хочешь знать, от чьей руки умрешь, сын варвара и рабыни?

Державший клинок у его горла откинул капюшон, по плечам рассыпались светлые волосы.

— Маркграф Дулеван к вашим услугам!

— Кончай быстрее, — донесся из-за плеча Дулевана сердитый голос.

Маркграф ощерил тонкий рот в жуткой улыбке и сорвал с лица Конна бархатную маску. Потом сделал короткое движение, и кровь залила грудь короля...

Но эта была не его кровь, а кровь маркграфа. Конн успел заметить остановившийся взгляд, в котором читалось крайнее изумление: Дулеван упал, из его пробитого левого виска толчками вытекала красная струйка.

— Нехорошо, месьоры, — раздался откуда-то сзади показавшийся знакомым голос. — Против всяческих правил — нападать скопом на одного!

Раздались крики, проклятия, зазвенела сталь.

Конн подобрал валявшийся возле одного из убитых палаш и яростно атаковал впавших в замешательство противников. Еще двое в сером приняли смерть от его клинка. В свете осенних звезд он увидел невысокого человека в нижней одежде, во всю орудовавшего тяжелым рыцарским мечом. Сталь была окрашена кровью, двое сраженных уже лежали неподвижно на булыжниках, еще один корчился в предсмертной агонии, кто-то уносил ноги в проулок.

Перед бойцом в исподнем оставался лишь один человек в сером плаще с надвинутым на лицо капюшона. Он отбивался мечом с искусством опытного фехтовальщика.

Нежданный спаситель вдруг опустил свой клинок и сказал с легким поклоном:

— Не соблаговолит ли месьор на время прервать поединок?

Человек в сером плаще тоже опустил меч.

— Чего тебе надо, кампанарий? — сказал он, с трудом переводя дух.

— Ах, так вы узнали меня! По тому, как вы владеете оружием, я заключаю, что имею честь драться с настоящим рыцарем. Не соблаговолит ли месьор назвать свое имя, прежде чем я его убью?

— О Нергал! Где это видано...

— Таковы правила чести.

— К Нергалу твои правила!

— Это я уже слышал сегодня днем из уст некоего аргосца. Очевидно, месьор, вы принадлежите к их числу. Что ж, если вы не желаете назвать свое имя, я буду вынужден...

Не договорив, кампанарий сделал неожиданный выпад и рассек завязку, удерживавшую плащ противника. Капюшон соскользнул вниз, и спаситель короля с удивлением воскликнул: «Ландграф Эртран!»

Не отвечая, Эртран повернулся и бросился бежать в проулок, из которого недавно явился вместе с остальными убийцами.

— Месьор Дагеклан, — король крепко пожал руку рыцаря, — за сегодняшний день вы вторично спасли мне жизнь!

— Это преувеличение, Ваше Величество, — отвечал Железная Рука, делая движение, словно собирался вложить меч в ножны. Вспомнив, что ножен при нем нет, он просто оперся о клинок. — Первый петух уже пропел, так что события на бугурте относятся ко вчерашнему дню. Но не поспешить ли нам покинуть этот зловеший двор?

— Зловеший двор? Он находится посреди моего дворца и, клянусь дубиной Крома, не успеет и свеча сгореть, как все предатели окажутся в Железной Башне! Но вам, месьор, кажется, пришлось спрыгнуть прямо с балкона?

— Здесь всего локтей десять—пятнадцать, государь. Я должен просить извинения за то, что стал невольным свидетелем вашего любовного свидания. Услышав чудные звуки, я подошел к окну и невольно заслушался. А когда заметил нападавших, только сбегал в комнату за мечом и сразу же прыгнул вниз...

— А чем вы уложили маркграфа?

Дагеклан отвел глаза.

— Мне стыдно признаться... Это свинцовая гирилка, которую раскручивают на бечевке, а потом метают. Оружие, недостойное рыцаря, но ситуация была из ряда вон...

Конн невольно рассмеялся и тут же застонал, придерживая задетую руку.

— Вы ранены, Ваше Величество? — забеспокоился кампанарий.

— Пустое! Идемте же, Дагеклан, надо позвать стражу.

Они успели сделать лишь несколько шагов по направлению к выходу из дворика, когда из прохода появились новые фигуры в сером.

— Дворец просто кишит заговорщиками, — удивленно промолвил рыцарь, становясь в позицию.

— Это уже больше похоже на бунт, — добавил король, скрещивая трофейный палаш с коротким мечом человека в сером.

Зазвенели клинки. Железная Рука отступал шаг за шагом, прикрывая Конна, который, успев уложить нападавшего, вдруг со стоном выронил свое оружие: пальцы правой руки точно занемели и отказывались повиноваться. Подбежав к небольшой двери, закрытой тяжелыми дубовыми створками, король попытался ее открыть. Она была единственной во дворе и находилась прямо под балконом Эльтиры.

Дверь оказалась запертой изнутри.

Конн, сделав огромное усилие, вытащил из ножен кинжал и ударил в створки рукоятью. Резкое движение отдалось в ране сильной болью, голова закружилась, он едва не упал.

Сзади слышались стоны, удары и проклятия.

Потом раздался спокойный голос Дагеклана: «Почему бы не кликнуть стражу, государь? Думаю, в сложившемся положении это не уронит нашей чести...»

Конн хотел сказать, что в этой внутренней части дворца, самой безопасной, где он поселил своих почетных гостей, стражи нет, и если он станет кричать, его навряд ли услышат в караульном помещении, расположенном с внешней стороны гостевого строения, куда выходят все остальные окна, и что кричать ему не хочется, он лучше умрет, чем станет звать на помощь... Он крепко сжал кинжал, прислонился спиной к двери, наблюдая, как десятка два людей в серых плащах теснят к нему Дагеклана, и приготовился умереть с честью.

В этот миг дубовые створки распахнулись внутрь, король упал навзничь, левую руку словно окатили кипятком, и он потерял сознание.

* * *

Из мутных глубин выплыло чье-то лицо. Когда черты проявились, Конн узнал Богуза, черно книжника с улицы Вздохов. Король поднял раненую руку, поднес к глазам и пошевелил пальцами. К его удивлению, рука не болела, пальцы двигались, и он легко сжал их в кулак.

— Была задета кость и перебито сухожилие. — Губы колдуна двигались, казалось, не в такт с произносимыми словами. — Кроме того, на шее обнаружился небольшой порез. Я сделал все, чтобы остановить действие яда...

— Проклятый Дулеван, — пробормотал король, — успел-таки задеть меня! Надеюсь, на Серых Равнинах он никого не сможет предать! Но... Где я?

Конн слегка повернул голову и осмотрелся. Он лежал на песочном ковре у себя в оружейной. Рыцарь Дагеклан стоял возле стены, внимательно рассматривая висящий на ней двуручный меч. Король заметил, что тяжелый шкаф, подпертый еще и столом, загораживает входную дверь.

— Где Эльтира?

Слабый стон долетел откуда-то из угла комнаты. Конн живо вскочил: там, в полумраке, розовым пятном проступало платье, словно брошенное на спинку глубокого кресла...

Эльтира полулежала на покрывавшей сиденье леопардовой шкуре. Лицо ее было бледно, в уголке губ запеклась кровь.

Конн с трепетом опустился на колени перед аргоской и взял в ладони ее холодные пальцы.

— Вы ранены, доня?

— Увы, государь, — услышал он за плечом голос Дагеклана. — Когда эта достойная дама впустила нас в свою комнату, вы были без чувств. Старая служанка стала греть воду, чтобы промыть вашу рану, как вдруг каменная плита в стене отъехала в сторону, и из черной дыры полезли какие-то люди. Служанка погибла под их ударами, прежде чем я успел вмешаться: признаюсь, решив, что все мы находимся в относительной безопасности, я удалился за ширму, дабы вид моей нижней одежды не оскорблял взора дамы...

— Что случилось с Эльтирой? — спросил король хрипло.

— Один из нападавших успел ее ранить, прежде чем отправиться на Серые Равнины. Простите, Ваше Величество, но я должен был защищать вас и ее временно... Мастер Богуз утверждает, что кинжал, которыми заделали дону Эльтиру, был отравлен.

Конн поднялся и пристально посмотрел на черно книжника.

— Колдун! — воскликнул он гневно. — Ты излечил меня, но не смог помочь женщине?

Богуз не сделал попытки приблизиться. Он все еще стоял на том месте, где король увидел его, когда очнулся.

— Я сделал все что мог, — повторил черно книжник, поеживаясь, словно от холода. — Если бы я не задержал действие яда, она была бы уже мертва.

Конн посмотрел на свое предплечье: сквозь разорванный, заскорузлый от крови рукав виднелась гладкая кожа с едва заметным белым шрамом.

— Но меня ты излечил полностью! Почему же она без сознания?

— Силы мои не беспредельны...

— Послушай,— заговорил король мягче,— тебе, кажется, грозит костер? Я дарю тебе прощение. Чего ты еще хочешь? Только пожелай, и я отдам все, что у меня есть... Только верни ее к жизни!

— Это можно будет сделать при определенных обстоятельствах.

— Говори! Умоляю, мастер Богуз, спаси мою возлюбленную! Я готов встать перед колдуном на колени, лишь бы она жила!

— Нет...

— Нет?!

— Я не мастер Богуз, и вам не придется ронять королевское достоинство.

— Кто же ты?

Голос колдуна зазвучал твердо и ясно.

— Меня зовут Кримтан Да Дерг, я супруг королевы Матген, повелительницы острова Фалль. Таким образом, я король, как и вы, и, чтобы укрепить наш союз, нам достаточно пожать друг другу руки.

Только сейчас Конн вспомнил, что именно этим именем величала странного горбуна госпожа Ишшу, бесплотный дух, помогший ему зажечь Сердце Аримана... Увы, лишь на время двух вздохов, потом волшебный огонь угас, и виной тому был человек, которого называли Кримтаном Да Дергом! Конн невольно отдернул протянутую было руку и отступил на пару шагов.

— Если ты предлагаешь мне союз, я бы хотел знать, какой именно. И почему я должен верить чему-либо на слово?

— Договор о вечной дружбе,— слегка поклонился горбун,— выгодный обеим сторонам. Что же касается доказательств, Ваше Величество уже изволили заинте-

ресоваться стихотворными строками, которые я имел честь процитировать на площади перед дворцом.

— Когда-то я нашел эти стихи в записках отца...

— И там было приписано еще имя...

— Да! Какое же?

— Арэль. Теперь вы мне верите?

Конн помедлил с ответом. Непонятные строки и столь же загадочное имя явно имели отношение к острову Фалль, на котором когда-то побывал отец. И все же он не мог понять смысла происходящего.

— Я буду краток,— заговорил снова горбун,— ибо все мы находимся в величайшей опасности. В Тарантии созрел заговор, во главе коего стоит жрец Обиус. Ему не удалось заставить вас, государь, отречься от престола, не удалось и убить на бутурте с помощью предателей. Тогда Светлейший решился на последнее средство — открытое восстание. Оно хорошо подготовлено, дворец кишит заговорщиками. Они уже пытались взломать дверь в оружейную, и рано или поздно им это удастся. Преданные вам люди частью перебиты, частью заперты в своих комнатах и вряд ли успеют прийти на помощь или поднять верные воинские части. Мне удалось выбраться из темницы, усыпив стражу, и я поспел как раз вовремя, чтобы подсобить месьору рыцарю перенести вас в оружейную и залечить рану. Увы, я не смог помочь женщине, ибо силы нужны мне, чтобы помочь вам бежать...

— Бежать?! Неужели ты думаешь, что я оставляю Тарантию на поругание бунтовщикам и скроюсь, как крыса в норе?

— Иногда временное отступление — залог победы. Но выслушайте меня до конца. Тот, кто стоит перед вами, — действительно чернокнижник Богуз с улицы Вздохов. Вернее — его тело, коим управляю я, Да Дерг. Фаллийцы — потомки древнего народа, некогда обитавшего на островах в Западном океане, мы обладаем тайными знаниями, скрытыми от остального мира. Некогда Конан-киммериец совершил путешествие на Инис Фалль (так

мы зовем свой остров), сопровождая юного пикта Арэля, коего наши мудрецы-фелиды ошибочно сочли Амруном, то есть Избранником. Он должен был соединить расколотый Камень Делений, залог единства народов, населяющих нашу землю, ибо только сообща фаллийцы могут противостоять фоморам, одноглазым и одноногим демоническим существам, обитающим в Железном Замке, расположенном рядом с островом.

Как я уже сказал, фелиды ошиблись, и соединил Камень Делений не кто иной, как сам Конан. Тогда мудрецы обратились к светящимся рунам, и руны открыли им, что королева Матген должна родить сына от киммерийца. Королева провела с вашим отцом ночь, и в положенный срок произвела на свет сына, которого нарекли Нноком. На острове Фалль у вас, государь, есть сводный брат, и вы очень похожи. Фелиды считали, что Нноку передастся сила Конана и он сможет соединить Камень, если тот снова даст трещину...

— Подозреваю, они снова ошиблись, — усмехнулся король.

— Толкование светящихся рун — весьма непростое занятие. Сила Конана действительно передалась Нноку, но лишь частично. Сейчас, когда роковая трещина вновь рассекла черный монолит, мы нуждаемся в вашей помощи, ибо, по заключению фелидов, только оба наследника киммерийца могут соединить камень, вступив на него одновременно.

— И я должен отправиться на остров Фалль? Сейчас, когда в моей собственной державе — бунт?!

— Я уже говорил, что предлагаю взаимовыгодное сотрудничество. Оно заключается в том, что Камень Делений может восстановить Силу Талисмана Аквилонии. Увы, в результате аберрации, случившейся по вине чернокнижника, заменившего жертвенную кошку на крысу, в физический мир проникли духи-элементалы, безответственные и вздорные сущности, с которыми мне едва удалось справиться...

Король помрачнел.

— Сие вмешательство не позволило повелительнице духов зажечь огонь в багровом кристалле. Это можно расценить как враждебные действия со стороны фаллийцев.

Горбун протестующе взмахнул рукой.

— Ошибка! — воскликнул он. — Элементалы способны вызвать лишь иллюзию явления, причем временную. Они спутали все мои планы, на мгновение разбудив дремлющую в кристалле Силу, а когда я приказал духам удалиться — частицы ее были развеяны в пространстве. Теперь их будет весьма трудно собрать... К счастью, в вашей оружейной я обнаружил некий предмет, способный помочь в этом нелегком деле.

И горбун указал на зеркальный щит, висевший в простенке между окнами.

— С помощью таких переносителей древние атланты умели перемещаться на огромные расстояния. Мне удалось овладеть его тайной, и мы попадем в места, где находятся вещи, вобравшие в себя частицы Силы, заключенной в Сердце Аримана. Думаю, это должно быть какое-то оружие, причем весьма мощное. После того, как мы соберем утерянное, отправимся на Инис Фалль, и Талисман Аквилонии, возложенный на Камень Делений, вновь оживет. Решайтесь, государы!

Конн мучительно размышлял, страшась совершить ошибку. Речь горбуна была убедительна, и все же король не верил ему до конца. Багровый шар хранился в тайнике здесь, в оружейной, и соблазн вернуть ему утраченную Силу был велик. Свершись сие — и он сможет подавить любой мятеж и восстановить мир в своей великой державе. Но что, если чернокнижника подослал к нему Обиус, желавший завладеть Талисманом?

— Простите, что читаю ваши мысли, государь, — раздался вновь настойчивый голос Да Дерга, — только отчаяние заставляет меня прибегать к этому недостойному средству! Наши страны сейчас находятся в равной опасности, и мы можем помочь друг другу. Неужели речи мои столь неубедительны? Разве Обиус может знать

подробности, мною изложенные? И еще добавлю: излечить Эльтиру я смогу лишь после того, как мы совершим Переход...

Дверь оружейной сотряслась от мощных ударов — снаружи явно били тараном.

Конн решительно шагнул к тайнику и извлек хранительницу. Достал камень и поискал глазами сумку...

— Возьмите. — Горбун протянул королю крупный перстень с пустой оправой. — Кристалл может уменьшаться... Вот так. Теперь его нетрудно спрятать в кольце.

Он подошел к щиту и прикоснулся к его гладкой поверхности, словно погрузил руку в спокойную воду. Призрачные круги разошлись от его прикосновения, и на месте щита возник тоннель с золотистыми стенками. Где-то далеко в конце виднелось темное пятно, и оттуда, словно из длинной трубы, долетели порывы холодного ветра, несущие снежные хлопья.

Дагеклан решительно снял со стены двуручный меч и тяжелый, заряженный семью болтами арбалет.

— Я иду с вами, государь, — сказал он решительно, — возьмите самострел, кто знает, что ждет нас в неведомых землях...

— Возможно, гибель, — молвил Да Дерг, — но рискнуть стоит. Я буду сопровождать вас, что бы ни случилось. Даже если потеряю тело, в котором сейчас нахожусь. Чтобы узнать меня, запомните фразу...

Дверь трещала, поддаваясь ударам, — подпиравшие ее шкаф и стол поехали в сторону.

Конн подхватил на руки Эльтиру и решительно шагнул в золотой проход.

...Когда заговорщики, взломав дверь, ворвались в оружейную, она была пуста. Никто из бунтовщиков не увидел своего отражения в тусклой поверхности неуврачного щита, висевшего в простенке между высоких стрельчатых окон.

Часть вторая ТЕМНАЯ РЕКА

Глава первая ПАЛИЦА ТАРКИНАЯ

На закат и восход,
В пределы верхние и в пределы нижние
Нет нам хода,
Пока не восстанут павшие,
И лед не поглотит землю...

«Откровения Иорды»

Все было серым — снег, летевший колючими хлопьями в лица, грязь, проступавшая из-под снега, холм, вздымавшийся впереди, и дерево, скрипевшее под унылым ветром. Плотный холодный туман скрывал тропу, огибавшую холм, на низких облаках дрожали багровые отсветы.

По тропе верхом на низкорослых мохнатых лошадках ехали несколько всадников: двое впереди, другие чуть поодаль.

Двое разговаривали, не обращая никакого внимания на снег и свист ветра.

— Мы должны с ними покончить раз и навсегда, — сказал всадник, ехавший слева, и отбросил с глаз выбившиеся из-под меховой шапки светлые волосы.

Лицо у него было молодое, с грубыми чертами, резко выдающимися скулами, чуть раскосыми глазами и маленьким носом. Короткие кривоватые ноги в теплых штанах и меховых сапогах крепко сжимали бока

лошади, пальцы в кожаной рукавице слегка придерживали простой веревочный повод. За спиной наездника висели небольшой круглый щит и короткое копье, на поясе — крепкая деревянная палица и нож в блестящих ножнах. Ни седел, ни стремян ни у кого из всадников, ехавших по серой равнине сквозь снежные вихри, не было.

— Наступит *время*, и мы посчитаемся, Ярл, — отвечал его спутник, одетый и вооруженный точно так же, как и все остальные; лишь ярко-рыжий лисий хвост на шапке да уверенность, с которой он произносил слова, выдавали в нем предводителя.

Он был гораздо старше говорившего, хотя далеко не стар, обветренное его лицо можно было бы назвать даже красивым, если бы не слишком узкие глаза, странно смотревшиеся рядом с крупным орлиным носом. Тонко очерченный рот кривила легкая усмешка, а нижняя губа почти тонула в рыжеватой недлинной бороде. Усов этот человек не носил.

— Мне не суждено дожить до *времени*, Мидгар, — все так же ровно произнес молодой. — Нас восемь, и их восемь. Мы сможем одолеть сейчас.

— Нет.

— Потому что они — Хранители?

— Когда мы захотим уйти с наших земель, они нас не остановят. Пусть попробуют это сделать, и мы их уничтожим. Но сейчас — они сохраняют наши земли от чужаков. Не тех, кто приходит через *дыры*, хотя, говорят, и от этих тоже...

— Разве, кроме *дыры*, есть другие проходы?

— Из-за Огнедышащих Гор может кто-нибудь прийти.

— Разве есть земли за Огнедышащими Горами?

— Этого никто не знает наверное. За Горами — огромное море, покрытое вечным льдом. Но в Городе есть люди, которые утверждают, что море не упирается в небесный свод, и за ним есть земля.

— Мне странно это слышать. Но даже если так, из-за Огненных Гор никогда никто не приходил.

— Мы не знаем.

— Отступники говорят много. Ты слушаешь.

— Я слушаю и размышляю. Не всему можно верить, но все надо запоминать.

— Чтобы одолеть, когда придет *время*.

— Чтобы одолеть.

Лошадка Ярла вдруг всхрапнула и повела ушами. Молодой всадник мгновенно выхватил копье из ременных петель на спине и выставил костяной наконечник навстречу снежному вихрю.

— Там кто-то есть, — сказал он. В голосе не было и следа тревоги.

Проехали еще несколько шагов.

— Я вижу следы, — сказал Ярл, указывая копьем на изрытую площадку рядом с холмом.

Белая крупа уже припорошила взбитую множеством ног грязь, и все же серые пятна явственно проступали сквозь неглубокий снег. В сторону холма по земле тянулись темные полосы — словно следы огромных змей.

— Смотри, — молодой всадник перевел наконечник копья к вершине, — дерево сгорело.

— Здесь была схватка, — сказал Мидгар, — и не все пошло дальше своей дорогой.

Он поднял руку, приказывая своим людям остановиться. Потом снова обратился к молодому спутнику:

— Ты его видишь?

— Он мертв, — ответил Ярл.

— Может быть. Надо посмотреть.

Посреди взрытого пространства белел небольшой бугорок. Это мог быть просто ком земли, припорошенный снегом, но оба всадника, чьи глаза хорошо видели в полумраке, разглядели человеческую руку, торчавшую из-под снега, словно сухая ветвь; пальцы были скрючены, и только один указывал вверх.

Лошади заупрямились, не желая подходить ближе, и всадникам пришлось сильно бить их пятками по бокам.

Подъехав, Ярл тронул наконечником копья безжизненную руку, потом слегка разгреб снег, и стало видно мервенно-бледное лицо человека, неподвижно лежавшего посреди изрытого поля.

— Мертв,— повторил Ярл.

— Мне не нравится поведение лошадей,— сказал Мидгар.— Они привычны к трупам. Им либо не нравится место, либо само тело.

— С виду он обычный человек,— сказал Ярл,— может быть, из Города. Но я посмотрю.

Он спрыгнул на землю и присел рядом с мертвецом. Страхнув снежные наносы, внимательно разглядел одежду.

— Никогда такой не видел.— Он повернулся к старшему и что-то поднял над головой.— Смотри, к его платью пришиты монеты! Разве в Городе делают в монетах дырки?

— Нет,— сказал Мидгар,— в Городе не делают в монетах дырок. Он не из Города, и это не монеты.

— *Шатун*?

— Слишком похож на человека для *шатуна*. Или... О Арес!

Он осекся и с трудом удержал лошадь, шарахнувшуюся в сторону. Посиневшие губы мертвеца дрогнули, раздался громкий стон, отчетливо слышимый даже сквозь свист ветра. Ярл, сидевший рядом на корточках, резво вскочил на ноги и приставил к шее человека острое копье.

— Он жив! — крикнул Мидгар.— Не убивай его!

— Это чужой,— сказал Ярл, не отстраняя оружия.— Он не руг и не отступник. И не *шатун*. Надо его прикончить.

— Не смей!

— Мертвецы не должны оживать, это к большой беде.

— Или возвещает о наступлении *времени*! Подумай об этом, брат...

Ярл взглянул на говорившего, и на его грубом лице впервые мелькнула тень неуверенности.

— Значит, я могу... успеть?

— Да!

Ярл воткнул копье в землю.

— Заберем его с собой?

— Да.

Ярл снова склонился над лежащим человеком. Веки того подрагивали, запорошивший лицо снег стремительно таял. Молодой воин присел и тронул чужака за плечи. Веки поднялись, и он увидел глаза, в которых не было зрачков — только золотой огонь, словно игравший в глубинах черепа. Ярл не успел отшатнуться: золотое сияние надвинулось и поглотило его целиком. В тот же миг тело под его руками дрогнуло, мучительно изогнулось и обмякло.

— Что случилось? — услышал он тревожный голос Мидгара.

Ярл выпрямился и толкнул замершего человека носком мехового сапога.

— На этот раз он точно умер,— сказал он, облизнув пересохшие губы.— Ты ошибся, брат, *время* еще не пришло.

Когда воины Мидгара Лисьего Хвоста переносили мертвеца на холм, чтобы похоронить его по обычаю рогов на возвышенном месте, тело уже совсем окоченело. Его несли, как полено, ухватив за ноги и за голову, на которой еще держалась круглая войлочная шапка. Когда тело положили навзничь рядом с обгоревшим деревом на замерзшую землю, мертвец, словно еще раз ожив, завалился набок: мешал небольшой горб за левым плечом. Так его и оставили, забросав комьями грязи пополам со снегом.

— Видно, я и вправду ошибся,— сказал Мидгар, когда они поехали дальше.— Этот человек был ранен и очнулся, чтобы умереть на наших глазах.

— Нет,— откликнулся Ярл, поддавая пятками в бока лошади,— он был мертвее мертвого, брат. И убил его кто-то из локапал, прокусил сбоку горло. Не зря говорят: в тьму сгинет тьму призвавший...

Мидгар удивленно покосился на своего спутника, но ничего не ответил: впереди сквозь снежную кутерьму проступили стены огромной постройке.

* * *

Дверь скрипнула, открываясь, и на пороге, в тусклом свете, льющимся изнутри, возникла маленькая фигурка в островерхом колпаке.

— А, руги пришли, — сказал привратник ворчливо. — Зачем пришли? Драться?

— Пусть умрет эта мысль, — отвечал Мидгар, придерживая под уздцы лошадь. — Мы пришли разговаривать.

— С локапалами? Разговаривать?! Это что-то новенькое!

— Впусти же нас, почтенный страж Дома, и отведи к своим господам.

— Господам! Надо же такое выдумать! У нас в Тюирнлги говорят так: «Пошла мышь слонам услужать, да все стадо и разогнала». Если локапалы мои господа, то вы, все как один, канатоходцы! Клянусь бородавками на заднице Подземного Короля, это неслыханно. Не будь я Гнубус, самый несчастный гном среди всех рудознатцев, если мне не стоит обидеться на подобное заявление!

— Но... — начал было Лисий Хвост, не ожидавший подобного приема.

— Никаких «но»! У нас в Тюирнлги говорят: «Плох тот рудознай, коему что голубой базальт, что красный гранит — все едино». Я оскорблен в лучших чувствах. Заходите летом.

Сказав так, гном надавил маленькой ручкой на створку, и та со скрипом стала закрываться. Мидгар успел сунуть в щель ногу и прекратить это неумолимое движение.

— Не вежливо! — возопил гном. — Такие здоровые, а маленьких обижают!

— Давай его убьем, — предложил Ярл, стоявший за спиной старшего брата. — Он слишком много говорит.

— Горе мне, горе, — запричитал привратник, — никто меня не любит, никто не уважает. И зачем только я полез в ту дыру? О, как здесь холодно, как невыносимо скучно, какие грубые существа населяют эти земли! Верните меня в Тюирнлги, и, клянусь, я восемьдесят семь раз поцелую каждую бородавку на заднице Властителя!

— Это существо лишилось разума, — сказал Ярл, поигрывая дубинкой. — Локапалы съели его мозг. Разреши его прикончить.

— Мы пришли сюда для переговоров, — веско молвил Мидгар, — и не следует убивать первого, кто встретился нам в Доме. Прости нас, почтенный страж, если мы произнесли ошибочные слова, — обратился он вновь к гному, — но не часто ругам случается приходиться к локапалам. Когда мы были здесь в прошлый раз, дверь нам открывал какой-то трехголовый *шатун*.

— Еще бы! — воскликнул гном с оттенком самодовольства в голосе. — Эти безмозглые тролли лезут куда ни попадя, а когда оказываются вдали от родных мест, готовы пресмыкаться и целовать пятки любому, кто их прокормит. Мы, гордые рудознатцы, совсем не такие, что бы о нас ни болтали. Вы слышали, должно быть, о гусиных лапах и козлиных копытах? Так вот, все это враки, не будь я Гнубус из Тюирнлги! Если бы не было так холодно, я тут же снял бы сапоги и продемонстрировал свои ноги. Тогда, возможно, я услышал бы очередные рассуждения о том, что гномы слишком малы, чтобы принимать их всерьез. Снова ошибка, господа, не гномы малы, а вы слишком велики. И запомните раз и навсегда: если гном и открывает перед кем-нибудь двери, то делает это по собственной воле, а не за кусок хлеба с медом. Ладно уж, входите, только ноги вытирайте, а то грязьца на дворе — спасу нет...

Завершив эту длинную речь, привратник пошире распахнул дверь, и восемь мрачных рогов вошли внутрь вместе с конями.

— И еще скажу вам, гости незваные,— продолжал говорить гном, выпагивая сзади по бревенчатому полу огромных сеней,— что тролль тот сдох, подавившись свиной лопаткой, ибо ел неумеренно и жадно, как все его единоплеменники. Такова природа этих существ, ничего уж тут не поделаешь. Из него сделали неплохое чучело... Направо, пожалуйста, и не споткнитесь — ступеньки!

Направо оказалась не то дверь, не то просто пролом — там, где полагается быть косяку, виднелись торцы бревен разной длины. Пришельцы спустились по шатким ступеням, ведя лошадей по сходням, сбитым из двух огромных, плохо оструганных досок.

Они оказались в хлеву, потолок которого тонул во мраке. В загонах хрюкали свиньи, блеяли овцы, издавали странные звуки другие животные, которых даже зоркие глаза рогов не могли углядеть в душной темноте.

— А запах! — радостно сообщил гном. — Вот вонища-то! Что прикажете делать: одному никак не управиться. У нас в Тюирнлги говорят так: «Не бери два мешка, если и одного много».

Он быстро и ловко привязал поводья лошадей к коновязи, которую изображал толстый брус, прикрепленный к стене железными скобами, и сделал приглашающий жест маленькой ручкой.

— Прошу в хоромы, добрые господа! Только воняет там почище, чем в свинарнике.

Руги поднялись еще по одной лестнице и через окованную медью дверь прошли в обширную комнату, где жарко пылал открытый очаг, кругом обнесенный громадными валунами. Здесь плавал сизый дым, и сквозь его пелену проступали тени огромных существ. Запах в помещении стоял тяжелый.

— К вам пришли,— сказал гном не слишком почтительно.— Руги храбрые в шапках высоких. Разговаривать хотят.

Он шагнул в сторону и сразу же исчез в дыму.

— Хо! — прогудела одна из теней, надвигаясь.— Давненько не виделись! Карапуз мой сладкий, хочешь к дяде на лапку?

— Шутка твоя нелепа,— отвечал Мидгар, спокойно уперев в бока руки в кожаных рукавицах, которые так и не снял.— Подходи, померяемся ростом!

— Хо! — повторило огромное существо.— Я тебя сразу не разглядел, Мид-Ли-Хво, прости. Сейчас буду.

Гигантская тень колыхнулась и ринулась вперед. Руги схватились за копыта, но их предводитель жестом приказал отставить оружие.

Из дымной пелены выступило создание, хоть и превосходящее людей ростом локтей на пять, но все же вполне им соразмерное, так что предложение покачать кого-либо из рогов на ладони и вправду оказалось сильным преувеличением. Создание имело маленькие красные глазки, выдающиеся челюсти, было сплошь покрыто жестким зеленым волосом и все время почесывалось.

— Привет тебе, Кубера-Нор, повелитель Севера! — провозгласил Мидгар торжественно.— Да пребудут с тобой сила и здравие до начала *времени*.

— Ху-хэ! — выдохнул великан горестно.— Какое там здоровье при таком холоде... Огненные Горы истощают свои недра, скоро все покроет снег и лед. Даже летом некуда будет деться от пурги и стужи.

Он немного подумал, почесался и добавил:

— Так говорят древние пророчества.

— Почему бы вам не убраться куда-нибудь через *дыру*? — спросил Ярл.

Старший брат не ожидал, что тот заговорит без разрешения, и сердито насупил брови, но великан опередил его речь, гаркнув:

— Я говорю только с равными! Клянусь звездным слоном Диггаджи, какую-нибудь кальпу назад я испепелил бы тебя взглядом! Да что там, тогда я не стал бы разговаривать даже с твоим братом, старшим сыном и наследником великого Таркина. О, тогда я действи-

тельно был повелителем Севера, а не жалким охранителем нынешних чахлых роцц и мелких речушек!

Заметив, что Ярл поудобнее ухватил свою палицу, Мидгар положил на плечо брата руку, удерживая от необдуманного поступка.

— Где моя корона? — заорал Кубера-Нор, обернувшись в дымную пелену. — Кто корону украл?! Тайфун напущу, ураган и смерч ледяной!

— Вернавест ее как обруч на бочонок надел, когда брагу варили, — отвечал из мглы ворчливый голос гнома. — Запамятовал разве?

— Оху-хо! Вот так всегда. — Повелитель Севера тяжело опустился на лавку, свесив вдоль тела длинные мохнатые руки. — Ни гостей как надо принять, ни взглядом кого испепелить... Да вы присаживайтесь. Эй, дядюшка Гнуб, брага-то еще осталась?

— У нас в Тюирнлги говорят: «Сколько в сито ни наливай, все мало будет», — отвечал гном, появляясь рядом. Он держал большой поднос, уставленный огромными глиняными кружками. — Я вот на вас, локапалов грозных, гляжу — издали вы размеров огромных, а вблизи поменьше, хотя тоже слишком большие. Так брага в которых льется: в тех или этих?

— Хо-хо-хо! — прогудел Кубера-Нор. — Это так испокон заведено: гору вблизи не разглядеть. Ты кружки-то поднял, хоть и с муравья росточком, а когда за ними в кладовку ходил, так они тебе небось с телегу величиной показались. Здесь все так — издали большое, подойдешь — поменьше.

Гном сердито грохнул поднос на кособокий стол, да так, что брага пролилась на грязные доски.

— Не уважаете, — сказал он мрачно. — Ходишь-ходишь за скотиной, полы метешь, обедки выносишь... У нас в Тюирнлги говорят: «Сколько бритвозубого крота ни корми, он все равно укусить норовит». Прошу запомнить: муравей суть насекомое ничтожное, меньше ногтя, гномы же самые мелкие, называемые и вправду «муравьиными», не бывают менее ладони ростом. Я, на

носах зарубите, считаюсь высоким среди своего народа, аж на три локтя и два с половиной пальца вымахал. И еще — поражаюсь вашему невежеству. Охранители стран света называются, а того не ведают, что в иных землях и дети разумеют. Всем известно, что гномы-рудознатцы обладают недюжинной силой и могут поднять не то что телегу, а и быка в придачу!

— Хоу, не сердись, дядюшка Гнуб, — прервал эту бесконечную речь зеленый великан, — мы тебя ценим, ей же ей! Не знаю, что бы без тебя делали...

— Брагу бы трескали да на пол сморкались, — проворчал гном, остывая, — знаю я вас. Ладно, пойду, скотина еще не кормлена, а вы тут хорошо себя ведите, не деритесь. И не напивайтесь сильно, а то эти руги меры не знают!..

Он вдруг подмигнул Ярлу и быстро исчез за пеленой дыма.

На его место явились еще семеро великанов: трое равных зеленому, бывшие повелители Запада, Востока и Юга, а ныне хранители гор, рек и мелких племен (мелкие племена часто о том не ведали, и своими богами признавали совсем иных существ), и четверо рангом и ростом пониже. Все они отличались окраской щетины, длиной выступавших из-под вислых губ клыков и, кажется, запахом. Впрочем, о последнем судить было трудно, ибо смрад в Доме стоял удручающий даже для носов привыкших ко всему ругов.

Люди и локапалы усадились по сторонам кривого стола и сдвинули кружки.

— Что привело вас под наш кров, уважаемый Мид-Ли-Хво? — спросил Кубера-Нор, когда выпили по первой. — Хоу, нам бы видеться почаще, все же соседи.

— Чтобы быть добрыми соседями, надо уважать друг друга, — сказал Мидгар. — Скот не воровать. Тогда можно и в гости хаживать.

— А вот я тебе сейчас голову откушу, — прогудел тут великан, покрытый серебристой щетиной. — У нас все есть, чужого не надо!

— Уймись, Вернавест,— осадил его зеленый,— пусть говорят. Пока!

— Пока что? — Мидгар многозначительно заглянул в пустую кружку.— Пока *время* не пришло?

— Вот именно.

— Хочется, чтобы поскорее?

— Хочется тебе шею свернуть!

— Ну, это мы еще поглядим, кто кому голову оторвет...

— Сейчас! — крикнул Ярл, стукнув кружкой по столу.— Выходи биться!

— Точно откушу ему голову,— прорычал Вернавест.

— Ша! — гаркнул Кубера-Нор.— Того, кто двинется, на сполохи разделаю и в небо сиять пуцу! Наступит *время*, тогда и потешимся. Так, говоришь, Мид-Ли-Хво, кто-то стащил у тебя барана?

— Я не пришел бы за бараном,— отвечал старший сын Таркиная, единственный из всех ругов сохранивший полное спокойствие.— Я пришел за палицей отца.

— Хо! — Повелитель Севера с шумом выдохнул содержимое легких, заставив сидевших напротив людей отшатнуться.— Хо-хо. А почему сюда?

— Разве не докапалы похитили палицу великого Таркиная?

— Кто? Мы?! Эй, Вернавест, ты не брал дубину великого Таркиная?

— Я не брал. А ты не брал, Сурист?

Рыжеперстный великан из мелких отрицательно помотал кудлатой башкой.

— Поклеп это,— сказал властитель Запада,— Сурист тоже не брал.

— Ты лжешь,— сказал Ярл.

— Угомони своего братца,— сказал Кубера-Нор.— Как бы худо не вышло.

— Ты знаешь пророчества.— Мидгар слил из кружки на ладонь остатки браги и отправил в рот.— Перед наступлением *времени* великаны должны похитить священную палицу ругов.

— Мы, конечно, великаны, не спору,— согласился зеленый,— но разве *время* так близко?

— Неподалеку от Дома мы наткнулись на взрытую землю, там, возле холма. И нашли убитого человека. Когда мой брат наклонился над ним, мертвец ожил и открыл глаза. Ты понимаешь, что это значит?

Кубера-Нор поскреб голову.

— Вроде бы мертвецы станут оживать накануне... Хей, Мид-Ли-Хво, не хочешь ли ты сказать, что *шатун* был предвестником?

— *Шатун*? Почему ты его так называешь?

— Потому что он взялся неведомо откуда вместе с остальными...

— С остальными?

— Их было четверо, трое мужчин и женщина. Никогда не видел такой одежды — ни у вас, ни у ругорумов, ни у куннов, ни у мелких племен. Соткались, словно из воздуха, прямо на дороге, Вернавест чуть было не выронил... хм... вязанку хвороста... И этот горбун, тысяча ледяных глыб ему на голову, напустил какой-то морок. Когда мы хотели схватить припелецев, то стали оскальзываться, словно топтались на льду, покрывавшем озеро.

— Значит, убитый был кудесником?

— Не успел спросить,— хохотнул Кубера-Нор,— он недолго против нас продержался. Когда чары его ослабли, я перекусил злодею шею... Проклятие! — заорал он вдруг.— Какую-нибудь кальпу назад я испепелил бы его взглядом! О, предо мной трепетали не только ничтожные колдунишки, сами Держатели Радуги норовили упасть ниц, дабы не зреть грозного лика...

— Не отвлекайся,— сказал Мидгар,— лучше вспомни, куда Вернавест положил ту вязанку.

— Что стало с остальными? — спросил Ярл.— Их тоже убили?

— Он мне надоед,— сказал серебристый,— много болтает. Можно, я откушу ему голову?

— Успеешь, — отмахнулся от сотоварища Кубера-Нор. — Ох-хей, уважаемый Мид-Ли-Хво, какое унижение вот так уменьшаться... Чем ближе, тем меньше — и кем я стал, когда прыгнул на шею подлого колдуна? Повелитель Севера уподобился крысе...

— Но с оч-чень острыми зубами, — рывкнул великан, которого называли Суристом.

Зеленый удивленно на него глянул.

— Ты мне тут не подхалимствуй, — сказал он. — Ты бы лучше граблями своими половчей размахивал. Вишь, — обратился он к Мидгару, — царапнул его это-то, с коротким носом. Ох и тесак у него был, почти с меня ростом! Стал его над головой раскручивать, только свист стоит, почище ветра даже. Суристу и досталось. А ну покажи, нелепый!

Мелкий великан заворчал недовольно и протянул над столом лапу, обмотанную грязной тряпкой.

— А женщина? — снова спросил Ярл. — Ты говорил, что с ними была женщина.

— Да, червяк, и довольно хорошенькая. Когда я был повелителем Севера... хм... сейчас точно не помню, но я с такими что-то делал. Оба мужчины защищали ее отчаянно. Второй, среди вас, людишек, видно, настоящий силач, все держал ее на руках, словно стеклянную. Ну да мы-то не только кусать умеем, а и скакать, когда надо. Закружили их вихрем метельным, да и повязали. Сейчас в клетки сидят. Хотите глянуть?

— Нет, — сказал Мидгар, — нам нет до них дела. Так что нес Вернавест, когда появились *шатуны*?

Кубера-Нор снова почесал корявыми пальцами с длинными ногтями зеленую шевелюру.

— Ладно, — сказал он примирительно, — какие недо-молвки между соседями. Палицу он нес, палицу великого Таркина. Мы ведь не против древних пророчеств.

— Где она?

— А вот это — шиш! Какую-нибудь калыпу назад я просто раздавил бы тебя одним пальцем, а сейчас принужден вызвать на единоборство.

— Не люблю убивать крыс.

— Плохо сказал. Убивать будем, когда наступит время и спадет древнее проклятие. Тогда мы перестанем уменьшаться вблизи, а вы — считать себя непобедимыми воинами. Сейчас же я предлагаю просто соревнование: выиграешь — получишь палицу, нет — я за себя не отвечаю...

— Согласен, — кивнул Мидгар. — Ставь условия.

Зеленый принялся яростно чесаться, на этот раз не только в затылке, но и в других частях тела.

— Прости меня, Мид-Ли-Хво, — сказал он виновато, — я как-то не думал над этим. Старее... А ведь надо было сообразить: если уж решили спереть священную палицу, руги наверняка за ней придут. Кстати, хоть убей, не понимаю, зачем нам эта дубина.

— Ты говорил о женщине, — напомнил Ярл. — Если она так хороша, я готов ее отвоевать.

— Это мысли! — хлопнул Кубера-Нор по столешнице огромной ладонью. — Ты попробуешь достать клеть, а мы станем скакать вокруг и язвить как можем.

— Зачем? — спросил Мидгар, неодобрительно глядя на брата. — Зачем тебе нужна... Может быть, она вовсе не человек.

— Вспомни, брат, что мне предстоит уйти в Белые Пещеры, как только мы вернемся, — негромко сказал Ярл, склонившись к его плечу. — Вспомни, что я не знал еще женщины. Если время так близко, я хочу иметь жену или рабыню.

— Вспомни и ты, — отвечал Мидгар также вполголоса, — что она должна будет уйти вместе с тобой, если ты привезешь ее к очагу. Она не нашего рода и не захочет разделить эту участь.

— Какая разница! — Ярл повысил голос. — Все говорит за то, что время вот-вот наступит. Тогда мне придется не умирать, а сражаться. Пусть она из чужих — дело воина отвоевать себе женщину даже перед лицом смерти. Я буду драться с великанами.

— Что ж, видно так тому и быть. Мы должны привезти назад палицу Таркиная, остальное неважно.

И, обратившись к повелителю Севера, Мидгар добавил:

— Мы принимаем твое условие, великан.

— Славно! Вот будет потеха!

— Не говори «сделано» пока не положил голову врага в мешок.

— Ты сам сказал о голове — рывкнул Вернавест.

— Хватит! — Ярл поднялся, сжимая в руках палицу. — Сколько ни вели дереву упасть, оно будет стоять, пока топора не отведает. Я готов.

Кубера-Нор поднял зеленую лапу и сделал довольно замысловатый жест. Дымная пелена, затянувшая огромное помещение, начала быстро вращаться вокруг стола, отодвигаясь и редая, и вдруг исчезла, словно вытянутая в какую-то трубу. Открылись неровные стены, сложенные из большущих бревен. Из щелей, словно бороды старцев, свисали сивые клочья мха. Многочисленные трофеи и оружие великанов украшали стены: были здесь черепа неведомых животных с жуткими зубами и черными дырами на месте глаз, гигантские берцовые кости, используемые как дубинки, страшные деревянные маски, вырезанные ради устрашения неведомыми мастерами, каменные топоры величиной с мельницу и копья из черного дерева, похожие на тени вековых сосен на закате. В углу, на толстом чурбаке, примостилось чучело трехголового тролля: мыши времени зря не теряли.

Вместо дыма теперь повсюду клубилась пыль. Отблески очага плясали в ее клубах, наполняя помещение призрачными тенями, а где-то вверху, под невидимой крышей, разгоралось яркое белое сияние — оттуда, медленно вращаясь, спускалась на веревке огромная клеть, собранная из толстых прутьев, связанных кожаными ремешками. Внутри клетки виднелись три маленькие фигурки: двое мужчин и женщина, неподвижно лежавшая на груди прелой соломы.

— А вот и гости дорогие, — хохотнул Кубера-Нор. — Чей-то невеселые какие-то, скукоженные...

— Я не могу рассмотреть женщину, — сказал Ярл, делая шаг из-за стола. — Так ли она хороша, как тут было сказано?

— А это пожалуйста, — прогудел Кубера-Нор, — все без обману. Смотри.

Клеть вдруг стремительно придвинулась, оставаясь висеть посреди огромной комнаты.

— Она мертва! — вскричал Ярл, всмотревшись.

— Плохо сказал. Она... хм-э-э, как это говорится... без чувств. Какую взяли, такую и предлагаем. Или ты передумал?

— Нет, — сказал Ярл и тут же прыгнул вперед, норовя развалить палицей прутья клетки.

Не тут-то было. Висячее сооружение отдалилось — дубина руга рассекла клубы пыли впустую. Ярл побежал, мягко ступая по полу меховыми сапогами, и бежал долго, словно через поле. Он увидел совсем рядом синие глаза черноволосого человека в странной одежде, смотревшего на него с ледяным спокойствием, снова взмахнул палицей, целя по загородке, и... на голову ему посыпались костяные осколки.

— Добро не порти! — заорал откуда-то издали голос повелителя Севера. — Всякий колотить станет — черепок не напасешься!

Ярл понял, что ударил по одному из жутких украшений, висевших на стене великанского дома, и резко обернулся. Клеть с пленниками, медленно вращаясь, по-прежнему висела на длинной веревке посреди комнаты. За ней, в пыльной мгле, колыхались огромные тени.

— Слаб червяк, — пророкотал бас Вернавеста. — Пободаемся, братья?

Тени быстро задвигались, сжались, миг — и, уставив вперед изогнутые рога, на Ярла понеслись восемь устрашающих размеров длиннобородых козлиц.

И начался посреди великанского жилища стремительный танец: отмахиваясь палицей, Ярл метался среди

чудовищ, а те, высоко подпрыгивая и вскидывая рога, старались поддеть его их острыми концами.

Руги, смотревшие на это зрелище из-за стола, хотели было прийти на помощь младшему сыну Таркиная, но Мидгар жестом приказал им оставаться на местах. Он видел лучше своих людей и приметил, что великаны, обратившиеся в козлов, стараются не приближаться к Ярлу вплотную — видимо, проклятие, заставляющее их уменьшаться вблизи, продолжало действовать.

Но к пленникам хоровод чудовищ Ярла не допускал. Да и была ли клеть здесь или где-то совсем в другом месте? На это Мидгар ответить себе не мог, и холодный страх все более поглощал все его чувства. Если Ярлу не удастся отвоевать палицу отца — все пропало, и руги не смогут достойно встретить приход времени...

Ярл вдруг остановился и отбросил свое оружие.

— Нет! — крикнул Мидгар, и в голосе его прозвучало несвойственное людям его племени отчаяние. — Еще не все потеряно, брат!

Ярл опустил на четвереньки. Он что-то бормотал, неслышно шевеля губами. Козлища насторожились и встали кругом, ударяя в пол огромными копытами.

Ярл упал вперед через голову и... исчез. На его месте, очертив огромные клыки и вздыбив шерсть, стоял матерый, в желтых подпалинах, волк.

Козлы шарахнулись.

Волк глухо рыкнул, оттолкнулся сильными лапами и прыгнул.

Тонко заголосил кто-то из локапал, попавший под коготь, остальные стремительно разбежались, стараясь затеряться среди клубов пыли.

Самый большой из козлиц оказался возле стола и растаял, уступив место уродливому облику отставного повелителя Севера. Кубера-Нор резво вскочил на стол, давя глиняные кружки, и, ухватив волосатыми лапами себя за плечи, притопывая и приседая, заголосил:

— Не честно! Не было на то уговора! Волпба, чародейство! Оборотень! Позор!

Страх великанов, казалось, развеял морок, и клеть застыла на месте: волк подскочил к подвешенному узилищу и в два счета перекусил прутья.

— Все, — сказал Мидгар, опускаясь на лавку, — давайте, что взяли.

Кубера-Нор сел на столешницу и обхватил голову зеленоволосыми ручищами.

— Какая низость, — прохрипел он, раскачиваясь из стороны в сторону, — какой недостойный обман... А я-то считал ругов бесхитростными детьми природы! Почему ты не сказал, Мид-Ли-Хво, что твой брат — кудесник?

— Он только ученик кудесника, — отвечал Мидгар устало. — Я не знал, что Ярл постиг искусство перевоплощений.

Из пыльных углов виновато и угрюмо вылезали разношерстные великаны. Они рассаживались по лавкам, со страхом поглядывая на зеленого предводителя. Сурист рассаживаться не стал: глухо постанывая, замер на полусогнутых нижних лапах, придерживая верхними отвислую задницу. Глядя на это жалкое зрелище, Кубера-Нор не удержался и громко высморкался на пол.

— Тьфу, — сказал он, слезая со стола, — тебе не то что юго-запад, болото лягушиное доверять негоже. Локапала называется, от когтя волкодлака не увернуться...

— Так что насчет священной палицы Таркиная? — спросил Мидгар, украдкой надавливая на левый глаз. Как ни старался, он не успел заметить, когда Ярл снова принял человеческий облик.

— А это как сказать. — Кубера-Нор уже оправился от потрясения и снова принял свой насмешливо-заговорицкий тон. — Мы на что, Мид-Ли-Хво, рядились? На то рядились, что твой брат клеть найдет. А кто клеть нашел? Волк. На что волку девица? Вот и смекай.

— Я смекаю, что ты не хочешь выполнять уговора, — сказал Мидгар с угрозой. — Так?

— Нет,— сказал Кубера-Нор.— Не престало нам, хранителям сторон света, лукавить перед людьмишками. Забирайте вашу дубинку. Если найдете.

Он сделал широкий жест, обводя зеленой лапой стены, странно и ясно проступавшие сквозь пыльные облака.

Ярл казался очень маленьким возле разломанной клетки, и Мидгару не слышно было, о чем он говорит с пленниками.

— Я победил и хочу взять ее,— говорил младший сын Таркиная синеглазому человеку, который бережно поддерживал черноволосую головку девушки.

— Тебе придется биться со мной, чтобы сделать это,— отвечал пленник, не сводя с руга спокойных синих глаз.

— Она — твоя жена? Рабыня?

— Моя невеста. Дай мне оружие, и я докажу это.

— Ты — *шатун*?

— Не понимаю.

— Вы пришли из *дыры*?

— Нас привел чародей. Он пытался задержать великанов.

— Он мертв.

Синеглазый вздрогнул.

— Ты уверен?

— Умер на моих руках.

— Тогда... можешь сказать, где мы?

— В стране ругов.

— Никогда о такой не слышал. Ты можешь помочь нам вернуться туда, откуда мы пришли?

— Нет. *Дыры* открываются и закрываются когда захотят. Никто не знает.

— Я слышал ваш уговор. Ты дрался за палицу своего отца. Она стоит в углу, на чурбаке.

Ярл скосил глаза к переносице, глянул на чучело тролля, повернулся и зашагал прочь.

— Эй,— услышал он сзади голос другого пленника. Кончик его носа стягивал стрый шрам, одежда была

убогой, и Ярл принял его за раба или слугу синеглазого.— Месьор варвар, назовите хотя бы свое имя, чтобы я, Дагеклан Железная Рука, мог поставить свечу во здравие того, кто освободил меня из узилища!

Ярл обернулся.

— Не знаю, о какой свече ты говоришь, ничтожный,— сказал он,— тебя все равно съедят. Я не стану забирать у вас женщину — ниже достоинства руга принимать вызов какого-то там *шатуна*. Зовут меня Ярл, сын Таркиная, и мне некогда разгадывать загадки и думать над вашим лукавством. В углу на чурбаке стоит только чучело, но я победил великанов, и теперь они должны отдать палицу...

— Палица представляет из себя дубину мореного дерева высотой около пяти локтей, утыканную железными шипами? — быстро спросил пленник в бедной одежде.

— Да, ничтожный.

— На ней есть красные полосы?

— Да...

— И крюк на конце?

— Откуда ты...

Ярл не закончил. Пленник резво выпрыгнул из пролома в прутьях и мигом очутился возле чучела тролля. Ударив ногой по чурбаку, он подхватил падающее тело уродца и, с видимой натугой поднял...

В руках его была палица Таркиная.

Не раздумывая, Ярл принял священную реликвию. Полыхнул и растаял багровый свет. И сразу же за спиной молодого руга раздался яростный вой великанов.

— Берегись! — крикнул Железная Рука.

Пыль, наполнявшая комнату, превратилась в стремительный вихрь снега и ледяных обломков. Ярл зашатался. Пальцы его разжались, палица всплыла вверх и исчезла в жуткой круговерти...

— Ты обманул меня, *шатун*! — успел крикнуть руг, чувствуя, как вихрь подхватывает его и увлекает навстречу гибели.— Ты заодно с ними!

...Страшный удар потряс стены Дома. Бревна треснули и в образовавшуюся дыру проникло нечто огромное, напоминающее дерево с вывороченными корнями. Ярл покатился по полу, рядом, пробив ветхий настил и глубоко уйдя в доски, рухнула священная палица. Перекатившись набок, младший сын Таркиная увидел огромный глаз, закрывший снаружи взявшееся невесть откуда окно.

По комнате, ставшей совсем маленькой, теряя ключья шерсти, метались разноцветные уродцы. Они толкали друг друга и лезли в подпол, в черное отверстие посреди комнаты.

Когда след локапал простыл, Ярл услышал ворчливый, уговаривающий кого-то голос:

— Нечего тут клевать, птичка, убирайся, откуда пришла! Кыш!

Дом снова дрогнул, огромная нога убралась наружу, оставив пролом в стене, глаз исчез.

— Шляется тут, — сквозь оседающую пыль стал виден гном, с деловым видом собиравший с пола какие-то осколки, — когтями стены раскурочивает... А только птичка Рох рудознатцу что курица. Эй, люди, вы живы ли? Ну совсем нельзя без присмотра оставить, передрались все-таки. У нас в Тюирялги говорят так: «Не пускай длиннонога в погреб, не захочет, а все равно горшки перебьет»...

Глава вторая МЕЧ, ПЛЕТЬ И ДУДКА

Чти отца своего!

Заветы Апраксая

Восемь рогов с натугой приподняли кривобокий стол и опрокинули его на крышку подпола, в котором исчезли локапалы. Поверх принялись наваливать раскуроченные птицей Рох бревна.

— Хорошо бы прибить крышку железными гвоздями, — сказал Дагеклан. — Надо спросить гнома, есть ли в доме гвозди.

Дядюшка Гнуб возник как раз при этих словах рыцаря. Он тащил поднос, уставленный полными кружками, — дабы отпраздновать победу.

— И опять я прав, — воскликнул недорослик, — отлучись только, как они уже глупостей всяких понаделают. Зачем стол повалили? Куда брагу-то ставить?

— Пить можно стоя, — сказал Мидгар, — а столом крышку придавили, чтобы великаны не вылезли и не помешали унести палицу.

— Непорядок это — выпивать стоя, — завопил гном. — А локапалы не вылезут, они сейчас далеко.

Люди удивленно переглянулись, потом Мидгар приказал водворить стол на место, что и было сделано.

— У нас в Тюирнлги говорят: «Не бей киркой по чем попало — и под скалой бывают провалы».

Гнуб поставил поднос на стол, потом ухватился за железную скобу и поднял тяжелую крышку подпола. Отступил и сделал приглашающий жест — взглянуть.

Первым к отверстию подошел Мидгар. Наклонился... и сразу отпрянул. Ярл удивленно покосился на брата и тоже заглянул в люк. Грубое его лицо вытянулось, на нем явно проступили удивление и страх. Он провел пальцами по щекам и пробормотал что-то неразборчивое.

— Что там? — спросил Конн, когда Железная Рука оторвался от созерцания таинственных недр и подошел к разбитым прутьям спущенной на пол клетки. Король так и сидел на куче соломы, бережно поддерживая бесчувственную девушку.

— Удивительно, но внизу находится то, что должно быть вверху, — отвечал рыцарь. Он казался спокойным, и только излишняя бледность выдавала его волнение.

— Не понимаю, — сказал Конн.

— В погребѣ полно звезд, государь.

— Звезд?!

— Черное небо, усыпанное ночными светилами. Воистину это достойно величайшего удивления...

— Ну вот, уже и разволновались. — Грохот и поднявшийся клуб пыли возвестили о том, что недорослик захлопнул крышку. — Зря разволновались, никто же вас туда не приглашает! Я поначалу тоже глаза таращил, а локапалы гоготали и пальцами в меня тыкали. Потом Кубера-Нор и говорит: ты, дядюшка Гнуб, привык под землей обитать, в рудах своих ковыряться, небось и звезд-то никогда толком не видел. Видеть-то видел, отвечаю, да только там, где им и положено быть — в просторах небесных, а не в погребѣ. А это, говорит, оттого тебе так удивительно, что темное ты существо, не в обиду будет сказано. Какую-нибудь калыпу назад я бы тебе доходчиво, говорит, все объяснил, а теперь и сам запмятовал. Помню только, речено было проро-

ком Иордой: «Что вверху, то и внизу» — без разницы, значит. И еще помню, говорит, что надлежит нам, Хранителям Стран Света, уйти через этот проход накануне времени. Ну вот, значит, они и ушли...

— А мне показалось, что странные существа бежали от чудовища, заглянувшего в окно, — задумчиво молвил Дагеклан.

— Это кто чудовище? — ощерил гном ровные крепкие зубки. — Это птичка Рох чудовище? Да она только с виду страшная, кто не знает, а так только дыньки поклевывает, ну еще пироги, если хозяйка зазеваается. У нас в Тюирнлги птичек этих издавна разводят — яйца несут немалые и весьма питательные. Одно яичко — и пять семей месяц сыты.

— А скажите, месьор Гнуб, если мне позволительно будет вас так называть, — продолжил Железная Рука, подходя к недорослику и помогая ему расставить по столу глиняные кружки, — каким же образом птица Рох попала из вашего родового поместья в эти суровые края? Или Тюир... простите, никак не могу выговорить это мудреное название — или ваши родные места находятся неподалеку?

— О! — воскликнул гном, срывая с кудлатой головы колпак и учтиво кланяясь. — Сколь приятно побеседовать с вежливым человеком! Признаюсь, я уже стал забывать, что значит «простите» и «позволительно». Злая судьба закинула меня из благословенных краев, где всегда тепло, где синее небо, где множество прекрасных, сияющих всеми цветами радуги камней, где привольно живет Маленькому Народцу, где лад и благоденствие — сюда, в жестокий, холодный, суровый и неприветливый мир! Увы, сиды бывают коварны, даже если кажется, что знаешь их вдоль и поперек...

— Очевидно, сиды — это злобные чародеи?

— Никак нет, уважаемый, сиды — это холмы, в которых обитает Маленький Народец, хотя имеются и существа, тоже именующие себя сидами. Но они ни при чем: я сам виноват, что полез в ту дыру за

сверкающим на дне самородком. А ведь свербило под ложечкой, да и с желудком не все было в порядке. Оплошал Гнубус, как есть оплошал, хоть и стыдно признаться. Доложу я вам, что сиды-холмы имеют некое свойство, давно известное и всячески используемое, а именно: войдя в один полый холм, можно выйти из другого совсем в ином месте, скажем, где-нибудь в Грабдргане или Суиндргроге... Очень удобно, не надо терять время на дорогу. Подобные проходы хорошо разузнаны и всегда приводят куда надо. Но в глубине холмов, там, где мягкие породы сменяются скальным основанием, существуют провалы, ведущие в неведомые пространства, и только фелиды, да еще альвы отваживаются в них опускаться. Меня занесло именно в такую дыру, и вот я здесь, оплакиваю судьбу свою!

— Удивительно! — воскликнул Железная Рука, забыв, что и сам очутился в суровой стране весьма необычным образом. — Воистину мир полон чудесами! И все же, месьор Гнуб, мне бы хотелось знать, где находится ваша страна и нельзя ли туда вернуться. Тщу себя надеждой, что, если такая возможность имеется, вы не откажетесь помочь заблудившимся путникам вновь обрести твердую почву под ногами. Сейчас, когда приведший нас сюда чародей погиб, наше пребывание среди холодных просторов теряет всяческий смысл. Я знаю, что гномы обитают в горах к северу от Гиркании. Слыхали ли вы о таких странах, как Аквилония, Немедия либо Бритуния?

Гном озадаченно погладил бороду.

— Увы, почтенный, я ничего не знаю об этих землях.

— Может быть, вам известны Карпашские или Рабирийские горы?

— Никогда о них не слышал.

— А Вендия, Кхитай, Уттар?

Гнуб отрицательно покачал головой.

— Асгард, Ванахейм, Гиперборея?

— И эти названия ничего мне не говорят, — отвечал гном. — Но даже если бы я знал хотя бы одну из названных вами стран, сие обстоятельство вряд ли возымело пользу: проходы, именуемые здешними обитателями *дырами*, открываются и закрываются по неведомым нам законам и предугадать, где нужно оказаться, чтобы попасть в желаемое место, практически невозможно.

— Но птица...

— Птичка Рох очутилась здесь, видимо, по той же причине, что и я, а именно — вследствие неосторожности и неуместного любопытства. Теперь она будет бродить по снегам, пугая местных жителей, пока кто-нибудь ее не съест. Здесь встречается немало подобных пришельцев, многие из которых явились из мест весьма странных и, очевидно, жутких. Их называют *шатунами*.

— Насколько я вас понял, пройдя через сиды, можно оказаться где угодно, даже очень далеко?

— Это так, — коротко отвечал гном, понурился головою: очевидно, мысли о горькой судьбине вновь принялись терзать душу недорослика.

Конн окликнул рыцаря, и Железная Рука подошел к королю. Они коротко обсудили свое положение и заключили следующее. Страна, где они очутились благодаря щиту атлантов, очевидно, лежит далеко на севере. Это не Ванахейм и не Асгард, иначе гном слышал бы эти названия. Руги не похожи ни на асов, ни на ваниров, черты их лиц с узким разрезом глаз более напоминают гирканских степняков, хотя одеваются они по-другому. Как бы то ни было, следует предпринять все усилия, чтобы выяснить как можно больше об этих краях, их обитателях и возможности возвращения в Аквилонию.

— Или в любую известную страну Туранского материка, — подытожил Конн. — Вы, месьор Дагеклан, оказали сыновьям Таркиная ценную услугу, обнаружив священную палицу, Мидгар, кажется, собирается

пить с вами заздравную чашу: это знак высшего доверия. Расспросите его поподробней...

— А вы, государь, разве не присоединитесь к застолью?

— Я не могу оставить Эльтиру. Мне кажется, как только отойду, она может умереть...

— Дозволишь ли, чужеземец, взглянуть на твою женщину? — раздался рядом голос Ярла.

За разговором рыцарь и король не заметили, как младший сын Таркиная подошел к ним, неслышно ступая ногами в мягкой обуви. Подошел от стола, за которым только что о чем-то совещался со старшим братом.

Ярл склонился над девушкой и медленно провел над ее бледным лицом раскрытыми ладонями. Зрачки его сбежались к переносице, губы шевелились, но слов не было слышно.

Наконец руг выпрямился и сказал бесстрастно:

— Жизненная сила почти оставила это существо. Если не помочь — скоро умрет.

— Кто может возвратить ее к жизни? — воскликнул король. — И что нужно отдать взамен?

— Ничего. Руги не помогают за плату. Только друзьям.

— Можешь ли ты назвать нас друзьями?

— Пока нет. Но вы и не враги, вы — гости. Можете отправиться с нами к очагам. Мать Большая Мартога решит, что будет дальше. А сейчас, в знак благодарности за помощь, мы хотим осушить с вами кружки.

— Ты не обидишься, если за стол сядет мой спутник? Я боюсь оставить раненую.

Ярл указал пальцем на свою раскрытую ладонь.

— Сейчас ей ничего не угрожает, — сказал он. — Я отдал часть силы. Больше не могу, не умею. Отвезем ее к Матери, она будет решать.

Конн взглянул в лицо девушки. Легкий, едва приметный румянец тронул ее щеки, веки подрагивали, дыхание было ровным. Король опустил ее голову на подстилку и, выбравшись из клетки, подошел к столу.

Прежде чем выпить, Мидгар, подняв кружку, провозгласил: «Арес и меч!» Он выжидающе посмотрел на короля и рыцаря, тогда Дагеклан, осенив себя круговым движением руки, ответил: «Во имя Митры!» — и все осушили кружки.

Брага оказалась вкусной и крепкой.

Из пролома, оставленного птицей Рох, несло снегом, но возле круглого очага, где стоял стол, было тепло, и бородатые лица рогов уже не казались такими суровыми. Руги поглядывали на гостей, ожидая, пока гном снова наполнит кружки.

— Кто бы вы ни были, пришельцы, — сказал старший сын Таркиная, поплевав на ладони и приглаживая волосы, — я, повелитель рогов, Мидгар Лисий Хвост, объявляю вам свое покровительство. Быть может, вас послали боги, дабы сбылось пророчество, и священная палица вернулась к хозяевам накануне *времени*...

— Мы ничего не знаем о *времени*, месьор Лисий Хвост, — сказал Дагеклан. — Сюда мы попали, спасаясь от страшной опасности, грозившей моему королю...

— Королю? — переспросил Мидгар, вопросительно взглянув на Конна.

— Перед тобой, достойный руг, властитель самой великой державы нашего мира, именуемой Аквилонией.

— Что ж, — кивнул Лисий Хвост, — хотя я и не слышал об Аквилонии, но рад, что говорю с равным. А ты — дружинник?

— Самый достойный из моей дружины, — сказал Конн.

— Значит, воевода. Арес и меч!

— Во имя Митры Пресветлого!

Снова выпили. Потом Дагеклан спросил:

— Скажи, достойный сын Таркиная, что это за *время*, о коем вы упоминаете, и что сулит его приближение?

Мидгар нахмурился. Помолчав, сказал:

— Я не могу открыть этого чужеземцам. Вы явились из Внешнего Мира в самый канун, и я не в силах

понять, к добру это или к худу. Пусть решает Мать Большая Мартога.

— Мы не хотим выведывать ваши тайны,— сказал Конн.— Моя невеста нуждается в помощи, остальное — неважно.

— Ты говоришь, как ругорум,— не слишком приветливо вставил Ярл.— Они тоже чрезмерно пекутся о своих женщинах.

— Позволительно ли будет узнать, кто такие эти ругорумы? — спросил Железная Рука.— Если, конечно, это не тайна.

— Не тайна,— сказал Мидгар.— Ругорумы — обитатели Города. Так они себя называют. Мы зовем их отступниками. Когда-то они изменили заветам предков и пошли в услужение к ямбаллахам.

— Не хочу показаться навязчивым,— осторожно продолжал расспросы рыцарь,— но не мог бы ты, достойный руг, поведать заодно и о ямбаллахах?

Прежде чем открыть историю своего племени, причудливо сплетенную с историей удивительных ямбаллахов, Мидгар еще раз помянул меч и Ареса, кружки были опорожнены, и старший сын великого Таркиная приступил к рассказу.

...Арес, бог Великих Небес, создал множество земель, и, дабы существа, коими он их населил, не могли объединить свои усилия и воспротивиться его власти, поставил Хранителей, призванных стеречь стороны света. Создания земные плодились и размножались, среди них нарождались существа удивительные и весьма могучие, гордые и непокорные. Они восставали против небожителей, и тогда Арес в сопровождении дружины спускался на землю и воевал ослушников, разя их огненными дисками и громовыми молниями. И все бы текло заведенным порядком, если бы не Прокрум, богатырь из Древних, сумевший пробраться на гору Меру, где обитали боги, и украсть Напиток Забвения. Прокрум напоил небесным зельем Хранителей, и те утратили часть своего могущества. Явилась земным созданиям воз-

можность разгуливать между странами, и решили они объединить усилия, дабы сразиться с богами. Тогда произошла Великая Битва, длившаяся зиму и лето и еще зиму, и боги одолели.

Но Арес не успел водворить прежний порядок: случилось предательство. Часть дружины во главе с воеводой Мажиком отложила от верховного бога и вступила с ним в противоборство. Битва сия была ужасна: содрогались и рушились горы, огромные волны вставали из морей, обрушиваясь на землю и поглощая ее в своих глубинах, небесная твердь раскололась, а гора Меру стала погружаться в пылающие недра. Мир стал непригоден даже для богов, и они покинули его на огромных летучих кораблях.

Сражение продолжалось там, где нет ничего, ни земли, ни неба, только холодные звезды. Огненные молнии летали от корабля к кораблю, и когда они достигали цели, в пустоте расцветали огромные огненные шары. Наконец дружинники Ареса победили, и последний корабль Мажики рухнул в сполохах пламени обратно на землю. Арес же решил удалиться к звездам, дабы навсегда забыть мир, который создал, и обитатели коего восстали против него. Бог рассудил, что неблагоприятные земные существа достойны лишь таких же, как и они сами, предателей.

Предатели из дружины Ареса именовались ямбаллахами.

Они не все погибли при падении корабля, ибо тот был величиной с гору. Он раскололся на три куска, и все три упали неподалеку друг от друга посреди огромной страны, окруженной огнедышащими горами.

В те давние времена страну эту населяли мелкие племена, именовавшиеся по месту своего обитания людьми болот, полей или оврагов, пребывали они в полном ничтожестве, питались кореньями и мышами, не ведали богов, не воздвигали кумиров, и верховодили у них женщины. И только один народ был выше других, а посему властвовал и получал дань с дикарей,

собиравших для господ своих в болотах, где обитала жуткая нечисть, священные грибы охму — дарующие силу тем, кто знал, как их готовить. Никто уже не помнит, как именовался сей народ, известно только, что это были остатки некогда могучего племени, уцелевшие после битвы богов, повлекшей мировую катастрофу. Известно также, что в то время, когда на землю упали осколки корабля ямбаллахов, властвовал над этим народом Великий Апраксай, и было у него три сына: Руг, Кунн и Дамбило.

Великий Апраксай ведал многое из того, что скрыто от прочих людей, посему он сразу понял, что произошло. Призвав сыновей, сказал он так: «Бог отвернулся от нас, ибо многие из тех, кого он создал, восстали против него. Вот — и дружина его предала и восстала. Поверг Властитель Небес непокорных, вот — ямбаллахи низринуты, и хотят теперь властвовать над нами. Пойдите и убейте их, пока не остыли стены кораблей их».

И сыновья, оседлав резвых коней, отправились туда, где пылали посреди степи обломки летучей ладьи.

Но не смогли приблизиться из-за жара, исходящего от стен. И тогда решили послать младшего брата по имени Дамбило, ибо был он не от мира сего, а попросту говоря — дурачок. А среди предков ругов бытовало мнение, что дурочкам везет.

Мнение сие оказалось совершенно верным: Дамбило смог приблизиться к обломкам и отворить двери, запиравшие входы. Дружина братьев бросила в отворенные проходы копья и дротики и ворвалась внутрь, размахивая дубинками.

Руг ворвался в самый большой осколок корабля ямбаллахов, Кунн — в тот, что поменьше, а Дамбило никуда врываться не стал, он просто бродил поодаль, срывал полевые цветы и мастерил венки.

Уцелевшие после молний Ареса ямбаллахи еще не обрели прежнюю силу после падения на твердь земную и не смогли оказать сопротивления: их грозные огненные диски и иное оружие отчего-то не могло тогда

действовать. Но хитроумные небожители вступили с людьми в переговоры и сумели откупиться дарами: Ругу достался волшебный меч, Кунну — не менее чудесная плеть. Дамбило ни на какие дары не претендовал и вообще смутно понимал, что происходит, однако братья сочли, что негоже младшему сыну Апроксаю оставаться без подарков, и ямбаллахи преподнесли ему чудесную дудку, невзрачную на вид, но обладавшую диковинной силой.

С этими дарами братья вернулись к отцу, ожидая похвал, ибо только побежденные откупаются от победителей данью. К их удивлению Великий Апраксай впал в гнев и даже поколотил сыновей палицей, всячески порицая за необдуманные действия. Досталось и младшему, хотя он в военном совете братьев участия не принимал и, как уже было сказано, в переговоры с пришельцами не вступал.

Несколько поостыв, Апраксай разразился длинной речью, суть коей сводилась к тому, что молодежь совсем отбилась от рук и не желает слушать старших. «Говорил: пойдите и убейте, — kloкотал старик, — а вы? Вот — обманули вас, наберут силу, явятся и одолеют, и будем им данниками!»

Руг как самый бойкий из братьев, осмелился перебить и, потрясая дарованным мечом, заявил, что никакие ямбаллахи ему теперь не страшны. Он уже опробовал небесное оружие и уверился в его неодолимости. В подтверждении своих слов он тут же продемонстрировал отцу действие меча, свалив одним ударом ближайшую дубовую рощу. Кунн решил не ударить в грязь лицом, взмахнул ямбаллаховой плетью, и вода в реке Волчья Сыть, на берегу которой стояли очаги, закипела. Только Дамбило отнесся совершенно равнодушно к разборкам между старшими — сидел поодаль да в дудку поплевывал.

Апраксай снова вышел из себя и стал кричать, что неразумие сынов его подобно глупости женщин, получивших в награду за ночь любви костяной гребень да

гляняную свистульку. «Малым откупились ямбаллахи,— кричал он, потрясая священной палицей, символом своего могущества, и норовя снова перетянуть братьев по широким спинам,— а как пустят против вас громовые стрелы да летучие диски — волками взвоете! Волками взвоете, да ящерицами пресмыкаться станете! Прочь с глаз моих!»

Сыновья обиделись и ушли каждый в свои земли. От Руга пошел народ ругов, обитателей речных берегов, по имени второго брата потомки его нареклись куннами и поселились в степях, судьба же Дамбило, ушедшего со своей дудкой в густые леса за болотами, осталась неведома. Иные утверждают, что пошли от него мелкие племена, покорившиеся впоследствии как ругам, так и ругорумам, другие же придерживаются мнения, что мелкие племена сидели по лесам и раньше, Дамбило же, благодаря дани ямбаллахов, обрел дар пророчества и предсказал наступление *времени*, но это сомнительно, так как всем известно, что предсказателем был Блаженный Иорда, отшельник из Темного Распада...

На этом месте Мидгар прервал свой рассказ, чтобы в очередной раз приложиться к браге. Руги слушали своего вожака внимательно и одобрительно кивали головами. Ярл глядел в куржку и хранил молчание.

— И что же небесные пришельцы? — спросил Дагеклан, сдвинув свою посудину с Мидгартовой и осушив до дна. — Обрушили свою мощь на ваших предков?

— Нет, — сказал Лисий Хвост с некоторой досадой, словно сие обстоятельство было не к чести его прародителей, — ямбаллахи ушли к подножию горы Меру и построили там Город. Они затворились за толстыми стенами и больше оттуда не появлялись...

— Возможно, боялись опрометчиво подаренного оружия?

Мидгар в сердцах хлопнул по столу широкой ладонью.

— Хотелось бы мне, чтобы это было так, чужеземец! — воскликнул он. — Хотелось бы мне, чтобы пред-

ки одолели надменных небожителей и утвердили власть свою по всей стране Огнедышащих Гор! Но лукавство недостойно настоящего воина, поэтому я скажу правду. Ямбаллахи были сильны, очень сильны. Ни меч Руга, ни плеть Кунна не могли соперничать с их грозным оружием, способным испепелить целое войско еще в двух переходах от стен Города. Много храбрых воителей пытались взять сию цитадель приступом, но все сложили головы. Небожителям не нужно было даже выходить за стены, чтобы одолевать людей: воистину, даже худшие из небесной дружины были столь могучи, что нам и не снилось! И тогда вождь по имени Хруд решил пуститься на хитрость.

И Мидгар поведал, что это была за хитрость, увенчавшаяся полным успехом. Правда, на ее осуществление понадобилась жизнь не одного поколения, и все же, в конце концов ямбаллахи заплатились за свою надменность.

Предание гласит, что в один далеко не прекрасный для небожителей день явились к ним благообразные старцы, безоружные, лишь с музыкальными инструментами в руках. Они были допущены в Город пред очи Мажика и, усевшись рядком, ударили в струны и жалобно запели песню-мольбу, суть коей сводилась к нижайшей просьбе всех подвластных и неподвластных ругам племен дать им мудрых наместников, дабы мир и согласие воцарились среди людей.

Правитель ямбаллахов весьма возрадовался подобному обороту дела: он устал от битв в небесах и от докучливых земных обитателей и жаждал покоя. Ямбаллахи жили в своем городе в роскоши и довольстве и теперь не помышляли ни о соперничестве с Аресом, ни о власти над людьми. Мажик отрядил наместников, которые поставили города на берегах рек и обучили племена хлебопашеству, ремеслам и торговле. Лишь тайну своего оружия скрыли ямбаллахи.

Руги же, согласно коварному плану, вели себя ниже травы, тише воды, а их вожди даже поселились в кре-

пости небожителей, якобы для того, чтобы учиться искусству управлять народом своим, на самом же деле лелея лишь одну корысть: овладеть секретом великого разрушения. И весьма в том преуспели.

Надо сказать, что женщин у ямбаллахов было мало, очень мало. В чем причина тому — не ясно. Как бы то ни было, хоть и были ямбаллахи почти бессмертны (жили по многу веков, и только небесное оружие Ареса могло их убить), но лишь у каждого сотого рождался наследник, и небожителям рано или поздно грозило вымирание.

Когда вожди ругов завоевали доверие своих новых покровителей, один из них, называемый громким именем Победитель Света, предложил Мажикю, в знак дружбы и взаимного расположения, одну из своих жен, красавицу Светану. Поначалу Светана пришла в ужас и хотела тут же перерезать себе горло напейным ножом, но, будучи приведена в покой мятежного небесного воеводы, тотчас в него влюбилась.

Ямбаллахи, хоть и выше локтя на три людей, безобразными не были. Лица у них были цвета красной меди, носы прямые и длинные и начинались выше бровей. Ходили они по пояс обнаженными, тела их были мускулистыми, отлично скроенными, хотя руки — излишне длинными. Говорят, они умели петь высокими красивыми голосами.

Светана возлегла с Мажиком, который оказался, несмотря на изрядные свои размеры, нежным и страстным любовником. От этого союза родился маленький ямбаллах, ставший наследником повелителя. Ростом он вышел не больше обыкновенного человека, но в остальном во всем походил на отца и силой обладал неимоверной.

С тех пор и повелось среди ябаллахов брать в жены человеческих женщин. Иногда от этих союзов рождались ямбаллахи, иногда люди, и вскоре кровь великанов и ругов, державших первенство среди племен, настолько перемешалась, что стали они почитать друг друга

ближайшими родственниками и во всем друг другу доверять.

Вернее, доверчивыми оказались небожители: руги же, помня о своем плане, в конце концов завладели тайной чудесного оружия и изгнали ямбаллахов из страны. Сему предшествовала великая битва у подножия священной горы Меру, и вождь ругов Ория одолел в ней Мажика с его войском.

Лишенные своих огненных дисков и громовых стрел, ямбаллахи бежали через горные хребты и навсегда сгинули в неизвестности. Победители же поселились в Городе и самодовольно прозвали себя ругорумами, что значит — лучшие среди ругов.

Причина взять себе новое название была веской. Не все из народа Мидгара и Ярла ушли в Город. Часть ругов, верная заветам Апраксия, осталась жить по берегам рек и блюсти обычаи предков. Священная палица передавалась из поколения в поколение, символизируя неизбежность устоев, пока не была украдена локапалами...

А значит, настал канун *времени*.

— Только мы — настоящие руги, — гордо заключил свою речь старший сын Таркина, — и мир будет принадлежать нам! А отступники пусть прозябают за толстыми стенами.

— Не сомневаюсь, что у тебя есть все основания так говорить, — осторожно сказал Дагеклан, — но разве ругорумы не пустили в ход грозное оружие ямбаллахов, чтобы подчинить страну Огнедышащих Гор?

— Ругорумы? — с презрением переспросил Ярл. — Эти изнеженные бездельники с тонкой кожей и мягкими руками? За долгие годы, проведенные в стенах Города, они утратили всяческую волю и мужество. Теперь они прозябают там и только летом выбираются наружу. А зимой властвуем мы, пока — только зимой... Наступит *время* и...

Мидгар стукнул кулаком по грубым доскам стола, прерывая речь брата.

— Довольно! — воскликнул он. — Мы и так сказали слишком много. Нельзя позволять браге развязывать язык. Отправимся к Большой Матери, она знает, что делать. Собирайтесь, чужеземцы, мы выступаем в обратный путь.

Железная Рука глянул в пролом, из которого несло снежной крупой, потом на свои нижние штаны и рубашку. «О Митра, — подумал рыцарь, — за всю жизнь мне не доводилось столько бывать на людях в исподнем». Вслух он сказал:

— Мы последуем за вами, достойные руги, в надежде на помощь вашей уважаемой матушки. Но у нас на руках раненая женщина, а путь под снегом и в темноте, судя по всему, неблизок. Не лучше ли дожидаться утра?

Восемь глоток разом исторгли громовые раскаты хохота. Руги смеялись, задрав к потолку бороды и прихлопывая в ладоши. Рыцарь невольно опустил руку к левому бедру и сильно пожалел, что при нем нет меча, отобранного коварными великанами.

— Утра! — хохотал Мидгар. — Утра! Долго же придется тебе ждать, чужеземец!

— Когда же кончается ваша ночь? — спросил Дагеклан, едва сдерживая желание поучить насмешников если не мечом, то хотя бы кулаком.

— Летом, — гаркнул кто-то из ругов, — она кончится летом, коротконосый!

Глава третья БУЛАВА И МЕЧ

Как вихрь отчаянный степняк
Промчался на коне,
Стрелу пустил коварный враг
И скрылся в темноте...

«Песня степей»

Конн и Мидгар ехали бок о бок на маленьких лохматых лошадах сквозь снежные вихри. Король бережно поддерживал укутанную в медвежью шкуру Эльтиру, по-прежнему бесчувственную и безмолвную, с едва теплящейся искрой жизни под плотно закрытыми веками. Плечи Конна прикрывал грубый шерстяной плащ, позаимствованный в Доме великанов.

Дагеклан ехал рядом с Ярлом. Позади рыцаря пригнулся гном, зарывшийся в лисью шкуру: шкуры как раз хватило, чтобы укрыть недорослика с головы до пят.

Дядюшка Гнуб напросился с людьми, сказав, что только и мечтал о том часе, когда сможет покинуть ненавистное жилище локапал. «У нас в Тюирнлги говорят, — заметил он по своему обыкновению, — не строй конуру бритвозубу, все равно убежит. Судьба моя горькая, разнесчастная, а только гном никогда не унывает. И еще — гном, он счастье приносит, если к кому душой повернется. Вы мне, длинноногие, понравились, особен-

но месьор Железная Рука — за его обходительность и похвальное проворство. Так что, возьмете с собой — в накладе не останетесь».

Получив согласие Дагеклана и короля принять его в компанию, дядюшка Гнуб тут же решил подтвердить слова о приносимой им удаче, заявив, что знает, где локапалы спрятали отобранное оружие пришельцев. Руги переглянулись, и Мидгар тут же потребовал сдать оружие ему.

— Таков обычай, — сказал он, вспомнив, что Конн и Дагеклан все же не пленники, а гости. — Приедем к очагам, там Мартога решит, можно ли вам до конца верить.

Такая прямолинейность неожиданно пришлась по душе рыцарю, и он не стал протестовать. Конн, занятый поисками одеяла для Эльтиры, промолчал.

Гном повел всех по скрипучим ступеням в хлев, открыл маленькую дощатую дверцу и зажег масляный фонарь. В его свете тускло блеснула сталь двуручного меча и полированное ложе арбалета.

Последний не привлек внимания ругов, а вот перед оружием Дагеклана они застыли в полной растерянности.

— Ты — жрец Ареса? — проговорил наконец Мидгар, искоса поглядывая на рыцаря.

— Вашего бога? Но почему ты так решил?

— Этот меч — кумир Повелителя Небес, — сказал Ярл.

— Ты ошибаешься, достойный руг, это всего лишь оружие. Я прихватил меч во дворце аквилонского короля, дабы иметь возможность достойно противостоять опасностям, нас поджидающим. К большому сожалению, должен признаться, что не смог устоять с ним против локапал...

— Если так, то это действительно только меч, — задумчиво проговорил Мидгар. — Покажем его Мартоге.

Он приказал своим людям забрать оружие рыцаря, потом поднял тяжелый арбалет, повертел перед глазами и даже понюхал.

— Что это?

— Приспособление для посылания сразу нескольких стрел в цель.

— Разве у вас не пользуются луками?

— Пользуются, но самострел бьет дальше, а этот заряжается сразу семью тяжелыми болтами.

Мидгар презрительно пожал плечами и отдал арбалет одному из воинов.

— Только ругорумы прибегают ко всяким ухищрениями, коих полно в Городе. Мы предпочитаем использовать то, что завещали предки.

— Однако я не видел у вас луков, — сказал Дагеклан.

— Мы прибыли к локапалам для переговоров, — сказал Мидгар. — Посему — безоружными.

Железная Рука не стал спрашивать о копьях и дубинках: очевидно, руги их за настоящее вооружение не считали.

Вскоре рыцарь смог убедиться в своих догадках: обстоятельство это чуть было не стало роковым для сыновей Таркиная и их дружины. Они довольно долго ехали по снежной равнине в полном молчании.

Священная палица, обернутая рогожей, была приторочена к седлу Мидгара. Колочий ветер забирался под шкуры, в которые кутались гости ругов, сами же они, привычные к пурге и распутице, казалось, не испытывали никаких неудобств. Когда миновали холм с кривым деревом, Лисий Хвост указал в его сторону и сказал, кто покоится на вершине.

— Надо забрать тело с собой, — Конн сделал жест рыцарю, — похороним его как следует, в земле.

Они въехали на холм, и руги отвалили мерзлые комья, прикрывавшие покойника.

Под комьями обнаружилась смятая, промерзшая одежда, еще хранившая очертания человеческого тела. Само тело горбуна исчезло бесследно.

— Чародей он чародей и есть, — сплюнул Ярл, словно сам недавно не оборачивался волком. — Только слуги тьмы попадают в Нижний Мир в телесной оболочке.

Это событие не прибавило ругам разговорчивости. Снова двинулись сквозь снежную кутерьму. Лошадки уверенно шлепали по грязи, пробивая тонкий мерзлый наст, земля под копытами чавкала. Равнина казалась бесконечной, а время — замерзшим и застывшим, как редкие деревья, искривленными тенями проплывавшие по сторонам едва приметной тропы.

И вдруг на этой тропе возник человек. Человек кутался в шкуру, из-под которой торчали голые ноги в легких сандалиях. Он глядел в землю, но все же брел вперед, спотыкаясь, охая и стона, клоня худосочное тело навстречу ветру. Когда всадники приблизились, стало видно, что волосы на непокрытой голове странника выстрижены в кружок, одно ухо отсутствует, ноздри разорваны, а пустая левая глазница заткнута окровавленной тряпкой.

Человек чуть было не столкнулся с лошастью Мидгара, но, подняв единственный глаз и узнав, видимо, старшего сына Таркиная, упал в грязь на колени и припал губами к носку мехового сапога.

— Кто ты? — спросил Мидгар.

— Повелитель, — забормотал человек, — повелитель... Горе-то какое...

— Вижу, отец был у вас?

— Великий Таркинай приезжал прощаться в Каприю...

Незнакомец закашлялся, изо рта у него потекла густая черная кровь.

— Так ты из Каприи. Горе твоё велико, если ты лишился себя глаза.

Человек выплюнул кровавый сгусток и пробормотал:

— Наше горе больше, чем гора Меру, повелитель. Если бы я мог, то сам вырвал бы себе очи... Но у меня семья и пятеро малых детишек. Глаза лишили враги...

— Кто посмел это сделать, каприец, кроме твоего законного повелителя?

— Кунны! Они налетели, как саранча, они надругались над святынями, они ворвались в дома и насиловали женщин... И мою жену тоже! О, если бы я мог, я бы дрался с ними, как лев, и лучше бы умер, чем отдал мою Настию! Но зима, повелитель, эта проклятая зима... Пищи мало, сил мало, мы ничего не смогли поделать...

— Молния Ареса! — вскричал Мидгар так, что его лошадка встала на дыбы и громко заржала. — Кунны осмелились вступить в наши пределы!

— Убьем их! — гаркнул Ярл, и клич его тут же подхватили остальные руги.

— Отомстите, — прохрипел каприец, — отомстите за мою жену и всех павших. А вам — боги простят...

Он захрипел и повалился в мелкий снег. Руги не обратили на это никакого внимания.

— С нами палица Таркиная! — ревел Мидгар. — Вперед!

Воины ударили пятками в бока лошадей и быстро исчезли среди летящего по ветру снега. Дагеклан соскочил с коня и склонился над неподвижным каприйцем. Тот был мертв.

— Надо догнать их. — Конн, не привыкший ездить без седла и стремян, старался пустить свою лошадку следом за ругами. — Вперед, Дагеклан, нельзя терять нашу единственную надежду!

Они нагнали дружину сыновей Таркиная, когда сквозь снежные вихри уже проступили стены Города.

Станный это был Город: его не окружали крепостные стены, не было и башен с дозорными. Дома начинались сразу за мелким ручьем и тоже были странные. Казалось, какие-то гиганты забавлялись, складывая огромные глыбы, да так плотно, что между ними не было и щелочки. Строения были круглыми либо овальными, с круглыми же окнами, с крышами, похожими на перевернутые суповые миски. Многие входы были завалены камнями и бревнами, возле других завалы кто-то разобрал, раскидав их с небрежной поспешностью. Город, очевидно, был велик: какие-то лестницы с высо-

кими ступенями убегали во тьму, маячили каменные статуи с отбитыми руками и головами, а посреди круглой площади, на которую выехала дружина ругов, лежал, припорошенный снегом, огромный скелет неведомого чудовища.

В проеме между домами, восседая на темно-гнедой лошади с черной гривой, уперев в бока руки в железных рукавицах, неподвижно высился всадник. Ветер трепал край плаща, подбитого богатым мехом, лицо под железным шлемом корчило страшные гримасы. Завидев ругов, всадник поднял руку, на запястье которой висела каменная булава, словно приветствуя прибывших.

— Мидгар! — проревел он сквозь свист ветра. — Здорово, братушка!

— Я не брат тебе, — отвечал наследник Таркиная, придерживая свою лошадь. — Ты знаешь, Опас.

— Разве все мы не потомки славного Апраксая?

— Ты враг, — сказал Мидгар. — Зачем пришел к нам и убиваешь наших данников?

— Данников? А чем они платят — мясом *шатунов*?

Он кивнул на скелет, с которого дочиста была снята вся плоть.

— Не твое дело, кунн! — рыкнул Лисий Хвост. — Убирайся, откуда пришел!

— Не следует тебе быть столь заносчивым, — сказал Опас. — У вас нет мечей и луков, чем станете драться?

— Я разорву тебе глотку голыми руками! — Ярл выехал вперед и отбросил копье. — Выходи, померяемся силами.

— А, младшенький, — хохотнул кунн, трогая лошадь. Когда он выехал под тусклый багровый свет, льющийся от низких облаков, стало видно, что лицо его совершенно недвижно, а страшные тени, словно змеи, таятся в расщелинах кожи многочисленных шрамах. Тени шевелились, и казалось, что кунн угрожающе морщится.

Между каменными стенами возникло движение — десятки всадников выдвигались из темных проемов,

холодный свет играл на их шлемах и наконечниках стрел, направленных на ругов.

— Зачем мне с тобой драться? — В голосе Опаса звучала насмешка. — Мой знак — и все вы умрете.

— Не сделаешь этого, — уверенно сказал Мидгар.

— Почему же?

— Ты — вождь Опас Резвый, многим ведомо твое имя. Не станешь его марать.

— Ты прав, негоже убивать безоружных. Да и дело-то, за коим мы явились, пустячное. Тощие ваши данники нам не нужны, это уж мы так порезвились, для порядку. Ежели дело сладим, то миром разойдемся...

— Говори, кунн, не тяни.

— Скажу. Теперь, когда ваш отец отправился на Ледяные Поля, настало время восстановить справедливость. Палица предка нашего, Апраксая, передавалась в вашем племени, но это неправильно. Мы, кунны, гораздо ревностнее храним заветы отцов. Среди нас не было отступников. Значит, палица наша!

— Сам придумал или подсказал кто?

Мидгар запустил руку под рогожу, явно отстегивая ремни, которыми огромная дубина крепилась к спине лошади.

— Так объявили наши гадатели.

— Сдери с них кожу и отпусти гулять по морозу. Они солгали.

Опас поиграл своей булавой.

— Значит, не хочешь миром? — В голосе его прозвучала плохо скрытая радость.

Лисий Хвост все возился с ремнями.

— А вот это зря, — снова хохотнул кунн. — Если не хочешь отдавать добром, зачем отстегивать? Или забыл, что палицу нельзя пускать в ход, пока не испита Отходная Чаша?

Мидгар застыл, так и не отвязав дубину. Лицо его помрачнело. Очевидно, кунн был прав, и до вождя ругов дошло, что он оказался перед лицом врага без всяких шансов на победу. Наблюдая за этой сценой, Дагеклан

старался подавить растущую тревогу — подобно ругам, рыцарь довольно неуютно чувствовал себя без оружия.

— Не зря говорят: коварен, как кунн. — Голос Мидгара звенел от гнева, словно струна под пальцами игроца. — Ты заманил нас в ловушку. Гнев затмил мне глаза! А теперь хочешь, чтобы мы добровольно расстались с нашей святыней. Не бывает этому!

— У тебя есть два выхода, — сказал Опас, не скрывая торжества. — Ты можешь пустить в ход Священную Палицу и одолеть с помощью ее чудесной силы. Тогда ты лишишься власти, ибо не выпил Отходную Чашу. А можешь отдать палицу мне и сохранить власть над ругами. Но руги станут данниками куннов...

Слова его были прерваны диким гиканьем и свистом: зажав в зубах железный нож, Ярл ударил пятками в бока своей лошади, и та взяла с места столь резво, что, успей столкнуться грудь в грудь с гнедым Опаса, сшибла бы его непременно. Однако Ярл тут же покатился в снег, опутанный кожаными ремнями: кто-то из куннов успел метнуть боло.

— Не заставляй своих людей умирать попусту! — гаркнул Опас, подняв булаву. — Махну — и стрелы сразят твоих воинов!

Тут он увидел, как из-за спин рогов выехал невысокий человек, закутанный в медвежью шкуру. Лицо человека было невзрачно, кончик носа стянут старым шрамом, но глаза горели отвагой, а голос, когда он заговорил, странно произнося слова, звучал твердо.

— Месьор Опас Резвый! — провозгласил всадник, который был по меньшей мере на голову ниже предводителя куннов и в полтора раза уже в плечах. — Я, рыцарь Дагеклан Железная Рука, нашедший кровительство и доброе отношение месьора Мидгара, сына Великого Таркиная, готов отплатить ему за гостеприимство и бросаю тебе вызов. Если тебе ведомы законы чести, предлагаю решить спор поединком. Готов биться с тобой как конным, так и пешим, на копьях, мечах, палицах или любым иным угодным тебе оружием.

Опас уставился на говорившего с мрачным изумления. Он не видел оружия всадника, более напоминавшего слугу или раба, чем воина. И все же вождь куннов понимал, что перед ним настоящий боец, привыкший, чтобы с ним говорили и бились на равных.

— Из какого ты племени? — спросил он, опустив булаву и снова уперев в бока огромные ручки.

— Кампанарии предпочитают не вспоминать о собственной родине. Мы принадлежим всему хайборийскому миру.

— Никогда не слышал ни о племени кампанариев, ни о хайборийском мире, но вижу по твоим шрамам, что человек ты бесстрашный. Если хочешь умереть, давай сразимся. При мне моя булава, но твоего оружия я что-то не вижу.

Дагеклан повернулся к предводителю рогов.

— Месьор Лисий Хвост, — сказал он с поклоном, — не будешь ли ты любезен вернуть мне двуручный меч? Хотя бы на то зремя, кое понадобится, чтобы убить твоего врага.

— Ты поступаешь как друг, — кивнул Мидгар. — Я сам бы разделался с этим коварным кунном, но обычай запрещает мне вступать в схватку, пока не испита Чаша. Что ж, сразись, чужеземец, и да будет на все воля богов.

Руг, к лошади которого был приторочен обернутый в рогожу меч Дагеклана, размотал ремни, и рыцарь принял оружие.

— И вот еще что, — сказал он, обращаясь к предводителю куннов. — Условием поединка должно стать разрешение спора. Если я одолею, Священная Палица остается у ее владельцев, а вы уходите.

— Справедливо, — кивнул Опас.

— И еще: я желаю драться пешим. Если ты не против.

— Хоть пешим, хоть конным, но, сдается, ты даже не сможешь поднять свою железку!

Рыцарь молча соскочил с лошади, по щиколотку утонув в снегу. Отбросил покрывавшую плечи шкуру,

крутанул над головой мечом — лезвие со свистом рассекло холодный воздух.

— Ладно,— буркнул Опас,— поглядим, на долго ли тебя хватит...

Он двинул своего коня, но Мидгар предостерегающе поднял руку.

— Мой боец не может драться в худой одежде и без обуви,— сказал он.— Разве это будет по чину тебе, вождь славных куннов? Откар, дай чужеземцу свои сапоги, штаны и куртку.

Руг, только что отдавший меч Дагеклану, молча скинул меховую одежду и протянул рыцарю, оставшись в длинной теплой рубахе и плотно обтягивающих шерстяных чулках.

— Теперь все? — хмыкнул Опас, поигрывая булавой.— Зря отдал, пропадет одежонка.

— Я готов,— сказал рыцарь.— Начнем.

Предводитель куннов ударил коня левой ногой, и тот пошел боком, давая хозяину возможность ударить с правой руки. Каменная булава легко взметнулась и понеслась в голову Дагеклана. Багровые отблески окрасили камень в зловеющий цвет, словно тот уже раскроил череп врага и напился кровью. Однако рыцарь отбил удар и сразу же нанес свой, целя в живот противника. Гнедой заржал и отпрянул, острое двуручного меча едва задело кожаный нагрудник кунна, оставив на нем неширокую прореху.

— Неплохо, коротышка! — гаркнул Опас, разворачивая коня и снова атакуя.

Он взмахнул булавой, но не обрушил ее сверху вниз, а изменил направление удара на боковое, пригнувшись и стараясь ударить рыцаря по ребрам. Железная Рука бросил широкое лезвие меча вниз и в сторону, парировав хитрый выпад. Кунн еще поднимал свое оружие, когда рыцарь нырнул ему под руку и достал клинком бедро противника. Кожаная штанина лопнула, окрасившись кровью.

Дагеклан тут же отскочил, внимательно следя за кунном. Опас смотрел на свою ногу, словно не в силах

поверить, что это его кровь заливает штанину. Потом гикнул и бросил коня вперед, стараясь затоптать наглеца, осмелившегося скрестить с ним оружие. Он тут же поплатился за свою неосторожность: рыцарь отпрянул в сторону и сделал выпад. На этот раз меч ударил в предплечье, Опас взвыл и поднял гнедого на дыбы, бесцельно размахивая булавой так, словно внезапно ослеп.

Руги торжествующе завопили.

Теперь кунн понял, что поединок будет нешуточным. Быстрым движением он перекинул из-за спины большой круглый щит, обитый медными пластинами, и прикрылся им от бедра до подбородка. Снова ударил пятками в бока гнедого и ринулся в бой.

Очередной выпад рыцаря Опас отбил тяжелым щитом, сам же нанес удар, на сей раз более удачный: булава вскользь задела плечо Дагеклана, но и этого хватило, чтобы рыцарь качнулся и едва устоял на ногах — ярость удвоила и без того недюжинную силу предводителя куннов.

Противники снова сблизились. Замах — резкий свист — грохот удара... Сталь ударяла о камень, когда кампанарий отбивал удары Опаса, звенела медь щитовойковки под тяжелым клинком. Они кружили посреди взрытого, перемешенного с липкой грязью снега, под вопли ругов и куннов, подбадривавших своих бойцов, кружили в багровом свете, отблески которого лежали на низких перистых облаках — наступая, отступая, нанося удары...

Кровь струилась из рассеченного бедра кунна, из раны на руке, кровь пропитала разорванный меховой рукав рыцаря. Бойцы двигались столь стремительно, что красные капли падали далеко в стороне, там, где снег был еще нетронут, окрашивая ледяную корку зловеющей сыпью.

Вскоре оба противника начали уставать, движения их замедлились. Хлопья пены покрывали морду гнедого коня Опаса. Конь фыркал и плохо теперь слушался

хозяина: привыкший к стремительной скачке по вольным степям, он ошалел от долгого топтания на месте и все больше пугался мелькавшей, словно смертельный вихрь, стали в руках пешего человека. Опас изо всех сил колотил гнедого пятками, но это мало помогало.

И все же Дагеклан чувствовал, что долго ему не продержаться. Он никак не мог поразить противника, прикрытого крепким щитом, все труднее становилось отбивать мощные удары каменной булавы. Рыцарь понимал, что пора нанести решающий удар, иначе все кончится плохо.

Тут он заметил, что одна из медных пластинок щита кунна отскочила, открыв мореное дерево. Железная Рука застыл, подняв над головой тяжелый двуручный меч, и, когда Опас снова двинул коня вперед, нанес удар, вложив в него все оставшиеся силы. Лезвие глубоко врезалось в доску, резкий поворот клинка — наручные ремни лопнули, и щит отлетел далеко в сторону.

Теперь противник был открыт. Дагеклан приготовился сделать выпад, чтобы поразить вожака куннов в грудь, но тот вдруг натянул веревочные поводья, развернул гнедого и поскакал к темнеющим по краям площади каменным стенам.

Торжествующий рев рогов преследовал его отступление, однако оно оказалось рассчитанным маневром. Резко осадив коня в полусотне шагов от противника, Опас снова развернулся лицом к рыцарю, что-то сорвал с пояса, поднял левую руку, и над его головой возник тонкий жужжащий звук...

— Боло! Боло! — услышал Дагеклан предостерегающие крики рогов. — Берегись!

Рыцарь знал это оружие, используемое в основном гирканскими степняками. Несколько увесистых каменных или железных шаров зашивались на концах кожаных, длиной локтей пять-шесть ремней, и при удачном броске боло намертво захлестывало противника. Если его пускали низко, летящие кожаные ленты развивали такую скорость, что уклониться было очень трудно, почти

невозможно. Подобный бросок применяли для пленения: достигнув жертвы, путы захлестывали ей руки и ноги, переплетаясь между собой и затягиваясь так, что их приходилось потом разрезать. Если пустить боло выше — путы стягивают руки, именно такой бросок свалил Ярла с лошади. Попади боло в шею, и младший сын Таркиная оказался бы задушенным, угоди шары ему в голову — мозги Ярла были бы сейчас разбрызганы по снегу.

Дагеклан видел это оружие прежде, но боло никогда не применялось в рыцарских поединках, и он не знал, что следует предпринять.

Это незнание спасло ему жизнь.

Когда, издав боевой клич и отпустив поводья, вращая одной рукой боло, а другой — палицу, Опас ринулся в бой, рыцарь не двинулся с места. Он держал меч перед собой, подняв его строго вверх, словно хотел укрыться за нешироким клинком. Со страшным свистом боло понеслось к его голове. Вместо того чтобы пригнуться, Железная Рука подставил навстречу летящей смерти остро отточенное лезвие. Разрезанные ремни, теряя скорость, разлетелись в стороны, тяжелые грузила, пробив ледяную корку, с чавканьем врезались в грязь...

Дагеклан готовился отбить удар булавы кунна, но удара не последовало — Опас сдержал гнедого на полпути до противника и ошалело уставился на рыцаря. О боги, этого просто не могло быть! Никто еще не смог увернуться от его стремительного броска, сулившего верную гибель! А этот боец с огромным, чуть ли не выше его самого мечом, не только избежал смерти, но и сумел рассечь боло! О боги!

Ярость клокотала в сердце кунна. Казалось, цель его была столь близка — и вот Священная Палица уплывает из рук, словно таящая от горячего прикосновения льдинка. Опас уже понимал, что с одной булавой он не сможет одолеть противника, который владел мечом так, словно клинок был продолжением его соб-

ственных рук. Ярость туманила мозг и требовала немедленного отмщения...

— Убейте их! — бросил вожак своим воинам, и те сразу же подняли луки. — Убейте всех!

Стрелы запели в холодном воздухе — по десятку стрел на каждого недруга. Они неслись хищной стаей, блестя зазубренными наконечниками, и жуткий рев куннов сопровождал их полет. Течение времени словно замедлилось: Дагеклан отчетливо видел летящую смерть и жалел лишь о том, что не успеет как следует помолиться...

Он так и не понял, что произошло. Только что стрелы неслись прямо ему в грудь, и вот они лежат в грязи под ногами — ни одна не достигла цели: те, что метили в ругов, упали под копыта их лошадей.

Вопль куннов оборвался, сменившись звенящей тишиной. Воины все еще сжимали в руках луки, а кони их уже пятились, словно пораженные этим невиданным зрелищем не меньше людей. Гнедой Опаса хрипел и прижимал уши.

— Колдовство! — выдохнул вожак куннов.

— Колдовство-о-о! — эхом откликнулись его воины. Опас погрозил ругам палицей.

— Проклятые кудесники! Ничего, мы еще посчитаемся с вами!

Выкрикнув эту бессильную угрозу, Опас Резвый исчез со своими людьми между каменными стенами. Никто не стал их преследовать: руги казались озадаченными историей со стрелами не меньше куннов.

Мидгар подъехал к лежащему на снегу брату, соскочил с лошади и перерезал путы.

— Ты остановил стрелы? — спросил он.

— Нет. — Ярл глядел в землю, стыдясь своего недавнего пленения.

— Тогда кто это сделал?!

— Ну я сделал, — слышался тут ворчливый голос дядюшки Гнуба, о котором все успели забыть. — Эка невидаль! Наконечники-то у них каменные, кремневый,

а кремень хоть и крепок, да больно сговорчив. Заговорить сей минерал — плевое дело.

Гном выбрался из-под лисьей шкуры, под которой укрывался все это время, и торжествующе уставился на людей. Он ожидал похвал, но тут Конн потребовал поспешить и немедленно отправляться в путь.

— Мы должны успеть, — сказал король, пристально вглядываясь в лицо девушки. — Кажется, ей хуже.

— Вы езжайте, — сказал рыцарь, — а я посмотрю, не требуется ли местным жителям какая-нибудь помощь.

Мидгар удивленно глянул на кампанария.

— Ты говоришь о данниках?

— Кто бы они ни были, это люди, на которых напал жестокий враг.

— Убитым ты не поможешь, а те, кто уцелел, давно спрятались в своих подземных убежищах и завалили входы.

— И что же, они никогда не выходят из своих жилищ?

— Только летом. А оно наступит не скоро.

Рыцарь вынужден был поверить ругу на слово, и отряд двинулся в путь. Дагеклан хотел было вернуть одолженную одежду, но Мидгар остановил его.

— Может быть, в твоей стране принято так легко одеваться, — сказал он, — но здесь ты скоро замерзнешь, особенно если будешь ходить без обуви.

— Мне показалось, что земля под снегом довольно теплая, — сказал рыцарь.

— Ее согревает подземное пламя, но зимой все же лучше ходить в сапогах. Оставь себе одежду, это не слишком богатый подарок для друга, оказавшего нам неоценимую помощь. Думаю, смогу отблагодарить тебя более достойно, осушив с тобой Чашу на тризне, которую мы справим по моему отцу.

Дагеклан не смог скрыть удивления.

— Сожалею, что твой отец оставил этот мир, — сказал он, — но я слышал, как несчастный каприец гово-

рил, что Таркинай приезжал к ним прощаться. Значит, это случилось позже? Если так, кто принес тебе скорбную весть?

— Великий Таркинай скончался до того, как локапалы похитили Священную Палицу. По обычаю предков мы возим почивших вождей по городам и селениям, дабы подвластные племена могли выразить свою скорбь. Данники столь преданы своим властителям, что наносят себя всяческие увечья в знак траура. Ты мог это заметить. Коварный Опас напал на Каприю и специально отпустил того человека, чтобы заманить нас в ловушку.

— Однако месьор Резвый поступил весьма достойно, согласившись на поединок, хотя закончил его не лучшим образом.

— Не думай о нем слишком хорошо. Он знал, что Священную Палицу следует завоевать в честном бою, иначе она утратит свою силу, только поэтому не осмелился сразу расстрелять безоружную дружину. А когда понял, что не сможет тебя одолеть, гнев затмил ему разум. Как мне до того...

И наследник Таркиная снова погрузился в молчание.

— Эй, Железная Рука, — шепнул сзади гном, — вы заметили, как назвал вас рут? Теперь даме наверняка окажут помощь. Я бы тоже хотел стать вашим другом, только не знаю, правильно ли поступил. Эта палица, которой так грозно размахивал кунн, она ведь тоже каменная, но я не стал лишать ее силы... И терзаюсь теперь сомнениями...

— Вы поступили как муж чести, месьор гном, — прочувственно отвечал рыцарь, — если бы оружие моего противника было заговорено, это было бы не по правилам, совсем не по правилам!

Глава четвертая ПТИЦА И ЛЕС

Живя — умри,
ведь жизнь — тягучий сон,
туда уйди, где мыслей нет...
Там — чистая земля,
и там вопрос — ответ...
И там воскреснешь ты
под дивный перезвон.

Энно. Стансы, 5, 4

Бубен гремел. Ему вторили колокольчики и бубенцы, пришитые к одеянию Матери, — звенели без усталости, в лад, дополняя, а иногда перекрывая рокот бубна. Эта странная, завораживающая музыка, вначале нежная и мягкая, почти неуловимая, потом все более неровная, сбивающаяся в причудливую какофонию гудения и звона, росла и крепла... Частые, сильные удары постепенно сливались в один непрерывный, все возрастающий гул.

Густой запах конопляных листьев, брошенных в очаг, наполнял избу. Отблески огня играли на бревенчатых стенах, выхватывая на миг сосредоточенные лица мужчин и женщин, сидевших на длинных узких лавках по обе стороны комнаты: мужчины вдоль западной, женщины вдоль восточной стены. Они неотрывно следили за Большой Мартогой, кружившейся в бешеном танце.

Полы ее длинного одеяния, сшитого из козых шкур и называемого хамнааром, летали, взметая пыль с земляного пола. На плечах поблескивали две полированные деревянные фигурки воронов, обращенные клювами друг к другу. Это были разведчики: им предстояло вызнать дорогу туда, куда собиралась отправиться их хозяйка. Вдоль рукавов по швам были вшиты тонкие меховые полосы, снятые с ног рыси, к левому локтю крепился шнур из девяти кожаных ремешков.

Сзади на плечах хамнаара тускло мерцали два медных кольца, продетые сквозь глазницы полосатых семихвостых змей — по девять на каждом кольце. Танцовка поводила плечами в такт ударам бубна, и змеи, казалось, оживали, извиваясь и взлетая под звуки музыки. Колокольца и бубенцы подвешены были на пяти связках между лопатками — они громко бренчали при каждом движении Мартоги.

Спереди хамнаар был обшит шнурами с многочисленными узелками. Вдоль подола левой полы тоже были прикреплены змеи, однохвостые, свисавшие до самой земли. На правой поле змей не было, она достигала лишь колена Матери, открывая теплую меховую обувь.

Седые волосы Мартоги стягивала налобная повязка, завязанная кожаными ремешками и украшенная короткими, ровно стриженными сверху вороновыми перьями. На ней были пришиты медные «глаза» — металлические пластинки на красной ткани. К нижнему краю околыша крепилась нитка из сухожилий, унизанная волчьими зубами и красными бусинами, а сверху поблескивали два медных рога с красным и голубым лоскутьями на острых концах.

Все это было сейчас неразлично — облачение танцовки слилось в один пестрый стремительный вихрь — но Конн, сидевший посреди комнаты на белой кобыльей шкуре, запомнил все детали ее одежды во время долгого ожидания, предшествовавшего началу магического танца.

Король страшился встречи с Большой Матерью, страшился даже после того, как Дагеклан и гном оказали ругам очень важные услуги и те признали чужестранцев своими друзьями. Страх за жизнь Эльтиры горячей волной поднимался в груди, когда он думал, что Мартога может отказаться помочь девушке: кто знает, какие жестокие древние обычаи может блюсти эта женщина, главная колдунья племени ругов?

Конн проклинал себя за то, что поддался на уговоры фаллийца и пустился в это отчаянное путешествие в надежде вернуть Силу багровому камню, а более — в надежде излечить девушку. Надо было оставаться в Тарантии и принять бой. Как он мог поверить, что большая часть его приближенных — предатели? Богуз лукавил, несомненно лукавил, преследуя свои цели. Говорил, что все рассчитал там, на своем Фалле, а сам стал жертвой каких-то локапал, более похожих на обезьян из южных лесов, чем на древних созданий, поставленных небожителями охранять стороны света. Нет, бегство недостойно короля, отец не одобрил бы его поступок...

И весь оставшийся путь до ругских очагов Конн кусал губы и думал тяжелую думу.

Наконец они достигли селения, стоявшего на берегу широкой реки, медленно катившей свои мутные воды среди низких берегов. Над водой стоял пар, очевидно, ее тоже согревал подземный огонь, и река не замерзала даже зимой.

Селение было обнесено крепким частоколом, обегавшим дома ровным кругом. Внутри прямыми рядами стояли добротные бревенчатые избы, вдоль улиц тянулись деревянные настилы. Огромная толпа женщин, мужчин и детей, среди которых шныряли многочисленные собаки, приветствовала появление братьев и их дружины. Мидгар высоко поднял над головой Священную Палицу, что-то прокричал, и все руги ответили ему нестройными гортанными криками.

Их провели в самую большую избу, куда они вошли в сопровождении Ярла и Мидгара. Здесь было тепло,

пахло сухими травами, по стенам висели шкурки лисиц и белок. В дальнем конце комнаты виднелось нечто вроде алькова, и там, на меховом одеяле, сидела полная женщина в пестрой накидке, расшитой красными, синими и желтыми треугольными лоскутами. Ее длинные седые волосы были заплетены в множество тонких косиц. Она курила длинную трубку — синие кольца терпкого дыма поднимались к потолку после каждой затяжки.

— Ты принес палицу Таркиная, — сказала женщина, и в словах ее не было вопроса.

— Принес, — отвечал Мидгар, с поклоном протягивая палицу на вытянутых руках, словно это была не здоровенная, в пять локтей, дубина, а сноп соломы.

Мартога указала пальцем подле себя, и Мидгар бережно опустил святыню. Не выпуская трубки, Мать наклонилась вперед и провела над нею ладонью. Потом снова села ровно, выпустила несколько голубых колец и спросила:

— Тебе пришлось пустить ее в ход?

— Когда мы возвращались, на нас напали кунны, — отвечал Мидгар. — Их вождь Опас Резвый предлагал вступить с ним в поединок либо отдать палицу. Ни того, ни другого я сделать не мог. В схватку с Опасом вступил этот человек.

Он указал на Дагеклана.

— Тогда кто пользовался священным оружием?

— Никто... — В голосе руга прозвучало некоторое удивление. — Только наш гость брал ее в руки, когда обнаружил палицу в Доме локапал и подал Ярлу. Она была замаскирована под чучело. Даже Ярл не смог ее обнаружить. Очевидно, морок, наведенный локапалами, не действует на пришельцев...

— Они явились из Внешнего Мира, — утвердительно сказала Мать.

Конн вслушивался в ее слова, стараясь понять, что они сулят, но голос колдуньи был бесстрастен, а лицо неподвижно.

— Их женщина больна, — сказал старший сын Таркиная. — Ты сможешь?

— Я буду курить о них.

Сказав так, колдунья почти исчезла в клубах дыма, повалившего из длинной резной трубки.

В небольшой комнате, куда отправили их хозяева, король и рыцарь провели немало времени в тягостном ожидании. Их покормили, и Дагеклан, потерявший много сил во время схватки с вожаком куннов, смог подкрепиться плоской чечевичного супа и жареным куском оленьего мяса, запив все это доброй чашей медовой настойки. Конн, сидевший рядом с подстилкой, на которую уложили Эльтиру, едва прикоснулся к еде. Дядюшка Гнуб был на удивление неразговорчив и только покачивал головой, отрезая мясо маленьким, с ладонь, ножичком, который извлек из-за голенища сапога.

Наконец явился Ярл. Был он мрачен и смотрел поверх голов куда-то в стену.

— Ты принес плохие вести, друг? — спросил Дагеклан, не в силах скрыть волнения.

— Для вас вести хорошие, — сказал Ярл, — но не для меня.

— Что случилось?

— Этого вам знать не нужно. Оставь свой меч здесь, воин Железная Рука, и все следуйте за мной.

Держа девушку на руках, Конн в сопровождении рыцаря и гнома снова отправился в большую комнату, где все еще плавал синий, терпко пахнущий дым трубки.

Колдунья уже была облачена в хамнаар и держала в руках большой, похожий на щит бубен. Около возвышения, где она недавно раскуривала свою трубку, стоял медный чан и сутились женщины.

Мартога жестом приказала опустить Эльтиру на ложе, наклонилась и провела над ее лицом морщинистой ладонью — как раньше над Священной Палицей.

— Дым охму сказал мне много. — Она величественно выпрямилась и прямо взглянула в глаза королю. —

Много, но не все. Необычный случай, очень необычный. Это не болезнь, нет...

— Ее ударили отравленным кинжалом, — сказал Конн, — но что это был за яд, я не знаю.

Мартога прищурилась и шумно втянула воздух, словно принюхивалась к чему-то.

— Яд — принадлежность этого мира, чужеземец. Там, куда отправился ее дух, все по-иному. Ты вовремя пришел — еще немного, и дух ее может затеряться, пропасть навсегда.

— Так стоит ли медлить? — воскликнул Конн горячо. — Скажи, что нужно делать. Ради этой девушки я готов на все!

— Тогда ты отправишься по Темной Реке на поиски. Если тебе повезет, ты сможешь ее вернуть. Остальное сделаю я.

— Скажи только, откуда я должен начать... И как?

— Прямо отсюда. Белый Скакун перенесет тебя ко входу, дальше пойдешь сам.

Она указала под ноги короля, и он увидел, что стоит на белой кобыльей шкуре, расстеленной посредине комнаты. Мартога приказала ему сесть, скрестив ноги, Дагеклан и дядюшка Гнуб расположились на лавке возле стены.

Конн сгорал от нетерпения, ожидая, что колдунья сразу же приступит к исполнению обряда, но Большая Мать, отложив бубен, принялась разжигать очаг, подбрасывая в него сухие дрова. Она что-то тихо и невнятно напевала, позабыв, казалось, обо всем на свете.

Постепенно комната заполнялась народом. Мужчины и женщины молча подходили к очагу, бросая в него пригоршни конопляных зерен, вспыхивающих и мгновенно исчезающих в огне.

Наконец все расселись по лавкам, и суэта затихла. Мартога, присев на корточки возле очага, медленно расплетала свои многочисленные косы, что-то бормоча и отдавая еще кое-какие распоряжения женщинам возле ложа. Время от времени колдунья громко икала,

содрогаясь всем телом. Глаза ее были недвижно уставлены на затухающий огонь.

Сумерки в избе густели, люди переговаривались тихим шепотом. Мартоге опять подали трубку, она закурила. Икота ее делалась все громче, дрожь непрерывно сотрясала полное тело, лицо было бледно, голова низко опущена, глаза полузакрываются.

Вдруг она поднялась и оглядела сидевших вдоль стен людей.

— Все ли справили нужду за дверью? — спросила колдунья громким, но странно изменившимся, тягучим голосом.

— Все, Мать, никто не выйдет, — отвечал кто-то.

Колдунья, не глядя, протянула руку, одна из женщин подала ей ковш, и Мартога набрала полный рот воды. Медленным сонным движением отыскала бубен и колотушку с красной кисточкой, вышла на середину избы, к самой шкуре, и, приседая на правое колено, четырежды поклонилась на все стороны, брызгая вокруг водой изо рта.

Женщины бросили в очаг пучки белых конских волос и затушили огонь, загребая его золой. В слабом мерцании угольев фигура колдуньи неподвижно высилась посреди комнаты. Наконец тьма стала непроглядной, сидящие на скамьях затаили дыхание, слышно было только бормотание и иканье Мартоги.

На мгновение воцарилась мертвая тишина, потом колдунья длинно, с подвыванием зевнула, и сейчас же в глубине покрытой тьмой избы громко и отчетливо прокричал ворон. Легкая, как комариное жужжание, дробь бубна возвестила о том, что колдунья начала свой магический танец.

Как только она пустилась в пляс, то высоко подкидывая ноги, то припадая на колено, огонь в очаге стал разгораться сам собой. В его неровном свете одеяние колдуньи напоминало крылья фантастической птицы, хвосты змей летали и кружились, сливаясь в один сверкающий круг...

Вдруг все оборвалось. Последний раз ударив колотушкой, Мартога упала на колени. Смолкло бречание колокольцев, и снова наступила тишина. И опять тот же вначале едва уловимый и всевозрастающий гул бубна...

На сей раз он сопровождался пением, отрывочным, мрачным — колдунья выкрикивала слова через силу, хриплым низким голосом, но постепенно они становились отчетливей, сливаясь в тягучий, чарующий напев.

Мощный бык земли... конь степной!
Я мощный бык... реву!
Я заржал... конь степной!
Я выше, я мощнее... я иду!
Степной конь явись... научи меня!
Каждый, с кем вместе иду, пусть слушает ухом!
Пусть не следует сзади за мной, кому не скажу...
Пусть каждый смотрит зорко!
Пусть слушает чутко!
Берегитесь вы!..
Ты с левой стороны, госпожа с посохом,
если не той дорогой направляюсь,
прошу тебя: направи! укажи!
Вороновым крылом полети!
Мою широкую путь-дорогу расчищай!
На юге и на севере, на востоке и западе,
в девяти лесных буграх живущие духи
и по сторонам света — дайте пройти!
Государь мой дед, мощной силы, толстой шеи, —
будь со мной!
На все мои думы и желания согласись...
выслушай!.. исполни!..
Все, все — исполни!

Ревущий гул бубна достиг высших пределов, песня колдуньи потонула в нем, как окатыши в стремительном лесном потоке...

Ревущий гул...

Гул воды...

Гул воды лесного потока...

Конн стоял на поляне, и возле его ног пенился и бурлил ручей, крутивший в своей желтоватой воде лесной мусор и сухие стебли.

* * *

Он наклонился и потрогал траву, ожидая, что пальцы ощутят мягкую шкуру белой кобылицы.

Трава была мокрая и свежая. Он сорвал стебли и размял в пальцах. Терпкий запах наполнил ноздри, Конн услышал шорох листьев над головой и решительно запагал к ближайшим деревьям.

Он совсем не удивился, когда навстречу вышла светловолосая женщина в легких сандалиях и полупрозрачной накидке. Рядом с ней, потряхивая маленькими рожками, трусила молодая косуля. Женщина улыбалась и махала королю легким витым посохом.

— Приветствую тебя, — сказала она высоким, похожим на перезвон колокольчика голосом. — Я — Мараэль. Ты меня знаешь.

Конн отрицательно мотнул головой. Что-то настораживало его в облике лесной обитательницы и, подойдя поближе, он понял, что именно. Фигурка ее была словно слегка размыта, черты лица, несомненно прекрасные, таились за легкой дымкой, их невозможно было хорошо разглядеть.

— В стране Огнедышащих Гор меня называют Мартога, — улыбнулось прекрасное создание. — Не правда ли, это имя звучит так грубо... Пойдем.

Два больших черных ворона, распластав крылья, проплыли у них над головами и скрылись в лесу.

— Ты легко справился с Огненной Скачкой, король, — говорила Мараэль, легко шагая между толстых, покрытых лишайниками стволов. — Многие погибали на этом пути, а ты справился.

— Но я не помню никакой скачки, — отвечал он.

— Это неважно. Главное — ты здесь. Я покажу место, где начинается Темная Река, дальше будешь действовать сам. Не передумал?

Странно, но Конн не ощущал прежней горячей волны, когда думал об Эльтире. Ее нужно спасти, и он сделает это во что бы то ни стало, но тяжелое беспокой-

ство, гнетущее его все последнее время, развеялось без следа.

— Не удивляйся, — Мараэль не нуждалась в словах, — пока я с тобой, все в Лучезарном Мире будет спокойно, а значит, и тебя не посетят тревоги. Но я не могу сопровождать тебя все время... Хотела отправить Ярла, но с ним произошло нечто странное...

— Ярл многое умеет, — заметил король, — я видел, как он обернулся волком.

— Ну нет! — звонко рассмеялась его спутница. — Сынишке это еще не по силам. Просто навел морок, сыграв заодно с локапалами: те-то тоже козлами прикинулись. Скажу тебе, Конн, а ты запоминай, авось пригодится. Если кто станет опутывать тебя страхом, не противься. Многие плетут сети, подобные паутине: если накинута, не дергайся понапрасну, паучок только того и дожидается. Посмотри, кем он хочет казаться, и стань для него страшнее, чем он для тебя. Ярл это смекнул, потому и подрал когтем кое-кому задницу... Ты хочешь спросить, правда ли он сын мой? Самый что ни на есть. Не всегда же я была такой старой уродливой, какой ты меня в избе видел, Великий Таркинай когда-то сердце мне отдал. А мою душу вороны унесли, но это было уже позже...

Она снова весело рассмеялась.

Деревья поредели, впереди чувствовалось приближение большого открытого пространства.

— Так что же случилось с Ярлом? — спросил король.

— Не знаю, пока не знаю. Придется опять курить эту вонючую трубку с пылью гриба охму. Мрачный грибок, ничего не скажешь, не то что конопляные листики... Или вот она, моя ненаглядная Дунгур!

И Мараэль нежно погладила между рожек бежавшую рядом косулю.

— Ярл изменился после встречи с вами, — продолжала лесная дева, — не внешне и даже не внутренне... Дух-хранитель при нем, но он обеспокоен и не хочет

сказать почему. Пока ты плаваешь за своей возлюбленной, я попробую его разговорить, но боюсь, ничего не получится: уж если дух-хранитель уперся, его и воловьей упряжкой с места не сдвинешь. И еще что-то произошло с палицей Таркинай. Она утратила часть своей силы, теперь ей долго придется пролежать на холме Ареса, пока сила не восстановится. Я подумала, что виной твой спутник, рыцарь Железная Рука, но духи-помощники сказали, что он ни при чем, все дело в Ярле. Задал задачку сынишка, а?

Если бы мог, Конн подивился бы тому, что Мараэль говорит обо всем этом легко и весело, словно о вещах второстепенных, но вместе с беспокойством он утратил и возможность удивляться. Деревья шумели над головой так мирно, тени листьев так приятно охладили лицо, мелкие птицы спокойно смотрели на них бусинками глаз, не делая попытки улететь, а свежий воздух был напоен столь упоительными ароматами, что все тревоги мира, который он оставил где-то в необозримой дали, за Огненной Скачкой, за порогом времен, казались сейчас мелкими и ничтожными. Затеряться в этом лесу, упасть на сочную молодую траву и долго смотреть в высокое синее небо...

— Хорошо бы, — откликнулась его мыслям лесная красавица, — да нельзя. Боги создали нас существами из плоти и крови, тяжелой плоти и горячей крови, они — суть наши оковы... До поры до времени, конечно, но путь свой на земле каждый пройти обязан до конца.

Конн и сам знал об этом, просто знал, как знают, кто твой отец и кто мать и в какой стране ты родился. В Тарантии бунт, его невеста ранена, быть может, смертельно... Сердце Аримана, таившееся сейчас в перстне на его пальце, утратило свое могущество. Да Дергу, брегону с таинственного острова Фалль, оно больше не понадобится, мертв брегон... Остается попытаться спасти девушку, вернуться в Аквилонию и разгромить бунтовщиков... Или погибнуть.

Эти мысли пронеслись где-то вне сознания, словно легкие облачка по летнему небу. Все это неважно, совсем неважно... Но надо идти и делать то, что должен. Надо плыть по неведомой реке, искать неведомо где Эльтиру, которая, быть может, не хочет, чтобы ее искали...

Деревья кончились. За ними стеной стояло яркое золотое сияние. Только оно, и ничего больше.

— Похоже, здесь мы расстанемся, — сказал Конн, хотя представить не мог, можно ли идти дальше.

— Это не стена, — отвечала Мараэль, — это птица Хан-Херети.

Тут Конн увидел птицу. Была она совсем небольшая, с гордой шеей и пернатой головой, с томными печальными глазами. Рядом, нахохлившись, сидели два ворона и подозрительно поглядывали на короля.

Золотое сияние оказалось распушенным хвостом птицы Хан-Херети. Мараэль что-то шепнула, перья сложились, и птица взмыла вверх — хвост летел за ней, словно огненный след за блуждающей звездой.

Впереди простиралась равнина, расчерченная на ровные квадраты желтыми полосами каналов. Ближайший из них прямой чертой отделял опушку леса, где стояли Мараэль и Конн, от огромного пространства, убежавшего к окоему.

Вода была желтоватой, но чистой и прозрачной. В ее толще, словно внутри стекла, не было видно ни рыб, ни водорослей. Вода не журчала, она спокойно и едва уловимо для глаза *перемещалась*. Берега канала поднимались над ее поверхностью едва на ладонь и казались вытесанными в гладком граните, хотя лесная трава доходила до самой кромки и даже слегка нависала над водой, бросая вниз бледные тени.

Конн склонился над этим странным потоком и опустил руки. Он не почувствовал прикосновения к воде, даже когда погрузил ладони в ее толщу. Рябь плавно и лениво расходилась по поверхности кругами и затухала у самого берега.

Он выпрямился, поднеся сложенные вместе ладони к губам. Струйки сочились между пальцами и падали на траву — медленно, слишком медленно... Сладковатый, дурманивший запах ударил в ноздри, захотелось пить...

— Ты и вправду решил здесь остаться? — услышал он звенящий голос Мараэль. — Один глоток — и тебе не захочется возвращаться. Это Вода Забвения, король...

Вороны издали хриплый, предостерегающий крик.

Конн разжал ладони — желтоватые струйки медленно и без всплеска вылились обратно в канал. Он стоял и смотрел на равнину, где посреди аккуратных зеленых квадратов росли огромные деревья. Корни ближайшего из них узловатыми кряжами выступали из земли в каких-нибудь двадцати локтях от его ног, сразу за желтой водой. Дерево было столь велико, что его крона терялась в синеве безоблачного неба, но этот исполин странным образом не заслонял вида: сотни, тысячи таких же деревьев росли на равнине, вздымая ветви на невообразимую высоту. Конн видел их как бы с нескольких точек одновременно — и снизу, с опушки, на которой стоял, и сверху, с птичьего полета, и даже изнутри стволов: там, во влажных толщах, было проложено множество извилистых темных ходов.

— Что это? — прошептал он одними губами.

— Ты видишь перед собой место, именуемое Перекрестком Миров, — отвечала Мараэль. — Каждое Дерево — целая Вселенная, ее стержень и опора. Мириады созданий обитают там — от корней до кроны, от Нижних Пределов до Небесных Чертогов. Многие из них умеют перемещаться по Древу, но лишь избранным дано увидеть сразу множество стволов. Ты — один из них...

— Что я должен делать?

— Одно из Деревьев — стержень и опора нашего мира. Под его корнями начинается Темная Река, по которой тебе следует плыть на поиски Эльтиры.

Конн прикинул расстояние, отделяющее его от ближайшего зеленого квадрата, ограниченного желтыми полосами Воды Забвения.

— Пожалуй, я мог бы перепрыгнуть этот канал, — сказал он, — но как найти нужное дерево?

— Не забывай, что ты покинул мир привычных измерений. — Провожатая подобрала в траве небольшой камешек. — Смотри!

Она бросила камень по направлению к ближайшему стволу. Сначала тот летел по прямой, но, достигнув пространства над каналом, вдруг изменил направление и медленно поплыл вслед за потоком в десяти локтях над ним.

— Никто не может преодолеть границы Миров, — улыбнулась Мараэль. — За редким исключением.

— Но я слышал о дырах...

— Это проходы внутри одного Древа. Чтобы перемещаться от горы к горе, нужно нечто большее.

— О каких горах ты говоришь?

— Зеленые квадраты — на самом деле вершины огромных гор, они лишь видятся плоскими... Но, кажется, тебе повезло, и ты сможешь увидеть интересное зрелище!

Она указала куда-то вперед, и, глянув в том направлении, король заметил в ясном небе стремительно приближающуюся черную тучу.

Вначале она казалась небольшим мазком на синем фоне, потом выросла до размеров тележного колеса, деревенского дома, Железной Башни, тарантийского дворца... Внутри тучи перекатывались огромные бурые глыбы, слышался скрежет и грохот, вспыхивали молнии...

Она зависла над одним из Деревьев, грохот усилился, каменные глыбы полетели вниз. Падали они очень медленно, и все же ветви под их ударами трещали и обламывались. Конн увидел, как дрогнули корни и зашатался ствол исполина. Зеленый квадрат вспучился и стал подниматься на скалистом основании, которое лезло из земли, словно чудовищный указательный па-

лец. Боковины конуса осыпались огромными осколками, «палец» все утончался, еще немного — и он стал похож на ножку гриба с зеленой шляпкой, посреди которой качалось и гнулось под ударами каменного дождя огромное Дерево.

— Оно... гибнет! — ошеломленно выдохнул Конн.

— Увы, — откликнулась его спутница, — миры не вечны. Они рождаются, живут и погибают, как и все живое. Сроки этого Древа истекли на наших глазах.

Сотни слепящих молний ударили в крону Древа, объяв его скоротечным белым пламенем. Скала под исполином подломилась и рухнула в разверзшуюся бездну. Туда же упали последние глыбы — туча исчезла. Легкая рябь пробежала над равниной, словно дрогнул знойный воздух, — ровные линии каналов снова делили пространство на квадраты, и в каждом стояло Дерево, безмятежно ожидающее своей участи...

— Когда-нибудь и наш мир исчезнет без следа, — с легким оттенком грусти молвила Мараэль. — Но это будет очень не скоро. А сейчас тебе пора.

Конн не успел ни о чем спросить. Птица Хан-Херети опустилась к ногам короля, сложенные перья хвоста вздымались над ней, как золотая башня.

— Она узнала дорогу, — сказала Мараэль. — Ступай.

Хвост опустился, превратившись в сверкающий мост. Он протянулся через равнину куда-то вдаль, и король вступил на него, ощущая под ногами упругое подрагивание. Вороны расправили крылья и полетели рядом. Они сопровождали путника, то взмывая вверх, то снова опускаясь, — охраняли. Конн шел, поглядывая по сторонам, и способность удивляться возвращалась к нему с каждым шагом.

Золотой мост висел высоко над равниной. Зеленые квадраты превратились в вершины огромных гор, и Деревья теперь казались маленькими, хотя по-прежнему подпирали кронами небо. Перья-настил едва не касались ближайших вершин, и жизнь, кипевшая там, открывалась изумленному взору.

Странные существа вершили свои непонятные дела, удивительные постройки высились на склонах, сверкая под лучами солнца, как огромные сахарные головы. Некоторые вершины были окутаны плотными облаками дыма, среди которых вспыхивали и гасли яркие огни, и Конн понял, что обитатели этих гор ведут битвы при помощи неведомого оружия. Другие занимались строительством: склоны одной горы, мимо которой он прошел, охватывала дорога, серпантином бегущая к вершине; по ней двигались повозки, до верху загруженные камнем, многочисленные рабочие в грязных кожаных фартуках, надсмотрщики в высоких шапках, с плетками в руках, носилки начальников... Дорога была выстроена лишь до середины горы, и там, где кипела работа, высились деревянные леса и стояли хитрые подъемные машины.

Попадались и пустынные вершины, густо поросшие лесами и травами, среди которых бродили удивительные животные да изредка виднелись хижины пастухов и отшельников.

Вороны сделали еще пару плавных кругов и опустились: уселись там, где кончались золотые перья, упираясь в зеленый склон. Король глянул вверх и увидел Дерево, к которому шел. Он соскочил на траву, хвост птицы Хан-Херети поднялся, словно замковый мост, быстро удаляясь, и растаял в синеве. Снялись и вороны, хлопая крыльями и прокричав что-то на прощание. Когда Конн оглянулся, равнины внизу уже не было видно — все закрывала плотная стена зелени.

Безмятежное спокойствие давно оставило короля, теперь он был насторожен, как зверь, ждущий опасности, хотя вокруг все казалось спокойным: легкий ветерок раскачивал ветви кустов, шелестел листвою, волнами пробегал по высокой, доходящей до колен траве... Пичуги всюду распевали в поднебесье, откуда лился теплый солнечный свет. Пахло смолой и ягодами.

И все же опасность была — неведомая, незримая, она таилась где-то неподалеку, и Конн крепко сжал костяную рукоять ножа, висевшего на поясе...

Ножа? Но откуда он взялся, как и эта странная одежда: легкая лыковая обувь с ременными завязками до колен, короткие кожаные штаны и безрукавка, надетая на голое тело? Куда девался щегольской зингарский костюм, в котором он бежал из своего дворца в Тарантии? Ответов не было, да Конн не особо их и доискивался — просто извлек нож и, крепко зажав его в правой руке, двинулся вверх по склону.

Только что он отчетливо видел ствол огромного Дерева на вершине, и вдруг он исчез. Путь преградили заросли невиданных растений причудливых форм и расцветок. Нет, не преградили — он оказался в их гуще, посреди тяжелых запахов и невнятного перешептывания. Массивные стебли, похожие на питонов, раскачивались и колыхались вокруг, словно живые. Они были покрыты мелкими ярко-красными, желтыми и ядовито-зелеными цветами, как тело больного — сыпью. Под ногами чавкало, бледная плесень покрывала кочки и трухлявые пни. Между скользких корней густо росли грибы, доходившие до колена, а то и до пояса Конна. У некоторых шляпки походили на круглые плоские, наполненные смрадной, вязкой жидкостью.

Заросли были полны насекомыми — мошками, мухами, мотыльками, стрекозами, пауками — они ползали, летали, копошились, выставляли хоботки, питаясь гнилым соком растений. Они были крупнее обычных: с кулак, с локоть, с голову взрослого человека... Огромный паук упал сверху под ноги Конна, и тот раздавил его, обрызгав себя бурой сукровицей.

Насекомые были не единственными обитателями этого странного леса — вокруг что-то непрестанно двигалось, скрытое желто-буро-зелеными зарослями.

Король продвигался вперед, помогая себе ножом: отрубленные мясистые стебли падали в бурю грязь, продолжая дергаться и извиваться. Местность заметно повышалась, однако суше не становилось. Вместе с влагой одежда Конна быстро впитала тошнотворные

запах, среди которых временами налетал порыв дурманящих ароматов, словно в бочку нечистот капнули резкими благовониями.

Потом он увидел целый выводок странных существ, выкатившихся из-под гибких корней. Величиной с кулак, они напоминали ежей, покрытых блестящими, похожими на алмазы иглами. Маленькие красные головки, испещренные белесыми прожилками, беспомощно раскачивались, как ненужный довесок к великолепным украшениям. Зверьки были весьма проворны, они принялись подскакивать, подобно кузнечикам, прилипая к ветвям присосками, расположенными на брюшках. Их становилось все больше и больше, и Конн понял, что странные создания окружают его со всех сторон...

Падающий сверху желтовато-зеленый свет преломился в сверкающих иглах и распался на мириады ослепительных сполохов. В глазах зарябило. Конн почувствовал головокружение и непреодолимое желание опуститься на землю. Некоторое время он превозмогал себя, но ноги его подкосились, и он упал на колени в бурную зловонную жидкость.

Мясистый стебель, покрытый лимонными бутончиками, склонился к нему, и на поверхности растения выступил липкий сок. От сладковатого запаха тошнота подкатила к горлу, Конн рванулся и полоснул ножом. Стебель упал возле его ноги и тут же потянулся к ней с алчной жадностью голодного существа. Конн ударил еще и еще, искромсав растение в мелкие куски.

Не в силах подняться, король стоял на коленях и чувствовал, как грязь затягивает его все глубже и глубже. Он искал глазами сук или ветку, за которые можно было бы ухватиться, но вокруг колыхались лишь живые, мерзкие отростки, то пропадая, то снова возникая из ярких отблесков, отбрасываемых алмазными иглами. Отростки тянулись к нему, и с их приближением все отчетливее звучал прежде едва различимый голос...

Таинственный шепот был медленным, невнятным, и все же он проникал в душу, словно солнечный луч сквозь оконное стекло, наполняя короля странным чувством глубокого покоя и мудрого понимания. Да, теперь он понимал, чего жаждет этот странный лес — не гибели заблудившегося человека, нет, он жаждал подарить ему бессмертие! Конн пил и пил этот шепот, как усталый путник, долго блуждавший по пустыне, пьет из найденного колодца и никак не может утолить жажду. Тяжелый запах растений уже не казался отвратительным, в нем появилась прохлада и свежесть летнего вечера, а отблески алмазных игл казались солнечными закатными бликами...

«Останься,— шептал ему лес,— растворишься и слейся со мной в единой, вечной гармонии... Блаженство... Вечное блаженство... Я здесь, и я — повсюду, я — маленький желтый цветок, я — муравей, ползущий по цветку, я — бабочка, порхающая над цветком, я — тенистая дубрава, шумящая над ручьем, я — ручей... Останови бег своих праздных мыслей, ты — здесь и сейчас, ты — со мной, ты — это я...»

Веки короля смыкались, но огромным усилием он все же открыл глаза, силясь увидеть отвратительные ползучие ветви, и грибы, и пауков... И ничего не увидел, кроме ласкового света, заполнившего весь мир.

«Видимость обманчива,— шептал лес,— ты был снаружи и зрил меня таким, каким предстаю я ослепленному сознанию. Я страшен лишь тем, кто не хочет разжать пальцы и отпустить сук, за который цепляется. Доверься мне... Лишь одно мгновение боли, и ты станешь бессмертным и вездесущим, ты будешь *внутри*, ты сольешься с самой Жизнью...»

«Эй, король, ты сейчас киселем студенистым разольешься,— вдруг прервал чарующий шепот чей-то ворчливый голосок.— Хочешь, да? Заслушался старого воячку? Ну давай, авось в чуточку тебя сольют да в печь сунут — побулькаешь...»

Резкая боль свела правую руку, в которой был зажат нож с костяной рукояткой. Таким ножичком, только поменьше, дядюшка Гнуб строгал мясо за ужином...

Нож гнома!

Смрадные щупальца леса уже обвили его туловище, крепко примотав левую руку, но правая оставалась свободной, и Конн принялся кромсать извивающиеся ветви, пока те не превратились в мелкие обрубки.

Он вскочил (грязь легко отпустила) и устремился вперед, орудуя острым лезвием. Несколько красноголовых уродцев попали под удары — иглы брызнули тысячами сверкающих осколков. Конн врубился в чащу, продолжая безжалостно кромсать мясистые отростки, брызжащие красноватым соком. Он продвигался шаг за шагом, но густая желто-бурая стена по-прежнему окружала его со всех сторон, и, казалось, он только топчется на одном месте. Страх ледяным обручем сдавил горло. В приступе панической ярости Конн рубил и рубил лесную плоть, превращая ее в месиво. И та покорно поддавалась его ударам, не пытаясь отстраниться.

Шепот теперь перемежался тихим смех.

«Ты такой же, как все, — вещал лес, — трусливый, опрометчивый человечек... Где тебе постигнуть высокую гармонию, ты стремишься вперед, не зная зачем, бежишь, сам не ведая куда... Можешь кромсать мои ветви сколько угодно, это все равно что срезать волосы с бороды... Хватит, угомонись, приляг, предайся созерцанию...»

Нож сломался.

С отчаянным криком Конн бросился грудью на живые заросли. Они мягко спружинили и тут же обволокли его тело, впиваясь сотнями мелких, жалящих присосок. Смех леса превратился в утробный хохот, и король понял, что заросли готовы поглотить свою добычу. На этот раз не было чувства покоя, только жгучая боль...

И сквозь ее волны пришло воспоминание: опушка леса и светловолосая гибкая фигурка на берегу медленных желтых вод. «Многие плетут сети, подобные паутине, — зазвучал чистый голосок Мараэль, — если накинута, не дергайся понапрасну, паучок только того и дожидается... Стань для врага страшнее, чем он для тебя!»

Конн застыл, улавливая сквозь хохот леса невнятное бормотание.

«Я вездесущ... Я вбираю тебя, как ничтожную песчинку... Ты — это я, я — это ты... Живая плоть, горячая плоть...»

«Слишком горячая для тебя! — не разжимая губ выкрикнул Конн. — Я — лесной пожар, ты — сухой вереск!»

Хохот и бормотание смолкли. Живые ветви дрогнули, словно в нерешительности, и тут же снова зазвучал вкрадчивый шепот:

«Слишком поздно, ничтожный, слишком поздно! Ты уже *внутри, внутри...*»

Липкий жгут захлестнул и сдавил горло, красная пелена заволокла гаснущий взор...

И тут откуда-то издалека, из-за желто-бурой стены леса долетела негромкая музыка.

Глава пятая КОРНИ И ХОЛМ

На первое следует подавать мясо, затем — рыбу и только после переходить к десертам.

«Домоводственные наставления»

Кто-то наигрывал на дудке простенькую, незамысловатую мелодию. Звуки были то нежные и чистые, то хриплые, игрец сбивался, а может, ему просто надоедала нехитрая пьеска, и он начинал другую.

Отвратительная удавка на шее короля ослабла. Ветви больше не тянулись к нему, умолк и шепот, словно лес прислушался к неожиданным звукам. А они то приближались, то отдалялись — дудочник, судя по всему, неспешно прогуливался где-то неподалеку.

Конн рванулся изо всех сил, чувствуя, как трещит и рвется одежда, намертво прилипшая к клейким побегам. Ядовито-зеленые, желтые и кроваво-красные цветы мелким дождем сыпались вокруг. Невзначай король раздавил круглый белесый гриб, и сразу же пыльное облако окутало его с ног до головы. В горле запершило, на глаза навернулись слезы, но он брел и брел вперед, раздвигая руками податливые ветви, пока не очутился на травянистой поляне, избежавшей к узловатым корням огромного дерева.

Конн все еще чихал и кашлял, отряхивая пыльцу злосчастного гриба, когда услышал рядом вкрадчивый, негромкий голос:

— Заблудился, бедолага?

Протерев глаза, король увидел невысокого молодого человека с приятным лицом, обрамленным светлыми кудрями. На кудрях лихо сидел венок, собранный из неярких полевых цветов. Человек улыбался, и его губы, как и остальные черты лица, тонули в известной уже королю полупрозрачной дымке.

— Твоя музыка спасла меня, — кивнул Конн на небольшую дудочку за поясом незнакомца. — Если бы не она, я стал бы частью леса...

— Рад, что сумел тебе помочь, — мягко сказал незнакомец, — хотя ни о чем подобном не помышлял. Я в последнее время редко играю, а тут захотелось вспомнить кое-что из сочиненного когда-то... Но ты зря пошел через лес, к Древу есть немало окольных путей.

— У меня не было времени, чтобы их разыскивать, — сказал король, — дело, за коим я прибыл в это странное место, не терпит отлагательств. На твоём лице я читаю благожелательность, и, быть может, ты не откажешься помочь мне еще раз. Но сначала следует представиться друг другу. Меня зовут Конн, сын Конана, я — король Аквилонии...

— Знавал я твоего отца, — отвечал дудочник без особого удивления, — он бывал здесь. Я пил с ним амброзию.

— Как! — вскричал Конн. — Конан-киммериец прошел через Перекресток Миров! Расскажи мне об отце, почтенный...

— Дамбаэль, — назвался дудочник с легким поклоном, отчего его светлые кудри упали на большие яркие глаза. — Когда-то я был младшим сыном Великого Апраксия и звался Дамбило.

— Ты получил волшебную дудку в дар от ямбаллахов! Так это она вызволила меня из смертельных объятий леса?

Дамбаэль кивнул и протянул королю инструмент. Дудка была невзрачной с виду, но, когда Конн взял ее в руки и поднес к глазам, он разглядел внутри темного гладкого корпуса мириады ярких, словно летящих из глубины точек. Как только он прикоснулся к инструменту, неяркое багровое свечение окутало дудку, и королю показалось что камень в его перстне слегка вспыхнул красным и тут же снова угас.

— Думаю, ты явился для того же, что и твой отец когда-то,— задумчиво молвил Дамбаэль, внимательно разглядывая поросший мхами ствол огромного дерева.— Конан отправился отсюда вниз по Темной Реке.

— Зачем? — с жадностью спросил Конн.

— А вот этого я сказать не могу,— улыбнулся дудочник,— и о твоих целях спрашивать не стану. Ты ведь тоже собираешься пуститься в плавание, не так ли?

Король кивнул.

— Скажи мне, где начинается река?

— Прямо под корнями. Идем, я покажу.

Дамбаэль забрал свою дудку, и они двинулись вверх по сочной траве, среди медвяных запахов и ленивых пчел, перелетавших от цветка к цветку. Все вокруг дышало покоем и негой, воздух был жарок, но свежие порывы ветра долетали время от времени откуда-то сверху, из густой кроны исполина. Под ногами что-то хрустывало, и, присмотревшись, Конн понял, что зря счел местность столь уж идиллической.

Под ногами потрескивали кости. Выбеленные солнцем, они во множестве валялись в траве, и сочные стебли пробивались между белыми ребрами человеческих останков, выползали из пустых глазниц черепов... Белые пятна виднелись повсюду — возле небольших валунов, кустов, на прогалинах, а один скелет лежал, глубоко утонув в муравейнике.

Король хотел было спросить, что это за погост такой, но Дамбаэль шагал впереди не оборачиваясь, негромко напевал:

Наши жизни — только ветер
С крыльев мельницы богов,
Носит нас легко по свету
От пустынь и до снегов.

Мы идем неумоимо,
Поспешая и сердясь,
Мимо, мимо, мимо, мимо,
Мимо тех, кто любит нас.

Мы спешим подняться выше,
Оставляя за спиной
Крыши, крыши, крыши, крыши,
Крыши вотчины родной.

Поспешая, наступая,
Оставляя навсегда...
И тогда нас принимает
Ледяная пустота.

И бредем дорогой белой —
Слева лед, и справа лед —
На губах заиндевелых
Слов несбывшихся полет...

Наши жизни — только ветер
С крыльев мельницы богов,
Нам легко гулять по свету
От пустынь и до снегов!

Под ногой Конна снова что-то треснуло. На сей раз — деревянная дощечка с вырезанной некогда руной. Дощечка была старая, подгнившая, а руну разобрать и вовсе было невозможно. Конн и его провожатый были уже в полете стрелы от основания дерева, трава кончилась, землю устилал ковер сухих листьев, среди коих во множестве валялись подобные дощечки, словно щепки, упавшие из-под топора неведомого лесоруба.

Дамбаэль остановился и опустил дудку, явно чего-то ожидая. Он сделал Конну знак, и тот вышел вперед, увидев между корней темную широкую нору. Рядом журчал небольшой источник, кое-как обложенный кам-

нями; вода с тихим плеском убегала под узловатые корни.

— Сюда? — спросил король, покрепче сжав в руке обломок гномьего ножа.

Обломок был острый и мог еще согдиться.

Было тихо, только потрескивали и попискивали многочисленные мелкие твари, ползавшие по стволу древесного исполина. Желтоватые безволосые создания с ладонь величиной семенили во все стороны, резво переставляя свои многочисленные ножки-присоски. Между выступами коры скользили красноватые тельца, похожие на пиявок. Время от времени они застывали, припадая к щелям круглыми беззубыми ротиками, — пили сок, насыщая свои длинные слизистые тела. Какие-то зеленоватые бесформенные сгустки неподвижно висели на мелких сучках, и когда неосторожный обитатель ствола приближался к ним, проворные щупальца захватывали добычу и втаскивали внутрь колышущихся утроб. Блестящие черные букашки ползали по спинам других созданий, надолго прилепляясь к какому-нибудь древесному обитателю, словно всадник к лошади. В глубине темных отверстий, испещрявших кору, копошились серые тени невидимых обитателей, и раз, прямо напротив Конна, из дыры высунулась и тут же скрылась головка, увенчанная рогами, на которых сидели два мутных глаза.

Ждать становилось невмоготу, но тут в норе под корнями заворочались, раздалось глухое бормотание, невнятные ругательства, и на яркий свет выползли три существа в живописных лохмотьях. Конн сразу решил, что сделали они это напрасно, ибо лишь тьма крошечная могла служить достойным обиталищем для столь убогих созданий. Тем более, что принадлежали они к полу, именуемому поэтами не иначе, как прекрасным.

Три мерзкие старухи явились его взору. Две были слепы, пустые глазницы шарили вокруг, не видя; третья, сухая и длинная, как жердь, имела единственный

глаз, сидевший слева от носа как-то ненадежно, словно готовый вот-вот выпасть.

— Ага! — заверещала эта старуха, уставив в грудь короля худой узловатый палец. — Пришел! А искупил ли ты, несчастный, родовое проклятие?!

— Ничего о таком не слышал, — отвечал Конн, безразлично отстраняясь от длинного ногтя, под которым чернела вековая грязь.

— У всех есть родовое проклятие, — запричитали незрячие, размахивая скрюченными руками, — уж мы-то знаем!

— Знаем и не обманем! — каркнула обладательница единственного глаза. — Возвращайся откуда пришел, искупи проклятие, потом и являйся. А то много вас таких ходит...

— Угомонись, матушка Атропа, больно ты непреклонная, — мягко сказал Дамбаэль, поглаживая свою дудку.

— Так и прозываюсь, — сварливо перебила старуха. — Атропа — значит Неотвратимая. А сестры мои: Лакеса, то есть Бросающая Жребий, и другая — Клота, Прядущая Нить. Только ни жребий кидать, ни пряжу распутывать незачем. Не пущу, и все тут!

— Да ведь это король, матушка, властитель величайшей державы подлунного мира...

— Ну и что? Проклятие — оно для всех, и для короля, и для золотаря...

— Позволь все же договорить. Это не просто король и повелитель самой могущественной державы на земле. Он — сын Конана-киммерийца.

Старухи разом застыли, широко разинув беззубые рты. Единственный глаз Атропы совсем приготовился выскочить из глазной впадины.

— Плоть от плоти? — подозрительно осведомилась наконец старуха, потирая себя пониже спины. Звук был такой, словно провели тупым рубанком по неструганному дереву.

Дамбаэль кивнул.

— Ох, сильный был муш-ш-ина, — томно протянула вдруг Лахеса, — как схватит меня под микитки, как швырнет... Почитай, на пятую ветку снизу как птичка улетела! Аж дух захватило. А что, сестрички, полетай вы с мое, может, подобрали бы... Дай, Неотвратимая моя, хоть погляжу на сына столь славного воина!

— Мне тоже порхнуть довелось, — мрачно молвила Атропа, — от пинка, да кубарем обратно в нору.

Она снова потерла тощие ягодицы, потом привычно вынула глаз и протянула сестре. Лахеса проворно вставила око под седую бровь и с жадным любопытством принялась рассматривать Конна.

— Хорош! — прошамкала она, кокетливо поводя плечиком. — А что, красавец, брошу-ка тебе руны, судьбу погадаю...

Она полезла в ветхую сумку, висевшую на поясе, и выволокла пригоршню сосновых дощечек, которые тут же рассыпались возле ее ног.

— Ну что за неловкая стала, — пробормотала старуха, — ничего в руках не держится...

Она с ворчанием опустила на колени и принялась перебирать руны.

— Будет тебе дальняя дорога, — неслоь снизу. — И бойся на дороге той черного человека. И за госпожой светлой приглядывай...

— А хула будет? — басом спросила молчавшая до сих пор Клота.

— Хулы не будет, вот чего не будет, того не будет... И наречется в потомках Конном Воздвигателем...

— Тогда и я гляну, какие узелки на его нити завязаны. — Клота бесцеремонно вырвала глаз у ползавшей на коленях сестры, склонилась над входом в нору и вытащила целый клубок намертво спутанной пряжи.

— Где ж ты тут у меня, — запричитала она, стараясь разобрать нити трясущимися пальцами, — непорядок, ох, непорядок, давно надо прибраться, да все заботы наши вечные...

Тут из прохода под корнями бесшумно возникло еще одно существо. Мерцающая накидка укрывала его с головы до пят, и трудно было разобрать, женщина то или мужчина. Существо зависло в трех пядях над корнями и, поглядывая на старух сквозь прозрачную ткань, печально кивало головой.

— Зря суетитесь, любезнейшие, — проворковало оно вкрадчиво, — сколько ни раскидывай ты, Лахеса, руны человеческого жребия, сколько ни путай нити судьбы ты, Клота, и сколь безжалостно ни разрушай то и другое ты, Атропа, властвую над всем я, Тиха, Богиня Случая. Слов нет, тьмы и тьмы человеческих существ, коих гнетет родовое проклятие, подвластны сочетанию рун и узелков на пряже, но вы могли уже убедиться, что среди людей встречаются те, кто может смешать все ваши планы... м-м-м... одним крепким ударом сапога. Воин, стоящий перед нами, прошел через Перекресток Миров, через лес, не убоился Поляны Смерти и теперь может войти под корни Древа.

Закончив речь, существо так же беззвучно кануло в темный провал. Старухи засуетились и полезли следом. Скоро на поляне остались лишь обрывки пряжи да раскиданные повсюду сосновые дощечки с едва различимыми знаками.

— Вот и отлично, — весело воскликнул Дамбаэль, — и дудка не понадобилась! Сварливые старушки, неприветливые, а Тиха эта — хуже всех. Бывало, и загадки все разгаданы, и руны слеглись, и узелок нужный завязался... Входи, значит. А тут Тиха вылезает — бац! — и от счастливец только голый костяк по поляне скачет. Попрыгает-попрыгает, да и упокоится...

— Опасное место, — кивнул король, — но, я так понимаю, отец здесь побывал и долгую память оставил.

— Да уж, — рассмеялся Дамбаэль, — круто он со старушками обошелся. Одну на ветви закинул, другую в нору загнал, а Клоту так ее пряжей обмотал, что потом Держатели Радуги приходили — помогать распутывать. Глаз, вот, один на троих сестрицам оставил,

чтобы все разом коварства свои творить не могли. А Тиха с ним и вовсе связываться не стала: вылезла, глазами похлопала и обратно под корни. И все же отец у тебя добрый — оставил норнам гляделку, а мог бы и последнюю забрать!

— Ты помянул о Держателях Радуги, — сказал король, которому было приятно услышать похвалы Конану-варвару из уст обитателя Лучезарного Мира. — Кто они? Их поминали великаны-локапалы...

— Так ты и с локапалами встречался? — как-то по-детски обрадовался Дамбаэль. — Боги сотворили их вместе с Держателями. Держатели стерегут радугу, мост между Земной Юдолю и Лучезарным Миром. Тебе Мараэль помогла, ее верная птица Хан-Херети свой хвост протянула, ты и прошел. Иные же норовят своими силами в Лучезарный Мир попасть, при помощи колдовства, Черного Лотоса, конопляных листьев или грибов охму... Да мало ли способов, и все они опасны: Держатели начеку, такую Огненную Скачку устроить могут, что не обрадуешься! Локапалы же были поставлены, дабы обитатели Земной Юдоли не шастали понапрасну из пределов в пределы. Только сыскался некий богатырь, запоматовав, как его звали, зачерпнул Воду Забвения и опоил Хранителей. С тех пор они сильно изменились и, говорят, впали в полное ничтожество...

— Это кто впал в ничтожество?! — раздался вдруг громоподобный глас.

Ветви кустов, окружавших вершину, затрещали и оттуда явился, вздымая огромный хобот и пританцовывая, черный, как ночное небо, слон. В его густой шерсти сверкали и переливались серебряные звезды.

— Диггаджи! — охнул дудочник. — Да откуда же ты взялся?

— Из Небесных Чертогов он взялся, — пророкотал сверху тот же голос. — А ты что думал, повелитель Севера на ишаке станет ездить?

Только теперь Конн догадался глянуть на спину слона. Там возвышался довольно объемистый павиль-

он, обтянутый снаружи шкурами снежных барсов, а изнутри выложенный расшитыми серебром одеялами. В полумраке павильона кто-то сидел.

— Тренещите, ибо страшен я в гневе! — пророкотал седок, и слон принялся протяжно и жутко трубить.

— Но, любезный Кубера-Нор, — сказал Дамбаэль, когда все стихло, — чем вызвали мы ваш праведный и, надеюсь, недолгий гнев?

— То есть как чем? Не ты ли, плевков под моими ногами, толковал что-то о Напитке Забвения и зеленой шерсти?

— О Воде Забвения говорил, рассказывая своему гостю древнюю легенду, — кивнул дудочник. — А вот зеленую шерсть что-то не припомню...

— Ладно, это я так... — смилостивился Хранитель Севера и полез наружу.

Шерсти на локапале не осталось ни единого клочка. Могучий торс, толстая шея, крупная голова в серебряной короне — пожалуй, лишь по выдающимся скулам, тяжелым челюстям да красным искрам, мелькавшим в хитроватых глазах, можно было признать прежнего Кубера-Нора. Серебряные подвески в виде звезд и полумесяцев украшали его грудь и бедра, серебром сверкали поножи и браслеты на широченных запястьях. Когда он встал на землю, макушка его оказалась выше спины чернотезного Диггаджи.

— Смотрите и восхищайтесь нашим блеском и могуществом! — возвестил великан. — Мы прибыли, дабы навести порядок во вверенных нам владениях.

— Очень рад, что тебе удалось обрести свои истинный облик, — с поклоном сказал Дамбаэль, — но разве владения твои — не в странах Севера?

— Хо-хэ! А тут что, по-твоему? Самый Север и есть. Макушка мира. И, раз я поставлен для охраны, этому человеку сюда хода нет.

— Но мойры...

— Да что мойры! — сердито оборвал великан. — Ничтожные бездельницы! В Земной Юдоли порядка давно

не стало, на Радуге-мосту не протолкнуться, а они при-
шлым всяким только загадки загадывают. Кто ходит
утром на четырех, днем на двух, а вечером на трех...
Тьфу, всем давно известно, что это кошка. Когда кол-
баску выпрашивает — на двух, когда лапу поранит —
на трех. Чего тут трудного? Всякий разгадает, да и
полезет по Древу. А полезет — непременно беды наде-
ляет. Хай-хо, я еще доберусь до старых кочерыжек!
Рассердился я, ох как рассердился... Убирайтесь-ка
поживее, не то испепелю взглядом!

В подтверждение своей угрозы он принялся бешено
вращать зрачками, и глаза его стали совсем красными.
Потом что-то зашипело, и возле ног Конна образова-
лась черная проплешина: сухие листья просто исчезли,
а рунные дощечки обуглились и занялись по краям.

Тут Дамбаэль приложил к губам дудку и заиграл.
Мелодия была грустная, щемящая сердце: сразу же
захотелось куда-то идти и больше не возвращаться...

Кубера-Нор перестал вращать зрачками и уставился
на игроца. Почесал щеку, поковырял в ухе, потом ска-
зал:

— Знаешь что, х-э-э... Может, и тоскую я по брать-
ям. Вернавест на западном конце замок себе ставит.
Мрачный такой, неприступный... На востоке и в иных
пределах тоже работа кипит. *Время* близко, раз лока-
палы прежний облик обретают... Может, и стоило бы
всех повидать, помочь в чем... Я ж самый умный среди
братьев... Только я отсюда ни ногой, понял?! — заорал
он вдруг. — И прекрати хандру наводить, а то я тебе
дудку в горло запихну и через задницу выну!

— Пожалуй, нам лучше уйти, — шепнул Дамбаэль
на уху королю, — что-то музыка моя на него не дей-
ствует... То ли дудка отсырела, то ли повелитель
Севера засиделся в Земной Юдоли и силенок чрезмер-
ных скопил — глядишь, и вправду порядок станет на-
водить...

Кубера-Нор уже стоял к ним спиной, внимательно
разглядывая мелких тварей, ползавших по стволу

Мирового Древа. Твари трепетали и прятались. Звезд-
ный слон Диггаджи шумно тянул хоботом воду из
родника под корнями.

— Вот-вот, идите, — сказал локапал через плечо, —
нечего, понимаешь, некоторым нос совать, куда не про-
сят. Скажем, стоит в углу чучело тролля, так, значит, на
то причина есть ему чучелом быть, что бы там не
виделось чересчур зоркими гляделками...

Он еще что-то ворчал, но дудочник и король уже
обогнули ствол, и Кубера-Нор пропал из виду.

Пока они шагали по едва приметной тропинке, бе-
жавшей вниз по склону прочь от гигантского ствола,
Дамбаэль слушал рассказ Конна о чучеле, под которое
локапалы замаскировали палицу Таркина. Дудочник
смеялся, похлопывал себя по голым ляжкам (одет он
был лишь в короткую легкую тунику, перепоясанную
золотистой тесемкой) и шумно выражал одобрение
проворству рыцаря Дагеклана. Потом посерьезнел и
сказал:

— Да, видно *время* и впрямь наступает... Хочешь
знать о нем побольше? Мне и самому не все известно,
но *время* сулит большие перемены там, на земле. Про-
изойдет великая битва, как предрекал пророк Иорда.
Правда, пророчества его туманны, и каждый толкует их
в свою пользу. Руги считают, что будут биться с Хра-
нителями и их армией, одолеют и размножатся по всем
странам земным... Сейчас они не могут перебраться
через кольцо Огнедышащих Гор, но запоры спадут, и
племя ругов овладеет всем земным миром...

— Как знать, — откликнулся король. — На Гиркан-
ском материке многие короли, вожди и иные власти-
тели спят и видят, что завоевали все страны и народы.
Мой отец создал великую державу, простирающуюся от
северных гор до южных морей, но он правил справед-
ливо и никогда не помышлял покорить весь мир. Думаю,
подобные замыслы — безумие.

— Кто знает, — негромко сказал дудочник, — боги
иногда затевают весьма странные игры... Вот мы и

пришли, король, здесь обитают друзья, они проведут к Темной Реке окольными путями.

Они оказались на круглой поляне, посреди которой, затененные ветвями раскидистых маленьких деревьев, высились рядом девять холмов. Земля на холмах была чистая, словно выметенная.

— Здесь мы расстанемся, — сказал Дамбаэль, — тебя встретят и помогут. Возьми мою дудку.

Предложение было неожиданным, и король замешкался.

— Бери, бери, — улыбнулся младший сын Великого Апраксая, — я здесь давно, меня и без дудки привечать будут. Это не подарок: как только вернешься в Земную Юдоль, избавься от нее. Дудка будет полезной, пока ты здесь, но, возвратясь, зарой ее поглубже, а лучше — похорони в соляных пластах, в могилах предков ей самое место. Я уже Мараэль передал: и меч, и плетку, что мы с братьями когда-то ради выкупа получили, все надобно в соли спрятать. Дары небожителей не приносят удачи, тому пример история нашего народа. Когда-то мы были едины, но, приняв дань ямбаллахов, распались на враждующие племена... Присовокупи излучатель к остальным артефактам, пусть их схоронят в Белых Пещерах.

Конн хотел было переспросить мудреные названия, но, когда поднял глаза от чудного инструмента в своих руках, Дамбаэль уже исчез. Король осмотрелся. Было пустынно и тихо, никто не торопился его встречать. Он подошел к ближайшему холму и увидел, что одна его сторона срезана, словно ножом. Возле самого основания виднелось маленькое крылечко, сиявшее ослепительным блеском, будто обитатели холма день и ночь чистили вход бархатными тряпочками. Пожалуй, подумал Конн, этим обитателям дядюшка Гнуб покажется настоящим великаном...

Словно в подтверждение его мыслей дверь распахнулась и на ступеньки вышел крошечный человечек с головой ящерицы. Он был не больше резной фигурки

с игрушечной галеры, стоявшей в опочивальне Конна в тарантийском дворце. Голова его совсем не портила, он был стройный и очень милый, за плечами у него топорщились два маленьких полупрозрачных крылышка, пониже спины — изящный перламутровый хвостик.

— Входите, Ваше Величество, стол уже накрыт! — пропищал человечек.

И Конн вошел. Просто вошел и оказался на пересечении трех коридоров, ведущих в три разные комнаты. Комнаты были овальные и не отделялись от коридоров ни дверьми, ни перегородками. Одна была выложена золотыми, другая серебряными, третья медными панелями. Из всех трех доносились аппетитные запахи, из каждой свой собственный.

Конн стоял и принюхивался. Он понять не мог, как уместился в крошечном жилище человечка-ящерицы и куда тот делся, но постепенно голод затмил все мысли, и король вспомнил, что не ел очень давно — целую вечность.

Из комнаты с золотым убранством пахло жареной птицей, приправами и яблоками. Из серебряной тянуло умопомрачительными ароматами сдобных булок и заварных кремов. Из медной комнаты долетал аромат парной рыбы и пататового соуса. Конн очень любил пататовый соус и решил двигаться в том направлении.

— Я так и знал, так и знал! — возник рядом человечек с головой ящерицы. Был он теперь королю по колено. — Какая честь, государь, какая радость для всей моей семьи...

— Эй, Бу, о какой это ты семье толкуешь? — послышался сзади недовольный писклявый голосок.

Из золотой комнаты по коридору семенил на тонких ножках худущий карлик в высокой шляпе с узкими полями. Был он одет во все черное и более всего напоминал марионетку из театра бродячего кукольника. Нос его, длинный и острый, торчал угрожающе, как клинок зингарской шпаги.

— Ну, это так говорится, Пинокль, — нетерпеливо отмахнулся Бу, — семья, домочадцы, мал мала меньше... Государь рыбу желает кушать, и все тут!

— Нет не все! — заупрямился Пинокль. — Моя утка с яблоками ничем не хуже, а если говорить, положила руку на сердце, гораздо лучше твоей рыбы.

— Да не нужна ему твоя утка! — закричал малыш Бу, топнув ножкой и вздернув перламутровый хвостик. — Не за тем он сюда пришел. Его Величеству надобно рыбки откусать, ему по водам темным плыть предстоит!

— И оба вы не правы, друзья мои, — раздался третий голос, принадлежавший толстяку в белом халате и поварском колпаке. — Булочки, только сдобные свежайшие булочки с заварным кремом, дарующие телесную силу, надлежит вкушать перед дальними странствиями.

Мне мил мой хлеб, и более — не надо,
Глоток воды поистине мне свят,
Мне не грозит тиран, не страшен ад!

Прошу, Ваше Величество, в мои серебряные покои, Тлопо худого не посоветует!

Конь растерянно поглядывал на троих обитателей холма, которые вступили в ожесточенную перебранку, оспаривая честь принять у себя гостя.

— Послушайте, — сказал король, — я охотно приму приглашение каждого из вас...

— Сначала рыба! — воскликнул Бу.

— Нет утка! — заартачился тощий Пинокль.

— Булочки, булочки! — кричал Тлопо, и полные его щеки пылали пунцовым цветом. — Ты, хвостатый, и рыбу-то недожарил, первым на крыльцо выскочил, чтобы гостя заполучить! И Пинокль туда же, вечно повсюду свой длинный нос сунуть норовит. Только я старался, цукаты да марципаны раскладывал, глазурью сверху поливал, орешками толчеными присыпал...

Он еще что-то толковал о своих кулинарных изысках, не замечая, что смолкнувший Пинокль мрачно на него уставился.

— Что, что такое? — осекся толстяк. — Не смотри на меня так не надо!

— Ты, кажется, что-то сказал о моем носе? — осведомился тощий.

— Да что ты, — зачастил любитель булочек, — вовсе и не думал...

— Может, тебе не нравится его цвет?

— Хороший цвет...

— Или его форма?

— Но, право...

— Или ты считаешь, что своими размерами он превзошел все мыслимые пределы?

— Да он совсем маленький! Крохотный просто носик...

— Ах, крохотный, — сказал Пинокль зловеще. — Неслыханная дерзость!

В руках тощего сверкнула шпага. Откуда она взялась, понять было трудно, но толстый коротышка не удивился и тут же выхватил из-под полы поварского халата закопченную кривую кочергу. Оба встали в позицию.

— Вот плут, вот негодяй! — грозно пищал длинноносый, делая выпады. — Не хочешь ли вот так? А может быть, вот так?

Тлопо ловко отбивался кочергой, приговаривая:

— Какой-то выскочка... Из подозрительных... и даже без перчаток... Так говорит со мной! Но ничего, я буду краток, и вмиг размажу наглецу мозги...

Они самозабвенно топтались по коридору, напрочь позабыв о госте. Бу тронул короля за рукав.

— Пока они скажут, — шепнул, — можно славненько перекусить. Из-за стола нам все отлично будет видно.

— Надо их разнять, — сказал Конн, — повод для ссоры пустячный, а дерутся они всерьез. Могут поубивать друг друга...

— Конечно могут, — важно кивнул Бу. — Что за дуэль без смертоубийства — баловство одно. А разнимать их не стоит, не получится.

Королю ничего не оставалось, как отправиться в медную комнату и насладиться отлично приготовленным осетром, обложенным раковыми шейками, улитками, базиликой и эстрагоном. Пататова подливка подавалась в изящных соусницах и тоже была отменной.

Отрезая сочные куски и подкладывая королю на тарелку, человек-ящерка ворчал:

— Рыбу недожарил, надо же... Специалист нашелся! Да разве осетрину когда жарят? На пару ее готовят, на пару, милостивые господа мои, тогда и мясо выходит нежнейшим, и дух от него такой, что у мертвого слюнки текут...

— Поистине вы знатный кулинар, месьор Бу,— сказал король, утирая губы поданной салфеткой,— и достойны занять место главного повара в моем тарантийском дворце...

— Бывали-с,— откликнулся Бу польщенно.— Хороший дворец, большой, только сквозняков много — сдувает.

И, заметив удивленный взгляд Конна, объяснил:

— Имел честь посетить столицу Тарантии и даже участвовать в Празднике Плодов. Славный был карнавал!

— Так ты сопровождал госпожу Ишшу? — воскликнул король.— Она похитила часть силы нашего Талисмана! Желаю ее немедленно видеть!

— Не стоит так волноваться,— мягко сказал дух-ящерка,— госпожа Ишшу сейчас далеко, участвует в новогодних мистериях за тысячи лиг на закат через Западное море и сотни тысяч лет в будущее. Но, клянусь Астральным Светом, мы вовсе не собирались похищать Силу. Когда брегон Да Дерг изгнал нас с площади перед вашим дворцом, произошла абберрация пространственно-временного перемещения, и часть энергии, действительно...

— Опять это мудреное слово! — Конн в сердцах хлопнул ладонью по столу.— Фаллиец тоже толковал

об абберрации, благодаря которой вы, веселые духи, вырвались в наш мир! Всегда подозревал, что даже самые могущественные чародеи колдовать до конца толком не умеют. Ныне приходится собирать Силу по крупницам. Не знаю, удастся ли это теперь, когда брегон столь нелепо погиб. Но у меня сейчас другая задача. Отведи меня к Темной Реке, дух, и научи, что делать дальше.

Бу засуетился. Достал с полки берестяную торбу и принялся сгребать в нее объедки со стола. Потом повесил торбу через плечо и жестом предложил королю следовать за собой.

В коридорах все еще продолжалась дуэль.

— Меня, дружище, не сразить, зачем нарвался ты на вызов? — вопрошал Пинокль, ловко отбивая кочергу Тлопо и сам делая выпады. Толстяк весь вспотел, его пухлые щеки подрагивали в такт движениям.

— Нет, нет, последний мой удар настигнет дерзкого нахала,— пыхтел он, размахивая своим оружием и тяжело притопывая,— назвал меня ты дураком, за то тебе не будет мало...

Король и дух-ящерка поравнялись с дуэлянтами, которые не обратили на них никакого внимания.

— Вот кривляки! — кивнул на них Бу.— После Третьей или Четвертой Великой Катастрофы, не помню точно, театриков расплодится, как сейчас пивнушек. Лицедеи в большом почете будут. Ну вот, Пинокль и Тлопо в будущее слетали, насмотрелись...

— Значит, поединок их потешный? — спросил Конн, поглядывая на сизый кровоподтек под глазом тощего дуэлянта.

Бу не успел ответить. Пинокль закричал:

— Молитесь, принц! Конец вас ждет. Ага! У вас дрожат поджилки? Раз, два — пресек... Три — финт... Ну вот, скорей давай сюда носилки!

Шпага тощего легко проткнула пухлую грудь Тлопо. Толстяк зашатался и рухнул на пол коридора. Кровь быстро пропитывала его белый поварской халат.

— Ура! — торжествующе завопил Пинокль. — Попал, попал!

Потом сделал трагическую мину, обнажил голову и произнес с подвываниями:

— Пусть четверо капитанов поднимут на руки отошедшего в вечность и, как воителя, положат его на высокий катафалк...

— Он его убил? — спросил Конн, шагая вслед за духом-ящеркой и оглядываясь через плечо.

Тлопо по-прежнему лежал посреди коридора бесформенной белой кучей. Никаких капитанов не наблюдалось.

— У элементаров нет постоянного обличия, — сказал Бу, — мы можем менять тела, когда пожелаем. У Тлопо в шкафу целый гардероб, так что сейчас он, должно быть, уже примеряет какого-нибудь кобальда или эльфа.

Коридор понижался, становясь все уже. Конну показалось, что Бу несколько подрос, а может быть, король сам уменьшился — ему надоело отмечать все странности Лучезарного Мира, теперь он принимал их как должное.

Провожатый отвалил в сторону тяжелый валун, и они оказались в мрачном подземелье. Здесь было сыро, под ногами поблескивала вода. Была она мутная, дурно пахнущая, полная бледных жуков-плавунцов и водомоек. Слизистые бесформенные комочки висели на стенах, освещая все мертвым зеленоватым светом.

— Осторожнее, Ваше Величество, — Бу замедлил шаг и зачем-то извлек из торбы рыбий хрящик. — Низшая форма жизни, но весьма опасная...

Не успел он договорить, как один из комочков оторвался от стены и с плюханьем упал в воду. И сейчас же огромная беззубая пасть возникла перед королем, стремясь поглотить его целиком. Конн не успел пустить в ход обломок ножа — Бу метнул останки осетра прямо в бездонные глубины чудовища. Пасть захлопнулась, проглотит сжался до прежних размеров и лениво поплыл куда-то средь мутных вод.

— Эти твари способны слона умять, — проворчал Бу, подавая Конну пригоршню объедков. — Как пасть раззявят — кидайте...

Так двигались они дальше, подкармливая низшую форму жизни, и Конн мысленно благодарил Митру, что осетр был огромным, а голод, вопреки ожиданиям, не столь уж сильным. Объедков вполне хватило, чтобы миновать опасное место.

Наконец спереди потянуло могильным холодом, и они вышли на берег Темной Реки. Воды ее напоминали черную лаву, они медленно текли под сводами огромного тоннеля, туда, где далеко впереди маячил неясный свет. Возле самого берега на воде что-то темнело, рядом горел костер, бросавший отблески на мрачное лицо человека, обращенное к путникам.

Из темноты выступил огромный пес. Имел он три головы, глаза-тарелки, и вместо шерсти по всему телу его извивались мелкие чешуйчатые гады. Пес оскалил все три пасти и зарычал.

— Лежать, Керб, — сказал сидевший возле костра человек, — мне за них госпожа с посохом поручилась. И не вздумай лаять, аконитов твоих не хватало. Начнет гавкать — слюна летит, — объяснил он, — и куда упадет — цветы ядовитые вырастают, акониты. До тех цветов много охотников: приходят, канючат, о вечном думать мешают... Вас гнать не стану — ты, Путник, и ты, дух-хранитель, можете подняться на корабль.

Когда Конн и Бу подошли ближе к огню, стало видно, что человек сидит к ним спиной, хотя черные лишённые зрачков глаза его по-прежнему смотрели прямо в лица пришельцев.

Глава шестая МАКАБРАСК

Плыви, корабль, неси, вода,

Неси туда, где невода.

А если не туда — так тоже не беда!

Заговор рыбаей

Странный это был корабль, непохожий ни на одно виденное королем судно. Не было у него ни мачт, ни парусов, на корме и носу возвышались надстройки, похожие на небольшие крепости. Впереди, широко раскинув недвижные крылья, темнела носовая фигура: чудище с человеческим торсом, покрытым перьями, и змеями вместо ног, крепко оплетавшими форштевень. Голова у существа была драконья, с длинным рогом во лбу, увенчанным круглым голубым фонарем.

Жуткие истуканы застыли на страже по бокам задней надстройки. Хотя они были поменьше носовой фигуры, причудливостью своей превосходили ее по всем статьям. Было у них по три головы — львиная, козья и змеиная, а тело словно шито из кусков этих трех животных. Рядом с этими созданиями трехголовый Керб казался милой домашней собачкой.

Из кормовой и носовой надстроек на палубу выходили двери, а над ними прибиты были бронзовые дощечки с какими-то надписями. Поначалу Конн решил,

что знаки ему неизвестны (они походили на стигийские иероглифы), но письма вдруг сложились в аквилонские буквы, и он прочел изречение на кормовой надстройке: «Оставь надежду на светлом берегу». Над входом в носовое строение значилось: «Отходя ко сну, помысли о том, что, как ныне укладываешься ты на свое ложе, тело твое вскорости уложено будет другими в могилу».

Конн с некоторым содроганием вступил на палубу Корабля Мертвецов. Он слышал о нем, но не думал, что доведется подняться на борт мрачного судна до того, как перестанет биться сердце. Палуба, как и все судно, не была деревянной, а слагалась из мелких блестящих чешуек.

— Ногти мертвецов, — пояснил хозяин, когда они поднялись по трапу. — Не велика плата за перевоз, а нам польза. Суденышко старое, латать часто приходится. Входите, входите, с живых ничего не берем.

Кормчий с вывернутой шеей, назвавшийся Хроном, наводил жуть не меньше, чем его корабль. Правда, лишь поначалу: чувствовалось, что Хрону нечасто приходится возить живых, а с тенями бесплотными — много ли поболтаешь? Шагая по палубе, кормчий охотно пускался в объяснения.

— Воды Темной Реки медленны и слишком вязки, — говорил он, вращая головой, словно флюгером. — Да и не воды это, а спрессованная Пустота, если вы понимаете, о чем я. Так что приходится кораблик подгонять. Вот здесь, посередине, имеется колесо, наш главный движитель.

Полое колесо выступало над палубой между кормовой и носовой надстройками локтя на три. Оно имело лопасти, а внутри, между спицами, маячили какие-то тени. Как только кормчий отдал приказ отправляться, тени пришли в движение, и колесо медленно повернулось. Без всплеска судно отвалило от берега — казалось, оно плывет над поверхностью Темной Реки.

— Живее, каналы бесплотные! — рявкнул Хрон голосом заправского морского волка, становясь к рулевому веслу. — Нам еще в двух местах пристать надобно, а пассажиры ждать не любят!

Трехголовый Керб улегся возле колеса, грозно порывая. Тени внутри мелькали все быстрее, между лопастями то и дело возникали и тут же таяли неясные лики. Конн готов был поклясться, что один туманный образ был как две капли воды похож на задушенного Великим Киммерийцем короля Нумедидеса, портрет которого он однажды видел на чердаке тарантийского дворца. Впрочем, может быть, это ему только показалось.

Корабль Мертвецов вышел на середину реки, и вид по ее берегам сразу же изменился. Тяжелый каменный свод все еще заменял небо над Темной Рекой, но справа вдруг заиграло солнце, и его лучи осветили идиллический пейзаж: возделанные сады, колосающиеся нивы и тучные стада, ухоженные деревеньки, храмы под золотыми куполами и города за высокими зубчатыми стенами. На башнях реяли разноцветные флаги, всадники в дорогих одеждах скакали по ровным дорогам на великолепных конях, и народ, приветствуя их, бросал в воздух шапки.

— Мир живых, — ухмыльнулся Хрон, — такой, каким они хотят его видеть.

Конн посмотрел на левый берег, тонувший в сумраке. Там, по бескрайним пространствам, медленно шествовали вереницы серых теней, а далеко на горизонте проступала сквозь мглу призрачная громада неведомой цитадели, упиравшейся в облака.

— Серые Равнины... — прошептал король, не в силах оторвать взор от этой мрачной картины.

— Точно, — кивнул Хрон, — а замок, который отовсюду виден, зовется Мокрая Морось, и обитает там Хель Безжалостная, хозяйка тех мест.

— Я думал, повелитель Серых Равнин — Нергал.

— Серые Равнины — еще не весь Нижний Мир. Нергалу ведомы места куда страшнее. Он бывает, где

захочет, и появляется там, где ему вздумается. Тех же, кого я перевожу через Гьелль, встречает Хель Безжалостная.

— Гьелль?

— Темная Река имеет много названий, но это неважно. По ней можно приплыть куда угодно, если, конечно, знать лоцию. Я знаю и доставлю вас по назначению. Но сначала мы сделаем пару остановок. Шевелись, каналы!

Он навалился на рулевое весло, судно заскрипело и медленно стало приближаться к залитому солнцем берегу. Неподалеку, в густой тени оливы, возле звонкого ручья устроилась парочка: отрок и юница в праздничных пестрых одеждах. Они самозабвенно целовались, и ласковый ветерок трепал ленты, вплетенные в косы девушки.

Мрачное судно приближалось. Керб вздыбил змееподобную растительность на хребте и глухо зарычал.

— Неужели ты хочешь забрать их в самый разгар любовных утех? — мрачно спросил Конн кормчего. — Они столь молоды и невинны, что умрут от одного жуткого вида твоего корабля!

— Они не видят ни реки, ни нас, ни Корабля Мертвецов, — скривил Хрон тонкие губы. — А стоило бы — жизнь так быстротечна...

И, сложив ладони рупором, гаркнул, перегнувшись через правый борт: «Живущий, помни о смерти!»

В тот же миг ветви кустов раздвинулись, и какие-то люди, размахивая дубинками, бросились на влюбленную пару. Крики и стоны огласили солнечное утро: нападавшие страшно ругались и вязали молодых толстыми пеньковыми веревками. Корабль Мертвецов едва миновал оливу, а изрядно помятых и связанных влюбленных уже волокли к лошадям за кустами...

— Ты накликал на них беду, — сурово молвил Конн, — ты, исчадие тьмы...

— Ничего подобного! — Хрон откровенно веселился. — Суровые испытания — лучшая проверка для под-

линности любовных чувств. Эти двое принадлежат к враждующим родам, но сейчас, по большому счету, им ничего не грозит. Девушке дадут розог и оставят без сладкого, юнца запрут в темную, а потом отправят на летние сборы ополчения. Если любовь их — истинная страсть, они найдут способ вновь соединиться: убегут за море или примут яд... Возможно, какой-нибудь сочинитель напишет о них прекрасную поэму. Так что мы, исчадия мрака, даруем поэтам источник высшего вдохновения!

Он поклонился, вывернув шею так, что его черные без зрачков глаза уставились на каменные своды над Темной Рекой.

Корабль Мертвецов плыл теперь вдоль солнечной стороны, но люди, попадавшие на берег, его не видели. Они спокойно занимались своими будничными делами, и только какая-то толстая крестьянка, половшая огород, вдруг схватилась за сердце и уставилась туда, где за кустами боярышника проплывало мрачное судно.

— А тебе, матушка, пора в Макабраск, а то и поплясать толком не успеешь, — проворчал Хрон.

— Что это за Макабраск? Город? — спросил король.

— Кладбище невинноубиенных младенцев, — пояснил кормчий, — веселое местечко, если вы понимаете, о чем я. Сейчас сами увидите — мы пристанем там, что бы принять на борт груз.

Впереди показалось ровное, утоптанное множеством ног место, обнесенное полурухнувшей галереей. Под ее обломками кое-где виднелись запущенные, заваленные горами мусора могилы. Галерея обрывалась у берега и в плане напоминала конскую подкову. Через уцелевшие арки и проломы внутрь этой странной арены валом валил народ.

Керб зарычал громче, лопасти закрутились быстрее, тени мелькали между спицами, как белки в потешных колесах, на которые так любят глазеть праздные зеваки в танасульском зверинце. Хрон навалился на рулевое весло, направляя судно к деревянной пристани.

Борт, покрытый ногтями мертвецов, шаркнул по мокрым доскам, и Корабль Мертвецов застыл у причала.

Никто из толпившихся на площади на него не смотрел. Здесь шла стремительная, самозабвенная пляска. Мужчины, женщины и дети, старики и молодежь, знатные особы в роскошных платьях и нищие в лохмотьях кружили в пестрых хороводах, парами и в одиночку, заламывали шапки, рвали на груди рубахи, били ладонями по коленям, пускались вприсядку или колесом, девушки высоко подбрасывали ноги в срамном накладе, обнажая свои прелести до пупа, почтенные матроны крутили толстыми задами и проворы-мальчишки, не забывая кривляться и гримасничать, ныряли им под многочисленные юбки...

Зрелище сие можно было бы счесть за деревенскую ярмарку, если бы не отсутствие музыкантов. Плясуны выделяли свои коленца в полном молчании, только сопение да оханье слышались над площадью. Люди щерили зубы в улыбках, кто-то даже хохотал хрипло и надсадно, но музыки, способной вдохнуть в происходящее хоть какой-то смысл, не было, и странные танцы производили удручающее впечатление.

— Эти люди сбежали из скорбного дома? — спросил Конн, оборачиваясь.

Дверь задней надстройки была открыта, Хрон куда-то исчез.

— Они прибыли в Макабраск, дабы принять свою участь, — пропищал над ухом голосок Бу. Дух-хранитель устроился на правом плече короля, крепко вцепившись лапками в ворот безрукавки. — Многим из них придется подняться на борт Корабля Мертвецов.

— Тогда чего они так веселятся?

— То, что ты видишь, называется Пляской Смерти... Смотри!

Среди плясунов появилась согбенная серая фигура. Голову скрывал капюшон, полы длинного одеяния волочились по земле, разлетаясь в стороны и открывая втянутый голый живот. Поначалу Конну показалось,

что пояс неведомого существа украшен желто-зелеными подвязками, но, присмотревшись внимательней, король содрогнулся от ужаса и отвращения. Живот был вспорот, из прорехи свисали внутренности, облепленные роем жирных мух.

Передвигаясь неверными шажками старенького учителя танцев, серое существо семенило в гуще плясунов, и те отшатывались в сторону, не прекращая, впрочем, скалить зубы и танцевать.

— Кто это? — шепнул Конн похолодевшими губами.

— Малах Га-Мавет, — так же тихо отвечал дух-ящерка, — демон-истребитель, посланец Нергала. Он решает, кому отправиться на левый берег Темной Реки.

Га-Мавет тем временем приблизился к тощей женщине в темном одеянии и выпростал длинную руку. Серая ткань широкого рукава соскользнула, открывая кости с висевшими клочьями остатками плоти. Демон легко, даже ласково, коснулся плеча женщины; она замерла, сторбилась, невидяще шаря вокруг мутными глазами, и побрела к пристани. За ней последовал старик с клюкой, толстяк с явными признаками базедовой болезни и весь покрытый гнойными язвами нищий — все они тоже удосужились прикосновения посланца Нергала.

Никто не провожал их даже взглядом — неистовая пляска продолжалась.

— Как они покорны... — пробормотал король, удрученный безмолвным действием.

— Это больные, силы их истощены, и смерть для них — избавление, — пояснил Бу. — Но не все столь легко согласятся переплыть Гьёлль...

Малах Га-Мавет все так же неторопливо бродил среди толпы, выбирая новые жертвы. Вот он задержался возле упитанного горожанина в добротном платье и застыл, как бы раздумывая.

— Нет! — завопил человек, закрывая руками мясистое лицо. — погоди! Мне уже дважды делали крово-

пускание, и лекарь говорит, что я пойду на поправку! Все это из-за разлития желчи... Повремени!

Костлявый палец коснулся его плеча. Мужчина всхлипнул, руки его опустились, он сился еще что-то сказать, но только махнул рукой и побрел к причалу.

Вслед за ним поплелся франтоватый вельможа с золотыми серьгами в ушах. Только что он лихо отплясывал замысловатый менуэт с разодетой дамой, но, как только дама уронила платок и вельможа склонился, чтобы поднять его с земли, костлявый палец коснулся его плеча.

— Как! — воскликнул несчастный, с ужасом глядя на кровавое пятно, расплывавшееся по кружевам его щегольского камзола слева от ряда золотых пуговиц. — Муженек все же подослал убийц!..

Он выпрямился и ошалело уставился в темноту под капюшоном Га-Мавета.

— Может, рана не смертельна? — спросил вельможа с робкой надеждой. — Я могу нанять самого искусного лекаря... Любые противоядия, грязевые ванны... Я слишком молод, чтобы умирать, проклятая потаскуха! — заорал он вдруг в лицо своей возлюбленной.

Дама взвизгнула и, подобрав юбки, побежала к арке, отделявшей Кладбище невинноубиенных младенцев от мест более уютных. Демон-истребитель не стал ее преследовать: видимо, девице предстояло еще немного погрешить в Земной Юдоли. Ее кавалер, наблюдая это поспешное бегство, сник и покорно потащился к берегу.

Обреченные все шли и шли к пристани, и возле борта Корабля Мертвецов мало-помалу собралась целая толпа. Покорные своей участи люди (или уже — тени?) поглядывали вверх, туда, где у борта стоял Конн с духом-хранителем на плече, и король невольно отвел глаза, вновь глянув поверх голов — на площадь, которая уже почти опустела.

Там, царапая щеки и посыпая голову пылью, билась какая-то молодая женщина. Она то каталась по земле,

то простирала к Темной Реке худые обнаженные руки. Демон стоял рядом, вытянув узловатый палец по направлению к кораблю.

— Ты не можешь ее заставить! — забывшись, громко воскликнул король. — Она слишком молода и прекрасна, чтобы умирать!

— Ошибаешься, — печально шепнул Бу, — вовсе не эту женщину посылает Малах в обитель Безжалостной Хель...

И тут Конн увидел: прямо по воздуху плыл в их сторону маленький розовый сверток. Негромкий детский плач сопровождал его скольжение, и вопли матери неслись следом...

— Он отнял новорожденного ребенка... — Шепот духа-хранителя дрогнул и прервался.

— Это несправедливо! — Конн невольно сжал рукоятку ножа с обломанным лезвием. — Неужели ничем нельзя помочь?

— Ничем...

Нож гнома явно не годился. Конн пошарил за поясом, и пальцы его наткнулись на дудку Дамбазля. Не сознавая, что делает, король извлек инструмент ямба-лахов и поднес его к губам. Томные, обволакивающие звуки понеслись с борта мрачного корабля навстречу медленно плывущему ребенку. Звуки были столь густы и насыщены, что напоминали сонные потоки Воды Забвения; они подхватили розовый сверток и понесли его обратно — в руки матери.

Конн ждал, что Малах Га-Мавет немедленно обрушит свой гнев и на женщину, и на ребенка, и на него самого, но демон-истребитель равнодушно отвернулся и зашаркал прочь, к новой жертве.

Когда чуть было не утраченный малыш оказался в руках матери, она крепко прижала его к груди, вскочила и бросилась бежать к пролому в галерее, оглашая воздух безумным хохотом...

— Ну, и чего ты добился? — раздался рядом чуть насмешливый голос Хрона. Кормчий только что вышел

из задней надстройки и встал, опираясь на борт, рядом с королем. — Бедняжка лишилась разума от счастья, теперь ее запрут в скорбный дом, а сопляка сдадут в сиротский приют или продадут в работники. Нет, не продадут, ребенок страдает врожденным слабоумием, так что просто сдохнет где-нибудь на помойке. А ведь на левом берегу для невинных душ предназначена Купель Блаженства! Вот что бывает, когда сентиментальность одерживает верх над целесообразностью.

Конн промолчал, да кормчий и не собирался выслушивать ответ короля. На пристани столпилось уже порядком народу — пора было начинать погрузку.

Хрон принялся что-то выкрикивать на непонятном языке, трехголовые демоны на корме ожили и спустились сходни. Сами же встали по краям, грозно ощерив львиные, козьи и змеиные пасти и вращая огненными глазами. Зрелище было внушительным.

Скорбная череда навсегда покидавших солнечный берег потянулась на борт, исчезая в открытых дверях, над которыми поблескивала бронзовая надпись, предлагавшая оставить всяческие надежды... Люди еще сохраняли свой земной облик, но было заметно, что тела их постепенно истончаются, становясь похожими на плотную дымку, многие, толкаясь, проникали сквозь соседей, и тогда жалобные стоны оглашали палубу корабля...

Когда последние тени уже исчезали в темном провале двери, на площади, окруженной руинами галереи, раздался страшный шум и металлический лязг. Через самую большую арку въехал на хромающем, закованном в конские латы жеребце рыцарь могучего телосложения. Он был без шлема, кровь запеклась в спутанных волосах, нагрудник был рассечен ударом тяжелой секиры.

— Кажется, здесь, — пробасил рыцарь, пошатываясь в седле, но все же крепко сжимая повод. — Эй, Смерть, зову тебя!

К этому времени на площади, кроме Малах Га-Мавета, никого не осталось, и всадник уверенно подъехал к демон-истребителю.

— Ты, что ли, безносая с клюкой? — спросил он грозно, словно Малах Га-Мавет готовился сдать ключи от побежденного города.

Посланец Нергала ничего не ответил, только поднял длиннющие руки так, что серые рукава съехали к самым плечам.

— Судя по костяшкам и торчащим кишкам — ты и есть. Давай забирай меня отсюда.

Рыцарь тяжело полез с лошади и едва не упал: чуть выше левого наколенника торчал обломок стрелы.

— Шевелись, поедатель падали, — рявкнул воин, — да ребятушек моих прихвати: они славно дрались, и, если бы не подлая засада в ущелье Донгон, немало б еще девиц перепортили да голов неверным поотрубали!

Тут появились его воины: израненные, искалеченные, в помятых и расколотых латах, залитые кровью — они лезли из всех проломов и арок галереи, наполняя площадь, и тут же пускались в пляс, сильно затрудняемый отсутствием у многих героев конечностей и даже голов.

— Величественное зрелище! — воскликнул рыцарь. — Сколько храбрецов представились разом! Это большая честь для встречающих... Но куда это ты побрел, дурень косолапый?! Начинать надобно с военачальника, меня то бишь!

Малах Га-Мавет не слушал грозные речи рыцаря: он бродил среди порубленного войска, быстро и небрежно касаясь почти каждого: воин переставал приплясывать и ковылял к пристани, прихватив отрубленные свои члены. Те же, кого миновала костлявая лапа демона, понуро отправлялись обратно за галерею, но их было совсем немного.

— Что это ты делаешь, а? — возопил рыцарь. — Если они останутся живы, то попадут в плен к неверным, а те снимут с них живых кожу. Мало того, что это мучительно, это позор для воина. Яви же хоть толику справедливости, ищади тьмы, забирай всех скопом!

Га-Мавет уже кончил обход и приблизился к военачальнику. Его капюшон, скрывавший плотный клубок тьмы, покачивался в двух ладонях от залитого кровью лица воина.

— Что ждешь? — крикнул тот. — Гляди, моя рана смертельна. Разве может быть не смертельным удар обоюдоострой секиры, обрушенный со всего плеча на кирасу? Щита у меня не было, к тому времени он раскололся, и я его выбросил. Да посмотри ты: плоть рассечена до костей, из меня вытекло не меньше ведра крови...

Посланник Нергала безмолвствовал.

— Смерть на поле брани — высшая честь для доблестного мужа, — сказал воин уже не так уверенно. — Хочешь лишить меня чести, ты, самый грозный из всех демонов?! Не выйдет!

Демон повернулся и побрел к пристани.

— Ублюдок! — завопил вслед рыцарь. — Живым я неверным не сдамся! Эй, оруженосец, скверный мальчишка, помоги своему господину!

Малах Га-Мавет замер посреди площади.

На шее рыцаря вспыхнула ярко-красная полоса, словно раскрылся в улыбке чудовищный рот. И сразу же рядом возник юноша с растрепанными черными кудрями: он судорожно прижимал руки к животу, сквозь пальцы хлестала алая кровь.

— Зачем? — Голос рыцаря заметно сел — то ли от огорчения, то ли из-за пореза на шее. — Ты мог спастись, ты знал козью тропу из ущелья...

— С тобой, — едва выдохнул оруженосец, — только с тобой, господин...

Малах Га-Мавет подошел к ним и поочередно коснулся рыцаря и оруженосца. Военачальник положил руку на плечо юноши, они встали и вместе зашагали к кораблю — неразлучные и после смерти. Изрубленное воинство все еще грузилось: многие посторонились, пропуская героя последней битвы, позволившего всему войску с честью пасть в ущелье Донгон. Когда рыцарь

и юноша поднялись на палубу, Конн услышал, как бравый военачальник шепнул своему оруженосцу: «Хоть ты и покончил с собой, что недостойно истинного храбреца, замолвлю за тебя словечко где следует. Проклятый кишкотряс! Вынудил и меня прибегнуть к помощи кинжала. Правда, сделал я это не своей рукой...

Последними по трапу поднялись двое воjak без сапог и нагрудников: очевидно, мародеры уже добрались до ущелья. Один нес в руках свою отрубленную голову — карие глаза ошалело таращились по сторонам.

— Ну и напился же я, — шептали посиневшие губы.

— Да не напился ты, а сдох и отправишься к Хель, — буркнул его товарищ, державший под мышкой отрубленную руку.

— Ну и нажрался я, — повторила отрубленная голова, — так нажрался, что даже сдох. Интересно, есть ли здесь брага?

Они исчезли в кормовой надстройке, и Хрон с грохотом задвинул дверь, из-за которой доносились горестные стоны, жуткие ругательства и смиренные молитвы.

— Хвала Нергалу, можно отчаливать, — сказал кормчий, — эй, порождения Эхидны, убирайте сходни.

Но не успели трехголовые чудища прийти в движение, как на причале возникла еще одна персона.

Это был старик в длинном черном халате, расшитом звездами и полумесяцами, увешанный четками, костяными фигурками и флакончиками разноцветного стекла. Длинная седая борода была заткнута за малиновый пояс, а жидкие космы прикрывал высокий островерхий колпак, увенчанный шестиконечной звездой. Возле его ног, потирая толстый лоснящийся нос, смущенно топтался плешивый карлик в засаленной куртке.

— Этого только не хватало, — злобно проворчал Хрон, — чародея какого-то принесло. Сейчас заклинания бормотать станет и на борт проситься.

— Он тоже умер? — спросил Конн досадливо — появление колдуна задерживало отплытие.

— Живехонек, — хмыкнул кормчий. — Хотя колдун, он всегда одной ногой здесь, другой — там... Так и стоит враскорячку, а чтобы на левый берег ступить, так ему, вишь, кораблик мой нужен. Ну что, любезный, — обратился он к старцу, — молчать будем или скажем чего?

Колдун приосанился, взмахнул рукавами халата и возгласил:

— Заклинаю тебя мистическими именами, которые использую в этот день: Hagios o Theos Ischyros Athatos Paracletus Agla on Alpha et Omega Ioth Aglanbroth Abiel Anathiel Tetragrammaton...

— Хорошо сказал, — ободрил колдуна Хрон, перегнувшись через перила борта, — от альфы до омеги, и тетраграмматон помянул к месту... Только, сдается мне, духа-проводника этим заговором ты уже вызвал, он тебя сюда и привел.

— Извини, перевозчик, пришлось, — еще больше засмущался плешивый карлик, — старикашка заклятие знает и пентаграмму правильно начертал... Хоть память у него и плохонькая.

— Чего он хочет, аконитов? — спросил Хрон.

— Это кто тут старикашка? — взъерепенился вдруг колдун. — Как смеешь ты, ничтожный дух, обзывать подобным образом избранника Звезд и Луны?!

— Эй, человек, — кормчий, казалось, теряет остатки терпения, — ты на пороге Темного Мира, а туда же — ругаться!

— Требую должного уважения к моему сану, — сварливо сказал чародей. — Пусть Задкиель извинится, иначе я на него драконьей слюной капну! — И он потянулся к одному из пузырьков, висевших на алом кушаке.

— Да извиняюсь я, чего там, — сказал плешивый Задкиель, — сколько угодно...

Но Хрон оборвал его грозным рыком, от которого колдун побледнел и беспомощно уронил руки.

— Керб на тебя сейчас так капнет, дырявая чернильница, что не обрадуешься! Такие акониты у тебя

из брюха вырастут, что сам Черный Садовник не упреется! Ты что, мнишь своими заклипаниями отделаться и на Корабль Мертвецов подняться?! Обернись, червь, кто у тебя за плечом стоит!

Колдун, обмирая от страха, покосился через левое плечо и увидел клуб мрака под капюшоном демона-истребителя.

— А-а... — забормотал чернокнижник прерывающимся голосом, — охрани, Сила Божественная, защитите, Эрлик, Яджур, Цернуннос, Гуанлинь...

Он судорожно икнул и умолк.

— Ханумана еще кликни, обезьяньего бога, — ехидно посоветовал Хрон. — А может, позвать Ксотли, Владыку Страха, ужас Анталии? Или Бога-Паука Йезуда, коему девственные жрицы скармливают несчастных заморцев? Он высосет из тебя остатки крови... Если в тебе, конечно, что-нибудь осталось. Или ты жаждешь познакомиться с Демонами Древней Ночи, пред коими трепетали атланты? Только скажи, все сделаем...

Несчастный колдун, казалось, вот-вот грохнется наземь. Дрожащей рукой он полез за пазуху и достал большой, величиной с обеденное блюдо, увесистый восьмигранник. Выставив его перед грудью, словно щит, закричал:

— Повинуйтесь мне, демоны Нижнего Мира, ибо со мной — Печать Магов! Сплавы металлов и знаки, на нем начертанные, приведут вас к покорности воле моей!

— И опять все перепутал, — устало сказал Хрон. — Ты еще не в Нижнем Мире, а только на берегу Темной Реки, и мне плевать на твою печать. Ладно, мыслю, ты все же попадешь на корабль, но совсем не так, как рассчитывал.

Малах Га-Мавет, безмолвно стоявший за плечами старца, поднял руку. Чародей неожиданно резво повернулся, все еще прикрываясь Печатью Магов. Палец демона коснулся восьмигранника, проник в него, словно в воду, и вышел с противоположной стороны, приближаясь к впалой груди чародея...

— Ну все, — сказал Хрон, — еще один недоучка получил по заслугам.

Он уже начал читать заклинание, оживляющее трехголовых демонов, чтобы поднять сходни, как вдруг Малах Га-Мавет издал громкое шипение и отдернул костлявую руку — словно обжегся. Полы его серой одежды взлетели, открывая покрытое трупными пятнами тело, и превратились в подобие крыльев. Подняв тучи пыли, демон-истребитель поднялся над площадью и тяжело полетел над Темной Рекой к левому берегу.

— Ага! — ликующе возопил маг. — Веточка, моя веточка! Золотая веточка из благословенных садов Шамболины! Эй, там, на лоханке, погоди трап убирать, сам Тавискарон Звездное Яйцо на борт взойти желает!

— Покажи ветку, — мрачно потребовал Хрон.

Чернокнижник размотал свой кушак и достал из складок алой материи небольшую ветвь с тремя листьями, горевшими ослепительным золотым светом.

— Вот! — торжествующе поднял ее над головой. — Вот Золотая Ветвь из садов Шамболины! Сама Смерть отступает пред дивным творением просветленных мудрецов, обитающих на вершинах Химелианских гор. Радость моя, свет моей души...

Колдун припал к листочкам жадным поцелуем страстного любовника... и тут же завопил, уронив ветвь и хлопая себя по губам.

— Что стоишь, Задкиель! — рявкнул Хрон, готовясь прыгнуть на пристань. — Брось ее в реку!

— Не фметь, — шамкнул колдун обожженными губами, — Hagios o Theos Iscy-ph-ph...

— Извини, перевозчик, не могу, — промямлил плешивый Задкиель, — он связал меня заклинанием...

Колдун уже снова держал в руках Золотую Ветвь, держал за черенок, опасаясь прикоснуться к листьям.

— Ты позволишь ему плыть с нами? — спросил Конн хозяина корабля. Колдун вызывал у короля омерзение.

— А куда деваться, — мрачно откликнулся Хрон, — Золотая Ветвь — сильнейшая ваджра...

Колдун важно поднялся на палубу, отпустив перед этим несчастного Задкиеля на все четыре стороны. Трехголовые демоны убрали сходни — Корабль Мертвецов был готов к отплытию.

— Не угодно ли вам, почтенное Звездное Яйцо, пройти в носовую каюту, предназначенную специально для живых пассажиров? — любезно осведомился Хрон.

Чародей прочел надпись над дверью, хмыкнул и покосился на Конна.

— А юноша сей так и будет торчать на палубе?

— Путник в Ночи плывет по особому распоряжению своих покровителей, — отвечал кормчий.

— Тогда и я останусь, — заявил старик не терпящим возражений тоном. — Надо же, что нацарапали: «Тело твое вскорости уложено будет в могилу». А то никто не знает. Ну, написали бы: «Жизнь — суета, все зло — от женщин». Или: «Не пей, не блуди, целомудрие блюди». И попроще, и юношеству пользительней.

Он снова подозрительно зыркнул в сторону Конна.

— Стойте, где хотите, Яйцо, или как вас там, — пробурчал Хрон, — только веточку обратно в пояс замотайте, не ровен час — обожжете кого.

— И обожгу, — сварливо пообещал старик, — ежели кто станет обзывать либо грозиться пауком из Заморы...

Хрон только сплюнул и удалился к рулевому веслу. Керб, на удивление тихий, поплелся к лопастям, где принялся негромким рыком понукать запертые в колесе несчастные тени. Судно отчалило от солнечного берега и двинулось наискосок через Темную Реку — к Серым Равнинам.

Глава седьмая МОКРАЯ МОРОСЬ

Грозная и неотвратимая, примет она вас,
как любящая мать...

Раскарий Темный. «Рассуждения»

— **А** позвольте полюбопытствовать, благодаря каким таким высоким покровителям удалось вам подняться на борт этого зловещего судна? Я многих знаю лично, вхож в самые сиятельные чертоги, имя мое известно во всем подлунном мире... Тавискарон Звездное Яйцо — это звучит величественно! Неужто не слышали?

— Нет, — сказал Конн, — быть может, мы живем под разными лунами.

— Ах, опять эти бредни о множественности обитаемых миров! — Тон чернокнижника стал менторским. — Поверьте, юноша, подобные измышления приходят в пустые головы тех, кто слишком подолгу сидит на чердаках, пялясь на звезды. Ведь что есть светила ночные? Ничтожные искры, летящие от солнца, согревающего наш мир и дарующего ему благодать существования. Искры эти давно остыли в холоде небес, как же можно утверждать, что они — миры, подобные нашему? Лишь Солнце — зиждитель Земной Юдоли, Луна же суть светило Лучезарного Мира, где мы сейчас находимся... Ее бледный свет... Кстати, что это

за перстенок у вас на пальце? Невзрачный, но очень милый!

— Подарок отца, — неохотно отвечал Конн: болтовня мага его раздражала.

— Подарочек родителя, так-так. — Тавискарон криво улыбнулся и потер сухие ладони. — Камешек в нем тусклый, да не простой. Хоть и невелика сила перстенька, а, сдается мне, из-за него тебя на борт пустили... — И, наклонившись к самому уху короля, зашептал горячо и жадно: — Откуда он у тебя, юноша, открой безбоязненно, ибо мои уста — могила!

Конну очень хотелось ухватить чародея за шиворот черного халата, бросить за борт в спрессованную Пустоту и поглядеть, что с ним будет. Но, памятуя о Золотой Ветви, которую Хрон назвал непонятным словом «ваджра», и не желая задерживать движение корабля, король решил ограничиться пустой беседой и подождать, пока несносный маг сойдет на сумрачном берегу.

— Я открою тебе сию тайну, месьор Яйцо, если ты скажешь, где взял Золотую Ветвь.

Тавискарон сразу обиделся и поджал губы.

— Где взял, там нету, — проворчал он. — Ишь молодежь пошла, вопросом на вопрос отвечают. Ну, купил я ветку у одного пандида в Айодхье, столице Вендии, чтоб ты знал.

«Не купил, а украл, — пискнул на ухо королю ящерка Бу. — Берегите колечко, Ваше Величество, этот черно-книжник нечист на руку».

— И не называй меня просто Яйцом, дерзкий юноша, — продолжил Тавискарон, не слыша предостережения духа-хранителя. — Просто «яйцо» звучит как-то глупо. Звездное Яйцо — куда ни шло, а еще благозвучней мой полный титул: Познаниями Обремененный, Пути Ведающий, К Власти Стремящийся Тавискарон Звездное Яйцо Беспредельности... Запомнил?

— Нет, — сказал Конн. — Можно, я буду звать тебя Беспредельным Яйцом?

— А что, — приосанился маг, — это звучит величественно. Добавляй только иногда: «Познаниями Обремененный». Видишь ли, юноша, мы, почтенные знатоки оккультных наук, хоть и равнодушны к пышным титулам и званиям, но во всем любим порядок. Кстати, мое звание — Великий Магистр Седьмой Тайной Ложи Слепых Архитекторов Гвадаграница, но об этом никто знать не должен... Продай перстень, а?

Конн молча отошел к левому борту, но Тавискарон не отставал, прилипнув, как банный лист.

— О мрачные доли, подернутые туманом вечности! — вскричал он, уставившись на Серые Равнины.

До левого берега было еще не близко, корабль как раз миновал середину Темной Реки.

— Не хочешь продать — давай меняться...

— Не знаешь ли, почтенный, где собирается пристать наш кормчий? — спросил король, надеясь отвлечь колдуна от докучливой темы.

— В Мокрой Мороси, конечно, — буркнул Тавискарон. — Могу предложить в обмен серебряную пентаграмму с формулой здоровья. Помогает от черной лихорадки, яда кураре и любовных ран...

— Но замок Хель Безжалостной — далеко у горизонта, он едва виднеется сквозь облака, — не сдавался Конн.

— Далеко, так будет рядом... Какое, право, неверие истинному слову... Поплывем еще немного, да и уткнемся прямо в ступени крепости.

— И ты, о Многоведающий и Беспредельный, сойдешь там на берег? — с надеждой спросил король.

— Вот еще, — снова обиделся маг, — стану я болтаться между теней бесплотных... Что я не видел на Серых Равнинах? Со мной Золотая Ветвь, куда хочу — туда и поплыву!

— Куда же? — спросил Конн.

Он ждал, что маг разозлится, но Тавискарон вдруг хитро улыбнулся и горячо зашептал на ухо королю: «Может, и скажу куда, сынок, может, и скажу... Вот

мертвяков сгрузим, тогда и поговорим. Не хочешь менять перстень — и правильно, ведаешь, видно, что не простой он... Твой камешек, да моя веточка — славненькое дельце сладить можно! А пока Хель-старушка гостей принимать станет, пересажу-ка я в кубрике».

И он, к большому облегчению Конна, удалился в носовую постройку, бормоча: «В могилу другие положат, как же... испугался я ваших писуллек, с моими-то берегами!»

Корабль Мертвецов тем временем приближался к левому берегу. Навстречу из ключев серого тумана вставала громада мрачного замка. Стены его были подобны скалам, крылатые тени мелькали меж неровных, похожих на утесы башен, из узких бойниц низвергались мутные потоки, без плеска впадая в Темную Реку. Высокие ступени широким полукругом сбегали к пологому берегу, а по сторонам лестницы высились мрачные изваяния темных богов, коих страшатся все смертные Земной Юдоли.

Ворота замка зияли оскаленным черепом, и оттуда вниз по ступеням величественно шествовала сама Хель. Половина ее огромного тела была темно-синей, другая — цвета сырого мяса, на голове вместо волос шевелились блестящие змеи, огромные груди падали на выпуклый живот, а между ног, там, где у земных женщин находится детородное лоно, пылал яркий, нестерпимый огонь. Ее вывернутые ступни сотрясали лестницу, изваяния богов колебались, по ступеням бежал вниз оползень мелких камней и щебня.

Корабль Мертвецов причалил прямо к ступеням.

— Что же ты, Путник, — услышал Конн испуганный шепот Хрона, — сейчас же укройся в носовой каюте! Никому из живых не дозволено видеть хозяйку Серых Равнин...

— Пусть останется! — раздался голос, подобный раскатам грома. — Его отец выдержал взгляд моей сестры Хали, Взгляд Черной Кобры! Хочу знать, на что способен сын!

— Не опускай голову, — пискнул малыш Бу, совсем забравшийся королю в ухо, — не отводи взгляд, иначе — конец!

Широко расставив ноги и вцепившись в перила борта, Конн стоял и смотрел на Безжалостную богиню. Лик ее все время менялся — то виделся оскаленный череп, то страшная окровавленная маска, то клыки чудовища или жало змеи — и лишь глаза, пустые и бездонные, оставались неизменными. Там, в их глубине, рождались и умирали мириады миров — холодные и безжизненные, опаленные испепеляющим пламенем, подобные газовым шарам, и теплые, живые, населенные существами из плоти и крови, обреченными на верную гибель... Потом в провалах замаячили лица: они смотрели сквозь глазницы богини, как из рамы картины, все время меняясь, и многие были знакомы Конну.

Вот рыцарь Просперо, верный сподвижник отца, павший в сражении, как подобает доблестному воину, вот Паллантид, умерший вскоре после исчезновения Конана, вот верный слуга и друг его детских игривцев Эвкад, погибший от ножа заговорщиков... С трепетом ожидал Конн иного лика, ждал и страшился увидеть до боли знакомое, испещренное шрамами лицо киммерийца в аквилонской короне на черной гриве волос... Но отец так и не появился.

Вместо него возникло другое лицо, родное, ласковое, и чуть печальные глаза матери заглянули прямо в душу стоявшего на палубе страшного корабля сына. Слезы бежали по щекам Зенобии, ее губы что-то беззвучно шептали — то ли мольбу, то ли предостережение...

— Я здесь, матушка, но я жив! — закричал Конн. — Отдай мне ее, Хель, мы уплывем туда, где солнце, где ласковый ветер и живые любят живых!

— Ты дерзок, мальчишка, — прогрохотала богиня, — и ведь ты пришел за другой. Забыл?

— Отпусти Зенобию и возьми меня!

— Какая жертвенности! Твой отец... Оставим. А если Зенобия не хочет возвращаться в мир, полный забот и горя?

— Ты лжешь, богиня! — горячо воскликнул король, и дух-хранитель испуганно пискнул в его ухо. — Никто не останется добровольно в твоём царстве вечной скорби. Если не хочешь отпустить мать, я заберу ее силой!

Он нащупал и крепко сжал дудку Дамбаэля.

— Остерегись, государь, она не поможет! — в ужасе пищал Бу. — Мать не спасешь, и себя погубишь!

Глазницы Хель снова стали пустыми и холодными.

— Ты дерзок, смертный, дерзок и храбр до безрассудства. Любой на твоём месте поплатился бы за подобные речи бессрочными работами в самых мрачных каменоломнях Нижнего Мира. Но с тобой — Сердце Бога, и Ариман жаждет обрести его вновь — в полной силе. Иди и закончи свою миссию. А когда час твой пробьет и Хрон привезет тебе ко мне в задней каюте Корабля Мертвецов, тогда и поговорим. Ха, мой братец Нергал обожает отчаянные души! Он играет с ними в весьма опасные игры и, бывает, даже отпускает... А теперь — хватит. Я редко веду столь длинные речи с живыми. Перевозчик, разгружай корабль.

С борта на ступени упали сходни, и вереницы неприкаянных душ потянулись навстречу неизбежному. Проходя между широко расставленных ног великанши Хель, они еще сохраняли облик прежних людей, хотя и зыбкий, словно колеблемый легким дуновением, но слепящее пламя между бедер богини касалось каждого, обращая в серый туман, лишь отдаленно сохранявший контуры человеческой фигуры. Эти серые бесплотные тени двигались дальше — прямо в разверзстую пасть ворот-черепа.

Последними с корабля сошли герои Донгона. Покойные рубаки с любопытством озирались, воин с отрубленной головой высоко поднимал ее над плечами товарищей, чтобы было лучше видно.

— Во баба! — громко изумился кто-то, заведя Хель Безжалостную. — Не баба — огонь!

— Спалит она тебя своей киской, ежели полезешь, — подначил его товарищ.

— Кого, меня?! Да я таких зараз по дюжине имел, а дружка своего даже не обуглил!

— А титьки! — завопил еще один вояка. — Вот это титьки!

— Только с перепою такое и привидится, — заключил парень, державший в руках голову.

Кроваво-красные губы Хель разбегались до острых, покрытых железными иглами ушей.

— Это надо же, — пророкотала она, — настоящие герои! И столько сразу. Эй, Садовник, у нас знатное пополнение!

Садовник явился на зов своей госпожи: был он черен, как антрацит, и состоял, казалось, из того же камня. Ни глаз, ни прочих отверстий на его неподвижном лице не наблюдалось.

Предводитель воинов шепнул тем временем на ухо оруженосцу: «Что я тебе говорил: нам, доблестным мужам, везде почет и отличие. Не бойся, и тебя не забуду».

Потом рыцарь, храбро грохоча шпорами, направился вверх по ступеням и, вытянувшись перед богиней, доложил:

— Ланрод Бесстрашный, гроза неверных и оплот добронравных, к вашим услугам. Принял последний бой в ущелье Донгон, прикрывая арьергард войска. Все мои воины пали с честью, никто не сдался врагу!

— Хвалю за мужество! — рявкнула богиня. — Садовник, вырви этому достойному воину его храброе сердце!

Черный Садовник шагнул вперед, со скрежетом наклонился, и погрузил острые, как стилеты, пальцы в грудь рыцаря. Миг — и на его черной ладони затрепетал красный бесформенный комок.

Воин отшатнулся и с ужасом уставился на дымящуюся рану, которая быстро затягивалась и вскоре

совсем исчезла. Не было больше ни шрама от секиры, ни пореза на шее, оставленного кинжалом оруженосца, исчез и обломок стрелы над коленом.

— Зачем настоящему воину сердце? — возгласила Хель. — Каждый храбрец, поступающий на службу к Нергалу, лишается его навсегда! Кто против — может стать тенью и вечно скитаться по Серым Равнинам. Драться там не с кем, женщины, утратив плоть, забыли, что они женщины, о вине и прочих радостях и говорить нечего. Так что, есть желающие встать под стяги Нергала?

— А бочку выкатят? — осведомился безголовый молодец. — Новый хозяин всегда бочку выкатывает.

— Такого вина, как здесь, никто из вас отродясь не пробовал, — заверила Хель, — красное, дымящееся, и в голову бьет почище всякого хайреса.

— Слава, Нергал! — прокричал командир, смекнувший, что оставаться воином, пусть и без сердца, все же предпочтительней, чем навсегда забыть о вине и женщинах. Оно и лучше без сердца, одышка мучить не будет...

— Слава, Нергал! — проорали сотни глоток, и Черный Садовник приступил к своей жатве.

Он вынимал из груди воинов красные комочки и складывал их в большую коробку, висевшую у него на шее. Как только воин лишался сердца, раны его затягивались, и отрубленные члены прирастали к телу. Правда, безголовому не повезло: он так спешил присягнуть Нергалу, что нахлобучил голову несколько набекрень и поглядывал теперь как бы исподтишка, чем страшно веселил товарищей.

Наконец Ланрод построил свое воинство в две шеренги, и они маршем прошагали между ног Хель. Слепящий огонь падал на марширующих, но не обращал их в скорбные тени — напротив, опаленные этим огнем, лица и кожа воинов роговели, превращаясь в настоящую броню, остатки прежней одежды и помятые доспехи лопались и сползали, словно старая змеиная

кожа, и в черепа-вратах скрывались уже истинные воины Повелителя Нижнего Мира: с низкими ороговевшими лбами, зубчатыми гребнями от затылка до толстого, утыканного иглами хвоста — мощные лапы, способные сокрушить крепостные стены, взметались в приветственном жесте, и низкий, kloкочущий рев разрывал серый туман: «Слава, Нергал, слава!» Они скрылись внутри цитадели, и челюсти-створки с лязгом захлопнулись.

Хель все еще стояла на ступенях, уперев в бока огромные толстые руки. Синяя ее половина стала совсем черной, а на другой, похожей на свежее мясо, явственно проступила кровь, капавшая на черные камни.

— Все кончено. — Голос богини стал глухим, словно доносился из ее чрева. — Великая Поглотительница приняла чад своих в лоно свое. Ты, Путник в Ночи, храбрый воин, подумай, что ждет тебя, когда время твое придет. Помысли, что лучше: умереть в собственной постели, от болезни, от яда, от неразделенной любви — и стать жалкой тенью, вечным скитальцем на Серых Равнинах, или доблестно пасть на бранном поле и отдать свое сердце Черному Садовнику. Служить Нергалу — великая честь!

Конн сжал кулаки, готовясь ответить, но богиня уже повернулась и тяжело зашагала к своему замку в сером тумане. Она была гораздо выше ворот-черепа и, достигнув стены, просто слилась с ней и исчезла.

Глава восьмая

БУНТ НА КОРАБЛЕ МЕРТВЕЦОВ

Буря и натиск, безжалостность к врагам, стремительность действий — вот залог успеха! Но главное — безжалостность к врагам!

*Цей Юний Паблий.
«Наставление воину»*

Сыны Эхидны подняли трап, зарычал Керб, зашлепали лопасти колеса — Корабль Мертвецов поспешно отвалил от мрачного берега. Мокрая Морось быстро отдалялась, пока совсем не исчезла в тумане.

— Почему этот замок столь странно зовется? — спросил король, подойдя к Хрону, снова стоявшему у руля. — Пожалуй, его следует именовать Огненная Купель — из-за бесстыдного огня хозяйки...

— Т-с-с! — шикнул кормчий. — У тебя, парень, талисман какой-то имеется, потому и жив остался. Однако понапрасну не ерепенься, пока подальше не отплыли. Что же до мороси... Моросит здесь, бывает, и настоящие дожди случаются. Не приведи тебе те дожди видеть!

И он умолк, налегая на весло изо всех сил и вращая головой так, словно это было тележное колесо на хорошо смазанной втулке.

Однообразный унылый ландшафт левого берега постепенно отдалялся, и Хрон вскоре перевел дух. Из носовой каюты вылез Тавискарон, опасливо озираясь по сторонам. Подошел и встал рядом с королем у борта.

— Проехали? — спросил маг, старясь придать голосу побольше снисходительной бодрости. — То-то грохоту было, то-то шуму! Эти создания любят страху подпустить, огнем побрызгать, серой покидаться... Не на того напали! Тавискарон Звездное Яйцо все эти штучки-дрючки ваши знает, знает, да не боится!..

— Чего ж ты отсиживался в каюте со своей веткой, яйцо недоваренное? — грубо оборвал чернокнижника Хрон.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся маг, — не для того моя варджна шамболинцами дарована, чтобы всяких демониц грудастых пугать. А будешь недоваренным обзывать, так я сам тебя сварю: вкрутую.

— Учти только, что Золотая Ветвь один раз сработать может, — ухмыльнулся Хрон. — Она хоть и пропуск тебе в Царство Мертвых, да все ж не дубинка, коей размахивать надлежит.

Лицо чародея вытянулось: он явно не ожидал подобной осведомленности от кормчего.

— Ну и что? — растерянно забормотал колдун. — Испугать хотите, да? Забыли, что при мне флакончики? Вот — слюна дракона, вот — слеза василиска, а это — экстракт бледной лягушки из болот Вендии... Мало? А разрыв-трава, а полосни-осока, а корень-прободай?

— Да брось ты, — отмахнулся кормчий, — все эти штучки мало чего здесь стоят. Пока ветвь при тебе — плыви, куда хочешь, но если испепелишь кого, Керб тебе голову откусит и за борт выплюнет.

Пес, слышав эти слова, утробно рыкнул.

— А давайте не ссориться, — сбавил вдруг тон чернокнижник. — Мы ж в одной лодке, так сказать... Ты, достойный кормчий, ни о чем не тревожься и веди свой челн согласно избранному маршруту. И собачка твоя пусть успокоится... У меня есть дохлая мышь, она

есть ее будет? Ну и не надо, я тоже не люблю дохлых мышей, так ношу, на всякий случай. Все мирненько, все ладком, плывем себе, окрестностями любимся... Вот только юноша наш что-то приуныл, чело затуманил, брови нахмурил...

— Он видел свою умершую мать, — сказал Хрон, — там, возле Мокрой Мороси.

— Ай-ай-ай, — всплеснул руками чернокнижник, — какая неприятность!

— Ты не пробовал зашивать себе рот? — хмуро осведомился Хрон. — Говорят, маги иногда дают обет молчания. Аркан, или как там это у вас называется. Тебе бы впору.

Тавискарон обиженно засопел, перегнулся через борт и стал плевать в спрессованную Пустоту. Плевки исчезали, не долетев до поверхности.

— Неужели такова участь всех отважных воинов? — заговорил Конн, пропустивший мимо ушей всю пикировку кормчего и чернокнижника. — Храбрецы, лишённые сердца, идут в услужение врагу рода человеческого... Скажи, Хрон, так всегда бывает?

— Нет, Путник, — отвечал хозяин Корабля Мертвецов, — далеко не всегда. И храбрость храбрости рознь. Одни сражаются за золото, вино и удовольствия, либо подчиняясь жажде насилия — такие готовы служить тому, кто больше заплатит, или тому, кто сильнее. Иные же не продают меча, оружие их служит только чести и справедливости. Над такими Хель не властна. После гибели эти воины становятся эйнхериями и отправляются в Валхаллу на верхних ветвях Мирового Древа, где пируют и веселятся в свое удовольствие. То же и среди прочих смертных: большинство, погрязшие в мелких заботах обыденной жизни, бредут среди сменяющих друг друга страданий и удовольствий напрямиком к Темной Реке, где ждет их мой корабль. Куда девается меньшая часть обитателей Земной Юдоли, мне не ведомо, знаю лишь, что не все человеческие существа становятся добычей Хель и Нергала...

— Я слышал о Небесных Садах Иштар, — задумчиво молвил король.

— Я тоже о них слышал, — кивнул кормчий, — хотя Хель утверждает, что это всего лишь сказка, выдуманная людьми себе в утешение...

— Как же, сказка, — влез в разговор Тавискарон, позабывший о своей обиде. — Да я сам бывал в Небесных Садах и таких диковин там рассмотрел, не поверите!

— Не зря тебя, видать, зовут Звездным Яйцом, — сказал Хрон, не слишком пряча насмешку, — ты и к звездам слетал, и на небесах побывал.

— Смейся-смейся, — маг на сей раз решил не обижаться, — а только вход в Небесные Сады гораздо ближе, чем многие думают. И не в Лучезарном Море, куда не каждому добраться можно, а прямо на земле. Прямо перед глазами. Бывает, уставится какой-нибудь олух, как баран на новые ворота, на невзрачное дерево или камень — а это они и есть: Врата...

— Отец рассказывал, как однажды гиперборейская колдунья чуть было не увлекла его в Сады Иштар, — сказал Конн. — Она сулила ему сказочное могущество и пускалась на всяческие хитрости, чтобы оказаться за Вратами Вечности вместе с киммерийцем...

— С кем, с кем? — насторожился Тавискарон.

— Мой отец был киммерийцем, — ответил Конн, мысленно обругав себя за длинный язык. — Это такая дикая страна к северу от Пограничного Королевства...

— Да знаю я, где Киммерия, — бесцеремонно оборвал его маг, — и догадываюсь, кто был твой отец... Значит, я не ослышался, когда Хель помянула...

— Эй, колдун, закрой рот, а то я и вправду зашью его жилами мертвеца! — сердито крикнул Хрон. — Каждый плывет на этом корабле по своим делам и вправе хранить свои тайны.

Маг пожевал губами, что-то обдумывая, потом сказал приторным голосом:

— А я что? Я и молчу. Я вовсе не хочу выведывать, куда и зачем плывет сей достойный юноша. И до родителей его мне нет дела, у меня свои планы. Когда минует Поле Красных Огней, скажу, где меня посадить.

Конн не смог сдержать облегченного вздоха: общество болтливого чародея его порядком утомило. Пусть отправляется куда хочет, и если сможет нанести вред своей Золотой Веткой хотя бы одному здешнему обитателю — так оно и к лучшему. Король снова перешел на правый борт и принялся наблюдать за солнечной полоской на краю каменного свода, заменявшего Темной Реке небо. Он не заметил, как помрачнел Хрон.

Король думал об Эльтире. Время здесь текло по-другому, он это понимал, и все же он слишком долго находился в пути, цель которого все еще оставалась неясной. Где найти дух девушки, покинувший прекрасное тело, и как вернуть его обратно? Быть может, это удастся сделать с помощью дудки ямбаллахов? Не зря же Дамбаэль уверял, что излучатель (вот словечко!) окажется полезным... Но не исчерпал ли он свою силу, вернув матери ее слабоумного ребенка? Не зря ящерка Бу предостерег использовать чудесный инструмент возле ступеней Мокрой Мороси... Что-то он совсем при молк, этот симпатичный дух-хранитель, или заснул после стольких волнений?

— Элементалы никогда не спят, — раздался в ухе короля тонкий голосок, — я с вами, государь, я начеку. Вот идет чародей, полный мрачных идей, он пыхтит и скрипит, мигом вас соблазнит... О, планы его грандиозны и опасны... Извиняюсь, с тех пор, как старикашка украл Золотую Ветвь, надобно относиться к нему с большей серьезностью.

— Чего он хочет? — негромко спросил Конн.

— Как чего? — изумился Бу, больно заерзав в королевском ухе. — Как все маги — власти над миром. Полной, беспредельной и неоспоримой власти.

— И у него есть к тому основания?

— Увы, Ваше Величество, есть, да еще какие. Но чародей сам вам обо всем расскажет.

Тавискарон приблизился, вцепился в перила и, уставившись на золотую полоску правого берега, прочувственно заговорил:

— Сколь прекрасен мир, лежащий там, под ярким солнечным светом, озаряющим нивы и тучные стада, голубые озера и девственные кущи леса! Боги создали высшую гармонию, воплотив ее в прелестях природы, в ее несказанной красоте и величии. Сколь отраднo жарким летним днем наслаждаться журчанием прохладного ручья в тени орешника, наблюдая за порханием разноцветных бабочек! Сколь сладостно жужжание пчел, собирающих мед в свои кладовые! Бесхитростный труд, добродетель честного землепашца... Мн-э, о чем это я?

— Ты говорил о пчелах, — напомнил Конн.

— Как пчелы, перелетая с цветка на цветок, собирают дань щедрой Природы, так и честные хлебопашцы в поте лица своего взращивают плоды земные, дабы прокормить себя и домочадцев своих. Пастух пасет стадо, кузнец кует железо, ткач прядет свою пряжу...

— Прядильщик прядет, — снова перебил король, — но что хочешь ты сказать, описывая мне эти мирные картины?

— А то я хочу сказать, о достойный сын киммерийца, что мирные эти картины беспрестанно нарушаются всяческими непотребствами, недостойными гармонии, замысленной богами! Грабежи, насилия, кровавые войны... Брат встает на брата, сестра на сестру, мать проклиняет детей своих, рожденных в муках, отец молит избавить его от лишних ртов. Засуха, недород, голод, бубонная смерть, моровая язва, саранча и вши... повсюду вши... Знать жирует в своих замках и обирает крестьян, вассалы составляют заговоры против сюзеренов, сюзерены подсылают убийц к монархам, разбойники грабят на больших и малых дорогах, жрецы запрещают науки, жены травят мужей ядовитыми грибами,

прохожие калечат ноги о вывернутые булыжники мостовых. Никто не может навести порядок!

— И ты хочешь взяться за эту благородную задачу? Хватит ли силенок?

— Хватит! — горячо вскричал чародей. — Хватит, если ты мне поможешь.

— Сначала я должен знать, что ты замыслил.

— Мы наведем порядок безжалостной силой и водворим гармонию железной рукой, — убежденно сказал маг.

— Не слишком ли много берешь на себя, колдун? Или на ветку свою надеешься?

— Золотая Ветвь — только средство, она приведет нас в нужное место, а потом я сожгу с ее помощью Корабль Мертвецов. Слушай, ибо мы с тобой одной крови, благородной крови властителей мира! Когда-то, после Битвы Богов, на гору Меру упали их небесные корабли...

— Ты говоришь об огненных ладьях ямбаллахов? — перебил Конн. — Они разбились, распавшись на куски...

— Это не так! — горячо вскричал Тавискарон. И тут же, понизив голос, оглядываясь на корму, продолжал: — Я рад, что ты слышал о кораблях небожителей. Поверь, они уцелели, и Золотая Ветвь поможет нам овладеть их силой. В них спрятано грозное оружие, которому нет равного во всем подлунном мире! Овладев летающими кораблями, мы станем диктовать свою волю всем королям и правителям, все земли покорятся нам и примут нашу волю! И тогда мы водворим истинный порядок: хлебопашцы, подобно пчелам, станут трудиться на полях, воины — охранять наши сокровища, наместники, коих мы поставим над народами, — чинить справедливый суд и расправу. Все будут счастливы, и в мире, наконец, воцарится истинная гармония!

— А мы с тобой станем лежать под орехом и слушать плеск ручья...

— А? — Маг часто замигал и тупо уставился на собеседника. — Какого ручья, не понял?

— Ладно, это я так, — сказал Конн. — Гармония — штука хорошая, хоть и скучноватая. Но зачем тебе понадобился я, ветка-то у тебя в поясе!

— Объясню. — Тавискарон еще раз оглянулся на застывшего у руля Хрона. — Объясню, ибо не должно быть недомолвок между союзниками. Я мог бы добратся до кораблей ямбаллахов через жерло огненной горы отсюда, из Нижнего Мира, ибо сверху их охраняют слишком ревностно. В жерле горы есть проходы, куда не попадают лава и горячие испарения. Ну, и остуди-вода со мной, конечно. — Он щелкнул по голубому пузырьку, и тот отозвался тонким жалобным звонком. — Так что, сын киммерийца, я мог бы обойтись своими силами. Но у тебя есть перстень, а в перстне том... — Тавискарон выдержал многозначительную паузу, — в перстне том — Сердце Аримана!

— Ну и что? — сказал Конн, не придумав ничего другого.

— Ага, ты признался! Я правильно расслышал и понял слова Хели Безжалостной! Поистине сама судьба свела нас в этом проклятом месте. Теперь мы непобедимы: летучие корабли помогут одолеть земные державы, а Сердце Бога — победить небожителей! Ибо, как ты сам понимаешь, многие из них станут нам препятствовать из-за своего глупого Великого Равновесия...

Конн много слышал рассказов о магах, возжелавших мирового могущества. Среди них были поистине великие чародеи, не чета Звездному Яйцу, путавшему заклинания и амулеты. Великий Тот-Амон, например, павший от руки отца в дебрях Черных Королевств... Или Тзота-Ланти, напавший на Турн, город, построенный Конаном в Озерном Краю герцогства Гандерланд... Сей надменный слугитель Тьмы был сражен рукотворным огнем мастера-самоучки Афемиды. Вспоминались и иные маги — члены ордена Белой Руки, Черного Круга, Алого Кольца... Большинство из них стремились к мировому господству, но кончили плохо. Правда этот, старый и слегка придурковатый, толкует о гармонии и

красоте... Но, даже если он не лукавит и впрямь вознамерился водворять мировой порядок с помощью огня и меча, стоит ему завладеть летающим кораблем с его грозным оружием и сжечь несколько городов — войдет во вкус, и там его не остановишь. Особенно, если Звездное Яйцо завладеет могущественным Талисманом, скрытым в перстне на пальце короля.

— Ты ошибся, маг,— сказал Конн спокойно,— это действительно Сердце Аримана, но оно утратило свое могущество. В результате некой... э-э... аберрации, сила Талисмана рассеялась в пространстве, и где сейчас ее крупницы — мне неизвестно.

— Ничего,— воскликнул Тавискарон с горячностью неопита,— завладев летучими кораблями, мы обшарим всю землю и соберем Талисман по частицам. Даже если придется опуститься на дно морское и подняться в небеса. Великая цель требует тяжких усилий!

— А если я откажусь?

Маг снова часто заморгал. Казалось, он не предвидел такой возможности.

— Ну и глупо,— сказал он, обиженно оттопырив нижнюю губу,— очень глупо. И некрасиво: я ему все, как на духу, а он нос воротит.

— Эй, Многомудрое Яйцо,— раздался с кормы окрик Хрона,— мы приближаемся к Полю Красных Огней. Ты, кажется, собирался здесь сойти.

Тавискарон бросился к левому борту и жадно уставился туда, где среди полумрака вспыхивали и гасли красные огоньки.

— Что это? — спросил Конн, подходя к кормчему.

— Вотчина Черного Садовника. На этом поле он разбрасывает сердца воинов, и они прорастают огненными цветами. Из их лепестков варят напиток, который пьют Демоны Ночи.

— А протока, где протока? — нетерпеливо спросил Тавискарон, пристально вглядываясь в темноту.

— Какая протока? — уставился на него Хрон.

— Ты знаешь, перевозчик, ты знаешь! Протока, ведущая к горе Меру. Я хочу плыть туда, немедленно!

— Туда нельзя. Подножие горы окружают Зачарованные Поля, откуда нет возврата даже нам, обитателям Нижнего Мира.

— Да мне на вас плевать! — взъярился маг.— Золотая Ветвь проведет меня куда нужно, а вы можете зачаровываться, очаровываться или просто сгореть белым пламенем. Поворачивай!

— Не стану,— Хрон бросил рулевое весло,— сам хочешь, сам и плыви.

— И поплыву! — Тавискарон выпростал из складок кушака Золотую Ветвь и направил ее в сторону едва виднеющейся протоки. Корабль Мертвецов медленно лег на левый борт и стал поворачивать носом к ее устью.

— Остановись! — вскричал кормчий, видя, что дело плохо.— Ты все погубишь! Если на Темной Реке не будет моего перевоза, мертвецы выйдут из могил и заполонят Царство Живых!

— Плевать! Пусть заполонят! Я с ними потом разберусь. Вперед, кораблик, вперед!

И кораблик покорно вошел в узкую протоку. Керб, очерив три страшные пасти, двинулся было на колдуну, но Тавискарон махнул в его сторону ветвью, и змеи на спине пса принялись судорожно извиваться от нестерпимого жара.

Течение в протоке было стремительным, оно увлекало судно в сторону огромной горы с багровым заревом на вершине. Поле Красных Огней пронеслось мимо, Конн увидел застывшего, словно изваяние, Черного Садовода — прервав свой кровавый сев, он стоял, обратив к Кораблю Мертвецов плоское безглазое лицо.

— А ну,— закричал с палубы колдун,— ты, каменная образаина, брось-ка мне самый большой и яркий цветок!

Он поднял Золотую Ветвь, и судно замедлило бег.

— Делай, что он велит,— горестно завертел Хрон своей гуттаперчевой шеей,— иначе сгоришь, как уголек в камине...

— Не надо так мрачно,— сказал Тавискарон,— всего один цветочек, велик ли убыток... Да не этот, болван, вон там, правее, настоящее диво!

Цветок, на который указывал палец чародея, был гораздо крупнее других и пылал, словно костер в ночи. Черный Садовник со скрежетом нагнулся, сорвал растение и с неожиданной ловкостью перекинул на палубу. Тавискарон вынул платок, расшитый магическими знаками, осторожно набросил на красные лепестки и лишь после этого спрятал за пазуху.

— Небось тоже горячий,— проворчал он удовлетворенно,— все они жгутся, да не всех сжигают...

— Зачем он тебе?— спросил король.

— Для храбрости. Это — сердце могучего и бесстрашного воителя, ставшее чудесным растением, я же собираюсь повелевать миром и небесами, так что мужество мне понадобится... А теперь хватит болтать, вперед, к заветной цели!

Он снова вытянул Золотую Ветвь, и Корабль Мертвецов, набирая ход, полетел навстречу неизвестности.

— Все погибло,— бормотал Хрон, дергая, как безумный, бесполезный теперь руль.— С Зачарованных Полей нет возврата...

— Вели псу или сынам Эхидны броситься на чародея.— Конн все же был стратегом и нашел, как он думал, верное решение.— Тавискарон испепелит их ветвью, но она утратит свою силу.

— Не могу,— стонал кормчий,— без Керба и химер Корабль Мертвых никогда не сможет плавать по Темной Реке... Он просто растворится в Пустоте!

Мрак впереди стремительно редел. Что-то огромное, белесо-синее надвигалось на них, поглотив Серые Равнины и вулкан вдаль — вскоре корабль оказался посреди мутной пелены, закачался, словно на волнах мертвой зыби, и встал.

— Все,— сказал Хрон,— приехали.

Тавискарон все еще размахивал Золотой Ветвью, тыкая ею во все стороны — тщетно.

— Говорили тебе, дураку, учись лучше,— устало бормотал Хрон, усаживаясь возле руля на палубу.— Ты с чего взял, что ветка тебе путь укажет?

— В мудрой книге вычитал,— упавшим голосом сказал чародей, «Скрижаль магов» именуется. Вот...— Он порылся за пазухой и достал засаленный клочок пергамента.— Написано: «Ветвь золотая тебя одарит вдохновением, если стремишься к благому — укажет и путь и подмогу, если же...»

— Что — если же?

— Дальше оборвано,— всхлипнул Звездное Яйцо.— Ветка в этот пергамент была завернута, да я, когда тащил из сумки того шамбалинца, оборвал ненароком.

— По-моему, тут что-то иносказательное,— заметил Конн, отходя от борта. Он устал всматриваться в колеблющуюся пелену и тоже присел на палубу, чувствуя, как свинцовой тяжестью наливается уставшее тело.— «Одарит вдохновением» — это для пиитов.

— Ладно, с вдохновением ясно,— буркнул кормчий,— считаем, что оно посетило нашего кудесника: уж очень он взволнован и лицом бледен. Но куда ты попасть-то хотел, убогий?

— Туда!— неопределенно махнул рукой чернокнижник.

— Туда! — передразнил Хрон.— А попал в никуда!

— Может, грести?..

— Чем? Лопастей вон без толку хлопают. Эй, уймись вы там! — крикнул он теням в колесе.— А ты, яйцо пустое, если хочешь, греби своей золотой веткой.

Тавискарон отнесся к предложению кормчего с полной серьезностью и опустил ветвь за борт столь старательно, что и сам туда свесился.

— Ой-ой! — раздался тут же его отчаянный крик.— Защитите, Эрлик, Яджур, Цернунос, Гуанлинь... Корабль исчезает!

Все, включая Керба, бросились к борту. Корпус судна и впрямь таял: от перил борта до мутной пелены внизу оставалось не больше локтя.

— Тонем? — с надеждой спросил Конн. Плавал он отлично и не боялся оказаться в воде.

— Если бы! — махнул рукой Хрон. — Растворяемся, Путник, растворяемся! Вот теперь, когда уже ничего не поправишь, я хочу, чтобы Керб вырвал кишки этому горе-колдунишке.

Еще не договорив, Хрон прыгнул на чародея и одним ударом выбил из его руки Золотую Ветвь. Тавискарон не сопротивлялся, просто стоял и смотрел, как надежда на мировое господство канула за борт в белесую мглу.

Пес зарычал и поскреб палубу — ногти мертвецов полетели во все стороны.

— Не надо кишки, — жалко проблеял колдун, — дай-те умереть достойно...

Корабль вдруг сильно трянуло. Химеры, в которых Хрон так и забыл вдохнуть жизнь, упали и с грохотом покатались в открытую дверь заднего кубрика. Хрон и Керб бросились следом. Палуба еще раз качнулась, и встала дыбом.

Отчаянно цепляясь за лопасти колеса, Конн видел, как расправляет могучие крылья чудище на форштевне. Перья на его теле взъерошились, длинная шея вытянулась, драконья голова разинула пасть, издавая яростный клекот. Фонарь на конце рога вспыхнул ослепительно-голубым сиянием, крылья ударили тяжело, взметая белесые рваные хлопья, и Корабль Мертвецов, влекомый крылатым чудовищем, крепко обвившим корпус своими змеевидными щупальцами, взмыл в воздух.

— Давай, Тифон, выноси нас отсюда! — слышал король торжествующий вопль кормчего, которому вторил залиvistый лай Керба.

Рядом, уцепившись за лопасти, распластался Тавискарон. Глаза его были безумны, он шептал какие-то

заклинания, пузырьки на его поясе лопались от каждого удара сотрясавшейся палубы.

Тифон, увлекая корабль, круто набирал высоту. Белесая мгла рассеивалась, показались перистые облака, между которыми, озаренная багровыми вспышками, виднелась гора Меру.

— Туда, давай туда! — заорал маг, все еще надеясь достигнуть вожаемой цели.

Тифон, словно услышав, заложил крутой пируэт, потом решил сделать петлю. Ноги чернокнижника и короля повисли над бездной. Летучая тварь раздумала завершать маневр и понеслась куда-то, удерживая судно книзу палубой.

Пальцы колдуна явно слабели. Конн, отпустив одну руку, потянулся к Тавискарону, чтобы поддержать его за отворот черного плаща. Звездное Яйцо тут же вцепилось зубами в палец короля, на котором сидел перстень, стараясь стащить Талисман.

— Ублюдок, — прохрипел Конн, отдергивая руку, — подыхай, если хочешь!

— Не дождешься, — взвизгнул маг, — я сейчас полечу, как облако, на вершину горы и овладею самым грозным оружием... А ты низринешься в пустоту, жалкий, ничтожный юнец, недостойный великого предка!

Тавискарон повис на одной руке, шаря свободной за пазухой.

— Где же цветочек, где же... Я, понимаешь, высоты боюсь, а так бы враз полетел... Ничего, съем цветочек-сердце и полечу... Да куда же он завалился?..

Тут слабые пальцы старика разжались, и Звездное Яйцо низринулось в бездну. Конн глянул: не станет ли колдун парить, как обещал, но тот падал камнем и вскоре пропал из виду.

Тифон описывал широкие круги, все еще кверху брюхом: очевидно, наслаждался неожиданным солнечным теплом, а может, просто забавлялся. Конн висел над бездной, но это его не особо волновало: в детстве бывало, взобравшись повыше на дерево, он висел так

подолгу, тренируя крепость рук и вырабатывая презрение к высоте. Еще немного, и Тифону наскучит таскать корабль в поднебесье, чудище опустится на Темную Реку, и можно будет потолковать с Хроном о продолжении путешествия...

Острая боль в пальцах заставила его глянуть вверх. Лопаста колеса явно переместилась, теперь та, за которую он держался, была вровень с палубой, а просвет между ними был слишком узок, чтобы вместить крепкие пальцы короля. Перстень врезался в щель, и к нему тянулась чья-то серая лапа...

Тени в колесе ожили, это они сместили лопасти, грозя сломать Конну пальцы и завладеть Талисманом.

— Хрон! — завопил король, преодолевая боль из последних сил. — На помощь, кормчий!

Вой ветра относил его слова, из кормовой каюты не доносилось ни звука. Серые щупальца сжали ободок перстня...

И тогда король отпустил руки. Ему не сразу это удалось, измученные пальцы медленно и неохотно выползали из щели... Последнее, что видел Конн, срываясь в бездну, был туманный лик, показавшийся между лопастей, — лик убиенного Нумедидеса...

Глава девятая КРАСНЫЙ МНОГОМУДРЫЙ

...И боль отозвечивается в сердце,
И сердце расцветет
красным цветком отваги...

«Деяния отцов»

Он плыл над подводной долиной, окруженной зеленоватыми рифами, и с удивлением наблюдал за кипевшей в прозрачной воде жизнью. Вокруг резвились быстрые, как стрелы, рыбы с черными полосками вдоль хребта и острыми розовыми плавниками, высоко над головой, словно мелкие серебристые облака, проносились стайки какой-то мелочи. Рыба-иглобрюх описывала кульбиты, словно цирковой акробат, парочка спинорогов любезно ухаживали друг за другом над огромным кораллом, чьи голубые, красноватые и желтые веточки грызли неутомимые рыбы-попугаи. Из отверстия в скале выглянула и тут же скрылась пятнистая мурена, в другом дремал серый скат, покрытый светло-синими крапинками.

Возле голубоватого камня, среди бурых водорослей удобно устроилось бочкообразное существо, с видимым удовольствием открывавшее и закрывавшее губастый рот. Можно было подумать, что рыба произносит речь, но, оказавшись поближе, Конн понял причину ее самозабвенного губошлепства: маленькая червеобразная рыбка

усердно заплывала и выплывала из полости рта то через пасть, то через жабры, которые усердно чистила.

«Помогает своему господину после трапезы,— решил король.— А кто теперь поможет мне?»

Он плыл, сам не зная куда, уже довольно долго. Конн умел хорошо нырять и подолгу задерживать дыхание, но, пожалуй, его нынешнее пребывание под водой побило все лучшие результаты ловцов жемчуга. Странно, но король не чувствовал ни жжения в груди, ни желания подняться на поверхность. Да и что ожидало его там, наверху — белесая муть Зачарованных Полей?

Оторвавшись от летящего корабля, увлекаемого Тифоном, он ждал долгого падения и страшного удара, но почти сразу очутился посреди подводного царства, пронизанного косыми солнечными лучами. Перстень с Талисманом был на пальце, а вот дудка Дамбаэля исчезла, видно, выскользнула из-за пояса, когда Тифон тряс и раскачивал корабль. Конн решил отыскать инструмент и поплыл наугад, невольно любуясь пестротой и яркостью подводного мира.

Одежда его истрепалась еще в лесу возле Мирового Древа, и теперь он освободился от лохмотьев, оставшихся в одной набедренной повязке да поясе, на котором болтались ножны с обломком ножа гнома. Плывать было легко, теплая вода ласково обволакивала тело.

Внезапно он почувствовал боль от укола в щиколотку. Нога была слегка оцарапана, червеобразная рыба с плоской головой присосалась к ранке. Не обращая внимания на движения пловца, она совершенно спокойно оторвала у края ссадины кусочек кожи и проглотила. Конн отогнал прилипалу, но она тут же вернулась и не одна, а с двумя другими. Они бросились на него с трех сторон и, пока он отмахивался от первой, ее товарки присосались к поясу и предплечью, да так крепко, что пришлось извлечь нож и отковыривать их обломком лезвия. Вода окрасилась облачками крови, и Конн понял, что надо подниматься.

«Правильно,— возник в голове тонкий голосок Бу,— поплавали, полюбовались красотами морскими и довольно».

Дух-ящерка плыл рядом, смешно шевеля перламутровым хвостиком и вытягивая лупоглазую головку. На плаву он щелкнул маленькой пастью и ловко откусил рыбе-прилипале кусок хвоста.

— Где ты был...— начал было король сердито, но изо рта у него вырвались пузыри воздуха, и пришлось переходить на мыслеразговор.

«По делам плавал,— отвечал Бу,— у нас, духов-хранителей, дел хоть отбавляй. То пространство искривить, когда некоторые норовят из поднебесья в океан сверзиться, то рыбакам в днище дырку проковырять, чтобы этого некоторого сетью не накрыли... То Карлука, губителя кораблей и ныряльщиков, проведай: спит ли...»

«Спит?» — спросил мысленно Конн.

«Да он веками дрыхнет, это я так проверял, на всякий случай».

«А ну как проснется? Во мне скоро воздух кончится».

«Да вы недоверчивы, как всякий настоящий король! Осетра у меня ели? Вот и плавайте, как рыбка, пока не надоест».

«Лучше бы я у Пинокля утку отведал, тогда, глядишь, сразу бы перелетел в нужное место, штанов не замочив».

«Штанов на вас все равно нет»,— обиделся дух-хранитель.

«А что, Бу,— помыслил Конн как можно ласковей, несколько устыдившись своей королевской недоверчивости,— упали мы в земное море, когда с небес рухнули, или госпожа с посохом все еще ведет нас своими тропами?»

«Это вопрос философский,— заметил дух-ящерка важно,— границы между мирами столь призрачны и условны... Бывает, защекочешь кого-нибудь как бы понарошку, глядь — вопль, стон, скрежет зубовой, и жрецы в земных храмах погребальные свечи воскури-

вают... Так что будьте осторожны, Ваше Величество, не зря речено через умников: верхнее подобно нижнему, а нижнее подобно верхнему, хотя и не тождественно... Забыл, как там дальше. Говоря об осторожности действий, я, конечно, вовсе не имею в виду этих мерзких тварей, кои желают полакомиться вашим королевским мясом, пока суть да дело. — Он щелкнул пастью, откусив плавник еще одной прилипале. — Их слишком много, так что лучше нам побыстрей отсюда убираться...»

Конн и сам это понял. Десятка два мерзких созданий крутились вокруг, а обломок ножа был слишком плохим оружием, чтобы им защищаться. Бу уже резво плыл к играющей солнечными пятнами поверхности, и король последовал за ним.

Они вынырнули посреди спокойной лагуны, в трех бросках копья от берега. Берег был пустынным, и все же, выйдя на песок, Конн не выпустил своего оружия, настороженно оглядываясь по сторонам. Бу по-собачьи отряхнулся и беспечно улегся на песок, подставив солнцу блестящую мордочку.

— Сколь отрадно погреться под лучами дневного светила после мрачных подземелий, — изрек он глубокомысленно.

Конн невольно улыбнулся, однако расслабляться, подобно Бу, король вовсе не собирался. Он прошелся по песчаному берегу, ограниченному выступами почти отвесных скал, насчитав шагов полсотни от одной скалы до другой. Чахлые деревца с пожелтевшими листьями росли вдоль подножия откоса, круто вздымавшегося над морским берегом. Отсюда через расщелину вела наверх неширокая тропа, усыпанная мелким гравием.

— Думаю, нам туда, — сказал король, поглядывая на разлегшегося духа-хранителя, — не станем медлить, Бу.

— А куда спешить? — откликнулся тот лениво. — Солнце греет, птички поют... Море набегаёт на песок с тихим шорохом... Хочется мечтать и сочинять поэмы.

Он хлебнул из маленькой, с ноготок фляжечки и продекламировал:

О буйный ветер запада осенний!
Перед тобой толпой бегут валы,
Как перед чародеем привиденья,
И лижут гладкий берег, как волны
Соленые и вкусные коренья...
Но чу! Из желто-синей глубины
Встает и лезет на берег виденье,
Созданье бездны дивной красоты...

Насчет ветра и валов Бу явно преувеличивал: море было спокойным и ласковым, а вот «видение» действительно присутствовало. Правда, насчет красоты духащера тоже изрядно приврал.

Это было существо величиной с теленка, передвигающееся на четырех черных ластах. Передвигалось оно с шумом и плеском, вздымая вокруг тучи брызг. Если туловище и конечности создания могли принадлежать тюленю, голова была, несомненно, человеческой, бородастой, а физиономия — сердитой.

— Могли бы поближе подойти, — закричало существо издали, — мне по суше передвигаться затруднительно, а превращаться некогда. Поросяенок ты, все-таки, Бу, в поросенка тебе надо вселяться, а не в ящерицу. Давай топай сюда, некогда мне...

Существо уселось на обширный зад, погрузившись по пояс в мелкую воду, и хлопнуло передними ластами. Ласты превратились в руки — черные и какие-то ороговелые. Обитатель глубин пошарил у себя на поясе, где висела изящная раковина, запустил в нее негнущиеся пальцы и извлек дудку Дамбаэля. Он сразу уронил ее в воду и, ворча, стал шарить вокруг.

— Поросяенок, чтоб ты знал, Асиб-ныряльщик, существо не слишком проворное, — сказал Бу, поднимаясь с песка и неторопливо шагая к кромке прибоя, — а нам, духам-хранителям, проворство более всего надобно. А то еще предложи мне в корову вселиться... В морскую, например.

— Но-но,— сказал морской обитатель,— что еще за намеки? И что еще за Асиб? Как просить о чем, так, значит, Асиевель, могучий повелитель моря, а как сделку сладили, можно, значит, фамиллярничать? Вот зашвырну твою дуду акуле в брюхо, будешь знать, как не уважать старших!

— Не зашвырнишь,— Бу зашел по пояс в воду, нагнулся и поднял инструмент.— Ты медок получил, так что не геройствуй тут. Действует медок-то?

— Да что с той капли,— проворчал повелитель моря,— прибавить бы надо...

— А ты к Кубере сходи,— посоветовал Бу, встряхивая из дудки воду,— у него целый источник, может, и не пожалеет.

— Да ходил я,— насупился Асиб-нырлящик,— не дает, жадничает. Порядок наводит. Зачем тебе, говорит, дев рыбохвостых услаждать? Как, говорит, напьемся меду-то, так в раковину трубишь — корабли тонут. С твоей платы, Бу, не потрубишь особо, но песню я сложил.

Повелитель глубин поднял голову и вытянул губы трубочкой.

— Не надо...— пискнул элементар, но было уже поздно — Асиевель протяжно завыл:

О волны, волны,
Тяжелы, лазурны,
Всякий вас увидит —
Спать не заснет!
Корабли несутся-я-я!
Паруса надуты!
Бравые матросы
На палубах дерутся-я-я!..

Он замолчал и уставился на духа-ящерку, мордочка которого почернела — не то от солнца, не то от жутких завываний Асиевеля.

— Ну как?— спросил повелитель глубин с робкой надеждой.

— Хорошая песня,— сказал Бу, отступая на берег,— только короткая очень.

— Вот и я говорю! — обрадовался дух моря.— Ежели бы мне еще пару глоточков, я бы и докончил. Хочешь, цветок продам? За пару глотков. Не морской, обронил кто-то, я и подобрал на дне. Может, годен на что?

Он полез в свою раковину и достал красный измятый цветок. Лепестки его поникли, но Конн сразу узнал чудесное растение с поля Черного Садовника: видимо, Тавискарон выронил его из-за пазухи, когда падал с Корабля Мертвецов.

— Да на что он нужен? — пожал Бу острыми плечиками.— Дама какая-нибудь гадала возле борта: любит — не любит, да и обронила. Может, и лепестки почти все ободрала.

— Как же,— хитро улыбнулся Асиевель в бороду,— дама уронила... Он горячий, пощупай вот!

— Ладно,— кивнул Бу,— если горячий — можно за пазуху класть да в ненастье греться. Но только один глоток!

— Два! — уперся повелитель глубин.

— Заплати, что он просит,— твердо сказал Конн.— Мне нужен этот цветок.

— Во! — обрадовался Асиевель.— Твой подопечный, Бу, нагишом ходит, зябко ему. Ты — дух-хранитель, так что выполняй приказание.

Бу что-то проворчал, отвинтил крышечку со своей маленькой фляжки и протянул морскому обитателю.

Тот сграбастал ее мокрыми пальцами и забулькал, блаженно щурясь.

— Хватит! — завопил дух-ящерка, отбирая фляжку.— Три глотка сделал, обманщик. Ох, потонет сегодня кто-то вместе с грузом и своей лоханкой...

— Вот это другое дело,— Асиевель поднес к губам раковину,— я весь — вдохновень!

— Бежим,— пискнул Бу, отдавая цветок Конну, и быстро засеменял к тропинке в скалах. Недоуменно пожав плечами, король последовал за ним.

Он был уже возле скал, когда сзади раздался протяжный рев, сотрясший землю. Желтые листья сдуло с дере-

вьев, словно порывом ураганного ветра. С вершины откоса сорвались и покатались вниз крупные камни.

Рев повторился, потом Асиевель затянул жутким басом:

Тонут в море корабли,
Тонут-погибают...
На причале до зари
Девушки рыдают!

Он повернулся и поплыл навстречу разыгравшимся волнам, трубя в раковину и распевая во все горло.

Оскальзываясь на мелком гравии и перепрыгивая через упавшие со склонов камни, Конн добрался до вершины. Бу поджидал короля, примостившись на теплой потрескавшейся плите и потирая уши маленькими ручками.

— Не умеете вы торговаться, Ваше Величество, — сказал дух плаксиво, — что я, цветка не признал? Цену хотел сбить, вот и все. Этому каракуле и глотка достаточно, чтобы шум поднять. А теперь до новолуния не успокойся: трубить станет и песни дурные орать.

— Ты забываешь, что я король, а не барышник, — насутился Конн. — Крепок твой мед, однако, если такую тушу пронял в два счета.

— А это не простой напиток, — сказал Бу, — это Мед Поэзии. Вдохновение дарует, иногда до экстаза дело доходит. Когда-то небожители после очередной весьма жестокой битвы решили заключить вечный мир и сварили этот напиток... Да вы присаживайтесь, судя по всему, ждать придется, я и расскажу, как этот мед на свет появился, и что из того вышло.

Конн осмотрелся. Он стоял на краю круглой, шириной не менее ста локтей, площадке, обнесенной валом из длинных белых камней высотой по пояс человеку его роста. За первым валом виднелись другие, каждый следующий отстоял на все большее расстояние от предыдущего. Казалось, на край обрыва кто-то кинул огромный камень, и от него, как по воде, расходились по голой, без единого деревца равнине круги валов.

Напротив того места, где тропинка поднималась на плато, высились каменные ворота: два огромных, иссеченных ветрами монолита стояли вертикально, третий лежал сверху. Их поверхность покрывали полустертые древние руны.

За воротами виднелась прямая, вымощенная ровными плитами дорога, убегавшая к горизонту. Она, словно лезвие меча, рассекала круглые валы: в тех местах, где дорога их пересекала, были оставлены проходы.

— Почему ты решил, что надо ждать? — спросил король своего спутника. — Ворота открыты, дорога перед нами.

Бу указал хвостиком на плоский овальный камень, видневшийся посреди площадки, словно алтарь странного храма. И на этом алтаре лежал человек.

Зажав в одной руке обломок гномьего ножа, в другой — горячий цветок, Конн осторожно двинулся к возвышению. Рыцарь в полном вооружении был распростерт перед ним: ярко блестела на солнце вызолоченная сталь доспехов, крылатый шлем с опущенным забралом украшал пышный плюмаж из радужных перьев.

Левую руку воина прикрывал красный треугольный щит без герба и иных знаков, вдоль правой лежал меч с рукоятью, украшенной драгоценными камнями. Броня, перья плюмажа, оковка щита — все было покрыто пылью и мелким мусором, однако на клинке не было и пятнышка ржавчины.

«Этот человек давно умер или его принесли в жертву странным богам», — подумал король и приподнял забрало, ожидая увидеть оскаленный череп.

Доспехи были пусты.

— Бу! — взревел Конн, оборачиваясь к духу-ящерке, который все так же спокойно грелся на солнышке. — Ты что, играешь со мной? Мне некогда разгадывать твои загадки, я и так потерял слишком много времени. Это пустая броня, я могу одеть ее, но кого и зачем ждать в этой выбеленной солнцем пустыне?

— Теряя время, вечность обретишь, разбей клепсиду и воды напейся... — пробормотал Бу, с трудом поднимая сонные веки. — Простите, Ваше Величество, Мед поэзии все еще действует... Я рассуждаю так: кто-то приготовил вам доспехи, ибо трудно предположить, что столь великолепные латы лежат здесь просто так без всякого присмотра. Но если вам приготовлено боевое облачение, следовательно, этот «кто-то» желает с вами биться. Ввиду того, что биться с этим «кем-то» в его отсутствие вы никак не можете, я предлагаю подождать.

— Тебе лучше знать, — проворчал король, присаживаясь рядом с духом-хранителем на камень. — Путешествуй я обычным образом — не притронулся бы к этой броне, хоть она и вызолочена и, кажется, весьма добротна, а просто пошел бы своей дорогой. Но в местах, по которым ты меня ведешь, любой предмет обретает особый смысл, так что подождем того, кто оставил здесь эти латы. Надеюсь, ждать придется не слишком долго. Что ты там говорил о вечности?

— Собственно, вечность — это так, для красного словца. — Бу тоже сел, скрестив ножки и поджав перламутровый хвостик. — Никто толком не знает, что это такое, и не живет вечно, даже мы, элементалы. Но Мед Поэзии способен даровать иллюзию беспредельности нашего существования, он помогает переноситься в иные измерения, иные времена... Поэтому я всегда ношу несколько капель вот в этой фляжке.

— Может, дашь попробовать? А то в горле пересохло.

— О, Ваше Величество, не считите меня невеждой, но Мед Поэзии не предназначен для утоления обычной жажды...

— Понял, он утоляет жажду духовную посредством того, что навевает складные строфы. Волны-волны, велики, огромны — или как там пел этот жуткий тюлень с бородой? Он оказал нам ценную услугу, но, скажу честно, твои вирши мне понравились больше.

— Ну, к меду и талант нужен, — скромно потупил-ся Бу. — Вам же сейчас к фляжке прикладываться не советую: расслабляет.

— То-то из менестрелей редко выходят хорошие бойцы, — усмехнулся король, — за редким исключением. И то, как возьмет трювер меч, так и озадачится всяческими фантазиями: то ему дракона кровожадного подай, то даму обиженную, то идею возвышенную... А это уже не боец, кто сердцем мыслит... — Тут он отчего-то вспомнил о Дагеклане и замолчал.

— Когда гремят мечи, Иштар Всеблагая, говорят, затыкает уши и закрывает глаза, — согласно покивал Бу. — Вы говорите об этих делах с большим знанием.

— Опять ты забыл, что я король, повелитель огромной Империи? Был помоложе, читал я разные книги, где о добре да зле прописано, и стихи читал, и сочинял даже... А потом понял: хочешь править железной рукой, как только и можно в Земной Юдоли, — позабудь о порывах сердца...

И опять умолк король, мрачно уставясь на красный цветок, который неосознанно мямлил в пальцах.

— М-да, — протянул Бу, поглаживая хвостик. — Поэзия должна носиться по волнам эфира и передаваться от сердца к сердцу. А то понапишут всякого, хоть и ладно, а так мудрено, что и сами запутаются. А чтобы распутать — ну друг дружку мечами лупить, стрелами осыпать и в темницах мучить. Небожители тоже раньше сему пороку предавались, скрижали разные творили, кто из хрусталя, кто из скорлупы Мирового Яйца, кто из старой кожи Сета, Мирового Змея. И тем скрижальям следовали, ибо великие задачи в них ставили. Один хотел, чтобы люди только деревьям поклонялись и ничего, кроме фруктов и молока, в пищу не употребляли. Другой велел своим адептам пирамиды строить и живьем в них замуровываться, третий — ходить в рубище, не мыться и танцевать на площадях до тех пор, пока не побьют камнями... А когда адепты спраши-

вали: «Зачем, Отче?», получали ответ: не вашего ума дело, не доросли, дескать, до высшей мудрости.

Еще один, не помню как звали, хотел чтобы повсюду кумиры его стояли: на морских побережьях высотой с гору, у городских ворот — с башню, а в жилищах — в два локтя, и чтобы непременно из чистого золота. Где столько драгоценного металла напасешься? Над ним все небожители смеялись, а он уперся: под страхом смерти велел последователям своим золото из свинца добывать...

Много еще причуд небожители навывдумывали. И, главное, как что не по ним, так идут войной друг на друга, а оружие у них такое, что гору в пар обратить — плевое дело. Несчетно они друг дружку перебили, а еще больше людей, которые плохо понимали из-за чего, собственно, весь сыр-бор разгорается.

Тогда и дал Митра Пресветлый (которого руги по темноте своей Аресом именуют) последний и решительный бой. Кого в Нижний Мир низверг, кого в Пустоте рассеял, кого так к земле-матушке припечатал, что мало не показалось. Ямбаллахов, к примеру. Эти-то сгинули, благодаря коварству ругов, а другие супостаты, говорят, очухались и на земле неплохо устроились. Самые коварные из них — фоморы, но они редко покидают свой Железный Замок.

Те же из небожителей, кто покорился воле Митры, решили заключить вечный мир. Они смешали в большом котле пот, кровь и слезы, коих немало пролили в дни жестоких битв, добавили молока священной козы, а также растворили плоть небесного скальда Бухваса, скальд пошел на эту жертву добровольно ради общего блага. Потом все выпили по заздравной чаше и разбрелись по своим делам, оставив котел с медом под прищмотром Атали, дочери ледяного бога Имира...

— Отец рассказывал об этой коварной деве, чуть было не сгубившей его, когда он был ранен в стране Асов и лежал беспомощным посреди ледяной пустыни. Дух явился к нему в облике прекрасной женщины

и чарующими танцами пытался увлечь за собой на гибель.

— О, Атали всегда танцует, ибо когда-то выпила слишком много Меда Поззии,— кивнул Бу.— Танцует и не может остановиться, ибо жаждет прекрасного: возвышенной чистой любви... К сожалению, все претенденты замерзают среди ледяных торосов или их приканчивают братья-великаны Атали. Печальная, но возвышенная история...

— Так что же,— спросил Конн,— Мед Поззии так и хранится во владениях Имира?

— Ну нет! — возразил дух-хранитель.— Небожители поначалу и вправду спрятали котел возле Сталкивающихся Скал далеко на севере, но однажды, когда они собрались на пирушку, мед так промерз, что невозможно было отколотнуть и кусочка. Пришлось пить обыкновенную брагу, и она так вскружила голову многим богам, что те, по своему обыкновению, передрались и в пылу ссоры растопили вековые льды. Тогда лавины сошли с северных гор и промыли широкую долину, где позже поселились киммерийцы. Это было за много веков до рождения вашего отца, государь.

И боги решили, что Меду Поззии не место на земле, и спрятали его под корнями Мирового Древа. Корни пьют его и отдают взамен свои соки, так что источник никогда не иссякает. Сторожит источник великан Кубера-Нор. Правда, он долго отсутствовал, местность вокруг совсем одичала, Мед Поззии растекся, пропитал всю вершину Мировой Горы и вырос там лес не лес, а так, некое существо с ветками-щупальцами и весьма возвышенными представлениями о смысле жизни...

— Этот мудрец, провонявший все вокруг своими миазмами, пытался меня слопать! — воскликнул король и посмотрел на багровые полосы на руках и ногах, оставшиеся там, где сжимали их липкие ветви живых кустов.

— Это с вашей точки зрения,— хихикнул Бу,— с точки зрения существа, запертого в своей брэнной обо-

лочке. Лес же хотел освободить вас от земных страданий, слив с Беспредельностью.

— Ну, голод можно обосновывать по-разному, — буркнул Конн. — Как вы только с ним уживаетесь...

— Да ведь мы бестелесные, — напомнил элементал. — А лес нас не трогает, знает — без толку.

— Мед Поэзии, Беспредельность, — задумчиво проговорил король. — Иногда, засидевшись в скриптории до третьей свечи над древним манускриптом, вдруг чувствуешь, что тело твое как бы исчезает, растворяется...

Он осекся и уставился на каменные ворота.

Только что дорога за ними была пуста, а в следующий миг из-под каменной арки выехал на вороном жеребце рыцарь в помятой броне. Глубокий шлем с прорезями для глаз, похожий на каску немедийского наемника, закрывал лицо, из-за плеча торчала рукоять меча, у колена висел небольшой круглый щит без герба. Никаких украшений — ни плюмажа на шлеме, ни червлёных узоров на кирасе, ни инкрустации на походном седле. Рыцарь натянул поводья и остановил коня возле камня, на котором лежали сверкающие доспехи.

— Он прибыл, — сказал Конн, вставая, — и, кажется, не для того, чтобы вести разговоры о поэзии.

Спрятав помятый цветок в пояс, вложил обломок ножа в ножны и направился к всаднику. Остановившись в трех шагах поднял руку с раскрытой ладонью.

— Приветствую тебя, страж, — сказал Конн. — Я прибыл на твой остров в поисках своей невесты. Разрешите мне пройти и укажи место, где я мог бы отыскать девицу по имени Эльтира.

— Как ты зовёшься? — глухо спросил рыцарь из-под шлема.

— Конн, король Аквилонии и всех подвластных ей стран. Назови себя.

— Я зовусь Руад Рофесса, что на вашем языке значит Красный Многомудрый. У тебя есть то, что мне нужно. Отдай, и можешь идти куда хочешь.

Конну не понравились слова рыцаря, и все же он спросил:

— Что ты желаешь получить от меня?

— Сердце отважного воина. — Голос под шлемом звучал ровно и спокойно.

— Так вырви его из моей груди, если сможешь! — крикнул король, чувствуя, как гнев наполняет его душу — впервые с тех пор, как Мать Большая Мартога отправила его в это странное путешествие.

— Твое сердце! — В голосе всадника послышалась насмешка. — Это сердце влюбленного, а не бойца. Оно опутано цепями страсти и не может биться глубоко и свободно. Ради своей возлюбленной ты готов на все, но готов ли ты кинуться на сотни клинков, направленных теми, кто изменил тебе? Нет, ты даешь убедить себя, что действуешь в высших интересах, хотя лишь один страх сковал твое сердце — страх за жизнь возлюбленной!

— Ах вот оно что... — пробормотал Конн.

Потом, почти обнаженный, вытащив обломанное лезвие, гордо выпрямился перед закованным в железо всадником и сказал, тяжело чеканя каждое слово:

— Кто бы ты ни был, рыцарь, ты нанес мне оскорбление, смываемое только кровью. Тебе нет дела до обстоятельств, заставивших меня прибыть в твою страну, где бы она ни находилась, на земле или в Лучезарном Мире. Я ни перед кем не отчитываюсь. Я вызываю тебя, Руад Рофесса, и готов драться хотя бы и обломком этого ножа!

— Да полно! — Всадник небрежно махнул рукой в железной рукавице. — А как же прекрасная Эльтира? Я убью тебя, и она погибнет. Подумай и лучше отдай цветок, который прячешь в поясе: в нем воплотилось сердце... отважного человека!

— Ты трус, если отклоняешь мой вызов, — упрямо сказал Конн.

Всадник отъехал на десять шагов, извлек из заплечных ножен прямой длинный меч и указал им на золотые доспехи.

— Я не дерусь с безоружными, — сказал он. — Облечись и положи цветок на этот алтарь. Мы станем биться, и если я завладею им, можешь делать, что хочешь: продолжать драться или отправляться на поиски женщины.

Конн не заставил себя упрашивать. Золотые доспехи были обиты внутри бархатной тканью и хорошо сидели даже без нижнего гобиссона. Броня была на удивление легкой и пришлась впору, словно подогнанная по фигуре короля. Меч удобно лег в руку, щит надежно прикрыл грудь.

Красный Многомудрый спешил, и они сошлись.

Они обменивались ударами, передвигаясь вокруг алтаря, на котором пламенели лепестки цветка. Руад Рофесса был крепкий боец, и вскоре золотые доспехи Конна покрылись царапинами и неглубокими вмятинами, а наверху щита стало похоже на оскаленную челюсть из-за множества щербин, выбитых тяжелым мечом противника. И все же Конну каждый раз удавалось отеснять Руада от заветного камня.

— Давно не дрался? — гудел Рофесса из-под шлема. — Бугурты и турниры не в счет, пустая потеха! Только смертельный поединок закаляет воина, но кто же станет всерьез драться с королем великой державы! А битвам ты предпочитаешь хитроумную политику... Неплохой удар, юноша, только надо бить резче и круче выворачивать кисть руки... Попробуй отбить мой!

Руад занес меч, словно собираясь рубануть сплеча, но вдруг изменил направление удара, переведя его в колющий: щит Конна загудел, на оковке осталась глубокая вмятина.

— Такой удар надо парировать клинком и с вывертом! — рявкнул рыцарь. — Хвост нергалий, зацепи ты мой меч гардой, ты бы меня обезоружил!

Он вдруг присел и ударил по ногам — Конн подпрыгнул, легко перескочив свистнувшее лезвие, и в свою очередь нанес удар в край щита противника, заставив

его приоткрыться, и тут же — колющий, целя в кольчужный воротник.

Руад отпрянул, и все же острое распорол первый слой кольчужного напоя.

— Детский лепет, — прогудел рыцарь, — ты даже меня не поцарапал до крови, а на клинке твоём уже немало зазубрин.

— Ты тоже не преуспел, — сказал Конн, переводя дух. — Но что-то ты больно печешься о моих успехах. Хочешь поскорее умереть?

— Юнец! — рявкнул Многомудрый. — Научись дышалку держать, потом рот разевай. На-ка!

На этот раз он достал Конна. Лезвие ударило в левое плечо, оставив глубокую вмятину. Из щели в доспехе нехотя проступила кровь. Пожалуй, гобиссон смягчил бы удар, но ватной фуфайки под доспехом не было, а бархатная подбивка была слишком тонка.

— Получил? — без особого торжества спросил Рофесса. — Может, хватит с тебя? Я забираю цветок, ты — уматываешь.

— Твои манеры более подходят для базарного драчуна, чем для рыцаря, — насмешливо парировал Конн. — Решил испугать меня какой-то царапиной? Защищайся!

Он атаковал яростно, но не теряя осторожности. Что-то настораживало его в том, как орудует мечом этот человек. Руад с легкостью разгадывал обманные движения Конна и парировал самые хитроумные удары. Он редко пускал в ход щит, предпочитая отбиваться клинком, но и его манера атаковать была на удивление знакома, и король успешно защищался. Казалось, назревает боевая ничья, что не устраивало обе стороны.

Время шло, становилось жарче, пот заливал глаза, размывая видимое в прорезях налечника. Рофесса имел преимущество: у его шлема не было забрала, прямая заостренная на конце пластина прикрывала нос, серповидные выступы — щеки, большие отверстия для глаз позволяли хорошо видеть. Глубокий шлем надежно прикрывал и защищал почти все лицо, и все же дыша-

лось под ним вольнее, чем под более изысканным, но более душным шлемом Конна. К тому же королю мешал пышный плюмаж, оттягивающий затылок и мешавший вольно поворачивать шею. Доспехи были явно парадными, не предназначенными для длительного и жесткого поединка, победу в коем давала не только ловкость, но и выносливость.

Конн решил применить свой коронный удар. Когда-то отец научил его этому приему и долго отрабатывал с ним на деревянных мечах. После каждого упражнения сломанный меч сына приходилось заменять: суть тут была в том, чтобы вложить в боковой удар всю силу.

Конн сблизился с рыцарем, сделав ряд стремительных выпадов, которые были столь же стремительно отбиты. Внезапно король ударил под самую рукоять меча Рофессы, и тот невольно высоко откинул руку. Сейчас же Конн направил клинок в правую часть нагрудника, и Рауд принял удар на щит, открыв свой левый бок. Конн снова размахнулся, как бы желая мощным ударом расколоть щит противника, но вдруг упал на правое колено и с поворотом направил меч слева под ребра Рофессы, туда, где кончалась кираса и начиналась кольчужная юбка, прикрывавшая бедра.

Такой удар сплеча и с поворотом позволял расколоть не то что старую измятую кирасу Руада, он пробивал мощную броню рыцаря-пехотинца, столь тяжелую, что подобные воины использовались в качестве живого щита при атаках конницы, буквально врастая в землю и оцетинившись наклонным частоколом копий.

Все было сделано правильно, вся сила была вложена Конном в этот удар, и все же Руад его отбил. Он успел опустить щит влево за миг до того, как сталь клинка должна была перерубить его доспехи чуть выше пояса. Щит, не выдержав, раскололся, клинок разрубил наручень, и рыцарь зашатался, прижимая раненую руку.

— Может, теперь хватит с тебя? — спросил король, отступая на пару шагов. — Ты и так храбрый воин, зачем тебе цветок-сердце?

Поддерживая левую руку правой, в которой все еще сжимал меч, Многомудрый внимательно оглядел залитое кровью предплечье. Сжал левую ладонь в кулаки. Потом пнул обломки своего щита и сказал:

— Хороший удар, парень. Если бы я его не знал, было бы сейчас два Рофессы, покороче прежнего. Только ты зря радуешься. Кость не задета, а если и задета — совсем немного. Щита я лишился, но левая рука мне еще пригодится. Знаешь, что главное в поединке с таким человеком, как я? Главное — не расслабляться!

Он вдруг прыгнул, разом покрыв расстояние, отделявшее его от Конна. Меч рыцаря ударил по щиту, несколько сверху, так что король вынужден был приоткрыться. Левая рука Рофессы сжала запястье правой руки Конна, да так, что кости затрещали. Не дожидаясь, пока Конн снова прикроется щитом, рыцарь ударил его рукоятью своего меча прямо в забрало шлема...

Все поплыло перед глазами короля, горячая кровь хлынула из разбитого носа, он не устоял и опрокинулся навзничь. Он царапал и рвал наличник, но тот, изуродованный мощным ударом, не хотел подниматься. Оставив попытки, Конн поднялся, вслепую размахивая мечом. Сквозь красноватый туман он сумел разглядеть, как рыцарь, назвавшийся Руадом Рофессой, спокойно подошел к алтарю, взял красный цветок и спрятал у себя на груди. Конн побежал к нему, что-то вопя и задыхаясь под искореженным шлемом.

Руад обернулся. Был он уже без каски, и ветер трепал его густые черные волосы, но лица рыцаря Конн рассмотреть не мог, хотя и был от него в пяти шагах.

— Поединок окончен, — бросил Рофесса, садясь в седло, — я тобой доволен... Конн. У нас обоих есть важные дела, но после, если захочешь, мы можем продолжить. Извини, что расквасил тебе нос.

— Стой! — хрипел король, не замечая, что его ведет куда-то в сторону. — Стой, трус! Ты обещал продолжить поединок в любом случае!

— Никогда не называй трусом того, кого не смог одолеть. Я тебя таковым не считаю.

С этими словами он прищипорил вороного и поскакал к арке. Как только всадник и конь промчались между монолитами, оба пропали, словно растворились в воздухе.

Конн хотел бежать за исчезнувшим Руадом, но ноги его подкосились, и он тяжело осел в горячую пыль.

Когда Бу, царапая маленькими пальчиками железа, все же снял с головы короля шлем, он увидел то, из чего боги некогда начинали варить Мед Поэзии, — кровь, пот и слезы.

— Я убью его, — шептали разбитые губы Конна, — Кромом клянусь, найду и выпущу кишки! Это кулачный бой, а не рыцарский поединок...

— Но вы сами обозвали его базарным драчуном, — пискнул Бу и поспешно добавил: — Никогда не видел такого красивого удара, Ваше Величество! Раз-раз, по щиту — бамс! — сверху — ух! — а сам на коленки и — вжик! Так бы его и разрезал, ну ничего, руку-то покалечил, и то славно.

— А он мне — в морду, — горестно заключил король, вытирая лицо взявшимся невесть откуда чистым платком. — Чего ж ты не пресек такое бесчестье, дух-хранитель?

— Люди дерутся — элементарлы не встревай, — сказал Бу. — Да и какое бесчестье, в драке все бывает. Вы его — по ребрам, он вас — по сопаткам. Равные бойцы, даже с лица схожи.

Конн насторожился.

— Руад похож на меня?

— Не то что похож, а просто как две капли воды. Черноволосый, синеглазый, разве что посмутлее, от солнца, наверное. Я-то гляжу: вы вправо, и он вправо, вы двойной выпад, и он двойным отвечает... Просто бой с тенью. Одно мне в этом Руаде не понравилось: грубый он, не обходительный. Одичал, видать, на этом острове.

— Что за остров? — спросил Конн. — Ты ничего не говорил, Бу.

— Так не успел еще. Это остров племен богини Банну, Ваше Величество, Инис Фалль по-другому...

— Так это был мой брат! — вскричал король, вскакивая на ноги. — Да Дерг говорил, что на острове Фалль у меня есть сводный брат, с ним я и дрался!

— А если с братом, — покачал головой дух-ящерка, — так в следующий раз лучше выпейте да закусите, чем мечами махать.

— Но почему он не сказал сразу и назвался Руадом? Я бы отдал цветок, узнай Нюка. И почему он бросил мне вызов, если я прибыл на Фалль по воле Да Дерга?

— А у них тут всегда интриги, на Фалле этом, — заметил Бу. — Я сюда без особой нужды не захоживаю.

— И куда теперь? Отправимся в Медовый Покой королевы Матген?

— Хорошо бы, государь, но ваша невеста, как мне стало известно, — в Железном Замке фоморов.

— Вот как! Кажется, туда можно добраться только по воздуху. Все же я зря не ел утку Пинокля.

— Дался вам этот фигляр, — проворчал Бу, — у нас есть средство понадежней.

И он указал в голубое небо, где парил на широких крыльях, снижаясь, закованный в броню крепыш с голой дятла.

Глава десятая ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАМОК

И будет сей бог ликом темен,
И на руках огонь, и без сердца...
Ибо имя ему — враг человеческий...

Откровения Иорды

Марабуэль, повелитель гор, быстрый, как ласточка, и бесстрашный, как орел, — представил Бу новоприбывшего. — Может переносить на большие расстояния и повелевает Весенним Корнем... Как дела, Мар?

— Дел много, — сказал дух гор простуженным голосом и закашлялся. — Наглотаешься ветра на вершинах, так хрипунец и одолеет... Я обещал тебе, Бу, снести твоего человека в Железный Замок, но тут такая оказия вышла... Тролли опять Барабара в скалу замуровали, выручать надобно. Так что придется вам обождать.

— То есть как обождать?! — вскричал дух-хранитель и позеленел от макушки до кончика хвоста. — Я ж говорил тебе, некогда нам, невеста вот его — в замке томится железном, у Короля фоморов. Сведения мои верные, сам слышал, как Тритон, что пролив сторожит, хвастал. А Барабар твой посидит немного в скале, ему только на пользу. Нечего троллям своими шутками дурацкими надоедать, они юмора не понимают.

— Так задохнется он, — упрямо сказал Мар. — Я быстро скалу клювом продолблю, а там и в замок наладимся. К дриадам только слетаем, и мигом в замок.

— К дриадам! Может, еще к сидам завернем, ты им новый проход в холмах проковыряешь. А то у них мало...

— К сидам не надо, — кашлянул дух гор, — не люблю я их... А у дриад горе: сохнет их дерево, сохнет, и все тут. Удави-поползень ветки обвил, да так быстро, что и ахнуть не успели. Надо ему корешки обдолбить, может, отвяжется.

— Беспокойный дух, весьма трудный в управлении, — пробормотал Бу. — И всюду-то он нужен, и все-то помочь желает. Значит, так. Полетим мы над землями гномов, и весточку им кинем. Гномы с камнями ловко управляют, вызволят твоего Барабара. А потом кротов-пилозубов к дриадам доставят, те поползнию вмиг корни подгрызут.

— Да не полезут гномы так высоко! И Барабар, шалопай, давеча у них яйцо птицы Рох иглой проколол и болотной воды с гиявками туда напустил. Гномы яйцо раскололи, а пиявки как выскочат... Не станут рудознатцы Барабара вызволять. И кротов своих они к чужим не носят, жадничают...

— А я говорю — станут! — оборвал упряма Бу. — Ну-ка, Ваше Величество, дайте нож дядюшки Гнуба.

Конн протянул обломок ножа. Дух-хранитель внимательно его осмотрел и одобрительно поцокал язычком.

— Хвала Астральному Свету, руна с именем гнома уцелела. У самой рукоятки нацарапана, ничего ей не сделалось. Сейчас мы сюда несколько словечек добавим, поубедительней.

Бу отстегнул с пояса фляжку с медом поэзии, обмакнул в нее кончик хвоста и ловко вывел что-то на остатке лезвия. Металл задымился, на нем появились синеватые мелкие письмена.

— Это какой же Гнуб? — спросил дух-дятел заинтересованно. — Не тот ли, что пропал прошлой весной, забравшись в дыру-ловушку? Кажется, его звали Гнубус из Тюирлги...

— Он самый. Тебе не трудно снизиться над его родными холмами?

— А чего трудно-то... Но почему ты решил, что на гномов подействует твоя писулька?

— А она не моя, — хитро сморщил мордочку Бу, — она Гнубова. Вот послушайте, что пишет сей достойный рудознатец.

Я, Гнубус из Тюирлги,
Попал в беду бедую.
Кто прочитает — помоги,
Не то нашла падую.
Барабара-негодника вынь из скалы,
И дриадкам лиану тотчас отпили!
Будет так — и с меня заклинанье спадет,
Гнубус развеселый к вам снова придет!

— Но это же обман! — возмутился Марабуэль. — Не стану я в этом участвовать.

— Могучий дух, но весьма честный, — сказал Бу. — Ты меня обижаешь, Мар. Стал бы пускаться на коварство я, приближенный самой госпожи Ишпу?

— Конечно стал бы, — закивал Марабуэль клювом так быстро, что красный хохолок на его макушке встал дыбом. — А то мы вас, веселых духов, не знаем! Вам лишь бы шкодничать...

— Ты меня с Барабаром спутал, — серьезно сказал Бу. — Мне сейчас не до шуток. Девушку вызволять надо, а то как бы Король фоморов с ней чего худого не сотворил. Хотя телесная ее оболочка сейчас и далеко, но все же... И потом, видел я Гнуба в стране Огнедышащих Гор, он спит и видит, как бы в родные места вернуться. Вызволим девушку — ему в том помогут, госпожа с посохом подсобит.

— Ну если госпожа с посохом... — задумался повелитель гор. — Ладно, согласен.

— Отлично, — обрадовался Бу, — сбросим ножичек в Тюирлги, там его непременно кто-нибудь подберет — и дело в шляпе!

— Шляпы нет, но можете воспользоваться моим шлемом, — сказал Конн. — После удара братца он все равно ни на что больше не годен.

Король пнул валявшийся возле его ног шлем с измятым плюмажем и искореженным забралом.

— Я говорил о шляпе иносказательно, — заметил Бу, — но ваше предложение, государь, не лишено основания. Легкий ножичек может снести ветром в какую-нибудь болотину, а каска упадет с шумом и грохотом и привлечет внимание гномов. Положим в нее нож, и да помогут нам звезды!

Он устроился на плече короля, Конн прижал к груди шлем (с большим удовольствием он бросил бы его в море, чтобы никогда больше не видеть), Марабуэль ухватил короля под мышки, ударил крыльями, и они полетели.

Нельзя сказать, что это воздушное путешествие доставило королю удовольствие. Дух гор оказался сильным парнем и так сжал Конна, что дышал тот с трудом. Если бы не золоченая кираса, ребрам его пришлось бы весьма туго. Ноги в латных сапогах болтались в пустоте, холодный ветер проникал сквозь сочленения брони, в довершение ко всему кольчужный набедренник звенел так, что люди внизу поднимали головы и показывали на них пальцами.

— Красивые места, — пицал дух-хранитель в ухо, — нигде не найдешь столь прекрасно возделанных полей и виноградников. А дома! Все как на подбор, крыши разноцветные, на окнах горшки с геранью... Не говорю уже о дворцах и храмах... Если бы не склонность местных обитателей постоянно прибегать к магии, вызывая духов с целью плести свои интриги, навсегда поселился бы в этих местах. Взгляните, Ваше Величество, вон пасутся коровки чудесного молочно-розового цвета!

Конн пытался опустить голову, но видел только измятый шлем, который прижимал к груди. Сердце короля наполнялось гневом и досадой, и он снова смотрел вперед, где, кроме облаков и редких птиц, ничего интересного не было.

— А вот и Тюирнлги! — возвестил Бу. — Снижайся, мой резвый летун!

Марабуэль сложил крылья и камнем ринулся вниз. Сердце Конна подскочило к горлу, он чуть не выронил свою ношу. Дух гор снова расправил крылья и стал снижаться плавными кругами.

— Ага, — пропищал Бу, — гномы нас заметили. Бросайте, Ваше Величество, бросайте!

Конн с облегчением разжал онемевшие руки, и шлем, блестя позолотой, со свистом устремился к земле. Плюмаж полыхал над ним, как хвост падучей звезды.

Проводив шлем взглядом, король увидел внизу какие-то загородки, двух птичек Рох, удивленно таращивших на них глаза-колеса, и два десятка бородатых гномов, в панике разбегавшихся во все стороны.

— Пожалуй, со шлемом мы переусердствовали, — пробормотал дух-хранитель, — издали он похож на огнебой обитателей Железного Замка...

В это время рядом просвистело несколько коротких, но весьма крепких стрел. Видно было, как гномы занимают позиции за плетнями и скирдами.

— ...А нас они приняли за птекара, железного летуна фоморов, — добавил Бу и тут же завопил: — Давай поднимайся, Мар, их наконецники пропитаны слюной Тритона, опасной для духов!

Марабуэль отчаянно захлопал крыльями и стал набирать высоту. Когда облака скрыли негостеприимный Тюирнлги, он с обидой проворчал:

— С птекаром спутали, надо же... У птекаров крылья перепончатые, а у меня в перьях!

— Да их свист шлема и звон кольчуги короля напугали, — примирительно сказал Бу. — Ладно, разбе-

гутся. А теперь давай, о резвокрылый, поворачивай к проливу.

Теперь Конн хорошо видел пронесившийся далеко внизу пейзаж. Остров Фалль и вправду был прекрасен, словно картина, писанная придворным живописцем для украшения парадной залы. Такой хочет видеть свою страну каждый честолюбивый монарх, да мало кто прикладывает реальные усилия. Внизу проплывали города, изящные и пестрые, словно домики в игрушке-табакерке, ровные дороги, ажурные мосты, шпили башен, на которых трепетали разноцветные флаги. Конн увидел столицу Фалля, прекрасный Лиатдриум, обнесенный кольцевыми стенами, сверкавшими всеми цветами радуги. Посреди города высился дворец, похожий на причудливую огромную раковину. Улицы были полны народа, но Марабуэль летел так высоко, что никто не видел их за легкими облаками.

Разглядывая чудесную страну с птичьего полета, король вспомнил, что подобные виды проплывали по правому борту Корабля Мертвецов, плывущего по Темной Реке. «Мир живых, — заметил тогда кормчий с вывернутой шеей, — каким они хотят его видеть? Неужели Инис Фалль — тоже всего лишь иллюзия? Может быть, поэтому отец, некогда побывавший здесь, так не любил вспоминать остров...

«Там слишком много магии, — говорил Конан, когда сын пристаивал к нему с расспросами, — все пропитано волшебством...» Магию и чародейство киммериец не особо жаловал, поэтому замыкался, как только речь заходила о его тогдашних приключениях. А может, виной тому была прекрасная и странная королева Матген? Теперь Конн знал, что отец провел ночь с властительницей острова, и позже она родила его брата, получившего имя Ннок. Такое же, как у него, если читать наоборот. Но ведь отец тогда еще не встретил Зенобию и не мог знать, что у него появится наследник, которого они назовут Конном! Все это было весьма странно, но извиняло отца: до Зенобии, за время своих

многочисленных странствий, он встречал много женщин, и Маттен была лишь одной из них...

— А вот и Железный Замок, — услышал король писк духа-хранителя.

Впереди вставало море. Огромная серо-зеленая туша дыбилась к окоему, и, словно мрачный утес, вырастал из нее замок фоморов, отделенный от острова нешироким проливом. Тусклые железные стены без окон отвесно поднимались на огромную высоту, и все же дух гор парил сейчас несколько выше плоской крыши, на которой темнели какие-то предметы, похожие на огромные веретена.

— Летучие корабли, — пропищал Бу, пригревший-ся в королевском ухе. — Когда-то фоморы прибыли на них издалека. Сейчас они, по договору с властителями острова, ими не пользуются. В дни битв выпускают только птекаров: те тоже из железа, но гораздо мельче. Их можно поджечь текучим огнем из катапульты.

Конн вспомнил о железном корабле, на котором довелось побывать отцу. Они наткнулись на плавучего исполина, когда угодили в «глаз тайфуна» на своей диере, застигнутой страшной бурей. В центре тайфуна царил штиль и ярко светило солнце. Конан и его спутники пробрались на корабль и нашли мертвых фоморов, одноногих и одноглазых. Они сидели в креслах перед огромным окном, занимавшим всю носовую часть, и были мертвы. Не убиты, нет, просто мертвы. В трюмах и отсеках было еще множество мертвых существ, среди них и люди. Какая-то неведомая сила уничтожила весь экипаж, и сила эта таилась внутри корабля. Так что, возможно, не только договор с людьми не позволял обитателям Железной Крепости задействовать свой летучий флот.

— Я думал... — прокричал король, но ветер набился ему в рот и погасил слова.

«Говорите мысленно, — посоветовал дух-хранитель. — В чем ваши сомнения, государь?»

«Я думал, Железный Замок хорошо охраняется, но не вижу стражи».

«Это потому, что смертным в него почти невозможно проникнуть. Вода в проливе ядовитая из-за слюны Тритона, который нежит свою отвратительную тушу в его глубинах. Окон и ворот в замке нет...»

«Но мой отец когда-то сумел пробраться внутрь».

«Они построили подводный челн, наглухо его законопатив, а немедиец Эвраст, крылатый урод, перелетел через пролив и подтянул челн за веревку. Конан и его друзья пробрались через небольшое сливное отверстие в железные коридоры, где им пришлось сражаться с многочисленными чудовищами. Фоморы помыслить не могли, что кто-либо из людей отважится на столь гибельное предприятие, и не ожидали нападения. И все же, если бы твоего отца не вела сама Судьба, никто из них не поднялся бы выше второго уровня».

«И Конан победил Короля фоморов?»

«Его очень трудно одолеть. Конан ударил его волшебным ножом пиктского друида и развоплотил на какое-то время. Сейчас у Короля фоморов новое тело».

«Неужели нельзя покончить с ним раз и навсегда?»

«Зачем? Тогда нарушится Великое Равновесие между Добром и Злом, а боги этого не допустят».

«Не очень понимаю богов. Может быть, когда стану старше и мудрее... Ладно, ты говорил, что людям практически невозможно проникнуть в замок, но вы, духи, свободно парящие по волнам стихий, разве не можете вы помочь людям?»

«А мы что делаем? — несколько обиженно молвил дух-хранитель. — Думаешь, легко было уговорить Марбузэля отнести нас в замок? Только авторитет госпожи с посохом подействовал, и то не сразу. Против духов и иных существ у фоморов есть надежная защита: сам воздух, наполняющий железные залы и коридоры. Он делает духов видимыми и лишает силы. Но сейчас ты видишь перед собой не настоящий замок, а его астральную проекцию...»

«Астральную... чего?»

«Ну, слепок с реального предмета, модель. Ведь мы ищем дух, покинувший тело твоей невесты, а он существует в ином измерении, чем физические предметы».

«Остров Фалль тоже... проекция?»

«Стал бы я так пугаться стрел гномов! Нет, Инис Фалль настоящий. Вернее, он всегда лежит как бы в двух измерениях — физическом и астральном. Марабуэль, хоть и горный дух, но здесь он вполне реален, даже клонуть может, если рассердится. А вот твою девушку мы станем искать в «призрачном» замке, хотя он и будет казаться нам настоящим. Чудовища, которые там обитают, включая самого Короля фоморов, заключенного в физическое тело, не смогут тебе помешать, ибо ты сейчас — всего лишь матрица... я хочу сказать, тоже слепок с настоящего Конна, который благополучно сидит на белой кобыльей шкуре в избе ругов. Но у фоморов есть и астральная защита, так что Мар высадит нас на карнизе, а я пойду с тобой, но если столкнемся с кем-нибудь из этих бесплотных бестий — воспользуйся дудкой ямбаллахов. Она уже обсохла и набрала кой-какую силу. А меня тебе останется сунуть за пазуху и не рассчитывать больше на помощь малыша Бу».

«Ты и так для меня много сделал. — Говори король вслух, голос его непременно бы дрогнул. — Скажи, чем тебя отблагодарить...»

— Вы обещали сделать меня главным королевским поваром. — Бу снова запищал вслух, чтобы король мог слышать его хихиканье. — Шучу, шучу, я хорошо готовлю только осетра, и то когда очень попросят. А есть ли у Вашего Величества шут?

«Шут? Это фигляр, который кривляется на дворцовом паркете и заглядывает дамам под юбки? У короля Немедии, кажется, есть такой, но я как-то не удосужился».

— А зря, — убежденно заверил Бу. — После следующей Великой Катастрофы каждый уважающий себя

король будет иметь шута. Это такой веселый парень в колпаке, который смешит публику и говорит властителям правду, какой бы горькой она ни была.

— И не боится потерять голову?

— Да ведь глупцы принимают его слова за дурацкую шутку, а королям — польза. Не каждый из придворных лизоблюдов отважится объявить, что жена наставляет монарха рога с конюшим! Вот послушай, что скажет однажды шут Педрилло королю, прозванному Котом...

Однако Конн так никогда и не услышал остроты, произнесенной через тысячи лет: дух гор упал на левое крыло и понесся вниз.

Гладкая железная стена летела навстречу, и вскоре стали видны круглые бугорки, ровными рядами делившие стену на плиты-квадраты. Марабуэль лихо спланировал на узкий, не шире локтя, карниз и ослабил могучую хватку. Латные сапоги короля лязгнули, Конн прижался спиной к металлу и посмотрел вниз. Высоты он не боялся, и все же голова немного закружилась, когда увидел темные волны пролива, казавшегося отсюда не шире танасульского тракта, и маленькие, словно игрушечные, домики городка на противоположном берегу.

— Ну, я полетел, — прокашлявшись, сказал Марабуэль. — Надо бы поглядеть, как там гномы управились.

— Благодарю тебя, дух гор! — Конну удалось даже слегка поклониться.

— Спасибо, Мар, — пискнул элементал, выбираясь из королевского уха.

— Да чего там. Будете в Гранатовых горах, заходите. Марабуэль взмахнул крыльями, оторвался от карниза и сразу набрал высоту.

— Хороший он парень, отзывчивый, не то что Асиевель, — отпустил запоздалый комплимент Бу. — Барабара выручать полетел... А ведь Барабар этот, дурак набитый, хохолок ему как-то спящему остриг. И дриады его не слишком привечают, не красавец Мар, что верно, то верно. Я ведь ему про гномов-то так наплел,

чтобы времени не терять. Гномы, может, и отправятся кому на выручку, весточку от дядюшки Гнуба получив, только сначала совет держать будут. Дня три. Так что Мар-старина еще успеет и камень раздолбать, и оплетню корни выклевать.

— А ты откуда Гнуба знаешь?

— Да так, встречались... — не слишком охотно откликнулся элементар. — И потом, у вас же его нож с собой был, по руне видно. Зря я с ним тогда поругался, когда к локапалам на огонек залетал. Хороший гном, не жадный — разве кто из них со своим ножом добровольно расстанется?

— Да не давал он мне ножа, — удивился Конн, — я его уже в лесу этом плотоядном обнаружил, когда от веток отбивался.

— Мда-а? — протянул Бу задумчиво. — Странно. Чтобы взять с собой что-нибудь в Лучезарный Мир, этот предмет еще в Земной Юдоли получить надобно. Встретите гнома — спросите. А сейчас нам двигаться надо.

— Куда? — не понял Конн.

— А вдоль карниза. Прижмитесь спиной крепче и ногами тихонько переступайте. Где-то здесь есть небольшие отверстия, то ли для вентиляции, то ли еще для чего.

Конн двинулся вдоль стены. Железо гремело под его ногами, и король пожалел, что не снял латную обувь. Наконец показалось черное квадратное отверстие шириной локтя в полтора.

— Эх, — опечалился Бу, — надо было все латы скинуть. Моя вина, очень торопился вас сюда доставить, не рассчитал. Как же вам пролезть-то теперь?

— Я могу снять доспехи, — сказал Конн, нащупывая за спиной кожаные ремешки кирасы. — Наплечники только и мешают...

Он недоговорил. За квадратным проемом затеплился свет, и голос с сильным немедийским акцентом произнес:

— Не следует рисковать, Ваше Величество, карниз слишком узок, можно сорваться. Я сейчас помогу.

Железная плита с квадратным отверстием посередине со скрежетом поползла вверх, открывая бойницу со скошенными внутрь стенами — узкую, но достаточную, чтобы пройти, не снимая доспехи.

— Давно вас поджидаю, — сказал тот же голос. — Добро пожаловать, сын Конана!

Положив руку на эфес меча, Конн решительно шагнул внутрь Железного Замка.

* * *

Помещение тонуло в полумраке, только небольшая круглая лампа под матовым колпаком бросала круг света под ноги короля.

— Хорош, хорош, — проговорил откуда-то из темноты невидимый хозяин, — золоченый доспех, щит, меч, все очень-очень хорошо. Пожалуй, только шлема не хватает. Ты не против, если я перейду на немедийский? Этот язык мне ближе.

— Не против, — сказал Конн, — но не желаю говорить с невидимкой. Покажись!

— А стоит ли? — засомневался голос. — Ты и так много насмотрелся за свое странствие, на Темной Реке особенно...

— Ты что, уродливей, чем Хель?

— Дерзишь, юноша, дерзишь... Где же придворная галантность? Ладно, если хочешь взглянуть на Короля фоморов, можно устроить.

— Так ты... — Конн осекся. Тысячи мыслей пронеслись в его голове. Неужели заговор, и духи условились доставить его прямо в лапы этого чудовища?

— Я, собственной персоной, — откликнулся невидимка. — Только на духов пенять нечего, они сами попались. Эй, малыш Бу, скажи что-нибудь, а то твой господин тебя в худом заподозрил.

— Не понимайт по-немедийски, — пискнул элементар.

— Да ладно тебе! Ты говоришь на всех языках, включая те, что давно забыты, и те, что только еще появляются через сотни веков. Видишь ли, Конн, госпожа с посохом хоть и ведаёт многие тайны Лучезарного Мира, да я, скажу без ложной скромности, посильней буду. Хотя вход в Светлые Доли мне воспрещен, сам понимаешь. Свет хоть и порождает Мрак, его же и отторгает. Несправедливо, правда? Не буду утомлять тебя любомудрством, скажу только, что я был в курсе твоего астрального путешествия. И сумел сделать так, что твой дух-хранитель даже не заподозрил, что вы уже в реальном мире, а теперь — в реальном Железном Замке. У меня в плену.

Бу прижался к плечу короля всем своим маленьким тельцем и отчаянно застонал. Конн ласково провел пальцем по головке ящерики. Бу перестал дрожать и шепнул: «Он блефует. Знает, что ничего не может с вами поделаться, и блефует. Вы далеко, в стране Огнедышащих Гор. Здесь только ваш дух. Не бойтесь, госпожа с посохом поможет вернуть ваш дух обратно в тело».

— Не надо шептаться, — пророкотал из темноты Король фоморов. — Ты забываешь, глупый элементар, что темное постоянно стремится перейти в светлое и наоборот. Вечный круговорот... И что более истинно — дух или тело? Что с чем должно воссоединиться? Я преподам тебе, Конн, хороший урок... Но после. Ты, кажется, явился сюда за своей так называемой невестой? Хочешь ее видеть?

— Сначала — тебя!

— В каком облике?

— В истинном!

— Его не существует, ибо самые могущественные силы находятся вне моей временной физической оболочки. Но я явлюсь тебе как Король фоморов, пред коим трепещут храбрейшие из племени богини Банну!

В глубине комнаты полыхнуло, два багровых столба света ударили в потолок по сторонам черного трона. На троне, разметав от стены до стены огромные когти-

стые крылья, восседало существо размеров огромных и вида жуткого. У него была голова насекомого с огромными сетчатыми глазами, а пасть — щучья, с множеством мелких зубов. Длинные руки, выходявшие из-под крыльев, отливали цветом позеленевшей меди, суставов имели не менее шести, а с длинных когтистых пальцев капала какая-то жидкость, похожая на расплавленный металл. Существо все время двигало узким телом, состоявшим из множества роговых колец, унизанных острейшими шипами, отчего слышался негромкий шелест и сухое пощелкивание. Ноги, невероятной длины, упирались коленями чуть ли не в потолок. Присмотревшись, Конн с ужасом заметил, что лицо Короля фоморов располагается не на голове, которая была гладкой и блестящей, а на груди, посреди одной из роговых пластинок. Лицо было вполне человеческим, с водянистыми глазами, светлыми бровями — и оттого еще более жутким.

Конн извлек меч и шагнул вперед.

Существо вытянуло правую конечность — суставы громко и отвратительно защелкали. Огненная капля на конце кривого ногтя вспыхнула, оторвалась и понеслась навстречу человеку с мечом. Конн прикрылся щитом, но капля, не долетев, упала на железный пол, растеклась огненным полумесяцем, и вдруг поверхность его вспучилась и метнулась вверх, загородив черный трон и его обладателя огненной стеной.

— Не старайся меня одолеть, — пророкотал хозяин Железного Замка. — Убить меня невозможно, но ты не сможешь меня даже развоплотить, как сделал некогда твой отец, ибо при тебе нет нужного оружия. Я всемогущ, ибо во мне воплощен сам Ариман, самый могущественный и благотворный бог Вселенной!

Конн опустил меч и приставил к ноге щит.

— Ах вот оно что, — сказал он, — но сила Аримана — в его Сердце, а оно умерло...

— Это ты так думаешь, ничтожный, ибо тебе неведом мой замысел. Я открою тебе глаза, ибо живым из

этого замка ты не выйдешь. Меня, Аримана, почитают за могущественного и грозного бога, но я — пленник этого замка, куда заключил меня коварный Ормузд, оклеветав перед отцом нашим Митрой. И Митра внял наветам брата, поверив, что я есть воплощенное зло. Мне вырвали сердце и зашвырнули его в Земную Юдоль, самого же заключили в Железном Замке. Из небожителя, коему подвластны все пределы Вселенной, я превратился в Короля фоморов, созданий, которые даже не могут покинуть замок, ибо земной воздух для них смертелен. Я вынужден заниматься мелкой политикой, ведя переговоры с властителями Фалля и время от времени затеывая с ними ничтожные битвы. Я, который испепелял миры! Те, кто считают себя Благими Богами, решили таким образом поддерживать Великое Равновесие малой кровью. Но они просчитались, ибо час мой пробил, и месть моя будет ужасна!

Лишив меня Сердца, боги наложили на него заклятие: я не могу завладеть им, пока в нем заключена Сила. А, не обретя этот багровый камень, я буду вечно оставаться пленником железных стен. Какое коварство! И они еще называют себя Благими! Тысячи лет моим Сердцем владели разные колдуны и земные властители, используя его в своих целях. Я решил положить этому конец и восстановить справедливость.

Когда король Конан, твой отец и последний владелец Талисмана, удалился за море, я подослал к честолюбивому жрецу Обиусу под видом уцелевших колдунов Черного Круга своих эмиссаров и научил его, как с помощью древней стигийской магии погасить Силу. Обиус, узнав тайну, немедленно умертвил посланников, но я и не рассчитывал, что они смогут выкрасть Талисман, ибо его охраняли пуще зеницы ока.

Я поступил иначе. Некий чернокнижник Богуз давно домогался моего покровительства, надеясь стать одним из моей свиты. Как будто богу нужна свита! Я всячески уверил его, что он на верном пути, и когда чернокнижник открыл Врата, вселил в него Да

Дерга, своего эмэйна — полномочного представителя в мире людей. Он должен был проникнуть в твой дворец и убедить, что знает средство, как оживить Сердце.

Это ему удалось. Обиус, воспользовавшись ситуацией, решил сместить тебя с аквилонского трона, а когда замысел провалился благодаря цепи случайностей, поднял открытое восстание. Твоя невеста была ранена, и ты решил бежать, в надежде спасти ее от смерти и вернуть силу Талисману. Но Да Дерг собирался меня обмануть: соединить с твоей помощью расколотый Камень Делений, а Сердце вернуть тебе, отправив вместе с Талисманом обратно в Тарантию. Благородный, но глупый Да Дерг! Я знал все его мысли, ведь он был моим эмэйном...

— Он погиб, — глухо вымолвил Конн.

— Да он мне больше и не нужен, — махнул паучьей лапой Ариман. — Как только я узнал, что Эльтира взойшла на Корабль Мертвецов, я попросил Хель отдать ее мне, рассудив, что ты отправишься вслед за девушкой и поможет тебе в том госпожа с посохом. Как видишь, я оказался прав — ты здесь, и Сердце Аримана с тобой. Верни мне то, что принадлежит мне по праву!

— Ты все равно не сможешь им воспользоваться, — упрямо сказал король. — Сила его рассеялась, Да Дерг не успел собрать ее крупинцы, как собирался.

— Их и не нужно собирать. Догадайся, как собирался восстановить Силу Талисмана берегон, доставь он его на остров? С помощью Золотой Ветви, хранящейся в Медовом покое королевы Матген, его супруги. Однако Матген — хитра и коварна, она вовсе не собиралась возвращать Талисману силу, ей нужен был ты, чтобы восстановить Камень Делений, — и только. Поэтому она подарила Золотую Ветвь некоему посланнику из Шамболиния. Эти старцы, почитающие себя просветленными существами, шатаются по всему свету и иногда забредают на Фалль. Я отправил по следу шамболинца сво-

их ищеек, но меня опередили: старец беспечно уснул под кустом, и ветвь похитил некий маг-недоучка, прямоком отправившийся с нею в Нижний Мир. Что было дальше, ты знаешь.

— Но Тавискарон сорвался с Корабля Мертвецов, потеряв ветвь, — сказал Конн, уже догадываясь, что это не так, и Ариман опять остался в выигрыше.

— Золотую Ветвь нельзя потерять, — подтвердил его догадку темный бог. — Колдунишка так желал добраться до своей цели, что прибыл прямоком ко мне вместе со своей варджной.

— Он говорил что-то о летучих кораблях ямбаллахов... О всеобщей гармонии...

— Ну конечно, какой чародей не мечтает о всеобщей гармонии, которой станет управлять самолично. Что же касается летучих кораблей: ямбаллахи и фоморы были когда-то ветвями одного звездного народа, летучие челноки были и у тех, и у других. Ты видел их, наверное, на крыше замка. Так что колдун добился желаемого...

Он хлопнул в сухие ладоши, и звук вышел неожиданно оглушительным.

Из темноты затопали, и пред очи своего повелителя явился Тавискарон Звездное Яйцо. Выглядел он весьма молодцевато. Вместо колпака голову его украшал яйцеобразный белый шлем с серебряными звездами на красной полосе. Халат колдун сменил на тесный мундирчик с черными позументами и какими-то странными плоскими, обшитыми золотыми висюльками, на плечах. Подойдя строевым шагом к подножию трона, колдун вытянулся, прижал левый кулачок к груди и проорал тонким голосом:

— Главнокомандующий летучими непобедимыми силами фоморов, кавалер ордена Пожирющей Пасты, Тавискарон Тучегонитель явился по вашему зову, о великий Владыка Тьмы!

— Вот видишь, — сказал Ариман Конну, — он вполне доволен. Эй, Тучегонитель, борта челнам надраил?

— Так точно! — ликующе доложил Тавискарон. — И мелом чистил, и замшей протирал. Блестят, как новенькие!

— Молодец. Скоро ты поведешь наши непобедимые летучие армады разить неприятеля.

— Слушаюсь и повинуюсь!

— Надо говорить: «Рад сложить голову!», это будет вернее. А сейчас ступай к Эльтире, посмотри, как там она...

Колдун сделал налево кругом и удалился, громко топая коваными башмаками.

— Хорош, а? — хмыкнул Ариман щучьей пастью. Конн заметил, что человеческое лицо на груди страпилица рта не раскрывает. — Такой по первому зову станет города рушить и селения жечь. Во имя великой гармонии. У меня еще такие есть. Скучные, впрочем, людишки, когда вырвусь отсюда, сожгу вместе с крепостью. Теперь взгляни сюда.

Угол комнаты озарился мягким светом: там в изящной вазе стояла Золотая Ветвь.

— Высшие Иерархи, о коих вы, смертные, даже не подозреваете, играют в мою пользу, — самодовольно молвил Ариман. — Золотая Ветвь попала мне в руки именно тогда, когда нужно. Теперь она восстановит силу моего Сердца — медленно, постепенно, но восстановит. Заклятие Благих не нарушено, я овладел камнем, когда Сила едва теплится в нем, но пройдет время...

— Ты еще не отобрал у меня перстень, — оборвал его Конн, — для этого меня нужно сначала убить.

— Поверь, это очень просто сделать, — Ариман поиграл огненными каплями на кончиках пальцев, — но я не стану тебя убивать. И перстень пока оставь себе, никуда он не денется. Возможно, когда ты познакомишься с моей невестой, сам отдашь. Ибо зачем человеку чужое сердце, когда его собственное разбито?

Жуткий хохот эхом отразился от железных стен.

— Ты плохо разбираешься в людях, темный бог, — сказал король. — Сегодня я дрался с человеком, кото-

рый рисковал жизнью, чтобы вернуть сердце, проросшее алым цветком на поле Черного Садовника. А за мое можешь не беспокоиться, пока оно бьется в груди, его никому не разбить!

— Как знать, как знать, юноша.— Голос Аримана перешел в свист.— Я удаляюсь, оставляю тебя любоваться искусством!

Черный трон дрогнул и стал опускаться. Когда исчезла уродливая голова, железные плиты сомкнулись и затворили отверстие в полу. Золотая Ветвь запылала ярким светом, разогнав мрак. Еще одна плита со скрежетом отъехала в сторону, открывая небольшую, украшенную цветами комнату. Там были подрамники с холстами и столики с кистями и красками.

Возле одного из холстов, задумчиво помахивая кистью, стояла Эльтира.

Глава одиннадцатая БОГИНЯ СЛУЧАЯ

И был их корабль подобен огненным колесам,
Одно из коих вращалось поперек другого,
И тысячи глаз блестели на ободах каждого
колеса...

И летевшие в них разили громами и молниями
И повергали...

Откровения Иорды

Рядом, одобрительно причмокивая, топтался Тавискарон Тучегонитель.

— О, я вижу вы поладили,— обратился он к подошедшему королю сморщенное личико.— Очень мудро, юноша. Повелитель фоморов представляет силу, которая изменит мир. Великая честь быть рядом со столь грозным властителем в час, когда...

— Пошел вон,— негромко сказал Конн.

Колдун часто замигал.

— Это вы кому, извиняюсь?

— Тебе, пададь.

— Но позвольте... мои лета... мой чин, наконец...

Конн без лишних слов ухватил главнокомандующего за воротник мундира и дал ему хорошего пинка. Кавалер ордена Пожирающей Пасты пролетел локтей двадцать и с размаху врезался своим шлемом в железную стену.

Шлем издал странный квакающий звук, сплюснулся в верхней части и стал похож на поварской колпак.

— Это не мое, — заголосил Тучегонитель, стоя на коленях и разглядывая повреждения своего головного убора, — мне выдали... я пожалуюсь...

— Сейчас твоя голова станет похожа на эту каску, — пообещал Конн.

Колдун горестно завыл и побежал на четвереньках в угол, где виднелась маленькая дверка. Отбежав на безопасное расстояние, Тавискарон гордо выпрямился и возгласил:

— Мы еще посчитаемся, юнец желторотый! Мы таких будем в смоле варить, львам рыкающим скормливать...

Заметив, что король сделал шаг в его сторону, колдун юркнул в дверку и исчез.

— Никогда не видела вас таким... несдержанным, Ваше Величество, — сказала Эльтира, приседая в церемонном поклоне.

— Надо было выпшвырнуть его за борт возле Мокрой Мороси, — сказал король, стараясь унять гнев. — Да его и пламень, коим Хель умерших в тени обращает, не пробрал бы: гнилой насквозь...

— Вы слишком строги к людям, — улыбнулась девушка, — старичок со странностями, но умеет ценить прекрасное.

— А вы слишком забывчивы, дорогая, — насупился Конн. — Помните, как вас ранили в моем дворце, когда начался бунт? Помните Корабль Мертвецов, который чуть было не увлек вас на Серые Равнины? Или Ариман околдовал вас? Я проделал опасный путь, чтобы разыскать и вернуть к жизни свою возлюбленную, и вот, застаю ее возле холста, толкующую с каким-то гнусным колдунишкой о живописи!

«Полегче, государь, — шепнул Бу, так и не покидавший плеча Конна. — Я уверен, что Король фоморов врет, и перед нами только дух Эльтиры».

— Вы так странно со мной говорите. — Девушка задумчиво мяла кисть в тонких пальцах. — Я помню — это вас ранили, там, во дворе тарантийского дворца. Я открыла дверь, этот смешной рыцарь в нижнем белье внес вас в дом... Потом шум, какие-то люди... Горбун... Уколол меня чем-то, противный... Или не он уколол? Потом было очень холодно, снег... Какая-то изба, полная дыма, старуха в странной одежде... пляшет, кричит что-то... Я думала, все это сон. Я долго болела в Тарантии, но потом Эвраст прислал своих людей, и они увезли меня сюда, на этот прекрасный остров.

— Эвраст? — вскричал король. — Еще того не легче! Кто такой Эвраст?

— Хозяин здешнего замка, Король фоморов.

«Я поминал его среди спутников вашего отца, государь, — зашептал дух-хранитель. — Когда-то Конан спас его в Кордаве, где этот простой немедийский селянин пытался излечиться от своего горба, в котором были спрятаны крылья, и чуть было не угодил в музей уродов на вилле одной весьма неприятной знатной дамы. Он помог Конану перебраться через пролив в подводном челне, но потом затерялся где-то в железных коридорах. Когда ваш отец сразил Короля фоморов ножом друида, тот вселился в тело несчастного Эвраста. Это его лицо виднелось на груди страшилища».

— Теперь я понимаю, почему тварь предпочитает изъясняться на немедийском, — буркнул Конн. — Бог называется, а языки выучить не может... А ты ведал, дух, что Король фоморов и Ариман — суть одно и то же?

— Нет, — пискнул Бу, — но, думаю, это не совсем так. Боги часто пользуются чужими телами, несколько изменяя их себе на потребу. Думаю, Ариман не всегда использует Эвраста, ему в нем тесно.

— Я уже запутался, — досадливо сплюнул король, и Эльтира сделала круглые глаза, заметив этот неприличный жест. — Ариман — Король фоморов — Эвраст...

— Кто-то тут поминал мое имя? — раздался приятный голос, говоривший по-немедийски.

Из маленькой дверки в углу комнаты возник стройный человек в сером камзоле и таком же сером берете, украшенном желтым пером цапли. Жидковатые глаза под светлыми бровями смотрели приветливо, жесты человека были мягки и вкрадчивы, как у кота.

— Эвраст, дорогой.— Эльтира подбежала к нему и нежно взяла за руку.— Ты ведь говорил, что посланцы все объяснили королю Конну. Мы с ним обручились, но это была ошибка, я ведь не знала, что мой нареченный — ты!

— Я не совсем точно выразился, милая,— с легким поклоном отвечал человек в сером,— когда мои посланцы забирали тебя, короля рядом не было. Они оставили сообщение, но государь его, кажется, не получил. Надо вернуть ему знак вашего союза, думаю, тебе это лучше сделать самой.

Эльтира, потупив взор, подошла к Конну.

— Ваше Величество,— сказала она, с поклоном протягивая золотое кольцо, некогда подаренное королем,— я знаю, вы любили меня и оказали большую честь, предложив стать вашей супругой. Однако произошла ужасная ошибка. Это кольцо — знак того, что я принадлежу другому.— Она вытянула палец и на нем тускло сверкнул железный перстень.— Отец ничего мне не рассказывал, он, как и все ученые, человек рассеянный, но Эвраст побывал у нас, когда я была еще маленькой девочкой, и оставил залог своей любви... А сейчас, когда мы вновь встретились, я полюбила его всем сердцем. Простите...

Немедиец стоял рядом, скрестив на груди руки. Ни торжества, ни надменности не было на его лице — только вкрадчивая кошачья улыбка гуляла на серых губах. Конн вспомнил ярость Арракоса, когда он сам оказался удачливым соперником аргосца и Эльтира шепнула ему «да». Что выкрикнул тогда Арракос? «Конечно, она предпочла сюзерена вассалу...» Конн не был вассалом Короля фоморов, но он был пленником, и сила была на стороне человека в сером.

— Эльтира, Эль,— пробормотал король, невольно принимая из ее рук золотое кольцо,— я пришел за тобой... Тебя околдовали, милая моя девочка, я не верю, что ты могла отдать свою любовь этому чудовищу...

— Я понимаю, что гордость ваша уязвлена,— сказала девушка и щеки ее вспыхнули,— но сердцу не прикажешь! И недостойно вас, человека благородного, так отзывать о более удачливом сопернике. Эвраст вовсе не чудовище: он очень милый и заботливый, он подарил мне чудесные краски, и теперь я могу рисовать живые картины...

— Живые картины?

— Взгляните, месьор, не правда ли, они прекрасны?

Конн подошел к холсту, на котором было изображено огромное развесистое дерево. У него было три ствола, срastавшихся у самой кроны. Широкие ветви тянулись над землей, расходясь веером, бросая ласковую тень на траву и цветы. И стволы, и ветви были густо перевиты толстой ярко-желтой лианой. Возле корней сидел дятел с красным хохолком и печально смотрел... Конну показалось, что птица смотрит прямо ему в глаза, и легкий ветерок колыхнет красные перья.

Как будто слезы навернулись — король мигнул, и картина ожила. Он увидел Марабуэля, с озабоченным видом прохаживающегося возле основания стволов, и двух дриадов в полупрозрачных зеленых накидках, сидевших на ветвях.

— Какой смешной! — захлопала в ладоши Эльтира.— Руки-ноги, как у человека, а голова, как у дятла. Давай я пририсую ему шляпу с пером!

— Не смей! — крикнул Конн.— Это ты намалевала поползень?

— Что значит «не смей»? Что значит «намалевала»? Как вы изъясняетесь, месьор? Да, я нарисовала эту прелестную желтенькую лианку, она очень украсила дерево. Желтое на темно-зеленом — это так изысканно. Не правда ли, дорогой?

— Чудно,— улыбнулся по-кошачьи Эвраст.

— Господину главнокомандующему тоже понравилась. А вот этот месьор,— она кивнула на Конна,— ничего не понимает в искусстве. И мало того, чуть что — пускает в ход кулаки. Бедному Тавискарону шлем разбил... Ах, негодник, что он делает?!

Последнее восклицание относилось к происходящему на картине. Марабуэль, присев, деловито долбил клювом жилистое основание удави-поползня.

— Да он хочет моей лиане корешки испортить! — взвизгнула Эльтира.— Ну, я ему сейчас...

Она поспешно окунула кисть в черную краску и уже хотела наложить мазок, но Конн успел схватить ее за руку.

— Остановись,— вскричал он,— это все по-настоящему! Ты погубишь жилище дриад!

— Ах, оставьте,— Эльтира с силой вырвала руку,— у вас отвратительные манеры! Это, наверное, киммерийская кровь разыгралась... Я сама знаю, что картины — настоящие, и все это где-то происходит. Но мне-то что за дело? Я художница и не потерплю, чтобы кто-то портил мои шедевры!

— Все еще хочешь ее забрать? — негромко спросил немедиец, подходя к королю и кладя ему на плечо легкую руку.— Поверь, магия здесь ни при чем, она и раньше умела это делать, я только дал нужные краски и кисти...

Конн дернул плечом, стряхивая пальцы Эвраста.

— Не верю тебе,— сказал твердо.— Здесь все пропитано колдовством, так говорил еще отец. Заберу ее отсюда, пусть даже силой...

— Ну конечно,— улыбнулся Эвраст,— уж твой-то отец перед насилием никогда не останавливался. Что ж, придется тебе еще кое-что показать, мой юный друг. Видишь ли,— он понизил голос почти до шепота,— прекрасная Эльтира не совсем та, за кого ты ее принимаешь. Она не дочь Альфреда.

— Это неважно...

— Не торопись! — Немедиец наставительно поднял палец.— Поспешность в делах брака (а ведь ты до сих

пор надеешься похитить эту особу и сделать своей супругой) часто приводит к непоправимым последствиям.

И, обращаясь к девушке, сказал уже громче:

— Эль, дорогая, нам нужно кое о чем переговорить с этим месьором один на один. Займись пока вон той картиной. Видишь, там синее озеро, круглое, как блюдце. Его вид не вызывает ничего, кроме желания выпить кислого муста. Добавь кувшинок, желтых цветов, ряски... Побольше ряски и тины: сочетание желто-буро-зеленого — это школа Кхуа Цюй. И еще дерево на берегу — излишне прямое, опусти ему ветки в воду... Нет, лучше пусть ствол его будет лежать в воде, облепленный тиной. Побольше печали, а то лубок, а не живопись.

Он отвел Конна в сторону и откинул бархатную накидку с большого холста.

На картине был изображен лес, густой и дикий. Под разлапистой елью примостилась убогая хижина. Ветер шумел в иглах, звенели комары... Да, все эти приглушенные звуки доносились с полотна, краски оживали: затрепетали тени, закачались ветви, скрипнула и открылась дверь лесного жилища...

— Где-то в дебрях Аквилонии,— чуть насмешливо сказал Эвраст.

Существо, явившееся из дверей хижины, было приземисто и косолапо. Поначалу Конн решил, что оно покрыто густой шерстью, но, присмотревшись, понял, что облачение этого странного обитателя чащи состояло из множества ползучих гадов и насекомых: змеи, многоножки, мокрицы, пауки густо покрывали его тело, совсем скрывая от глаз наблюдателя. Сонмы комаров, мух и иной мошки окружали его, как мутное облако. На пальцах вместо колец страшилище носило живых скорпионов, на шее — бусы из красных пиявок, а поясом ему служило тело белой змеи.

— Что за урод?! — воскликнул Конн, невольно отшатнувшись от картины.

— Каждый одевается, как хочет,— хмыкнул хозяин Железного Замка.— Лучше взгляни, кто его провожает.

Из-за двери выглядывало милое-женское личико и узкая ладошка махала вслед удалявшемуся лесному обитателю

— Эльтира! — изумленно выдохнул Конн.

— Ее мать,— пояснил Эвраст, наслаждаясь растерянностью своего пленника.— Ведунья из Сумрачной Пущи, что неподалеку от Галпарана. Ее супруг, которого ты только что видел, лесовик по имени Сотобар, всю жизнь посвятил поискам Весеннего Корня, дарующего вечную молодость. Был он хоть и не человеческого рода, но крепок телом и весьма недурен лицом — жена его любила. Для нее и старался, дабы краса супруги не угасала, ведь лесовики живут по три сотни лет. Он умел повелевать насекомыми и гадами ползучими и всегда отправлялся на поиски под их защитой. В таком экзотическом одеянии он не страшился ни зверей лесных, ни лютых разбойничков. Одеяние его и сгубило.

Изображение на картине дрогнуло и подернулось синеватой вечерней дымкой. Женщина бродила возле дома, собирая цветы, и что-то негромко напевала. Послышался приглушенный стук копыт, и на поляну выехал всадник в щеголеватом охотничьем костюме. Конн сразу же признал в нем молодого Альфреда, оруженосца своего отца.

Женщина застыла, в испуге глядя на всадника. Альфред приподнял шляпу и что-то спросил. Слов слышно не было.

— Вежливый молодой человек интересуется, не напоит ли его лесная жительница парным молоком или чистой ключевой водой, на худой конец,— пояснил немедиец.

Женщина опрометью бросилась к дому и захлопнула за собой дверь. Альфред недоуменно огляделся по сторонам, положив руку на эфес узкого меча.

— Молодой человек оглядывается в поисках опасности, испугавшей даму,— все так же насмешливо продолжил Эвраст,— не догадываясь, что опасность — он сам.

Тут из картины долетело множество звуков, словно в подрамнике лопнуло оконное стекло: треск сучьев под копытами коня, его пофыркивание, растерянное бормотание Альфреда, позвякивание ножен... Потом поляну огласил дикий рев. Из-за ели выскочил Сотобар, окутанный тучей летающей нечисти, и косолапо побежал к дому.

— Лесовик думает, что неизвестный всадник покушается на честь и достоинство его супруги...

Альфред выхватил меч, едва удержав лошадь, шархнувшуюся от жуткого видения.

— Всадник, в свою очередь, думает, что чудовище пленило юную красавицу и собирается ее сожрать.

Альфред и Сотобар вступили в отчаянный поединок. Мухи и мошкара лезли в глаза оруженосца, комары нещадно жалили его во все неприкрытые костюмом места, белая змея, скользя с пояса Сотобара, обвила ноги лошади, и лошадь упала. Оруженосец вскочил, разя мечом, но клинок погружался в гущу насекомых, как в губку, не причиняя лесовику ни малейшего вреда. Сотобар вооружился суковатой дубиной, и они кружили по поляне, причем лесовик страшно выл, а Альфред ругался по-аргосски.

И тут все кончилось. Сотобар выронил дубину, постоял, покачиваясь и словно раздумывая о чем-то, захрипел и повалился на спину. Из левого глаза его торчала короткая арбалетная стрела.

— Более удачливый охотник поражает чудовище метким выстрелом,— хохотнул Эвраст.— Догадываешься кто?

На поляну выехал еще один всадник. Был он мускулист и черноволос, одет в кожаную безрукавку, потертые штаны и сапоги, за спиной — меч в простых ножнах. В руках всадник держал разряженный арбалет.

«Государь! — оруженосец бросился к стремяни его лошади. — Ты спас мне жизнь, я не смог бы одолеть это чудовище, окружившее себя чарами!»

«Сколько раз говорил тебе, Альфред, — прогудел черноволосый, весело поблескивая синими глазами, — в глаз зверя бей, шкуру не порти... Э, да такую шкуру в опочивальне не повесишь!»

Рой насекомых медленно и неохотно покидал своего мертвого хозяина. Улетели мухи и комары, расплозились змеи, последними исчезли скорпионы со скрюченных посиневших пальцев. Взорам охотников предстал обнаженный человек с могучей грудью, кривыми ногами и мощными руками, широко раскинутыми в стороны. Его изувеченное, не лишенное привлекательности лицо было засыпано еловыми иглами.

«Да мы с тобой лесовика завалили, — покачал головой всадник с мечом за спиной, — не к добру это... Мне-то издали показалось, что ты с медведем воюешь».

«Он держит в своем доме женщину, — оправдался в глазах короля Альфред, — видно, похитил себе на поживу».

«Тогда ладно, — сказал черноволосый, — где она?»

Тут скрипнула дверь, и мать Эльтиры вышла на поляну. Она двигалась как-то боком, мелкими шажками, и лицо ее было совершенно белым.

«Ты свободна, женщина! — воскликнул черноволосый. — Этот юноша освободил тебя!»

— Конан, король Аквилонский, со свойственным ему благородством вручает лавры победителя своему оруженосцу, — торжественно произнес Эврат.

— Отец! — крикнул Конн, делая шаг к картине. — Я здесь, отец!

— Он тебя не услышит, все это происходило много лет назад. Но смотри, кажется, спасенная не спешит благодарить избавителей! Ах, она покачнулась... упала... упала на грудь лесовика и лишилась чувств, бедняжка. Какая трагическая история.

Конн в бешенстве обернулся. Эврат стоял, все так же скрестив на груди руки, и вкрадчиво улыбался. Рука Конна сжала эфес меча.

— Сейчас ты в человеческом обличье, тварь, — прохрипел пленник, — так давай сразимся, как воин с воином. Где твоё оружие? Решим дело на пять ударов...

— Ого! — Хозяин Железного Замка даже всплеснул руками. — Да ты не в меру самоуверен, юноша! На пять ударов! Мне достаточно пошевелить мизинцем, чтобы ты обратился в прах. Но даже если бы мне захотелось развлечься и слегка пофехтовать, и ты сумел бы разрубить меня на куски... Нет, это было бы забавное зрелище!

В руке его блеснула тонкая шпага. Конн моментально выхватил свой клинок... Увы, пальцы сжимали лишь рукоять меча: лезвие истаяло, залил ножны отвратительной бурой слизью.

— И одного удара не сделал, хвастунишка. — Эврат опять улыбался, шпага его исчезла также незаметно, как и появилась. — Ладно, я подлый, я нехороший, но, согласись, умею развлечь гостя. Вернемся к нашей картине. Посмотри-ка, да здесь пир горой!

Конн узнал парадную залу галпаранского дворца. Конан сидел во главе пиршественного стола, Альфред по правую руку, мать Эльтиры — по левую. Изображение на этот раз было смутным, звуки с холста и вовсе не долетали.

— Не будем останавливаться на счастливой свадьбе, — хмыкнул Король фоморов, — не люблю всякие пирушки... Если не драка со смертоубийством, либо хороший пожар. Идем дальше.

На полотне возник замок Альфреда в Горячем Ущелье, в котором Конн некогда побывал.

— Конан щедро одарил своего оруженосца: щит, полный самоцветов, табун хауранских жеребцов, пара отличных кречетов третьей линьки, все как полагается. Альфред выстроил себе замок где-то возле Рабирийских гор и счастливо зажил с юной супругой. Впрочем, счастлив был только Альфред, ведунья же носила в

чреве своем от лесовика, но не признавалась в том мужу, решив устроить будущность ребенка. Несчастный летописец до сих пор считает Эльтиру своей дочерью.

В комнате, украшенной яркими южными цветами, женщина в темной одежде качала детскую колыбель. Вот она склонилась над нею и подняла на руки маленькую девочку...

— Очаровательная кроха, — умилился немедиец, — просто ягодка... А вот сейчас — смотри!

Мать сняла со своего пальца железный перстень и осторожно надела на крошечный пальчик малютки. Кольцо сжалось, и девочка заплакала.

— Сколько ошибок в этой истории, сколько роковых ошибок! — Эвраст казался искренне опечаленным. — Железное кольцо, подаренное Стобаром своей супруге, имело страшную силу. Благодаря ему мать обладала познаниями, превращавшими ее в ведунью. Она решила передать кольцо дочери, ибо чахла день ото дня от тоски по своему лесному герою и не без оснований считала, что дни ее сочтены. Увы, она передала кольцо слишком рано, еще не окрепшему существу, и чуть было не погубила дочь.

На полотне вихрем сменялись изображения комнат замка, мечущиеся с тазами женщины, лекари в черных камзолах, убитый горем Альфред, роющийся в древних манускриптах, — очевидно, в поисках спасительного рецепта...

— Все было тщетно, — голос Эвраста стал злоеющим, — малютка угасала. И тогда мать решилась на последний отчаянный шаг: завернув девочку в теплое одеяло, она бежала в лес, в самую его чащу, где обитала Великая Медведица, мать всех косолапых хищников. Она сумела добраться до берлоги, с мольбой протянула медведице дочь, и тут, упав на сырую землю, испустила дух... Нет, не могу, я сейчас разрыдаюсь!

Эвраст достал из-за обшлага большой серый платок и громко высморкался.

Конн решил не обращать внимания: хочет фиглярствовать — пусть его. Он был уверен, что рано или поздно обнаружит слабое место Короля фоморов и сумеет отомстить за все. Смог же отец одолеть эту бестию с помощью ножа друида, он тоже найдет нужное оружие. Пока же Конн внимательно следил за тем, что происходило в глубине живой картины. Там виднелась берлога, усталая сухим валежником. Огромная медведица кормила медвежат, копошившихся под ее брюхом мохнатыми клубками. Среди зверенышей, беспечно дергая их за носы и хвостики, припав маленькими губками к сосцу огромного зверя, лежала девочка — Эльтира.

— А что же делает супруг в отсутствии супруги? — спросил Эвраст голосам ярмарочного лицедея. — Может, он запил или развлекается со служанками? Ничего подобного! Преданный Альфред спешит в лес на поиски жены, таинственно исчезнувшей темной ночью, спешит в сопровождении слуг, вооруженных луками и рогатинами...

Они появились возле берлоги: егеря в тесных куртках, собаки, заливающиеся лаем, и сам Альфред, бросившийся на труп жены с громкими рыданиями.

— И снова трагическая ошибка, которая уже по счету! Альфред решил, что медведица задрала его жену, и храбро пошел на зверя с рогатиной и ножом. Вернее, они пошли друг на друга, и Альфред непременно одолел бы, если бы не помешали слуги. Они так утыкали Мать Медведицу стрелами, что она больше стала похожа на Папу Ежа... Видишь? Вот, упала... Теперь слуги добивают медвежат — так, на всякий случай. А вот счастливый отец увидел дочурку, которую чуть было не затоптали в пылу схватки. Обнимает, целует... Дочь жива и, кажется, здорова. Счастливый конец, попрошу бросить пару золотых мне в шапку...

Картина померкла, теперь в подрамнике был натянут лишь серый загрунтованный холст.

Эвраст снял берет, заглянул в него, словно и вправду ожидая найти плату за свою сагу, ухмыльнулся и снова надел на голову.

— Девочка выжила, — сказал он, поглядывая на Эльтиру, стоявшую у картины в дальней части комнаты, — и превратилась в прекрасную девушку. Молоко медведицы спасло ее от Купели Блаженства в обители Хель, но железное кольцо навсегда осталось на пальце. Не поторопись Альфред со своими егерями, и молоко Матери всех медведей избавило бы Эльтиру от непосильного груза. А сейчас — она всецело моя, ибо я умею управлять силами, скрытыми в железном перстне!

— Ты солгал ей, что это твое кольцо.

— Оно мое, ибо я повелеваю силами, скрытыми в нем. Неважно, как оно к ней попало. Ты мог убедиться, что боги умеют просчитывать ходы не только вперед, но и назад во времени. Ты проиграл, Конн, лишился невесты, лишился своего королевства, Талисмана — лишился всего! Признаюсь, мне даже немного тебя жалко. Хочешь, сделаю тебя начальником над птекарами? Эти железные птицы умеют летать и сеять смерть, в отличие от воздушного флота дурачка Тавискарона, который ржавеет на крыше замка уже многие века. Соглашайся, и мы станем друзьями. Может быть, я даже верну тебе Эльтиру, когда она мне надоест...

С рычанием Конн бросился на Эвраста. Его пальцы были в двух пядях от горла немедийца, когда упругая сила отбросила его назад, и король упал, больно ударившись затылком о железный пол.

— Будь умницей, — слышал он вкрадчивый голос сквозь звон в ушах, — умей достойно проигрывать. Положи перстень с багровым камнем возле Золотой Ветви. Она будет отдавать Сердцу Аримана Силу, медленно, очень медленно... Благие Боги, занятые своими делами, ничего не заметят... А когда заметят, будет уже поздно: Властелин Тьмы вновь обретет вселенскую силу и установит свой справедливый порядок!.. Но что там делает этот маленький уродец?!

Эвраст заскользил по железным плитам к Эльтире, и Конн, преодолевая головную боль, вскочил на ноги и бросился за ним.

Аргоска стояла, склонившись над холстом, и с ужасом разглядывала картину. Рядом подпрыгивал и суетился Бу, хвостик его был перепачкан в краске.

— Видишь, видишь? — тараторил дух-ящерка. — Я тоже умею рисовать! Посмотри, где ты сейчас на самом деле и что с тобой! Король фоморов лжет, все лжет, он пленил твою душу, а тело сейчас умирает в избе колдуньи Мартоги, там, в стране Огнедышащих Гор!

На картине была изображена комната, полная сизого дыма. На лавках сидели мрачные руги, Конн увидел Дагеклана и дядюшку Гнуба, и себя, неподвижно сидящего со скрещенными ногами на белой кобыльей шкуре посреди избы. Мать Большая Мартога кружила в стремительном танце, ударяя в бубен, и несколько человек удерживали ее веревками, привязанными к поясу...

А на ложе из звериных шкур, бледная, с покрытыми пеной губами, лежала полуобнаженная девушка.

— Это я? — прошептала Эльтира, вглядываясь. — О Иштар Пресветлая, как я выгляжу! Что за круги под глазами, что за слюна на губах?

— Ты больна, ты очень больна, — верещал Бу. — Конн пришел, чтобы тебя спасти! Доверься ему, и госпожа с посохом поможет нам вернуться.

— Вернуться? Туда, в эту вонючую избу, к этим диким людям? Ты сам болен, ящерица!

— Но ты можешь умереть... Ой!

Бу едва увернулся от башмака Эвраста. Эльтира резко обернулась к Королю фоморов и в бешенстве на него уставилась.

— Что это значит, месьор? — воскликнула она, топая каблучком изящной туфли. — Кто эта женщина, так похожая на меня?!

— Сон, всего лишь сон, — спокойно отвечал Эвраст, приближаясь к картине. — Он снился тебе давно, несколько дней назад, когда ты была больна. Смотри!

Он провел ладонью над изображением, и фигура, лежащая на шкурах, стала таять, словно дым. Эльтира

вскрикнула и отпрянула от холста, невольно ухватившись за руку Конна.

Король прижал ее к себе, чувствуя, как нарастает и ширится горячая боль в сердце. Сквозь кровавую пелену в глазах он заметил, что его изображение на картине тоже исчезло. Руги повскакивали с лавок, Дагеклан бросился к ложу, хватая руками пустоту, словно хотел удерживать исчезающую девушку. Дядюшка Гнуб выскочил на середину комнаты, упал на колени на кобылью шкуру и принялся колотить по ней кулачками. Мартога уронила бубен, тело ее свела страшная судорога, и колдунья повалилась на пол, запутавшись в веревках...

Боль отпустила короля, и он услышал спокойный голос Эвраста:

— Вот и все, теперь вы для всех исчезли и никто не узнает, где вы...

— Смотри, ветка засохла! — завопил вдруг визгливо элементар.

Эвраст резко обернулся — Золотая Ветвь по-прежнему полыхала в углу комнаты.

В тот же миг желтая искра метнулась к холсту, раздался звон, словно разбили хрустальную чашу, и желтая искра заметалась под потолком избы — уже внутри картины.

— Проклятие! — взревел Король фоморов, хватая подрамник. — Он вернулся на три дня назад и сможет рассказать обо всем Да Дергу! Брегон успеет вернуться, пока Сердце не наберет нужную силу!

Серые пальцы, сжимавшие раму картины, вдруг раскалились докрасна, огонь быстро побежал по сухому дереву. Миг — и запылали стрехи избы. Люди ринулись вон, сбивая друг друга, но, прежде чем все заволокло черным дымом, Конн успел заметить, как рыцарь Железная Рука и Ярл подхватили Мартогу и устремились к двери...

Холст сгорел дотла. Эвраст выхаживал по железному полу тяжелыми шагами. «Три дня, — бормотал он, — если они успеют... Матген, Матген, она опять будет

диктовать условия... Да нет же, им не найти корабли ямбаллахов, не поднять в воздух...»

— Берегись! — раздался отчаянный вопль Тавискарона, влетевшего в залу. — Летучий челн несется прямо на Железный Замок!

Эвраст бросился к стене, провел рукой по двум едва приметным выступам. Два круга засветились на железной поверхности — молочно-белый и темно-красный. Белый круг стал прозрачным: показалось ясное небо и стремительно приближающаяся яркая точка. Эвраст поколдовал над какими-то бугорками, изображение придвинулось, стало видно похожее на веретено тело, окруженное полыхающими синими кольцами: одно стремительно вращалось вдоль, другое поперек корпуса.

— Они подняли корабль ямбаллахов! — рявкнул Эвраст и принялся нажимать бугорки под красным кругом.

— Прикажете взлетать нашему флоту? — почтительно осведомился колдун, но, получив в ответ грозный рык своего господина, тут же ретировался.

Красный круг посветлел, из него донеслись треск и шипение. Потом голос дядюшки Гнуба весьма отчетливо произнес: «Говорю тебе, держи прямо, дубина ты стоеросовая!» Снова зашипело, потом кто-то отвечал молодым баском: «Ну дай пальнуть пару раз, бычьи яйца им в глотку!»

В белом круге стало видно, как летучий челн заложил крутой вираж и стал быстро увеличиваться в размерах.

«Железные стены... — трещало и хрипело из красного, — никакого вреда... что горохом по лбу... а для остростки, бычьи яйца им...»

Эвраст ударил по выступам и заорал в красное пятно на непонятном языке: видимо, отдавал приказы своим одноногим фоморам. Он орал, стоя спиной к открытой бойнице, через которую недавно вошел внутрь Железного Замка король Аквилонии с духом-хранителем на плече, и не видел того, что видел Конн.

Летучий корабль в кольцах ярких огней неся прямо на открытую бойницу. Спереди он был похож на клюв утки. По бокам, словно огромные глаза, вспухали и разрастались два огненно-синих шара. Через миг они сорвались и полетели к стене крепости.

— Закрывай! — осипшим голосом скомандовал Король фоморов. — Это огнебой, закрывай бойницу!

Но некому было выполнить его приказ: Тавискарон предусмотрительно оставил поле боя, Конн, схватив в охапку Эльтиру, тащил девушку к маленькой дверце в углу комнаты. Первый огненный шар ударил в стену Железной Крепости, и стена загудела, как огромный гонг. Второй попал в нижнюю часть открытой бойницы, лопнул, и тут же ковер синего пламени побежал по железному полу вглубь залы, прямо на человека в сером.

Эвраст застыл, выставив вперед худые руки. Облик его стремительно менялся: за спиной разворачивались исполинские крылья, тело оплетали роговые кольца, голова клонилась вперед, а из-за воротника серого камзола, трещащего по швам, возникали огромные сетчатые глаза... Ариман снова поглощал тело худосочного немедийца. На руках его прибавилось суставов, сухие пальцы щелкали, стараясь сдержать бег огня, который стал замедляться...

И все же Ариман допустил ошибку. Он отогнал от себя пламя, и огненный ковер изогнулся дугой, устремившись в правый угол комнаты, где стояла на подставке Золотая Ветвь. Подставка вспыхнула. С яростным ревом Ариман сделал шаг, желая подхватить падающую с подставки вазу, поскользнулся, и левое его крыло погрузилось в огонь. Темный бог отскочил, сбивая пламя, в это время ваза раскололась, и Золотая Ветвь исчезла в синем пламени.

Огненный ковер окрасился золотыми сполохами и угас, не оставив на железном полу даже окалины. Вместе с ним исчезла Золотая Ветвь.

Конн видел, как стремительно удаляется летучий корабль, как несутся вслед за ним с вершины крепости

фоморов дымные черные шары. Один из них прошел сквозь сверкающее колесо, окружавшее летучий челн, тот наклонился и резко пошел вниз.

— Что ж, посмотрим, как они сядут, — услышал король спокойный голос Эвраста. Король фоморов снова принял человеческий облик, только одежда его была теперь изодрана в клочья, а к левой обожженной руке он прижимал платок. — Подойдите, месьор Конн, у меня больше нет от вас секретов.

Из красного круга снова слышались знакомые голоса, плохо различимые за треском и попискиванием. Дядюшка Гнуб явно ругал кого-то, и кто-то оправдывался молодым ломающимся баском.

«Попугать он хотел, — горячился гном, — вот самих и поугали... Ох крутится, зараза, не удержать... Ты вон туда правь, на скирды сядем... Э, да тут было глубокое озеро с пескарями, а теперь болотина! Вот и ладненько, не утонем, а падать все мягче будет! Вниз давай, вниз!» Потом раздался грохот, громкий плеск, и все смолкло.

— Так, — сказал Эвраст, потирая обожженную руку, — эти отлетались. Сели в Светлоозерье, а там вотчина твоего брата Нюка. Если не утонули в болоте, их быстро захватят вместе с кораблем. Вы удивлены, месьор? Разве я не говорил, что Нюк на моей стороне? Давайте взглянем на моего лучшего вассала!

Белый круг снова стал прозрачным, и Конн увидел дядюшку Гнуба. Гном стоял на выступавшем из болотной тины, словно киль перевернутой лодки, корпусе летучего корабля и что-то орал приближавшимся всадникам. Рядом, уперев в бока кулачища, стоял здоровенный детина в изодранной рубахе распояской.

Всадники быстро приближались. Впереди на сером жеребце скакал воин в кожаных латах, без щита, с коротким мечом в руках. Ветер трепал его длинные черные волосы, голубые глаза ярко поблескивали на загорелом лице.

— Очень на вас похож,— сказал Эвраст,— лицо только поглубже... Да и сердце тоже. Сейчас он захватит гнома и верзилу, и мы узнаем, что задумал Да Дерг.

— Да Дерг погиб,— сказал Конн.

— Ну нет! Он же мой эмэйн и обладает искусством перевоплощения. Потому я не всегда могу читать его мысли. Сейчас он в чужом теле, но это неважно, пленники нам все расскажут.

— Если их возьмут.

— Кого? Недорослика и этого...

Эвраст вдруг замолчал.

В руке гнома что-то блеснуло, зеленый дымящийся луч вырвался из зажатого в маленьком кулачке предмета и срезал вершины деревьев над головами скачущих всадников. Потом луч опустился и прочертил на земле черную полосу перед копытами передних лошадей. Отряд натянул поводья и встал как вкопанный.

— У него меч Ареса,— пробормотал Король фоморов,— это усложняет дело. Знаете, Ваше Величество, кто из небожителей сильнее даже Высших Иерархов? Тиха, Богиня Случая. Похоже, этот здоровый молодец ослушался своих начальников и пальнул по крепости просто так, шутки ради. И вот была у меня Золотая Ветвь и не стало... И мне неизвестно, какие условия выдвинут Матген с Да Дергом.

Было видно; как отряд Нюка развернул коней и во весь дух помчался обратно к лесу. Гном приплясывал на летучей посудине, детина потрясал кулаками и что-то вопил.

— Ну, еще рано праздновать победу,— насмешливо сказал Король фоморов.— У меня в руках отличный козырь — вы, мой дражайший и высокороднейший заложник. А вот и Да Дерг.

Лес и болотина с затонувшим челном исчезли, снова показалось небо и в нем — яркая, все увеличивающаяся точка.

Над Инис Фалль парил второй летучий корабль.

Часть третья ГОРА И ОСТРОВ

Глава первая БЕЛЫЕ ПЕЩЕРЫ

Тьма озарится светом,
И лед станет горячим,
Когда уйдет Великий Вождь.

Откровения Иорды

— ...И тогда я пришел со своею дружиной к Мидгару и сказал: «Буду служить тебе». И он сказал: «Будешь среди первых моих воевод, ибо ты поступил как должно». Так поступил я согласно древним заветам: тот, кто проиграет бой за Священную Палицу, должен служить победителю.

— Ну, положим, схватку ты продул не Лисьему Хвосту, а месьору Железной Руке,— проворчал гном,— да еще хотел всех нас утыкать стрелами...

— Хотя здесь и не обошлось без колдовства,— важно продолжал Опас,— но все вы были в дружине наследника Великого Таркиная, значит, он победил куннов. И я отправился к нашему Верховному кагану, и сказал, что должен уйти к ругам. Верховный каган сначала хотел отрубить мне голову, но потом призвал гадателей, и гадатели принесли свои прутья и мочало...

— Никогда не слышал о таком способе предрекать будущее,— сказал Дагеклан.

— Это очень просто, коротконосый, мочало они обертывают вокруг пальцев и поджигают. Потом начинают

стегать друг друга прутьями и громко кричать, пока кто-нибудь ни выкрикнет связное пророчество. Тогда их обливают водой, а каган выносит решение.

Рыцарь Дагеклан очень не любил, когда его имену-ют коротконосым. Троверы, описывая подвиги Желез-ной Руки, подчас употребляли прозвище Короткий Нос, но всегда вкладывали его в уста недругов, платившихся за столь неосторожные слова бесчестьем, тяжкими уве-чьями, а иногда и жизнью. Но сейчас Дагеклан не мог вызвать кунна на поединок, не мог даже стукнуть степ-няка по затылку, как делал это не раз с разболтавши-мися не в меру простолюдинами. Ибо руки славного рыцаря были связаны за спиной крепкими, сплетенны-ми из буйоловых жил веревками. Как, впрочем, и руки Опаса.

— И ты спер у своего кагана вашу священную плетку,— ехидно вставил гном, почесывая нос. Ему нетрудно было это сделать, ибо ручки у дядюшки Гну-ба были такие короткие, что руги не смогли заломить их за спину и связали перед грудью.

— Болтливый гороховый стручок,— сказал Опас не слишком злобно,— я повествую все это заново, дабы вы могли по достоинству оценить мой славный подвиг. Я пошел на эту хитрость, дабы узнать, где руги хранят меч Ареса. Не тот ржавый клинок, который торчит на вершине кургана, а меч, полученный нашими предками от ямбаллахов. Ибо это оружие самого Верховного Бога, я-то точно знаю.

— Откуда? Тоже паклю жег? — опять съехидничал гном, не опасаясь, что здоровенный кунн достанет его своей огромной ручищей.

— Да это всем ведомо,— сказал Опас,— тоже мне, тайна.

Курган, о котором говорил кунн, громоздился внизу, посреди белой котловины, словно гора черного угля в до блеска начищенном гигантском котле. Огромный меч высотой в три человеческих роста украшал его вершину, и сразу было ясно, что ковался сей клинок не

для битв, а для поклонения. Пятна ржавчины густо покрывали лезвие, а на огромной рукояти сидел, нахо-дившись под мелким дождем, ворон.

На дне котловины, среди грязных луж, стояли вои-ны, вооруженные лишь тяжелыми кривыми мечами. Их ряды кольцами огибали курган, другие тянулись по уступам соляной выработки. Ибо сверкавшие белизной откосы вовсе не были покрыты снегом — это была соль, главное богатство ругов. Уступы обегали склоны кот-ловины, спускаясь вниз широким серпантинном: соб-ственно, это была дорога, вырубленная в соляных пла-стах. По гребням отвалов, там где откосы тонули в серой мути бушевавшей наверху непогоды, маячили фигуры стражников, уставивших в небо длинные ко-пья.

Где-то посредине соляного откоса и стояла на доро-ге-серпантине крепкая клеть, в которой томились свя-занные пленники: бывший предводитель куннов Опас Резвый, рыцарь Дагеклан Железная Рука и рудознатец Гнубус из Тюирнлги, которому предусмотрительно свя-зали еще и ноги, ибо только гном мог протиснуться сквозь деревянные прутья их узилища.

Путь клетки были частыми, но не настолько, что-бы закрывать вид. Возле подножия священного курга-на ругов высился помост, на котором были установле-ны носилки с высоким сиденьем. На нем, привязанная к спинке, темнела фигура мертвого Таркиная: в пара-дном облачении, с палицей на коленях. Рядом стоял его старший сын и наследник, державший в руках вызолоченную чашу, Ярл и еще несколько воевод.

Между цепочкой ругов и подножием священного кургана, раздетые донага, угрюмо толпились кунны из дружины Резвого.

— Быков мне жалко,— продолжал Опас, как ни в чем не бывало.— Хотя и не мои они теперь, а столько кибитку таскали... Хорошие были быки.

— Что же им будет,— пожал плечами гном,— от-дадут кому-нибудь...

— Если не сгорят. У нас ведь обычай какой, если гадатели оплошают, с ними поступают так: навалят на воз кучу хвороста, свяжут предсказателей и внутрь запирают. В повозку ту быков впрягают... На сей раз моих, конечно: гадатели-то сказали, что, уйдя к ругам, я сильно смогу врагам напортить, да соврали, выходит. Ну вот, хворост поджигают, а потом пугают и погоняют быков. Если дышло вовремя не обгорит, погибнут они, ох погибнут...

— Кто, прорицатели? — наивно спросил дядюшка Гнуб.

— Да пес с ними, с прорицателями, — взъярился Опас, — этого добра у нас навалом! А вот быков жалко!

Многочисленные шрамы на лице кунна побагровели. Он так затряс бритой головой, что пучок волос на затылке замотался из стороны в сторону. Опас напрягся, стараясь разорвать путы, понял всю тщетность своих усилий и тут же успокоился.

Дагеклан слегка поморщился. Когда-то он побывал у мунган, живших за морем Вилайет по берегам реки Запорожки. Те тоже брили головы, оставляя на затылке пучок волос, правда не уродовали себе лица шрамами, как делали это кунны, желая казаться более свирепыми. Мунгане тоже куда больше ценили жизнь своих лошадей и быков, чем жизнь соплеменников. Дагеклан спокойно относился к смерти, которой не раз смотрел в лицо, но — одно дело рисковать собственной жизнью, другое — чужими, а этот кунн, лелея свою корысть, подставил дружину, которой предстояло сейчас бесславно погибнуть на глазах своего предводителя. А он печется о каких-то быках!

Конечно, хитрость, на которую пустился Опас, желая раздобыть уж если не Священную Палицу, то меч Ареса, чтобы самому стать Верховным каганом степняков и покорить племена ругов, могла показаться недостойной лишь столь благородному рыцарю, каковым являлся кампанарий. Для варвара, да и для многих обитателей более цивилизованных земель, всякий обман считался

благом, если вел к успеху. Более того, почитался за великий подвиг. Увы, Опасу не повезло.

Вручив Мидгару волшебную плетть ямбаллахов, тщательно завернутую в рогожу, хитрый кунн сумел проследить, куда отправился Лисий Хвост с драгоценной ношей. Поначалу Мидгар отнес сверток в избу Большой Матери. Это было как раз в то время, когда Конн, Дагеклан и дядюшка Гнуб томились в ожидании своей участи, подкрепляясь мясом и чечевичной похлебкой. Мидгар недолго задержался в избе колдуньи, вскоре появился со свертком в руках и отправился куда-то на окраину селения. Опас, которому Лисий Хвост в знак того, что принимает его на службу, вручил высокую шапку и богатый плащ, последовал за сыном Таркиная, прикрывая изувеченное шрамами лицо густым воротником из меха черной лисицы. Руги уже собирались в центре селения, возле избы Мартоги, и редкие встречные не обращали на Опаса внимания, принимая его за своего.

Лисий Хвост остановился возле небольшой землянки и постучал в дверь условленным стуком. Кунн успел спрятаться за покосившимся сараем, стоявшим чуть поодаль, и его острый слух уловил последовательность ударов. Когда Мидгар вышел из землянки уже без свертка, Опас выждал некоторое время, подкрался к двери и, постучав как надо, всадил нож в горло человеку, открывшему дверь...

— Это был раб, — рассказывал кунн. — Когда он упал, рубаха задралась, и я увидел клеймо на животе. Я решил, что руги глупы, приставляя рабов стеречь столь ценные реликвии. Говорю «реликвии», ибо был уверен, что в этой же землянке хранится и меч Ареса. Потом я подумал, что руги весьма хитроумны, пряча грозное оружие в столь неприметном месте. Я ждал, что откуда начинается подземный ход, ведущий в тайное убежище, но сразу увидел стол, а на нем два свертка — свой и еще один... Три тысячи громов на головы проклятых ругов! В рогожах были завернуты камни, обыкновенные камни...

— Что ж,— молвил рыцарь,— руги оказались гораздо хитроумней, чем ты мог предположить. Они разгадали твой план и заманили тебя в ловушку.

Про себя он подумал, что кунн явно не блещет сметливостью, решив, что ему так просто удастся похитить священные реликвии. И все же рыцарь был благодарен Опасу за его повесть, повторенную с разными деталями не один раз: болтовня кунна скрашивала ожидание собственной участи.

Он плохо понимал варваров и старался не встречаться с ними без доброго меча в руке. На этот раз все было по-другому. Неожданности, сплошные неожиданности... Суровый кунн с покрытым шрамами лицом болтал, как женщина,— очевидно, страх близкой смерти развязал ему язык. Вождь Мидгар, называвший его, Дагеклана, другом, велел своим воинам бросить гостей в клетку. Оба обстоятельства не укладывались в голове рыцаря, знавшего, что среди варваров более всего ценятся две добродетели: презрение к смерти и побратимство. Воистину норны, богини судьбы, перепутали все свои дощечки с магическими рунами!

Дагеклан готов был в это поверить, ибо виной их несчастий была не кто иная, как Мать Большая Мартога, которую он вместе с Ярлом вынес на руках из внезапно вспыхнувшей по всем углам избы. Тело колдуньи сводили страшные судороги, стоны и хрипы разрывали ее впалую грудь, а глазные яблоки бешено вращались под закрытыми морщинистыми веками. Что видела она там, в неведомых мирах? Куда исчезли король и Эльтира, растворившиеся в воздухе на глазах изумленных свидетелей?

Мартога продолжала биться и во дворе, когда ее опустили на землю. Шестеро дюжих рогов едва удерживали старуху за веревки, привязанные к ее поясу, другие таскали ведрами воду и довольно быстро загасили избу: выгорела лишь крыша.

Колдунья вдруг села, прижав пухлые, покрытые коричневыми пятнами пальцы к щекам, и уставилась

прямо перед собой диким пронзительным взглядом. Ярл склонился к матери, но она оттолкнула его и, указывая на Дагеклана, завопила:

— *Шатун!* На погибель всем нам явился ты из Внешнего Мира! Бросьте его в клетку и отнесите в Белые Пещеры, пусть сгинет там, пусть станет жертвой Великому Таркиною...

Ярл хотел что-то сказать, снова склонившись к плечу колдуньи, но Мартога ударила сына по лицу и вновь заголосила:

— Карлика, карлика хватайте! Он отдал свой нож тому человеку, он хотел открыть проходы и впустить в наш мир темные силы, от коих нет нам спасения! Чудища мрака сожрали женщину и мужчину, они опалили огнем мой дом, они были уже на пороге...

С грозными воплями руги кинулись на Дагеклана и дядюшку Гнуба. При рыцаре не было его меча, кроме того, кампанарий был так озадачен, что дал связать себя без всякого сопротивления.

— Ну и дела,— только и сказал гном.

Под свист и улюлюканье пленников повели к соляной старой выработке, где все уже было готово для обряда погребения вождя рогов.

Без лишних разговоров их водворили в клетку, где уже томился Опас. Увидев Дагеклана, бывший предводитель куннов хохотал так долго, что рыцарь уже решил, что месьор Резвый лишился рассудка. Однако тот кончил все же сотрясать клетку и, помотав бритой головой, чтобы стряхнуть с изуродованных щек слезы, вызванные излишне долгим смехом, возгласил:

— Рад видеть тебя, проворный чужеземец! Мыслью, коварные руги и тебя отблагодарили достойнейшим образом.

Что подразумевал степняк, говоря «и тебя», Дагеклан понял из дальнейших рассказов Опаса. «Узнайте же, чужаки, на сколь великий подвиг я отважился...» — так начал кунн, видимо, желая оправдать свое нынешнее жалкое положение, и не умолкал все время, пока в

на дне котловины руги творили кровавые обряды своему опочившему вождю.

Слушая Опаса вполуха и вскользь отмечая, что его собственная услуга, оказанная ругам, не могла все же привести к пленению столь же определенно и заслуженно, как лукавый замысел степного воеводы, рыцарь наблюдал за тем, что творилось возле подножия кургана, увенчанного огромным ржавым мечом.

Сначала воины долго ходили по кругу, приплясывая и потрясая кривыми мечами. Люди в длинных серых рубахах — очевидно, жрецы — били в кожаные бубны и звенели колокольцами на длинных пестях, сопровождая этот танец нестройной музыкой. Иногда музыка замолкала, и тогда воины останавливались, высоко подбрасывая и снова ловя свое оружие. «Арес! Арес!» — несло к вершине кургана, где высился кумир их грозного бога. Потом пляска возобновлялась, снова ухали бубны и глухо звенели колокольца.

Потом на вершине откоса появились носилки с телом вождя. Их медленно несли вниз по серпантину в полном молчании, нарушаемом лишь карканьем воронья, слетевшегося в это скорбное место в ожидании поживы.

Носилки сопровождали оба сына Великого Таркиная, многочисленные рабы и слуги тащили тяжелые коробки, воины с копьями наперевес гнали толпу обнаженных куннов.

— Кажется, твоя дружина? — спросил рыцарь, прерывая хвастливую речь Опаса.

— Да, — неохотно буркнул тот и тут же продолжил: — Я убил не меньше трех дюжин проклятых ругов, прежде чем подлый удар свалил меня с ног...

Носилки установили напротив кургана, примерно в полете копья, пленных согнали в кучу, окружив стражей, затем на свободное пространство вывели огромное существо, опутанное веревками. Хотя существо не слишком упиралось, три десятка крепких ругов тащили его чуть ли не волоком.

— Птичка, моя птичка, — всхлипнул вдруг гном, — так вот какая судьба тебе уготована!

— Птица Рох? — удивленно переспросил рыцарь. — Но почему именно это создание, чья родина столь далеко отсюда, хотят принести в жертву местному князьку?

— Руги не дураки, — неохотно признал Опас, — раньше-то они жертвовали быков да баранов, помимо пленных, конечно... А потом смекнули: чего свое добро переводить, и стали жертвовать пойманных *шатунов*.

От толпы жрецов отделился длиннородый старец и подошел к воинам, тащившим огромную птицу. По его знаку воины потянули за верхние веревки, повергая жертву на землю. Им не пришлось прикладывать особых усилий: птица Рох покорно легла набок, доверчиво глядя на людей огромными печальными глазами.

— Да она же ручная! — заголосил гном. — Ай, негодники, что делают! А птичка-то думает, что ей хвост выщипывать станут, мы всегда им хвосты выщипываем, чтобы неслись легче...

Хвост у птицы Рох и впрямь был весьма необычный и напоминал иглы гигантского дикобраза. С таким хвостом трудно высиживать яйца...

Но жреца больше интересовала шея птицы. Он поднял к вершине холма сверкнувший жертвенный нож, выкрикнул имя Ареса, потом наклонился и ловким движением перерезал жертве горло.

Гном закрыл глаза и как-то странно хрюкнул. Он так и сидел, не поднимая век, пока птицу ощипывали, рубили на части и кидали куски мяса в огромный медный котел. Все это сопровождалось заунывным пением жрецов, ударами бубнов и криками: «Арес! Прими, Великий Бор! Арес!»

Кости птицы сложили под котлом вместо топлива. Занялись они хорошо и горели ярко.

Когда дядюшка Гнуб открыл глаза, костер уже прогорел, а Опас рассказывал по третьему разу, как он положил пять дюжин врагов, прежде чем подлый удар свалил его с ног.

— ...Когда меня вели мимо моей плененной дружины, я гордо держал голову, и мои воины приветствовали меня!

— Кажется, скоро им придется приветствовать Нергала,— проворчал рыцарь.

Пленных куннов уже согнали к самому подножию кургана, внутрь цепи воинов. Длиннобородый жрец снова выкрикнул имя бога и взмахнул ножом, подавая знак. Руги бросились на пленников, размахивая мечами...

Нет, они не убивали врагов: схватив за волосы, ставили их на колени, потом ловким ударом отсекали левую руку, оставляя искалеченных степняков истекаать кровью. Стоны и вопли наполнили котловину. Отрубленные конечности жертв руги швыряли на курган, и немало окровавленных обрубков упало возле самого кумира Ареса.

— Отвратительная бойня,— пробормотал Дагеклан, сжимая за спиной кулаки.

— Разве в ваших землях всегда милуют побежденных? — спросил Опас, спокойно наблюдавший, как расправляются с его дружиной.

Рыцарь вынужден был признать, что далеко не всегда, но промолчал.

— Дело воина — умирать,— продолжал Опас,— и потом их души вселятся в таких же воинов или даже десятников. А десятники могут стать сотниками, если хорошо несли службу и во всем слушались воевод. Воеводам куда хуже. Вот я, например: когда умру, моя душа вселится либо снова в военачальника моего ранга, либо в коня.

— А почему не в нового кагана? — не удержался от вопроса ехидный гном.

— Потому что у кагана уже есть наследник, глупая фасолина! Воин проходит весь путь перевоплощений: сначала он конь, верный слуга всадника, потом — младший конник, верный слуга десятника, потом — десятник... Если, конечно, при жизни ловок, смел и предан.

Увы, у воевод, как и у женщин, только две возможности. Нерадивая жена может возродиться жабой или гадюкой, военачальник, не совершивший нужного числа подвигов,— конем. Тогда весь путь нужно проходить сначала.

— Думаю, твоя душа вселится в барана,— проворчал дядюшка Гнуб, но так тихо, что кунн его не слышал, а рыцарь подумал, что Опас, оказывается, боится не смерти: болтает из страха, что ему, возможно, придется таскать на спине кого-нибудь из своих потных кривоногих соплеменников.

Тем временем внизу снова раздались удары бубнов, звон колокольных и длинная процессия во главе с носилками Таркина потянулась вверх по серпантину. Из жрецов ее сопровождал один седобородый, остальные бродили среди искалеченных куннов, приканчивая их жертвенными ножами.

— Зачатки гуманности,— хмыкнул рыцарь,— хоть не заставляют жертвы долго мучиться, истекая кровью.

— Интересно, насколько гуманно поступят с нами? — проворчал гном.— Сразу зарежут или сначала кожу снимут?

Когда процессия поравнялась с пленниками, дюжие воины подхватили клеть за приделанные снизу ручки и понесли вверх по склону. Дагеклан заметил, что их несут среди слуг и рабов, тащивших тяжелые коробки, и женщин в длинных темных одеждах, украшенных, к удивлению рыцаря, довольно тонко исполненными золотыми подвесками и кольцами.

— Наложницы Таркина,— хмыкнул Опас,— следуют на Ледяные Поля вслед за своим хозяином. Руги не верят в перевоплощение душ, ибо народ они темный. Думают, что их умерший каган будет жить в Ледяном дворце на далеком острове посреди соленого озера в окружении слуг, воинов и женщин. Сколько их, и все хорошенькие! Славно пожил старик, славно... Ха, не удивлюсь, если Таркина родится в следующий раз не конем, а мулом!

Процессия свернула в широкий проход, вырубленный в соляном откосе. В конце его темнела ниша — носилки медленно вплыли под белые своды.

Когда клеть втащили следом, Дагеклан увидел довольно обширную пещеру, выдолбленную в толще соляных пластов. У стены, противоположной входу, имелось небольшое возвышение, куда и поставили носилки с сиденьем, на котором высился вельможный мертвец. По обе стороны рабы и слуги аккуратными рядами поставили короба, открыв их крышки. Блеск дорогой посуды и украшений наполнил пещеру. В некоторых ящиках оказалось оружие, его извлекли и грудой сложили к ногам Таркиная. Среди прочего Дагеклан приметил свой двуручный меч и семизарядный арбалет Конна.

Наложницы, поджав ноги, уселись прямо на пол по сторонам возвышения между коробами и носилками, рабы преклонили колени, воины с круглыми щитами и копьями встали вдоль стен. Их было две дюжины во главе с десятским в красной шапке: очевидно, это были те руги, коим предстояло отправиться на Ледяные Поля охранять своего господина. Наконечники копий были почему-то обернуты промасленной паклей.

Ярл приблизился к сиденью и взял с колен мертвого отца Священную Палицу. Потом торжественно подошел к старшему брату и, протягивая реликвию племени ругов, сказал:

— Прими из рук того, кто уходит, залог могущества и процветания нашего народа. Будь достойным вождем ругов и одолей, когда наступит время.

Мидгар протянул ему золоченый череп, который все еще держал в руках.

— Выпей, брат, из Отходной Чаши в залог того, что будешь верно служить отцу нашему на Острове Горячего Льда, как пью я, в знак обретенной власти!

Ярл положил палицу к ногам брата, принял чашу-череп, сделал глоток, вернул Мидгару, и наследник Великого Таркиная тоже отхлебнул темную жидкость.

— Почему не пьешь до дна? — спросил Ярл. — Разве не таков обычай, брат? На тризне, за поминальным столом ты снова наполнишь ее...

— У меня остался долг, который надлежит исполнить, — сказал Мидгар и направился к клетке.

— Открой, — приказал стражнику.

Когда стражник откинул запор и отворил решетчатую дверь, наследник Великого Таркиная опустился на колени и протянул чашу сидящему со связанными за спиной руками Дагеклану.

— Я не в силах ослушаться Большой Матери и подарить тебе свободу, — сказал он, — но я обещал, что выпью с тобой из Отходной Чаши, и хочу это сделать. Хочу знать, что моего отца будет сопровождать не пленник, а друг.

— Не пей, — быстро шепнул гном, — это яд!

— А со мной не хочешь выпить, Лисий Хвост? — скорчил страшную рожу Опас. — Ведь я принес тебе реликвию куннов, а ты подло пленил меня и сунул в этот склеп! Промочи мне хотя бы горло перед смертью!

Мидгар не удостоил его ответом, он пристально смотрел в глаза рыцаря.

— Я выпью с тобой, — сказал Дагеклан, — только если смогу принять чашу свободными руками.

Мидгар сделал знак стражнику, тот проворно забрался в клетку и разрезал веревки, стягивающие руки кампанария.

— Гнома тоже освободи, — потребовал рыцарь.

Мидгар кивнул — путы, стягивающие щиколотки и запястья дядюшки Гнуба, упали на пол клетки.

— И меня! — потребовал Опас и снова не получил ответа.

Дагеклан принял чашу и сделал большой глоток. Жидкость была вязкой и обжигающей.

Мидгар принял чашу из рук рыцаря и осушил ее до дна.

— Прощай, — сказал он, — не держи зла.

— Прощай,— откликнулся Железная Рука.— Как бы то ни было, ты — муж чести.

Наследник Таркина его уже не слышал. Передавая чашу-череп десятскому в красной шапке, он принял из рук раба золотой кувшин с узким горлышком и подошел к брату. Ярл сидел на груди оружия у ног отца. Мидгар протянул ему кувшин и склонил голову.

— Ты знаешь, что делать, брат.

Слова его были едва слышны, и также тихо отвечал Ярл:

— Знаю и не колеблюсь. Да поможет мне Арес.

Он принял золотой сосуд и припал к горлышку. Казалось, он едва коснулся его губами, но руки его сразу же опустились, голова откинулась, взгляд остановился. Мидгар вынул кувшин из мертвых пальцев брата и кинул его человеку в красной шапке.

— Об остальных позаботишься ты, Давор,— бросил он, подбирая Священную Палицу.

И, забрав у десятского опустевшую чашу-череп, новый вождь рогов направился к выходу. За ним потянулись те, кому еще дозволено было дышать холодным, влажным воздухом страны Огнедышащих Гор. Они исчезли в проходе, и ветер унес им вслед маленький соляной смерч. Оставшиеся в пещере преклонили колени и простерли руки к мертвому Таркину и его мертвому сыну. Не то плачь, не то заунывная песня зазвучала под белыми сводами.

— Дверца клетки открыта, проход свободен,— шепнул гном,— я бы попробовал бежать.

— Не успеешь, мышь,— буркнул Опас,— раздавят.

— Странно,— задумчиво произнес Дагеклан,— чаша с напитком живых у них сделана из человеческих головных костей, а сосуд с ядом — из золота. Ладно, яды наливают во что попало, но вот в череп... Я слышал, что у некоторых варваров существует обычай пить из черепа убитого врага...

— Врага? — хохотнул Опас.— Врага! Посмотри внимательно на дохлого кагана рогов. Видишь, глаза у

него из олова, а знаешь, что вместо головы? Деревянная болванка с вырезанным лицом! Рути весьма ловко умеют снимать кожу, без единого повреждения... И снимать, и натягивать умеют. Ты пил из черепа самого Таркина, чужеземец!

Страшный грохот потряс в это время стены пещеры. Огромные глыбы завалили проход, и наступила полная темнота.

Глава вторая ЯВЛЕНИЕ МУРИЯ

Да будет ведомо тебе, ученик, что духи камней бывают опасны и несговорчивы. Посему чаще следует применять естественные вещества, нежели заклинания...

Наставления рудознатца

Соляная пыль тучей поднялась в воздух, заставляя людей чихать и кашлять. Дагеклан отчаянно тер глаза — они слезились, веки быстро распухали.

— Да развяжите же мне руки! — ревел Опас, сотрясая клетку так, что она, казалось, вот-вот развалится.

Лишь дядюшка Гнуб сохранял полное спокойствие: к подземным обвалам рудознатцу было не привыкать.

Наконец в темноте затеплились огоньки, затрещала промасленная пакля, и пещера озарилась красноватым светом факелов. Тени воинов заматались по стенам, и десятский Давор в высокой шапке, казавшейся сейчас зловеще-черной, медленно двинулся к коленопреклоненным наложницам. Он протягивал каждой золотой кувшин, и женщины припадали к нему губами, словно в последнем поцелуе. Ни криков, ни стонов — все происходило в полном молчании. Одна за другой наложницы превращались в тряпичные куклы, безвольно распростертые у ног своего мертвого господина.

Потом наступила очередь рабов. Мужчины принимали смерть столь же покорно, только один вскочил и бросился было бежать в темноту, но его схватили, грубо запрокинули голову и влили в перекошенный рот глоток яда.

— Эй, недомерок, — прошипел Опас, склонившись к уху дядюшки Гнуба, — разрежь мои веревки! Гномы всегда таскают нож за голенищем.

— У меня его нет, — пробормотал Гнуб виновато.

— Ты и вправду отдал его королю? — спросил Дагеклан.

— Наверное, я поступил опрометчиво... Но месьору Конну не следовало отправляться в Верхний Мир безоружным. Я и сунул ему тихонько нож за пояс...

— У тебя мозги, как мерзлая грязь! — рявкнул кунн в бешенстве. — Этот ублюдок-руг уже тащит нам свое пойло! Вы что, собрались подыхать?

Давор подошел и застыл возле открытой дверцы клетки. Пятеро воинов с копьями-факелами толпились за его спиной, остальные по-прежнему стояли в отдалении у стены склепа.

— Кто первый из вас последует за Великим Таркинаем? — спросил десятский.

— Почему не ты? — рыкнул Опас.

— Я уйду последним.

— Месьор Давор, — заговорил Дагеклан, потирая запястья и разминая пальцы, — я уважаю чужие традиции, но позвольте все же высказать несколько соображений на сей счет. Почему вы так настаиваете, чтобы мы приняли яд? Насколько я понимаю, выход из этой пещеры надежно завален, и бегство невозможно. Исполните свой обычай, а нам предоставьте прожить столько, сколько мы протянем, наглухо замурованные в этом склепе. Ибо добровольная смерть от яда — бесчестье для воина. Лучше умереть от голода.

— Я видел, как ты пил из Отходной Чаши с Мидгаром, — сказал десятский, — только поэтому веду с тобой речь. Ты больше не пленник, поэтому в твоих

словах есть резон. Но я не могу позволить тебе и твоему побратиму гному остаться в склепе после нашего ухода на Ледяные Поля. В коробах много еды, которая надобна Великому Таркину во время похода к острову Горячего Льда. Вы же, без всякого сомнения, испытывая муки голода, уничтожите припасы.

— Тогда дай мне оружие и позволь умереть в честном бою. Вас два десятка, так что исход схватки предрешен.

— Ты храбр, чужеземец, но и этого я не могу тебе позволить. Те, кто падет от твоей руки, останутся здесь. Только принявший священный яд попадет в свиту Таркиная.

— В червя земного он попадет, — прорычал Опас, ворочаясь, словно медведь в берлоге, — в мокрицу ничтожную воплотится...

— Хорошо, — сказал Дагеклан, — вижу, иного выхода у нас нет. Но я хочу принять яд не так, как выпили его рабы и наложницы. Я — свободный человек и желаю сам поднести к губам сосуд смерти!

Гном охнул и сунул в рот кончик бороды. Опас разразился страшными ругательствами, вцепился зубами в деревянный прут клетки и принялся его яростно грызть.

Дагеклан протянул левую руку, но, вместо того чтобы взять кувшин, оттолкнул его в сторону и, вскочив, ударил правым кулаком Давора в подбородок. Десятский опрокинулся навзничь, выронив золотой сосуд под ноги своих воинов. Темная струйка вытекла на соляной пол склепа — раздалось шипение, и желто-зеленое облако окутало пятерых ругов.

— Мурий! — возопил гном, в ужасе забившись в дальний угол клетки. — Берегись, дух соли освободился!

Он натянул колпак на лицо до самого подбородка, продолжая выкрикивать что-то непонятное из-под плотной шерстяной ткани.

Железная Рука был уже возле носилок с телом Таркиная — желтое облако осталось у него за спиной.

Рыцарь выхватил из груди оружия свой двуручный меч и обрушил его на ругов, бросившихся на него от стены, выставив вперед копы с пылающими наконечниками. К потолку склепа взметнулись искры и ошметки горячей пакли...

Желто-зеленое облако, поколебавшись в воздухе, медленно двинулось в сторону клетки. Давор и пятеро воинов остались неподвижно лежать на полу склепа — глаза их вылезли из орбит, на губах была пена, тела мучительно выгнулись...

— Пошло вон! — заорал Опас, выдрав зубы из прута решетки и плюясь древесными щепками. — Ты, Мурий, или как там тебя! Я не руг, меня так просто не сожрешь!

Облако дрогнуло и остановилось.

— Ага, — заревел кунн, — дюжину мерзких жаб в твоё бесплотное брюхо! Сгинь-пропади!

Желто-зеленый туман поредел и рассеялся. Опас испустил победный вопль и вскочил, ударившись головой о потолок клетки.

Несколько ругов, атаковавших Дагеклана, уже корчились на полу, сраженные мечом рыцаря, другие продолжали наступать, делая выпады копыями. Одежда Железной Руки тлела в нескольких местах, но он не обращал на это внимания, отбивая горящие наконечники и сам нанося смертельные удары. Часть воинов, смекнув, что только мешает своим товарищам, устремилась к клетке. «Кувшин с ядом подберите!» — кричал кто-то, но вид шести мертвых тел заставил храбрецов отшатнуться: кожа желтыми лоскутками слезала с перекошенных лиц, обнажая черепные кости, глазные яблоки выпали, распухшие губы лопались, как перезревшие помидоры...

Когда перепуганные руги подняли глаза от этого страшного зрелища, они увидели перед собой маленького человечка в высоком колпаке. Дядюшка Гнуб стоял перед клеткой, уперев в бока кулачки, победно задрав бороду, — и улыбался.

— У нас в Тюирнлги говорят: «Не проси утиральник, пока в штольню не слазишь», — молвил он важно. — Разбежались, понимаешь, компании им захотелось. Чего это мы на Ледяных Полях забыли? Ничего не забыли. Вам туда надо? Вот и ступайте с миром. Пока я снова Мурия Солерода не вызвал.

Руги неуверенно переглянулись, потом один, видно самый сообразительный, заявил: «Ты — колдун».

— Да, — сказал гном гордо, — еще какой колдун. Могу в кротов превратить, будете на ваших Холодных Полях лед грызть. А вон там, в клетке, настоящий кунн-людоед. Его из племени-то изгнали, за то что дедушку родного сожрал. Так что выбирайте: он сейчас голодный.

Звон оружия возле носилок Таркина смолк. Там тоже вступили в переговоры. Вытирая о штанину окровавленный меч, подошел Дагеклан; уцелевшие руги топали следом, понуриив головы.

— Они говорят, что не желают смерти в бою, — пожал плечами рыцарь, обращаясь к гному. — Тогда, дескать, не смогут сопровождать своего господина, и Таркинай сильно опечалится. Яду просят.

— Вольному воля, — весело откликнулся недорослик, — пускай отведают. От такого яду умереть, оно, конечно, не так мучительно, как от Мурия Солерода или от ран...

— Мы не трусы, — мрачно сказал руг с рассеченной губой, — сойдишь я с этим воином раньше, не уступил бы поля. Велика честь погибнуть в сражении, но сейчас мы уже мертвы и должны исполнить последний долг перед своим вождем. Хотите — оставайтесь в склепе, Таркинай погневается, да простит: дружина на Ледяных Полях ему важнее гостей и пленников.

— Счастливого пути, — помахал гном ручкой, — как говорят у нас в Тюирнлги: «Кубарем да в шахту». Скучать не будем.

Рыцарь глянул на дядюшку Гнуба осуждающе: все же люди готовились покинуть этот мир, и шутить в

таких случаях не полагалось. Он сам поднял золотой кувшин и протянул его ругу.

— Мужества тебе на дальнем пути, воин. Охраняй своего господина, и да поможет вам Митра благополучно добраться до острова Горячего Льда.

Руг молча кивнул, принял сосуд с ядом, и воины потянулись к носилкам Таркина. Пакля на наконецниках копий почти догорела — тускло мерцающая цепочка огней окружила трон мертвеца. Потом эти огни стали падать — один за одним, разбиваясь о пол склепа фонтанчиками багровых искр...

— Горячий лед, — ворчал Опас, протискиваясь в дверцу клетки, — кто слышал о горячем льде... Все они станут свиньями или гусями безмозглыми. Эй, коротконосый, разрежь мне наконец веревки!

— Может, тебе лучше заткнуть рот? — поинтересовался гном.

— Рот? Ах ты козий помет в дурацком колпаке! Да если бы я не заорал на этого желтого демона, он сожрал бы тебя вместе с бородой и сапогами!

— Орал ты знатно, — покивал дядюшка Гнуб, — я думал — штаны обмочишь. Солерод тебя и испугался. Ну, я немного заклинанием помог, а так — оно конечно...

— Ладно, — примирительно сказал рыцарь, — не время сейчас спорить. Я развяжу тебе руки, кунн, если ты обещаешь употребить их на общую пользу. Здесь много острых клинков, надо попытаться пробить ход наружу.

Он перерезал веревки, стягивающие лапы степняка, и тот принялся разминать запястья.

— Сделай ты это раньше, — сказал он высокомерно, — ни один ублюдок-руг не успел бы напиться из кувшина. Я разорвал бы им глотки и вырвал кишки, всем до единого! Что же до твоих мыслей пробиться через пласты соли — они глупы. Видел проход, по которому нас сюда тащили? Сейчас он завален глыбами сверху донизу. Над нами толща и под нами тоже. Ха,

да ты состаришься, пока будешь ковыряться своими железками!

— А ты что предлагаешь?

— Я? Пожрать! Таркинай, слышал, неплохо запаса на дорогу.

Он шагнул вперед, но тут же споткнулся о полуразложившееся тело Давора и упал.

— Шакалье дерьмо! — взревел Опас, ворочаясь среди останков. — Темно, как в заднице кабана... Эй, мелочь бородастая, ты под землей ползаешь, есть чем посветить?

— Если ты еще раз назовешь меня стручком, фасолиной, недомерком или как-либо иначе, — зловеще пообещал гном, — я превращу твой мужской корень в нефритовый камень. Бело-зеленый, полупрозрачный минерал, очень удобный для разных поделок...

Некоторое время кунн ворочался молча, обдумывая угрозу. Вспомнив о заговоренных стрелах, он злобно помычал, потом через силу выдавил:

— Э... какие дела... тебя это... дядюшка Гнуб, что ли? Ну, пускай. Мы в одном седле, брат, чего ссориться?

— Так-то лучше, — удовлетворенно хмыкнул маленький бородач, — а посветить чем найдется. Какой же рудознатец — да в штольне без фонаря!

Он пошарил за голенищем и вытащил круглую пряжку, укрепленную на ременной петле. Продел в петлю свой островерхий колпак — пряжка оказалась спереди, точно посредине головного убора. Гном вытащил из сапога круглый плоский камешек, подул, обтер обшлагом и приложил камешек к пряжке. Что-то негромко затрещало, и на колпаке дядюшки Гнуба вспыхнула лампа — достаточно яркая, чтобы осветить удивленное лицо рыцаря и уродливую физиономию кунна.

— Молодец, — пробормотал тот, — я хоть и не боюсь темноты, а с фонарем лучше.

Кунн поднялся на ноги и вдруг хлопнул себя рукой по лбу.

— Эй, недоме... Гнуб, братец, ты ведь всякие камни ведаешь, а соль — она тоже камень, пока ее не выпарили, не измелчили да в похлебку не кинули. Давай, заклинание какое скажи — пророй нам ход наверх!

Рудознатец в сопровождении рыцаря и степняка подошел к стене склепа и постучал по белой поверхности костяшками пальцев. Звук вышел глухой и невыразительный.

— Видите ли, друзья мои, каменная соль, именуемая иначе галитом, действительно является минералом белого, желтого либо синеватого цвета, чаще всего в форме кристаллических скоплений, — сказал гном тоном, способным вызвать отчаянную зевоту у юных школяров от Галперана до Асгалуна. — Однако трудность в общении с этим камнем состоит в том, что минерал сей принадлежит к семейству коварного Мурия, именуемого также Солеродом...

— Это та бестия, что сожрала ругов? — опасливо спросил кунн.

Дядюшка Гнуб важно подкрутил ус и покивал головой, отчего пятно света запрыгало по белой стене.

— Именно так, месьор Резвый, именно так. Мурий очень опасен сам по себе, но в галите он накрепко связан другим духом камня, именуемым Нетером. Чтобы освободить солерод, надо произвести множество превращений и прочесть множество заклинаний. В смертельной жидкости, вытекшей из золотого сосуда, содержалось, видимо, нечто такое, что заставило Нетера отпустить коварного Солерода на свободу. Я еле загнал его обратно...

— Мы загнали его обратно, — вставил Опас, и гном, увлеченный своими объяснениями, не стал спорить.

— Как бы то ни было, — продолжал он, — галит — весьма неподатливый для заговоров минерал, требующий крайней осторожности.

— Никогда не буду посыпать пищу этой дрянью, — буркнул кунн.

— Это весьма неразумно, месьор Резвый. Соль вкусна и необходима для здоровья. С помощью этого минерала можно отделять золото от неблагородных металлов, если прокалить его с солью и глиной. Нетер же, добываемый в соляных озерах с известковыми берегами, используют при выделке кож, крашении тканей и в лекарственных снадобьях...

— Да нам-то что пользы? — опять встрял Опас. — Мы не собираемся ни добывать золото, ни красить кожу. Ты можешь пробить выход или нет?

— Плотность два грана на кубический наперсток, вид осадочный, состав корпускулярный, выраженный, — бормотал гном выстукивая пальцами стену, — откачку разве применить обратнонаправленную? Опасность схлопывания, при таких-то массах... Хорошо поддается растворам супротивным, распадаясь на вверх и вниз бегущие... Что же у нас из супротивных растворов? Ну вот, совсем глупый стал. Вода — первейший. Откуда взять столько воды?

— В коробах есть кувшины с водой и вином, — сказал Дагеклан, — только руги просили не трогать.

— Зачем им вода, когда у них льда на Холодных Полях навалом? — внес свою лепту в обсуждение Опас.

— Я мог бы направить воду, но не знаю куда, — опечалился гном. — Размывать стены наугад — последнее дело. Воды-то не так уж много.

Он вдруг умолк и приник ухом к стене.

— По мне так вино лучше выпить, — сказал кунн, — я очень сильный, когда вина выпью...

— А ну умолкни! — скомандовал рудознатец, к чему-то прислушиваясь.

Пальцы его забегали по белой стене, как шустрые насекомые. Он то постукивал слегка, то прикладывал ухо, то принюхивался. Потом сдвинул колпак набок и объявил:

— Там есть пустоты. Был проход, но его заложили и растворами все щели заделали. Проход ведет недалеко, но попробовать можно.

— Эта стена, противоположная той, где был вход в склеп, — сказал Дагеклан. — Ты уверен, что стоит рискнуть?

— Можно, конечно, последовать предложению месьора Резвого и напиться, — буркнул гном, — веселее будет помирать.

Без лишних разговоров они перетаскивали к замураванному проходу все имеющиеся кувшины с водой и вином. Дагеклан выдолбил в соляной стенке мечом наклонное углубление и вылил туда первый кувшин.

— Я только чуть-чуть направляю воду и усилию ее воздействие, — сказал дядюшка Гнуб. — Осторожность не помешает, если мы снова не хотим повстречаться с Мурием. Вода же лишь промоет галит, не вызвав никаких недоразумений между Солеродом и Нетером. Духи даже ничего не заметят...

— А вино не ударит им в головы? — забеспокоился кунн.

— У духов камней нет голов, — огрызнулся гном, — как и у некоторых людей... А сейчас все замолкли!

Он принялся бормотать заклинания. Железная Рука все лил и лил воду, и она уходила в толщу стены, оставляя небольшое отверстие с оплывшими краями. Когда вода кончилась, в ход пошло вино. Опас поскрипел зубами, но тоже вылил в дыру пару кувшинов.

— Ну и что? — сказал он, когда и вино подошло к концу. — Дырка маленькая, кошка не пролезет.

— Я пролезу, — сказал рудознатец, — а ну подсади!

Он исчез в отверстии, откуда долго еще доносилось кряхтение и какое-то плюханье. Потом, как из печной трубы, донесся голос гнома:

— Здесь что-то есть! Пещера... Стол какой-то... На столе — две вещицы, красивые... Клянусь бородавкой на заднице Подземного Короля, это похоже...

Его слова поглотило громкое шипение, от которого заложило уши. В отверстии полыхнул зеленый свет, и часть стены с грохотом обрушилась. Рыцарь и кунн

едва успели отскочить в сторону — дымный зеленый луч вырвался из расщелины, ударил в противоположную стену склепа и угас.

— Эй, месьор Гнуб, вы живы ли? — крикнул Дагеклан.

— Живой, — донеслось из темноты: голос был сильный и весьма испуганный.

В расщелине заметался свет фонаря, и гном, перепачканный с ног до головы желтоватым соляным раствором, вышел наружу. Его сильно покачивало. Отведя в сторону короткую ручку, дядюшка Гнуб сжимал двумя пальцами нечто весьма напоминающее рукоять меча без лезвия с украшенной двумя зелеными камнями крестовиной.

— Я только взял, а оно как пыхнет, — бормотал рудознатец растерянно.

— Меч Ареса! — завопил Опас. — Бросай — руку оторвет!

Гном испуганно отбросил непонятный предмет. Кунн хищно метнулся к нему, но Дагеклан успел подставить ногу, и Опас, изрыгая проклятия, растянулся на полу склепа. Дагеклан шагнул вперед, наклонился... Странная рукоять была в двух пядях от его пальцев, когда повелительный окрик, раздавшийся сзади, заставил рыцаря оглянуться.

Держа у плеча арбалет Конна, заряженный семью тяжелыми болтами, широко расставив ноги в меховых сапогах, пагах в десяти от рыцаря стоял Ярл. Лицо его было все еще бледно, но легкий румянец уже заливал щеки, и глаза смотрели пристально и безжалостно.

— Кунн прав, — сказал он спокойно. — Это меч Ареса. Одно движение — и я стреляю.

Глава третья БЕЛЫЙ ЧЕРВЬ

...Однако в случае крайней необходимости и будучи уверенным в собственных познаниях, камни все же можно заговаривать без применения естественных веществ.

Наставления рудознатца

Великое чудо, брат, что ты вернулся с Ледяных Полей.

— Великое чудо. Никто не возвращался отсюда с начала мира.

— Видел ли ты отца?

— Нет, Великий Таркинай не стал меня ждать. Он ушел далеко вперед, по начертанному богами пути. Я оказался среди сверкающих скал, подобных иглам, которыми наши женщины сшивают козьи шкуры. Они вздымались по обе руки от тропы, блестящей, как слюда. Было очень холодно.

— Что еще ты видел?

— Видел прекрасную деву в снежных одеяниях. Она танцевала на тропе, глаза ее были подобны холодным звездам зимнего неба. Она смотрела на меня и манила тонкой рукой.

— Чего она хотела от тебя, брат?

— Хотела, чтобы я сошел с тропы...

— Позволь мне сказать, Ярл, — вмешался Железная Рука. — Ты видел Атали, дочь Ледяного Великана Имира, бога ваниров и асов. Северяне верят, что она является раненым воинам, чтобы увлечь за собой на ледяные пустоши, где те погибают от холода или под топорами ее братьев-великанов. Признаюсь, всегда считал это сказками, но сейчас, когда ты заговорил об этой девице, мороз пробрал меня до костей, хотя мы и сидим у костра.

Рыцарь отхлебнул брагу из кожаной чаши и передал ее младшему сыну Таркиная. Ярл поблагодарил кивком, глотнул крепкую обжигающую жидкость и передал чашу Мидгару.

Они сидели возле ярко пылающего огня в центре круга, огороженного огромными повозками, доверху загруженными мешками с солью. Повозки имели по восемь пар колес, сделанных из древесных срезов, и были высоко подняты над землей при помощи хитроумных приспособлений, крепившихся к осям. В пути платформы с грузом опускались, и волю, впряженные цугом по шесть пар в каждый воз, с натугой тащили их по заснеженной равнине. Бывало, что колеса увязали в грязи по самую ступицу, и тогда руги помогали животным, подкладывая под колеса припасенные жерди. На привалах поднятые платформы служили хорошей крышей от непогоды — сейчас под ними горели костры и слышались приглушенные голоса: отряд отдыхал, умеренно бражничая и обсуждая недавнюю тризну по ушедшему вождю. За кругом повозок темнели безмолвные стены домов и прохаживались часовые, готовые предупредить о малейшей опасности.

Посередине огороженной возами площадки громоздился каменный обелиск, запорошенный снегом. На его гранитной поверхности вытесаны были топоры, пучки веток и какие-то смутные буквы. Колочая снежная крупа вихрями летела вокруг камня, и трое у костра кутались в меховые накидки. Кожаная чаша гуляла по кругу, согревая сидевших своим содержимым и скреп-

ляя их вновь рожденный союз совместным винопитием.

Дагеклан и сыновья Таркиная устроились поодаль от остальных не случайно: разговор их не требовал чужих ушей.

— Мы знаем, что на Ледяных Полях путников подстерегает множество опасностей, — сказал Мидгар, — хотя ничего не слышали ни о деде Атали, ни о великане Имире, равно как и о неведомых асах и ванирах.

— Я так и не могу понять, где находится ваша страна Огнедышащих Гор, — сказал рыцарь. — Судя по всему — далеко на севере, но тогда удивительно, что вы не знаете обитателей Ванахейма и Асгарда. Это самые северные страны, известные в Хайбории, дальше живут только рыжие бесхвостые обезьяны. Хайборийцы полагают, что после смерти души умерших уходят на Серые Равнины, на суд Нергала. Праведников Митра забирает в Небесные Сады Иштар, грешники отправляются в Нижний Мир, а многие так и скитаются по Серым Равнинам неприкаянными теньями. Некоторые северяне именуют сии места Ледяными Полями, но об острове Горячего Льда я никогда ничего не слышал. Если это не сокровенная тайна, скажи, друг Ярл, куда ушел твой отец?

— Об этом не принято говорить, но тебе, побратим, открою, что сам ведаю. Сей остров лежит далеко в океане, посреди коего плавает наш мир. Говорят, в далекую старину почивших вождей отправляли туда в ладьях, но Арес покарал земные создания за непокорность и наслал Великий Холод — с каждым разом зима становится все суровее, а тепло в недрах Огнедышащих Гор истощается. Океан за их цепью давно скован вечными торосами, так что на остров теперь можно пройти по сверкающей замерзшей тропе. Но стужа не властна над островом блаженных, где стоят ледяные дворцы, стены коих источают не холод, а тепло. Они прозрачны и сверкают, как драгоценные камни, среди густых рощ и плодоносных садов. Там не бывает зимы. Все вожди

ругов уходят на этот чудесный остров в сопровождении своих слуг, женщин и самых преданных воинов.

— Значит, ваша страна лежит посреди замерзшего моря,— задумчиво проговорил Дагеклан.— Странно, я ничего о ней не слышал. Вы говорите на языке, мне понятном, он похож на общий язык хайборийцев, оставивший след и в аквилонском, и в немедийском, и в южных наречиях. А вот знаков на этом обелиске разобрать не могу. Что там написано?

— Глупость,— сказал Мидгар.— Отступники ставят такие камни в селениях, которые считают своими. У каждого ругорума есть селение, а то и несколько. Летом, когда местные вылезают из убежищ, они должны платить дань отступникам из Города, хотя те ни в чем не нуждаются. У них есть все, кроме соли. И все же тщеславные ругорумы ставят в селениях свои меты — это называется у них «собственность». На плите написано: «Стены сии и души живые принадлежат Трималхиону Мацаталу, Почетному Сервирату Третьей Декурии. Он купил их у Малия Феларна за тридцать тысяч таланов, и мог бы продать дороже, но не захотел. Благочестивый, мудрый, верный, он властвует над прочими людьми, платящими легкую подать. Монумент сносу не подлежит».

— Я думал, местные селяне — ваши данники...

— Зимой, когда изнеженные ругорумы не показывают носа за толстые стены. Мы берем то, что селяне запасают летом, в основном мед. Когда же всходит солнце и тает снег — мы уступаем данников отступникам. Таков уговор.

— Станный обычай,— сказал рыцарь,— ни о чем подобном не слышал.

— Ты не знаешь нашу страну, мы не ведаем земли, лежащие за цепью Огнедышащих Гор,— снова заговорил Ярл.— Туда путь нам заказан, пока не наступило время. Мыслью, оно совсем близко, раз я сумел вернуться с Ледяных Полей. Ты говорил о деде Атали и ее братьях. Я действительно видел там двух урод-

ливых одноглазых великанов. Они появились из-за скал и напали на меня, размахивая огромными секирами. При мне был меч, и я вступил с ними в схватку...

— Надеюсь, дружина поспела вовремя, чтобы охранить нашего отца, хотя чужеземец и задержал воинов в склепе, вступив в ненужную схватку.— Мидгар бросил на рыцаря недобрый взгляд.

— Не станем говорить об одном дважды, подобно женщинам,— заметил Ярл,— мы уже решили, что на все была воля богов, посылающих знаки о наступлении времени. «Нет нам хода, пока не восстанут павшие»,— так говорил пророк Иорда. Если бы Дак не защищал свою жизнь, все пленники ушли бы на Ледяные Поля. Если бы они ушли — гном не нашел бы меч Ареса, и я, воскресший, задохнулся бы в склепе. Но я восстал, брат, и я здесь, с тобой!

Мидгар задумчиво покачал головой.

— Меня смущает, что Мартога велела похоронить меч и плеть ямбаллахов в соляных пластах. Хотя не нам судить о замыслах Большой Матери. Итак, брат, ты одолел тех великанов?

— Не стану хвастать: они были гораздо сильнее и могли бы со мной покончить, несмотря на мое отчаянное сопротивление. Но тут один из них вдруг опустил секиру и сказал сотоварищу: «Чуешь, Мимир, их двое!» Второй тоже отступил и уставился на меня единственным глазом. Я никого не видел рядом с собой, но почувствовал, как горячая волна заливает меня изнутри и, глянув на собственные руки, заметил, что кисти мои окружило багровое свечение. Тогда я опустил меч и вытянул левую руку — язык пламени сорвался с кончиков пальцев и ударил в грудь ближайшего великана. В груди его образовалась дыра, которая стала быстро увеличиваться: клянусь Аресом, одноглазый таял, как снеговик, слепленный детьми для забавы! Второй пустился бежать и скрылся за скалой. Тут лед у меня под ногами стал превращаться в воду, все окутало об-

лако густого пара... и я открыл глаза в склепе, возле носилок отца.

«И чуть было не прикончил всех нас», — подумал Дагеклан, вспомнив безжалостный взгляд Ярла и арбалет у его плеча. Пошевелись тогда рыцарь — и конец...

Выдержка спасла кампанария (а заодно — гнома и кунна), выдержка и спокойная рассудительность. Когда воскресший сын Таркиная поднял с пола странный меч без клинка, рыцарь сказал ему:

— Месьор Ярл, прежде чем ты решишь, как поступить с нами, позволь задать тебе один вопрос. Что бы сделал руг, окажись он в плену у врагов, заключенный в узилище?

— Нетрудно сказать, — отвечал Ярл, все еще держа арбалет наготове, — любой из нас постарался бы обрести свободу либо погибнуть, сражаясь за нее.

— Мы поступили так же, — сказал рыцарь, — и пока победа была за нами. Нам не нужны ваши священные реликвии — месьор Гнуб наткнулся на них случайно. Мы просто пытались выйти на свежий воздух.

— Я тебе верю, — отвечал тогда Ярл, — и знаю, что из вас троих украсть дары ямбаллахов намеревался лишь бесчестный кунн. Я убью его.

— Давай, — хрипло выкрикнул Опас, тяжело поднимаясь на ноги, — стреляй, трусливая гиена! Ты навсегда опозоришь свое имя, взявшись за оружие *шатунгов*!

— Разве я сказал, что убью тебя сейчас и здесь? Нет, степняк, твои руки еще пригодятся, чтобы разгрести проход. А когда мы выйдем на поверхность, я сражусь с тобой и прикончу по всем правилам честного поединка. Хотя ты этого и не заслуживаешь: изменников принято давить.

Бывший вожак куннов страшно зарычал, и Железная Рука решил, что он тут же кинется на руга, но Опас вдруг смирил гордыню, потер бритую голову и пробурчал себе под нос: «Поглядим еще, кто одолеет на вольном-то воздухе...»

А потом начался казавшийся бесконечным путь из соляных глубин к вожделенной свободе. Ярл орудовал мечом Ареса, и зеленый луч с громким шипением прожигал толщи галита. Соль кипела и пузырилась, покоряясь неведомой силе, скрытой в оружии небожителей, и застывала на стенках пробитых тоннелей бурными наростами. Иногда стены рушились, и тогда Дагеклан крушил мечом глыбы, а кунн оттаскивал их в сторону, разгребая завалы. Гном шел впереди, направляя это медленное движение: он выстукивал чуткими пальцами пласты галита, он прислушивался и принимался, словно охотничий пес, а иногда даже пробовал соль на вкус. Определив направление по ему лишь ведомым приметам, рудознатец давал знак Ярлу, и тот снова пускал в ход чудесный меч.

Они поднимались сквозь соляные пласты — медленно, но верно. Дагеклан не переставал изумляться оружию ямбаллахов: стоило ругу сжать рукоять с двумя зелеными камнями на крестовине, и сила богов вырывалась наружу, точно туда, куда ее направляли.

И все же сила эта оказалась не беспредельна. С каждым разом зеленый луч становился слабее, все дольше переживал Ярл, прежде чем снова пустить меч Ареса в ход. За поясом руга засунута была плетя ямбаллахов, которую Ярл захватил в пещере, обнаруженной гномом, — черная блестящая рукоять, унизанная спиральной ниткой матовых шариков, но сила, в ней скрытая, была сейчас бесполезна и даже опасна. «Мы все сгорим, если я использую небесную плетя», — только и сказал младший сын Таркиная, и рыцарь не стал больше ни о чем спрашивать.

Сколько блуждали они в потемках, озаренных лишь неярким светом фонаря на колпаке гнома, — богам лишь ведомо. Соляные пары резали грудь, дышать было тяжело, глаза слезились, ноги подкашивались. Дядюшка Гнуб выглядел пободрее остальных, но и он приуныл, когда выжженный проход уперся вдруг в гранитную стену.

— Как же это я, — бормотал гном растерянно, — оплошал Гнубус из Тюирнлги, ох оплошал... Придется возвращаться и брать левее. Думал же еще взять левее, нет, понесла нелегкая...

Опас разразился проклятиями, не затрагивая, однако, личности гнома, и предложил немедленно выжечь гранит.

— Мечу Ареса это по силам, — сказал Ярл, — но гранит гораздо крепче каменной соли, а сила небесного клинка итак на исходе. И здесь нечем ее восполнить. Придется возвращаться.

Они отдохнули возле гранитной скалы, и как ни старался Дагеклан не смыкать глаз, все же погрузился на какое-то время в тревожный сон. Ему привиделся граф Рабрагор, летевший во весь опор навстречу с опущенным копьём. Железная Рука хотел установить свое копьё в упор и дать коню шпоры, но вместо древка под пальцами обнаружился извивающийся корень с мерзкими розовыми отростками... Рыцарь замычал, мотнул головой и услышал негромкий разговор руга и кунна.

— Наши вожди никогда не использовали небесное оружие друг против друга, — говорил Ярл, — ибо предсказано, что погибнут и рути, и кунны, и прочие племена, если кто-то осмелится пустить в ход дары ямбаллахов. А ты покусился на священные реликвии в угоду своему честолюбию. Готов спалить всю землю, лишь бы стать Великим каганом.

— Твои речи — речи труса, — отвечал Опас. — Палица Таркина, меч Ареса... Что толку в оружии, если его не использовать? Толкуете о каком-то *времени*, когда все это понадобится, да сами толком не знаете, что за *время* такое и что оно сулит. По мне, так время для битв всегда подходящее. Вы просто боитесь сразиться с нами и навсегда выяснить, кто сильнее. Помяни мое слово, рути еще станут данниками куннов!

— Помяни мое слово, — перебил его Ярл, — рути будут владеть миром: и этой страной, и теми, что лежат

за Огнедышащими Горами. А сейчас хватит болтать. Выберемся наверх, тогда и поглядим, кто из нас храбр, а кто лишь языком молоть горазд.

Они вернулись к месту, указанному гномом, и двинулись левее прежнего тоннеля. Дядюшка Гнуб явно оживился: он то и дело слюнил палец и водил им вдоль соляных стен, стараясь уловить малейшую тягу воздуха. «Еще чуток, — приговаривал рудознатец, — еще малость... Вот сюда пшикни своей резалкой, чувствую — земля близко».

И все же сила небесного меча иссякла раньше, чем они успели выбраться из пластов галита. Сколько ни сжимал Ярл рукоять, возле крестовины лишь слабо трепетали зеленые сполохи — жалкие остатки былой мощи. Оплавленная стена преградила им путь, и рыцарю она показалась могильной плитой... Дагеклан пробовал рубить соляной пласт своим тяжелым клинком, выбивая сверкающие осколки, но галит был слишком крепок для стали, и рыцарь оставил свои попытки.

— Эх, — тяжело вздохнул дядюшка Гнуб, — шагов полсотни и не дошли-то. Там уже мягкие породы, а может, просто глина. Никогда не думал, что придется в соли упокоиться, как рыбе в бочке.

— А ты поколдуй, — буркнул кунн. — Если моя душа в коня вселится, то здесь ему и скакать негде.

— Потрясающая логика, — проворчал гном. — Если желаешь снова с Мурием повидаться, могу поколдовать.

Они еще немного поругались, но сил для перебранки уже не было. Пленники соляных толщ уселись вдоль оплавленной стены тоннеля и погрузились в тяжкие размышления. Дагеклан видел единственный выход: вернуться в склеп, захватить побольше еды и острых клинков, и рубить стену, пока хватит сил. Рыцарь поделился своими размышлениями с Ярлом, но тот ничего не ответил: сидел неподвижно, словно погрузившись в глубокий транс.

— А ведь не вернуться нам в склеп, — сказал гном печально, — проход в одном месте у нас за спиной

обвалился. Далеко, вы не слышали, да я-то заметил. Здесь наш склеп, здесь...

Светящийся камень на его колпаке вдруг мигнул и потускнел.

— Пустите меня! — страшно завопил степняк, хотя его никто не держал. — Дерьмо шакалье, моча ослиная! Дорогу кунну!

Он вскочил и грудью бросился на стену тупика. Казалось, пласты галита содрогнулись от этого удара, готовые расступиться под бешеным натиском могучего тела. Опас отскочил и ударил еще раз — на этот раз головой. Кровь залила ему лицо, мешаясь с соляной пылью, и кунн шатаясь побрел прочь, придерживаясь за оплавленные натеки соли. Отойдя шагов на десять, он повалился на спину и уставился в низкие своды застывшим взглядом.

Сколько сидели они в том тупике, Дагеклан не знал. Снова вставали видения — оскаленная физиономия Рабрагора, бледное лицо Эльтиры, исчезающий, словно дым, король... Рыцарь силился удержать Конна, но рука его проходила сквозь тело короля и натывалась на соляную стену. «Помоги мне, — шептал государь в отчаянии, — ты, самый верный из дружины моей, помоги...» Огромные черные крылья закрывали лицо Конна, а рыцарь все силился поднять свой двуручный меч и никак не мог...

— Помоги! — услышал он громкий вскрик Ярла. — На помощь, Дагеклан!

Впервые руг назвал рыцаря по имени. Железная Рука рванулся к нему, еще не понимая, что происходит. Увидел розовые извивающиеся корни, опутавшие тело младшего сына Таркиная, и решил, что сон все еще длится. Потом он заметил, что стены тупика, преграждавшей дорогу, больше нет, и оттуда, из черной дыры, лезет нечто жуткое, лоснящееся, оскаленное...

То, что рыцарь принял поначалу за бледно-розовые корни, было множеством извивающихся щупалец, уни-

занных молочными каплями присосок. Они терзали грудь Ярла, они давили ему шею — темная струйка крови бежала из уголка его губ, капая на меховую куртку. А сзади над головой руга уже нависала ощеренная зловонная пасть неведомого чудовища.

Железная Рука погрузил в нее свой меч по самую рукоять. В лицо ему ударила едкая молочно-белая жидкость, щупальца успели обвить кисти рук, сдирая кожу, но хватка их тут же ослабла, раздалось громкое чавканье, и огромное тело скрылось в дыре, оставив после себя вонь и ощущение леденящего ужаса.

Рыцарь опустил перед ругом на колени и принялся оттирать скользкие отростки — подземный гад оставил их, словно ящерица прищемленный хвост.

Ярл открыл глаза и придержал руку рыцаря. Капля его крови упала на кровоточащее запястье Дагеклана — руг тронул запястье пальцем, поднес палец к губам и лизнул. «Теперь ты», — выдохнул он, и Железная Рука повторил этот жест, понимая, что он многое знает.

— Наша кровь смешалась, — сказал Ярл, — теперь мы братья.

— Друзья зовут меня Даком, — кивнул рыцарь, — можешь называть меня так. Но что за тварь...

— Это Белый Червь. Роет ходы под землей, нападает на скот, на *шатунов*, иногда на людей. Кунн так бился головой о стену, что привлек его внимание. Это хорошо, теперь путь свободен.

— Хорошо-то хорошо, — проворчал гном, — но пусть Опас идет первым: как бы червячок не вернулся. Ну и пасть у этого гада — галит прогрыз!

Рудознавец оказался прав в своих оценках толщины оставшегося пласта соли: они прошли пятьдесят шагов и оказались посреди хода, прорытого Белым Червем в глинистой почве. Дышать стало легче, а идти — труднее: под ногами чавкала вязкая грязь. Влево ход повышался — решили идти туда, рассчитывая выбраться на поверхность.

Когда далеко впереди замаячило неясное пятно багрового света, когда уже потянуло морозным воздухом, сзади раздался стремительно нарастающий шум, и земля затряслась так, что комья глины посыпались сверху.

— Проклятие! — взревел Опас. — Тварь возвращается. Эй, коротконосый, приготовь свой меч, я не хочу попасться червяку на закуску!

— Бесполезно, — сказал руг, тщетно пытаюсь извлечь смертоносный луч из оружия ямбаллахов, — Белый Червь движется столь быстро, что просто сметет нас себе в желудок, словно песчинки. Никто не может его одолеть, когда он стремительно выскакивает на поверхность и глотает свои жертвы. А здесь, под землей, в его норе, — и подавно. Убежать мы тоже не успеем.

— Вперед — нет, — подал голос гном, — а вот в сторону... Чего на проходе стоять, посторонимся — гордости не убудет. Если успею камешек заговорить, что в глине сидит. Большой камешек, хороший, известняк называется. Натечные скопления шпата с большой примесью глинистых и песчаных частичек. Множество останков мельчайших созданий... Так, их и будем заговаривать, живые все же были, хоть и во времена оны.

Рудознатец принялся водить маленькими ладошками по камню, выступавшему из стены хода, словно верблюжий горб. Шум все приближался, почва ходила ходуном, осыпаясь тяжелыми комьями. Гном что-то бормотал ласковым голосом, легонько постукивая и поглаживая известняк, как хороший хозяин — вьючное животное. Ярл стоял рядом, Дагеклан — чуть сзади, держа наготове меч, кунн топтался у него за спиной...

Вдруг степняк охнул и бросился бежать по проходу, глубоко увязая в глине. Рыцарь увидел стремительно приближающуюся пасть Белого Червя, в тот же миг поверхность известковой глыбы покрылась множеством мелких огней, словно рой светляков устроил на камне свой праздник, и осыпалась под ноги гнома, открывая глубокую нишу. Гнуб, Ярл и Дагеклан успели нырнуть

туда, и огромное белое тело подземного чудовища пронеслось мимо, обдав их тошнотворным запахом.

Дядюшка Гнуб ликовал, подпрыгивая и размахивая колпаком, и было тому два повода: во-первых, заговор сработал как нельзя лучше и вовремя; во-вторых, известковая глыба выходила на поверхность — теперь, когда она рассыпалась, в отверстии над их головами виднелись облака, озаренные отсветами багровых зарниц, и были те отсветы желаннее яркого солнечного света.

Имелась и третья причина, о которой гном помянул, когда они выбрались наружу: «Попал-таки кунн на зуб червяку — по голове и колпак. У нас в Тюирнлги говорят: плох тот, кто не умеет держать кирку, но кто не держит слова — еще хуже».

Потом они увидели длинную вереницу повозок, груженных солью, и маленькие фигурки воинов, шагавших рядом.

Мидгар не выказал особого удивления, встретив воскресшего брата, — руги считали проявление чувств исключительно женской привилегией. Он отложил расспросы до ближайшего привала, но, когда впереди показались темные стены казавшихся покинутыми домов, возы поставили кругом, а в центре, возле камня с тщеславными письменами, разожгли костер, весь обратил в слух и внимательно выслушал рассказ Ярла.

Обсудив все события, братья пришли к заключению, что *время* вот-вот наступит и надо действовать решительно. В чем должны заключаться сии действия, Дагеклан не совсем понял. Обоз шел в Город, при Мидгаре была Священная Палица, теперь же еще и оружие ямбаллахов. У Железной Руки родилось подозрение, что братья собираются напасть на ругорумов, и он решил спросить напрямик: уж если они принимают его в свою дружину, рыцарь желал знать все до конца.

— Напасть? — презрительно скривил губы Мидгар, услышав вопрос кампанария. — Для этого нам не нужна мощь небесного оружия. Отступники трусливы, их

предводитель, именующий себя Мажиком, — ничтожный старик... Я мог бы уже давно и без особого труда захватить власть в Городе. Но в его глубинах скрыто нечто, в чем мы нуждаемся сейчас, с наступлением *времени*. Проникнуть туда не просто, тут нужна хитрость. И ты, побратим, нам поможешь, ибо отныне твоя цель совпадает с нашей.

— Почему ты так думаешь, Лисий Хвост?

— Твоего короля и его женщину похитил злой бог Ариман. Ты ведь хочешь спасти своего повелителя?

Рыцарь вскочил, отбросив чашу с недопитой брагой.

— Ариман похитил Конна и Эльтиру? Но откуда тебе это известно?

Мидгар ногой пододвинул лежавший рядом мешок, запустил в него руку и вынул небольшую клетку. Внутри, на кучке сухих листьев, сидело странное существо с головой ящерицы.

— Кто это? — растерянно спросил Дагеклан.

— Да это же Бу! — раздался сзади голос дядюшки Гнуба, подошедшего с новой порцией браги. — Плохо выглядишь, мелкота, крылышки твои совсем обгорели, да и хвостик изрядно почернел. Шутил свои дурацкие шуточки в дымоходе?

— Этот дух сопровождал вашего Конна в Лучезарном Мире, — сказал Мидгар. — Он знает, где искать короля. Ну, побратим Дак, вступаешь в нашу дружину?

Глава четвертая

ГОРОД

Все дозволенное противно, и вялые, заблудшие души стремятся к необычному.

Таркволий Флатт

С начала Железная Рука решил, что видит Огнедышащие Горы. Темная гряда вздымалась впереди, теряясь в низких облаках, словно наполненных жидким огнем, — равнина, лежавшая перед обозом, была ярко освещена. Но зарево это было не багровым, а желтоватым, похожим на солнечный свет.

— Город, — указал вперед Мидгар. — Свет — из окон, проделанных в крыше.

— Ругорумы делают окна в крышах своих домов? — удивленно переспросил рыцарь.

— В Городе нет домов, а крыша одна на всех.

Лисий Хвост коротко рассмеялся.

Они все шли и шли по равнине, а стена Города как будто не приближалась. Скрипели колеса, фыркали волю, чавкала под ногами грязь. Люди молчали.

Потом они вышли на дорогу. Мощенная каменными плитами, она вынырнула из-под снега, словно водяная змея из озера. Поземка гуляла между щелей и выбоин — видно было, что этой дорогой давно никто не ходит.

Вблизи стена Города оказалась похожей на откос какого-то гигантского плато. Сложенная из огромных желтоватых блоков, подогнанных столь плотно, что стыки едва виднелись, она была чуть скошена внутрь огороженного пространства, но казалось, что стена нависает над головами всей своей чудовищной массой, готовой в любой момент рухнуть и раздавить путников, как ничтожных насекомых. Дагеклан задрал голову, выискивая бойницы, но не увидел ни единого отверстия.

Мидгар остановил обоз возле огромного портала и велел распрягать волов.

К воротам вели три широкие ступени, больше похожие на террасы: они были столь высоки, что доходили Дагеклану до пояса. Рыцарь вспомнил, что Город строили ямбаллахи, и смог по достоинству оценить немалый рост небожителей. Для удобства простых смертных поверх ступеней кинуто было несколько досок с прибитыми поперечными брусками — по этим сходням Железная Рука, дядюшка Гнуб и оба брата поднялись к portalу.

Полуколонны, похожие на стволы гигантских секвой, выступали из стены, поддерживая высокий полукруглый фронтон, более сходный с бастионом крепости, нежели с надвратным украшением. Нижняя часть стены у входа была покрыта плитами разноцветного мрамора, желтого, розового, голубого. Над плитами, отделенные белой полосой, виднелись остатки фресок, столь испорченные непогодой, что изображения давно превратились в смутные тени и пятна.

Створки огромных ворот выложены были цветными рельефными изразцами, когда-то, несомненно, прекрасными и радующими глаз игрой красок, а ныне почерневшими, частью сбитыми, частью выскобленными: на темном фоне отчетливо виднелись многочисленные надписи.

— Сей портал исполнен был некогда великими мастерами, — заметил рыцарь, несколько удивленный

запущенностью ворот. — Но, кажется, ругорумы не слишком-то ухаживают за фасадом Города. Не видно и стражи... Или она внутри?

— Стража? — переспросил Мидгар, внимательно рассматривая выпарапанные надписи. — Зачем отступникам стража... И ты ошибаешься, если думаешь, что мы войдем в Город через эту дверь.

— Парадные ворота не открывали со времен ямбаллахов, — пояснил Ярл. — Ругорумы пользуются небольшой калиткой в сотне шагов отсюда.

— Могли хотя бы подмести, — проворчал гном, — мусору-то мусору!

И правда: огромные ступени были завалены кучами всевозможного хлама — осколками посуды, обломками мебели, обрывками материи и пергамента, а шагах в пяти от ворот сиротливо примостилась отбитая голова какой-то статуи с белыми слепыми глазами.

— Фаянс, фарфор, глазурь, — бормотал гном, присев на корточки и перебирая черепки, — и все побито, все выброшено... А это что? Клянусь бородавками Подземного Короля, алебастровая шкатулка, почти новая! Что-то в ней есть... Ух ты, красота-то какая!

Он извлек маленький изящный кинжал с позолоченной рукояткой, похожий на те, что аквилонские дамы носят за корсажем, и покрутил им, любуясь. Вещица и впрямь была симпатичная.

— Хозяева называется, — проворчал дядюшка Гнуб, засовывая кинжальчик за голенище. — Такую вещь выкинули! На ларце трещинка с ноготь, а они взяли и выкинули... Ладно, им ни к чему, а нам сгодится.

— Город набит всевозможными бесполезными вещицами, как чучело соломой, — презрительно бросил Ярл. — Ругорумы говорят, что все это стоит кружков золота, а золота у них так много, что они не знают, куда его девать. Подлинным ругам ни золото, ни безделушки не нужны.

— Однако я видел много ценностей в коробах, оставленных в склепе вашего отца, — заметил рыцарь.

— Великий вождь должен владеть красивыми вещами,— пожал плечами Ярл,— мы обмениваем их у отступников на соль. Украшения носят и наши женщины, таковыми уж сотворили их боги.

— А что значат надписи, кои столь внимательно изучает твой брат?

— Я не умею читать, но думаю, они столь же бессмысленны, как и знаки на обелиске, который мы недавно видели.

— Пишут что ни попадя,— сердито сказал Мидгар.— Летом вылезают на крыльцо, как бледные вши, и царапают ножами разное. Вот, например: «По случаю покупки собственной опочивальни сдается зала с фонтаном. Помпаус Трикий». Или: «Алий Трамиус устраивает распродажу излишних вещей». «Пускаю кровь, излечиваю седалищные недомогания»... Ругательства, еще ругательства... «Припомни ложе и уста и руку протяни»... Гром в облаках! Это для меня: вот знак ЛХ, Лисий Хвост.

— Ты станешь такое говорить? — скривил губы его брат, словно набрал полный рот кислых ягод.

— Плевать,— буркнул Мидгар,— что бы там эти дурни не придумали. Надо поскорее попасть в Город и осуществить замысленное.

Они спустились по деревянным сходням и прошли вдоль стены сотню шагов. Как и говорил Ярл, здесь оказалась небольшая калитка, затворенная медными створками. Мидгар взялся за кольцо и ударил так, что гул пошел.

Некоторое время было тихо, потом загремел изнутри засов, калитка открылась и на пороге возник кудлатый розовощекий молодец в длинной белой рубахе. Был он дороден, бос и весьма пьян.

— Ну,— сказал юноша не слишком любезно,— что надо?

— Кажется, ты должен произнести иные слова,— буркнул Мидгар.

Юноша громко икнул.

— Я думаю,— сказал он заплетающимся языком,— он простит невзысканные недоимки, вернет долги, заплатит налоги и примет предсказателей, не измеряя их искусства...

Лисий Хвост ухватил привратника за грудки, поднял ладони на три от пола и встряхнул.

— Какие недоимки? — прорычал он.— Какие предсказатели? Совсем лыка не вяжешь? Говори, что положено, а то так войдем!

— Ладно,— просипел юнец,— только отпусти, а то душно что-то...

И, как только ноги его коснулись пола, возгласил:

— Меня ты любишь, да? Смотри не обмани!

— Припомни ложе и уста и руку протяни,— процедил вождь ругов и, отстранив привратника, шагнул внутрь.

Дагеклан, Ярл и дядюшка Гнуб последовали за ним. В привратничкой было тепло, яркий желтоватый свет лился откуда-то из-под потолка, освещая круглый стол, заваленный воцеленными дощечками для письма, пустыми амфорами и объедками.

— Ты, что ли, условные слова сочиняешь? — осведомился Мидгар, глянув на дощечки и валявшееся тут же стило.— Кнутом тебя бить за подобные вирши.

— Вот еще,— насупился молодец,— у меня поважней дело... Мажик сон видел: белая гора, а на горе той — орел. Крылья распустил и полетел. К чему бы? Предсказателей позвали. Один говорит: «Разрушит скоро роскошь стены града». Ну, его пинком под зад и погнали. Когда это роскошь стены разрушала, выдумал тоже. Другой вещает: «На флейте, не имеющей отверстий, играть всего труднее». Совсем непонятно, тоже выгнали. А я, желая угодить, сказал: «Оборванец с гор с остриженной головой вымостит центральную улицу золотом». Выпить хотите?

Он взял со стола амфору и протянул гостям. Все приложились, только дядюшка Гнуб нос отвернул. И

правильно: вино было кислым и сильно разбавленным.

— Так ты предсказатель? — спросил Мидгар, утирая губы.

— Какое там, — махнул рукой юноша, — так, под руку подвернулся. И пинка получил: Мажик сначала посмеялся, а потом говорит: «Улицу? Золотом? Пошел вон!» Меня и отправили калитку сторожить. Сижу и голову ломаю — что за белый орел? Надумал вот, что Мажик недоимки простит и долги вернет, а как ты меня, почтенный, тряхнул, так я и понял: не отдаст он, что занимал!

— Ваш Мажик совсем из ума выжил, — сказал Лисий Хвост, — сидит на куче золота, а монеты в долг берет. Насчет сна скажу — прав был первый предсказатель: погубит роскошь ваш гадючник.

— А вот хорошо бы, — неожиданно согласился привратник, — вот пришли бы вы, дикие руги, и всех поубивали. Коней бы в фонтанах искупали, в чаши золотые нагадили... Надоели мне все, бычьи яйца им в глотку! Давай, заводи лошадей, проведу в главную залу, потешимся!

Голос у юнца ломался, и, начав сию грозную речь басом, кончил он фальцетом.

— Развоевался, — сказал Мидгар одобрительно и хлопнул молодца по плечу. — Не вся кровь прокисла у ругорумов, не вся. Звать-то тебя как?

— Дукарий Аскилта Эвмолп.

— Эка! Роскошное имя. Только мне не запомнить. Буду звать тебя Дука.

— Мне больше нравится Аскилта, — потупился юноша, — что значит — Победитель.

— Ладно, Победитель, веди нас к Мажику. Резать мы никого не собираемся, да и кони в эту калитку не пройдут, не говоря о волах. Соль рабы перетаскают, как обычно, а нам приветы передать надо, да и перекусить с дороги не мешает.

Привратник с видимым разочарованием пожал плечами.

— Идемте, только карлика с собой не берите, а то паялится станут, да еще в виварий посадят, чего доброго...

— Для тебя он не карлик, а почтенный рудознатец Гнубус из Тюирнлги, — сурово оборвал юнца Лисий Хвост.

— Да я и сам не пойду, — сказал гном, — не нравится мне запах здешних коридоров. Пригляжу, как соль таскать станут.

Он незаметно подмигнул рыцарю и вышел наружу, гордо заломив колпак.

В коридорах, по которым отправились сыновья Таркиная и Дагеклан в сопровождении юного ругорума, и вправду стоял тяжелый, спертый запах. Собственно, это были не коридоры, а улицы странного города, накрытого одной огромной крышей. Они шли между высокими стенами, украшенными фресками, то орнаментальными, то изображавшими каких-то огромных существ, видимо ямбаллахов. Фигуры были едва различимы под толстым слоем грязи, и рыцарь весьма жалел, что не может разглядеть сцены из жизни древних богов. На полу выложена была дорожка из плит известняка, окаймленная полосками синего аспиды. Стены покрывали корявые надписи, пол был усыпан всевозможным мусором.

Свет лился из широких колодцев, уходивших куда-то в необозримую высоту. Иногда стены расступались, и становились видны колоннады, пропилеи, террасы с балюстрадами, лестницы с широкими ступенями, мозаичные полы, ажурные решетки, статуи... Попадались купальни и мастерские, анфилады залов, уходящие вдаль, комнаты с фонтанами и садами... В общем, то была роскошь, достойная дворца короля, но роскошь запущенная, словно Город был давно покинут своими жителями и предан запустению. Впечатление усиливалось тем, что редкие встречные, одетые в коричневые длинные рубахи, поспешно прятались за углы и колонны — они напоминали воров, шаривших здесь в поисках поживы.

— А где публика? — осведомился Мидгар, придерживая за плечо Дукария, который едва передвигал заплетающиеся ноги. — Рабов только вижу.

— А кто где, — отвечал юноша. — У Мажика — прием, в цирке — гладиаторы, в банях — большое купание. Скучать некогда. Сюда.

Они свернули в узкий проход, поднялись по скрипучей лестнице и очутились перед маленькой дверцей. Аскилта приложил к деревянной створке ухо и прислушался.

— Самое время, — сказал он, — сейчас поминать станут.

— Кого? — не понял Мидгар.

Дука хихикнул.

В это время за дверью кто-то громко закричал:

— Я умер, умер! Скажите по сему случаю что-нибудь хорошее!

Юный ругорум толкнул дверь, и в нос гостям ударили запахи жареного мяса, благовоний и винного перегара.

* * *

Когда эта женщина смотрела в сторону, поднося тонкими пальцами к губам чашу с вином, она казалась рыцарю неестественной и даже отталкивающей. Она была матерью Мидгара, а ныне женой Мажика, престарелого повелителя ругорумов, но стан ее был гибок, кожа, смуглая и ослепительная одновременно, чиста, в движениях ее тела, в воздушной легкости обнаженных рук — во всем виделась молодость, но молодость глубоко чуждая человеческой природе, делавшая ее созданием неведомым и опасным. Лисий Хвост что-то говорил о способности матери оставаться если не юной, то свежей и привлекательной в ее сорок с лишним лет — причиной тому были чудесные мази, оставшиеся еще от ямбаллахов, но рыцаря страшило подобное насилие над природой, ибо женщине в столь почтенном возрасте подобает нянчить внуков и носить темные одежды.

Платье же Наллы сверкало и переливалось всеми цветами радуги. Широкая длинная юбка полностью скрывала ноги, зато низкое декольте столь откровенно обнажало полную грудь, что видны были ярко-алые соски, чуть прикрытые серебряными звездочками. Широкий пояс, несколько раз обернутый вокруг узкой талии, свободно спадал на пол. Глаза женщины были густо подведены, щеки нарумянены, а прическа являла собой целое сооружение из волос в виде громадного рога, загнутого вперед и раскрашенного в золотой и черный цвета.

Этот золотисто-черный рог тоже страшил Дагеклана. Но, ловя манящий взгляд Наллы, рыцарь забывал обо всем: поистине в выражении ее золотистых глаз, влажных и искрящихся, в изгибе ее загадочного рта было столько чувственности и неприкрытого властного желания, что и мертвый бы восстал из могилы. И Железная Рука улыбался и старался казаться влюбленным, ибо в этой женщине заключалось спасение для тех, кого он поклялся выволить из плена темного бога. Прямодушный кампанарий впервые пустился на хитрость в отношениях с дамой, но чем дальше, тем лукавство давалось ему все легче и легче.

— Ты настоящий герой, — говорила Налла, подливая рыцарю вина из тонкостенной амфоры, — такие жили в глубокой древности. Ты явился из прошлого, чтобы разбить мне сердце.

— Дело воина — сражаться, — отвечал Железная Рука, — дело кампанария — сражаться за справедливость.

— Сколько человек ты убил?

— В поединках? Одиннадцать.

— О! — воскликнула Налла разочарованно. — Я думала — сотню.

— Смертоубийство — не цель рыцарского поединка. Иногда довольно выбить противника из седла, чтобы он запросил пощады.

— Ты благороден, как Хруд Древний. Я тоже часто поднимаю палец, дабы помиловать поверженного гла-

диатора. Среди них так много привлекательных мужчин...

Тут она взглянула на низкорослого некрасивого Дагеклана и рассмеялась.

— Да что я говорю! Потные куски мяса, шеи у всех короткие, затылки просто бычьи... Нет, истинный герой берет не внешностью, а внутренней силой и благородством!

С этой женщиной рыцарю предстояло удалиться в опочивальню, дабы осуществить план, задуманный ее сыном.

Между тем в зале шумело и волновалось пиршество, не виданное Дагекланом даже в самых роскошных дворцах Хайбории. За время странствий рыцарю довелось угощаться во многих местах. Трапезничал он в мрачных каменных берлогах, гордо именуемых хозяевами оных «замками», где под закопченными сводами чумазы бароны и мелкие князьки вгрызались желтыми зубами в крепкие кости дичи, сыто рыгая, сплевывая и бросая объедки собакам окровавленными руками. Ужин в замке Иш у барона Эзры казался после подобных угощений верхом куртуазной изысканности. Едал Железная Рука и заливных миног, и устриц под винным соусом, и запеченную форель, и петушине гребни в маринаде, и жареных белок, и засахаренную айву, и нежнейший тайборский сыр: яства сии были тем приятнее, что вкушались в славной компании, где благородные господа и дамы, прежде чем разрезать кинжалом свиную голову, фаршированную грибами, ополаскивали пальцы в чашах, наполненных пахучими травяными настоями.

Знакома была рыцарю и восточная роскошь: столы, полные диковинных фруктов и сладостей, тонкие вина в изящных сосудах, танцующие подавальщицы в полупрозрачных накидках...

Здесь же, в парадной зале ругорумов, царило удивительное смешение тонкой изысканности и грубого варварства, изобилие самых невероятных кушаний, испол-

ненных поварами с изощренной изобретательностью, и полное презрение пирующих к еде: грех, осуждаемый на всем Гирканском материке, от Пустошей Пиктов до Кхитая, ибо пища — ценнейший дар богов, властных в любое время насладиться засуху, недород, потраву скота и иные бедствия, влекущие голод, — посему дар сей требует должного уважения и даже поклонения.

Даже самый пресыщенный восточный властитель не позволил бы гостям бросать на пол едва надкушенные яства, сочтя это за оскорбление собственной персоны. Ругорумы же именно так и поступали, и весь пол был усеян жирными объедками, коими вся беднота Тарантии могла бы кормиться дня три, а то и четыре. Никто не удосуживался подбирать остатки еды, полупьяные слуги были заняты иным делом: сачками на длинных шестах они неуклюже пытались ловить птиц, в огромном количестве летавших среди колонн под сводами залы, уснащая одежды людей и мебель обильным пометом. Казалось, пирующих последнее обстоятельство весьма забавляло.

Когда Дагеклан вслед за ругами и Аскилтой впервые вошел в залу, ему почудилось, что зловещее пожелание юного привратника сбылось, и здесь только что произошло кровавое побоище. Груды тел покрывали мозаичный пол, а многочисленные темно-красные лужи усугубляли сходство картины с бранным полем после жесточайшей битвы. Рыцарь крепко сжал рукоять меча, когда услышал стоны, несущиеся отовсюду, и приготовился достойно встретить неприятеля, учинившего столь жестокую расправу.

Однако братья, перешагивая через поверженных, спокойно направились к длинному овальному столу на возвышении в центре залы. Шагая следом, рыцарь заметил, что кроме красных луж на полу в изобилии имеются и другие: зеленоватые, желтые, розовые, малиновые, синие... Все они источали сладчайшие, дурманящие голову ароматы — Железная Рука понял, что за коварный враг поверг большинство пирующих в

столь жалкое положение, и липший раз убедился в справедливости своего зарока пить умеренно и осторожно.

Повалившиеся на пол от обильных возлияний ругорумы мало чем рисковали: все они располагались вокруг низких овальных столов на мягких ложах, так что даже падение с них не представляло серьезной угрозы. Те, кто продолжал еще наливать из роскошных чаш и поедать закуски, приветствовали вошедших пьяными криками. Иные мужи в коротких туниках и разноцветных плащах пытались вскочить на ноги, дамы призывно покачивали обнаженными грудями, и какая-то прелестница умудрилась схватить Дагеклана за ногу, когда рыцарь проходил мимо. «Руг сильнотелый, мечтой лучезарной ты снизойди, раздели со мной чашу», — услышал он жаркий шепот, деликатно высвободил меховой сапог и поспешно удалился, успев заметить, как дама ткнулась пунцовым носом в ту самую посудину, которую только что предлагала разделить с героем.

Мажик, возлежавший на украшенном гирляндами помосте в центре залы, вяло помахал вошедшим и жестом предложил устраиваться рядом. Был он невероятно толст, кислотиц и носил в седых кудрях кокетливый венчик из золотых цветов.

— Ну, явились наконец, — сказал он с сильной одышкой, — соль у нас почти кончилась... Приветствую тебя, вождь ругорумов храбрых, скорблю о кончине батюшки твоего, Великого Таркиная, блюдшего... блюю... словом, соблюдающего договоры. А это кто с тобой?

— Мой брат Ярл и чужеземец по имени Дагеклан Железная Рука, — коротко объяснил Мидгар, усаживаясь без дальнейших церемоний между Мажигом и его супругой.

— Здорова ли ты, мать? — спросил он женщину без особого интереса.

— Я всегда здорова, — отвечала Налла, тонко улыбаясь, словно поверяла известную лишь им двоим тайну. — А твой братец очень мил, скажу без ревности,

если он вышел в свою родительницу: ибо уже почти успела забыть сильнотелого Таркиная. Тебе следовало привести брата раньше, но вы, руги, так нелюдимы...

— Ты знаешь, что обычай запрещает людям нашего племени посещать Город. Таркиная делал исключение лишь для меня, ибо я знаком с вашими обычаями и всегда выполнял роль посредника. Но сегодня, когда судьба возложила на мои плечи бремя власти, я решил представить вам Ярла. Отныне он будет нашим посланником.

— Очень рада, — улыбнулась Налла, не сводя томного взгляда с насупившегося младшего сына своего бывшего мужа.

— Позволь также чужеземцу занять место подле тебя, — продолжал Лисий Хвост, — он явился из Внешнего Мира и сможет потешить хозяйку пиршества рассказами об удивительных странах, где испытал немало приключений.

— О! — воскликнула женщина. — Так Внешний Мир существует, это не сказки? Присаживайся, почтенный, я хочу тебя слушать.

И Дагеклану пришлось занимать Наллу рассказами о своих похождениях, что рыцарь на сей раз проделывал без особой охоты, памятуя о конечной цели, и не в силах до конца принять ее своим благородным сердцем.

Тем временем Мажик вдруг вспомнил, что собирався прикинуться опочившим, дабы выслушать хвалебные оды своих подданных, и тут же осерчал на Дукария Аскилту.

— Не мог их раньше привести, — просипел он, багровея, — перебил меня на самом интересном. А ну, ляг у ног моих, будешь получать затрепины, пока не помилю.

Аскилта что-то забубнил себе под нос, но покорно растянулся на шелковом ложе, подставив своему повелителю здоровую шею. Мажик несильно шлепнул юнца по загривку, хлебнул вина и вдруг закричал тонким голосом:

— Не слышали, что ли? Ваш господин умер, а вы все пьянствуете!

Слуги оставили свои сачки, подхватили стоявшие у колонн серебряные лохани и принялись поливать пирующих водой. Иным подавали круглые чаши, куда ругорумы опорожняли желудки при помощи перьевых кисточек, коими щекотали себе горло. Запах возник ужасающий, но рабы в коричневых рубахах быстро убрали чаши и принялись разбрасывать повсюду пригоршни цветов и каких-то ароматных зерен.

Из-за ближайшего стола встал, покачиваясь, пышно-телый мужчина средних лет в голубой тунике и оранжевом плаще. Он поднял дрожащей рукой кубок, утробно рыгнул и возгласил:

— Восседающий у трона богов, славься! Отец наш премудрый, мыслью резвый, телом прекрасный, пусть я золотой монеты в глаза не увижу, если ежеминутно ног под собой не чую, лицезря тебя в добром здравии...

Его, видно, слишком поздно окатили водой — речь была явно невпапад.

— Ты спятил, — возмутился Мажик, — кто так говорит о мертвых? Ты, хоть и Сервират, а дурак. Гоните его в шею!

Несколько дюжих молодцев в коричневых рубахах накинудись на несчастного и, колотя короткими дубинками без всякого почтения, вытолкали из залы.

— О повелитель, — заголосила какая-то дама, — горе нам, горе! Забери меня с собой в Небесный Ковчег, не забудь свою Юлию Илалию, цветок ночи, чьи ланита, как маков цвет, чьи уста, как лепестки розы...

— Что же это ты, негодница, себя-то прославляешь? — прервал ее толстый повелитель. — Вон!

Незадачливую Юлию вытолкали взащей столь же бесцеремонно, как и предыдущего оратора, правда, рабы лупили ее дубинками исключительно пониже спины, отчего Илалия сладострастно повизгивала.

— Увы нам, ничтожным! — наполнилась зала нестройными воплями. — О, сколь жалок человеческий удел! Был у нас господин, да нету. Вот и мы все так помрем, едва час настанет! Будем же жить хорошо, други, пока живется!

— Никто не может достойно помянуть своего господина, — одышливо застрадал Мажик, — вот и твори добро. А как помрешь...

— ...Так в яме и сгниешь, — закончила Налла неожиданно. — Какой еще Небесный Ковчег? Черви тебя сожрут, если не побрезгуют.

Дагеклан ждал вспышки гнева, но толстый повелитель ругорумов опустил набрякшие веки и лишь присипел с натугой:

— Змея... Змею пригрел на груди своей...

— На груди! Да я к твоим жирным телесам не прикоснусь под страхом смерти!

— Позволь я скажу, — прервал неожиданную перепалку Мидгар. — Если ты умер, о вождь, то хорошо сохранился. Ей же ей, нашим жрецам пришлось изрядно повозиться, чтобы Таркиной смог уйти на Ледяные Поля в достойном виде, а ты — как живой. Великое чудо.

— Да, — сказал Мажик, — хм...

Он явно не знал, как оценить слова руга.

Тут затрубили трубы, в залу вошли литаврщики, цимбалисты, дудочники, и музыка заглушила все прочие звуки, избавив толстяка от необходимости ворочать заплывшими мозгами.

К помосту приблизился тощий раб и застыл в почтительном поклоне. Поверх его коричневой рубахи повязана была голубая лента с пышным бантом, а на голове красовался желтый колпак.

— Это что? — оживился Мажик. — Разве пора? Я не звал мужеложца...

— Этот повар, — хмыкнула Налла, — ты не на ленту, а на колпак смотри. Пусть сначала блюдо свое представит, а потом и в спальню его тащить можешь.

— Фи! — скривил губы ее супруг. — Такого тощего? Я, женушка, кого поаппетитней найду да помощнее чреслами... Эй, раб, ты чьих будешь?

— Сороковой Декурии повар Стуб Худобокий.

— Тебя купили или ты родился в Городе?

— Я достался Сервирату нашей Декурии по завещанию.

— Ага! Посмотрим, чем потешит нас твой господин. Но, знаешь ли, только что от Пятой Декурии нам преподнесли свинью, напшигованную кровяными колбасами и живыми дроздами. Колбасы мы съели, а птицы до сих пор летают и гадят всем на головы. Очень весело получилось. Если ты не сумеешь переплюнуть повара из Пятой, я велю бить тебя по пяткам смоченными в уксусе розгами!

— Смею надеяться, что моя стряпня придется тебе по вкусу, господин, — отвечал тощий раб с глубоким поклоном.

— Тогда я подарю тебе мальчика и спальню где-нибудь на окраине. Тащи жратву!

Повар хлопнул в ладоши, и шестеро рабов внесли огромное блюдо. Когда его поставили на стол перед Мажиком, Дагеклан и Налла невольно прервали разговор, пораженные чудом кулинарного искусства.

Посмотреть было на что. Весь поднос занимал желтоватый пятиугольный пирог со скошенными сверху краями. Сверху красовалась гора фруктов и зелени, увенчанная откормленным павлином с распушенным хвостом.

— Блюдо сие изображает Город и его повелителя, — почтительно объяснил Стуб Худобокий, указывая на павлина.

— Похож, — хмыкнула супруга Мажика, — такой же жирный и глупый.

— Цыц, женщина, — просипел толстяк, — дай дослушать.

Рабы взяли птицу и положили ее на золотой диск, припасенный заранее. Стуб осторожно сделал надрез

поверху пирога и снял срезанную часть. Внутри диковинного кушанья обнаружились залы, лестницы и коридоры, ловко построенные из марципанов и леденцов. Повар отворил дверцу парадной залы, откуда выпорхнула белая птичка, неся в клюве хрустальное сверкающее яйцо на зеленой ленте. Поднявшись над городом-пирогом, она выпустила свою ношу — яйцо упало на миндальный купол в центре пирога, купол рухнул и выпустил стайку канареек с маленькими пирожными на голубых и розовых ленточках. Птицы устремились к столам — на каждый упало по лакомству в виде причудливого цветка.

— Ай да Худобокий! — воскликнул Мажик, хлопая в ладоши. — Потешил, потешил! От Пятой Декурии, значит, птичий помет, а от Сороковой — крем и тесто! Восхитительно! Хотя, признаюсь, помета было больше...

— Вели немедленно утопить повара, — оборвала восторги супруга Налла.

— Утопить? Это еще почему?

— Не видишь, что разрушила его птица? Святая святых, павильон с Железной Дверью!

— Ну и что? Это всего лишь миндаль, дорогая...

— Ты настолько глуп, что не понимаешь знаков! Сначала твой сон, теперь этот пирог... Вели пытать раба и дознаться, кто надоумил его выполнить столь точный план Города, включая павильон, рухнувший, когда птица выпустила хрустальное яйцо. Это симпатическая магия, не иначе... То, что таится за Железной Дверью, не должно вырваться наружу!

Мажик посопел, поковырял в носу и спросил не без ехидства:

— А что там таится, о свет моей души? Еще отцы наших отцов перестали приносить жертвы Астарату, который якобы бродит где-то за Железной Дверью... Сказки! Оттуда приходит Благотворная Сила, дарующая нам все, в чем мы нуждаемся, и, заметь, никакой Астарт ничего не требует взамен. Прошлой зимой трое

любомудров ходили за Медные Пороги, поднялись до восьмого поворота и не нашли ничего, кроме куч окаменевшего дерьма да неугасимых светильников, коих у нас и так в избытке. Что же касается сна,— он пнул прикорнувшего Аскилту,— эй, толкователь, надумал чего насчет моего давешнего видения?

Дукарий, втихую приговоривший стянутый со стола кувшинчик, замычал, закрихтел и пробормотал: «Налог на перины, ибо их пухом белым набивают, поднять стоит... Бычьи яйца вам всем...» Он икнул, опустил голову на лежбище и громко захрапел.

— Вот!— довольно потер руки Мажик.— Так и сделаю: повышу налог на перины и бычьи ядра, из коих бульоны варят. Кстати, я проголодался. Эй, повар, позволишь ли повелителю в мантии отведать кусочек повелителя в перьях?

И толстяк захохотал, сотрясаясь всем телом, очень довольный своей шуткой.

Супруга его резко поднялась, золотисто-черный рог из пышных волос угрожающе качнулся.

— Поступай как хочешь,— сказала она гневно,— смотри только, как бы Сервераты не вспомнили пророчество: «Когда жареная птица станет язвить самое себя, упадут затворы, и вострубит зверь, алчущий новой жертвы...» Как бы не вспомнили это Сервераты и не выбрали нового Мажики.

Мертвенная бледность залила прежде красное лицо толстяка. Глаза его остекленели, язык с трудом ворочался между поблескивающих желтоватых зубов.

— Змея...— просипел он,— врешь, придворные меня любят...

— Только те, кто носит голубые ленты,— отрезала Налла. И, обращаясь к Дагеклану, добавила совсем другим, полным томной неги голосом: — А тебя, герой, жду в своих покоях: там не так шумно, и ты сможешь закончить столь любезную мне повесть о рыцарских обычаях и приключениях. Рабыня позовет, когда я буду готова к приему.

Она удалилась, шурша длинной юбкой и покачивая рогом-прической.

Как только Налла скрылась за колоннами, краска вновь залила бледные щеки ее супруга. Он глотнул вина и, обретя дар речи, заговорил быстро, слегка поизвивая:

— Я не каждый день моюсь, говорят, у воды есть зубы, и она подтачивает нашу жизнь. Все мы стоим меньше мухи, да что там мухи, все мы просто мыльные пузыри... Пх-х — и нету! Я правлю Городом по соглашению Сервератов, и за все в ответе, но я еще устраиваю общественные трапезы по сотне таланов на персону. Так нет же — народ нынче такой, что на пиршествах хотят казаться львами, а как разойдутся по опочивальням — настоящие лисицы и гиены... Ничего, я прикупил землицы от Гнилой реки до Паршивой засеки, три селения имею, будет куда податься, если выгонят... В поте лица буду трудиться, а зимой вам, ругам, дань платить. Не станете обижать, а, сын Таркина?

— Не станем,— сказал Лисий Хвост.

— Все до медной монеты раздам и голым уйду,— продолжал свои сетования Мажик,— вспомнят еще, да поздно будет. Много ли, скажут, желал сей муж, кто золото горстями расшвыривал? Роскошный ковер на погребальном ложе, ничего больше. Рабы заплачут: скажут, хотел нас на волю отпустить, да не успел... И все почему? Все потому, что надутая лягушка так и норовила ему за пазуху плюнуть! Змея, а не женщина! Позабыла, что ли, кем была? Да я взял ее с улицы, когда варвары ее изгнали, а кунны хотели рабыней сделать! Ушла юницей к ругам, так нечего было возвращаться. Сватали мне Кассилию, я, простофиля, мог сто миллионов приданого взять, так нет же, сам отрубил себе ножом пальцы! И эта мошенница еще смеет...

— А ну хватит,— негромко сказал Мидгар.— Ты забываешь, что говоришь о моей матери.

— Матери, матери...— растерянно забормотал повелитель ругорумов.— Ну конечно, ты ее сын...

— Вот именно, — сказал вождь ругов. — Мы с ней хоть и давно чужие, но твои речи мне противны.

— А я сам себе противен. Вот, не согласишься ли, так иногда хочется яду выпить... Нельзя, народ не поймет. Тяжелая ноша. И все из-за чего? Боги сотворили меня мужеложцем, это правда. Так разве я виноват, что не могу по достоинству оценить прекраснейшую из женщин? А она дует, как мышь на крупу... Извини, не буду. Воистину, у Наллы государственный ум, надо все же подвергнуть повара пытке. Ты мне напомни, когда пир завершится, а то забот у меня... Но вот снова трубят трубачи и литаврички бьют в свои литавры — пришло время загадок!

Рабы втащили и поставили вдоль возвышения объемистые плетеные корзины.

— А ну, публика, — возгласил Мажик, — опорожни-те свои желудки, кои мешают вашим головам думать! Кому не помогает кисточка для щекотания нёба, пусть воспользуется гранатовыми корками и хвойными шишками в уксусе. Я пробовал, отлично прочищает. Кто хочет выиграть опочивальню с фонтаном, рабыню или золотого петуха, поющего в назначенное время?

Желающих отгадать, что находится в корзинах, оказалось достаточно, и Мажик принялся оглашать загадки. Железная Рука наблюдал за новой потехой ругорумов, пребывая в мрачной задумчивости. Он ожидал, что Налла пригласит его к себе втайне от вельможного супруга, и был весьма смущен, что дама столь открыто высказала свое желание. Правда, повелитель ругорумов признался, что спит исключительно с мужчинами, и все же рыцарь чувствовал себя не в своей тарелке, ожидая зова рабыни.

Загадки были глупыми, ставки — высокими.

— В этой корзине свинячье серебро! — выкрикивал Мажик. — Кто угадает — тому мешок рубинов и золотую гривну для супруги!

— Свинья на серебряном блюде? — радостно догадывался кто-то.

— Правильно! В следующей корзине — плод и нос. Оказалось маленькое плодоносное деревце в горшочке. Угадавший получил право совместного с Мажиком омовения в Больших Мраморных Термах.

— Снизу гадость, а сверху сладость!..

Дагеклан так и не узнал, что же скрывалось в этой корзине и кто выиграл Третий Пролет Аллеи Фонтанов: он заметил возле колонны девочку, делающую ему призывные знаки, и поспешил незаметно удалиться.

Глава пятая ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ ДВЕРЬЮ

Относительно секретного значения чисел существует множество предположений...

Паргор. «Священные исчисления»

Сад был пронизан множеством разбегавшихся во все стороны тропинок. Высоко над кронами деревьев стояло золотистое сияние, и удивительные листья всех цветов и оттенков медленно покачивались в неподвижном воздухе, наполненном тонкими ароматами цветов и зреющих фруктов.

Шагая по дорожке, усыпанной разноцветным мелким гравием, Дагеклан не переставал изумляться обилию самых экзотических растений с опущенными под тяжестью зреющих плодов ветвями. Яблоки, персики и апельсины, столь радующие глаз в садах Пуантена, казались бедными родственниками среди раскидистых мангостанов с коричнево-фиолетовыми мясистыми плодами, кисло-сладкими на вкус, произрастающими в Хайбории не севернее Пунта либо Дарфара. Гранаты, фиги, инжир, авокадо — всего здесь было в избытке. За небольшим озерцом открылись целые заросли хурмы, растения, славящегося не только вкусными плодами, но и ценнейшей эбеновой древесиной, годной для изготовления дорогой мебели и музыкальных инструментов.

Самым удивительным в этом саду было то, что деревья росли без всякой системы: кокосовые пальмы соседствовали с кустами медоносной жимолости, побеги винограда оплетали стволы кизиловых деревьев, а гибкие лианы актинидий — яблони и груши. Лишь одно объединяло растения: все они были плодоносны и одаривали ругорумов вечным неиссякаемым урожаем.

О сем обстоятельстве поведал рыцарю сам Мажик, шагавший рядом с таким видом, словно вывел своего гостя на приятнейшую прогулку. Толстяк был облачен в парадную тунику, вышитую по краям замысловатым узором, крапцовый плащ и сандалии с ремнями до колен. На седых кудряшках криво сидел золотой венец.

— Плоды, употребляемые в пищу, — говорил Мажик, тяжело отдуваясь, — уродуют деревья... Ветки часто ломаются. По мне, так лучше бы они зрели в почве, как земляные груши или свекла. Но погляди, друг мой, на эти цветы: вот они-то истинная отрада глаза и елей сердца. Нарциссы... Сейчас, когда за стенами Города свирепствует зима, их нежные лепестки напоминают о наступлении весны. Есть у меня один вольноотпущенник, так он умеет... Уф, придержи шаг, друг мой... Так он умеет составлять такие букеты, что можно от завтрака до обеда смотреть на них и наслаждаться. Ветка абрикоса, покрытая лишайником, листья папоротника, мясистый цитрон и двух сортов камелия в голубой вазе... Либо ирис и болотные ноготки в сосуде янтарного цвета... плоды лотоса и цветы петушиного гребешка в прямоугольных горшочках, покрытых глазурью... георгины и мимоза, чьи желтые соцветия словно светятся лучами летнего солнца... Заметь, ни одно из этих растений не употребляется в пищу, разве что как ароматные добавки в некоторые напитки, но сколь приятней они для созерцания, чем пористые, как щеки нарумяненной старухи, апельсины, либо кокосовые орехи, покрытые волосом, словно пауки...

Дорожку впереди неторопливо перешел павлин. Удивленно глянул на рыцаря в теплой меховой одежде,

шагавшего с тяжелым двуручным мечом на плече, и скрылся в зарослях рододендрона.

— А вот птицы — другое дело, — глубокомысленно изрек Мажик, — они и глазу приятны, и желудку. Здесь их много: куриное племя только из ста восьмидесяти пород, а есть еще утки и лебеди, что гнездятся в водоемах, фазаны, жаворонки с нежнейшими языками и еще такие маленькие птички уй — мяса на глоток, зато какого мяса!

— На твоём пиршестве подавали еще свинину и вареную говядину, — решил поддержать разговор кампанарий.

Почему бы и нет? Дагеклан никак не мог заставить себя усматривать в потном толстяке, рассуждающем об искусстве составления букетов, грозного судью, обрекшего его, возможно, на мучительную гибель. В конце концов, рыцарь сам добивался этого приговора — и преуспел.

— Кабаны и тельцы со своими пышнотелыми подружками обитают по другую сторону Медного Павильона, — охотно объяснил повелитель ругорумов, — там, где много сочных трав, клевера и папоротника.

— Стада должны быть огромны, чтобы население такого большого города могло кормиться всю зиму.

— Вот! — воскликнул Мажик, многозначительно подняв палец, похожий на зингарскую колбаску. — Тайна сия велика! Дело в том, что сколько бы мы ни потребляли мяса, дичи либо плодов древесных, меньше их не становится. Наши любомудры давно бьются над этой проблемой: от безделья, конечно. По мне, так никакой проблемы нет, всякий знает, что причиной тому Благотворная Сила, приходящая из Медного Павильона, а Силу ту оставили ямбаллахи. Она и свет нам дает, и тепло, и пищу. А вздумает кто покуситься на ругорумов — у нас и оружие найдется весьма сокрушительное...

При этих словах толстяк покосился через плечо на сыновей Таркиная, шедших в отдалении среди толпы

ругорумов. Никто и не подумал разоружить братьев: у обоих на поясе висели по ножу и кривому мечу, за спиной Ярла прилажен был семизарядный арбалет Конна. Очевидно, ругорумы и впрямь всецело полагались на свое оружие, из коего рыцарь пока видел лишь металлические трубки-самострелы. Действовали они весьма впечатляюще: дабы продемонстрировать их убойную силу, Мажик приказал одному из стражников пристрелить косулю — с расстояния, на которое не способна была ударить и аркбалиста. Стражник поднял трубку к плечу, дернул за выступавший снизу крючок — раздался оглушительный звук, словно лопнул барабан, и несчастное животное рухнуло, как подкошенное. Когда слуги принесли косулю, в шее ее обнаружился небольшой, в палец длиной, металлический стержень с заостренным концом.

Так что Мажик ничем не рисковал, идя рядом с осужденным, но отнюдь не безоружным рыцарем: вздумай Дагеклан хотя бы немного приподнять меч, и один из шести стражников, топавших шагах в десяти сзади, не колеблясь дернул бы крючок на своей трубке.

При всех этих обстоятельствах утверждение Мидгара о том, что изнеженные отступники не представляют серьезного препятствия для достижения ругами своих целей, кампанарий вынужден был оставить на совести Лисьего Хвоста. Рыцарь не сомневался, что в распоряжении ругорумов имелось и кое-что посерьезней трубок-самострелов.

Шагая по дорожкам удивительного сада, Дагеклан размышлял, правильно ли он поступил, согласившись помочь братьям проникнуть за Железные Двери. Мидгар был прав, говоря о том, что цели их совпадают: если они найдут летучие корабли ямбаллахов, способные перенести туда, куда направит их полет ящерка-дух, хоронившийся сейчас в кожаной сумке старшего сына Таркиная между мечом и плетью небожителей, Железная Рука сможет прийти на помощь своему королю. Однако рыцарь сильно сомневался, что братья

затеяли это опасное предприятие лишь для того, чтобы спасти Конна и Эльтиру, захваченных темным божеством. У них были свои цели, и рыцарь подозревал, что связаны они с наступлением *времени*... Где-то там, в глубине таинственного лабиринта, начинавшегося за Медными Порогами, таился источник древней Силы, и, овладев им, руги могли легко покорить всю страну Огнедышащих Гор, расправившись и с жителями Города, и со своими вечными соперниками куннами... Но в том ли заключаются их планы? Летучие челны (а это были именно челны, а не осколки рухнувшего некогда с небес корабля — так утверждал Мидгар) способны перенести ругов, куда они пожелают, в любую страну хайборийского мира...

Дагеклан содрогнулся, представив зеленый луч, бьющий из поднебесья по стенам Тарантии. Грохот рушащихся зданий, вопли погибающих, тщетные попытки отбить нападение из неуклюжих и маломощных металлических машин...

Вся сила, вся магия небожителей окажется в руках Мидгара и его соплеменников, безжалостных варваров, способных бросить цивилизованный мир к своим ногам. Пожалуй, лишь чародейские ордена, хранившие тайные знания Ахерона и еще более древних держав, могли бы противостоять подобному нападению, но король Конан давно разгромил эти зловещие сообщества колдунов. Ныне сии великие деяния могли обернуться против тех, кого киммериец стремился обезопасить от Сил Тьмы. Ибо с колдунами при определенных обстоятельствах можно было бы договориться, руги же, верные пророчествам, о коих постоянно упоминал Лисий Хвост, вырвутся в мир подобно неудержимому, все разрушающему вихрю...

Дагеклан крепче сжимал рукоять меча и клялся себе самыми страшными клятвами, что скорее погибнет, чем допустит подобное. Пусть братья доведут его до летучих челнов, а там посмотрим. Мидгару еще предстояло вернуть силу мечу Ареса, плетью ямбаллахов,

как понял Железная Рука, не годилась для ближнего боя, а мечей и ножей ругов рыцарь не боялся.

Долг кампанария — спасти попавших в беду, и долг сей возрастал во сто крат, если опасность грозила королю, назвавшему рыцаря первым среди своих дружинников. Ради исполнения этого долга Железная Рука готов был рискнуть судьбами мира, ради спасения государя он совершил и гораздо худший проступок — обманул даму. Ну, если и не обманул, то ввел в заблуждение, отвечая за пиршественным столом на томно-призывные взгляды Наллы...

Рыцарь вспомнил соблазнительное видение, представшее его взору среди курящегося ароматного дыма в опочивальне, куда привела его девочка-рабыня. Что ж, мази ямбаллахов действовали отлично не только на лицо и руки Наллы — ее гибкое тело на черных простынях дышало свежестью и очарованием молодости. Тонкий палец манил его, золотистые глаза сияли в полумраке, суля наслаждение, вихрь наслаждения... Он чувствовал себя глупо, стоя посреди этой обители любви в меховой куртке и сапогах, и, дабы поскорее исполнить тягостный замысел, заговорил, волнуясь и запинаясь. Он сказал, что она прекрасна, и сотни рыцарей сочли бы за счастье, назвав ее дамой сердца, преломить свои копья в ее честь с сотней других рыцарей... Еще он сказал, что связан обетом целомудрия, ибо таков обычай кампанария, отправившегося в дальние страны, и не может дать ей то, что она заслуживает. В первом случае он говорил вполне искренне, во втором — скрепя сердце лукавил, ибо обет целомудрия давали лишь кампанарии, носившие на груди ладанку или платок возлюбленной, а возлюбленной у Дагеклана не было.

Налла тихо посмеивалась и все манила его тонким пальцем — темно-синяя краска поблескивала на длинном, чуть загнутом ногте, — посмеивалась и манила, словно не слыша, не понимая его слов. А когда поняла, села на черных простынях, прекрасная, как древняя статуя, свирепая, как дикая кошка, и стала выкрики-

вать слова обиды и ярости, желая уязвить побольнее: дохляк, коротконосый урод, кролик, сопливый мальчишка... Потом, захохотав, указала на меч, который он положил на эбеновый столик, войдя в опочивальню, и воскликнула: «Вот все большое и твердое, что ты имеешь! Убирайся с глаз моих, скопец!»

Рыцарь поклонился и, подхватив оружие, вернулся в залу, где кувыркались теперь между столов акробаты и какой-то голый человек ходил по канату, натянутому высоко между колонн. Раб в длинной коричневой рубашке омывал ноги Мажика в серебряном тазу, толстяк кряхтел и поеживался.

— Какие средства от ножных мозолей используют в ваших краях? — спросил он, когда рыцарь уселся на свое место.

План Мидгара сработал как нельзя лучше. Налла вскоре явилась разъяренной фурией и объявила во всеуслышание, что чужеземец, приглашенный в ее покои для рассказов о неведомых странах, коварно и низко покусился на ее женскую честь и достоинство. Мажика пришлось окатить водой, прежде чем он понял, о чем идет речь. Мокрый и все еще пьяный, он склонился к плечу Дагеклана и, сально поблескивая заплывшими глазками, шепнул: «Слаб супротив женушки оказался, а, друг любезный? То-то... Надо было меня предупредить, я бы на охоту уехал... Или в термы пошел, пока суть да дело. Глядишь, вы бы и сладили. А теперь придется тебя судить».

Суд состоялся скорый и нелепый, ибо судейщики были весьма пьяны и плохо понимали суть дела, а подсудимый сам желал сурового приговора.

Ругорумы казнили смертью только рабов. Рыцарь таковым не был, посему его надлежало отправить за Железную Дверь, откуда никто из сосланных еще не возвращался. Дверь могли открыть лишь два любомудра, знавших нужное заклинание, а противоположный выход (если он вообще имелся) стерег чудовищный Астарт. Считалось, что осужденный теоретически спо-

собен избежать его клыков, посему приговор не считался смертным, а именовался «ссылкой за Медные Пороги».

Ради этого приговора и вовлек Мидгар рыцаря в малопочтенную игру, вовлек, хорошо зная нрав своей матери.

Правда, Налла чуть было не расстроила планы ругов, заявив, что желает обратить дерзкого чужеземца в своего невольника, дабы научить его вежливости с помощью розог, смоченных в уксусе. Но тут Сервераты, слегка протрезвевшие после душа, устроенного прислужниками, в один голос заявили, что сие решение будет противоречить шестому параграфу статьи тридцать четвертой Уложения о наказаниях. Ссылки Наллы на грозные предзнаменования не помогли, а Мажик, очень довольный, что может насолить супруге, объявил, что посылает Дагеклана за Железную Дверь с оружием, дабы сей доблестный муж мог сразиться с чудовищным Астерием и навсегда избавить жителей Города от таившейся за Медными Порогами опасности.

— Если ты одолеешь чудовище, — сказал повелитель ругорумов, — я дарю тебе свободу, шесть тысяч таланов золотом, восемь наложниц и опочивальню рядом с главным фонтаном.

Он победно глянул на жену и добавил:

— И право посещать женские бани, если захочешь.

Приговор был воспринят пирующими как новое развлечение: многие отправились вслед за подконвойным рыцарем в Изобильные Сады, посреди коих высился Медный Павильон.

Собственно, круглое небольшое строение, к которому вывели наконец усыпанные разноцветным гравием дорожки, только называлось медным. На самом деле стены павильона были сделаны из неведомого серебряного металла, гладкого и скользкого на ощупь. В строении имелась небольшая двустворчатая дверь, и впрямь железная, покрытая зеленоватыми пятнами. Павильон стоял на круглом каменном основании, словно крыш-

ка огромной супницы. По камню бежали три желтоватых поребрика, выступавших над основанием на несколько пядей и именовавшихся Медными Порогами.

Возле Железных Дверей, заломив колпак и поглаживая бороду, стоял дядюшка Гнуб.

Завидев гнома, Мажик открыл и снова закрыл рот.

— Это мой слуга, — сказал Дагеклан, — дозволю ему идти со мной.

— Пускай, — сказал толстяк, немного подумав. — Бросишь его Астарту, глядишь, чудище и подавится бородой карлика. Признаюсь, друг мой, мне будет жаль, если тебя съедят.

Тем временем подошли стражники, сыновья Таркина и прочая толпа, желавшая взглянуть на открытие таинственных дверей. Многие принесли с собой амфоры с вином и корзины с закусками, расположились на траве и приготовились к интересному зрелищу. Среди ругорумов Дагеклан заметил юного Аскилту, чудесным образом протрезвевшего и весьма сердитого. Рядом стояла Налла, что-то выговаривая юноше.

— Где любомудры? — спросил Мажик, обращаясь неизвестно к кому. — Где эти бездельники Магаджарий и Агаджарий?

Любомудры явились на зов повелителя из ближайших кустов боярышника. Магаджарий был высок и мосласт, носил роскошную бороду, волосы до плеч и был облачен в расшитую золотыми иероглифами тогу и серебряные сандалии с агатовыми пряжками. Под мышкой мудрец держал объемистую книгу в сафьяновом переплете.

Агаджарий носил лишь набедренную повязку, а на бритой его голове, от уха до уха и от носа до макушки, начертан был оранжевый крест.

— Открывайте дверь, — распорядился Мажик без лишних объяснений.

— Слово твое закон для нас, повелитель, — с поклоном отвечал Магаджарий, — но я произнесу свою часть заклинания лишь в том случае, если этот свечной ог-

рызок, этот шакалий помет, этот мешок сорной пшеницы признает верность моего пророчества о том, что роскошь погубит Город.

— А я, — заявил его лысый собрат, — скажу свое слово, когда этот стручок в золотой обертке согласится, что труднее всего играть на флейте, не имеющей отверстий.

— Идиоты, — сказал Мажик. — Вы уже получили тумаки за свои глупости.

— Удел мудреца быть гонимым, — важно молвил Магаджарий.

— Истинно просветленный более всего сходен с глупцом, — внес вою лепту Агаджарий, делая животом такие движения, словно проглотил живого удава.

— Я разрешу ваш спор, — хмыкнул повелитель ругорумов. — Эй, оболтус, а ну подойди сюда.

Юный Аскилта приблизился, и Мажик возложил руку на плечо юноши.

— Я принял его совет, — объявил повелитель ругорумов, — и повысил налоги на пух, перья, а также бычьи ядра. Весьма практичное толкование моего сна и гораздо более мудрое, чем ваша заумь. Немедленно открывайте дверь, иначе я назначу Дукария Аскилту Эвмолпа Верховным Мудрецом...

— Мы согласны! — хором воскликнули любомудры и принялись бормотать заклинания.

Железные створки с ужасным скрипом поползли в стороны.

Как только они разошлись достаточно, чтобы пропустить внутрь любого, кто рискнул бы туда войти, Мидгар и Ярл выступили вперед и, обнажив мечи, встали рядом с Дагекланом и гномом.

— Это куда? — спросил Мажик довольно глупо. — Зачем это?

— Воин сей — наш побратим, — отвечал Лисий Хвост, указывая на рыцаря. — Мы пойдем вместе.

— Не бывать этому! — отчаянно закричала Налла. — Стража, убейте их!

Конвойщики неуверенно подняли самострелы, поглядывая на своего повелителя. Толстая физиономия Мажика побагровела. Он силился что-то сказать, но только махнул рукой.

Стражники прицелились и дернули крючки на своих трубках.

В трубках зашипело, из отверстий над спусковыми крючками ударила черная пыль, засыпавшая лица стрелявших. Шестеро ругорумов бросили самострелы и принялись отчаянно тереть глаза.

— Закрывайте двери! — вопила Налла.

Магаджарий и Агаджарий снова забормотали, и створки начали медленно сходиться.

— Вперед! — скомандовал Мидгар.

Дядюшка Гнуб и Дагеклан успели проскользнуть в Железную Дверь, но щель теперь стала слишком узкой, чтобы пропустить ругов. Створки почти сомкнулись.

— Надоело все, — сказал вдруг юный Аскилта сочным басом, — уйду я...

Он страхнул руку Мажика со своего плеча и шагнул к мудрецам. Схватив любомудров за шеи, юнец столкнул их лбами — звук вышел сухой и звонкий. Оставив обмякшие тела, Аскилта просунул пальцы в щель, поднатужился и развел железные створки.

— Долго не удержу, — пробасил он, — ныряй, кто хочет!

Мидгар и Ярл не заставили себя упрашивать, быстро протиснувшись под руками молодца внутрь павильона.

— Предатели! — просипел Мажик. — Верни их, Дукарий, я тебя Главным Сервератом сделаю!

— Еще ленточку мне голубую посули, — пробурчал Аскилта, — бычки яйца тебе в глотку!

С этими словами он шагнул за Медные Пороги, отпустив створки.

Железная Дверь с грохотом захлопнулась.

* * *

— Трубки их самострельные наполнены газом, именуемым рудным или же болотным, ибо вещество сие бесцветное таится в горных выработках и под кочками трясин. Сам по себе газ не опасен. В нем обитает главенствующий дух, способный породить уголь, графит и алмазы, а также четыре мелкие сущности, рождающие воду. Но если газ сей скопится во множестве в закрытом месте, например, в шахте, и туда попадет воздух, произойдет взрыв, способный вызвать жуткие разрушения. Мы, рудознатцы, давно с ним знакомы и научились обезвреживать его силу...

Дядюшка Гнуб важно объяснял все это, шагая по металлической лестнице, убегавшей куда-то в таинственную высоту. Похожие на шляпки грибов плафоны на длинных стержнях озаряли ступени и поднимавшихся по ним людей белым неживым светом.

— А что за черная дрянь ударила в лица стрелявшим? — спросил Мидгар.

— Сажа, уважаемый руг, обыкновенная сажа. Крючки, за которые дергали стражники, открывает воздуху доступ внутрь трубок, газ взрывается и выталкивает заостренные стержни, которые поражают цель. Сие весьма необычно, ибо количество взрывчатого вещества в трубке слишком мало. Там было кое-что добавлено, но я не смог понять, магическое ли зелье, или неизвестный мне минерал. Как бы то ни было, мне удалось подобрать нужный заговор и заставить газ гореть, а не взрываться. А при горении что образуется? Сажа!

— Ты снова уберег нас от гибели, как в тот раз, когда Опас хотел напшиговать мою дружину кремнем, — сказал Лисий Хвост с уважением. — Мыслью, нет такого камня или вещества в этом мире, кои были бы тебе неведомы.

— Спасибо на добром слове, — откликнулся польщенный гном, — но у нас в Тюирнлги говорят: «И мастер нет-нет да бьет себя молотком по пальцам». Увы, я так и не смог понять, что это за сплав, из коего сделаны само-

стрелы ругорумов. Стержни летят так далеко, что сила, их выталкивающая, должна непременно разрывать трубки. Но этого не происходит...

— Могу подсказать название металла, не более. Это архелак, из него сделан купол, в который мы недавно вошли, эта лестница и, насколько я знаю, летающие челны ямбаллахов. Тайну сплава никто так и не смог разузнать, хотя ругорумы не больно-то и старались. А ведь сумеи кто выковать из него меч, и клинок служил бы вечно... Любомудры же здешние заняты пустыми рассуждениями о природе Благотворной Силы. Одни утверждают, что она порождена дыханием Ареса, другие разглагольствуют о неслышимой человеческому уху музыке, издаваемой трущимися поверхностями куполов небесных, находятся и такие, кто приписывает происхождение Силы Астарту, стерегущему верхние этажи...

— Неумеренное питье порождает праздное пустословие, — солидно кивнул гном. — У нас в Тюирнлги говорят: «Кто заглядывает на дно кружки, обретает веселье, кто заглядывает второй раз — обретает силу, но тот, кто видит дно по нескольку раз на день, забывает разницу между белым агатом и черным гагатом». А ругорумы готовы забыть обо всем, поднеси им лишнюю чарку. Я вот захватил меха с брагой, да и отправился бродить по Городу. Много чего увидел, много о чем мне поведали. С рабами выпивал, с банщиками, с начальником арсенала... Он и показал трубки эти громобойные. В них, говорит, змейки красноглазые обитают, они и плюются стерженьками, когда им крючок в задницу втыкается. Это у тебя, говорю, в голове змейки ползают после моей браги. Он — обижаться, я — подливать. Ругорумы, заметил, все пьют охотно, им что тонкие вины, что напиток, до костей продирающий, все едино, лишь бы побольше. Арсенальщик так напился, что и трубку показал, и подержать дал, и понюхать... Эге, смекаю, да ведь там рудный газ, старый знакомый...

Болтовня гнома как нельзя кстати скрашивала бесконечное восхождение. Дядюшка Гнуб хоть и шагал прямо и утверждал, что слово нужное знает, все же браги ему, разведчику, выпить пришлось немало, и это развязало рудознатцу язычок. Поведав о веществе, начинавшем самострелы ругорумов, он вернулся к черным гагатам, заметив, что, в сущности, это всего лишь бурый уголь, в который превращаются хвойные стволы, достаточно долго пролежав в земных толщах, но, если камень хорошенько отшлифовать, он станет блестящим, красивым и годным для разных поделок, особенно для траурных украшений. Агаты же суть разновидность халцедона или полупрозрачного кварца, и, хоть и бывают не только белого, но и радужного, облачного и яшмового цветов, ювелирные изделия из этого камня лучше все же подкрашивать...

Рудознавец все говорил, а лестница все не кончалась. Она вилась спиралью в полумраке, озаряемом лишь круглыми плафонами, и непонятно было, то ли ступени поднимаются внутри огромной башни, стен коей не видно, то ли просто в пустоте, готовой открыться внизу звездным небом. Дагеклан вспомнил подпол в Доме локапал, где сияли ночные светила, и сходное чувство опасливого восхищения перед неведомым овладело рыцарем. Он ожидал, что путь за Железной Дверью будет лежать вниз, в подвалы Города — размеры Медного Павильона не оставляли сомнений на этот счет, — но древним строителям, как видно, дела не было до расхожих людских представлений: они проложили путь наверх, возможно, прямым в свою небесную обитель.

Оказавшись за Железной Дверью, руги не без труда отыскивали вход на лестницу, таившийся за грудойхлама, коим был завален павильон изнутри. На полу темнели кучи окаменевших испражнений, осколки амфор, разбитые письменные дощечки, обломки мебели. Несколько столов уцелели — они были завалены объедками вперемешку со свечными огарками и измеритель-

ными приборами. Вдоль стен стояло множество статуй с отбитыми руками и головами.

— Любопытны тут бывают,— пояснил Аскилта сей разгром.— Исследуют... Говорят, даже наверх иногда поднимаются, до восьмого поворота. А потом споры ведут, вино хлещут и мебель ломают.

Оставив юного Дукария стеречь дверь на тот случай, если очнувшиеся Магаджар и Агаджар снова попробуют ее открыть, и условившись, что позовут его, когда поднимутся наверх, сыновья Таркиная, дядюшка Гнуб и рыцарь стали взбираться по гулким ступеням. Никто не ожидал, что восхождение окажется столь длительным: давно миновали восьмой поворот, а лестница все не кончалась...

— Ты бывал здесь? — спросил Железная Рука Мидгара, воспользовавшись тем, что гном прервал свою повесть о свойствах камней и принялся бормотать «отрезвляющий заговор».

— Нет,— отвечал Лисий Хвост вполголоса,— но знаю, что лестница ведет на верхние этажи Города. Их невозможно достичь иным путем.

— Там — летающие челны ямбаллахов?

— Дойдем — увидим.

И они дошли. Во всяком случае, лестница кончилась.

Не было ни двери, ни ворот, преграждавших вход на верхние этажи. Люди и гном оказались в начале длинного зала, стены которого были сложены из узких, в локоть длиной разноцветных камней, составлявших причудливую мозаику. Красная дорожка вела посредине зала. Справа и слева ее ограничивали широкие проемы, из которых поднимался зеленоватый пар.

За проемами, молча глядя на пришельцев, плотными рядами стояли ямбаллахи.

То, что это небожители, Дагеклан понял сразу. Зеленоватая дымка делала неясными их фигуры, и все же можно было разглядеть высокие, прекрасно сложенные тела и строгие лица с миндалевидными черными гла-

зами. Прямые носы начинались выше линии бровей, высокие лбы прорезали глубокие морщины, а уши были вытянутыми и слегка заостренными.

Здесь были сотни, многие сотни небожителей.

— Вы утверждали, что ямбаллахи давно покинули страну Огнедышащих Гор,— сказал рыцарь, опуская меч, который нес на плече.— Но я их вижу.

— Это Зал Безмолвно Глядящих,— сказал Ярл,— мать говорила о нем. Ямбаллахи ушли, но оставили свои подобию. Не знаю зачем.

— Значит, это призраки?

— Не знаю,— повторил Ярл.— Большая Мартога говорит, что с ними можно вести беседы. Но помешать нам они не смогут.

— Чего не скажешь о войне, который шагает навстречу,— заметил Дагеклан спокойно.— Мыслью, сей рыцарь отнюдь не бесплотен.

Грохот и металлический лязг явились отличным подтверждением его словам. По красной дорожке шагал некто, облаченный с ног до головы в сияющую броню. Был он на три локтя выше Железной Руки, передвигался неуклюже, но поступь его сотрясала стены зала. Доспехи воина были гладкими, без украшений, только на глухом круглом шлеме сверху шел поперек головы черный гребень. Вместо забрала виднелись две впадины, матовые, как глаза статуи.

— Похож на слепца,— пробормотал Дагеклан,— но меч держит весьма уверенно.

Свое оружие воин нес в вытянутых руках, словно древко знамени.

Приблизившись, он застыл шагах в десяти, поднял и снова опустил меч, под шлемом его что-то громынуло, и раздался голос, похожий разом и на птичий клекот, и на шипение змеи:

— Ктоизвс-с... Вс-ступ-пит-т... Сомнойв-в... Поединок-к?

— Предлагает сразиться,— уверенно определил Дагеклан.— Что ж, я готов.

— Почему ты? — запротестовал Мидгар, обнажая свой кривой меч. — Нападем на него разом...

— Нет, — отрезал рыцарь, — это будет не по правилам. Он сказал — поединок.

— Сейчас не время говорить о правилах чести. Если его доспехи их архелака, ты не сможешь их даже поцарапать.

— И все же я попробую, — сказал Дагеклан, делая несколько шагов по направлению к огромному воину.

Он назвал и отсалютовал мечом, ожидая ответного жеста вежливости. Однако воин тут же поднял свое оружие и тяжело пошел на рыцаря, лязгая и громяхая броней. Огромный клинок со свистом рассек воздух, но Железная Рука легко уклонился, в свою очередь нанеся удар. Лезвие его меча задело грудь противника, не оставив на броне ни малейшего следа.

— Это архелака! — крикнул Мидгар. — Ты не сможешь его одолеть!

Но маленький рыцарь не думал уступать своему огромному противнику. Он кружил вокруг, то ныряя под руку, то отскакивая в сторону — клинок великана лишь попусту рассекал воздух да выбивал снопы искр из красных плит под ногами.

Вскоре стало ясно, что схватка может продолжаться до бесконечности: воин был слишком неуклюж, чтобы поразить Дагеклана, а меч рыцаря не мог причинить ни малейшего вреда закованному в чудесную броню противнику.

— Что-то тут не так, — бормотал гном, теребя бороду, — этот дылда словно не дерется, а танцует.

— Одолеть его мы не можем, — проворчал Мидгар, — и пройти — тоже... О гром в облаках, он действительно после каждых трех взмахов мечом дважды бьет ногой в пол!

— Три и два, — заговорил вдруг Ярл изменившимся ясным голосом, — союз четного и нечетного чисел. В сумме они дают пентаду, ключевыми словами коей являются «бессмертие», «сердечность» и «примирение»...

Лисий Хвост недоуменно уставился на брата.

— Многому научила тебя Большая Мать, — сказал он, — но слова твои мне не понятны. Что-то не похоже, чтобы этот громила жаждал примирения.

— Пентада также символизирует пятый элемент, эфир, свободный от влияния четырех нижних элементов, — продолжал Ярл, уставившись перед собой невидящим взглядом. — Она называется равновесием, потому что разделяет Совершенное Число на две равные части... Представляет все высшие и низшие существа... понимается как Верховный Жрец Вселенских Мистерий... Что же существенно? Будучи умножена сама на себя, она возвращается к себе в виде окончательной формы. Будучи умножена сама на себя... Вот оно!

— Ты нашел решение? — тревожно спросил Лисий Хвост. — Голос у тебя, брат, совсем чужим стал...

— Месьор Дагеклан, будьте любезны прервать поединок и подойти к нам! — крикнул Ярл, не обращая внимания на слова Мидгара.

Рыцарь, утомленный бесплодным единоборством, отступил, и его противник сразу же опустил меч.

— Нас только четверо, — сказал Ярл досадливо, — где юноша?

— Здесь я, — раздался сзади ломающийся басок, — сижу там, а вы все не зовете... Завалил дверь статуями — и наверх. Ну и лестница...

— Пусть все вытянут вперед правую руку с открытой ладонью, — нетерпеливо прервал Аскилту младший сын Таркина. — Страж должен видеть пять пальцев каждого из нас.

— А может его — дубиной? — Юнец грозно помахал отломанной витой ножкой, которую сжимал в руке.

— Делай, как он говорит, — рявкнул Мидгар, — а то я тебя самого — дубиной!

Выстроившись в ряд, люди и гном протянули вперед руки с раскрытыми пальцами.

Огромный меч с лязгом упал на красные плиты. Броня на груди воина разошлась, словно открылись

двери потайного шкафчика. Внутри неясно темнел пятиугольник в форме звезды.

— Я сделал это! — воскликнул Ярл. — Теперь пусть каждый подойдет к стражу и приложит ладонь к вершинам пентады.

Все молча повиновались. Гнома пришлось приподнять, чтобы он смог дотронуться своей маленькой ладошкой до фигуры в углублении на груди воина. Как только дядюшка Гнуб последним коснулся одного из лучей, пятиконечная звезда вспыхнула ярким зеленым светом. Страж шагнул в сторону и, указывая рукой вперед, прокрипел: «Пут-ть с-свободен-н!»

После чего застыл, превратившись в безмолвную статую.

Люди и гном двинулись по красной дорожке, стараясь не оглядываться. Только Аскилта бросил через плечо взгляд на застывшего воина и пожал плечами.

— Стоило ли мечом махать, — сказал он презрительно, — чтобы потом истуканом обернуться.

— Думаю, он и был всего лишь бездушной куклой, — заметил Дагеклан. — Слышал я, что один шемитский мудрец вылепил себе глиняного слугу и сумел его оживить при помощи магического свитка. Так почему бы небожителям, сила коих несравненно могущественней, не проделать нечто подобное с железным болваном?

Рыцарь досадовал, что ему пришлось драться с хладным куском металла, и не желал удостоить своего недавнего противника даже взглядом — покидая зал, он так и не обернулся. А посему не мог видеть, как таят, растворяясь в воздухе, огромные фигуры ямбаллахов.

Глава шестая ПРОПАСТЬ И МОСТ

...Но тот, кому ведомы тайны счислений, способен одолеть любые преграды.

Паргор. «Священные счисления»

Вот тебе и «путь свободен»! Наврал, истукан железный.

Они стояли на краю пропасти, из глубин которой медленно и неохотно поднимались клубы серых облаков, словно внизу некий гигант лениво пыхал курительной трубкой. Противоположный край бездны терялся в мутной дымке, и по поводу его существования высказано было несколько предположений. Аскилта, назвавший железного стража обманщиком, склонялся к тому, что пропасть сия — край земли, и дальше ровно ничего нет, кроме ледяных торосов на дне.

— Не зря мудрецы, как видно, уподобляют наш мир куску пирога, некогда плававшему посреди моря, — заключил юнец, заглянув в пропасть. — Сейчас море замерзло, потому земля стоит прочно, и ее не качает, как раньше.

— Ваши мудрецы думают желудками, а не головами, — проворчал гном. — Судя по кучам, оставленным в Медном Павильоне. Всем известно, юноша, что земля по форме напоминает суповую миску, иначе вся вода

давно бы стекла в пустоту, и наступила великая засуха. Мы же двигались по плоской равнине, отнюдь не поднимаясь вверх. Следовательно, пропасть сия не может быть краем мира.

Дядюшка Гнуб был, как всегда, прав: красная дорога, не кончавшаяся за стенами зала, вынудила путников долго шагать по совершенно ровной туманной местности. Изредка по сторонам проплывали темные силуэты, похожие на гигантские статуи и полуразрушенные здания, но Мидгар решил не отклоняться в сторону, и все с ним молча согласились. Только рыцарь спросил, куда же делись Верхние Этажи, на что Лисий Хвост только пожал плечами.

— Позволь не согласиться с тобой, почтенный рудознатец, — откликнулся Железная Рука на слова гнома. — Наши ученые мужи утверждают, что земля действительно может быть уподоблена суповой миске, но только перевернутой, ибо корабли, плывущие по морю, достигнув окоема, словно бы опускаются под воду, однако же на самом деле не тонут. Это говорит о том, что мир наш имеет форму купола, а по поводу того, на чем он держится, существуют разные мнения. Вендийцы, например, говорят о трех слонах и...

— Извини, Дак, должен тебя прервать, — сказал Мидгар. — У нас нет времени на подобные споры. Мы не на краю мира, а как раз в его центре. За этой пропастью должна находиться гора Меру, подпирающая небо, а провал у нас под ногами ведет в Нижний Мир. Не думаю, что после того, как Ярл разгадал тайну железного стража и тот дозволил нам миновать зал Безмолвно Глядящих, путь наш окончится столь бесцельно. О сем говорит и архелаковый диск у обрыва. Он поможет нам переправиться на ту сторону.

В самом деле, возле последней плиты красной дороги, чуть нависавшей над пропастью, без всякой видимой опоры висел блестящий круг не более трех локтей шириной. От края плиты его отделяло лишь несколько

пядей, диск казался весьма прочным, но под ним зияла пустота...

— Что скажешь, брат?

Ярл не ответил. Веки его были полуопущены, руки безвольно висели вдоль тела. Всю дорогу по туманной равнине он прошагал молча, не глядя по сторонам, временами горбясь так, что тяжелый арбалет Конна, висевший за спиной, начинал бить его по ногам. В конце концов Лисий Хвост приказал Аскилте забрать оружие, чему юноша весьма обрадовался.

— Дорого приходится платить за ведовство, — покачал головой Мидгар. — Ничего, на склонах горы Меру зреют плоды, восстанавливающие силы... Главное — дойти. Я вас сюда привел, мне и переправу испытывать.

Он осторожно попробовал ногой паривший в пустоте странный предмет. Тот не шевельнулся. Мидгар шагнул на архелаковый диск. Притопнул...

— Словно на граните стоит! — крикнул он, обернувшись. — Но как заставить его...

Диск вдруг качнулся и стал опускаться. У кромки обрыва мелькнула растерянное лицо Мидгара, высокая шапка...

— Пропадет! — завопил Аскилта, падая на живот и свешиваясь вниз. — Держи руку!

Ему, очевидно, удалось схватить Мидгара, но руг был тяжел, и тело юноши медленно поползло в бездну. Дагеклан схватил Аскилту за ноги, гном мертвой хваткой вцепился в колени рыцаря. Общими усилиями им удалось вытянуть вождя ругов, сохранявшего во время этого приключения полное хладнокровие.

Ярл молча стоял рядом. Он не даже пошевелился, веки его оставались опущенными.

— Гром в облаках, — пробормотал Мидгар, оказавшись на твердой земле, — я слишком тяжел для этой штуки.

— Как чашка весов, — заметил гном, — положи что — опустится, а пустая снова на место встанет. Смотрите!

Диск неподвижно висел на прежнем месте.

— Плохо дело, — вождь рогов был явно растерян, — и брат помочь не в силах, не отошел, видать, после вековства. Уж если круг этот меня одного не держит...

Обиженный писк раздался в кожаной сумке, висевшей на поясе Мидгара.

— Никак мелкота сказать чего хочет, — хмыкнул гном, — забыли его, болезного.

Когда Лисий Хвост отстегнул клапан, наружу высунулась мордочка Бу.

— Если я элементар, — пропищал дух-ящерка, — так меня и учитывать не надо? Я в физическом теле, заметьте, хоть и маленьком. С удовольствием его бы покинул, да во время пожара в жилище Мартоги так прикипел, что теперь только госпожа Ишшу меня извлечь сможет. Непростое пламя бушевало в доме, ох непростое...

— Короче, — прервал его Мидгар, — что ты нам посоветуешь?

Бу выпрыгнул из сумки и уселся на камешек.

— Исхожу из того, — важно заявил он, — что летающий диск может выдержать только одно большое существо. Склонен предположить, что одно большое существо может равняться двум маленьким. Эй, дядюшка Гнуб, не желаешь ли прокатиться?

— Я хоть и мал, да удал, а тебе бы все шутки шутить, — ворчливо сказал гном. — Почем знать, что ты задумал?

— Подозреваешь, в Нижний Мир с тобой собрался? Вот уж не думал, что рудознатец, привыкший лазать по пещерам, заботится какой-то трещины!

— Кто? — вскинулся Гнубус из Тюирнлги. — Я забоялся?! А ну, мелкота, прыгай!

Дух-ящерка ростом был дядюшке Гнубу по колено и вовсе не обижался, когда гном именовал его «мелкотой». Они разом прыгнули на архелаковый диск, не желая уступать первенства друг другу, и диск сразу же

поплыл, удаляясь от края пропасти. Вскоре он исчез в сером тумане.

— Месьор элементар оказался прав, — сказал Железная Рука, облегченно вздохнув, — переправа действует!

Однако радость его оказалась преждевременной.

Через некоторое время диск вернулся с одним гномом.

— Там еще одна пропасть, — сказал рудознатец, спрыгивая на землю. — Не такая широкая, зато без всяких летающих штучек. На противоположной стороне темнеет склон горы, в склоне — ворота, перед воротами — мост. Но он поднят. И еще: этот диск летает, только если на нем кто-нибудь стоит. Бу остался на той стороне, а я прибыл за вами.

— Хорошо, — сказал Мидгар, — мы найдем способ опустить мост и пройти в ворота на склоне горы Меру. Теперь переправлюсь я, а ящерка пригонит диск обратно. Потом отправится Ярл... Потом... — Лисий Хвост умолк, шевеля губами и что-то прикидывая.

— Никак не сходится, — сказал он наконец. — Кому-то из нас придется остаться на этой стороне. Что ж, выпало тебе, Дука, назад топать.

— Ничего не выпало, — пробасил юный Дукарий. — Играли мы в эту игру, знаем. Большая фишка может перетащить одну синюю или две красные. Синие — это я, ты, твой брат и воин Дагеклан. Красные — гном и ящерка. Все передем. Я вам уже раз пригодился, когда пятым был, может, и еще на что сложусь, не стоит мною бросаться. Сделаем так...

Схема переправы оказалась достаточно простой, хотя и довольно нудной: Лисий Хвост перелетел пропасть и отправил Бу назад; дух-ящерка прибыл вместе с гномом и снова отправился к оставшимся путникам, после чего на диске приплыл Дагеклан. Потом гном отправился в обратный путь, чтобы доставить Бу и снова улететь обратно. Выплывший из тумана Ярл оказался рядом с братом. Таким же способом переправили юного

Дукария. Когда архелаковый диск в последний раз принес малыша Бу, Мидгар вынужден был признать, что праздные игры, коими тешили себя ругорумы за чаркой вина, годятся кое на что дельное.

— Что ж,— сказал он,— идем вперед. Тем паче — назад путь отрезан.

И Лисий Хвост указал на серебристое пятно, быстро таявшее в серой дымке. Летающий диск быстро растворился в тумане.

Красная дорога снова была у них под ногами, но шагать по ровным плитам пришлось недолго: путь преградила новая пропасть, похожая на сей раз на крепостной ров. Как и говорил гном, на противоположной стороне темнел склон огромной горы, избегавший к плотным облакам, и виднелись широкие, похожие на вход в огромную пещеру, ворота. Перед воротами был поднят на цепях мост, казавшийся слишком маленьким, чтобы перекрыть расщелину.

— Кажется, плато, на котором мы стоим, бежит кругом этого провала, словно бублик,— задумчиво молвил гном.— Если предыдущая пропасть тоже замкнута кольцом — мы на острове меж двух бездн. Печально было бы здесь остаться и разделить участь этого бедолаги.

Дядюшка Гнуб кивнул на скелет, скорчившийся возле большого камня у самого обрыва. Костяк хорошо сохранился, но весь был засыпан пылью и мелким сором.

— Прямолинейность мышления, свойственная подземным жителям,— пропихнул Бу, обнюхивая костлявые пальцы на ноге мертвеца.— Я же рассуждаю следующим образом: страж в зале Безмолвно Глядящих задал задачку, которую разгадал младший из сыновей Таркиная. Как переправиться через пропасть смекнул юный ругорум. Сейчас перед нами очередное препятствие. Напрашивается вывод: сей скелет вовсе не скелет.

— По-твоему, это Подземный Король? — обиженно буркнул гном.— Или юный эльф, уснувший на солнце-пеке?

— А ты постучи ему по черепу, может, что и узнаешь.

Больше всего дядюшка Гнуб опасался, что его заподозрят в трусости. Посему он тут же извлек из сапога кинжальчик, найденный возле городских врат, и весьма крепко ткнул лезвием бранные останки по темечку. Громко лязгнуло, пыль осыпалась с черепа, и стало хорошо видно, что кости сии никогда не принадлежали человеческому существу.

— Железный,— заключил гном, не убирая на всякий случай кинжал.— То есть архелаковый, конечно.

Скелет пошевелился и сел, поджав ноги. Нижняя челюсть его отвалилась и снова захлопнулась с металлическим стуком.

— Еще один страж,— сказал рыцарь, беря меч на изготовку.— Что ж, месьор безносый, не желаете ли сразиться?

— Нет,— раздался из-под черепа скрипучий голос,— сыграем в кости.

— В твои? — не понял Дагеклан.

— Игральные. Я бросаю — ты угадываешь. Все три.

— Полагаю, я должен буду отвернуться?

— Завязать глаза. Отойти на пять шагов. Угадать.

— А если ошибусь?

— Мост не опустится. Слева пропасть, справа пропасть. Будете здесь. Ходить по кругу. Или сидеть. Пока не умрете.

— Веселый ты парень,— сказал Железная Рука.— Хорошо, я попробую.

— Осторожней, Дак,— запротестовал Мидгар,— если ты не ведун, никогда не угадаешь выпавшие числа. Пусть лучше Ярл...

— Твой брат еще не вышел из транса,— прервал его кампанарий,— я попытаюсь, если страж согласится ответить только на один вопрос, после того, как метнет кости.

— Любой ответ,— проскрипел голос из черепа,— кроме выпавших чисел.

— Полагаю, ты умеешь считать?

— Я умею считать.

— Тогда начнем.

Скелет поднял руку и запустил костлявые пальцы в пустую глазницу. Извлек черный платок и протянул рыцарю. Потом снова сунул пальцы внутрь головы и достал блестящий стаканчик. Потряс — в стаканчике забренчало.

— Твои спутники могут смотреть. Если кто-то подскажет — ты проиграл. Завязывай глаза и угадывай.

Дагеклан повиновался, плотно обвязав лицо платком и отойдя на пять шагов.

— Бросай! — крикнул он, отвернувшись.

Скелет метнул кости.

Выпала единица, двойка и четверка.

— Плохие числа, — шепнул Мидгар Аскилте. — Если Дак не угадает — стреляй мертвяку по глазницам, а я ударю мечом...

Юный ругорум отступил на пару шагов, взяв арбалет на изготовку. Дядюшка Гнуб, стоявший поодаль, тем временем уговаривал элементала подсказать рыцарю выпавшие числа мысленно.

— Опасно, — вполголоса отвечал Бу, — сдается мне, в этой железной черепушке не так уж пусто. А ну как страж умеет распознавать ментальные образы? Давай лучше посмотрим, что задумал месьор Дагеклан.

Они подошли поближе, и гном досадливо покачал головой — цифры и вправду были плохими, проигрышными. Хотя их требовалось угадывать, а не метать кости в ответ.

— Все видят числа? — громко спросил рыцарь.

— Видим, — пробурчал Гнубус, — да что толку...

— Теперь к числу на первой кости надо прибавить такое же, добавить пять, а полученную сумму увеличьте пять раз по пять.

— Сделано, — тут же проскрипел голос из-под черепа.

— Заметь, безглазый, я тебя пока ни о чем не спрашиваю, — сказал рыцарь. — К тому, что получилось, прибавь число, выпавшее на второй кости, а сумму увеличь десятикратно. Сосчитал? Теперь прибавь число, выпавшее третьим, и назови результат. Это мой единственный вопрос, как и было меж нами условлено.

— Три сотни, семь десятков и два, — тут же проскрипел скелет.

Дядюшка Гнуб аж подпрыгнул.

— Неправда! — завопил он. — Уж кто-кто, а гномы считать умеют! Ты наврал, железная вешалка!

— Ошибка, — бесстрастно согласился скрипучий голос. — Причина: пыль и долгое бездействие. Три сотни семь десятков и еще четыре.

— Так-то лучше, — потер гном ручки, — а то каждая елка ржавая врать нам будет...

— Архелак не ржавеет, — заявил скелет. — Я — вечен. Страж — не хвойное дерево. Пусть отгадывающий назовет выпавшие числа.

— На первой кости всего одна точка, — сказал рыцарь спокойно.

— Во дает, — пробасил Аскилта и тут же умолк, поудобнее перехватив ложе арбалета: оставалось еще две кости.

— Следующее число — два, — объявил Дагеклан.

На той стороне пропасти загрохотали цепи, и подвесной мост стал медленно опускаться.

— Последнее — четыре!

Мост вытянулся и перекрыл бездну. Продолжая дорогу, посреди настила лежали плотно подогнанные красные плиты.

Страж сунул стаканчик с игральными костями внутрь черепа и застыл, уставя пустые глазницы на приплясывающих гнома и малыша-ящерку.

— Хоть костями фигурен, а все набитый дурены! — распевал рудознатец, от восторга позабыв о всякой солидности. — Хотел достать опал, да в штольню упал!

Ошибся ты, Бу, если в этой башке что и было, то ветром выдуло!

Элементал проворно взобрался на голову стража и постучал хвостиком по архелаковому черепу.

— Бедолага! — воскликнул он, смахивая лапкой воображаемую слезу. — Вечный, вечный неудачник...

— Как бы там его ни звали, путь свободен, — заключил Лисий Хвост. — Не станем медлить, соратники.

Уже на середине моста он спросил рыцаря:

— Признайся, Дак, ты изучал магию? Или у тебя глаза на затылке?

— Ни то, ни другое, — отвечал Железная Рука с улыбкой. — Я действительно кое-чему учился в монастыре, где жил в ранней юности. Таков обычай кампаниев: чтобы стать членом ордена, недостаточно ловко орудовать мечом. Отец Жардан, большой поклонник Паргора, считавшего, что в основе мироздания лежат священные числа, обучил меня основам арифметики. Сия наука вовсе не относится к премудростям черно-книжников, хотя колдуны тоже используют вычисления. Фокус с игральными костями описан в одной древней рукописи, и я его хорошо запомнил. Признаюсь, к стыду своему, что в молодости, не имея еще герба на щите и будучи, мягко говоря, небогат, пользовался сим приемом, дабы биться об заклад в тавернах...

— А в чем суть угадывания? — заинтересованно спросил Лисий Хвост, ибо кости были любимой азартной игрой его племени.

— Все дело в сумме чисел на противоположных гранях кубиков, она всегда равна семи... Я запишу тебе необходимые вычисления и число, которое нужно отнять от полученного результата. Отнимать нужно от каждой цифры полученной суммы каждую цифру, составляющую число, равное двум с половиной сотням...

— Не надо, — махнул рукой Мидгар, — я и буквы-то складывать с трудом научился, а уж считаю только по пальцам. Вся эта грамота недостойна истинных ругов.

Даже Мать Мартога не умеет складывать в уме больше сотни, а ведь она — кудесница... И сына своего, Ярла, ничему такому никогда не обучала. В Мир Лучезарный иногда с собой брала, знаю; как тучи разгонять показывала, как раны залечивать... Ну еще зверем прикинуться, морок навести. А чтобы числа всякие ведать... Ума не приложу, откуда Ярл про все эти пентады вызнал — словно кто чужой в него вселился!

Мидгар и не подозревал, насколько он прав, и чем все это обернется возле кораблей ямбаллахов. Пока же до летучих челнов еще предстояло добраться.

Миновав мост, они вошли под гулкие каменные своды, ведущие вглубь горы Меру.

Глава седьмая

ЧЕЛНЫ ЯМБАЛЛАХОВ

В десяти пределах света нет стен.
В четырех стенах крепости нет ворот.

Откровения Иорды

Дядюшка Гнуб был весьма удручен двумя обстоятельствами. Первое: он, лучший из рудознатцев Тюирнлги, Грабдргана и Суиндргрога, заблудился в горных недрах. И то обстоятельство, что недра сии были весьма необычными, по мнению гнома, отнюдь его не извиняло. Второе же обстоятельство было куда досаднее: первейший знаток различных минералов, сплавов и прочих соединений разнообразнейших природных веществ, Гнубус не мог определить, из чего сделаны многочисленные шутовины, попадавшиеся на каждом шагу. Не говоря уже о том, для чего они предназначены.

Гулкие каменные своды давно остались позади. Теперь они шли по бесконечным галереям, состоявшим из череды шестигранных палат шагов двадцать в длину и столько же в ширину. Эти странные помещения с архелаковыми стенами соединялись узкими мостиками с тонкими перилами — отсюда можно было разглядеть нижние и верхние этажи, устроенные точно так же. Некоторые мостики соединялись с соседними

этажами винтовыми лестницами. Каждая шестая палата имела боковые ответвления, ведущие в другие галереи, такие же, как та, по которой они шли, и как все прочие.

Некоторые шестигранные комнаты были пусты, в других вдоль стен тянулись полки или ниши, на которых стояли странные, непонятного назначения предметы. Поначалу дядюшка Гнуб бросался к ним и с жадностью начинал, по своему обыкновению, чуть ли не обнюхивать, потом любопытство его сменялось унынием.

— Чтоб у меня на заднице вскочило больше бородавок, чем у Подземного Короля, — растерянно бормотал гном, — это не камень, не металл и не дерево. Вот эта плита похожа на кварц или стекло, однако это ни то, ни другое. А внутри словно письма проступают... Так, а что на этой полке? Экая невидаль! Кристаллические вкрапления... Пустоты... Слово мириады тончайших веточек или невидимые глазу рыбацкие сети...

Он осторожно дотронулся до розовой, в локоть высотой штуки, более всего напоминавшей чей-то огромный отрезанный нос, и тут же отдернул руку.

— Ничего не понимаю! — воскликнул рудозналец, яростно теребя бороду. — Не живая, но и... не мертвая!

— Не трогай, — посоветовал Мидгар, — что нам за дело до игрушек ямбаллахов! Вызовешь еще какую-нибудь нечисть, а та станет загадки загадывать... Лучше определимся, куда идти. От этих хитросплетенных железных кишок у меня в глазах рябит.

— А мне иногда кажется, что галереи, бывшие у нас под ногами, теперь оказались над головой, — откликнулся гном. — Небывалое дело: у рудознатца под землей голова закружилась... Ладно, как говорят у нас в Тюирнлги: «Падая в штольню, не забудь дерюжки подстелить». Если нам нужно на вершину, станем все время подниматься вверх по лестницам.

— Нам действительно нужно на вершину, — кивнул Лисий Хвост, — но выход на нее находится в самом центре горы.

— Ах в центре,— проворчал Гнуб,— ну конечно, как я не догадался. Локапалы через погреб к звездам ушли, а мы, значит, чтобы на свежий воздух выйти, должны в самую середку железной паутины забраться.

— Это так,— подтвердил Мидгар, не обращая внимания на ехидный тон гнома,— и если бы я ведал тому причину, был бы первейшим кудесником. Но я говорю всего лишь со слов Матери Мартоги.

— А она не могла дать более точных наставлений?

— Нет.

— Тогда нужен отвес. Отмерим половину прямого угла и будем двигаться в том направлении в надежде, что повезет, и в центре не окажется какой-нибудь архелаковый паучище...

Привычным жестом дядюшка Гнуб полез за голенище, извлек моток тонкой бечевки, привязал ее к рукоятке кинжальчика и вытянул руку, держа перед собой этот самодельный отвес. Однако, к общему изумлению, острие кинжала указало вовсе не в пол, а в сторону и чуть вниз.

— Клянусь бородавками...— начал было гном, но тут его прервал малыш Бу, на сей раз самостоятельно отогнувший клапан сумки Мидгара, в которой удобно ехал от самого подвесного моста.

— Меня хотите послушать, или как? — спросил он, хитро прищурившись.

— Я бы сказал «или как»,— буркнул Гнубус,— да уж больно дела чудные творятся, как раз по твоей части. Говори, погорелец.

— Клинок этого ножичка сделан из архелака,— сказал Бу, не считая нужным вступать в перепалку с гномом,— архелака притягивается туда, где находится центр горы...

— Что значит — в известном смысле? — подозрительно переспросил Гнуб.

— Если тебе больше нравится, могу сказать: в неизвестном смысле. Для тебя, по крайней мере. Гремя ногами по этим галереям, вы не поднимаетесь, не опуска-

етесь и вообще никуда не двигаетесь. Или ходите по кругу, что одно и то же. Ибо мы находимся внутри сферы, центр которой везде, а края — нигде. Если гномьи мозги в состоянии все это понять, я достану звезду с неба и прицеплю почтенному Гнубусу на колпак.

— А если это твои очередные шуточки, я...— начал было рудознавец с угрозой, но тут его прервал молчавший до сих пор Ярл.

— Сфера Паргора,— пробормотал он, озираясь так, словно только что проснулся.— «Анатомия мира», раздел третий...

— Вижу, ты очнулся, брат,— сказал Мидгар, и в голосе его не было особой приветливости,— и снова говоришь странные вещи.

— Позволь мне заметить, месьор Лисий Хвост,— сказал рыцарь,— что сколь бы необычными ни казались речи твоего брата, он помог нам пройти зал Безмолвно Глядящих. Послушаем же его и на сей раз.

— Делайте, как советует это существо,— Ярл указал на косо висящий кинжал в руке гнома, затем кивнул в сторону Бу.

— Существо,— пискнул дух-ящерка себе под нос,— хуже нет, когда элементала существом обзывают. Ладно, дайте с госпожой Ишшу повидаться...

Следуя указаниям отвеса в руках гнома, они спустились по винтовой лестнице, свернули на боковую галерею, миновали дюжину шестигранных комнат, после чего лезвие кинжала вдруг поднялось вверх, и пришлось карабкаться по крутым ступеням двумя этажами выше.

— Если середина этой сферы везде, то почему не здесь? — ворчал гном.— И почему она то внизу, то вверху? Временами кажется, что мы шагаем вверх тормашками, да отчего-то не падаем. Ну, если кое-кто шутить задумал и других с толку сбил, я этого койкого на один камешек положу, да другим прихлопну... Славная выйдет котлетка!

Однако угрозы гнома оказались пустыми. Сколько раз пришлось сворачивать, спускаться, подниматься и даже возвращаться обратно — никто не считал, но в конце концов они достигли огромного круглого помещения, вдоль стен которого бежала металлическая полоска-балкончик шириной локтей в десять. На нее выходили сотни галерей, и балкончик этот, не имевший перил, висел над глубокой шахтой, прикрытой сверху серебристым куполом. Далеко внизу полыхали багровые сполохи, жаркий воздух поднимался к сферическому потолку, улетаая в многочисленные отверстия, — в этом мареве висевший в центре предмет, похожий на цветок лотоса с сомкнутыми лепестками, казался призрачным, и трудно было понять, велик ли он, как купол храма, или не больше головы ребенка.

— Еще одна пропасть, — желчно заключил дядюшка Гнуб, хотя жерло шахты и так все отлично видели, — и что-то ни моста не видать, ни стражи. Если нам, конечно, нужно попасть в это вареное яйцо, чего мне бы совсем не хотелось.

— Внутри этого архелакового бутона — дверь, — сказал Мидгар, вглядываясь в неясные контуры, — надо найти способ открыть лепестки.

— И перелететь на ту сторону, — хмыкнул Гнуб. — Был у нас один с крыльями, да и тот их спалил. И Аскилта доблестный задачку решить не поможет — никаких парящих дисков тут нет.

— А если веревку бросить? — предложил юнец, весьма польщенный упоминанием своего имени.

— Она у тебя есть? Или портки свои распустишь?

— Что скажешь, брат? — Вождь рогов вопросительно взглянул на Ярла.

Тот молча к чему-то прислушивался. Балкон под ногами слегка подрагивал, временами снопы искр вырывались из шахты, едва не задевая людей.

— Вот он, — сказал Ярл.

Никто не успел спросить, о чем он говорит: трубный рев вознесся к сверкающему куполу, металличе-

ская полоса под ногами заходила ходуном. Грянула тяжелая поступь, и с дальней галерей сошло на балкон существо столь зловещего вида, что кровь застыла бы в жилах и самого отъявленного храбреца.

— Астарт! — разом выкликнули имя чудовища Мидгар и Аскилта.

Страж горы Меру разом походил на дракона, лошадь и целый выводок попугаев: бухая огромными ногами, оканчивающимися тройными копытами, он волочил за собой тяжелый, утыканный шипами хвост и разевал семь клювов — по клюву на каждой голове; в отличие от птичьих они были снабжены здоровенными желтыми клыками, с которых обильно текла слюна.

Чем ближе подходил Астарт, тем больше вырастала его уродливая фигура, так что в конце концов стало совсем непонятно, как чудовище вообще может держаться на узком металлическом карнизе.

Железная Рука приготовил меч, но на сей раз даже бесстрашный рыцарь медлил, понимая, что монстру достаточно будет лишь слегка двинуть хвостом, чтобы смахнуть его в пропасть, как песчинку.

Мидгар что-то бормотал, загибая пальцы.

— У него семь голов, — сказал он Ярлу, — на каждой — по одному глазу, значит, тоже семь. Ты разгадал тайну железного стража, постигни же суть Астарта! Торопись, брат, иначе мы погибнем в двух шагах от цели.

Ярл сгорбился и провел ладонью по лицу, словно смахивая пот. Губы его шевелились, но слова были едва слышны в грохоте шагов чудовища.

— Гептада, священное число закона... Семь духов перед Троном... ключевые слова: «звук», «удача», «случай» и то, что ведет вещи к их концу...

— Точно, — тяжело вздохнул гном, — конец нам, чую.

— Тройное духовное тело и четырехсоставная материальная форма, — продолжал бормотать Ярл, двинувшись навстречу монстру. — Три и четыре дают семь...

Шесть граней, север, запад, юг, восток, верх, низ и седьмая точка — суть единица. Я нужен тебе один, Страж Закона, возьми меня!

Астарт не заставил себя упрашивать: он был уже в двух шагах от руга и, вытянув уродливые лапы, схватил Ярла поперек груди. Ярл закричал. Страж Закона вытянул шею, оказавшиеся по-змеиному тонкими, и семь черных зрачков уставились в глаза младшего сына Таркиная. Тело руга мучительно изогнулось, на губах показалась пена...

Астарт поднял птичьи головы, разинул клювы и торжествующий рев сотряс архелаковый купол. Хвост чудовища, перекинутый вперед, дробно стучал по балкону, отрезая путь кинувшимся выручать побратима рыцарю и вождю ругов. Их клинки разом опустились, но не смогли пробить покрытую роговыми пластинами кожу.

Монстр вздыбил хвост, готовясь смахнуть воинов в бездну...

За спинами Дагеклана и Мидгара что-то громко хлопнуло, раздался короткий свист, потом дико завопил юный Аскилта:

— Попал! Я попал, бычьи яйца ему в каждую глотку!

Астарт уже валился в пропасть: лошадиные ноги подломились, лапы выпустили свою жертву — кампаний и руг подхватили обмякшее тело Ярла, успев заметить, что из семи арбалетных стрел шесть торчали над клювами чудовища. Дукарий Аскилта Эвмолп умудрился совершить выстрел, за который в любом регулярном войске удостоился бы трехдневного отпуска и десятка золотых на питейные расходы. Единственным уцелевшим глазом еще живой Страж мог теперь наблюдать стремительно несущееся навстречу дно пропасти...

Когда отчаянный рев Астарта затих в огненных глубинах, рыцарь не преминул выразить юноше свое восхищение. Узнав, что арбалет вовсе не заговорен,

Аскилта немедленно впал в гордыню и заявил, что не то еще вытворял, швыряя камни по витражным стеклам и гранитным изваяниям в Городе, а однажды умудрился отколотить голову бюсту самого Мажика, за что потом в яму с холодной водой посадили совсем другого отрока... Дагеклан только махнул рукой — добродетели юного ругорума не шли ни в какое сравнение с его беспашабной храбростью.

Тем временем Ярл пришел в себя и поднялся, потирая ребра. Выглядел он гораздо лучше, чем можно было ожидать. Словно приветствуя его чудесное спасение из лап чудовища, со стороны архелакового бутона донеслась мелодичная музыка, и лепестки огромного цветка стали медленно раскрываться. Их было семь, но один остался неподвижным — виной тому, очевидно, был уцелевший глаз Стража. Вершины лепестков коснулись балкона — шесть мостов висели теперь над пропастью.

— Перестарался Дука, — хмыкнул гном, — можно было один глаз выбить, глядишь, стрелы бы еще и пригодились.

— Арбалет устроен так, что разом выпускает все болты, которые летят веером, — сказал рыцарь, — да и кто знает, хватило бы одного попадания, чтобы завалить такую тушу... Месьор Дукарий заслуживает высочайших похвал и всеобщего уважения.

Никто не стал спорить. Мидгар первым перебрался по мосту-лепестку на круглую площадку в центре, за ним последовали остальные.

Посреди площадки стояла дверь.

То, что это была именно дверь, сомнений не возникало: гладкий косяк из темного, почти черного материала, архелаковая створка, украшенная замысловатым орнаментом, крепкие петли...

Только эта дверь никуда не вела.

Крякнув с досады, гном обошел вокруг и обнаружил с обратной стороны точно такой же узор и такие же петли. Казалось, створки можно было открыть с обеих

сторон, но сколько ни нажимали плечами Дагеклан, Мидгар и Аскилта, сколько ни стучали кулаками, все их усилия оставались тщетными.

— Заперта крепко, — сказал рыцарь, отходя на пару шагов, — без доброго тарана не вышибешь. Или здесь опять какая-то загадка?

— Вышибешь не вышибешь, — буркнул дядюшка Гнуб, — что толку-то? Можно, конечно, стать по обе стороны и в гости друг к дружке ходить...

— Для каждой двери имеется ключ, — сказал Ярл, внимательно осматривая створки. — Я смогу открыть этот запор, а там посмотрим, куда ведет проход.

Казалось, жуткие объятия Астарта пошли младшему сыну Таркиная на пользу: он больше не горбился и не кашлял, взгляд его стал ясным, движения — точными.

— Один, три, пять, семь, — указал Ярл на верхний ряд завитков, украшавших дверь, — первые четыре четных числа в сумме дают шестнадцать. Нижние собраны по два, четыре, шесть и восемь — всего двадцать. Шестнадцать и двадцать — тридцать шесть, или тетрактис, священное число — «держатель ключа к существу». А вот и сам ключ.

Между рядами помещался выступ, похожий на рогающую раковину, число отростков соответствовало ключевой цифре. Ярл поочередно надавил на них, внутри «раковины» раздался мелодичный перезвон.

— Можно входить? — с сомнением спросил гном.

Ярл нажал на створку, но она не поддавалась. Тогда младший сын Таркиная обошел дверь кругом.

— Так и знал, — сказал он, — здесь то же самое.

Ключ-раковина с обратной стороны звякнул под его пальцами, однако створка так и не открылась.

— Пошел тролль воды напиться, да пришлось утопиться, — сердито буркнул дядюшка Гнуб. — А ну, навались!

Они навалились впятером — с тем же плачевным результатом.

Ярл был явно растерян.

— Я не мог ошибиться, — шептал он, снова и снова осматривая дверь, — но здесь больше ничего нет, ни выступов, ни отверстий. И косяк совершенно гладкий...

Мидгар тронул его за плечо.

— Вспомни Астарта, — сказал он, — ты пытался толковать с ним о тайных числах, а Дука уложил чудище одним выстрелом. Здесь тоже так надо.

— Ты о чем?

— У нас есть плеть ямбаллахов. Ей никто не пользовался, и она сохранила силу.

— Что ж, — удрученно кивнул младший брат, — попробуй. Увы, мои знания не помогли.

Они снова перешли на узкий круговой балкон, и Мидгар достал из сумки блестящую рукоять, перевитую ниткой матовых шариков. Малыш Бу вылез из сумки и опасно устроился на плече гнома, вызвав глухое ворчание рудознатца.

Мидгар взмахнул рукоятью, словно собираясь стегнуть невидимую лошадь. Только теперь Дагеклан понял, почему плеть небожителей не годится для ближнего боя. Огненная лента вылетела из рукояти, частью канув в пропасть, частью накрыв сооружение в центре огромного цветка. Дверь скрылась в клубах бушующего пламени, которое удивительным образом растекалось у ее основания — ослепительные капли срывались с края круглой площадки и падали в шахту.

Когда все кончилось и они в третий раз прошли по мосту, дверь и площадка оказались покрытыми черной горячей пленкой. Мидгар достал нож, поскоблил створку — пленка легко отставала, падая под ноги черными лоскутами.

— Гром в облаках! — рывкнул вождь рогов. — Ей ничего не сделалось: архелак выдержал небесное пламя, дверь по-прежнему заперта!

Отчаяние — плохое подспорье для воина, жаждущего победы, но если оно охватывает всю дружину — это

уже поражение. Выход был рядом, но он оказался миражем посреди жаркой пустыни, роковым обманом. Все понимали, что обратно им не выбраться: архелаковый кинжал на бечевке привел их центру бесконечного лабиринта, куда они так стремились, но он не мог указать путь вовне устрашающей сферы. Хитросплетение галерей, мостов и лестниц отделяло от внешнего мира надежней толстых крепостных стен, надежней тюремных решеток и рабских цепей. Мощное оружие Мидгара, познания гнома, ведовство Ярла, храбрость Дагеклана и юного Аскилты — все оказалось тщетным. Даже бессмертный дух стихий, прикованный к маленькому тельцу огнем темного бога, ничем не мог помочь.

Внизу таилась огненная бездна, и каждый украдкой бросал туда взгляды, страшась первым высказать роковую мысль...

— Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом, — раздался вдруг рядом негромкий голос.

Никто не заметил, откуда взялся этот старик, босой, облаченный в лохмотья, с толстой полупрозрачной плиткой под мышкой. Глазки у него были маленькие, хитрые, борода редкая, нос фасолиной. Носом он шмыгал, утираясь пальцем.

— Ты кто? — спросил Мидгар грозно. — Живой или только кажешься?

— Жизнь и смерть суть стороны одной монеты, — ответил старик и громко чихнул. — Попробуй стучать по барабану без палок, поймешь, о чем я.

— Он говорит, как Агаджар, — скривился Дукарий. — Расскажи нам еще про флейту без дырок, дедушка...

— Когда добрый человек проповедует ложное учение, оно становится истинным. Когда дурной человек проповедует истинное учение, оно становится ложным. Тот, кто думает, что обладает сиятельной мудростью, едет впереди осла и позади лошади.

— Так ты не относишь себя к мудрецам? — снова спросил Мидгар. — Видел я в Городе всяких любомуд-

ров, и в золотых плащах, и в обносках, подобных твоим. Все они только языками чесать горазды...

Старик снова чихнул.

— Хороший торговец прячет свои богатства и кажется нищим. Плохой мудрец кичится рубищем. Я полностью сбросил свою кожу. Осталось одно подлинное естество.

— И давно ты здесь?

— Много лет я не мог найти дорогу назад, а теперь позабыл, откуда пришел.

— А позвольте вас спросить, месьор отшельник, ведомо ли вам, что находится за этой дверью? — спросил Дагеклан. — Мы не в силах ее открыть.

— Все вместе или каждый в отдельности?

— И так, и этак, — буркнул Лисий Хвост.

— Значит, пятеро удостоверяют, что черепаха — это черепаха. Вижу, вы сделали многое. Убили Ас-тарта, опалили дверку. За ней, к слову, находится вершина священной горы, где травы растут без корней, и, не ведая о весеннем ветре, цветы цветут сами по себе.

— Но способен ли ты открыть ее? Быть может, тебе ведомо нужное заклинание...

— Заклинание? Стоит устам заговорить — и речь умирает. А открыть могу, замок-то вы отперли.

Громко высморкавшись на архелаковую плиту, старик взялся за «раковину» и потянул к себе. Створка легко и бесшумно распахнулась. Свежий, напоенный ароматами трав ветер ударил в разгоряченные лица.

* * *

Трава была самая обычная, с корнями. И цветы росли здесь неяркие, полевые, они тихо покачивались под свежим ветерком, дувшим с вершины горы, с ледников. Белая шапка виднелась за кронами деревьев, над ней синело безоблачное небо.

Эти прохладные воздушные струи, принесшие облегчение изнывающим от подземного жара путникам,

налетели на них, шагнувших из странной двери на склон священной горы, заставив вздохнуть полной грудью — свободны! Дагеклан ожидал увидеть низкие облака и багровые отсветы, но здесь царил погожий летний день, залитый ярким солнечным светом, а облака лежали внизу — белые и пушистые, словно лебединый пух. Рыцарь увидел их, обернувшись, и подивился, сколь высоко пришлось забраться. А вот исчезновение двери, из которой они только что вышли, не вызвало в душе ни малейшего отзвука — Железная Рука ожидал нечто подобного.

— Прикоснись к цветам, и их аромат пропитает твою одежду, — сказал отшельник и пошел вверх по склону, утопая по пояс в пахучих травах. Бу сидел у него на плече и что-то нашептывал в ухо старику.

Летучие челны обнаружили неподалеку, за плотными кустами бузины. Они блестели на солнце, словно вымытые недавним дождем. Множество ярких бликов играло на архелаковых обшивках, изрытых неровными бороздками, словно скорлупа ореха. Створки входов были подняты, образуя нечто вроде навесов, металлические сходни спускались из темных люков в траву — казалось, небожители только что спустились на землю и отлучились куда-то по своей надобности.

— Хвала Аресу, мы нашли их! — воскликнул Мидгар, опускаясь на колени. — Сбылось предсказание старого Иорды: «И наступит время, и железо уступит Слову, и руги станут подобны птицам. Не будет им преград ни на земле, ни в небесах, и Охранители Мира не смогут их задержать...» Теперь я понял всю мудрость пророчества!

— Прямые речи лучше покрасневшего лица, — молвил отшельник, усаживаясь под деревом и кладя на колени полупрозрачную плиту, с которой не расставался. — Однако охотящийся за оленем не видит горы. Наблюдая, как петляет река и вьется тропинка, он не знает, что находится уже в стране Персикового источника.

Лисий Хвост пропустил эти туманные высказывания мимо ушей. Он легко взбежал по трапу среднего челна и скрылся в темном провале. Ярл, Дагеклан, Аскилта и гном последовали за ним.

Они оказались внутри широкой трубы, изгибавшейся вдоль борта корабля. Стены и пол были обиты каким-то мягким пружинящим материалом, глушившим шаги. Через равные промежутки трубу разделяли архелаковые кольца, ребрами выступавшие из стен, словно шпангоуты земного судна. Между ними имелись проемы, частью закрытые вогнутыми створками, частью открывающие внутренние каюты. В полумраке маячили непонятные сооружения, то похожие на огромные застывшие капли янтаря, то на витые колонны, то на постаменты исчезнувших статуй... Гном норовил сунуть нос повсюду, прицелкивал языком, что-то бормотал и вскоре затерялся в недрах небесного челна. Его исчезновения никто не заметил.

Труба-коридор привела в полукруглое помещение, и все зажмурилось от яркого солнечного света, льющего через широкое длинное окно, занимавшее всю носовую часть корабля.

Вдоль окна бежала полукруглая панель, похожая на воротник зингарского щеголя: столько на ней было разноцветных камешков, кружков и полосок. Возле стояли два кресла, довольно больших, но вполне годных и для человека.

— Это главная зала, — благоговейно произнес вождь ругов, — отсюда ямбаллахи управляли своим челном.

— Те, кого я видел в зале Безмолвно Глядящих, не поместились бы на этих сиденьях, — с сомнением покачал головой рыцарь.

— Ты видел призрачные изображения небесных существ. На самом деле они были не намного выше обычного человека. Вспомни, что красавица Светана, положившая начало племени ругорумов, стала любовницей их предводителя Мажика, в честь коего зовутся теперь повелители отступников...

— Из ваших рассказов следует, что после победы Ории над ямбаллами, небожители бежали за цепь Огнедышащих Гор. Отчего же они не воспользовались летучими челнами и не отправились обратно к звездам? Судя по всему, челны вполне исправны.

— Потому, что их главный корабль величиной с гору был повергнут молниями Ареса и упал в океан. То, что наши предки сочли его обломками, на самом деле спасательные шлюпки, в одной из которых мы сейчас находимся. Шлюпки слишком малы, чтобы подняться туда, где сияют ночные светила. Ямбаллы могли бы использовать свои челны, дабы перелететь цепь Огнедышащих Гор, но те, кого они считали своими союзниками, похитили ключ... А потом, сочтя себя в полной безопасности за стенами Города, напроць о нем забыли. Ключ этот, способный привести в движение летающие челны, передавался из поколения в поколение, но его обладатели не знали, чем владеют. Постепенно память о кораблях ямбаллов стерлась: желудки ругорумов всегда полны, тела почти не подвержены болезням — о чем еще мечтать? Но время от времени рождались у отступников странные дети, буйные нравом и непочтительные к законам. Их не привлекали блеск золота, тонкие вина и роскошные бани, их мучили сны... Они летали во снах, им слышался свист вольного ветра и звон клинков... Верно я говорю, Дука?

Аскилта молча кивнул.

— Одной из тех, кого мучили странные видения, была моя мать, — продолжал Мидгар. — Она бежала из Города и стала женой Великого Таркиная. Она обладала ключом и передала его мне, сама о том не ведая. А потом вернулась к ругорумам — странные сны исчезают с годами... Кем она стала, ты, Железная Рука, видел. Но теперь время пришло, и все остальное значения не имеет.

— И ты знаешь, как воспользоваться ключом? — спросил рыцарь.

Не отвечая, Мидгар открыл круглую дверцу в задней стене рубки. Там оказалась неглубокая ниша, а в ней — две прозрачные трубки: одна выходила сверху, другая из пола. Между ними оставалось свободное расстояние примерно с локоть.

Лисий Хвост закатал левый рукав своей куртки — на предплечии темнело небольшое родимое пятно — протянул руку и поместил ее между трубками. Раздалось негромкое гудение, узкий лучик света упал сверху и впился в родимое пятно, словно комариное жало. За прозрачными стенками возникло неяркое свечение, в котором родились зеленоватые контуры. Сначала они сложились в пирамидку, потом образовали куб, восьмигранник...

Изображения медленно вращались, исчезая одно за другим, и как только растаяла пятая по счету форма, гул умолк, и погас луч, выходивший из верхней трубки.

— Свершилось! — воскликнул вождь ругов. — Теперь я владею миром!

Обернувшись, он указал на панель возле окна. Полоски, кружки и квадраты на ее поверхности сияли разноцветными огнями, словно фонари, украшавшие праздничный город. Они мигали и переливались так, что у Дагеклана закружилась голова.

— Ты хочешь сказать, что сможешь управлять небесным челном? — спросил он, в сомнении покачивая головой.

— Это сможет даже ребенок, — ответил Лисий Хвост. — Вместе с ключом в снах я получил необходимые знания. Верный слову, я подарю тебе один корабль и научу, как поднимать его в воздух, чтобы ты смог отправиться на поиски своего короля. Но только если ты поклянешься, что утопишь летающий челн в море, когда спасешь своего повелителя. И, если мы вновь встретимся, забудь, что я называл тебя побратимом. Отныне ты станешь защищать мир, который я, Мидгар Великий, должен покорить!

— Но ты привел в действие только один из кораблей, — сказал рыцарь, не торопясь произносить слова требуемой клятвы.

— Сила пробудилась во всех челнах. Выбирай любой, панели в рубках одинаковы. Смотри, — он указал на цепочки ярких огней, — вот этот красный квадрат, похожий на драгоценный лал, заставляет челн взлетать. Синий — опускаться. Если провести пальцем по зеленой и желтой полосам — полетишь вперед, захочешь повернуть влево, проводи лишь по желтой, вправо — по зеленой. Ты быстро освоишься... Назначение остальных огней мне неизвестно, значит — не нужно. А теперь уходи. Дукарий пусть сам решает, с кем полетит.

— Ты кое о чем забыл, брат, — подал голос молчаливый до сих пор Ярл. — Меч и плетъ ямбаллахов истощены, надо вернуть им силу, прежде чем поднимать корабли.

— Это не для чужих глаз, — сердито отвечал вождь ругов, — впрочем, не важно. Я оставлю их здесь, потом мы все выйдем наружу. Хочу проститься с тобой, Дак, по-дружески. Ты помог осуществиться моим планам, хотя и не знал, в чем они состоят. Мы оба — воины, сражаться — наше призвание, и если судьба развела нас по разные стороны, сие не значит, что мы должны ненавидеть друг друга.

— Согласен с тобой, — отвечал рыцарь спокойно, — но не стану клясться, что не использую летающий челн против тебя.

— Как хочешь, — пожал плечами Лисий Хвост. — Ты видел, как действует меч Ареса и небесная плетъ, и сам можешь рассудить, найдется ли у вас оружие, способное противостоять дарам небожителей.

Он снова открыл круглую дверку, достал из сумки рукоять, украшенную зелеными камнями, и опустил ее в нижнюю трубку. Плетъ поместил в верхнюю — раздалось знакомое гудение, за прозрачными стенками возник свет, и небесное оружие, медленно вращаясь, повисло в трубках.

Возле выхода их поджидал дядюшка Гнуб.

— Боязно тут, — пожаловался он, — поплутал я, поплутал, да и вернулся.

Необычное признание отважного рудознатца осталось без ответа. Все спустились по металлическому трапу на теплую землю. Отшельник по-прежнему сидел в тени дерева, держа на коленях полупрозрачную плитку, малыш Бу устроился на ней, слушая старика.

— ...И корнями своими древо сие уходит в небо, а ветви его объемлют землю, — говорил тот, шмыгая носом.

— Ничего подобного, — возразил Бу, — корни внизу, под ними живут мерзкие старухи-норны...

Он замолчал и уставился глазами-бусинками на подходившего Мидгара.

— Хочу поблагодарить тебя, — сказал вождь ругов отшельнику, — за то, что открыл дверь. Теперь я достиг цели, и мы с братом улетим на этих челнах. Останешься здесь или доставить тебя в долину?

Старик чихнул, вытер нос пальцем и отвечал, по своему обыкновению, туманно:

— Есть такие, которые, находясь в дороге, не покидают дома. И есть те, кто, покинув дом, не находятся в дороге. Мой путь лежит за краем голубых небес, — там, где белые облака плывут неостановимо.

Мидгар пожал плечами и обернулся к рыцарю:

— Расстанемся, Дак. Забирай любой челн, кроме того, где лежит оружие ямбаллахов. Забирай гнома, если хочешь. Ты, брат, поведешь третий корабль...

— Нет, — сказал Ярл, — я возьму тот, что с оружием. И полечу вместе с Железной Рукой.

Лицо Мидгара изумленно вытянулось.

— Что это... — прохрипел он, схватившись за горло, словно невидимое боло захлестнуло ему шею. — Почему?

— Потому что гармония мира не знает границ.

Дагеклан вздрогнул, услышав оговоренную Да Дергом фразу. Облик Ярла совсем не изменился, и рыцарь не в силах был поверить, что фаллиец жив и вернулся.

— Я вовсе не твой брат,— говорил тем временем младший сын Таркиная Мидгару,— от него осталась лишь оболочка. Неужели ты думаешь, что Ярл, лишь начавший постигать премудрости ведовства у своей матери, мог обернуться волком и разогнать Охранителей Сторон Света? Или вернуться с Ледяных Полей? Или ему был известен тайный смысл священных чисел? Подозреваю, он ничего не слышал о пентадах, гептадах, не говоря уже о сокровенной цифре тридцать шесть. Помнишь *шатуна*, над которым склонился твой брат по пути к Дому локапал? В тот миг, когда взгляды наши встретились, я овладел его телом и пребываю в нем до сего времени. У меня свои цели, и они вовсе не совпадают с твоими намерениями завоевать мир.

— Ты — демон? — выдохнул Лисий Хвост, стиснув рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев.

— Нет, я не демон. Я — представитель народа, знания которого неизмеримо выше всех прочих. А тот, кто владеет великими знаниями,— несет большую ответственность перед остальными. Мне нужны меч и плеть небожителей, ибо в них скрываются частицы силы, которая тебе и не снилась во всех твоих удивительных снах. Опасность, нависшая над миром, куда серьезней, чем твои жалкие потуги его покорить.

— Гром в облаках! — рявкнул руг, извлекая оружие.— Я подозревал... О Арес, где были мои глаза!

— Твои глаза не видят дальше собственного носа. Лучше убери меч и отойди с дороги.

Только когда они скрестили клинки, Дагеклан окончательно поверил, что Да Дерг вернулся. Сам опытный фехтовальщик, Железная Рука сразу понял: Ярл не мог бы столь изящно и точно орудовать кривым мечом. Заложив левую руку за спину, он легко отбивал мощные удары Мидгара, не поддавался на обманные движения, и сколь яростно ни нападал вождь ругов, оставался на месте, все время поворачиваясь лицом к противнику.

Несколько раз, заставив наследника Таркиная откнуться, он легко мог поразить его в грудь, но задерживал клинок в двух пядях от меховой куртки Лисьего Хвоста. Грубые черты лица Ярла разгладились, на губах блуждала насмешливая улыбка, и хотя внешне он оставался почти прежним, телом руга теперь полностью владел загадочный фаллиец.

Они дрались на зеленом косогоре, в тени летучих челнов, похожих на огромные блестящие веретена, и один из бойцов более всего жаждал убить того, кого еще недавно любил и называл братом, а другой хладнокровно защищался, не получив ни единой царапины за все время схватки, но и не ранив своего противника.

— Проклятый колдун,— хрипел Мидгар,— ты погубил Ярла, но тебе не получить небесных кораблей! Только когда я умру...

— Я мог бы уже десять раз убить тебя,— отвечал его недруг, отбивая выпады,— но не хочу этого делать. Разве жадность достойна истинного руга? Я ведь оставляю один корабль!

— Зачем он мне, если ты заберешь меч и плеть ямбаллахов? Ты — вор, и я убью тебя! Знаю, что убью, ибо пророчество Иорды должно сбыться...

— Ребенку опасно играть с оружием,— вдруг сказал отшельник негромко, но так, что все услышали.

И тут же меч руга отлетел в сторону.

— Подойди, сын Таркиная.

Мидгар, недоуменно глядя на свою руку, только что сжимавшую рукоять меча, повиновался.

— Вижу, ты знаток древних предсказаний,— улыбаясь, сказал старик.— Помнишь, что говорил Иорда о своем возвращении?

— Забыл,— Лисий Хвост покосился на Ярла, который, вложив клинок в ножны, стоял на том же месте, где они недавно бились.— Там было что-то непонятное...

— А ты вспомни, сынок.

— «Я вернусь, когда... когда раздастся звук хлопка одной ладони». Это значит — мы никогда не увидим пророка.

— Толкователи, — не то одобрительно, не то насмешливо произнес старик.

Потом поднял руку с разжатыми пальцами. Он не сделал больше ни единого движения, но громкий, отчетливый хлопок прозвучал, эхом отразившись от горных склонов. Тогда старик помахал рукой, призывая всех подойти.

— Когда-то меня звали Блаженным Иордой из Темного Распада, — продолжая улыбаться, заговорил отшельник. — Место там гнилое, растет много грибов охму. Жил я одиноко, делать особо было нечего, вот и пристрастился грибочки варить да отвар попивать. Сам знаешь, сынок, что после того напитка бывает... Ничего, что я тебя, вождя великого, сынком называю? Извини уж, лет мне поболее, чем вам всем, вместе взятым, и еще десять раз по десять. О тебе, Бу, я не говорю. Так вот, стали мне являться разные видения, и пошел я по людям, дабы снискать себе пропитание. Руги дурачков да блаженных издревле привечают, не без опаски, конечно. Иные даже били, но не до смерти. Чаще слушали, разинув рты: еще бы, такое развлечение! Я отвару напьюсь, наземь грохнусь и ну слова разные выкрикивать... Иногда дельное, но больше чепуху разную. «И восстанут мертвые, и лед поглотит землю»... Или вот еще: «И будет сей посланец ликом темен, и на руках огонь, и без сердца»... Кудесники кое-что запомнили и потом передавали из уст в уста.

— Ты хочешь сказать, что все твои пророчества ничего не значат? — ошеломленно молвил Мидгар. — Всю жизнь я верил, что в словах Иорды заключена высшая истина, всю жизнь ждал наступления *времени*... Скажи, старик, что все это было обманом, и я тут же воткну нож себе в сердце!

— Ну что уж ты так, — слегка поморщился отшельник. — Кто там говорил, что на флейте, не имеющей

отверстий, играть труднее всего? Ну так сей мудрец был прав. Ты, сынок, послушай все же старика, может, и не станешь себе кровь пускать.

Долго я валял дурака и питался за счет подаяний, пока случайно не попал к куннам. А у степняков иной взгляд на вещи: блаженных они сажают на колья, дабы молодежь с толку не сбивали. Едва не лишился я жизни от рук кочевников, да повезло — продали меня в рабство ругорумам. Рабство у них легкое, худшее наказание — розги, смоченные в уксусе. Смертью казнят лишь тех, кто крадет золото, а я всегда был к нему равнодушен. Купил меня один мудрец, для потехи: очень ему забавно было меня слушать. Потом в ученых спорах многие мои речения употреблял к месту и не к месту.

Мудрецы тамошние все думали, как дверь Павильона открыть и в тайны ямбаллахов проникнуть. Открыли наконец, но что-то там испортили, пришлось другую навесить, железную. До конца лестницы они никогда не поднимались, считая, что ступени ведут прямоком в бесконечность. Никто их и не понуждал: ругорумы так привыкли к довольству и благодушию, что только пугали себя, словно дети, ужасами, таившимися за Медными Порогами. Какие-то воспоминания у них сохранились, об Астарте толковали, коему раньше жертвы приносились, о пропастях бездонных...

Как-то я увязался за своим хозяином в Павильон, да и улизнул вверх по лестнице. Никто догонять не стал, все решили, что глупый раб сам полез в пасть Астарту. А если никакого Астарта нет, того хуже, падает дурачок прямоком туда, где нет ни концов ни начал, и тоже сгинет.

Рассуждая так, мудрецы были недалеко от истины: я действительно оказался в довольно странном месте. Как миновал зал Безмолвно Глядящих и пропасти — рассказывать не буду, у каждого свои методы. Потом бесцельно блуждал в лабиринтах, учась распознавать, что есть съедобного на полках и в нишах. Мыслю,

снаружи миновала не одна сотня зим и лет, а мне ничего не делалось, только одежда слегка изнасилась.

Среди таинственных предметов я обнаружил вот такие полупрозрачные плитки, открыл письма, в них заключенные, и научился их понимать. Поначалу я ужаснулся: все, что когда-то приходило в мою бедную голову под воздействием отвара грибов охму, было начертано здесь и объяснено тысячами различных способов. Высочайшая мудрость заключалась в этих плитках, но она грозила увлечь в пропасть безумия. Я перестал читать и пытался разбить крепчайшие плитки, я топтал их ногами и метался по железным коридорам с дикими криками... И вот, когда я уже совсем решил броситься в огненную бездну, мне повстречался Астарт. Мы поговорили, и он мне многое объяснил.

— Ты... говорил с этим чудовищем?! — охнул Мидгар.

— Конечно. Астарт — большой мудрец, ведь у него целых семь голов, хоть и довольно уродливых... Не печалься, юный Аскилта, Астарт успел отложить яйцо, из которого заново сам и родится. Не пытайся это понять, но не считай себя убийцей. Так вот, Страж Закона многое открыл мне, и я понял, что через одну точку можно провести бесконечное число линий... Мои пророчества, сын Таркиная, не были обманом, но вы, руги, поняли их по-своему. Ваш народ действительно ждет великое будущее, но совсем не то, к которому ты столь опрометчиво стремишься.

— Объясни мне старец, как нужно тебя понимать. Благо племени — высший закон для великого вождя, а я считаю себя таковым и готов подчиниться высшей мудрости.

— Тогда присядь рядом, и я прочту тебе письма, заключенные в плите, оставленной небожителями.

...Когда Дукарий Аскилта Эвмолп, гордый оказанной честью, поднял первый корабль в воздух, гном глянул в широкое окно и одобрительно пробурчал:

— Ай да старичок, отвлек-таки нашего героя от мировых разрушений... Вон, сидит, поджав ноги, мудрость впитывает. А что, неплохой парень этот Лисий Хвост, только диковатый.

— Гляди-ка, дядя, я был прав — земля плоская, как пирог! — восторженно воскликнул Аскилта.

Летучий челн стремительно набирал высоту. Гора Меру исчезла за клубами белых облаков, превратившись в маленькое пятно посреди серой пелены, закрывавшей страну Огнедышащих Гор. Их кольцо неяркое тлело далеко внизу. Солнце исчезло, появились звезды.

— И вовсе гора Меру не подпирает небо, — заключил ругорум, — не пойму только, почему на ней трава растет, если сейчас зима...

— Спроси заодно, почему там солнце светит, если сейчас ночь, — строго оборвал его рудознавец. — Любо-мудр нашелся. Молод ты еще о таких вещах рассуждать, если даже землю плоской считаешь. Вон, смотри, говорил тебе — она на миску похожа!

За кольцом Огнедышащих Гор расстилались бескрайние ледяные поля, а дальше, все выше поднимаясь к окоему, вставали скалистые берега замерзшего моря. Страна рогов словно погружалась на дно огромной чаши.

— Оба вы не правы, — подал голос Бу, удобно устроившийся на панели между разноцветных огней. — Сей вид — зрительная иллюзия. На самом деле наш мир — шар, вложенный в другой, больших размеров, тот, в свою очередь, находится внутри следующей сферы и так — до бесконечности. Это можно понять, если подняться еще выше. Но мы этого делать не станем, а то замерзнем. Курс — юго-запад! Чтобы тебе, Дука, было понятней, правь туда, куда я покажу хвостом.

— Ладно, — согласился Аскилта, — только вот что... Мидгар хитрил, говоря, что оружия у него — меч да плетка. Но братец-то его, или кто он там на самом деле, показал, как огнебойные шары запускать. Можно,

я напоследок на Город один скину, чтобы у них крыша провалилась?

— Я тебе скину! — вскипел гном. — Кровожадный какой нашелся! Поворачивай, куда тебе старшие велят!

— Сам бы и поворачивал, — буркнул юнец, мысленно еще раз возблагодарив судьбу за то, что у Гнубуса из Тюирнлги слишком короткие ручки и ему нипочем не дотянуться сразу до желтой и зеленой полосок.

Летучий челн описал плавную дугу и стремительно понесся к югу. Далеко позади серебристой искрой виднелся второй корабль. Им управлял Да Дерг.

Глава восьмая УСЛОВИЯ БИТВЫ

Знайте же, что боги жаждут, чтобы веровали в них и чтобы сомнение было грехом...

Скрижаль магов

У них не было лиц, только светлые силуэты, проступавшие сквозь мрак в углу комнаты. Свет словно таился внутри тонких фигур, не освещая ничего, кроме них самих, — казалось, два огромных светляка пристроились на невидимых листьях в ночном лесу.

И голоса, то негромкие, как шелест древесной кроны, то поднимавшиеся до рокота водопадных струй, возникали совсем не там, где находились Посланники, а сразу повсюду, накладываясь и повторяясь эхом так, что иногда трудно было разобрать слова их.

Впрочем, они больше молчали.

Говорил Ариман. Он сидел на своем троне, уронив левое крыло и склонив голову к плечу, и в голосе его не было ничего, кроме печали. Яркий круг служил основанием его трону, темный бог напоминал жуткое насекомое, примостившееся на кувшинке неведомого цветка посреди черного озера. По правую сторону застыл в своей нелепой униформе Тавискарон Тучегонитель, внутренне трепеща и время от времени громко

клакая зубами. Конн стоял слева от трона, внимательно слушая разговор небожителей.

— Я был тяжелыми каплями, падающими одна за одной из темной тучи, нависшей над человечеством,— говорил Ариман,— предвестником молнии и самой молнией, предчувствием гибели и свершением оной. Меня молили отвлечь взгляд мой, не убивать ни большого, ни малого, ни отца, ни матери... И, говоря так в сердце своем, трепетали в томлении, зная, что смерть неизбежна, и станет она наградой лишь храбром, а сонмы размножившихся без счета уйдут, не оставив следа, чтобы вечно скитаться по Серым Равнинам. С именем моим на устах шли в бой отважные воины, имя мое шептали те, кто поднимал паруса, отправляясь в неведомые земли, великие злодеи и великие герои замыслили и вершили дела во славу мою!

— Ты возгордился не в меру и сам выбрал удел свой,— возник голос Посланников, подобный рокоту южного ливня.— К Митре возносятся ныне молитвы, и нет Ему дела, отважно ли сердце молящегося или сир и убог он, из палат каменных доносится глас его или из тростниковой хижины, ибо Податель Жизни внемлет каждому сердцу, и благодать Его распростерта над всеми...

— Если так, наступает время, когда человек не сможет пустить стрелу желания выше себя самого, ибо станет уповать лишь на волю небес. Приближается время, когда человек перестанет смотреть на звезды, ужасаясь Великой Беспредельности, но стремясь познать хаос, частица которого живет в душе его. А те, кто будет поднимать голову, станут считать небесные светила, как скупец пересчитывает золото свое, в надежде, что звезды подскажут дорогу к счастью. И тот, кто скажет в сердце своем: «Я нашел!» — будет последним из рода людского, и станут тогда рождаться скоты с двумя ногами, и пойдут отысканным звездочетами путем, глядя в спины друг другу и часто моргая. И станут

сбиваться в стадо, страшась холода. И Пастырь поведет их, куда возжелает!

— Митра есть Любовь,— прозвенел голос Посланников,— те, кто следует за Ним, идут дорогой праведных.

— Те, кто ходит осмотрительно, и чихнуть считают за грех,— отвечал Ариман.— Они еще стремятся к мечу и богатству и подливают друг другу яд: он навевает приятные сны. Но если Любовь и Порядок воцарятся в мире, не станет ли слишком хлопотно наткаться на камни? И Правитель скажет: «Власть моя от Митры, и никто не смеет стоять у меня на пути». И скажет богач: «Золото даровал мне Податель Жизни, спасибо ему», а неимущий откликнется: «Крышу над головой просил я у Всеблагого, и Он дал мне». А жрец возвестит им: «Раньше весь мир был безумием, теперь же настала благодать, возрадуемся!» «Мы обрели счастье»,— скажут двуногие скоты и станут усердно молиться. И вино будет в радость им днем, а совокупление — ночью.

— Ты забыл, что в мире достаточно зла,— снова вступили Посланники,— и Митра поддерживает Великое Равновесие...

— Великое Равновесие! Разве о том страхе говорю я, который царит среди живущих? Голод, война и болезни преследуют их, но разве Серые Равнины наполняют трепетом сердца людские? «Все там встретимся»,— говорят они и посылают друг друга к Нергалу по сто раз на день. Разве Змей Вечной Ночи страшит их? «Он глубоко под землей»,— говорят они и пугают Сетом детей. Несварения желудка страшатся они больше, чем богов, первейший учитель добродетели у них тот, кто варит похлебку проповеди пополам с цветами снотворного мака. Они спят, и сон их лишен сновидений.

Вы, считающие себя Благими Богами, лишив Сердца, заключили меня в Железный Замок, но разве те, кто усердно молятся Митре, не поступают так же,

бросая в узилища колдунов и еретиков, сжигая их на кострах во имя Любви и Порядка? Сомнения и воля к Беспредельному — вот худший недуг среди людей, но если частица хаоса изначально живет в их сердцах — не лучше ли и весь род человеческий лишить сего опасного органа?

Ариман умолк, молчали и Посланники.

— Ты — самый лукавый из небожителей, — раздался наконец голос-эхо, — и речи твои имеют столько же смыслов, сколько раз отражается одно зеркало в другом. Мы пришли, чтобы спросить: если Митра вернет тебе Сердце, и ты снова воссядешь по правую руку Всеблагого, клянешься ли вместе с Ормуздом, верным слугой Подателя Жизни, трудиться во имя Великого Равновесия?

Правое крыло Аримана, таившееся за спиной, взлетело и снова упало, едва не накрыв Тавискарона. Маг взвизгнул, отскочил и снова застыл, выкатив глаза и стуча зубами. Теперь оба крыла темного бога лежали по сторонам трона, напоминая спадающую с плеч мантию.

— Нет! — прогремел Ариман. — Я не буду слугой Ему! Мы — вечные противники, хотя я и порожден духом Его. Митра хочет услышать мою клятву? Так вот же: клянусь, что, вновь обретя Сердце, я пойду на Него войной, и много отважных душ соберется под стяги мои! Те, кто любезен мне, явятся по первому зову: герои, жаждущие побед и блеска, стремящиеся к гибели во славу мою! Их немного, но они станут во главе моего воинства, остальных же я призову, разрушив стены добродетели и клетки законов. Я вызволю их из плена, и число им будет — легион. На крыльях моих когти — дабы рвать цепи ложных ценностей и заблуждений, под крыльями — хвост скорпиона, способный разрушать храмы смирения и наполнять ядом жертвенные чаши, пасть моя полна острых зубов, и каждый вопьется в грудь смертного, отворяя дорогу хаосу... А когда Беспредельное вырвется наружу, ос-

вежающий вихрь смешает ваше добро и зло, перекрутит, подхватит и унесет, как ветер осени — мертвые листья. Тогда посмотрим, кого станут поминать, накладывая стрелу и натягивая тетиву, — меня или Митру!

— Облик твой столь же обманчив, как твоя сущность, но не забудь: скорпион часто жалит себя сам! Митра может заставить умолкнуть твои уста, а взор сделать неподвижным.

Ариман гулко расхохотался.

— Если бы Он этого хотел, не прислал бы вас, — сказал, отсмеявшись. — Предвечный не может уничтожить свое порождение, ибо я — часть Его Самого. «Свет порождает Тьму», — не так ли сказано в Заветах? Если уничтожить Тьму, вещи перестанут отбрасывать тени — останутся одни бесплотные формы. Да, у меня много обликов, но, даже уничтожив любой из них, Митра не сможет избавиться от меня, как человек не может избавиться от собственной тени, если только не станет все время сидеть в комнате с занавешенными окнами, а Всеблагой лишен такой возможности, ибо сам Он — источник света. Чего боится Митра? Скажу: Податель Жизни боится, что те, кто возносят ему молитвы и жгут свечи в храмах, в час Последней Битвы отвернутся от Него и встанут под мои знамена. Ибо Он раздает милостыню, я же дарую свободу...

— Немного же удалось тебе собрать приспешников, — откликнулись Посланники. — Фоморам ты безразличен, ибо они — не люди, случайно оказались пленниками этого мира и даже не могут покинуть Железный Замок. Ты наполнил цитадель своими творениями, готовясь к битвам, вызвал воинов Нергала из Нижнего Мира, но все это — часть тебя самого. Кто из людей встал под твои черные стяги? Несчастный немедиец, тело коего ты поглотил? Или этот жалкий пустой старик?

— Вы, как всегда, точны, о Благие, — насмешливо сказал Ариман. — Пустота души — высшее достоинство

Тавискарона Тучегонителя, ибо я волен заполнить ее чем угодно. Побольше бы таких порожних сосудов... Эвраст же счастлив, избежав написанного на роду ничтожества своего. Но вы лукавите, именуя меня вождем без воинства. Пока я заперт внутри Замка и принужден обитать в этой оболочке, я не могу, подобно вам, уподобиться стихиям и овладеть душами. Митра играет нечестно. В мутном потоке жизни Он оставил людям лишь холодных лягушек и теплых жаб: они противны, вызывают бородавки, но кто станет принимать их всерьез? Кто станет служить знамени, на котором красуется жаба? Но не все слепы: брат воина, стоящего рядом с моим тронem, доблестный Ннок, принял мою сторону и станет первейшим военачальником моим, когда я верну Сердце. О, тогда я соберу несметное войско добровольцев, а Митра пусть собирает свое! И пусть трепещут рабы, говоря: «Вот, близится Великий Полдень», и пусть ликуют те, для кого погибнуть во имя Беспредельного — высшее благо!

Стало тихо, только в животе у колдуна громко урчало да изредка клацали его желтые зубы.

— Сердце твоё — в кольце на пальце этого воина, и ты знаешь об этом, — зазвенел голос Посланников. — Все твои усилия овладеть им окончились неудачей, но Великий Митра желает посмотреть, сможешь ли ты овладеть Сердцем, используя то, что скопил в Железном Замке. Пусть на поле Маг Туиред грянет битва между племенами богини Баннут, обитателями Инис Фалль, и твоим темным воинством. Ты сам поведешь легионы, приняв облик, в котором породил тебя Предвечный. Если ты победишь, значит, так угодно Высшим Иерархам, и Великий Полдень действительно близок. Если нет... что ж, тебе не впервой проигрывать. Отправь своего пленника в стольный Лиатдруим, к королеве Матген, пусть он возложит багровый кристалл на Камень Делений, и тот вернет силу Сердцу Аримана. Всебла-

гой желает сделать твоё Сердце ставкой в игре, и ты не сможешь назвать её нечестной. Но запомни, пока ты не овладел Сердцем, сражение сил Света и Тьмы не выйдет за пределы Маг Туиред!

Посланники исчезли тихо и незаметно, словно задутое пламя свечи.

Ариман сидел, склонив к плечу уродливую голову, рыба его пасть была полуоткрыта, сетчатые глаза потухли.

— Ты слышал? — сказал наконец темный бог, обращаясь к Конну. — Ступай в Лиатдруим и передай Матген условия сражения, которое должно состояться через три дня. Эльтира останется в Замке. Она достанется лишь тому, кто сумеет меня одолеть, а для этого сначала нужно разгромить мое войско. Небожители и на сей раз решили ограничить мое вечное соперничество с Благими островом Фалль. Но на сей раз они просчитались, позволив мне явиться в первозданном облике.

— Неужели он еще более отвратителен, чем тот, который я вижу? — спросил король. — Кем породил тебя Митра?

— Когда-то меня называли Красным Вепрем Неба, — сказал Ариман, — и на клыках своих я мог поднять всю землю, утопленную в океане демоном Хараньякшей. А теперь ступай — Тучегонитель проведет к воротам.

* * *

Лязгающий зубами маг провел его по бесчисленным железным коридорам и гулким лестницам, где не встретилось им ни души. Только возле выхода Тавискарон справился с челюстями и даже сумел выговорить пару внятных фраз.

— Зря уходите, — сказал кавалер ордена Пожиратель Пасти, — мой повелитель все равно всех сильнее. Видели зубища какие? И превращается, и огонь отвратить умеет — высшая магия!

— Вот он тебе этими зубищами и откусит пустую голову, — сказал король и вышел наружу.

Створки со скрежетом сомкнулись за его спиной. Обернувшись, Конн не обнаружил ни малейшего признака ворот, только неровную железную плиту, убежавшую ввысь. Он стоял на узкой полосе, обрывавшейся в желтые воды пролива. На противоположной стороне в вечернем сумраке тускло светились огни небольшого городка.

Конн подумал было, что пролив совсем не широкий, и его легко можно преодолеть вплавь, но вспомнил слова духа-хранителя о ядовитом Тритоне, скрывавшемся под водой, и отнял руку, потянувшуюся было к завязкам позолоченного нагрудника. Эх, если бы малыш Бу снова оказался на его плече, он бы подсказал, что делать...

«Что делать, что делать, — зазвучал вдруг неслышный голос. — Не печальтесь, Ваше Величество, мы уже близко, сейчас полетим!»

Раздалось хлопанье крыльев, и рядом опустился Марабуэль. Бу сидел на голове горного духа, крепко вцепившись в красный хохолок маленькими лапками. Он резво спрыгнул на плечо короля и заговорил уже вслух:

— Оставаясь вашим духом-хранителем, согласно поручению госпожи с посохом, прибыл, дабы оказывать всяческое содействие. Желаете совершить осмотр Инис Фалль, прежде чем отправиться в Медовый Покой королевы Матген?

— Приветствую тебя, Марабуэль, и тебя, храбрый элементар, — сказал Конн, улыбаясь. — Вижу, ты не зря нырнул в живую картину, не убоившись пламени Аримана. Однако крылышки твои совсем обгорели и хвост почернел...

— Наказан госпожой Ишшу за недогадливость. Прикипел к этому телу и стану свободен, лишь когда окончу свою миссию. Полетели?

— Но ты, кажется, утверждал, что духи могут оказывать помощь лишь в Лучезарном Мире. Разве Марабуэль способен сейчас меня поднять?

— Да я и сам запутался, — удрученно покачал головой Бу. — Тонкий мир, плотный мир, верхний, нижний, астральный, ментальный... Тьфу, сам Нергал хвост поломаешь! Запутался, Ариман меня и подловил. Вернее вас, государь. Поделом меня Ишшу наказала. Ну ничего, мы еще попляшем на кончике мачты!

— На кончике мачты? — переспросил король и тут же вспомнил рассказы моряков о странных огнях, возникающих временами на мачтах и реях кораблей.

Пока Марабуэль нес его к столице, Бу пытался толковать о странностях местоположения острова Фалль, но за свистом ветра слова его были плохо слышны. Конн понял лишь, что Фалль лежит как бы на перекрестке миров — что невозможно в другом месте, здесь случается чуть ли не ежедневно. В мысленные расспросы король пускаться не стал: голова его была занята совсем другими рассуждениями. Конн признался себе, что впервые в жизни боится грядущей битвы, ибо схватка предстояла с демонами, а ставка в сражении была чересчур высока: Эльтира, Талисман и весь мир. И в случае поражения не Серые Равнины ожидали его, а вечное рабство у темного бога. Он знал сие доподлинно, хотя и не умел читать чужие мысли, тем более мысли небожителей.

Занятый тяжелыми думами, король почти не обращал внимания на море огней, разливавшееся внизу. Города Инис Фалль были освещены, как в дни большого праздника, яркие фонари пылали вдоль нитей дорог, а на башнях развевались флаги, озаренные специальными светильниками. Покой и мир царили повсюду, но в шорохе крыльев духа гор королю слышался свист иных крыльев, готовых бросить зловещую тень на прекрасный остров посреди безбрежного океана...

Марабуэль плавно опустился на двор величественного строения, стоявшего на вершине горы в центре стольного Лиатдруима. Здесь толпились юные пажи в курточках с пышными буфами и узких штанах —

одна нога красная, другая белая. Пятеро подбежали к Конну, отвешивая изысканные поклоны, трое поднесли Марабуэлю серебряное блюдо, полное искристых зерен. Дух гор вежливо покивал красным хохолком, уселся и принялся солидно клевать угощение. Бу, сославшись на неотложные дела, юркнул куда-то и тут же исчез.

Идя за пажами, Конн мельком отмечал, что палаты королевы Матген превосходят все, что ему приходилось до сих пор видеть. Здесь не было грубого величия Севера, кричащей роскоши Юга или самодовольной пышности Востока — и хотя в убранстве дворца присутствовали мотивы искусства всех стран мира, более всего оно напоминало «сад камней», виденный Конном во дворе осевшего в Тарантии негоцианта с дальнего Востока: ничего лишнего, но глаз оторвать невозможно. В иное время король с удовольствием осмотрел бы дворец, но сейчас он торопился сообщить властителю острова дурную весть и, тяготясь сим обстоятельством, шагал с весьма мрачным видом.

— Неужели вы сводный брат Ннока? — услышал он вопрос одного из пажей, который бежал перед ним спиной вперед, во все глаза разглядывая гостя.

— Ах, Уно, — тут же сказал другой паж, смешно насупив брови, — где твоя вежливость? Ты первым заговорил с королем!

— Да, я брат Ннока, — хмуро отвечал Конн, — хотя это меня мало радует.

— Ннок такой храбрый, — сказал первый паж.

— Да ведь он враг вашей повелительницы!

— Конечно враг, — охотно согласился отрок, — но очень, очень храбрый!

Медовый Покой оказался круглым залом с желтоватыми стенами, похожими на стекло, — сквозь них проникал мягкий свет, озаряя черный пятиугольный монолит в центре. Алтарь рассекала красная трещина, по обе стороны которой недвижно лежали два тела.

Конн не сомневался, что видит перед собой Камень Делений, а женщина в черном платье, стоящая рядом, — королева Матген.

С поклоном он приблизился к повелительнице острова Фалль и невольно залюбовался ее лицом: чистым, молодым, обрамленным темными локонами, в которых сверкала серебряная диадема с изображениями луны и солнца.

— Ты очень похож на своего отца, — сказала Матген, прикоснувшись легкими пальцами к щеке Конна. — Хотя он был гораздо старше, когда мы впервые встретились в этих покоях. Он не был таким и в твоём возрасте, многочисленные шрамы покрывали его лицо, а кожа, наверное, была грубой, обветренной. И все же вы очень похожи — теперь я знаю.

— Я встречал еще одного человека, сходного со мной, — сказал Конн. — Ваш сын, королева, и мой сводный брат. Я вынужден был вступить с ним в схватку, едва прибыл на остров.

— Ну, — улыбнулась Матген, — ты видел его лицо?

— Его разглядел мой дух-хранитель и сказал, что мы очень похожи.

— Видишь ли, дорогой мой, Инис Фалль — такое место, где даже обитатель стихий может ошибиться. Ты сражался с Руадом Рофессой или Красным Многомудрым: он бросает вызов каждому прибывшему на остров, дабы испытать мужество гостя, и склонен временами принимать его облик. Ннок давно оставил нас, безвылазно живет в своих владениях и очень досаждаёт Маленькому Народцу.

— Позволишь ли сказать, что слышал я о брате в Железном Замке?

— Я все знаю. Ннок служит Ариману. Фелиды ошиблись, считая, что Конан передаст сыну то, что нам нужно. Твой отец был сложным человеком, дурное и хорошее густо мешалось в его душе, а мой сын перенял от киммерийца лишь храбрость да излишнее прямодушие. Узнав, что я провела ночь с Конаном, будучи об-

рученной с Да Дергом, последний воспринял это как личное оскорбление и решил отомстить. Что поделать, он совсем мальчишка...

— Мальчишка?! — вскричал Конн возмущенно. — Он старше меня, а я с семи лет держу в руках боевое оружие! Или на вашем острове все до седых волос остаются неразумными юнцами?

Он смущенно умолк, поняв, что его слова могли обидеть королеву — судя по всему, лет ей было немало.

Матген улыбнулась.

— Я гораздо старше, чем ты думаешь, — сказала она. — Фаллийцы, действительно, хорошо сохраняются до глубокой старости, в прочем же они сходны с другими людьми: есть среди нас и умники, и тупицы. Рада, что ты столь близко к сердцу принимаешь поступки брата, все-таки в ваших жилах течет частица киммерийской крови. Ннок стал одной из причин, приведших тебя на Инис Фалль, и ты вправе знать о нем всю правду.

— Да Дерг говорил мне, что ваши мудрецы ошиблись, надеясь, что сын Конана сумеет воссоединить Камень Делений, но он не упомянул об измене брата...

— Гармония мира не знает границ, — раздался вдруг знакомый голос, — но иногда ее приходится нарушать ради высших целей.

Конн обернулся. Коротко стриженный мужчина в коричневой куртке, узких штанах и туфлях с серебряными пряжками поднялся с алтаря и направился к королю. Отвесив изысканный поклон, продолжил:

— Прошу простить меня за то, что не все рассказал в оружейной тарантийского дворца. Поверьте, тому были веские основания. Во всяком случае я выполнил свое обещание: сильнейшее в мире оружие, вобравшее в себя частицы Силы вашего Талисмана, — здесь.

Он хлопнул в ладоши.

Появился скромно одетый юноша в красном берете. В руках он бережно держал бархатную подушку. На ней лежали крестовина, украшенная зелеными камнями,

и рукоять, перевитая спиральной нитью белых шариков.

— Но вы, помнится, говорили о трех предметах, — заметил Конн, внимательно разглядывая небесное оружие.

— Третий находится у вас за поясом, — сказал Да Дерг. — Музыкальный инструмент Дамбаэля...

Король почти забыл о дудке. Он извлек ее и бережно положил на бархатную подушку.

Все вместе они подошли к алтарю. Камень Делений, рассеченный кровавой трещиной, был пуст — второе тело исчезло.

— Здесь только что лежали двое, — пробормотал Конн растерянно.

Да Дерг кивнул.

— Одним из них был ваш покорный слуга, вторым — тот, в чьем теле я не так давно находился. Ярл, сын Великого Таркиная...

— Он... исчез?

— О нет! Этот молодой руг пришелся мне по душе, мы неплохо ладили. В отличие от элементаров, которые могут полностью подчинять себе тела людей, но лишь на короткое время, мы пользуемся другими методами. Они позволяют пребывать в теле носителя гораздо дольше, но требуют крайней осторожности. Именно поэтому я не сразу овладел сознанием черно-книжника Богуза, и весьма бережно обращался с Ярлом... Он жив и сейчас полностью принадлежит себе. Фелиды увели руга, пока вы беседовали с королевой, Ярлу еще предстоит окончательно прийти в себя, а на это потребуется некоторое время. А сейчас, Ваше Величество, положите свой перстень на Камень Делений. Рядом мы поместим меч, плеть и дудку ямбалахов, дабы они смогли постепенно передать Силу Талисману.

Конн снял с пальца кольцо и опустил на черную поверхность. Как только перстень коснулся монолита, тусклый кристалл стремительно увеличился в разме-

рах, оправа его лопнула, и Сердце Аримана заняло свое место на Камне Делений. Юноша, державший бархатную подушку, разместил тут же небесное оружие и почтительно отступил на несколько шагов.

Ровным счетом ничего не произошло.

— Для того, чтобы вернуть Силу Талисману, требуется некоторое время,— пояснил Да Дерг, заметив разочарованный взгляд Конна,— дня три...

— Как раз через три дня темный бог выведет свои войска на поле Маг Туиред. Но я еще не сказал королеве...

— Мне обо всем известно.— Матген легко тронула Конна за плечо.— Не забывай, что Да Дерг — эмэйн Короля фоморов. Теперь он снова установил связь с Ариманом.

— Значит, Ариман знает все, что происходит в Медовых Покоях?

— Нам нечего скрывать. Мы приняли его вызов и выполнили условие: Сердце темного бога находится на алтаре, через три дня оно обретет полную силу, и если Ариман победит — он его получит.

— Но камень расколот.... Не должен ли я вначале его воссоединить?

— Для этого вам нужно собраться вместе.

— «Вам»? Но — кому?

— Тебе и... Нноку. Фелиды считают, что вы с братом — две половинки единого целого и, лишь вступив на алтарь вместе, сможете восстановить его целостность.

— Новая неожиданность! Вижу, Да Дерг многое от меня утаил. Но если Ннок служит Ариману, как заставить его вступить на камень?

— Сын непременно появится на поле сражения,— спокойно объяснила Матген.— Тебе придется пленить брата, чтобы доставить его сюда. Конечно, если мы победим. Если же верх одержит Ариман — все это уже не будет иметь смысла.

— Я готов!

— Тебе понадобится оруженосец. Им будет сей достойный юноша.

Молодой человек в красном берете поклонился Конну.

— Меня зовут Бугдрасиль,— сказал он.— Это значит — Живущий Возле Корней.

И, широко улыбнувшись, добавил:

— Не правда ли, слишком длинное имя, государь? Можете называть меня просто Бу...

Глава девятая

МАГ ТУИРЕД

Покуда текут волны моря,
будут светлы, но без блеска,
ибо текут они подле
кровавого дола Туиред...

Тиллмфер. «Скала Олламов»

Он не так уж велик, — сказал Конн. — Ариман забыл, что Митра породил его там, где верблюд может пройти в ушко иглы, на острие которой резвится целый сонм Посланников, — сказала Матген. — Он мог поднять на клыках землю, но кто поручится, были ли клыки его столь огромны, или земля еще слишком мала? Во всяком случае, на поле Маг Туиред мы видим весьма крупное животное, однако не превышающее размерами среднего быка.

Миновало три дня с тех пор, как Конн покинул Железный Замок.

Властители четырех королевств острова — Лейнстера, Улада, Коннахта и Мунстера, объединенные общей опасностью, собрались в столице пятого государства, именуемого Миде, — Лиатдруиме. Матген считалась верховной правительницей Инис Фалль, но власть эта передавалась ей по общему согласию. Королева и ее супруг ведали в основном делами внешней политики: отношениями с фоморами. Сейчас, когда опасность вновь

грозила из Железного Замка, повелители четырех королевств прибыли в главный город острова со своими войсками, чтобы противостоять общему противнику.

Явился даже седобородый король народа сидов Бодб Дерг, не часто покидавший свои волшебные холмы. Он привел отряд рыцарей в сверкающих доспехах и сотню безоружных отроков в длинных белых одеяниях. Отроки несли свежие ветви, годные для рассеивания миражей и прочих бесплотных видений.

В Медовом Покое состоялся военный совет, на котором присутствовали Матген, Да Дерг, пятеро королей, Конн и Дагеклан. На огромной карте, занявшей половину залы, намечен был план сражения, и каждый теперь знал свое место и что ему следует делать. Мало кто из жителей острова Фалль сомкнул глаза в ночь накануне битвы. Ставни на окнах были плотно закрыты, сквозь них доносился глухой шум, лязг и грохот: воинство Аримана двигалось к полю Маг Туиред.

Войска фаллийцев заняли позиции еще с вечера. И когда, разогнав утренний туман, взошло солнце, его лучи засверкали на тысячах копейных наконечников, на шлемах рыцарей, заиграли на ярких перьях их плюмажей, на разноцветных плащах, вымпелах и стягах... Четыре тысячи воинов — по тысяче от каждого королевства, — вооруженные мечами, пиками, палицами и пращами, дожидались начала битвы. Впереди двойной цепью стояли лучники, засадный полк под командованием Руада Рофессы таился в роще на правом фланге.

На холме позади линии войск стояла золотая колесница королевы Матген. Конн и Дагеклан восседали на конях по обе ее стороны: под их началом была королевская гвардия. Да Дерг отсутствовал: ему была поручена особая миссия.

Утро было ясным, ни единого облачка не проплывало в лазурном небе. Трава, еще блестящая от ночной росы, лежала ровным ковром, и с трудом верилось, что вскоре поле Маг Туиред будет вспахано тысячами ног и копыт, а зелень покраснеет от потоков крови.

На противоположном конце долины тоже возвышался холм. Подножие его было окутано клубами тьмы, скрывавшей воинство Аримана. Сам же Красный Вепрь Неба стоял на вершине, и шкура его пламенела под лучами встающего дневного светила.

— Не забывай, что кожа этого зверя подобна крепчайшему железу, и пробить ее может только священное копьё Дагда,— продолжила королева.— Ты возьмешь его, если мы сумеем разбить войска темного бога.

Конн молча кивнул. Он уже знал, что когда-то на поле Маг Туиред, возле холма, именуемого Сид Фемен, на котором теперь была ставка королевы Матген, состоялась первая битва между племенами богини Баннунт, приплывшими из-за моря, и народом Фир Болг, обитавшим на острове. В той сече великий полководец Нуаду разгромил войска пятерых братьев, властвовавших над островом, предводительствуемые многомудрым Дагдом. Нуаду потерял руку, но Дагд признал себя побежденным и отдал волшебное копьё, которое с тех пор хранилось в главном городе королевства Мида.

Сейчас это древнее оружие было в прекрасной руке королевы Матген, и сыну киммерийца предстояло сразить им Небесного Вепря. Если, конечно, дело дойдет до поединка, и Конну суждено будет одолеть Аримана.

— Чего он ждет? — спросил Конн, нетерпеливо трогая золоченые удила.

— Сигнал подадут те, кто будет следить за битвой,— отвечала королева,— Стражи Сторон Света.

Локапалы возвышались с восьми сторон долины, восседая на спинах огромных слонов. Они явились во всем своем блеске, и ничто в их облике не напоминало сейчас уродливых существ, виденных Конном в бревенчатом Доме, затерянном среди холодных равнин страны Огнедышащих Гор. По условиям небожителей, никто из участников битвы не смел переступить черту, которую они охраняли.

И вот Кубера-Нор, правитель Севера, поднял к губам огромный золотой рог и протрубил трижды.

Облако тьмы у подножия холма на той стороне долины качнулось, из него выступили передовые части Аримана.

Сотни уродливых существ шли, ковыляли, тащились и даже ползли навстречу лучникам фаллийцев. Одеты они были в жалкие лохмотья, и бледными лоскутами свисала из многочисленных прорех мертвая плоть. Они размахивали ржавыми мечами, гнилыми дубинами, тяжелыми берцовыми костями...

Лучники дали залп, но наступавшие продолжали идти вперед, даже пронзенные стрелами.

— Так я и знала,— усмехнулась Матген,— он ожидал мертвецов... Их можно остановить, только отрубив голову или разорвав на куски, что мы и сделаем.

Она поднесла к губам длинную витую раковину и подала короткий сигнал.

Из-за холма, на котором стояла золотая колесница, вылетела и помчалась навстречу ковыляющим мертвецам необычная кавалерия. Два десятка огромных голенастых птиц неслись, низко вытянув шеи, топорща куцые крылья, взмывая комья земли когтистыми лапами. На спинах их укреплены были плетеные корзины, в которых сидели гномы. Лучники расступились, и птицы врзались в самую гущу наступающих.

Полетели клочья. Птицы били мертвецов ногами, рвали когтями на части, а гномы, вопя и улюлюкая, швыряли сверху камни. Камни, по всей видимости, были заговорены: каждый достигал цели, кроша черепа и ломая позвоночники.

Тени, отбрасываемые встающим солнцем, не успели удлиниться, а все уже было кончено. Ни единой капли крови не обагрило траву — только бледные опметки и обломки костей валялись повсюду.

С победными криками гномы развернули птиц и скрылись за холмом столь же стремительно, как и появились.

— Посмотрим, что он еще придумал,— сказала королева.— Теперь надо ждать тяжелую пехоту.

И она появилась: разорвав завесу тьмы, на поле выступили существа, тени которых накрыли долину, достигнув первых рядов фаллийцев. Это были ящеры — некоторые тяжело шагали на двух конечностях, задирая оскаленные морды, другие передвигались на четырех лапах, волоча за собой длинные хвосты, покрытые пластинами-шипам, третьи передвигались прыжками... Клыки, когти, рога, шипастые воротники, ядовитые иглы — вся эта смертельная громада валила, сотрясая землю, навстречу фаллийцам.

— Еще один отряд мертвецов, — спокойно произнесла Матген, наблюдая за великанами, меньший из которых был величиной с телегу, а самый высокий поднимал маленькую уродливую голову выше деревьев, растущих по краям долины. — Похоже, некромантия — любимое развлечение Мардука. Он явно преуспел в сей темной науке: вызвать из толщ земли прежних властителей нашего мира куда сложнее, чем отворить могилы нынешних покойников.

— Прежних властителей? — удивленно переспросил Конн.

— Миллионы лет назад, еще до всех известных нам Великих Катастроф, эти твари населяли землю и были самыми сильными существами среди прочих творений Митры. Они давно вымерли, хотя некоторые ошибочно принимают драконов за их прямых потомков. Останки ящеров иногда находят в твердых пластах, и, видимо, Мардук смог восстановить их прежний облик по костям, доставленным в Железный Замок его адептами.

— Эти твари просто растопчут наше войско, — заметил король.

— Не успеют. Сейчас должен появиться Да Дерг. Трижды прокричал рожок, цепь лучников рассыпалась, и на поле выехала странная колесница. Более всего она напоминала панцирь черепахи, снабженный четырьмя колесами, и двигалась совершенно самостоятельно.

— Внутри прикованы два тролля, — пояснила Матген, они вращают передачу, связанную с колесами, и повозка таким образом движется.

Ящеры уже достигли середины поля. Колесница замерла всего в трех бросках копья от первых чудовищ. Казалось — еще немного, и огромные лапы обрушатся на нее, чтобы расплющить, как скорлупу яйца.

— Почему он медлит? — тревожно спросил Конн.

— Так задумано, — откликнулась королева. — Ящеры недоверчивы: они готовы растоптать живое существо, но обойдут незнакомый предмет.

И точно: несколько чудовищ, наткнувшись на колесницу, принялись осторожно ее обнюхивать. Остальные продолжали двигаться вперед, охватывая повозку полукольцом.

— Пора, — негромко сказала Матген.

В тот же миг из-под панциря ударил зеленый луч. Ближние ящеры, перерезанные пополам, с ревом рухнули на землю, заливая траву потоками темной крови. Остальные шарахнулись, оглашая воздух рычанием, клекотом, писком и тоскливым воем... Луч описал дугу, разя чудовищ, легко расчлняя гигантские тела, словно горячий нож — куски воска. Сильно запахло горелым мясом.

Сшибая друг друга и топча раненых, ящеры ринулись обратно, под защиту спасительного темного облака у подножия холма, на котором все так же неподвижно стоял их повелитель.

Сверху панциря откинулась крышка, Да Дерг выбрался наружу, победно размахивая рукоятью с двумя зелеными камнями на крестовине. Он сразил убегающих чудовищ волшебным зеленым клинком, повергнув наземь остатки темного воинства.

Горы дымящийся плоти покрывали долину. Лишь один ящер, огромный, как киммерийский курган, тупо брел вперед, волоча шипастый хвост и вытягивая длинную шею, на которой сидела маленькая пучеглазая головка. Зеленый луч полоснул по горлу чудовища, голова

упала в траву, но огромная туша продолжала двигаться, медленно переступая ногами-колоннами. Да Дерг снова взмахнул небесным мечом, собираясь перерезать тело гиганта... Лишь слабое свечение образовалось возле крестовины: оружие ямбаллахов исчерпало свою силу.

Безголовый ящер почти достиг первых рядов фаллийцев, когда ноги его подкосились, и туша завалилась набок, встряхнув землю так, словно обрушилась крепостная башня.

— Ариман мыслит верно, — сказала королева, — он посылает вперед созданий пусть и неуклюжих, но требующих для своего уничтожения много энергии. Чтобы ее восполнить, у нас не будет времени. Осторожно, Да Дерг, воздух!

Последние слова она произнесла все так же негромко, но воин на колеснице сразу поднял голову и посмотрел вверх. Там, в лазоревой вышине, нарастал шум множества крыльев. Из темного облака вынырнули и понеслись над полем уродливые летуны, разом похожие на птиц, лутучих мышей и огромных насекомых. Длинные зубастые клювы со свистом рассекали воздух, перепончатые крылья гребли, как весла, а задние части тел, похожие на брюшки ос, были опущены, и на концах, подобные хищным жалам, виднелись яркие набухающие капли.

— Птекары, — Матген тревожно следила за приближением летучего воинства, — создания фоморов. Одноногие управляют летунами из Железного Замка.

Огненная капля первого птекара сорвалась и полетела вниз. Возле колесницы Да Дерга взметнулся сноп пламени, земля почернела. Король фаллийцев нырнул под защиту крепкого панциря, и повозка задом показалась обратно к позициям лучников. Тролли старались вовсю: колеса прыгали по кочкам, вырывая пучки травы. Еще один птекар метнул огненный снаряд, но тоже промахнулся.

Позади холма Фемен возникло негромкое гудение. Воины четырех королевств подняли головы, с востор-

гом наблюдая за летучим кораблем ямбаллахов, поднимавшимся в сверкании окружавших его колец.

— Надеюсь, юный ругорум не подведет, — улыбнулась Матген.

По краям серебристого веретена вспухли и разгорелись два огненных шара. Летучий челн, слегка покачиваясь, висел над холмом: видимо, Аскилта прицеливался...

Первым же выстрелом он накрыл семь птекаров. Огненные шары, достигнув цели, лопались, образуя фонтан пламени, и каждая капля поджигала крылья уродливых летунов, словно они были из рисовой бумаги. Лишенные опоры в воздухе, птекары падали, разбиваясь на мелкие обломки.

Ликующие крики огласили поле Маг Туиред: фаллийцы подбрасывали шлемы, щиты и копья, бурно выражая свое одобрение ловкости небесного кормчего.

Дукарий Аскилта Эвмолп был великолепен. Он бросил летучий челн высоко вверх, описал широкую петлю и ринулся на птекаров, как коршун на цыплят. Несколько летунов фоморов зависли в воздухе, судорожно работая крыльями: брюшки их изогнулись вперед, стараясь поймать цель... Поздно — огненные шары накрыли остатки фоморского воинства, разметав птекаров по всему полю.

И тут произошло неожиданное. Воздух вдруг потемнел, наполнившись тонким писком, — сонмы летучих мышей возникли неведь откуда, накрыв корабль ямбаллахов непроницаемым облаком. Тысячи мелких бестий ринулись на войско фаллийцев. Напрасно лучники посылали в их гущу множество стрел — с таким же успехом можно было стрелять в грозовую тучу. Отчаянно пища, летучие мыши падали на головы людей, норовя забраться под шлемы и брони, чтобы впиться в тела острыми ядовитыми зубами. Воины отчаянно отмахивались мечами, прикрывались щитами — напрасно... Не ожившие мертвецы, не чудовищные ящеры и не создания фоморов нанесли войскам фаллийцев пер-

вый урон: это сделали ничтожные, но грозные своей неисчислимостью мыши-вампиры!

— Ишшу! — вскричала королева Матген. — Неужели ты не видишь, что творится?!

В ответ на ее призыв множество желтых искр мелькнули в воздухе, закружились смертельным вихрем, превращая мелкие тельца вампиров в облачки легкого пепла. Только стихийным духам, подданным госпожи Ишшу, по силам была столь стремительная и действенная атака: элементалы перемещались куда быстрее существ из плоти, и вскоре поле Маг Туиред оказалось засыпанным слоем серого праха, словно темным снегом.

— О Баннут, — прошептала Матген, напряженно вглядываясь вазу безрадостную картину, — им удалось сбить летучий корабль!

Теперь Конн его увидел: небесный челн лежал посреди поля, почти полностью засыпанный пеплом. Погасли яркие кольца, окружавшие серебристое веретено в полете, теперь челн походил на сливовую косточку — маленькую косточку в мусорной бочке повара-гиганта.

— Ничтожные твари бывают куда опасней великанов, — сказала Матген печально. — Очевидно, вампирам удалось повредить энергетическую оболочку корабля. Что ж, мы понесли первые потери...

Среди войск фаллийцев показались отроки в белых одеждах. Они врачевали раненых, легко прикасаясь к их телам зелеными ветками. Увы, не всех удавалось исцелить юным сидам — яд вампиров успел навсегда смежить веки многим воинам.

А из темного облака на противоположном краю долины уже поднималось нечто, способное вселить страх в сердца самых отчаянных храбрецов.

Медленно колыхаясь, над полем повисла желто-бурая полупрозрачная масса, напоминавшая гигантскую медузу. Щупальца твари волочились по земле, оставляя за собой полосы мерзкой пузырящейся сли-

зи. Тяжелый запах разлагающейся плоти волной накатил на войско фаллийцев, достиг вершины Сид Фемен...

— Всю гниль земли собрал Ариман в своем творении, — поморщилась королева, зажимая нос. — На все идет темный бог, лишь бы заполучить назад Сердце. С опасными вещами он играет: субстанция эта весьма трудно управляема и, вырвись она на свободу, — поглотит все, что встретится у нее на пути.

Огромная медуза снизилась, припала к земле и растеклась по полю пузырящимся озером. По краю его вздыбилась желто-бурая волна и медленно поползла вперед, накрывая клочья мертвых тел, останки ящеров и обломки птекаров. Все это исчезало под тяжелой пленкой, быстро растворяясь и становясь частью гнилостного озера.

Отроки в белых одеждах вышли вперед и подняли ветки. Свежий запах распускающихся почек подавил, уничтожил тошнотворный смрад склепа. Однако сиды, победив запах, не в силах были справиться с самой желто-бурой тварью: вязкая волна продолжала медленно приближаться, накрывая все на своем пути пузырящейся массой.

— Против нее бессильны клинки и камнеметы, — удрученно молвил Дагеклан. — Эта дрянь уже рядом с упавшим челном...

Между засыпанным пеплом небесным судном и желто-бурой волной оставалось не более пятиста шагов, когда корабль вдруг ожил. Сбоку на корпусе его стал медленно и как бы неохотно вспухать огненный шар...

— Дука жив! — радостно вскричал рыцарь. — Давай, мальчик, сожги эту мерзость!

Огнебой оторвался от корпуса и полетел вперед. Летел он как-то странно, слегка петляя, и несколько раз подскочил вверх, ударившись о кочки.

— Оружие корабля тоже повреждено, — заключила Матген, как показалось рыцарю, излишне спокойно. — Дукарий не сможет остановить Гнилое Озеро.

Огнебой врезался в накатывающую волну, полыхнув неярким фонтаном пламени. Раздалось шипение, желто-бурая масса разошлась, поверхность ее покрылась красными пузырями... И только. Тяжелая пленка снова сомкнулась, и волна покатила дальше с прежней неумолимостью.

— Неужели ты дашь Аскилте погибнуть? — тревожно спросил Конн. — Он, судя по всему, ранен и не может выбраться из челна. Гнилое Озеро накроет корабль и растворит его без остатка!

Матген задумчиво кивнула.

— Да, против гнили земли не устоит даже архелаксовый корпус... Но огня эта тварь все же боится. Рофесса, твой выход!

Руад Рофесса находился в это время не менее чем в лиге от королевы, но ее негромкий голос легко преодолел это расстояние. С вершины Сид Фемен хорошо было видно, как из рощи выехал всадник на вороном коне, облаченный в помятую бронь. Глубокий шлем с прорезями для глаз, похожий на каску немедийского наемника, из-за плеча торчит рукоять меча, у колена — небольшой круглый щит без герба... Конн узнал рыцаря, с которым сражался возле каменных ворот на пустынном берегу острова Фалль.

Красный Многомудрый натянул поводья и остановил коня на краю поля. Потом взмахнул рукой, сжимавшей небольшой черный предмет.

Дагеклан уже видел действие этого оружия ямбалахов, но на сей раз огненная струя, вырвавшаяся из рукояти небесной плети, была куда мощнее той, что опалила дверь в центре горы Меру. Стена пламени взметнулась на сотни локтей, преградив дорогу наплавшей желто-бурой массе.

Волна нестерпимого жара ударила в лица фаллийцев, воины прикрылись щитами и железными рукавицами. Опаляющее дыхание небесного огня достигло вершины Сид Фемен, и Железная Рука невольно зазмурился, подняв щит...

Когда он снова взглянул на поле Маг Туиред, оно было черным, только посредине блестел серебристый корпус небесного челна, с которого жаркая волна смела пепел. От края до края долину пересекал глубокий дымящийся ров, оставленный ударом небесной плети. Пространство за ним до самого темного облака у подножия холма Аримана покрывала стекловидная расщепавшаяся корка — все, что осталось от Гнилого Озера.

— Хороший удар, — услышал рыцарь негромкий голос королевы. Только капельки пота на ее чистом лице свидетельствовали, что Матген спокойно оставалась в своей колеснице, когда волна жара накрыла вершину холма. — Рофесса стегнул небесной плетью так, что огненная стена обрушилась в сторону гнилого разлива и накрыла его. Увы, Руад, как всегда, вложил в удар все силы: не думаю, что плеть сможет действовать в ближайшее время.

— Ариман добился своего, — сказал Конн, — теперь лишь копье Дагда представляет опасность для темного бога. Не пора ли Вепрю спуститься в долину, чтобы принять честный бой?

— Думаю, сначала он двинет на нас воинов Нергала, — ответила Матген. — Ариман не успокоится, пока все поле Маг Туиред не будет покрыто мертвыми телами.

Но королева ошиблась. Темный бог приготовил своим противникам нечто совсем иное.

Сначала над полем битвы пронесся глухой протяжный стон. Звук нарастал — казалось, он давил на землю и все живое, будто невидимая рука прижимала все, что находилась под ней. Стон перешел в заунывный, разрывающий душу плач. В рядах фаллийцев произошло движение, многие зажимали уши, другие упали на траву, не в силах вынести заунывные стенания.

Потом от темного облака стали отделяться сгустки мрака — они плыли над полем, и в каждом из них тлела неяркая красная искра.

И снова юные сиды подняли свои зеленые ветки. Раздался громкий перезвон, как будто разом ударили в колокола на сотне звонниц, и плач растворился в этих звуках. Вперед выбежали копейщики, они растянулись цепью вдоль черного рва, прикрывшись щитами и склонив блестящие наконечники копий навстречу приближавшимся теням. Лучники поместились сзади, готовые стрелять по первому приказу.

— Плохо, — сказала Матген, и голос ее впервые за время битвы дрогнул и сорвался. Королева приставила тонкие пальцы к вискам, как бы отгоняя внезапную боль.

Внизу протрубил рожок. Зазвенела тетива сотен луков. Стрелы пролетели сквозь плывущие тени, не причинив им ни малейшего вреда.

— Плохо, — повторила королева, — Ариман сумел вызвать неприкаянные души с Серых Равнин. Никому еще не удавалось это сдать. И я не знаю, как быть.

— Тени мертвецов? — переспросил Конн. — Они бесплотны... Но, если наше оружие не может причинить им вреда, какая опасность угрожает нам от бестелесных призраков?

— Мне не нравятся эти красные искры, — сказала Матген. — Так и есть, смотрите!

Первая череда темных фигур была уже в полете копы от заградительной цепи фаллийцев. Красные точки разгорались, словно кто-то раздувал потухшие угли костра... А потом стремительный вихрь подхватил пылающие уголья и пригоршней швырнул их в копейщиков...

Щиты воинов не спасли их от гибели: искры легко прожгли и медную оковку, и крепкое дерево — почти вся передовая застава полегла под этим неожиданным залпом. Немногие уцелевшие метнули копы, но они пролетели сквозь тени с тем же успехом, как раньше стрелы лучников.

Авангард фаллийцев обратился в бегство. Тени легко преодолели дымящийся ров и двинулись дальше. За

первой чередой виднелись другие — вся равнина до самого холма Аримана была покрыта плывущими сгустками тьмы.

И в каждом — пылала кровавая искра...

— Ариман победил, — негромко сказала Матген. — Их не остановить.

— Ты сдаешься?! — Забывшись, Конн наклонился к колеснице и схватил повелительницу Инис Фалль за плечо. — Где же твоя магия, королева?

— Вся магия живых бессильна против теней мертвых. Отпусти, ты делаешь мне больно. И не стоит кричать — надо уметь проигрывать с достоинством.

Конн выпрямился; его волнение передалось коню, и тот громко заржал. Отчаяние поднималось в груди короля, готовое захлестнуть мутной волной, но, как часто бывало с ним прежде в самые горькие мгновения, мысли вдруг обрели четкость, и разум напряженно заработал, пытаясь найти выход.

Проигрывать с достоинством — королева говорила так, словно уступила партию в мяч... Быть может, Матген чувствует себя в безопасности на своем острове, но для остального человечества обретение темным богом отнятого небожителями Сердца будет означать вечное рабство. Ариман много говорил о свободе, противопоставляя себя Светлым Богам, но за его речами угадывалась одна всепоглощающая жажда — жажда власти. «Герои станут умирать во имя мое», — говорил темный бог, но разве не о том же мечтают все земные тираны? Они милостиво позволяют храбрецам погибать под своими знаменами, остальных же считают плесенью на величественном здании собственного всевластия. Но Ариман куда опаснее земных самодержцев: те властвуют над телами смертных, темный же бог вознамерился завладеть душами... Что ждет непокорных? Пристань в Макабраске и корабль, сделанный из ногтей мертвецов?

Вспомнив Кладбище невинноубиенных младенцев, Конн передернул плечами. Обрети Ариман вселенскую

власть, и каждый станет жить в вечном страхе отправиться в Макабраск, не угодив темному богу: могучие воины и немощные старики, воры и ученые, праведники и подлецы, юные девственницы и нежные матери... Конн вспомнил лицо женщины, у которой Демон Смерти хотел отобрать младенца. Он вернул ей тогда дитя, может, напрасно, но вернул, сыграв на дудке Дамбазля... Сыграв на дудке... Этот чудесный инструмент действовал там, в мире мертвых, — быть может, звуки его заставят неприкаянные души покинуть мир живых?

— Я попробую, — сказал король вслух. — Рано еще поднимать белый флаг.

Матген кивнула — мысли сына киммерийца были для нее открыты.

— Ариман приспособил бесплотные души для обитания в земном воздухе, — сказала королева, — возможно, он не стал тратить время, чтобы позволить им обитать в воде. Попробуй увлечь тени в море. Берег совсем недалеко, если идти на восход.

— Но, по условиям небожителей, битва не должна выходить за пределы поля Маг Туиред...

— Она и не выйдет. Ты ведь не собираешься драться с тенями мертвых, просто сыграешь им что-нибудь печальное.

Это было рискованно, но любое сражение требует риска. Конн тронул коня и быстро спустился в долину. Бугдрасиль скакал рядом, держа наготове щит. Медный диск не мог, конечно, защитить короля от всепрожигающих искр пришельцев из Нижнего Мира, но преданный дух-хранитель готов был пожертвовать не только щитом, украшенным затейливой чеканкой, но и юным телом, в котором сейчас обитал.

Поле между ними и чередой надвигающихся теней было свободно: уцелевшие лучники и копьеносцы отступили к своим. Обугленные тела их товарищей лежали на том месте, где их настигла смерть.

— Интересно, — сказал Бу, с любопытством выглядывая из-за наверхия щита, — чем это кидаются бес-

плотные? Думаю, они набрали углей из очага самого Нергала...

— Или цветов с поля Черного Садовника, — отвечал Конн, указав на красные хлопья среди обугленных трупов. — Сердца храбрых воителей столь горячи, что могут прожечь любую броню. А когда отгорят — опадают, как лепестки увядших роз.

— Лучше бы в мире было поменьше героев, — проворчал Бу. — Или уж пусть храбрецы остаются таковыми пред ликом Хель-искусительницы и не отдают свои сердца в качестве посадочного материала. Но не пора ли, государь, сыграть траурный марш тем, кому не сидится под крылышком Безжалостной?

Конн натянул поводья, достал из пояса инструмент Дамбазля, приложил к губам и заиграл.

Он вспомнил самый печальный день в своей жизни, день, когда умерла Зенобия, и вложил в мелодию всю горечь утраты, всю боль осиротевшего сердца. Шемящие звуки рвались из глубины души, небесный инструмент усиливал их, придавая мрачную гармонию и силу, и не один творец музыки на далеком гирканском материке вздрагивал в этот миг, торопливо записывая на листах пергамента нотные крючки...

Плывущие тени замерли, словно прислушиваясь. Жалобный стон опять пронесся над их рядами, тлеющие огоньки потускнели и упали на черную землю красными цветами.

Конн тронул удила и медленно двинул коня к западной оконечности Маг Туиред. Сгустки потустороннего мрака плыли за ним скорбной процессией, словно похоронщики за погребальными дрогами. Бугдрасиль прикрывал короля с тыла, но в том нужды не было: неприкаянные души, зачарованные небесной мелодией, покидали поле сражения безропотно и покорно.

За краем поля начиналась дорога, полого сбегавшая к морскому берегу. Здесь росли редкие кусты и высились столбы с вырезанными рунами. На мокром песке король остановил коня, продолжая наигрывать...

Он сделал знак Бугдрасилу, указывая на волны, и юный оруженосец в задумчивости взъерошил густые кудри: вода плескалась рядом, но как заманить в нее неприкаянные души, было неясно — конские доспехи не позволили бы лошадям короля и оруженосца отплыть и с десятков локтей от берега.

Пришельцы с Серых Равнин ступили за их спинами мрачной тучей. Их стон все нарастал, грозя поглотить мелодию, а что тогда будет, богам лишь ведомо. Бу поискал глазами какого-нибудь морского зверя, в которого мог бы вселиться, никого не увидел и половчей устроил на руке щит...

И тут среди волн раздался трубный рев раковины.

Море вспенилось, и на поверхности показалась голова с прилипшей к толстым щекам мокрой бородой. Обитатель глубин резво поплыл к берегу, фыркая и выкрикивая такие слова:

Кто дерзкий тот,
Кто в час уединенья
Меня отвлек
Своим бездарным пенем?
Кто здесь играет
Скорбно и печально,
Когда властитель моря
Радость чаёт?!

— Так вот кто у меня фляжку с Медом Поэзии украл, — проворчал Бугдрасиль, — конечно, теперь до следующего потопа радость будет чаять... Эй, Асиевель, старина, ты-то нам и нужен! — закричал он подплывавшему духу моря. — Не стану о меде спрашивать, только окажи услугу...

— Кто этот юноша кудрявый, столь дерзкий, сколь же и упрямый? — рявкнул повелитель глубин, шлепая лапами по мелководью.

— Я это, Возле Корней Живущий, — отвечал Бу нетерпеливо. — Не мог бы ты, любезный, прокатить Его Величество по волнам? Совсем немного, лиги две-три.

— С какой это стати? — осведомился Асиевель, усаживаясь в десяти шагах от берега.

— Я прошу.

— А ты не проси. Я — повелитель глубин, а не прогулочная шлюпка.

— Бессовестная ты морская королева, а не... — начал было элементар и вдруг осекся. — А что, повелитель килек, нравится тебе, как играет мой господин?

Дух моря замотал кудлатой башкой так, что брызги полетели во все стороны.

— Не нравится, — сказал он, — с души воротит, словно медуз наглотался. И эти еще стонут, темные... Умер у вас, что ли, кто-то?

— Если не исполнишь мою просьбу — умрут многие, — пообещал Бу. — А если исполнишь — никто не станет нарушать твой покой в глубинах. Тишь наступит и благодать.

Асиевель поскреб голову, надул щеки, фыркнул и согласился.

— На воде и под водой, среди рифов и возле скал — я единственный достоин почитания, — заявил он гордо. — Нет ничего выразительнее звучания моей раковины. Спросите мореходов, которые сейчас на дне. Так что хор и оркестр на моем берегу совсем ни к чему.

Не переставая играть, Конн спешил, зашел по колено в воду и уселся на спину повелителя глубин. Асиевель фыркнул и неторопливо поплыл в открытое море.

Расчет Матген полностью оправдался. Правда, тени умерших некоторое время летели над волнами, не желая погружаться в пучины, но малейшие брызги превращали их в легкие облачка пара. Не успел дух моря отплыть и на пол-лиги от берега, как с моря задул свежий ветер, довершивший дело: пенные барашки, срывавшиеся с вершин пологих валов, полностью развеяли потустороннее воинство Аримана.

Когда Конн снова оказался на берегу, он был мокрым с ног до головы.

— Спасибо тебе, любезный Асиевель,— церемонно раскланялся Бу,— может быть, тебе наплевать, но сегодня ты спас мир от гибели...

— Рано еще трубить победу,— оборвал Конн элементала, ставя ногу в стремя,— битва не кончена.

В это время из-за деревьев долетел жуткий, леденящий душу рев.

Пустив коней в галоп, король и оруженосец помчались в сторону Маг Туиред.

Глава десятая КОПЬЕ ДАГДА

Призови же меня, о небесная рать,
Доверяю тебе свою душу.
Я иду, дабы поле врагу не отдать,
Стену хладного мрака разрушить...

Тилмфер. «Скала Олламов»

Сражение было в разгаре. Фаллийцам вновь пришлось скрестить клинки с существами демоническими, однако на сей раз Ариман выслал против армии королевы Матген не оживших мертвецов, не исполинов и не бесплотные тени: из темного облака у подножия холма явились воины Нергала — жуткие обличьем создания с низкими ороговевшими лбами, зубчатыми гребнями от затылка до толстого, утыканного иглами хвоста и мощными лапами, сжимавшими огромные секиры и метательные топоры. Были сии порождения хозяина Серых Равнин трудно уязвимы для земного оружия, но все же уязвимы, и воинства четырех королей под развернутыми стягами вступили в битву.

Дагеклан, сидевший верхом на гнедом жеребце рядом с колесницей Матген, видел, как маршируют по равнине боевые порядки темного воинства, кроша тяжелыми ногами белесую стекловидную корку, оставшуюся после исчезновения Гнилого озера. Покачивались

боевые стяги на длинных шестах — металлические, громко гудевшие под ветром. Воины Нергала когда-то были обычными солдатами и рыцарями, и, превратившись в покрытых роговыми пластинами монстров, они не утратили воспоминаний о тех битвах, в которых участвовали, предстоящая схватка наполняла их предвкушением жуткой кровавой пляски, когда небо и земля сливаются в едином вихре и остается лишь одно желание — убивать, крошить, калечить, побеждать... Сейчас они шли, построившись вокруг своих командиров — столь же уродливых и безжалостных, лишенных сердца, отличавшихся лишь длинным загнутым рогом на затылке — признаком высших чинов воинства преисподней.

Дрожала земля, воздух наполнился звоном, бряцанием оружия и тяжелым запахом пота.

Вдоль фаллийских рядов поскакали гонцы, сигналами рожков подавая команду к ответному наступлению.

Но, прежде чем войска четырех королей двинулись вперед, ко рву посредине поля выдвинулась цепь лучников под прикрытием щитоносцев. За ними следовали люди с наскоро сколоченными деревянными мостками.

Лучники, укрывшись за щитами, выпустили одну за одной множество стрел, и те смертельным дождем обрушились на темное воинство. Большинство стрел не причинили воинам Нергала никакого вреда, отскакивая, точно горох, от роговых пластин монстров, но некоторые все же поразили цель, угодив в глаза или узкие полоски неприкрытой кожи. Тем временем через ров были перекинуты деревянные мостки, и авангард отступил на исходные позиции.

Снова заиграли рожки, от лагерей четырех армий отделились пехотинцы и ринулись навстречу врагу. Более легкие и проворные, нежели воины Нергала, они первыми преодолели ров и с боевым кличем понеслись дальше по растрескавшейся белесой поверхности.

Они были примерно в ста шагах от передовых рядов монстров, когда на них обрушился град метательных снарядов: копий, дротиков, топоров... Особенно искусно нергальи воины владели метательными топорами: броски были столь сильными и точными, что многие фаллийцы погибли с разрубленными телами и головами. Неся потери, атакующие прорвались все же сквозь шквал метаемых неприятелем орудий и вступили в рукопашную: вблизи монстры оказались не столь проворны, и ратники, окружив каждого впятером-впестером, успешно орудовали копьями и мечами. Наступавшие в задних рядах приспешники Нергала теперь были лишены возможности метать топоры, дабы не задеть своих же сотоварищей, а шедшие впереди бестолково кружили на месте, отмахиваясь от пеших ратников секирами и закрывая путь к наступлению тем, кто был за их спинами.

Пока шла эта сеча, копьеносцы фаллийцев установили вдоль рва три заградительных ряда, между которыми стояли наготове лучники. К деревянным мосткам выдвинулась конница и стала переправляться на ту сторону.

— Если мне будет позволено заметить, государыня, — сказал Железная Рука королеве, — я бы послал вперед конных рыцарей, а не пехоту. Эти хвостатые отродья слишком сильны, хоть и неуклюжи.

— Вот и пусть окончательно уверятся в своей силе, — сказала Матген, покусывая нижнюю губу. — Мне жаль погибших, но война без жертв не бывает. Эти герои, погибнув, сделают большое дело...

Первый ряд монстров оказался почти полностью вырубленным: клинки фаллийцев и наконечники их копий находили щели между роговыми пластинами и разили уродливую плоть — потоки черной крови заливали изрытую землю. Но эта небольшая победа далась дорогой ценой: из авангарда фаллийцев уцелели немногие. Как только следующий ряд воинов Нергала получил возможность метнуть свои смертоносные ору-

дия, судьба передового отряда была решена: он был полностью уничтожен.

Победный рев монстров прокатился над полем, взметнулись металлические стяги, и темное воинство устремилось вперед, перейдя на тяжелый галоп. «Слава, Нергал! Слава!» — оглашали воздух хриплые вопли, и под лучами стоявшего уже почти в зените солнца сверкали тысячи огромных секир...

Тем временем фаллийская конница, переправившись через ров, занимала позиции, растягиваясь широкой цепью вдоль чернеющей полосы, оставленной ударом небесной плети. Здесь были рыцари Лейнстера, Улада, Коннахта и Мунстера — плюмажи на их шлемах играли всеми цветами радуги, пестрые значки развевались на копьях; рядом гарцевали оруженосцы, и каждый из этих юношей был едва ли не столь же искусен в бою, как и его господин.

Какой-то всадник в желтом плаще занял место перед линией конников и, привстав в стремях, взмахнул мечом. В грохоте, издаваемом наступающим воинством Аримана, тонули все звуки, но, кажется, всадник что-то пел, высоко поднимая круглый щит с изображением золотой птицы.

— Это Тилмфер, Скала Олламов, — сказала Матген, заметив, что лишь вежливость удерживает Дагеклана от готового сорваться с губ вопроса. — Наш лучший поэт и певец. Его голос воодушевляет воинов...

Было видно, как Тилмфер высоко подкинул меч и снова поймал его. Рыцари подхватили за ним слова песни, закончившейся громогласным боевым кличем: «Айэ-э! Вперед, сыны фенеев!» Скала Олламов в последний раз подбросил и поймал меч, прочно опустил в седло и ударил в бока лошади серебряными шпорами. Выстраиваясь на ходу клином, всадники устремили коней навстречу темному воинству.

Монстры тоже перестроились, образовав широкий треугольник. Впереди огромными прыжками неся военачальник с длинным алым рогом на макушке. Он

размахивал металлическим знаменем и что-то вопил, широко открывая рот.

Два клина быстро сближались. Рыцари наклонили копья и мчали во весь опор, готовые, казалось, своротить горы. Собственно, это им и предстояло: грузные тела чудовищ, покрытые роговыми пластинами, были тяжелы, как утесы, а, сбившись в плотную стаю, порождения Нергала образовали настоящую движущуюся крепость.

— Неужели они сойдутся лоб в лоб?! — тревожно спросил кампанарий. — Простительно ли мне будет заметить, о королева, что сия атака не совсем разумна? Следовало бы разделить конницу на два отряда и ударить с флангов...

— Всему свое время, — откликнулась Матген, внимательно наблюдая за разворачивающейся внизу картиной. — У воинов Нергала большие сильные тела, но разума повелитель Серых Равнин оставил им ровно столько, чтобы они умели метать топоры и копья, орудовать секирами и прошибать лбом стены. Нергал использует эти создания для охраны Нижнего Мира, а там, в его владениях, излишней сообразительности не требуется. Ариман позаимствовал Лишенных Сердца не от хорошей жизни: будучи заключен в Железный Замок, он не мог собрать себе войско из живых героев, о чем так мечтал... И мечтает до сих пор, надеясь вновь обрести Сердце, а значит — свободу.

Теперь Дагеклан вспомнил, о чем договаривались на военном совете в Медовом Покое: Матген уже тогда предполагала, что без творений повелителя Серых Равнин на поле брани не обойдется. И королева предложила обратить силу Лишенных Сердца в их слабость...

Широкий клин рыцарей и лавина монстров сшиблись с таким грохотом, словно рушились скалы. Тилмфер на всем скаку вонзил копье в глаз знаменосцу с красным рогом и, выпустив древко, наотмашь рубанул его мечом. Предводитель выпустил шест с металличе-

ким полотнищем, повалился на спину и принялся с воем кататься по земле, пытаясь вырвать копьё из глазницы. Черная кровь хлестала из огромной раны на лице монстра, но он все еще не желал возвращаться на Серые Равнины...

Фаллийские рыцари хорошо владели копьями: несколько десятков монстров были сражены и рухнули под ноги бежавшим сзади. Спотыкаясь о повергнутые тела, задние ряды падали, образуя огромную копошащуюся кучу. Всадники носились вокруг, рубя мечами, крепкие копыта лошадей, снабженные специальными шипастыми браслетами, топтали и крошили костяные пластины, проламывали черепа, ломали крепкие кости чудовищ. «Ай-э-э! Слава, сыны фенеев!» — неслось над полем.

И все же монстры не были столь уж безмозглы: память о прежних сражениях, сохранившаяся в глубинах их сознания, помогла командирам выстроить темное воинство в новый боевой порядок. Заработали огромные секиры, и черная кровь чудовищ смешалась с алой, человеческой: мощные удары кололи щиты рыцарей, как скорлупу ореха, рассекали бронь и шлемы, повергали наземь всадников и лошадей.

Казалось, сражение вот-вот превратится в бойню, но тут затрубил рог, приказывая рыцарям отступать. Развернув коней, фаллийцы понеслись обратно ко рву. Позади всех скакал Тилмфер: желтый его плащ превратился в лохмотья, шлем исчез, кровь заливала лицо, но Скала Олламов все так же подбрасывал и ловил меч, словно поддразнивая преследующих его монстров.

«С нами Нергал!» — ревели Лишенные Сердца, устремившись огромными прыжками вслед за отступавшими фаллийцами. Только спины врага видели они в этот момент, и всепоглощающая жажда убийства полностью владела ими. Монстры накатывались грозной лавиной, казалось, ничто не может устоять у них на пути...

На всем скаку всадники перемахнули ров, ряды копейщиков разомкнулись, и рыцари вихрем пронеслись через эти проемы в живом заграждении.

Лучники послали в наступавших град стрел, копейщики заняли свои места, прикрывшись высокими щитами и опустив блестящие наконечники, — казалось, они приготовились умереть, но не пропустить врага.

Орущая лавина монстров достигла рва... и не смогла сдержать стремительный бег. Первые воины Нергала рухнули вниз, на них повалились следующие, давя и калеча тела сотоварищей своей огромной массой... Груда тел заполнила ров, и по ней, приканчивая тех, кто еще подавал признаки жизни, прошагали задние порядки, все так же размахивая секирами и победно вопя...

Их оставалось еще много, слишком много, чтобы тройной ряд копейщиков и лучников мог сдержать наступление Лишенных Сердца хоть на миг. Но заградительный отряд и не думал вступать в схватку: сохраняя полный порядок, ратники развернулись и бегом устремились к своим войскам. Монстры метнули топоры — слишком поздно, лишь два или три попали в цель.

Рогатые командиры отчаянно ревели, выстраивая неповоротливых вояк клином, готовясь обрушить всю мощь темного воинства на основные силы фаллийцев.

И тогда четыре короля во главе своих войск вступили в битву.

Ряды лейнстерцев и уладцев, стоявших в центре, молча, без боевых криков двинулись вперед. Ратники катили перед собой окованные крепким металлом заградительные щиты на высоких колесах, призванные защитить их от метательных топоров. В окружении блестящей гвардии неторопливо следовали за ними блистающие золотом и драгоценностями колесницы властителей. Реяли стяги, ветер трепал плащи и плюмажи рыцарей, бряцало готовое к бою оружие, негромко ржали кони...

Это медленное движение подействовало на монстров заволаживающе. Словно подчиняясь новому, навязанному им ритму, они топтались на месте, неуверенно вздымая и вновь опуская секиры. Казалось, разум их не в силах был уяснить, отчего враг движется навстречу столь неторопливо, почему не слышно воинственных криков и так спокойны лица, мелькавшие в просветах между щитами...

Колесницы королей Лейнстера и Улада плыли над головами ратников, словно чудесные птицы посреди тихого озера...

Тогда и раздался рев Красного Вепря, слышанный Конном и его оруженосцем на морском берегу: Ариман посылал в бой свою замешкавшуюся армию.

Монстры ринулись вперед.

В тот же миг заработали метательные машины, спрятанные за полосой кустарника на краю поля Маг Туиред. Огромные валуны со свистом рассекали воздух, обрушиваясь на роговые пластины, прикрывавшие низкие лбы, раскалывая черепа, разбрызгивая студенистый мозг чудовищ по измятой траве...

Войска Коннахта и Мунстера атаковали неприятеля с флангов. Появились боевые колесницы с длинными острыми косами по бокам, они врезались в гущу темного воинства, повергая монстров, подрезая сухожилия на толстых ногах... Возникли жертвовали собой, гоня упряжки во весь опор: от столкновения с чудовищами многие колесницы переворачивались, но другие, мчавшиеся вслед, снова и снова врезались в ряды Лишенных Сердца смертоносными снарядами.

Люди и монстры смешались на бранном поле. Ратники и рыцари старались окружить воинов Нергала, отделив их друг от друга, а те отмахивались секирами, и каждый взмах повергал наземь все новых и новых храбрецов. Сеча распалась на отдельные схватки. На правом фланге отрядам мунстерцев удалось оттеснить противника за ров, и тогда в тыл Лишенным Сердца ударил засадный полк Руада Рофессы.

Казалось, фаллийцы вот-вот одолеют темное воинство. В этот момент вновь раздался жуткий, разрывающий уши рев Аримана. Из клубов мрака выступили новые отряды воинов Нергала, и Красный Вепрь Неба, продолжая реветь, сотрясая огромными копытами землю, начал медленно спускаться с холма...

* * *

— Пора, — сказала Матген, — вперед, моя гвардия!

Тревога не покидала лица королевы. На левом фланге воины Коннахта были остановлены монстрами и оттеснены. Ряды фаллийцев смешались и откатились назад, лошади рыцарей хрипели и не слушались поводов. Не помогли и удары, наносимые по крупам плащам мечами — метательные топоры и дротики Лишенных Сердца действовали сильнее.

Центр тоже медленно отступал под ударами смертоносных секир. Король Улада был выбит из своей колесницы брошенным кем-то из монстров камнем, и рыцари вынесли своего сюзерена из боя. Юные сиды оказывали ему помощь, уладцы же, завидев опрокинутую колесницу, пали духом и отступали куда поспешнее ратников Лейнстера, чей король мужественно держался в центре, отбиваясь от прорвавшихся кольцо рыцарей чудовищ тяжелой палицей.

Далеко за рвом слышался рев Красного Вепря и звон оружия: там сражались воины короля Бодб Дерга и отряд Руада Рофессы.

— Пусть Дагеклан возьмет половину гвардейцев и поможет воинам Коннахта, ты же, Да Дерг, скачи с остальными на помощь центру... Со мной останутся три рыцаря, этого вполне достаточно, чтобы охранять наше знамя.

Голос Матген прозвучал повелительно и не допускал возражений. Дагеклан чуть помедлил: приказ королевы означал, что наступает переломный момент сражения, и в бой посылается последний резерв. Если сейчас не удастся опрокинуть ряды Лишенных Сердца,

будет уже неважно, сколько человек охраняют знамя...

Пешие ратники мидейцев имелись в войсках всех четырех королевств, так что справедливость здесь не нарушалась. Гвардия же, состоявшая из рыцарей королевства Миде, была достаточно велика, и по общему согласию должна была вступить в бой лишь в крайнем случае, обеспечив решающий перевес над противником. Время пришло, и все же кампанарий сомневался, что удастся склонить чашу судьбы в пользу фаллийцев этой отчаянной атакой: хотя монстры и перестали появляться из клубов мрака, число их на поле Маг Туиред все еще было огромно.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове рыцаря, но он решительно подавил малейшие колебания, как делал всегда в решающие мгновения боя. Железная Рука обнажил тяжелый двуручный меч, взмахнул им над головой и, повторив боевой клич фаллийцев: «Вперед, сыны фенеев!», поскакал вниз по склону холма. Гвардейцы в сверкающих вороненых доспехах устремились вслед за рыцарем.

Дагеклан ошибался насчет последнего резерва: как только гвардейцы врубились в гущу битвы, из-за холма Сид Фемен повалила толпа ополченцев. Жители пяти королевств, одетые в самодельные или купленные по случаю доспехи, вооруженные вилами, кузнечными молотами, косами и даже лопатами, пришли на помощь своим ратникам. Они действовали отнюдь не беспорядочно: выбрав монстра, толпой отгоняли его в сторону и, облепив, словно муравьи жирную гусеницу, безжалостно кромсали огромное тело подручными орудиями. Многие погибали под ударами мощных лап и унизанных острыми иглами хвостов, но уцелевшие с отвагой, достойной настоящих воинов, продолжали сражаться.

Железная Рука оказался в гуще битвы, ноги его коня скользили в отвратительной кровавой мешанине. С вершины Сид Фемен не было видно всех подробно-

стей, и сейчас рыцарь ужаснулся открывшейся перед ним картине. Ему довелось принимать участие во многих сражениях, но то, что творилось на поле Маг Туиред, превосходило все виденное им прежде.

Повсюду были разбросаны останки воинов: кисти рук, все еще сжимавшие древки копий, тела, разрубленные пополам чудовищными ударами огромных секир, то там, то тут виднелись окровавленные головы, превратившиеся в бесформенное месиво под ногами сражающихся, изувеченные конские туши валялись рядом... Дагеклан искал взглядом убитых монстров, но, к его полному изумлению, их нигде не было видно — только смердящие куски ящеров, да редкие обломки птекаров виднелись среди человеческих останков.

Раздумывать о причинах столь странного явления было некогда: оказавшись среди отступавших ратников Коннахта, рыцарь издал громкий боевой клич, и гвардейцы подхватили его, стараясь ободрить измученных битвой воинов.

Дагеклан пробился к королевской колеснице, окруженной несколькими чудовищами. Повелитель Коннахта мужественно отбивался огромной палицей, страшной даже для покрытых роговыми пластинами воинов Нергала, но его рыцари были рассеяны среди сражающихся и не могли оказать поддержку своему сюзерену.

Двуручный меч кампанария обрушился на голову ближайшего чудовища. Крепкая сталь рассекла низкий лоб, в лицо Дагеклану ударила мутная струя... Монстр захрипел и повалился набок, выронив огромную секиру. Другой развернулся и попытался достать топором коня рыцаря, но умное животное поднялось на дыбы, и синеватое лезвие лишь свистнуло, рассекая воздух. Король Коннахта прикончил Лишенного Сердца ударом палицы.

Приободренные появлением гвардейцев ратники и подоспевшие ополченцы перешли в наступление. Да-

геклан, не оборачиваясь на поверженных монстров, неся вперед, размахивая огромным мечом. Он видел, как рогатый командир Лишенных Сердца пытается выставить уцелевших монстров в боевой порядок, щедро раздавая пинки и затрецины. Удайся ему этот маневр, и воины Нергала смогли бы метнуть свои смертоносные топоры и дротики в гущу фаллийцев.

Железная Рука вихрем налетел на рогатого, ударив клинком в плечо. Сталь только зазвенела, соскользнув по роговой пластине. Монстр поднял секиру и отбил следующий удар: рука рыцаря задрожала, едва удержав меч.

Рогатый поднял свое страшное оружие, чтобы обрушить его сверху на шлем противника, Дагеклан попытался бросить коня в сторону, но не успел. Серповидное лезвие ударило в шею животного, легко перерубив ее, словно сухую ветку. Ударил фонтан крови, ноги мертвого коня подломились, но Железная Рука успел соскочить прежде, чем тот рухнул наземь.

Секира Лищенного Сердца глубоко вонзилась в рыхлую почву, и монстру понадобилось некоторое время, чтобы извлечь оружие. Рыцарь не стал медлить: широко размахнувшись, он ударил по сжимавшей древко секиры лапе, постаравшись вложить в удар все силы. Меч перерубил роговые наручни и засел в кости монстра. Тот завопил и взмахнул конечностью — Дагеклан не удержал рукоять...

Только кинжал был теперь защитой кампанарию, но можно ли было назвать защитой столь ничтожное против огромной твари оружие? Рогатый выл от боли, мотая головой и размахивая лапой. Выдернув двуручный меч, он отшвырнул его далеко в сторону и тут же прыгнул вперед, норовя раздавить рыцаря. Дагеклан успел отпрыгнуть в сторону, но удар огромного хвоста сбил его с ног.

Монстр занес над ним нижнюю лапу с приставшими к подошве камнями и кровавыми ошметками, и рыцарь приготовился к смерти...

Он всегда был готов к ней и жалел лишь о том, что умирать придется не в честном поединке с равным соперником, а под чудовищной пятой отвратительного монстра. Никто не найдет его тела, никто не сможет покрыть его саваном и засыпать цветами — в лучшем случае последним его пристанищем станет братская могила на краю поля Маг Туиред...

Лишенный Сердца отчего-то медлил, стоя на одной ноге. Вдруг он перестал выть, как-то жалобно и удивленно всхлипнул и рухнул вниз уродливой мордой, едва не придавив рыцаря. Дагеклан тут же вскочил, поняв, что угроза смерти нависала над ним лишь мгновение, и миг этот растянулся в его сознании на долгий удар сердца. Тело монстра еще подергивалось — клинок, торчавший из-под левой лопатки, дрожал и раскачивался.

— Вы не ранены, месьор? — услышал кампанарий знакомый голос.

Обернувшись, он увидел всадника и узнал в нем Конна. Доспехи на короле были измяты, лицо пересекал кровоточащий шрам, но король улыбался, и так же улыбался светлокудрый юноша, сидевший верхом на крепкой лошадке рядом со своим повелителем.

— Я не ранен, — отвечал рыцарь, — рад, что и вы целы, государь. Сеча жаркая, ваше место на холме, рядом с королевой.

— Мое место там, где решается исход сражения, — сказал Конн, извлекая свой меч из спины поверженного создания Нергала. — Морская прогулка не пришлась мне по душе, волны укачивают почище крепкого вина, и я решил вернуться. Вижу, поспел как раз вовремя, чтобы возвратить вам часть долга. Надеюсь спасти вас еще раз, чтобы полностью рассчитаться... Кром, что это?!

Он уставился на распростертого монстра, и Дагеклан тоже взглянул на чудовище.

Очертания тела стремительно менялись. Исчезли роговые пластины, хвост, толстая кожа — на земле перед ними лежал голый человек с разрубленной рукой и развороченной ударом меча спиной.

Король спешил и присел над убитым. Осторожно перевернул тело и покачал головой.

— Мне знакомо это лицо, — сказал он, — я видел этого воина на Корабле Мертвецов. Кажется, его звали...

— Роланд Бесстрашный, — подсказал Бугдрасиль, — гроза неверных, оплот добронравных. Он отдал свое сердце Хель.

— А теперь вторично отправится на Серые Равнины. — Конн поднялся. — Сожалею, что поразил этого воина в спину.

— Вы сразили не рыцаря, государь, а чудовище, в которое он обратился добровольно, — возразил оруженосец. — Отдав сердце Черному Садовнику, Роланд перестал быть человеком.

Только теперь Дагеклан понял, почему не видно останков монстров: повергнутые, все они обретали прежние формы, превращаясь в беззащитные обнаженные тела, которые разгоряченные ратники продолжали рубить мечами и колоть копьями... Бывшие воины, отдавшие сердца Хель и Нергалу, после вторичной смерти вновь становились людьми, но лишь для того, чтобы тут же пополнить кровавое месиво, покрывающее поле Маг Туиред.

Где-то вдали звонко и победно протрубил рог фаллийцев. Атака гвардии и ополченцев принесла долгожданный перелом в ходе сражения: Лишенные Сердца отступали по всему полю.

Бугдрасиль поднес кончики пальцев к вискам и прикрыл глаза, словно к чему-то прислушиваясь.

— Королева зовет вас, государь, — сказал он Конну, — настала пора пустить в ход Копье Дагда.

Король в сопровождении оруженосца и Дагеклана поднялся на вершину Сид Фемен. Матген по-прежнему стояла в своей колеснице, и знамя фаллийцев гордо реяло над ее головой. Рядом, верхом на свежей лошади, восседал Да Дург, спокойный, словно и не принимал только что участия в жаркой схватке.

— Рада, что тебе удалось справиться с тенями мертвых, — приветствовала она подъехавшего Конна, — и тебя, доблестный рыцарь, благодарю за храбрость. Противник отброшен, но битва еще не кончена. Только уничтожив Вепря, мы сможем отпраздновать победу.

— Я готов! — воскликнул король, протягивая руку к копы. — Эта свинья достойна, чтобы с нее сняли шкуру.

Матген медлила, пристально оглядывая поле сражения. Лишенные Сердца были отброшены далеко за ров и рассеяны на мелкие группы. Рыцари теснили конями и вместе с ратниками и ополченцами приканчивали последних воинов Нергала.

Красный Вепрь, наклонив клыкастую морду и выбивая копытами огромные комья земли, стоял в центре кольца, образованного воинами Бодб Дерга. Среди блиставших золотом доспехов Конн заметил темную броню Руада Рофессы и желтый плащ Тилмфера — Скала Олламов успел сменить изодранное одеяние и теперь гонял жеребца вокруг Аримана, подбрасывая меч и что-то выкрикивая. Копья рыцарей были наклонены в сторону темного бога, на их наконечниках играли золотые искры.

— Сиды — искусные волшебники, — сказала Матген, все еще не подавая Копья Дагда Конну, — однако даже их оружие не может причинить вреда Красному Вепрю Неба. Их сила и заклинания Тилмфера лишь сдержат его на время...

— Чего же мы ждем? — воскликнул король. — Пришла пора уничтожить темного бога!

— Меня удивляет, что Ннок до сих пор не появился на поле. Странно...

— Что он может теперь, когда основные силы Аримана разгромлены? Прикончив повелителя, со слугой я уж как-нибудь справлюсь.

Матген собиралась что-то ответить, но в это время Вепрь поднял огромную голову и заревел. Кони сидов

попятись, едва сдерживаемые всадниками, Скала Олламов, резко осадив лошадь, прикрылся щитом...

— Вот теперь медлить нельзя! — воскликнула королева. — Смотрите!

Мрак у подножия холма на той стороне долины взбухал и разрастался, словно чернильное пятно, выпущенное гигантской каракатицей. Клубы его тяжело поползли вперед, накрывая все на своем пути непроглядной густой тенью.

— Что это?! — разом воскликнули король и рыцарь.

— Ничто! — Голос Матген звенел, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть, лицо было бледным, высокий чистый лоб покрылся бисеринками пота. — Всепоглощающее Небытие! О Баннут, о Хранители Радуги, о вы, Светлые Боги! Неужели вы допустите, чтобы мир наш исчез, поглощенный Великой Пустотой?!

— И эту... это... — Конн мучительно подыскивал слова, наблюдая, как клубы мрака неотвратно надвигаются на рыцарей в золотых доспехах. — Можно ли это остановить?

— Нет, — сказал Да Дерг, — здесь было бы бессильно даже небесное оружие ямбаллахов. Огонь, смерч, молния, всемирный потоп — нет препятствий для Всепоглощающего Небытия. Все живое просто исчезнет — люди, звери и птицы, гномы, демоны, элементалы и... боги. Ариман решился вызвать Великую Пустоту, подчинившись безнадежному отчаянию, терзающему его темную душу. Теперь, если он не успеет победить и овладеть своим Сердцем, он не сможет повелевать Небытием и сам погибнет. Вместе со всем нашим миром и теми, кто заточил его в Железный Замок... Только Высшие Иерархи будут продолжать свою бесконечную игру и когда-нибудь вновь создадут мир, похожий на этот...

— Слабое утешение, — прервал его Конн. — Мы что, должны встать на колени и склонить головы, или есть все же выход?

— Только один, — сказала королева, — убить Аримана. Но...

Конн почти силой вырвал священное копье из ее рук и подивился легкости серого древка. Наконечник копья был черным, длинным и слегка зазубренным на конце.

— Что ж, сын киммерийца, попробуй, — Матген горестно покачала головой, — и не забывай о плане Гнубуса. Да поможет нам Баннут. Да Дерг, теперь наше место — на поле битвы.

Она тронула поводья, и белые кони увлекли золотую колесницу вниз по склону. Супруг королевы во главе гвардейцев скакал рядом, и лицо его было, как всегда, спокойным.

— Признаться, мне не слишком понятны колебания Ее Величества, — заметил Дагеклан, внимательно осматривая клинок своего меча, который он подобрал, прежде чем вернуться на вершину Сид Фемен с бранного поля. — Не она ли утверждала на военном совете, что Копье Дагда — самое надежное оружие, способное сразить небожителя? Ариман рассчитал верно, послав вперед все свое воинство: теперь меч, плеть и дудка ямбаллахов лишены силы и восстановят ее лишь через три дня. Но священное копье — в ваших руках, государь, так не станем же медлить!

— Не станем медлить! — повторил Конн, вонзил шпоры в бока лошади и в сопровождении рыцаря и оруженосца вихрем помчался навстречу судьбе.

* * *

Озаренные лучами вечернего солнца, подняв руки, они пели: древний мотив без слов, тягучий, то чуть слышный, то усиливающийся, волной катился навстречу клубам наступавшего мрака. Ратники, ополченцы, рыцари, королева Матген, Да Дерг, повелители Лейнстера, Улада, Коннехта и Мунстера — все, кто принимал участие в битве при Маг Туиред, обратив лица навстречу грозной опасности, старались сдержать на-

ступление Небытия. Впереди цепью растянулись юные сиды, высоко подняв тонко звенящие ветви. Их король, седовласый Бодб Дерг, стоя в серебряной колеснице, держал в руке витой посох, обращенный к стене мрака, — яркие сполохи рвались из наконечника в форме головы дракона, сплетались в тончайшую сеть: казалось, чудесный невод вот-вот накроет черное облако.

Увы, все усилия фаллийцев были тщетны: зловещая тень лишь слегка замедлила свой неумолимый бег, и люди медленно отступали, не отрывая глаз от приближавшейся смерти. Исход битвы решался не здесь — на северном краю долины слышался яростный рев Небесного Вепря, глухие удары и звон оружия...

Воинам сидов удалось оттеснить темного бога при помощи своих волшебных копий: золотые искры срывались с их наконечников и жалили Аримана, подобно множеству разъяренных пчел. Они причиняли боль, заставляя Небесного Вепря вертеться, реветь и отступать, но не могли пробить его красную шкуру, облепленную грязью вперемешку с кровью. Несколько раз темный бог кидался в атаку, доставая коней рыцарей страшными клыками, четверо сидов были затоптаны его могучими копытами, остальным пока удавалось избежать гибели благодаря ловкости и отличной выучке ездовых животных. Тилмфер был выбит из седла, его конь пал с распоротым брюхом, оруженосцы успели оттащить Скалу Олламов под прикрытие валунов, и теперь он сидел, стараясь унять кровь, хлещущую из разбитого носа.

Конн уже трижды метал Копье Дагда, и всякий раз Вепрь уворачивался, выбивая копытами фонтаны земли. Бесстрашный Бугдрасиль всякий раз приносил чудесное оружие королю, умоляя позволить ему побрататься поближе и вонзить черный наконечник Ариману в брюхо.

— Даже если он поднимет на клыки мое юное тело, чего, признаюсь, мне бы совсем не хотелось, — нашеп-

тывал элементар, и слова его были отчетливо слышны королю, несмотря на шум сражения, — я найду себе новое... Позвольте, государь, проткнуть эту тушу: с пяти шагов я не промахнусь!

— Рука твоя недостаточно сильна для такого броска, — отвечал Конн, умалчивая еще об одной причине, по которой желал сам разделаться с темным богом: он хорошо помнил слова Аримана о том, что Эльтира достанется лишь тому, кто сразит его в поединке.

— Думаю, мне ты тоже не доверишь подобное дело, — услышал король рядом чуть насмешливый хрипловатый голос.

Руад Рофесса, державшийся ранее за спинами сидов, теперь подъехал к Конну и остановил своего коня рядом. В руках рыцарь сжимал два волшебных копия с золотыми наконечниками, из-за левого плеча виднелась рукоять меча.

Воины в золотых доспехах обступили Конна и Многомудрого, сдерживая Небесного Вепря градом сверкающих искр.

— Сила, заключенная в оружии сидов, не беспредельна. — Рофесса пристально смотрел в глаза короля из-за прорезей глубокого шлема. — Решай. Должен признать, мечом ты владеешь гораздо лучше, чем копьем.

Конн скрипнул зубами, стараясь сдержать гнев и говорить спокойно.

— Когда все кончится, — сказал он, не отводя взгляда, — я готов доказать тебе обратное в любом месте и в любое время. А если предпочтешь снова махать кулаками, как простолюдин на рыночной площади, что ж, я с удовольствием сделаю ожерелье из твоих выбитых зубов...

Рофесса откинул голову и громко расхохотался.

— Отлично сказано, мой мальчик! Посмотрим, не превратились ли в мочало твои мускулы от вареной пиццы и разбавленного вина. Ведь так, кажется, рекомендовал тебе питаться мудрейший Обиус?

И, не обращая внимания на удивление Конна, быстро добавил:

— Мы с Железной Рукой нападём на тварь с двух сторон и отвлечём ее внимание. Атакуй в лоб и постарайся не промахнуться. Посмотрим, какого цвета печень у этой свиньи...

Он сделал знак Дагеклану, и они понеслись во весь опор, охватывая Вепря широкими клещами.

Ярость клокотала в груди Конна: никто доселе не смел называть его, короля великой Аквилонии, «мальчиком»! Только отец. Этот надменный рыцарь еще пожалеет о своих неосторожных словах... Кром, как он пожалеет!

Готовясь дать коню шпоры, он наблюдал за бешеной скачкой двух храбрецов. Рофесса был уже в ста локтях от Вепря: полосы золотых искр срывались с наконечников его копий, жала темного бога. Ариман развернулся мордой к летящему на него всаднику, склонив голову, выставил вперед страшные клыки...

В это время Дагеклан достал его ударом меча: сталь, зазвенев, отскочила, не оставив на красной шкуре ни малейшего следа. Вепрь заревел и крутанулся, вздымая целую стену грязи...

Конн не стал больше медлить. Он пустил лошадь в галоп, изо всех сил вонзая в бока животного длинные шпоры. Высоко подняв Копье Дагда над головой, он мчался вперед, видя лишь оскаленную морду Вепря, который, заметив его приближение, застыл, широко расставив ноги и сверля короля взглядом маленьких, полных лютой яростью глаз.

Конн метнул копье, и Ариман не стал на этот раз уклоняться: черный наконечник со свистом рассек воздух и ударил в покатый лоб темного бога. Ударил... и отскочил. Копье Дагда, угодив под копыто чудовища, переломилось.

— Проклятие! — взревел Рофесса, осаживая коня. — Подделка! Матген надула тебя, Конн! Да провалится в задницу Нергала этот окаянный остров, где все — ложь...

С этими словами он размахнулся и метнул оба своих копья в Аримана. То, что пущено было с левой руки, пролетело мимо, но другое вонзилось в маленький красный глаз, исторгнув из груди Вепря жуткий, полный боли и ярости рев.

— ЕСТЬ! — гаркнул Руад. — Не убил, так ранил. Теперь навалимся вместе: единственный шанс загнать тварь на Поляну Дриад!

Небесный Вепрь повалился набок и принялся кататься по земле, стараясь вырвать копье из глазницы. Рофесса, Дагеклан и Конн обрушили на него удары мечей, но с таким же успехом они могли рубить глыбы гранита: клинки выбивали из красной шкуры снопы искр и с лязгом отскакивали...

Когда темный бог вновь вскочил на ноги, вместо левого глаза на его морде зияла рана, вокруг которой быстро разгоралось радужное сияние. Копье сидов не могло убить, но его огненный наконечник породил нестерпимую боль, ведомую богам лишь когда они пребывают в телесной оболочке. Рана затягивалась, но на это нужно было время, а пока Ариман был лишен одного глаза, он плохо видел и не мог верно рассчитать броски... Темный бог знал, что сила, заключенная в копьях сидов, вскоре иссякнет, и тогда он сумеет легко расправиться с наглыми смертными, рискнувшими бросить ему вызов. А пока следовало отступить, измотав преследователей стремительным бегом.

Повернувшись, Вепрь огромными прыжками устремился к северной оконечности поля. Воины в золотых доспехах скакали по обе стороны, выпуская в темного бога все слабеющие золотые искры.

— Не дайте ему повернуть, — бросил Рофесса конникам, — гоните на Поляну Дриад!

Там, возле дерева с тремя стволами, гномы устроили для врага коварную ловушку. Древний подземный разлом подходил возле жилища дриад почти к самой поверхности земли, прикрытый сверху, словно колодец крышкой, толстой известковой плитой. Рудо-знатцы,

пройдя одним им известными подземными ходами, проникли в разлом и подточили плиту снизу: она готова была рухнуть под тяжестью Красного Вепря, хотя самый внимательный глаз не обнаружил бы на поляне ничего подозрительного. В этом и заключался план мудрейшего Гнубуса из Тюирлги, одобренный на военном совете в Медовом Покое королевы Матген.

Рыцари гнали Вепря к Поляне Дриад, лежащей на самом краю поля Маг Туиред. Вскоре началась высокая трава, не тронутая ногами воинов и лапами чудовищ, — битва не успела сюда докатиться. Ариман пытался свернуть, но жгущие искры заставляли его бежать по прямой, а единственный глаз не позволял верно определить положение...

И тут у них на пути возник звездный слон Диггаджи, на спине которого в пышном шатре величественно восседал правитель Севера Кубера-Нор. Слоны спокойно пощипывали травку, отправляя сочные пучки огромным хоботом себе в рот. Это была граница, оговоренная Благими Богами, — никто из участников битвы не смел ее пересечь.

И Поляна Дриад лежала за спиной звездного исполина.

Красный Вепрь стал забираться в сторону, наткнулся на копыта сидов, взревел и остановился, фыркая и мотая уродливой головой.

— Кром! — взревел Руад Рофесса. — Он должен был стоять за деревом! Назад, скотина, если не хочешь потерять хобот!

Диггаджи и ухом не повел, продолжая подкрепляться; Кубера-Нор задумчиво смотрел вдаль, не обращая внимания на людей, — он размышлял о вечном, и что ему было до забот смертных?

— Возле дерева травка коротковата, — сказал Бугд-расиль, шаря у себя за пазухой, — дриадки ее подстригают, вот Диггаджи и бродит вокруг в поисках лакомства. Сто локтей туда, сто сюда — какая, в сущности, разница...

— Разница в том, что прожорливая скотина поможет Ариману выиграть битву, — буркнул Рофесса. — Мы не можем миновать слона, не нарушив условия небожителей, сила копий иссякает и...

— Я предвидел подобную ситуацию, — перебил его элементар, — вернее, если быть до конца справедливым, ее предвидел старина Гнуб. Слоны не будут стоять на месте, говорил мудрый коротышка, мы должны это учесть. Мы и учли. Эй, почтенный, — обратился он к одному из воинов, — присмотри за моим юным телом, не хочу сидеть на победном пиру с синяками и шишками. Когда слон побежит, наваливайтесь скопом...

Он вытащил из-за пазухи маленький серый комочек и поднес к губам. Руки оруженосца упали, тело стало заваливаться в седле — сид успел подхватить его, прежде чем пищащий комочек соскользнул по стремени и, высоко подпрыгивая, покатился через траву к жующему Диггаджи. Некоторое время слон с удивлением наблюдал за взявшимся невзвесть откуда зверьком, потом издал звук, который могла бы произвести полковая труба после того, как все ратники полка прошли по ней строевым шагом, повернулся и пустился бежать, угрожающе раскачивая шатер правителя Севера.

— Мышь! — воскликнул Конн. — Элементар вселился в мышь, а для слонов нет существа страшнее!

Путь был свободен: граница отодвинулась вслед за Куберой.

Им пришлось еще поработать мечами, и сверкающие наконечники волшебных копий почти угасли, прежде чем Красный Вепрь Неба оказался загнан к жилищу дриад. Несколько раз темный бог бросался в атаку, пытаясь прорваться, еще трое сидов пали под ударами его клыков, но план рудознатца увенчался успехом: земля под ногами Аримана дрогнула, разошлась и стала проваливаться, увлекая чудовище в бездну...

Гном ошибся только в одном: Вепрь, явившийся на поле брани, оказался не столь огромен, как ожидалось. Плита не обвалилась под ним разом, она лишь треснула, образовав узкую щель, в которой и застряло тело бога. Над поверхностью земли остались передние ноги и голова — рана на страшной морде почти затянулась, Ариман быстро восстанавливал силы...

— Надо его столкнуть, — пробормотал Конн, — пока не очухался.

— Золотые слова, — голос Рофессы был по-прежнему чуть насмешлив, — добьем гадину, мой мальчик!

На сей раз Конн пропустил «мальчика» мимо ушей. Спешившись, король, Железная Рука и тот, кто называл себя Красным Многомудрым, приблизились к попавшему в ловушку Ариману — осторожно ступая, готовые в любой миг отскочить, если земля начнет обваливаться под ногами.

Руад уже заносил меч, когда сверху, из ветвей дерева, на головы им упала зеленая сеть. Среди густой листвы мелькнули тени в зеленых накидках, раздался испуганный вскрик, и все смолкло.

Упругая сеть двигалась, как живая: она туго оплела и Вепря, и троих воинов, она душила, стягивала, влекла навстречу острым клыкам... Рофесса отчаянно ругался, понося женскую глупость и пытаясь перерезать клинком скользкую лиану: Конн узнал виденные на живой картине желтоватые стебли удави-поползня...

Красные немигающие глаза были совсем рядом, из разинутой пасти Вепря несло смрадом, на желтых клыках блестела слюна.

Сиды бросились было на помощь, но, смекнув, что плита, прикрывающая провал, может не выдержать их тяжести, остановились в замешательстве.

— Корни! — прохрипел Руад. — Перерубите ему корни!

Кто-то ударил мечом по корням поползня, и стебли лианы сразу замерли. Замерли, но не отпустили. Руки

Рофессы, Конна и Дагеклана оказались стянуты столь туго, что нечего было и думать воспользоваться оружием, чтобы перерезать живую сеть.

Теперь время работало на Аримана. В глубине его маленьких красных глаз разгорались радужные сполохи, и голос темного бога звучал в сознании трех беспомощных воинов: «Смерть! Еще немного — и вы погибли... Я победил, победил!»

Тяжелое хлопанье крыльев раздалось неподалеку. Шаги — кто-то осторожно приближался к ним по треснувшей плите-ловушке. С трудом повернув голову, Конн увидел человека в кожаных латах и мягких яловых сапогах. Ветер трепал густые черные волосы, на загорелом лице ярко блестели голубые глаза.

В руке воин сжимал копье с серым древком и черным, слегка зазубренным наконечником.

«Ннок! — прозвучал беззвучный голос Аримана. — Ты пришел, мой преданный вассал! Пришел и принес Копье Дагда... Подлинное копье, которое я приказал тебе похитить у глупой Матген. Отличная мысль — прикончить врагов оружием, которым они тцились уничтожить твоего господина! Убей их, Ннок!»

Черноволосый остановился, задумчиво глядя на пленников. Если бы Ариман не назвал его по имени, Конн никогда не признал бы сводного брата. Они вовсе не были так уж похожи: смуглая обветренная кожа туго обтягивала резкие скулы Ннока, крылья прямого, несколько длинноватого носа трепетали, словно он к чему-то принюхивался, голубые глаза, более светлые, чем у Конна, смотрели пристально и неумолимо... Он был ниже и шире в плечах, чуть кривоватые ноги выдавали прирожденного всадника.

— Ты приказываешь мне убить их? — раздался низкий, хрипловатый голос сына Матген.

«Убей!» — повторил Ариман.

— Но один из них — мой брат.

«Ты не должен испытывать колебаний, когда приказываю я, твой господин!»

— Господин? В Железном Замке я лицезрел крылатое существо с головой насекомого, а сейчас вижу борова с подбитым глазом.

«Да как ты смеешь, ничтожный! — беззвучный голос загрохотал, и Конну показалось, что череп его сейчас разлетится на тысячу кусков. — Дай мне восстановить силу, и я предстану в любом облиции, в каком пожелаю! А сейчас — убей, убей, убей!»

Словно подчиняясь этому мысленному заклинанию, Ннок поднял руку, сжимавшую Копье Дагда.

— Будь по-твоему, — сказал он.

И вонзил черный наконечник в оскаленную пасть Небесного Вепря.

Глава одиннадцатая КОРАБЛЬ И РАДУГА

Хорошо мне видна теперь,
ясным утром после восхода,
семицветная дорога
через гряды запредельного леса...

Тиллфер. «Скала Олламов»

Три дня и три ночи Инис Фалль оплакивал павших. На четвертое утро возле того самого места, где Конн увлек в море неприкаянные души, на воду были спущены пять огромных плотов с величественными саркофагами из эбенового дерева, украшенными гирляндами цветов и венками из веток терновника. Над каждым развевался флаг одного из королевств, хотя определить, останки чьих воинов покоятся в каждом из саркофагов, было попросту невозможно. Смерть вновь объединила подданных Лейнстера, Улада, Коннехта Мунстера и Миде, и каждый из павших воинов был теперь просто фенеем, что значит — «свободнорожденный».

Сиды увезли своих убитых в Долину Холмов, чтобы похоронить, согласно древним обычаям волшебного народа.

С первыми лучами солнца траурные плоты отчалили от берега. На них не было ни парусов, ни гребных команд, и все же они двигались навстречу разгорав-

шейся заре, подгоняемые протяжной песней без слов, которую пели, подняв к утреннему небу тысячи рук, стоявшие на берегу люди.

Как только огненный край дневного светила показался над чертой, разделявшей море и небо, плоты вспыхнули, превратившись в огромные яркие факелы. И тогда над волнами пронесся скорбный тягучий звук — повелитель глубин Марабуэль трубил в свою раковину, салютуя праху героев.

Весь день продолжалась тризна, а когда снова взошло солнце, ничто уже не напоминало о скорби фаллийцев: начался праздник в честь великой победы.

Будничный облик городов мира отличен, в торжественном убранстве все они сходны — блеском, великолепием, неудержимой тягой к веселью. Стольный Лиатдруим не был исключением, разве что праздничные огни его сияли куда ярче, разноцветные гирлянды, украшавшие стены домов, напоминали ожившие висячие сады, а любой уличный оркестр, услаждавший слух горожан чудесной музыкой, мог бы заткнуть за пояс всех инструменталистов Аргоса и Зингары, чьи народы славятся непревзойденной музыкальностью. Когда сумерки окутали Инис Фалль, Лиатдруим превратился в пламенеющий ковер самой изысканной работы: казалось, ткачи покрыли гору, на которой располагалась столица, множеством выверенных стежков и линий, сливающихся в чарующий, непревзойденный узор. Семью цветами радуги сияли кольцевые стены, окружавшие столицу королевства Миде, между ними обручами лежали широкие каналы, заполненные множеством лодок и барок; на палубах стояли шатры, тонкая их материя, просвечивающая от расположенных внутри ламп, напоминала театр теней — внутри шатров пировали и веселились.

Толпа, запрудившая улицы, была одета пестро и необычно: простые фаллийцы не придерживались единого стиля одежды, так что и в будни костюмы их больше напоминали карнавалы, сейчас же остатки

соразмерности, составлявшей изрядную долю портновского искусства, и вовсе исчезли, уступив место крикливой роскоши. Здесь можно было видеть, на что оказалось способно свойственное жителям острова чувство прекрасного, предоставленное самому себе и лишенное ограничений.

Костюмы горожан украшали сотни драгоценных камней: рубины, сапфиры, изумруды, опалы, топазы, жемчуг, янтарь, яшма и многие, многие другие, названия коих ведомы были, пожалуй, только дядюшке Гнубу. Подобранные с тщанием и немалым искусством, они превращали одевание в настоящий каскад переливающихся искр, а многочисленные банты и ленты делали фаллийцев похожими на роскошные торты, украшенные цукатами и марципанами.

Все размеры были до смешного преувеличены: высокие дамские чепцы походили на сахарные головы; волосы на висках и со лба фаллийские модницы убирали, так что лбы их казались до странности выпуклыми; декольте чаще всего было узким, отвороты платья прикрывали грудь, но вырез опускался столь низко, что виднелся пупок. Высокие и узкие каблуки дамских туфель напоминали лезвия стилетов — требовалось немалое искусство, чтобы легко передвигаться в подобной обуви.

Мужчины, напротив, щеголяли в башмаках из цветной наборной кожи на столь толстой подошве, что все как на подбор казались рослыми молодцами, хотя на самом деле редко были выше своих подруг. Затянутые талии и шарообразные рукава в виде пухов, высоко вздымающиеся на плечах; пояса, широкими концами свисающие до пят, и камзолы, настолько короткие, что едва доходят до бедер; высокие, островерхие или цилиндрические колпаки, шапки и шляпы с тканью, причудливо драпирующей голову и напоминающей то ли петушиный гребень, то ли языки пламени, — чем торжественней, тем чрезмерней...

Вся эта роскошь отнюдь не свидетельствовала о знатности или богатстве ее обладателей — высокород-

ные фаллийцы одевались, в отличие от толпы, просто и благородно. Каждый простолюдин имел в своем гардеробе праздничное платье: те, кто мог, — покупали сами, остальным помогали общины, ибо жизнеустройство фенеев резко отличалось от миропорядка, установившегося на материке, и взаимопомощь, царившая на острове, была достойна всяческого удивления и восхищения.

Месьор Дагеклан был очарован стольным Лиатдруимом и его жителями. Рыцарю казалось, что он попал в сказку, коих немало понаслышался в замках и дворцах Хайбории от бродячих трюверов и сказителей. Сменив броню на длинный камзол, пристегнув вместо тяжелого меча изящную шпагу, он бродил по праздничным улицам, наслаждаясь ароматом цветов, музыкой оркестрантов, наблюдая за общим весельем и красочной круговертью. Подумать только, ни одного нищего, прокаженного или просто увечного! Ни одного грязного кабака, темного замусоренного проулка, ни одной подозрительной рожи! Все лица были открыты, улыбки, румяны и добродушны. Мужчины не задирали чужеземца, женщины не бросали на него жадные взгляды. Казалось, здесь можно бродить днями и ночами в полной безопасности, пить легкое вино, смеяться и ни о чем не думать...

Его ждали в Медовом Покое, ждали друзья, чтобы распить победный кубок, но Дагеклан медлил, ему хотелось впитать все запахи и звуки Лиатдруима, города, за который он проливал кровь, сполна насладиться блеском огней, веселым шумом толпы, смехом и песнями.

На глади каналов началось феерическое представление: явились дельфины с юными девами на спинах; морские животные принялись играть и кувыряться в сверкающей воде, подпрыгивать, выделять разные забавные штуки — их хозяйки плавали рядом и наигрывали на каких-то маленьких, но звучных музыкальных инструментах.

Пробежали мальчишки-глашатаи, выкрикивая: «На ипподром! На ипподром! Только сегодня — большие бега

на птицах Рох! Лучшие гномы-наездники! Спешите! Спешите!»

С вершины горы, из-за стен дворца королевы Матген, поднялись огромные цветные шары, наполненные летучим газом, между ними реяли полотнища, испещренные непонятными рыцарю знаками...

Кто-то легко тронул Дагеклана за плечо, и он обернулся. Рядом стояла высокая девушка в черном муаровом платье, усыпанном блестками драгоценных камней, с высоким воротником, веером поднимавшимся над заколотой серебряной иглой прической. Она улыбалась и смотрела на рыцаря — в глазах ее отражались праздничные огни. Потом девушка повернулась и все так же молча скользнула в темный портал ближайшего здания.

Железная Рука поправил шпагу, оглянулся и решительным шагом направился вслед за незнакомкой.

* * *

— Вот я и говорю им: чудное дело, братцы, что-то здесь не так. Они галдят и возражают: что же чудного в том, что длинноноги перессорились? Ну, осерчал парень на матушку и подался к Королю фоморов за покровительством — бывает. Давай покажем этому Нноку, говорят, почем мешок изумрудов. Подроем ему замок, пускай в Нижний Мир провалится со своими собаками. Забыли, что Подземный Король в том замке сидит пленником, и супостат грозит отрезать ему священные бородавки, ежели не получит изумруды в качестве дани. Изумруды, берилы, сподумены, празмы и другие весьма редкие камешки, дабы ошейники гончим своим украшать: вот что выдумал, коварный!

Гнубус из Тюирнлги вытер чистым платком красневшее лицо и погрозил сидевшему рядом Нноку пальцем. Общий хохот был ответом на слова гнома.

Посреди Медового Покоя стоял круглый, похожий на бублик стол. По внешнему краю располагались гости, в центре имелся люк, из которого то и дело появ-

лялись юные пажы, менявшие блюда и кувшины с напитками. Сиденья у всех пирующих были одинаковыми, низкими и без спинок, только Матген располагалась в резном кресле с подлокотниками, украшенными изображениями голов единорогов. За спиной королевы виднелся темный шатер, скрывавший Камень Делений.

— Ваш повелитель — отличный парень, — прогудел Ннок, чокаясь с дядюшкой Гнубом изящной платиновой чаркой, — мы с ним немало выпили из моих запасов, и он отвел душу, развлекая меня историями из подземной жизни. Теперь я запросто могу отличить сталагмит от сталактита и агат от гагата. Кром, да я стал заправским ювелиром, подбирая украшения для моих собак!

— Надеюсь, ты вернул гномам их драгоценности? — с улыбкой спросила Матген.

— Вместе с ошейниками! Получились неплохие браслеты для птичек Рох. Сегодня на ипподроме им будет не стыдно переставлять свои длинные ноги. Блеск и великолешие!

— Этот блеск чуть было не привел к беде, — проворчал рудознатец, заглядывая на дно пустой чарки. — Замучил ты мой народец, гоняя собак по нашим землям. Надо же, сам Гнубус из Тюирнлги сваливается на головы рудознатцам на воздушном корабле, а они, вместо того чтобы ликовать и обниматься, бубнят о самоцветах, которые носят по полям! Мы, говорят, с риском для жизни выковыриваем камешки из самых глубоких подземелий, а этот Ннок, чтоб ему провалиться в самую глубокую штольню... Ну да ладно, что было, то было. Подземный Король дома, битва выиграна.

— Кстати, властитель ваш не очень-то хотел возвращаться, — усмехнулся Ннок, подливая вина дядюшке Гнубу. — У меня он в кресле за столом сживал, а вы задницу его пуще головы бережете, за бородавки опасаясь. «Я, — говорит, — день и ночь на ногах, даже сплю стоя, как лошадь».

— Неправда, — возмутился рудознатец, — лежать дозволяется! Правда, только на животе. И нечего подсмеиваться над древними обычаями, сколь бы нелепыми они ни казались: заветы предков уважать надобно. У нас в Тюирнлги говорят: «Кто смеется над бородой гнома, тот сам дурацкий колпак примеряет». Известное дело: длинноноги на Маленький Народец свысока смотрят, а если бы больше доверяли, так не пришлось бы Марабуэлю тебя, братец, из заточения вызволять!

— Еще раз прости, почтенный Гнубус, что пришлось причинить неудобства твоим сородичам, — сказала королева, — но слишком многое было поставлено на карту в этой игре. Я предвидела, что Ариман попытается украсть Копье Дагда, единственное оружие, способное сразить его в телесном воплощении, поэтому и заставила сына разыгрывать роль предателя. О сей хитрости только мы двое и ведали. Мои предположения оправдались: Ариман приказал своему верному, как он считал, вассалу подменить священное оружие его точным подобием, а настоящее копье спрятать в горах. Пока были целы, птекары передавали то, что видели их рукотворные глаза в Железный Замок, поэтому, опасаясь соглядатаев, Ннок вынужден был и в самом деле отправиться в Гранатовые горы, намереваясь вернуться, когда летуны будут уничтожены...

— Тут-то его и замуровали! — торжествующе воскликнул рудознатец. — Ай да гномы, знай наших! Залез, значит, мучитель в расщелину, а его быстренько камнями и заложили...

Дядюшка Гнуб сообразил, что радость его по поводу чуть было не ставшего роковым события не совсем уместна, засмутился и уткнул бороду в чарку.

— И в самом деле — шустрые малыши, — насмешливо прогудел Ннок. — Не успел я обернуться — а выхода как не бывало. Мечом орудовать пробовал — бесполезно. Хорошо Барабар-озорник поблизости случился, кликнул духа гор, тот своим крепким клювом быстро камни раскидал и меня на крыльях к Маг Туиред

доставил. Да вовремя — еще бы немного, и Ариман восстановил силы. Тогда — первыми убил бы тех, кто рядом, потом за остальных принялся. Надо же было дриадам сеть кинуть, когда надобности в том уже не было... Перестарались!

— Клянусь палицей Крома, всех женщин, коим можно доверять в битве, я мог бы пересчитать по пальцам одной руки, — раздался голос, заставивший Конна вздрогнуть.

Конн сидел за круглым столом напротив королевы Матген и плохо слушал, о чем говорят в Медовом Покое. Он задумчиво потягивал терпкое вино, не отрывая взгляда от лица человека, расположившегося по левую руку от повелительницы острова Фалль.

Это было его собственное лицо — смуглое, синеглазое, молодое: словно по ту сторону стола кто-то забавы ради установил зеркало, и король видел свое отражение... Видел, и не мог до конца поверить, что пугающе сходный с ним человек, встретивший его с мечом на пустынном берегу Инис Фалль, Руад Рофесса, Красный Многомудрый, рыцарь, с коим довелось скрестить клинки, а потом сражаться бок о бок против темного божества — его отец, Конан-киммериец, великий завоеватель и самодержец хайборийский, легендарный возлюбленный, исчезнувший, как мыслилось, навсегда...

...Когда предсмертный хрип Небесного Вепря затих и Ннок перерезал кинжалом зеленую сеть, воин в темных доспехах поднялся и пристально взглянул на нечаянного спасителя из прорезей шлема.

«Кром! — прохрипел он, растирая могучую грудь. — Так вот у кого было копье! Значит, ты не продался этой свинье, сын?»

«Нет, — коротко отвечал Ннок. — Так было нужно. Мать объяснит тебе».

Конн уже стоял рядом.

«Ты помянул киммерийского бога, Руад, — воскликнул он удивленно, — и, как я припоминаю, не в первый раз...»

«Тебе послышалось, — усмехнулся тот, кто называл себя Красным Многомудрым. — Я сказал — гром. Гром и молния!»

«Но ты назвал Ннока сыном! Неужели...»

«Ладно, — воин уже снимал шлем, — таиться нет больше причин. Уж коль мы собрались вместе, дайте вас обнять, детишки!»

Но Конн отшатнулся, увидев гладкое, без признаков старых шрамов лицо и синие молодые глаза отца.

«Инис Фалль, — прошептал он, — остров на перекрестке миров... Здесь все возможно, и все обманчиво...»

«Я тоже так думал, — усмехнулся Конан, — особенно, познакоившись с королевой Матген. Принимаешь меня за Руада Рофессу, стража, способного менять облик? Когда-то и мне пришлось с ним сразиться, прибыв на Фалль по важному делу. Я расскажу тебе, время еще будет. На сей раз Рофесса уступил мне честь принять гостя: уж больно хотелось посмотреть, на что способен сын, которому доверил величайшую державу и который, как пришлось слышать, с некоторых пор разбавляет вино водой и предпочитает вареное мясо. Эй, мальчик, если ты все еще сомневаешься, кто перед тобой, вспомни, чем кончился наш поединок! Разве стал бы благородный фаллийский рыцарь пускать в ход кулаки, как базарный драчун? Сам помысли: на такое способен только самый распоследний варвар!»

Он расхохотался во все горло: теперь Конн видел перед собой прежнего киммерийца, умевшего гневаться и веселиться с равным самозабвением, только удивительным образом помолодевшего — наверное, таким он был, когда плавал на черной галере по Западному морю и звался Амрой.

«Но цветок... — пробормотал Конн, все еще не в силах окончательно поверить в реальность происходящего. — Цветок с поля Черного Садовника... Неужели ты отдал сердце Хель и не стал воином Нергала? Или то был предлог, чтобы скрестить со мной оружие?»

«Разве нужен предлог, чтобы немного поупражняться на мечях? — усмехнулся киммериец. — Но ты прав, мой мальчик, я действительно поддался на лживые обещания Хель и едва унес ноги из Нижнего Мира. С тех пор в груди моей поселился великий холод... Но ты растопил его, уступив в поединке на берегу моря, — так, видно, хотели боги. Теперь, когда все задуманное исполнено, я собираюсь вновь отправиться по Темной Реке, чтобы посчитаться с Безжалостной и вызволить ту, ради которой готов был пожертвовать самым сердцем...»

«Ты... — изумленно выдохнул Конн, — собираешься вернуть... Зенобию?!»

«Да! После того как она умерла, я знал других женщин, но тоска гнездилась в глубине души, камнем давила по ночам... Кром! Я не желал смириться с утратой! Тому, кто победил сотню магов, говорил я себе, лицезрел Всеблагое, выдержал взгляд Хали и заглянул в Источник Судеб, — достойно ли отступать перед самой смертью? Искал ответа и не находил.

Как-то я отправился к Офирскому оракулу, и пифия сказала такие слова:

Властитель покинет свое королевство на долгие годы,
В бездну низринется, юностью новой одет...

Ну и еще кое-что, указавшее мне дорогу, ведущую на закат через Западное море. Как видишь, я сумел обрести вторую молодость. И сумел отыскать дорогу на Серые Равнины — через Перекресток Миров, через радужный мост, через вершину горы... Богини Судьбы желали воспрепятствовать моим поискам, пришлось обойтись с ними не слишком почтительно. В Макабраске взошел я на палубу Корабля Мертвецов, сжимая в руке талисман древнего народа, — Хрон, перевозчик, доставил меня к последней пристани смертных.

Я говорил с Безжалостной, и Хель не посмела превратить меня в воина Нергала, ибо когда-то, в далекой Вендии, я выдержал взгляд ее грозной сестры. Она

предложила сделку: мое сердце в обмен на возвращение Зенобии. Но, как только Черный Садовник получил свое, хвостатая стража бросилась ко мне, желая пленить и навсегда соединить с женой — там, в Нижнем Море. Я бился с ними, но оружие мое было слишком слабо: теперь я знаю, что пустился тогда в безнадежное предприятие...

Меня спасло отплытие Корабля Мертвецов — действия его капитана неподвластны ни Хель, ни самому Нергалу. На обратном пути в Макабраск я говорил с Хроном и нашел с ним общий язык. Перевозчик был поражен моим безрассудством, на его памяти лишь дважды умершие возвращались в мир живых. Он рассказал мне, каким оружием можно одолеть нергалье войнство и саму Хель и что нужно достать, чтобы вызволить Зенобию с Серых Равнин. Он же вдохнул в мою грудь Животворящий Холод, позволивший жить без сердца. Мы расстались, но я обещал вернуться...»

В последующие дни они много еще говорили, и Конн узнал от отца во всех подробностях давнюю историю его первого путешествия на Инис Фалль.

Вернувшись из Нижнего Мира, киммериец понял, что помочь ему может лишь королева Матген. Добравшись до стольного Лиатдруима и был благосклонно принят в Медовом Покое. Он стал теперь намного моложе, чем был при их первой встрече, но властительница чудесного острова отнеслась к сему обстоятельству как к должному, ибо сама не слишком состарилась за прошедшие годы.

Когда-то Конан оказал фаллийцам важную услугу, соединив треснувший Камень Делений и восстановив мир между королевствами. Он был отцом Ннока, от которого, согласно пророчествам, должны произойти пятьдесят три правителя острова Фалль и царствовать в мире и процветании. Наконец, королева любила киммерийца, пусть всего одну ночь, но так, как умеют любить лишь великие женщины...

Мудрецы-фелиды обратились к светящимся рунам, желая отыскать оружие, о коем говорил Хрон, но руны стали почему-то открывать, что творится в Тарантии: заговор Обиуса, его влияние на молодого короля, великий Талисман Аквилонии, утративший силу... А потом Ариман приказал эмейну Да Дергу отправиться за своим Сердцем, используя чернокнижника Богуза.

— ...Колдун хотел употребить в своем тайном обряде кошку, для чего зарыл несчастное животное в ящике на перекрестке трех дорог, — услышал Конн голос супруга Матген, оторвавший его от воспоминаний, — а когда ищейки Братии, управляющей ныне в Аквилонии, узнали об этом, отправился в подземелье, чтобы найти крысу. Хотя использовать жертвенное животное при открытии Канала вовсе не обязательно. Богуз был настоящим буквоедом и тщательно следовал инструкциям, изложенным в магических книгах. Однако крыса — все же не кошка, и это повлияло на чистоту опыта. Произошла некоторая ошибка...

— Аберрация, — машинально произнес Конн мудрое слово.

— Да, аберрация, — вежливо поклонился в его сторону Да Дерг и продолжал, обращаясь к заинтересованным слушателям: — В результате сей ошибки беспабашные духи-элементалы проникли в физический мир и спутали мои планы. К счастью, в оружейной Его Величества оказался магический щит, который помог нам отправиться вслед за частицами рассеянной Силы, притянутыми, по закону подобия, мощнейшим в мире оружием. Мы оказались на самой макушке земли, в стране, где ночь длится целую зиму, а летом солнце не опускается за горизонт. Там погиб несчастный Богуз, а я успел переселиться в тело местного жителя, молодого кудесника Ярла. Со всей осторожностью использовал я его сознание, опасаясь, как бы руг не повредился в уме, почувствовав присутствие иного разума. Как выяснилось, опасения мои оказались по большей части напрасными: Ярл сумел понять, что с ним происходит,

и мне не пришлось... кхм... прибегать к крайним мерам и полностью лишать руга индивидуальности. Сейчас, оказавшись на Инис Фалль, сын Таркиная решил стать моим учеником.

— Значит, это вы решили задачки, с которыми мы столкнулись, путешествуя внутри горы Меру? — подал голос Аскилта.

Голова юного ругорума была туго перевязана, но вид он имел самый молодцеватый: еще бы — герой битвы при Маг Туиред! Фаллийцы намеревались установить в центре Лиатдруима летучий корабль ямбаллахов, безнадежно испорченный мышами-кровососами, а сверху — мраморную статую небесного кормчего в полный рост. Аскилта не возражал, сожалея лишь о том, что увидеть Инис Фалль с птичьего полета еще раз ему вряд ли доведется.

— Положим, мой храбрый Дукарий, в том есть и твоя заслуга, — отвечал Да Дерг с улыбкой, — как и отважного рыцаря Дагеклана, задержавшегося, к моему большому сожалению, в городе. Для меня было бы большой честью сдвинуть с ним кубки в честь славной победы. Что же касается всех этих пентад и гептад, а также символического значения чисел, здесь, увы, нет моей заслуги. Мы пользуемся иной системой счисления, отличной от десятичной. Разгадать тайны Железного Стража, Астарта и найти ключ к двери, ведущей на вершину горы Меру, помог чернокнижник Богуз, большой поклонник древнего мудреца Паргора.

— Но ведь он умер! — удивленно воскликнул юный ругорум.

— Умер, но часть его знаний осталась со мной. Поначалу я счел их ненужным балластом, и только проникнув за Медные Пороги понял, что ошибся. Не следует свысока относиться к чужим наукам, даже если они кажутся на первый взгляд... кхм... весьма искусственными. Зерна истины рассеяны во многих учениях, как частицы той Силы, в поисках коих проделали мы длительное и весьма опасное путешествие. Воистину

Богиня Случая была нашей покровительницей и привела к победе!

— Как! — воскликнула Матген со смехом. — Да Дерг, большой знаток всех хитросплетений причин и следствий, стал поклонником взбалмошной Тихи! Мой дорогой, я должна кое в чем признаться. Сейчас, когда Ариман больше не слышит твоих мыслей, это можно сделать.

Да Дерг удивленно взглянул на супругу и почти-точно склонил голову.

— Темный бог, замышляя вернуть себе Сердце, считал, что ему ведомы все наши планы, — продолжала королева, обращаясь ко всем собравшимся за круглым столом. — Именно поэтому я не могла быть до конца откровенной с мужем. Когда Конан явился в Медовый Покой, я обещала помочь отцу Нюка овладеть самым мощным в мире оружием, коим можно сражаться с воинством Нижнего Мира, — ибо история любви киммерийца к Зенобии тронула и взволновала мое сердце. Воистину, надо обладать великой душой, чтобы осмелиться бросить вызов самой смерти!

Фелиды произвели нужные вычисления, и они указали на Сердце Аримана как отправной пункт, с которого следует начинать поиски. Стало ясно, что Сила, заключенная в священном Талисмани великой Аквилонии, сумеет кто-нибудь заставить ее вырваться наружу, непременно будет искать нового пристанища и обретет его в величайших средствах разрушения. Но к тому времени Ариман при помощи своих эмиссаров научил жреца Обиуса, как погасить магический огонь багрового кристалла.

И тогда я обратилась за помощью к госпоже Ишшу, повелительнице элементаров...

Удивленные возгласы раздались за столом, но королева легким взмахом руки попросила всех успокоиться.

— Появление веселых духов вовсе не было ошибкой, вызванной заменой одного несчастного животного

на другое. Так что Тиха здесь ни при чем, мой дорогой супруг. В борьбе с богами нельзя полагаться на случайность, слишком велики ставки в игре. Я смогла убедить Аримана, что он — господин положения: отправляя своего эмейна в Тарантию, темный бог был убежден, что Да Дерг хочет всего лишь восстановить треснувший Камень Делений с помощью Конна и вернуть Силу Талисману аквилонцев, использовав Золотую Ветвь. Когда же она попала ему в руки, Ариман окончательно уверился в своей близкой победе...

— Но можно ли было так рисковать? — взволнованно воскликнул Конн. — Если бы не случайный выстрел Аскилты, уничтоживший Ветвь, все могло кончиться по-другому...

— Ты и в самом деле считаешь, что я не учла этого обстоятельства?

Матген поднялась и легкой походкой направилась к нише, украшенной гирляндами цветов. В нишах стояли бронзовые светильники, их свет играл на лепестках и листьях растений. Королева легонько щелкнула ногтем по вытянутому листку, и на пол бесшумно осыпались зеленые хлопья. Ветка, вылетевшая в гирлянду, была золотой.

Взяв ее, Матген вернулась к столу.

— Как видите, мы с Ариманом обменялись ходами: ему удалось подменить Копье Дагда, мне — Золотую Ветвь. Подделка была всего лишь указателем пути, и тот, кто похитил ее у старца из Шамболини, непременно должен был попасть в Железный Замок. Кстати, темный бог, видно, запомнил, что шамболинцы никогда не спят...

На сей раз возгласы пирующих были не удивленными, а восторженными. Дядюшка Гнуб даже подкинул свой колпак, не сумев поймать и с извинениями полез под стол. Конан провозгласил тост за хитроумнейшую из женщин, и все с удовольствием осушили кубки терпкого вина.

— Не удивлюсь,— сказал Да Дург,— если окажется, что и Камень Делений не был расколот.

— Ты очень проникателен.— Матген сделала знак, и пажи распахнули темный шатер за ее спиной.

Пятиугольный монолит стоял под матерчатым куполом, ни малейшей трещины не было на его черной поверхности. На Камне Делений лежали меч, плеть и дудка ямбаллахов, и Сердце Аримана — Талисман Аквилонии, озаренный изнутри ровным багровым сиянием.

— Мне удалось создать иллюзию, заставившую нашего врага поверить, что среди фаллийцев нет прежнего единства. Ариман слишком поздно понял свою ошибку. Что ж, битва выиграна, Конан получил оружие небожителей, а сын его — магический кристалл, дарующий победу над врагами. Настала пора каждому отправляться своей дорогой. Но, прежде чем Конн нас покинет, я хотела бы знать: возьмет ли он с собой ту, ради которой проделал опасное путешествие по Темной Реке?

Шум за столом стих, все взгляды обратились на Эльтиру. Она сидела бледная, потупив глаза, и железное кольцо по-прежнему тускло поблескивало на ее пальце.

Конн молчал. Он не видел девушку с тех пор, как они расстались в Железном Замке. В разговорах с отцом время пролетело незаметно: Конан жадно слушал подробности последних событий в Аквилонии, и они обсуждали, что будет делать Конн, когда вернется в Тарантию.

«Ты вновь обрел Талисман, теперь на твоей стороне Сила,— говорил киммериец.— Убей всех заговорщиков и Обиуса в первую очередь. Выкорчуй крамолу с корнем. Запомни: худшие враги не за стенами твоего дома, а внутри. Оставь лишь тех, кто служил мне верой и правдой, остальных уничтожь или изгони. Призови новых вассалов, верных и отважных, таких, как рыцарь Железная Рука, о коем ты много расска-

зывал. И никому не позволяй называть себя сыном рабыни!»

Они обсуждали планы возмездия.

Лишь однажды Конан сказал: «Твоя женщина вернулась. Появилась в Медовом Покое, не знаю уж, каким образом».

Киммериец избегал говорить с сыном об Эльтире.

Дочь лесной колдуньи. Очаровательная, манящая... И совершенно чужая...

Конн смотрел на маленькую родинку возле чуть припухших губ, и лицо девушки словно расплывалось в туманной дымке. Другие черты проступали из глубин памяти, ласковые, нежные и чуть печальные...

Мать любила смотреть на звезды. Однажды он, семилетний, тихонько прокрался за отцом к ее опочивальне и заглянул в щелку приоткрытой двери. Король и королева стояли, обнявшись, у открытого окна.

«Посмотри, какая ночь, мой повелитель... Звезды, луна... Глаза владычицы Иштар смотрят на нас...»

«Ночь как ночь,— бросив взгляд в окно, пожал плечами отец.— Звезд многовато, это точно. Иштар, как все женщины, слишком любопытна, моя милая!»

Так они и остались в памяти — тонкая фигурка матери, всем телом прижимавшейся к королю, и он, огромный и сильный, обнимающий свою возлюбленную супругу могучей рукой за хрупкие плечи. Казалось, ничто не в силах разлучить их, и сейчас Конн задавал себе единственный вопрос: какая чародейская сила могла бы заставить Зенобию вернуть Конану обручальное кольцо?

— Пусть подадут полоскательницу! — услышал он вдруг голос Матген и вздрогнул, поняв, что так и не ответил на ее вопрос.

Когда пажи принесли серебряную миску, наполненную розовой водой, королева встала и подошла к Эльтире.

— Ты так и не притронулась к еде,— сказала она,— и все же стоит ополоснуть руки в конце пиршества. Я хочу, чтобы ты опустила пальцы в эту жидкость.

Девушка молча повиновалась.

Матген ласково притронулась к ее щеке и тоже погрузила свои тонкие кисти в розовую воду. Поверхность покрылась частыми пузырьками, и жидкость исчезла.

Когда Эльтира поднесла свои пальцы к лицу, глаза ее удивленно расширились: железное кольцо исчезло, оставив лишь узкую светлую полоску.

— А теперь я хочу напомнить слова Аримана,— провозгласила Матген торжественно.— Темный бог предрекал, что его пленница достанется тому, кто сможет одолеть его в поединке. Мы, смертные, должны уважать пророчества небожителей...

— Да ведь Вепрь тоже оказался смертным,— не совсем почтительно встрял изрядно уже подвыпивший Аскилта.— Подох так же, как тот замухрышка, которого нашли у него в брюхе!

— Если бы ты не был героем Маг Туиред, я приказала бы две седмицы не давать тебе ничего крепче воды,— погрозила Матген пальцем доблестному летуну.— Что за непочтительные речи по отношению к богам! Замухрышка, как ты изволил выразиться, был Королем фоморов и земным воплощением самого Аримана. Он будет с надлежащими почестями сожжен вместе с останками Небесного Вепря, как только фелиды сочтут момент подходящим. Что же касается самого темного бога — не следует принимать видимость за сущность. Но я отвлеклась и теперь задаю вопрос сыну: согласен ли он исполнить то, чему суждено свершиться?

— Раз суждено — согласен.— Ннок сидел подбоченясь, не сводя пристального взгляда с порозовевшего лица девушки.— Моему замку давно нужна хозяйка. Признаюсь, я уж думал остаться холостяком: местные женщины для меня слишком утонченны. Видно, киммерийская кровь мешает оценить их по достоинству.

Я делаю предложение этой женщине и желаю получить ответ.

— Да,— чуть слышно шепнула Эльтира.

— Громче, не слышу!

— Да!

— Вот и отлично,— сказала Матген.— Властью, данной мне фенеями Лейнстера, Улада, Коннехта и Мунстера, а также народом сидов, объявляю вас мужем и женой. Свадьбу сыграем завтра же.

— Только предупреждаю: я грубый,— хохотнул Ннок.— Фелиды говорят — это от отца. Ты, красавица, быть может, очарована нашим островом, но мой замок слегка отличается от прочих. Много собак, свиньи, лошади... Хозяйство большое, за всем присмотр нужен. А если что не так — могу и плеткой поучить!

— Я отказала тому, кто предлагал мне руку и сердце,— Эльтира склонила голову,— и должна расплачиваться... Пусть чары владели мною — это не оправдание. Теперь ты, сын варвара и прекраснейшей из королев, мой господин и повелитель...

— Вот! — Ннок хлопнул себя по коленям.— Такая жена мне и нужна — красивая и покорная...

Эльтира вдруг гордо выпрямилась, и темные аргосские глаза ее сверкнули гневом.

— Но предупреждаю: если ты вздумаешь меня ударить хотя бы цветком, клянусь Иштар, я всажу тебе в шею стилет, который ношу в волосах!

И, заметив, как удивленно вытянулось лицо суженого, добавила вкрадчиво:

— А после того, как присмотрю за твоими свиньями и собаками, вечером я стану играть тебе на арфе и декламировать «Прекрасного пажа» Земфира Аргосского или отрывки из «Повести о Дастане и Юлии» несравненного Нуния Каспара. Пока ты не посинеешь или не научишься хорошим манерам!

Раскаты громового смеха потрясли стены Медового Покоя. Откинув черную гриву волос, Конан-киммериец хохотал во все горло...

— Освободить Аримана? Но что это значит?

— Когда пир окончился и почти все гости покинули Медовый Покой, я подошел к королеве, желая отблагодарить ее за все, сделанное для меня. Матген долго не отвечала, словно не слыша моих слов. Потом сказала: «Ты ошибаешься, киммериец. Я затеяла все это, чтобы вызволить темного бога из заточения. Гибель Небесного Вепря стала для него освобождением».

— Не могу поверить! Неужели королева — на стороне Тьмы?

— Нет, сын, Матген не принимает ничью сторону. Небожители избрали остров Фалль тем местом, где поддерживается Великое Равновесие между добром и злом, долженствующее царить в нашем мире. Ариман слишком близко подошел к тому, чтобы бросить вызов самому Митре, а этого Благие Боги не могли допустить. Матген сделала все, чтобы вынудить темного бога вступить в открытую битву. И проиграть. Однако Копье Дагда уничтожило лишь его телесную оболочку...

— И где же он сам?

— В тебе, во мне, в каждом живом создании и во всех вещах. Он — темная сторона всего сущего. Но когда-нибудь Ариман вновь обретет плоть. Ничтожный Тавискарон, затаившийся где-то здесь, в Железном Замке, и мнящий себя теперь Королем фоморов, станет его добычей, как стал до того немедиец Эвраст. И тогда кто-то другой явится на Инис Фалль, чтобы сразиться с темным богом.

Они стояли посреди комнаты с глухими железными стенами — Конан-киммериец, его сын, Дагеклан Железная Рука и Дукарий Аскилта Эвмолп. Юный ругорум наотрез отказался оставаться на Инис Фалль, даже на правах народного героя. Рыцарь, не бывший на пиру в Медовом Покое, явился на следующее утро задумчивый и печальный. «Я чуть было не совершил непоправимое, государь, — сказал он Конну. — Эта ночь

была как наваждение. Прекрасный сон, грозивший никогда не кончиться... Но я решил, что не следует вечно предаваться грезам, даже самым чарующим. Это было бы не по рыцарским правилам, совсем не по правилам!»

Чтобы попасть в цитадель фоморов, на сей раз не понадобилась помощь крылатого Марабуэля. Когда слова прощания были сказаны, Матген оставила их рядом с Камнем Делений. Желтоватый свет, озарявший Медовый Покой, померк, и все трое оказались в полутемной комнате без дверей и окон.

Ждать пришлось недолго: железная стена бесшумно раздвинулась, и они увидели Перекресток Миров. Сотни, тысячи огромных деревьев, вздымая ветви к небесному куполу, росли на равнине, расчерченной желтоватыми линиями каналов на ровные квадраты, и над этим невообразимым пространством висел радужный мост, начинавшийся прямо от железного порога.

— Что ж, — сказал Конан, — пришла пора расставаться, сын. Возвращайся в Тарантию и делай то, что должен. Спокойных ночей в ближайшее время не предвидится, так что остров Фалль не будет являться тебе во снах. Ты потерял здесь невесту, зато обрел верных друзей: мысля, храбрый Дукарий достоин возглавить гвардию Черных Драконов, а месьор Дагеклан — аквилонскую армию. Но сначала всем вам придется хорошенько поработать мечами... Прощайте!

Вниз вела узкая лестница, и киммериец начал спускаться туда, где на медленных водах Темной Реки ждал его корабль Хрона.

— Увидимся, отец? — Голос Конна слегка дрогнул.

Конан остановился и коснулся сильными пальцами заткнутых за кожаный пояс меча, плети и музыкального инструмента ямбаллахов.

— Кто знает, мальчик. Сам Ариман, как ты мне рассказывал, признал верховенство над прочими небожителями капризной Тихи, Богини Судьбы. Но, когда

я в прошлый раз был возле корней Мирового Древа, мы, кажется, понравились друг другу!

И его сапоги загрохотали по крутым ступеням.

— Идем, государь? — негромко спросил рыцарь.

В это время на радужном мосту появилась маленькая фигурка существа с головой ящерицы и небольшими крылышками за спиной. Фигурка подпрыгивала и призывно размахивала лапками.

Конн улыбнулся, поправил на пальце перстень с багровым камнем, и трое воинов двинулись по семицветному полотну вслед за духом-хранителем.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Олден

ДРЕВО МИРОВ

Часть первая. НАВАЖДЕНИЕ	7
Часть вторая. ТЕМНАЯ РЕКА	179
Часть третья. ГОРА И ОСТРОВ	375

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Литературно-художественное издание

КОНАН И ДРЕВО МИРОВ

Ответственный редактор **Наталья Баулина**
Главный художник **Сергей Шикин**
Художественный редактор **Екатерина Соболева**
Художник **Алексей Федоренко**
Технический редактор **Елена Шараева**
Верстка **Елена Посадова**
Корректор **Вера Чаленко**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.11.97.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Гарнитура
«Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 18 000 экз. Заказ 2380.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

«Сага о Кулле»

Тех, кто любит увлекательные
приключения Конана
и хорошо знакомы с Хайборийской эрой —
удивительной предысторией нашего мира,
ждет встреча с далеким предком
варвара-киммерийца,
легендарным правителем Валузии.

КУЛЛ И ТРОН ВАЛУЗИИ КУЛЛ И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО

«Северо-Запад»®

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окупитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

